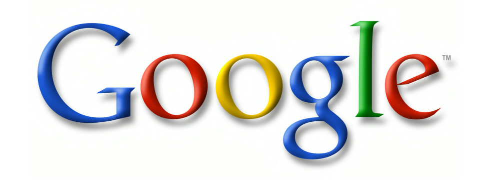
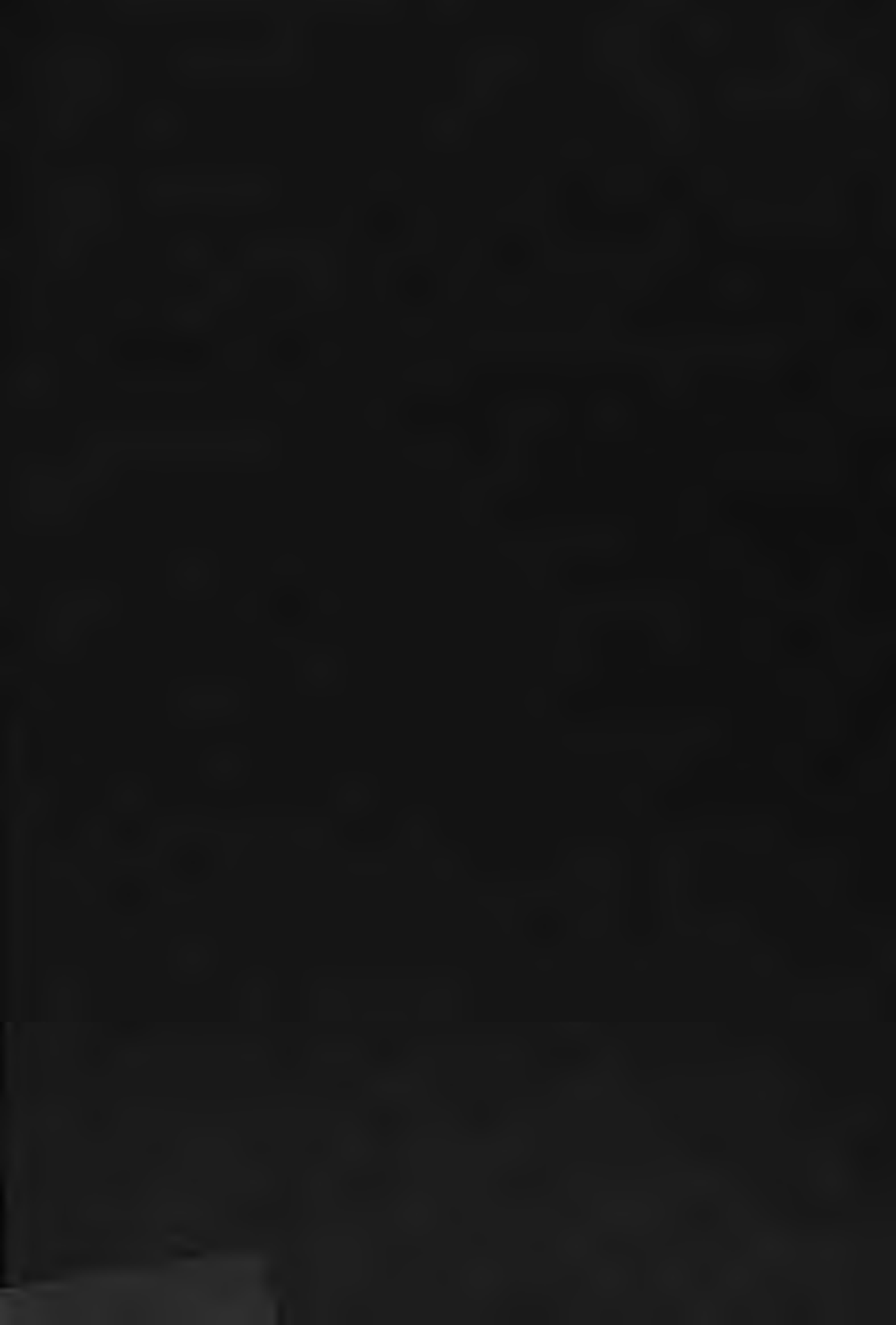
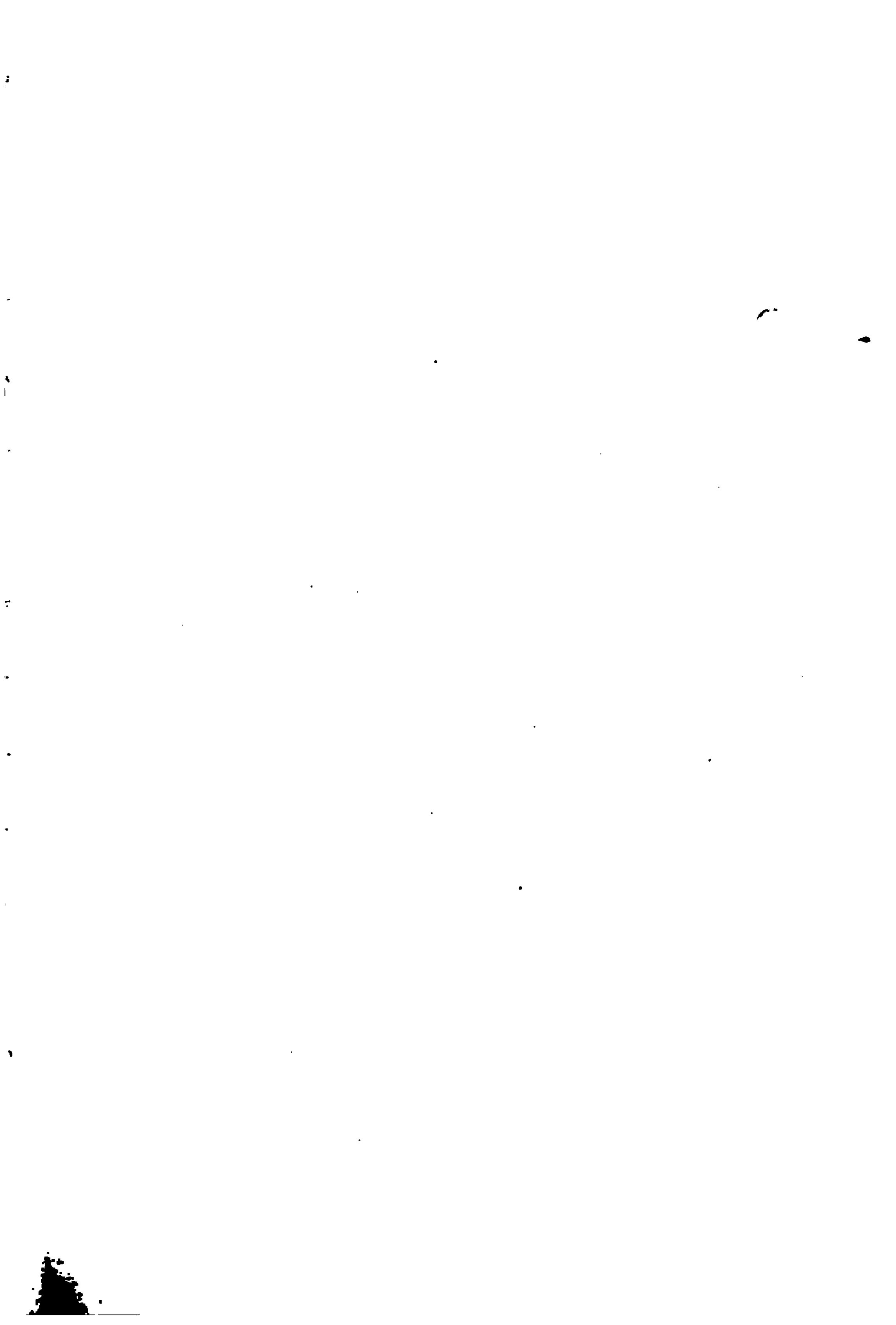

VE
RI
TS

Kornilov, Aleksandr Aleksandrovich

Библіотека „Общественной Пользы“

А. А. Корниловъ.

Очерки
с обществ. движенія въ Россіи

Очерки

по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи.

С.-Петербургъ.
1905 г.

Типогр. Товарищ. „Общественная Польза“ Больш. Подъяческ. д. 39.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крестьянскій вопросъ, выдвинутый на первый планъ въ послѣдніе годы нашей жизни, въ самое послѣднее время былъ какъ будто временно заслоненъ великими событіями настоящей минуты. Японская война выдвинула на сцену цѣлый рядъ иныхъ насущныхъ и неотложныхъ вопросовъ и наконецъ властно и настойчиво указала на необходимость коренной общей реформы нашего политическаго и административнаго строя. Крестьянскій вопросъ, — особенно поскольку онъ является вопросомъ о правовомъ положеніи и административномъ устройствѣ крестьянскаго населенія,—составляетъ въ этомъ общемъ вопросѣ несомнѣнно одну изъ важнѣйшихъ кординальныхъ частей. Всѣ остальные вопросы о преобразованіи нашего общественнаго строя и административнаго устройства исторически связаны съ ходомъ крестьянской реформы.

Когда въ пятидесятыхъ годахъ, при условіяхъ во многомъ анологичныхъ съ переживаемыми нашей страной въ настоящее время, впервые былъ рѣзко поставленъ вопросъ о необходимости коренныхъ преобразованій, крестьянскій вопросъ получилъ преобладающее значеніе, потому что для всѣхъ было ясно, что никакое серьезное преобразованіе немыслимо при существованіи крѣпостного права.

*

Крѣпостное право было отмѣнено, послѣ напряженной четырехлѣтней работы, въ которой приняли плодотворное участіе всѣ лучшіе передовые элементы страны. Паденіе крѣпостного права обусловило возможность проведенія другихъ необходимыхъ реформъ, которыя составили славу начала царствованія Александра II. Но вмѣстѣ съ тѣмъ борьба различныхъ, а иногда и противоположныхъ интересовъ и воззрѣній, начавшаяся еще при выработкѣ основныхъ положеній крестьянской реформы, вызвавшая естественное броженіе въ пробудившемся отъ долговременнаго сна обществѣ; духъ критики и оппозиціи, появившійся въ повременной печати; быстрый ростъ демократическихъ идей и стремленіе передовыхъ слоевъ общества получить вмѣстѣ съ свободой отъ административной опеки прямое участіе въ обсужденіи и рѣшеніи общественныхъ и государственныхъ дѣлъ,—все это испугало правительство и толкнуло его на путь долговременной реакціи, приведшей въ концѣ концовъ къ искаженію и частичной отмѣнѣ уже совершонныхъ преобразованій.

Сорокъ лѣтъ почти непрерывной реакціи привели насъ опять въ то положеніе, въ которомъ мы уже оказались однажды въ эпоху Крымской войны. И вторично внѣшнее пораженіе открываетъ намъ глаза на неотложность коренной реформы нашего административнаго строя. Намъ предстоитъ несомнѣнно новая эпоха реформъ, которыя должны будутъ по своему значенію служить непосредственнымъ продолженіемъ и завершеніемъ великихъ преобразованій шестидесятыхъ годовъ. Среди нихъ опять займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ крестьянскій вопросъ, такъ какъ отмѣна крѣпостного права, при всей рѣшительности реформы 19-го февраля, далеко его не разрѣшила, а послѣдующія

урѣзки, напластованія и искаженія только запутали дѣло.

Въ виду всего изложеннаго едва ли нужно разъяснять огромную важность для насъ въ настоящее время самаго внимательнаго изученія исторіи реформъ шестидесятыхъ годовъ вообще и исторіи крестьянской реформы въ частности. Напомнимъ еще разъ, что исторически съ крестьянской реформой у насъ связаны всѣ остальныя реформы, всѣ зачатки обновленія и упорядоченія нашего гражданскаго и политическаго быта. Вотъ почему я полагаю небезполезнымъ именно въ настоящее время издать въ одномъ сборникѣ тѣ свои статьи и изслѣдованія, которыми я участвовалъ по мѣрѣ силъ въ коллективномъ трудѣ многихъ современныхъ изслѣдователей надъ выясненіемъ хода законодательныхъ работъ и теченія общественной мысли главнымъ образомъ по крестьянскому вопросу.

Первая изъ статей этого сборника посвящена Н. И. Тургеневу, одному изъ самыхъ выдающихся піонеровъ крестьянскаго вопроса и русскаго освободительнаго движенія. Статья эта имѣетъ въ виду дать не столько біографію этого замѣчательнаго дѣятеля первой половины XIX столѣтія, сколько выяснить общественное значеніе и развитіе его идей въ связи съ тѣмъ общественнымъ движеніемъ, въ которомъ онъ принималъ непосредственное участіе и которое несомнѣнно исторически связано съ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ [1]).

Во *второй* статьѣ „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 г.г.“ я попытался, послѣ сжатаго очерка условій, подготовившихъ паденіе крѣпостного права въ Россіи, дать изслѣдованіе дѣятель-

---

[1]) Была помѣщена въ „Мірѣ Божіемъ“ за 1903 г., №№ 6—8.

ности губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, причемъ особенно старался выяснить происхожденіе и взаимныя отношенія различныхъ теченій общественной мысли, воплотившейся въ работахъ губернскихъ комитетовъ [1]).

Біографическій очеркъ „Ю. Ф. Самаринъ“ является какъ бы частичной иллюстраціей въ ходѣ тѣхъ же событій [2]).

Статья „Вопросъ объ административномъ устройствѣ крестьянъ во время разработки крестьянской реформы [3]), основанная главнымъ образомъ на изученіи „Матеріаловъ редакціонныхъ комиссій“, имѣла въ виду выяснить причины того неправильнаго направленія, которое съ самого же начала приняли работы редакціонныхъ комиссій именно по вопросу административнаго устройства крестьянъ. Освѣщеніе этого вопроса я потому считалъ особенно важнымъ, что проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ, опубликованный въ прошломъ году и по существу совершенно реакціонный, опирается въ то же время на основанія, установленныя въ 1861 г., какъ это выставлено на видъ его авторами.

Статья „Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ“, напечатанная въ „Русской Мысли“ за 1894 годъ, перепечатывается въ этомъ сборникѣ въ виду того, что крестьянская реформа въ Польшѣ представляла собою съ одной стороны любопытный опытъ приложенія принциповъ, на которыхъ было построено наше положеніе 19 февраля, къ своеобразнымъ условіямъ польской жизни, а съ другой стороны содержала въ себѣ

---

1) Печаталась въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1904 г. №№ 1—5.

2) Помѣщено въ „Альбомѣ дѣятелей по крестьянскому дѣлу“, изд. въ 1904 г. „Библіотекой Самообразованія“.

3) „Саратовская Земская Недѣля“ за 1904 г.

особыя черты (какъ напримѣръ, всесословное волостное устройство), небезынтересныя для изученія съ точки зрѣнія запросовъ современной русской жизни.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ для себя долгомъ выразить здѣсь мою сердечную признательность многоуважаемому В. И. Семевскому за ту цѣнную помощь полезными для меня указаніями и доставленными мнѣ матеріалами, которую онъ оказалъ мнѣ при составленіи нѣкоторыхъ работъ, вошедшихъ въ настоящій сборникъ.

А. Корниловъ.

I.

Николай Ивановичъ Тургеневъ и „Союзъ благоденствія“.

(Историческій очеркъ).

ГЛАВА I.

Семейство Тургеневыхъ.—Отецъ, братья.—Воспитаніе.—Гёттингенскій университетъ. Германія и идеи, господствовавшія въ нѣмецкомъ обществѣ въ 1807—1813 гг.—Служба Тургенева при Штейнѣ.—Личность Штейна и его миссія.—Его дѣятельность по возрожденію Германіи и его вліяніе на европейскую политику (черезъ посредство императора Александра).—Вліяніе Штейна на окончательное сформированіе нравственнаго облика Николая Тургенева.

Не имѣя въ виду писать въ настоящее время полную біографію Н. И. Тургенева, я не собиралъ матеріаловъ о его дѣтскихъ и отроческихъ годахъ и располагаю лишь очень немногими свѣдѣніями о его воспитаніи и юношескихъ связяхъ. Главная задача настоящей статьи—дать очеркъ его общественной, литературной и государственной дѣятельности, а для этой цѣли имѣется уже достаточно опубликованныхъ матеріаловъ и данныхъ, чтобы дать правильную оцѣнку этой замѣчательной личности.

Николай Тургеневъ, братъ Андрея и Александра, небезызвѣстныхъ въ нашей литературѣ по ихъ связямъ съ Жуковскимъ и другими писателями, родился въ Симбирскѣ въ 1789 году. Родъ Тургеневыхъ принадлежитъ къ числу старыхъ дворянскихъ родовъ и записанъ въ VI части дворянской родословной книги Симбирской и Московской губерній [1]). Отецъ Николая Ивановича Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ просвѣщеннымъ и весьма замѣтнымъ въ

[1]) Ник. Ив. Тургеневъ не былъ родственникомъ Ив. Серг. Тургенева, какъ думаютъ нѣкоторые. Они принадлежали къ двумъ различнымъ родамъ: Н. И.—къ симбирскому, а Ив. Серг.—къ тульскому (срав. „Энцикл. слов.“ Брокгауза и Ефрона, полутомъ 67, стр. 113).

свое время дѣятелемъ. Онъ былъ однимъ изъ выдающихся массоновъ екатерининскаго времени. Въ Симбирскѣ онъ основалъ ложу, въ которую между прочимъ принялъ молодого тогда Карамзина. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ Н. И. Новиковымъ и не только, какъ массонъ, но и какъ постоянный и близкій сотрудникъ всѣхъ издававшихся Новиковымъ журналовъ [1]). Когда Новиковъ подвергся, въ концѣ царствованія Екатерины, преслѣдованію, то и И. П. Тургеневъ отправленъ былъ въ ссылку и возвращенъ лишь при Павлѣ [2]). Въ началѣ царствованія Александра онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и кураторомъ Московскаго университета.

Иванъ Петровичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Качаловой и имѣлъ отъ нея пятерыхъ сыновей [3]): Ивана, умершаго въ дѣтствѣ, Андрея, родившагося въ 1781 году и скончавшагося въ 1803 г., Александра, родившагося въ 1785 и умершаго въ декабрѣ 1846, Николая, родившагося 11-го октября 1789 и умершаго 29-го октября 1881 г., и, наконецъ, Сергѣя, умершаго молодымъ человѣкомъ въ 1827 г., на рукахъ у брата Александра и Жуковскаго въ Парижѣ, отъ нервной болѣзни, развившейся вслѣдъ за вызовомъ его по недоразумѣнію вмѣсто брата его Николая къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ [4]).

Раннее дѣтство Николай Тургеневъ провелъ въ Симбирскѣ въ лонѣ своей просвѣщенной семьи; затѣмъ онъ переѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Москву и здѣсь поступилъ черезъ нѣсколько времени въ университетскій благородный пансіонъ, въ которомъ воспитывались и братья его Андрей и Александръ, встрѣтившіеся и подружившіеся здѣсь на всю жизнь съ В. А. Жуковскимъ. Изъ пансіона онъ перешелъ въ университетъ, а по окончаніи курса въ послѣднемъ, поѣхалъ для довершенія своего образованія за границу и поступилъ здѣсь также, какъ и его старшій братъ Александръ, въ геттингенскій университетъ, гдѣ слушалъ знаменитыхъ въ то время профессоровъ Шлецера, Геерена, Геде [5]) и другихъ.

---

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ въ книгѣ проф. Незеленова „Н. И. Новиковъ“. Спб. 1875 г., стр. 95, 124, 145, 237, 238, 407, 418, 435.

[2]) Пыпинъ. „Общественное движеніе при Александрѣ I“. Стр. 533.

[3]) Эти свѣдѣнія приведены въ некрологѣ, составленномъ И. С. Тургеневымъ. Т. X его сочиненій (изд. 2-е, 1884 г.), стр. 445—447. И. С. Тургеневъ часто бывалъ за границей у Николая Ивановича и эти свѣдѣнія получилъ несомнѣнно отъ него лично.

[4]) См. письма А. Тургенева и Жуковскаго въ „Русск. Старинѣ“ 1902 г. № 4.

[5]) Самъ Н. И. Тургеневъ особенно цѣнилъ лекціи Гёде, молодого криминалиста, преждевременно умершаго и не оставившаго по себѣ печатныхъ трудовъ. „Преподаваніе Гёде, пишетъ Тургеневъ, произвело на

Геттингенскій университетъ со второй половины XVIII-го стол. славился, какъ одинъ изъ лучшихъ разсадниковъ просвѣщенія и гуманныхъ идей въ Германіи. Въ этомъ университетѣ получили свое образованіе два величайшихъ государственныхъ дѣятеля тогдашней Германіи — баронъ Штейнъ и князь Гарденбергъ, своими великими преобразованіями положившіе начало обновленію прусскаго гражданскаго и государственнаго строя, какъ разъ въ то время, когда Николай Тургеневъ прибылъ въ Германію для завершенія своего образованія...

Это былъ замѣчательный моментъ въ исторіи Германіи. Порабощенная Наполеономъ страна, управлявшаяся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ мелкими и крупными деспотами, теперь пришла въ броженіе. Это броженіе, направленное противъ иноземнаго ига, подняло въ то же время духъ націи, и идеи, занесенныя во время революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ изъ Франціи, стали быстро распространяться въ германскомъ обществѣ. Невозможность дѣйствовать противъ завоевателя открыто привела въ Пруссіи къ возникновенію тайныхъ обществъ и организацій, дѣятельность которыхъ была однако извѣстна королю и его министрамъ. Изъ нихъ Штейнъ считался даже главнымъ фактическимъ вдохновителемъ этихъ патріотическихъ организацій. Не имѣя силы безъ содѣйствія народныхъ массъ сбросить съ себя унизительный гнетъ французовъ, самъ король обѣщалъ впослѣдствіи (въ 1813 г.) своимъ, возставшимъ противъ французовъ, подданнымъ свободу и право голоса въ государственныхъ дѣлахъ. Это освободительное движеніе, рѣзко проявившееся въ Германіи послѣ неудачнаго похода Наполеона въ Россію, подготовлялось съ 1807 года реформами Штейна и Гарденберга, приступившими къ отмѣнѣ крѣпостного права и даровавшими самоуправленіе городскимъ общинамъ. Освободительное движеніе въ Германіи поставило крестьянскій вопросъ на первый планъ, такъ что, напримѣръ, по уставу Tugendbund'а для лицъ, вступившихъ въ его члены, было обязательно прежде всего освободить своихъ крестьянъ. Въ геттингенскомъ университетѣ крестьянскій вопросъ также сосредоточивалъ на себѣ вниманіе лучшей части учащейся молодежи. Это отразилось не на одномъ Тургеневѣ, а и на другихъ его товарищахъ, слушавшихъ въ то время геттингенскихъ профессоровъ. Еще въ 1803 г. здѣсь была

меня живѣйшее впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что повязка спала съ моихъ глазъ. Я вдругъ увидѣлъ, что ходячія понятія о наказаніяхъ, о преступленіяхъ, объ осуществленіи права наказывать исчезаютъ, какъ пустые и вредные предразсудки предъ этой простой и раціональной теоріей..." „La Russie et les Russes", I, 391.

издана небольшая брошюрка (на французскомъ языкѣ) объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, написанная русскимъ дипломатическимъ чиновникомъ Фрейгангомъ, а въ 1806 г. въ Геттингенѣ же была напечатана на латинскомъ языкѣ диссертація Кайсарова „Объ освобожденіи крѣпостныхъ въ Россіи", посвященная авторомъ императору Александру и доставленная ему при посредствѣ Александра Тургенева черезъ Н. Н. Новосильцева. Авторъ этого сочиненія учился въ геттингенскомъ университетѣ вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ, а затѣмъ съ нимъ же путешествовалъ по Европѣ и по славянскимъ землямъ [1]).

Николай Ивановичъ Тургеневъ пишетъ о себѣ, что его занятія въ геттингенскомъ университетѣ усилили отвращеніе къ рабству и къ крѣпостнымъ порядкамъ, заложенное въ немъ съ дѣтства, и въ то же время просвѣтили его насчетъ неправедности тѣхъ учрежденій, которыя господствовали въ его отечествѣ [2]).

Въ бытность свою въ геттингенскомъ университетѣ онъ написалъ сочиненіе, посвященное теоріи налоговъ, въ которомъ касался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. Это сочиненіе было имъ издано впослѣдствіи въ Петербургѣ (лишь въ 1818 г.) въ переработанномъ видѣ подъ заглавіемъ „Опытъ теоріи налоговъ" [3]). Въ своемъ мѣстѣ я остановлюсь на немъ болѣе подробно.

Великія событія развивались передъ глазами молодого Тургенева. Въ 1810 году онъ видѣлъ Наполеона во время эрфуртскаго свиданія его съ Александромъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ пишетъ, что горько почувствовалъ въ тотъ моментъ униженіе Александра и преобладаніе Наполеона, который былъ тогда дѣйствительнымъ распорядителемъ судебъ Европы [4]). Вообще Тургеневу, какъ воспитаннику геттингенскаго университета, видѣвшему своими глазами притѣсненія и униженія, испытываемыя нѣмецкимъ народомъ отъ французскихъ побѣдителей, было глубоко несимпатично торжество французовъ. Впрочемъ, это не помѣшало ему нѣсколько позже понять и оцѣнить тѣ блага гражданскаго обновленія, которыя внесены были французскимъ владычествомъ въ завоеванныя французами страны. Эту сторону французскаго вліянія онъ особенно ясно почувствовалъ во

[1]) В. И. Семевскій „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка", 286—287.
[2]) „La Russie et les Russes", I, 1, 2.
[3]) „La Russie et les Russes", I, 74.
[4]) „La Russie et les Russes", I, 11.

время своего второго посѣщенія Швейцаріи и Италіи въ 1816 году. Въ 1811 году его живѣйшія симпатіи были на сторонѣ прусскихъ патріотовъ, работавшихъ въ тиши надъ возрожденіемъ народа. Упоминая въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ о героическихъ попыткахъ возстанія Шилля и другихъ несчастныхъ его сообщниковъ, Тургеневъ говоритъ: „Однако, какъ ни безнадежны казались усилія, производимыя Пруссіей, столь слабой и подавленной въ то время, они все же свидѣтельствовали, что національное чувство не умерло въ сердцахъ ея сыновъ, и обѣщали въ будущемъ несомнѣнное и славное возстановленіе“.

Вскорѣ ему пришлось принять непосредственное участіе во временной администраціи освобожденныхъ германскихъ земель и близко видѣть возрожденіе нѣмецкаго народа.

Въ началѣ 1812 года Николай Тургеневъ возвратился въ Россію и поступилъ было на службу въ коммиссію законовъ, гдѣ служилъ его братъ Александръ. Но уже въ слѣдующемъ 1813 году онъ получилъ назначеніе состоять при знаменитомъ прусскомъ реформаторѣ баронѣ Штейнѣ.

Вліяніе этой необыкновенной личности на образованіе взглядовъ и всей нравственной физіономіи Николая Тургенева было такъ велико, что нельзя не остановиться здѣсь, чтобы обрисовать хотя нѣсколькими штрихами личность и дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка [1]).

Будучи аристократомъ по происхожденію, по воспитанію и даже въ значительной мѣрѣ по своему образу мыслей, баронъ Штейнъ ставилъ, однако же, всегда на первый планъ народные интересы [2]).

[1]) Огромную біографію Штейна написалъ нѣмецкій историкъ Пертцъ „Stein's Leben, Perts, Berlin, 1850—1855, 6 томовъ. На русскомъ языкѣ собирался дать его біографію въ 1857 г. Ю. Ѳ. Самаринъ, но затѣмъ онъ вмѣсто того написалъ для „Сельскаго благоустройства“ рядъ статей подъ заглавіемъ „Упраздненіе крѣпостного права Пруссіи“, въ которыхъ содержится лишь краткій очеркъ жизни барона Штейна (См. Собраніе сочиненій Самарина. Томъ II, стр. 193, 237 и слѣдующ.). Свѣдѣнія о дѣятельности Штейна имѣются также въ 7 и 8-мъ томахъ „Исторіи XVIII вѣка“ Шлоссера. Н. И. Тургеневъ упоминаетъ о немъ многократно и даетъ краткій очеркъ его жизни въ I томѣ „La Russie et les Russes“. Стр. 293 и слѣдующ. О пребываніи Штейна въ Россіи и его вліяніи на императора Александра и на русскія дѣла вообще приводитъ интереснѣйшія свѣдѣнія, по обыкновенію, въ сжатомъ видѣ А. Н. Пыпинъ въ „Общественномъ движеніи при Александрѣ I“. Стр. 178—290.

[2]) „По его убѣжденію,—говоритъ его біографъ,—дворянинъ долженъ всегда быть готовымъ служить своими совѣтами и мечомъ государю и государству. Государь, по его мнѣнію, долженъ быть человѣкъ простой, храбрый, первый крестьянинъ своего государства, образецъ порядка, экономіи, нравственности, принадлежащій безраздѣльно душой и тѣломъ

Горячій и искренній патріотъ, онъ умѣлъ вѣрно понять коренные нужды и интересы народа и умѣлъ во-время положить правильное и твердое начало ихъ удовлетворенію. Неудивительно поэтому, что въ годину народнаго бѣдствія онъ сумѣлъ отбросить свой аристократизмъ и сдѣлался истинно-народнымъ вождемъ и главнымъ дѣятелемъ германскаго возрожденія. Призванный къ участію въ центральномъ управленіи Пруссіи еще въ 1804 году, онъ не могъ, однако, въ то время добиться довѣрія короля и необходимой свободы дѣйствій. Правдивый и рѣзкій, онъ плохо уживался въ придворной атмосферѣ, и король, Фридрихъ-Вильгельмъ не могъ спокойно выносить его независимаго и смѣлаго образа дѣйствій [1]). Однако, въ 1807 г., когда Пруссія была на краю гибели и не была совершенно уничтожена лишь благодаря заступничеству императора Александра, Фридрихъ-Вильгельмъ призвалъ Штейна къ управленію дѣлами вмѣстѣ съ княземъ Гарденбергомъ, а когда Гарденбергъ былъ вскорѣ устраненъ по требованію Наполеона, Штейнъ остался единственнымъ руководителемъ судебъ разгромленнаго ко-

---

тому сообществу, которымъ онъ управляетъ" („La Russie et les Russes", I, 299). Вотъ какъ онъ отзывался (въ одномъ изъ писемъ) о мекленбургскихъ крѣпостникахъ: „Домъ мекленбургскаго помѣщика, такъ мало заботящагося объ улучшеніи быта своихъ крестьянъ, напоминаетъ мнѣ,—писалъ Штейнъ,—нору хищнаго звѣря, опустошающаго окрестность и окружающаго себя гробовымъ безмолвіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и выгоды, имъ извлекаемыя, въ сущности, ничтожны, ибо хлѣбопашество не можетъ достигнуть полноты своего развитія и совершенства при недостаткѣ людей и напряженія человѣческихъ силъ. Въ земляхъ, гдѣ населеніе гуще и гдѣ промышленность движется свободнымъ усердіемъ, цѣнность имѣній выше, доходы изобильнѣе, сбытъ вѣрнѣе и гораздо легче приводятся въ исполненіе общеполезныя предпріятія, чѣмъ тамъ, гдѣ человѣкъ причисляется къ животному инвентарю имѣнія" (Самаринъ. „Сочиненія", т. II, 241).

[1]) Біографы Штейна приводятъ слѣдующій любопытный разсказъ, свидѣтельствующій о горячности, съ какой Штейнъ отстаивалъ свои задушевныя убѣжденія, гдѣ бы онъ ни находился. „По выступленіи французовъ изъ Москвы, когда въ Петербургѣ распространилась большая радость, Штейнъ былъ приглашенъ на обѣдъ ко двору. Императрица Марія, которая еще недавно такъ настаивала на мирѣ, много говорила о великомъ событіи и, наконецъ, сказала: „Право, если хоть одинъ человѣкъ изъ французской арміи вернется за Рейнъ на родину, я буду стыдиться, что я нѣмка!" Штейнъ поблѣднѣлъ и тотчасъ, вставши, отвѣчалъ: „В. В. очень неправы, когда говорите это, и притомъ передъ русскими, которые столько обязаны нѣмцамъ. Вамъ надо было сказать не то, что вы будете стыдиться за нѣмцевъ, а надо было назвать вашихъ родственниковъ, нѣмецкихъ государей. Я жилъ на Рейнѣ въ 1792, 1793, 1794, 1795, 1796 г. и т. д. Честный нѣмецкій народъ не былъ виноватъ; если бы ему довѣряли, если бы сумѣли воспользоваться имъ, ни одинъ французъ не перешелъ бы за Эльбу, не говоря уже за Вислу или Днѣпръ". Императрица сначала смутилась отъ этихъ рѣзкихъ словъ, но потомъ оправилась и съ достоинствомъ отвѣчала: „Быть можетъ, вы правы, баронъ; благодарю васъ за урокъ".—Пыпинъ, „Общественное движеніе", стр. 284.

ролевства. Онъ внушилъ королю мысль, что только подъемомъ всей націи можно спасти королевство, и король предоставилъ ему дѣйствовать. Онъ началъ, еще совмѣстно съ Гарденбергомъ, съ отмѣны крѣпостныхъ отношеній и съ проведенія началъ самоуправленія въ демократическіе слои населенія. Но и ему, въ свою очередь, не пришлось дѣйствовать долго. Уже въ 1808 г. французской полиціей было перехвачено его письмо къ князю Витгенштейну, которое обнаружило Наполеону его смѣлые и дальновидные планы. Штейнъ былъ не только смѣщенъ, но изгнанъ [1]). Семья его отправилась въ Ганноверъ, а онъ принужденъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жить въ различныхъ странахъ и, наконецъ, по приглашенію императора Александра, прибылъ въ Петербургъ, гдѣ былъ окруженъ почестями и знаками вниманія, хотя наотрѣзъ отказался вступить въ русскую службу [2]).

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Берлина въ 1808 году онъ оставилъ своимъ друзьямъ нѣчто вродѣ политическаго завѣщанія, которое свято и по справедливости чтилось германскими патріотами. Вотъ что писалъ онъ, между прочимъ, въ этомъ замѣчательномъ циркулярѣ [3]): „Я взялъ на свою долю внутреннее управленіе страной. Нужно было примирить домашнюю вражду въ самомъ народѣ, положить конецъ губящей насъ борьбѣ сословій, предоставить каждой личности законную свободу развитія всѣхъ ея силъ и этимъ поднять въ народѣ любовь къ государю и отечеству до полной готовности пожертвовать за нихъ имуществомъ и жизнью... Многое уже сдѣлано. Послѣднее проявленіе рабства, крѣпостное право, упразднено и воля свободныхъ гражданъ признана краеугольнымъ камнемъ, на которомъ держится престолъ. Даровано неограниченное право пріобрѣтенія собственности. Народу предоставлена

---

[1]) Въ приказѣ по случаю взятія штурмомъ Бургоса было тогда напечатано въ „Монитёрѣ“, оффиціальномъ органѣ Наполеона: „Можно бы пожелать, чтобы тѣ, которые, подобно г. Штейну, за недостаткомъ регулярныхъ войскъ, нами сокрушенныхъ, задумываютъ поднять народныя массы, могли увидѣть сами, какія бѣдствія они ведутъ за собою и какъ они безсильны противъ правильно устроенной арміи“.

„Понятно и извинительно, прибавляетъ Самаринъ,—что французское правительство клеймило Штейна прозвищемъ врага общественнаго порядка и злого революціонера; но, къ стыду высшаго берлинскаго общества, должно сказать, что эти обвиненія были ревностно подхвачены и пущены въ ходъ домашними противниками министра, уже сходившаго съ политическаго поприща“ (Самаринъ. „Сочиненія“, т. I, 269).

[2]) Онъ принялъ лишь пожалованный ему Александромъ орденъ Андрея Первозваннаго и небольшой пенсіонъ, достаточный для удовлетворенія его несложныхъ потребностей. („La Russie“, I, 295).

[3]) Ю. Ѳ. Самаринъ. „Сочиненія“, т. II, 269.

возможность собственными средствами добывать свой хлѣбъ... Новый городовой уставъ далъ городамъ право управлять собственными дѣлами... Немного шаговъ остается сдѣлать, и я беру смѣлость указать на нихъ". Затѣмъ Штейнъ указываетъ еще восемь главныхъ потребностей [1]), которыя должны быть удовлетворены для превращенія прусскаго государства изъ мертвой машины въ одно органическое цѣлое, одаренное самостоятельною жизнью. Вотъ эти принципы: 1) правленіе должно быть исключительно въ рукахъ верховной власти. „Какъ скоро, пишетъ Штейнъ, право опредѣлять и ограничивать дѣйствія согражданъ передается и покупается вмѣстѣ съ клочкомъ земли (феодализмъ), верховная власть теряетъ свое достоинство, а въ оскорбленномъ подданномъ слабѣетъ привязанность къ государю..." 2) Судья долженъ зависѣть только отъ верховной власти, потому патримоніальныя судилища должны быть уничтожены; 3) въ довершеніе уничтоженія крѣпостного состоянія должны быть уничтожены постановленія о зависимости домашней прислуги, стѣсняющія свободу, особенно въ Силезіи; 4) представительство народа устроено очень неудовлетворительно даже тамъ, гдѣ существуетъ; должно быть введено общее національное представительство, отъ этого зависитъ спасеніе или погибель прусскаго государства [2]); 5) между дворянствомъ и среднимъ сословіемъ нѣтъ никакой связи; дворянство должно быть преобразовано и поставлено въ связь съ другими сословіями; изъ этого слѣдуетъ: 6) необходимость учредить *всеобщую* обязательность службы на

---

[1]) Ф. К. Шлоссеръ. „Исторія XVIII столѣтія", т. VIII, стр. 73 (русск. перев. изд. 1860 г.).

[2]) Вотъ его аргументація по этому пункту, приводимая у Тургенева („La Russie et les Russes", I, 300): „Всенародное національное представительство необходимо. Права и могущество нашего короля всегда были и останутся для меня священны; но для того, чтобы эти права и могущество могли быть направлены къ дѣйствительному благу страны, мнѣ представляется необходимымъ придать верховной власти способъ узнавать желаніе народа и сообщать жизненность своимъ собственнымъ распоряженіямъ. Народъ, лишенный совершенно участія въ дѣлахъ страны, всегда въ концѣ концовъ смотритъ на правительство или глазами индифферентнаго къ общественному благу человѣка, или становится къ нему въ оппозицію. Тамъ, гдѣ народное представительство имѣло у насъ мѣсто, оно было недостаточно урегулировано; вотъ почему я проектировалъ предоставить право участія въ представительствѣ каждому дѣйствительному гражданину, владѣетъ ли онъ сто арпанами земли или однимъ, занимается ли онъ земледѣліемъ или какимъ-либо промысломъ, выполняетъ ли онъ какое-нибудь ремесло или привязанъ къ государству лишь интеллектуальною связью.

„По этому предмету существуетъ нѣсколько проектовъ. Отъ принятія какого-либо изъ этихъ проектовъ или отверженія ихъ зависитъ спасеніе или погибель нашей страны, потому что лишь этимъ путемъ духъ народный можетъ быть пробуженъ и оживленъ".

защиту отечества; 7) сословіе поселянъ надобно возвысить установленіемъ законныхъ правилъ къ отмѣненію обязательныхъ работъ; 8) оживленіемъ религіознаго духа (Штейнъ былъ ревностный лютеранинъ) въ народѣ и заботою о просвѣщеніи и училищахъ надобно вообще возвысить народъ. Штейнъ прибавляетъ, что по введеніи такихъ основаній для государственной жизни скоро уничтожатся мелкіе недостатки другихъ и въ особенности финансовыхъ учрежденій королевства.

Изъ этого циркуляра мы видимъ, насколько демократиченъ по своимъ тенденціямъ былъ планъ реформъ, составленный этимъ аристократомъ. Современникамъ онъ казался прямо революціоннымъ. Прусскіе дворяне въ оффиціальныхъ заявленіяхъ королю, не обинуясь, честили Штейна и Гарденберга выскочками, якобинцами, революціонерами.

Тургеневъ, еще въ Геттингенѣ пріобщившійся къ принципамъ, одушевлявшимъ лучшую часть нѣмецкаго общества, конечно, съ радостью воспользовался представившимся ему случаемъ попасть въ число сотрудниковъ великаго прусскаго реформатора. Его рекомендовалъ Штейну Уваровъ, сблизившійся со Штейномъ во время пребыванія его въ Россіи [1]). Штейнъ въ это время былъ поставленъ во главѣ временнаго центральнаго управленія областей, отвоеванныхъ у Наполеона союзными арміями. При немъ были назначены, кромѣ прусскаго комиссара и нѣсколькихъ прусскихъ чиновниковъ, комиссары австрійскій и русскій. Послѣдняя должность и была предоставлена Николаю Тургеневу.

Тургеневу въ это время было всего 24 года. Не имѣя никакой опытности, онъ, понятно, не пользовался въ этой должности вліяніемъ на дѣла и исполнялъ лишь порученія, даваемыя ему Штейномъ. Но зато самъ онъ получилъ здѣсь такое завершеніе своего политическаго и юридическаго образованія, какое не можетъ дать никакой университетъ. Находясь въ центрѣ великихъ событій, отражавшихся на судьбѣ всѣхъ европейскихъ народовъ, притомъ состоя при человѣкѣ, который имѣлъ въ то время несомнѣнно наибольшее вліяніе на императора Александра, главнаго вершителя судебъ Европы, и являясь представителемъ самыхъ либеральныхъ и благородныхъ принциповъ, Тургеневъ въ эти два года получилъ для окончанія своего образованія такъ много, какъ можетъ только

---

[1]) Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I", стр. 284.

получить человѣкъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Надо при этомъ имѣть въ виду, что Штейнъ относился съ неизмѣнной симпатіей къ своему молодому сотруднику. Имя Тургенева для него было, по его собственному выраженію, синонимомъ чести и честности [1]).

Какъ только французы были прогнаны въ концѣ 1812 г. за Нѣманъ, прусскія войска подъ командою генерала Іорка, входившія въ составъ корпуса Макдональда, отдѣлились отъ послѣдняго и заключили перемиріе съ русскими. Хотя король прусскій продолжалъ считаться до конца февраля 1813 года въ союзѣ съ Наполеономъ, но его подданные уже возстали въ это время противъ владычества французовъ. Патріоты, руководимые друзьями Штейна Шарнгорстомъ и Гнейзенау, дѣйствовали весьма энергично. Они призвали въ войска всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, уничтоживъ при этомъ привилегіи дворянства и обѣщая равныя права на повышеніе всѣмъ военнымъ. 1-го марта былъ оффиціально заключенъ оборонительный и наступательный союзъ между Россіей и Пруссіей. 19-го марта была заключена при дѣятельномъ участіи Штейна дополнительная конвенція, въ которой было между прочимъ сказано, что союзники будутъ приглашать къ сверженію французскаго ига не однихъ государей, какъ дѣлалось прежде, когда не обращали вниманія на народъ, но и народы, особенною прокламаціею. „Это значило,— поясняетъ Шлоссеръ, — что союзники будутъ призывать народы къ сверженію тѣхъ государей, которые стали бы держаться французовъ“ [2]).

Прокламація, обнародованная 17-го марта, прямо говорила, что начинающаяся война не похожа на обыкновенныя войны, что тутъ все ставится на карту и надобно погибнуть или побѣдить. Въ награду за неслыханныя усилія была именемъ короля обѣщана всѣмъ свобода и право имѣть голосъ въ государственныхъ дѣлахъ [3]). Такова была начинавшаяся народная война за освобожденіе Германіи [4]).

[1]) „La Russie et les Russes“, I, 133.
[2]) Шлоссеръ. „Исторія XVIII-го столѣтія“, VIII, 202.
[3]) Шлоссеръ. „Исторія XVIII-го столѣтія“, 202—203.
[4]) Хотя всѣ эти мѣры предпринимались прусскими патріотами въ Пруссіи, но цѣлью войны было именно освобожденіе и объединеніе Германіи. „Мое желаніе,—писалъ въ одномъ письмѣ Штейнъ,—видѣть Пруссію великой и сильной вовсе не проистекало изъ слѣпой преданности къ этой монархіи, а изъ убѣжденія, что всякое раздробленіе ослабляетъ Германію, лишаетъ ее національной гордости, національнаго чувства, препятствуетъ хорошему веденію ея хозяйства и, лишая отдѣльныхъ лицъ одного изъ величайшихъ нравственныхъ благъ, каковымъ является любовь къ отечеству, способствуетъ ихъ порчѣ“ („La Russie et les Russes“, I, 46).

Въ III-й главѣ своей книги „La Russie et les Russes“ Тургеневъ очерчиваетъ огромную роль Штейна въ событіяхъ 1813—1814 гг. Видѣвшему въ 1810 г. Наполеона въ Парижѣ наверху славы, Тургеневу пришлось теперь увидѣть Парижъ, принимавшій съ оваціями и ликованіями союзниковъ и особенно императора Александра, великодушію котораго Тургеневъ отдаетъ должное. Необыкновенная роль, которую сыгралъ этотъ монархъ, оставила въ душѣ Тургенева особое впечатлѣніе. Въ своихъ воспоминаніяхъ, при всей ихъ бѣглости, онъ останавливается довольно подробно на такихъ поступкахъ Александра, какъ поддержка имъ конституціонныхъ требованій французскихъ гражданъ и твердая рѣшимость дать конституціонное устройство Царству Польскому, несмотря на всю оппозицію этому его намѣренію не только со стороны Меттерниха, но даже и со стороны такихъ лицъ, какъ Штейнъ (который желалъ дать жителямъ Польши лишь гарантіи личной свободы и провинціальныя собранія совѣщательнаго характера) [1]). Самъ Тургеневъ, несмотря на всю авторитетность въ его глазахъ мнѣнія Штейна, стоитъ всецѣло на сторонѣ великодушнаго рѣшенія Александра. Въ своихъ мемуарахъ онъ даетъ еще и другія любопытныя черты характера Александра и условій, въ которыя онъ былъ поставленъ тогда силою сложившихся обстоятельствъ. „Онъ былъ,—пишетъ Тургеневъ,—главнымъ двигателемъ всѣхъ великихъ предпріятій; но дѣйствовать онъ могъ не при помощи приказовъ и самовластныхъ распоряженій; онъ долженъ былъ добиваться всего путемъ переговоровъ и убѣжденія. Иногда онъ вставалъ среди ночи и въ сопровожденіи адъютанта съ фонаремъ шелъ на совѣщаніе съ Шварценбергомъ [2]), котораго заставалъ въ постели. Онъ не позволялъ ему вставать и, взявъ себѣ стулъ, начиналъ разговоръ съ главнокомандующимъ. Начальникъ штаба Шварценберга, Лангенау, былъ почтенъ однажды подобнымъ же посѣщеніемъ Александра“ [3]).

Вмѣстѣ со Штейномъ Тургеневъ былъ и на вѣнскомъ конгрессѣ, куда Штейнъ, не будучи акредитованнымъ представителемъ ни одной изъ державъ, явился по выраженію Тургенева „представителемъ своего собственнаго генія“.

Въ 1815 году, когда „центральный департаментъ“, управлявшійся Штейномъ, ликвидировалъ свои дѣла, Тургеневъ былъ при-

---

[1]) „La Russie et les Russes“, I, 48—50, 310—322.

[2]) Князь Шварценбергъ — австрійскій полководецъ — былъ главнокомандующимъ союзныхъ войскъ.

[3]) „La Russie et les Russes“, I, 30.

командированъ къ бывшему русскому послу въ Парижѣ, Алопеусу, назначенному тогда генералъ-губернаторомъ занятыхъ русскими войсками французскихъ провинцій. Отъ него послѣ Штейна Тургеневу нечему было учиться, но и здѣсь его пребываніе въ смыслѣ накопленія опытности, наблюденія и практическихъ знаній было далеко небезполезно. Здѣсь ему пришлось познакомиться съ сложнымъ дѣломъ снабженія арміи припасами и принимать участіе въ разборѣ различныхъ недоразумѣній между жителями занятыхъ союзными войсками французскихъ провинцій и квартировавшими въ нихъ и проходившими по нимъ войсками. Въ заключеніе онъ еще разъ видѣлъ занятый союзниками Парижъ уже послѣ вторичнаго низложенія Наполеона; видѣлъ вторичное водвореніе Бурбоновъ и поднятое ими преслѣдованіе и казни бонапартистовъ. При этомъ онъ испытывалъ чувства подобныя тѣмъ, которыя описалъ въ недавно изданныхъ запискахъ другой его современникъ, постигнутый впослѣдствіи одинаковымъ съ нимъ приговоромъ, кн. С. Г. Волконскій [1]).

Въ концѣ 1816 года Тургеневъ возвратился въ Россію. „Оставайтесь съ нами, вамъ будетъ здѣсь лучше, чѣмъ въ вашей странѣ“,—сказалъ ему Штейнъ, когда онъ пріѣхалъ къ нему проститься передъ отъѣздомъ па родину. Но Тургеневъ, вѣрный своему долгу и патріотически настроенный, не могъ воспользоваться этимъ совѣтомъ.

---

[1]) „Записки С. Г. Волконскаго (декабриста)“. Спб. 1901 г., стр. 381 и слѣд.

ГЛАВА II.

Возвращеніе Тургенева въ Россію.—Петербургское общество того времени.—Положеніе дѣлъ въ Россіи.—Господство либеральныхъ идей среди просвѣщенной части русскаго общества.—Положеніе, которое занялъ въ ней Тургеневъ.—Близость его къ военнымъ кружкамъ.—Его научно-литературная дѣятельность.—„Опытъ теоріи налоговъ".—Дружба Тургенева съ Жуковскимъ, семьей Карамзиныхъ и связи съ арзамасцами.—Отношеніе Николая Тургенева къ Арзамасу.—Намѣреніе издавать журналъ вмѣстѣ съ Куницынымъ.

Тургеневъ возвратился въ Россію въ концѣ 1816 года, одушевленный самыми лучшими гражданскими и патріотическими намѣреніями. Онъ подробно описываетъ состояніе умовъ въ русскомъ обществѣ того времени въ своихъ мемуарахъ. „Съ войсками, возвратившимися на родину,—говоритъ онъ въ самомъ началѣ своей книги—проникли черезъ границу кой-какія либеральныя идеи: казалось, что въ Россіи должна была наступить новая эра.

„Кромѣ войскъ регулярныхъ,—пишетъ онъ далѣе,—за границей были также большія массы ополченія; эти ополченцы всѣхъ ранговъ, переходя русскую границу, возвращались по домамъ и разсказывали о томъ, что̀ видѣли въ Европѣ. Сами событія говорили громче всякаго человѣческаго голоса. Это была настоящая пропаганда. Это новое расположеніе умовъ проявлялось, главнымъ образомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были собраны военныя силы, и особенно въ Петербургѣ, который былъ средоточіемъ дѣлового міра и гдѣ былъ многочисленный гарнизонъ изъ отборныхъ войскъ".

Указавъ между прочимъ на рукописную литературу, какъ на одинъ изъ важныхъ источниковъ, по которому можно узнать о настроеніи общественнаго мнѣнія въ странахъ, гдѣ нѣтъ свободы печати [1]), Тургеневъ продолжаетъ: „Въ то время можно было ви-

---

[1]) Сравнительное показаніе Вильгельма Кюхельбекера о томъ же, приведенное у Богдановича („Исторія царствованія Александра I-го", т. VI, стр. 412).

дѣть довольно многочисленныя произведенія этого рода, замѣчательныя иногда по остротѣ сарказма, иногда по высокому и поэтическому вдохновенію. Маленькіе шедевры, неизвѣстные ранѣе, отмѣтили дни своего расцвѣта, какъ время жизни, надежды и—надо добавить — здраваго смысла и трезваго разсудка. Сама дозволенная печать принимала участіе въ этомъ движеніи умовъ. Предметы, до тѣхъ поръ недоступные публичному обсужденію, стали трактоваться въ серьезныхъ работахъ. Періодическая печать болѣе, нежели прежде, стала заниматься тѣмъ, что происходитъ въ чужихъ краяхъ и въ особенности во Франціи, гдѣ происходили опыты новыхъ учрежденій [1]). Имена извѣстныхъ французскихъ публицистовъ были въ Россіи [2]) также популярны, какъ они могли быть у себя на родинѣ, и русскіе воины, забывая великаго полководца, только что павшаго, освоивались съ именами Бенжамена Констана и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ и писателей, которые, казалось, предпринимали тогда политическое воспитаніе европейскаго континента“ [3]).

„Многіе, — продолжаетъ Тургеневъ,—возвращаясь въ Петербургъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, высказывали чрезвычайное удивленіе при видѣ перемѣны, происшедшей въ нравахъ, разговорахъ и самыхъ поступкахъ молодежи этой столицы: молодежь какъ будто пробудилась для новой жизни, чтобы воодушевляться всѣмъ, что̀ было благороднаго и чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ. Гвардейскіе офицеры въ особенности обращали на себя вниманіе свободой и смѣлостью, съ какой они высказывали свои мнѣнія, мало заботясь о томъ, гдѣ они говорили,—въ общественномъ мѣстѣ или въ частномъ домѣ, были ли тѣ, съ кѣмъ они говорили, приверженцы или противники ихъ мнѣній. Никто не думалъ о шпіонствѣ, которое въ это время было почти ничтожно и неизвѣстно“.

[1]) Т.-е. конституціи съ народнымъ представительствомъ, данной реставрированными Бурбонами по настоянію императора Александра.

[2]) Здѣсь Тургеневъ разумѣетъ, конечно, лишь тотъ слой болѣе или менѣе образованнаго общества, среди котораго онъ вращался, и главнымъ образомъ военную молодежь.

[3]) Здѣсь Тургеневъ дѣлаетъ примѣчаніе, въ которомъ обращаетъ вниманіе на то, что либеральныя идеи и конституціонныя теоріи во всей континентальной Европѣ принимались большинствомъ публики, какъ новость: „Многія вещи—замѣчаетъ онъ — представляющіяся теперь намъ просто банальными, принципы, которые теперь можно считать общими мѣстами, были новы тогда и разсматривались почти какъ открытія. Даже идеи и политическія правила, провозглашенныя во время французской революціи и въ особенности безсмертной конституантой, казалось стерлись изъ памяти народа во время войнъ республики и имперіи“. „La Russie et les Russes“, I, 65 примѣчаніе.

Правительство, какъ многимъ казалось въ то время, „не только не противилось направленію, которое повидимому принимало общественное мнѣніе, но своими дѣйствіями показывало, что его симпатіи были согласны съ симпатіями здравой и просвѣщенной части общества. Въ доказательство можно—пишетъ Тургеневъ—привести образъ дѣйствій императора въ Польшѣ. Въ рѣчи, которую онъ произнесъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, Александръ въ форменныхъ выраженіяхъ объявилъ, что намѣренъ даровать представительныя учрежденія и самой Россіи".

Правда, это продолжалось недолго. Немного времени спустя правительственная реакція обнаружилась явно. Молодые люди за неосторожныя рѣчи стали расплачиваться высылками и переводами изъ гвардіи въ армейскіе полки [1]). Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія водворились Магницкій и Руничъ и пошли преслѣдованія свободомыслящихъ и прогрессивныхъ профессоровъ [2]). И въ то самое время, какъ благосклонный цензоръ (Тимковскій) пропустилъ „Опытъ теоріи налоговъ" Тургенева, попечитель Руничъ наложилъ руку на совершенно невинную книгу его пріятеля проф. Куницына „Право естественное", причемъ самъ авторъ былъ отставленъ отъ преподаванія (въ 1818 г.) [3]).

Въ 1816 году это новое реакціонное направленіе правительства еще не было замѣтно; хотя, по справедливому замѣчанію Н. К. Шильдера, его уже можно было предчувствовать по манифесту 1 января 1816 г., написанному Шишковымъ, въ которомъ сказано было, между прочимъ, о Парижѣ, что онъ является гнѣздомъ мятежа, разврата и пагубы народной, и по поводу котораго искренно огорченный его появленіемъ Лагарпъ писалъ Александру, что онъ уже болѣе не сомнѣвается въ существованіи заговора противъ славы Александра, пріобрѣтенной имъ въ 1814 г. [4]).

Ни молодые офицеры, вернувшіеся изъ-за границы, ни самъ Н. И. Тургеневъ не предчувствовали еще тогда этого поворота въ настроеніи правительства.

Тургеневъ, сдѣлавшій (въ качествѣ гражданскаго чиновника) всю кампанію 1813—1814 гг. и остававшійся во Франціи вмѣстѣ

---

[1]) Такова, напримѣръ, ссылка Пушкина въ 1820 г., переводъ Вадковскаго изъ гвардіи въ армейскій полкъ.

[2]) Богдановичъ.—„Исторія царствованія Александра", т. V. Шильдеръ „Жизнь и царствованіе Александра I-го", т. IV.

[3]) А. П. Куницынъ (1783—1841), проф. Александровскаго лицея, которому Пушкинъ посвятилъ извѣстное стихотвореніе: „Куницыну дань сердца и вина" и проч.

[4]) Шильдеръ. „Жизнь и царствованіе Александра I-го", т. IV, 1 и 449.

съ русскими войсками, временно тамъ расположенными [1]), до 1816 года, имѣлъ среди военныхъ всѣхъ ранговъ и особенно молодежи много знакомствъ и другихъ связей. Популярность Тургенева въ военномъ кругу Петербурга была такъ велика въ это время, что для него было сдѣлано даже исключеніе изъ правилъ одной массонской ложи, въ которую вообще принимались одни лишь военные и тѣмъ не менѣе былъ принятъ и онъ, никогда не служившій въ военной службѣ [2]).

Тургеневъ много помогалъ военной молодежи, стремившейся къ самообразованію, своими разносторонними знаніями и особенно своимъ выдающимся политическимъ образованіемъ. Онъ устраивалъ для молодыхъ людей частные кружки и лекціи по политическимъ наукамъ и указывалъ имъ книги для ознакомленія съ началами политической экономіи и теоріей конституціоннаго права [3]).

Было бы, однако, ошибочно думать, что Тургеневъ велъ въ этомъ случаѣ какую-либо опредѣленную пропаганду съ опредѣленными политическими цѣлями, или даже что этого рода дѣятельность поглощала значительную часть его времени. По возвращеніи въ Россію онъ былъ назначенъ исполняющимъ должность статсъ-секретаря государственнаго совѣта въ департаментѣ экономіи, важнѣйшемъ изъ департаментовъ государственнаго совѣта. Къ этому вскорѣ присоединились весьма сложныя и отвѣтственныя работы по министерству финансовъ, въ которомъ онъ получилъ должность директора канцеляріи по кредитной части.

Независимо отъ этихъ оффиціальныхъ занятій онъ приступилъ вскорѣ по возвращеніи своемъ на родину къ обработкѣ своего ученаго трактата, первоначально составленнаго имъ еще въ Геттингенѣ. Онъ издалъ его въ 1818 г. подъ заглавіемъ „Опытъ теоріи налоговъ“.

---

[1]) Корпусъ гр. М. С. Воронцова, начальникомъ штаба котораго былъ извѣстный М. Ѳ. Орловъ, пріятель Тургенева. Впослѣдствіи Бенкендорфъ упоминалъ въ своемъ донесеніи объ особомъ вліяніи Тургеневыхъ (Н. и А.) на Воронцова (Н. К. Шильдеръ. „Жизнь и царст. Алекс.“. Т. IV. Стр. 210). При Воронцовѣ состоялъ въ это время и младшій братъ Тургенева— Сергѣй Ивановичъ — (срав. „Записки“ Н. И. Греча. Стр. 415 и слѣд., тоже въ воспоминаніяхъ Ф. Ф. Вигеля).

[2]) Пыпинъ. „Общественное движеніе“. Стр. 326.

[3]) „La Russie et les Russes“, I, 82. Бенкендорфъ въ донесеніи, поданномъ императору Александру въ 1821 г., выставлялъ Тургенева опаснѣйшимъ членомъ тайныхъ обществъ именно за эти его лекціи. Онъ утверждалъ, что „его наставленіями и побужденіями многимъ молодымъ людямъ вселенъ пагубный образъ мыслей“, и предлагалъ запретить офицерамъ посѣщать частно преподаваемые курсы, особенно политическихъ наукъ (Шильдеръ. „Жизнь и царств. Александра“, IV, 210—215).

„Безпрестанно занимаясь наукою государственнаго хозяйства,— пишетъ Тургеневъ въ предисловіи къ этой книгѣ—мы открыли много недостатковъ въ изложенной нами теоріи налоговъ, особливо въ отношеніи къ общему свойству и дѣйствію оныхъ. Замѣтно также, что о налогахъ, въ Россіи существующихъ, почти совсѣмъ не упоминается въ сей книгѣ: сіе происходитъ оттого, что книга сія написана внѣ Россіи. Извѣстно, сколь непріятно и даже неудобно передѣлывать оконченное однажды; потому я рѣшился издать мой первый опытъ въ первобытномъ его видѣ, надѣясь, что онъ будетъ для меня не послѣднимъ въ обширной области политики. Впрочемъ, я полагалъ, что изложеніе теоріи налоговъ—служащихъ основаніемъ финансовъ—какъ бы недостаточно оно ни было, не можетъ быть совершенно излишнимъ въ такое время, когда у насъ столь многіе говорятъ о финансахъ и столь немногіе о нихъ пишутъ“ [1]).

Книга эта, написанная легкимъ и изящнымъ для того времени языкомъ, даетъ очень ясное изложеніе усвоенныхъ авторомъ истинъ, господствовавшихъ въ то время въ политической экономіи и экономической политикѣ. По свидѣтельству проф. Куницына, сочиненіе Тургенева является первымъ оригинальнымъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ. Подробно излагая въ своей статьѣ содержаніе этого сочиненія, ученый критикъ не рѣшается однако сдѣлать ни одного критическаго замѣчанія объ этомъ трудѣ, къ которому онъ относится съ величайшимъ почтеніемъ. Онъ не пытается даже указать источники идей, взглядовъ и фактовъ, изложенныхъ Тургеневымъ [2]). Въ сущности, это было не самостоятельное изслѣдованіе въ области финансовъ, а лишь обстоятельно, умно и добросовѣстно составленная ученая компиляція. Главнымъ теоретическимъ основаніемъ этого трактата явились истины и идеи, провозглашенныя Адамомъ Смитомъ въ его знаменитомъ „Изслѣдованіи о природѣ и причинахъ богатства народовъ“, особенно въ книгѣ V („О доходѣ государя или государства„) [3]). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Тургеневъ въ трактатѣ

1) „Опытъ теоріи налоговъ“. Изд. 2-ое. Спб. 1819 г. Стр. VII.

2) Статья Куницына перепечатана во 2-мъ изданіи книги Тургенева вслѣдъ за предисловіемъ автора. Стр. XIX—XLI.

3) См. томъ III перевода Бибикова. Изд. 1866 года. Если мы развернемъ III томъ Адама Смита и сравнимъ главу II книги V „Объ источникахъ государственныхъ доходовъ“ съ трудомъ Тургенева, то увидимъ, что двѣ основныя главы „Опыта теоріи налоговъ“, именно: глава II—„Главныя правила взиманія налоговъ“ и глава III—„Источники и разные роды налоговъ“ составляютъ въ сущности не что иное, какъ изложеніе знаменитыхъ четырехъ правилъ или законовъ Адама Смита (стр. 185—191. Т. III перевода Бибикова) и его анализа источниковъ обложенія (стр. 191—314 русск. перевода).

своемъ обнаруживаетъ наряду съ весьма значительной, даже по тому времени необыкновенной эрудиціей умѣніе очень стройно и систематично расположить матеріалъ. Положенія, взятыя у Адама Смита, Сея, Стюарта и другихъ первоклассныхъ экономистовъ того времени, постоянно иллюстрируются авторомъ удачно подобранными примѣрами изъ исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ. Первоначально составленный очеркъ дополненъ впослѣдствіи ссылками на новѣйшую литературу, за ходомъ которой авторъ не упускалъ слѣдить и въ Россіи, и свѣжими статистическими свѣдѣніями и парламентскими отчетами (по 1816 годъ включительно). Въ двухъ-трехъ мѣстахъ сдѣланы большія примѣчанія, относящіяся къ вопросамъ и фактамъ современной автору русской дѣйствительности, довольно рѣзко и смѣло задѣвающія крѣпостное право и основаную на немъ податную систему. Къ нимъ мы возвратимся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Проявленіе этой книги вызвало въ обществѣ большую сенсацію. Не говоря о болѣе просвѣщенныхъ людяхъ, какъ адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, гр. Потоцкій, даже болѣе отсталые люди, сановники и дѣльцы стараго времени, какъ, напримѣръ, членъ государственнаго совѣта Тутолминъ, высказывали, что книга эта можетъ служить важнымъ пособіемъ даже для членовъ высшаго законодательнаго учрежденія имперіи. Государственный канцлеръ графъ Румянцевъ, прочитавъ книгу, пожелалъ лично познакомиться съ молодымъ авторомъ [1]).

Многіе удивлялись, какъ такая книга могла быть допущена цензурой, и самъ Тургеневъ считалъ большимъ счастьемъ, что ему пришлось въ этомъ случаѣ имѣть дѣло съ доброжелательнымъ цензоромъ, который, не безъ риска для себя, разрѣшилъ ее къ печати.

Въ публикѣ появленіе этого труда было сразу замѣчено и автору своему эта книга создала сразу почетную извѣстность. Общественное значеніе появленія этого труда уясняется, прежде всего, слѣдующими строками статьи Куницына: „До перевода сочиненія графа Верри мы ничего на русскомъ языкѣ не читали о государственномъ хозяйствѣ. До перевода творенія Адама Смита мы ничего не могли знать о налогахъ изъ русскихъ сочиненій, и искусство опредѣлять и собирать подати почитали непринадлежащимъ къ кругу свѣдѣній частнаго человѣка. То, что̀ непосредствен-

[1]) „La Russie et les Russes“, I, 76.

но насъ касается, почитали мы дѣломъ чуждымъ и отдаленнымъ отъ нашихъ выгодъ; то, что составляетъ общій предметъ нашего вниманія, мы признавали собственностью нѣкотораго только класса людей. Нынѣ другое получаемъ понятіе о финансахъ; *дѣло общее становится предметомъ общаго разсужденія*. Дабы убѣдиться въ пользѣ познанія государственнаго хозяйства вообще и науки финансовъ въ особенности, любопытнымъ совѣтуемъ читать предисловіе разсматриваемой нами книги“ [1]).

И „любопытныхъ“ нашлось, очевидно, не мало, потому что, не смотря на серьезность сюжета, все первое изданіе разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ и уже въ слѣдующемъ 1819 году выпущено было второе.

Предисловіе, на которое Куницинъ указываетъ, чрезвычайно знаменательно и по ясности мысли, и благородству тона.

„Кромѣ существенныхъ выгодъ,—писалъ въ этомъ предисловіи Тургеневъ,—которыя доставляетъ политическая экономія, научая, напримѣръ, не дѣлать вреда, когда стремишься къ пользѣ, она благотворна въ своихъ дѣйствіяхъ на нравственность политическую. Занимающійся политической экономіею, разсматривая систему меркантилистовъ, невольно привыкаетъ ненавидѣть всякое насиліе, самовольство и въ особенности методы дѣлать людей счастливыми вопреки имъ самимъ. Проходя систему физіократовъ, онъ пріучается любить правоту, свободу, уважать классъ земледѣльцевъ, столь достойный уваженія сограждан и особенной попечительности правительства, и потомъ, видя пользу, принесенную сею, впрочемъ неосновательною системою, убѣждается, что при самыхъ великихъ заблужденіяхъ дѣйствія людей могутъ быть благодѣтельны, когда имѣютъ источникомъ желаніе добра, чистоту намѣреній и благоволеніе къ ближнему. Система физіократовъ и происхожденіемъ и духомъ своимъ принадлежитъ XVIII-му вѣку. Тогда каждая идея о свободѣ принималась съ восхищеніемъ и быстро проникала въ умы людей, особенно во Франціи. Къ несчастью, такой энтузіазмъ не допускалъ строгаго разбора, и вредное рѣдко было отличаемо отъ полезнаго. Физіократы однимъ изъ главныхъ правилъ представляли свободу совмѣстничества (конкурренціи) въ промышленности народной: система ихъ необходимо долженствовала плѣнить современниковъ, утомленныхъ игомъ меркантилизма. Наконецъ, занимающійся политическою экономіею, проходя систему, называемую Сми-

[1]) „Опытъ теоріи налоговъ“. Изд. 2-ое. Стр. XX стат. Куницына.

*

товою, или *критическою,* научается вѣрить однимъ только изслѣдованіямъ и соображеніемъ разсудка, простому здравому смыслу, и всему, что естественно, непринужденно. Онъ и здѣсь увидитъ, что все благое основывается на свободѣ, а злое происходитъ оттого, что нѣкоторые изъ людей, обманываясь въ своемъ предназначеніи, берутъ на себя дерзкую обязанность за другихъ смотрѣть, думать, за другихъ дѣйствовать и прилагать о нихъ самое мелочное и всегда тщетное попеченіе..." [1])

Понятно, какое дѣйствіе могли вызывать подобныя строки, написанныя въ эпоху, когда аракчеевщина уже достаточно осязательно давала себя чувствовать, и мудрено ли, что графъ Аракчеевъ ужасался, что можно писать и печатать подобныя вещи. Тургеневъ намекаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Аракчеевъ только потому не принялъ по этому поводу репрессивныхъ мѣръ, что зналъ, что такія мѣры противъ Тургенева не понравятся Александру, который дорожилъ даровитымъ молодымъ человѣкомъ [2]).

Огромное общественное и воспитательное значеніе для тогдашнихъ читателей этой книги должны были имѣть такія мѣста ея, какъ требованіе въ нѣкоторыхъ странахъ народнаго согласія на взиманіе и распредѣленіе налоговъ, какъ разсужденіе о необходимости „отклоненія тяжести налоговъ отъ простого народа" или о пользѣ гласности бюджета. Разсужденіе о необходимости справедливаго распредѣленія налоговъ между лицами разныхъ сословій и классовъ общества Тургеневъ заканчиваетъ такой фразой: „Древніе римляне поставляли себѣ за честь платить тѣмъ болѣе, чѣмъ знатнѣе они были: знатные люди новѣйшаго времени, какъ мы видѣли, находятъ честь свою совсѣмъ въ противномъ".

Само собой разумѣется, что подобныя указанія не всѣмъ могли нравиться. Но еще болѣе непозволительными казались многимъ прямыя нападки автора на крѣпостной строй въ Россіи. Такъ, говоря о личныхъ повинностяхъ крѣпостныхъ людей въ Россіи, авторъ помѣстилъ въ выноскѣ особое замѣчаніе о крѣпостномъ состояніи. Указавъ въ немъ, что въ послѣднее время довольно говорили „и даже иногда писали" о крѣпостномъ правѣ, авторъ останавливается на двухъ крайнихъ мнѣніяхъ: одни (главнымъ образомъ иностранцы) сравнивали крѣпостныхъ съ африканскими невольниками, другіе сравнивали господина съ отцомъ семейства. Упомянувъ, что тогда какъ первыхъ позволялось опровергать свободно, а возраженія вто-

[1]) „Опытъ теоріи налоговъ", 2 изд., IV—VI.
[2]) „La Russie et les Russes", I, 75.

рымъ встрѣчали затрудненія, Тургеневъ поясняетъ: „Если послѣднимъ (т. е. сторонникамъ патріархальныхъ теорій) говорено было о необходимости постепеннаго дарованія крестьянамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ, если говорено было о необходимости постепеннаго ограниченія власти помѣщиковъ, которая въ дѣйствіяхъ своихъ часто бываетъ противна религіи и человѣчеству, то они дѣлали восклицаніе противъ царства разума во Франціи, какъ будто права собственности и личной свободы, на коихъ созидается благосостояніе государствъ, должны влещи за собой уничтоженіе религіи и законовъ! Пусть сіи люди взглянутъ въ исторію. Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія? Всегда и вездѣ народъ платилъ любовію, признательностью и повиновеніемъ за дѣлаемыя ему благодѣянія. Возмущенія народныя всегда происходили отъ противнаго. Но таковы люди! Введеніе добраго вездѣ легче, нежели искорененіе злого. Въ Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ въ народѣ показалось сильное стремленіе къ нравственному усовершенствованію, въ соразмѣрности съ большими успѣхами въ хорошемъ, мы гораздо менѣе отстали отъ дурного. Будемъ, однако же питать сладостную надежду, что Россія, имѣющая много другихъ преимуществъ предъ прочими государствами, станетъ на ряду съ ними и въ семъ отношеніи. Духъ времени, выгоды самихъ помѣщиковъ служатъ основаніемъ сей надеждѣ. Благоустроенное государство не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно добраго народа“.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о мѣрахъ взысканія съ неисправныхъ плательщиковъ, Тургеневъ возставалъ противъ тѣлеснаго наказанія. „Во всякомъ случаѣ—говоритъ онъ—тѣлесныя наказанія никогда не должны быть употребляемы; сіе противно не токмо достоинству человѣка вообще, но и свойству самой вещи въ особенности: налоги берутся не съ лица подданнаго, а съ его имѣнія; и такъ въ самой величайшей крайности правительство можетъ лишить его имѣнія, но никогда не должно касаться его особы“.

Послѣднюю главу своей книги авторъ посвятилъ вопросу „о бумажныхъ деньгахъ, какъ налогѣ“, причемъ изложилъ довольно подробно исторію банковъ и господствовавшія тогда въ политической экономіи теоріи денегъ и кредита. Главу эту онъ заключилъ слѣдующими словами: „Вѣкъ бумажныхъ денегъ прошелъ для те-

оріи,—и прошелъ безвозвратно. Вѣкъ кредита наступаетъ для всей Европы. Усовершенствованіе системы кредитной пойдетъ на ряду съ усовершенствованіемъ политическаго законодательства, въ особенности съ усовершенствованіемъ системы народнаго представительства. Да благословитъ небо благіе подвиги мудрыхъ правительствъ и преданныхъ отечеству гражданъ“ [1])

[1]) „Опытъ теоріи налоговъ“, 336. Въ виду того, что „Опытъ теоріи налоговъ“ представляетъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость, я укажу здѣсь вкратцѣ его содержаніе по главамъ. Въ первой главѣ „О происхожденіи налоговъ“ авторъ излагаетъ происхожденіе современныхъ системъ обложенія, относя начало ихъ къ среднимъ вѣкамъ; даетъ очеркъ феодальной системы; и выясняетъ вліяніе развитія городовъ и мирной цивилизаціи; доказываетъ необходимость налоговъ, какъ неизбѣжнаго зла, безъ котораго немыслимо существованіе государства. Здѣсь же онъ высказываетъ мысль, что по дѣйствующей въ каждомъ государствѣ системѣ налоговъ можно судить о степени его цивилизаціи. Во второй главѣ онъ излагаетъ четыре основныхъ правила всякой порядочной системы налоговъ, заимствованныя у Адама Смита, и къ нимъ прибавляетъ пятое, по которому налогъ всегда долженъ быть взимаемъ съ чистаго дохода, а не съ капитала, дабы не уничтожился самый источникъ обложенія. Всѣ эти положенія авторъ подкрѣпляетъ и иллюстрируетъ примѣрами изъ исторіи разныхъ странъ. Въ главѣ III изложены и разсмотрѣны источники и разные виды налоговъ, причемъ авторъ также придерживался Адама Смита, иллюстрируя лишь взятыя у него положенія историческими примѣрами. Попутно онъ излагаетъ и критически разсматриваетъ мнѣніе физіократовъ, Стюарта и нѣкоторыхъ другихъ писателей. Въ IV главѣ—„Собираніе налоговъ“ — Тургеневъ излагаетъ и критикуетъ откупную систему, какъ она проявилась во Франціи, Испаніи, Голландіи и у древнихъ, а затѣмъ устанавливаетъ принципы собиранія налоговъ посредствомъ правительственныхъ агентовъ и разсматриваетъ средства понужденія неисправныхъ плательщиковъ. Въ V главѣ онъ разсматриваетъ способы „уравненія налоговъ“, изслѣдуя при этомъ, при какихъ условіяхъ и на какіе классы населенія падаютъ въ дѣйствительности тѣ или другіе налоги. Тутъ онъ критикуетъ мнѣніе Канара, причемъ доказываетъ необходимость, при изслѣдованіи налоговыхъ системъ, имѣть въ виду, въ какомъ состояніи находится данное государство: „упадающемъ“, „неперемѣняющемся“ или „успѣвающемъ“. Тургеневъ старается прослѣдить распредѣленіе налоговой тяжести при каждомъ изъ этихъ трехъ состояній, постоянно приводя въ поясненіе примѣры изъ исторіи разныхъ странъ. Въ VI главѣ авторъ разсматриваетъ вліяніе налоговъ на состояніе народнаго богатства, на промыслы, движеніе народонаселенія, успѣхи цивилизаціи и нравственность народную, причемъ начинаетъ съ опроверженія различныхъ невѣрныхъ взглядовъ на этотъ предметъ. Въ концѣ главы онъ останавливается на значеніи министровъ, управляющихъ финансами, и доказываетъ необходимость гласности бюджета. Въ главѣ VII (послѣдней) авторъ разсматриваетъ вопросъ о бумажныхъ деньгахъ, какъ о своего рода налогѣ, причемъ излагаетъ довольно подробно исторію бумажныхъ денегъ и банковъ въ разныхъ странахъ и разбираетъ разные способы подъема курса бумажныхъ денегъ, причемъ указываетъ и мѣры къ прекращенію или ограниченію дѣйствія ажіотажа и спекуляцій. Въ концѣ главы авторъ высказываетъ убѣжденіе, что съ успѣхами цивилизаціи и политической свободы получатъ прочное развитіе правильныя системы государственнаго кредита.

„Опытъ теоріи налоговъ“ сильно содѣйствовалъ расширенію связей Тургенева. Впрочемъ его литературныя связи были значительны и до того времени. По своимъ родственнымъ отношеніямъ или, вѣрнѣе, по стариннымъ дружескимъ связямъ своего семейства Тургеневъ ближе всего стоялъ въ это время къ кружку арзамасцевъ. Его братья Андрей и Александръ были со школьной скамьи въ большой дружбѣ съ В. А. Жуковскимъ. Андрей Тургеневъ умеръ почти юношей въ 1803 г., успѣвъ написать лишь нѣсколько, отмѣченныхъ дарованіемъ, стихотвореній, но дружба Александра, а затѣмъ и Николая Тургеневыхъ съ Жуковскимъ съ годами росла и крѣпла. Карамзинъ, изъ-за котораго арзамасцы и ломали, главнымъ образомъ, копья, былъ землякъ Тургеневыхъ и связь его съ этимъ семействомъ началась еще во времена его молодости, когда онъ былъ введенъ въ массонскую ложу въ Симбирскѣ отцомъ Николая Ивановича И. П. Тургеневымъ. Эта дружеская связь перешла и къ дѣтямъ И. П. Тургенева и окрѣпла особенно въ виду тѣхъ литературныхъ и научныхъ услугъ, которыя Александръ Тургеневъ постоянно оказывалъ Карамзину [1]). О дружескихъ отношеніяхъ всего семейства Карамзина къ Николаю Тургеневу свидѣтельствуютъ письма, недавно напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ [2]). Эта связь не нарушалась, повидимому, и значительной разницей во взглядахъ, въ 1818 г. уже достаточно обнаружившейся. Нападая на политическое направленіе „Исторіи Государства Россійскаго“ и совершенно расходясь съ Карамзинымъ во взглядахъ на политическій строй Россіи, на польскій вопросъ и особенно на крестьянскій вопросъ, Н. И. Тургеневъ сохранилъ и въ позднѣйшія времена полное уваженіе къ его нравственному облику, къ его честному и безкорыстному отношенію къ императору Александру [3]). Мы видѣли, что одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ „Арзамаса“ Уваровъ еще въ 1812 г. рекомендовалъ Николая Тургенева Штейну. По возвращеніи въ Петербургъ въ 1816 г. Николай Ивановичъ и самъ вступилъ въ число членовъ „Арзамаса“. Литературный споръ съ представителями ветхо-завѣтнаго направленія (шишковцами), который послужилъ поводомъ для основанія „Арзамаса“, самъ по себѣ конечно мало увлекалъ Николая Тур-

---

[1]) П. Н. Милюковъ. „Главныя теченія русской исторической мысли“, I, 188, 189.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1895 г. № 12, тамъ же портретъ Н. И. Тургенева того времени.

[3]) „La Russie et les Russes“, I, 68—69 и 323.

генева, но въ этомъ спорѣ была несомнѣнно и общественная сторона, довольно ясно выразившаяся въ полемикѣ Шишкова съ Дашковымъ [1]), къ которой онъ уже не могъ относиться равнодушно. Ему также же, какъ и его другу М. Ѳ. Орлову, не нравилась шутовская внѣшность и общій легкомысленный тонъ бесѣдъ „Арзамаса“; но такъ какъ въ собраніяхъ арзамасцевъ были не одни чисто литературные разговоры и потѣшные ужины, а происходили нерѣдко и интересные споры и разговоры о текущей дѣятельности, причемъ члены кружка были безспорно люди умные, тонко образованные и прекрасно обо всемъ освѣдомленные, то Николай Тургеневъ часто посѣщалъ ихъ собранія — гораздо чаще, нежели собранія членовъ союза благоденствія, которыя вообще происходили не часто [2]). Въ своихъ воспоминаніяхъ Тургеневъ говоритъ даже, въ видѣ упрека Блудову, составителю впослѣдствіи „Донесенія“ слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ, а въ то время одному изъ главныхъ членовъ и даже иниціатору кружка арзамасцевъ—что эти разговоры при желаніи можно было бы также легко обратить въ матеріалъ для обвиненія въ государственномъ преступленіи, какъ тѣ рѣчи и фразы, которыя произносились въ собраніяхъ членовъ союза благоденствія и послужили впослѣдствіи противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ обвинительными путями [3]). Конечно, на этихъ саркастическихъ строкахъ нельзя построить вѣрнаго представленія о физіономіи „Арзамаса“, члены котораго были люди въ политическомъ отношеніи безусловно невинные и вполнѣ лояльные, но самое присутствіе въ ихъ средѣ такихъ людей, какъ Николай Тургеневъ и Ѳ. М. Орловъ [4]), съ которыми нѣкоторые изъ нихъ были и остались и послѣ 14-го декабря 1825 г. въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ

---

[1]) Е. П. Ковалевскій. „Гр. Блудовъ и его время“, 105.

[2]) „La Russie et les Russes“, I, 125.

[3]) „La Russie et les Russes“, стр. 125, т. I.

[4]) М. Ѳ. Орловъ, одинъ изъ блестящихъ молодыхъ генераловъ того времени, заключившій въ 1814 году капитуляцію Парижа, бывшій потомъ представителемъ Александра и дѣйствовавшій очень самостоятельно по вопросу о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи. Въ 1816—1821 годахъ онъ былъ участникомъ и часто иниціаторомъ многихъ либеральныхъ предпріятій того времени, имѣвшихъ политическій характеръ. О немъ въ „La Russie et les Russes“ Тургеневъ говоритъ довольно часто; срав. также у Пыпина „Общественное движеніе“, стр. 365 и др. въ „Запискахъ“ С. Г. Волконскаго, 401 и слѣд. Свѣдѣнія о характерѣ участія Орлова въ закрытіи „союза благоденствія“, приведенныя въ „Запискахъ“ Якушкина и въ „Исторіи царствованія Александра I-го“ Богдановича опровергнуты въ „Русск. Старинѣ“ сыномъ Орлова (Н. М.) въ 1871 г., IV, 775 и письмомъ гр. Граббе. 1873 г., III, 374, а равно воспоминаніями Тургенева „La Russie et les Russes“ и „Записками“ С. Г. Волконскаго.

(В. А. Жуковскій, А. И. Тургеневъ), показываетъ, какъ близко соприкасались въ это время такіе кружки, какъ „Арзамасъ“, изъ котораго вышли впослѣдствіи министры и государственные дѣятели Николаевскаго царствованія (Уваровъ, Дашковъ, Блудовъ, кн. Вяземскій и воспитатель наслѣдника престола В. А. Жуковскій), и союзъ благоденствія, изъ котораго вышли декабристы.

М. Ѳ. Орловъ пытался впрочемъ, какъ разсказываетъ Н. И. Тургеневъ, при самомъ вступленіи въ своемъ въ „Арзамасъ“, измѣнить содержаніе его бесѣдъ и вмѣсто обычной (полагавшейся по уставу) шутовской рѣчи въ похвалу какому-нибудь шишковцу, онъ произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой проводилъ мысль, что стыдно и нелѣпо серьезнымъ и образованнымъ людямъ заниматься столь легкомысленнымъ времяпрепровожденіемъ, какое принято было въ „Арзамасѣ“, въ то время, когда страна нуждается въ глубокомъ и внимательномъ обсужденіи самыхъ серьезныхъ и назрѣвшихъ народныхъ нуждъ и общественныхъ дѣлъ. Рѣчь Орлова по свидѣтельству Н. И. Тургенева произвела на членовъ кружка сильное впечатлѣніе, но большого и прочнаго вліянія на ихъ настроеніе не оказала [1]). Впрочемъ, и самый кружокъ вскорѣ распался, вслѣдствіе отъѣзда главнѣйшихъ его членовъ [2]).

На ряду съ отношеніями Тургенева къ Арзамасу здѣсь слѣдуетъ упоминать и о другихъ его литературныхъ связяхъ того времени. Такова его связь съ профессоромъ Александровскаго лицея А. П. Куницынымъ. Выше я приводилъ выписки изъ статьи Куницына о книгѣ Тургенева „Опытъ теоріи налоговъ“. Куницынъ, о которомъ съ благодарностью вспоминали его ученики-лицеисты [3]), занимался не одной преподавательской дѣятельностью. Онъ служилъ также въ комиссіи составленія законовъ, гдѣ однимъ изъ вліятельныхъ членовъ былъ А. И. Тургеневъ, и занимался литературною дѣятельностью. Въ 1818 году за книгу „Право естественное“, которую попечитель Руничъ призналъ антихристіанскою и направленною противъ союза родителей и дѣтей, онъ былъ отставленъ отъ преподаванія [4]). Около того времени Н. И. Тургеневъ собирался при

[1]) „La Russie et les Russes“, I, 126, 127. Ср. „Воспоминанія“ Ф. Ф. Вигеля, V, стр. 48, 49, 51—52.

[2]) Ковалевскій. „Графъ Блудовъ“, стр. 115. Арзамасское прозвище Тургенева было „Варвикъ“, Орлова — „Рейнъ“. Изъ будущихъ декабристовъ въ „Арзамасѣ“ участвовалъ еще Никита Михайловичъ Муравьевъ (Вигель, V, 45—50).

[3]) Достаточно вспомнить извѣстное Пушкинское стихотвореніе:
„Куницыну дань сердца и вина“ и т. д.

[4]) „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона.

его участіи издавать журналъ, о чемъ упоминается и въ донесеніи Бенкендорфа и что было поставлено Тургеневу въ вину слѣдственной комиссіей по дѣлу декабристовъ. По словамъ Тургенева, журналъ этотъ долженъ былъ быть ежемѣсячнымъ обозрѣніемъ. Предполагалось, между прочимъ, посвятить особое вниманіе вопросу судебной реформы, которою Тургеневъ въ это время довольно много занимался; Тургеневу хотѣлось провести въ русскую публику идеи современныхъ германскихъ юристовъ: Геде, Миттермайера и другихъ. Но все это предпріятіе осталось, какъ замѣчаетъ Тургеневъ, однимъ изъ тѣхъ добрыхъ намѣреній, которыми вымощенъ адъ.

ГЛАВА III.

Крестьянскій вопросъ и мѣсто, которое онъ занималъ въ міросозерцаніи и дѣятельности Тургенева.—Отношеніе къ собственнымъ крестьянамъ.—Записка, поданная Милорадовичу. — Попытка одного кружка учредить общество для освобожденія крестьянъ помѣщиками.

Главнѣйшимъ вопросомъ русской жизни, отодвигавшимъ на второй планъ всѣ другіе вопросы, Тургеневъ считалъ въ это время, какъ и впослѣдствіи вопросъ крестьянскій. Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Тургеневъ писалъ: „Принадлежа по своему происхожденію къ классу рабовладѣльцевъ, я съ дѣтства зналъ жестокія условія, въ которыхъ стонутъ эти милліоны людей въ Россіи въ цѣпяхъ рабства. Зрѣлище столь явной несправедливости живо поразило мое юное воображеніе и оставило въ душѣ моей слѣдъ, который никогда не долженъ былъ уже исчезнуть...

„Для меня, въ самомъ дѣлѣ,—пишетъ онъ далѣе,—всѣ вопросы были подчинены этому вопросу и если я, не смотря на обременявшія меня дѣла по службѣ въ государственномъ совѣтѣ и въ министерствѣ финансовъ, находилъ въ себѣ еще достаточно энергіи для изслѣдованія въ разныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ вопросовъ юридическихъ, административныхъ, финансовыхъ, то это только потому, что въ основѣ всѣхъ моихъ мыслей при этомъ лежало освобожденіе крестьянъ; въ ихъ интересахъ желалъ я успѣховъ цивилизаціи, потому что они больше всего въ этомъ нуждались и казались мнѣ болѣе всего достойными. Классъ русскихъ крестьянъ всегда былъ для меня прежде всего и преимущественно предъ другими объектомъ моихъ стремленій, тѣмъ болѣе горячихъ, что я никогда не видѣлъ, чтобы этимъ людямъ отдавали должную имъ справедливость; вопросу ихъ благосостоянія были посвящены въ это время почти всѣ мои думы и впослѣдствіи это братское чувство только усиливалось...» [1]).

[1]) „La Russie et les Russes“, I. 3.

Прослѣдивъ дѣятельность Тургенева за то время, можно съ увѣренностью сказать, что она была дѣйствительно вся сполна посвящена пропагандѣ и выясненію этого вопроса. Съ большой настойчивостью и искусствомъ онъ постоянно связывалъ всѣ экономическіе и финансовые вопросы съ крестьянскимъ, стараясь влiять и на членовъ государственнаго совѣта въ качествѣ статсъ-секретаря сперва департамента экономіи, а затѣмъ департамента гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, и въ министерствѣ финансовъ, гдѣ онъ во время своей непродолжительной службы тамъ въ качествѣ директора канцеляріи по кредитной части исполнялъ также спеціальныя законодательныя работы. Руководствуясь тѣми же стремленіями, онъ пытался пропагандировать свои идеи и въ частныхъ запискахъ, составлявшихся имъ или при его участіи независимо отъ его прямыхъ служебныхъ занятій. Съ тою же цѣлью, по его словамъ, онъ вступилъ и въ союзъ благоденствія, разсчитывая и тамъ пропагандировать эти свои излюбленныя идеи. Ниже мы займемся подробнѣе выясненіемъ его роли и характера его участія въ этомъ сообществѣ; теперь же остановимся на различнаго рода попыткахъ практическаго осуществленія и распространенія его освободительныхъ плановъ и идей.

Прежде всего заслуживаетъ вниманія отношеніе Тургенева къ его собственнымъ крѣпостнымъ людямъ. Что касается дворовыхъ людей, бывшихъ въ его личномъ распоряженіи, то онъ далъ имъ всѣмъ отпускныя. Крѣпостныхъ же крестьянъ въ родовомъ симбирскомъ имѣніи, принадлежавшихъ ему вмѣстѣ съ братьями и матерью, Н. И. Тургеневъ ѣздилъ устраивать лѣтомъ 1818 года. Онъ перевелъ ихъ тогда же съ барщины на оброкъ, причемъ обязалъ крестьянъ уплачивать лишь $^2/_3$ прежняго дохода. Нѣсколько позже онъ вошелъ съ крестьянами въ соглашеніе, которое онъ сравнивалъ впослѣдствіи съ договорами, заключавшимися на основаніи указа 2-го апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ [1]). Вопросъ, почему онъ не устроилъ своихъ крестьянъ на основаніи указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ 1803 г., остается пока не вполнѣ разъясненнымъ. Предположительное объясненіе мы можемъ найти въ томъ, что имѣніе это принадлежало не ему лично, а составляло собственность всей семьи и, слѣдовательно, Н. И. Тургеневъ могъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ членовъ своей

[1]) Ibidem, II, 342. Ср. статью В. И. Семевскаго о Н. И. Тургеневѣ въ „Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона" (полутомъ 67, стр. 107).

семьи, т.-е. двухъ братьевъ и матери. Съ другой стороны, онъ и самъ видѣлъ въ законѣ 1803 года много условій, затрудняющихъ дѣло. Къ числу ихъ онъ ошибочно (какъ это указалъ В. И. Семевскій) [1]), причислялъ необходимость надѣлить крестьянъ восьмидесятиннымъ душевымъ надѣломъ и разныя другія формальности, которыя и въ данномъ случаѣ могли затормозить дѣло [2]).

Въ декабрѣ 1819 года Н. И. Тургеневъ составилъ и подалъ гр. Милорадовичу особую записку о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, узнавъ черезъ своего пріятеля Глинку [3]), адъютанта Милорадовича, о томъ, что графъ желалъ бы мѣть записку по этому предмету для представленія ея государю [4]). Въ этой запискѣ [5]) Тургеневъ не выражалъ мысли о необходимости *немедленнаго* освобожденія крестьянъ. „Составляя эту записку,—писалъ Тургеневъ впослѣдствіи,—я употребилъ всѣ усилія, чтобы сдержать проявленіе ужаса, который внушало мнѣ рабство. Я обращался вѣдь къ человѣку и такъ уже убѣжденному. Мнѣ хотѣлось въ особенности обратить вниманіе царственнаго читателя на тотъ мракъ, которымъ крѣпостной вопросъ обволакивался въ Россіи, и на причины этого явленія; я старался показать, какъ тѣ, кто создаютъ и направляютъ общественное мнѣніе, тѣ, кто пишутъ исторію, тѣ, кто составляютъ и выполняютъ законы, будучи всѣ владѣльцами крѣпостныхъ душъ, заинтересованы въ томъ, чтобы этотъ вопросъ, обсуждался какъ можно менѣе“ [6]).

Въ самомъ началѣ своей записки Тургеневъ ставитъ вопросъ, слѣдуетъ ли желать въ Россіи расширенія политическихъ правъ, которыми пользуется привилегированное сословіе. Онъ овѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно.

„Чтобы разрѣшить по совѣсти этотъ вопросъ, надо помнить, что въ Россіи милліоны человѣческихъ существъ не пользуются даже гражданскими правами. Всякое расширеніе политическихъ правъ въ пользу дворянскаго сословія противорѣчило бы интересамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи самодержавная власть можетъ быть разсматриваема, какъ якорь спасенія въ нашей странѣ,

---

[1]) „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, т. I, стр. 279.
[2]) „La Russie et les Russes“, II, 46—50.
[3]) Полковникъ Ѳ. Н. Глинка, членъ союза благоденствія, осужденный верховнымъ уголовнымъ судомъ въ 1826 году.
[4]) „La Russie et les Russes“, II, 149.
[5]) Та записка издана впослѣдствіи Тургеневымъ въ видѣ приложенія ко II-му тому „La Russie et les Russes“, стр. 323 и слѣд.
[6]) „La Russie et les Russes“, II, 150 стр.

отъ этой только власти мы можемъ ожидать уничтоженія рабства, столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго. Непозволительно мечтать о политической свободѣ тамъ, гдѣ милліоны несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы“ [1]).

Переходя далѣе къ оцѣнкѣ того, что же сдѣлала до тѣхъ поръ эта абсолютная власть въ пользу крестьянъ, Тургеневъ писалъ:

„Что отличаетъ въ нашихъ лѣтописяхъ нынѣшнее правительство, это то, что оно думаетъ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ объ участи поселянъ. Оно отказалось отъ обычая вознаграждать за услуги государству пожалованіемъ населенныхъ имѣній; оно предприняло освобожденіе крестьянъ въ балтійскихъ провинціяхъ. Эти дѣйствія дѣлаютъ ему величайшую честь...

„Но слѣдуетъ ли удовлетворяться этими благодѣяніями и отказаться отъ надежды видѣть ихъ продолженіе? Развѣ достаточно этихъ мѣръ въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое терпѣли и продолжаютъ терпѣть милліоны крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ?

„Конечно, нѣтъ! Наша вѣра въ божественную справедливость и довѣріе къ благоразумію просвѣщеннаго и доброжелательнаго правительства заставляетъ насъ предчувствовать для Россіи наступленіе того радостнаго дня, когда ея сыны вмѣсто того, чтобы принадлежать одни другимъ, будутъ всѣ принадлежать отечеству, одному только отечеству“.

Отъ этой сладкой надежды авторъ переходитъ къ суровой дѣйствительности.

Онъ начинаетъ съ указанія, что двѣнадцать милліоновъ душъ принадлежитъ въ Россіи дворянамъ, разбогатѣвшимъ откупщикамъ и лицамъ, владѣющимъ фабриками и заводами. Указавъ мимоходомъ на бѣдственное положеніе крестьянъ на фабрикахъ и на безразсудство политики, которая установила этотъ порядокъ, авторъ подробно очерчиваетъ разницу въ положеніи крестьянъ въ барщинныхъ и въ оброчныхъ имѣніяхъ. Разъяснивъ, что рабство никогда не было установлено въ Россіи закономъ, что всего за 105 лѣтъ передъ тѣмъ крестьяне были свободны, онъ указываетъ, что простая мѣра прикрѣпленія ихъ къ землѣ превратила ихъ съ теченіемъ времени, благодаря невмѣшательству правительства и господству сильнаго, въ настоящихъ рабовъ. Тутъ-то онъ и замѣчаетъ, что если исторія не разъяснила какъ слѣдуетъ этого обстоятельства, то это лишь потому, что она писалась не крест-

[1]) Ibidem, 324.

янами, а ихъ господами. Упомянувъ о законѣ Павла I, ограничившаго барщину 3 днями въ недѣлю, Тургеневъ говоритъ, что законъ этотъ не исполняется, очевидно, по той же причинѣ, по которой русскіе историки не разъяснили незаконность постепеннаго превращенія крестьянъ въ рабовъ. Останавливаясь далѣе на вопіющихъ злоупотребленіяхъ крѣпостниковъ, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что лишь ничтожная часть изъ нихъ доходитъ до суда и преслѣдуется, а что въ огромномъ большинствѣ случаевъ всѣ такія злоупотребленія покрываются предводителями дворянства и ближайшимъ начальствомъ, какъ людьми заинтересованными въ сохраненіи существующаго порядка вещей. Указывая на рѣдкость жалобъ со стороны крестьянъ, Тургеневъ писалъ: „А главное, въ случаяхъ жалобъ, правительство не смотря на все доброжелательство къ этимъ несчастнымъ крестьянамъ, не перестаетъ твердить себѣ, что если принимать всѣ эти жалобы къ разсмотрѣнію и по каждой назначать разслѣдованіе, то это можетъ возбудить въ краѣ извѣстное безпокойство, а потому оно воздерживается и, изъ любви къ порядку, слишкомъ часто забываетъ, что слѣдовало бы любить также и справедливость“ [1]).

Упоминая, что защитники рабства любятъ заявлять, что злоупотребленія помѣщичьей властью есть вещь противузаконная и что правительство можетъ противъ виновныхъ принимать мѣры строгости, Тургеневъ старается раскрыть лицемѣріе этихъ заявленій. „Есть ли, говоритъ онъ, въ этомъ справедливость, чтобы человѣкъ, который незаслуженно терпитъ притѣсненія, долженъ былъ терпѣливо дожидаться, когда правительство соберется принять участіе въ его дѣлѣ? И какое же правительство въ мірѣ можетъ съ успѣхомъ поддерживать справедливость тамъ, гдѣ оно находитъ на одной сторонѣ всѣ права, а на другой всѣ обязанности?..“

Еще хуже положеніе дворовыхъ. „Здѣсь, по замѣчанію Тургенева, мы находимъ всѣ послѣдствія рабства во всей ихъ отвратительной наготѣ: привычка лгать, обманывать, единственная защита слабаго противъ сильнаго, и столько другихъ пороковъ, производящихъ, въ общемъ глубокую безнравственность. Но слуги не рождаются слугами, т.-е. они не рождаются со всѣми этими дурными качествами; они пріобрѣтаютъ ихъ лишь понемногу, по мѣрѣ того, какъ они старѣются въ ихъ положеніи...“

---

[1]) „La Russie et les Russes“, II, 329. По уложенію о наказаніяхъ 1845 года жалоба крестьянъ на помѣщика прямо уже признавалась дѣяніемъ запрещеннымъ и наказуемымъ.

„Неужели и здѣсь, предпринимая улучшеніе въ судьбѣ этого вида рабовъ, слѣдуетъ ограничиться для настоящаго времени лишь какими-нибудь паліативами и отложить попеченіе объ истинномъ прогрессѣ до слѣдующаго поколѣнія? Но вѣдь не легко рѣшиться жертвовать такимъ образомъ настоящимъ для будущаго. Одинъ Богъ знаетъ, будутъ ли существовать слѣдующія поколѣнія. Какъ же рѣшиться человѣку отложить до неизвѣстнаго будущаго добро, сдѣлать которое онъ можетъ безотлагательно?..“

Разсматривая далѣе различныя улучшенія, которыя можно внести въ положеніе крестьянъ, авторъ доказываетъ, что инициативы въ этомъ случаѣ нельзя ожидать отъ дворянства, представители котораго обыкновенно не живутъ въ своихъ имѣніяхъ, а иногда даже и вовсе ихъ не видали. Поэтому онъ полагаетъ, что представители дворянства, особенно богатаго, не столько враждебны реформамъ въ бытѣ крестьянъ, сколько къ нимъ равнодушны и бездѣятельны.

Онъ полагалъ даже, что многіе помѣщики въ Россіи ничего не имѣютъ противъ освобожденія крестьянъ. Наоборотъ онъ утверждалъ, что сомнѣніе въ этомъ являлось бы обидой для русскаго дворянства. „Въ самомъ дѣлѣ, какъ повѣрить, чтобы люди, посвящающіе свою жизнь отечеству, въ гражданской службѣ или на полѣ брани, вдругъ оказались бы ему невѣрны, если бы оно призвало ихъ устами своего верховнаго вождя поднять ихъ униженныхъ братьевъ, такихъ же, какъ они, сыновъ великой вѣчной Россіи?“

Итакъ, по мнѣнію Тургенева, правительству слѣдовало принять на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, и всѣ порядочные люди съ восторгомъ отозвались бы на его призывъ.

Полагая, однако, что каждый человѣкъ, не равнодушный къ общественному благу, имѣетъ право предложить проектъ уничтоженія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій, Тургеневъ высказываетъ далѣе свои предположенія это рода.

Останавливаясь, прежде всего, на чрезмѣрномъ обремененіи работой крѣпостныхъ крестьянъ, Тургеневъ указывалъ на необходимость добиться строгаго выполненія закона Павла I, для чего предлагалъ установить, что за отбытіемъ 3-хъ дневной барщины крестьяне свободны отъ исполненія всякой иной повинности. Затѣмъ, указывая опять на беззастѣнчивую эксплуатацію крестьянъ, даже женщинъ и дѣтей, на помѣщичьихъ фабрикахъ, Тургеневъ, какъ мѣру пресѣченія этого зла, предлагалъ обязать помѣщиковъ

представлять ежегодно уѣздному предводителю дворянства планъ хозяйственныхъ работъ и повинностей въ ихъ имѣніяхъ и затѣмъ эти планы публиковать во всеобщее свѣдѣніе. Онъ полагалъ, что вынося существующіе порядки на свѣтъ Божій, можно привлечь къ обсужденію ихъ общественное мнѣніе и тѣмъ самымъ устранить массу притѣсненій и злоупотребленій, совершавшихся безпрепятственно во мракѣ.

Останавливаясь далѣе на необходимости болѣе опредѣленнаго и строгаго запрещенія продажи людей безъ земли и разлученія членовъ семействъ, онъ предлагалъ запретить всякому человѣку, не владѣющему земледѣльческими имѣніями, имѣть крѣпостныхъ людей. При этомъ Тургеневъ основательно замѣчалъ, что въ подобныхъ случаяхъ законъ безъ санціи останется мертвой буквой. Въ видѣ санкціи онъ предлагалъ объявить, что всякій человѣкъ, купленный съ нарушеніемъ закона, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ свободу, и предписать судамъ немедленно признавать свободными всѣхъ тѣхъ, кто представитъ доказательство неправильности совершенной при ихъ продажѣ. Онъ полагалъ также желательнымъ воспретить обращеніе крестьянъ въ дворовые, причемъ въ случаѣ нарушенія этого запрещенія, предлагалъ и этихъ крестьянъ объявлять свободными.

Въ устраненіе жестокаго и несправедливаго обращенія господъ съ крѣпостными Тургеневъ предложилъ слѣдующія правила. Что касается дворовыхъ, находящихся въ городахъ, онъ находилъ полезнымъ установить, чтобы помѣщикъ не имѣлъ права лично наказывать или бить ихъ, предоставляя налагать и исполнять наказанія полиціи, которая однако не должна быть сведена къ роли пассивныхъ исполнителей, что противорѣчило бы достоинству правительственной власти, а должна бы подвергать наказанію виновныхъ лишь убѣдившись въ дѣйствительности проступка и сообразуя съ нимъ размѣръ наказанія. Каждый человѣкъ, самовольно наказанный или избитый помѣщикомъ, долженъ быть отпускаемъ на волю. Что касается дворовыхъ, находящихся въ деревняхъ, и крестьянъ, то ихъ наказанія должны быть регламентированы съ запрещеніемъ давать болѣе опредѣленнаго числа ударовъ и подвергать тѣлесному наказанію одного и того же человѣка чаще опредѣленнаго срока. Всѣ налагаемыя помѣщикомъ наказанія должны быть записываемы въ особый журналъ или реестръ. Тургеневъ предлагалъ также ограничить компетенцію помѣщиковъ по роду преступленій и проступковъ, передавъ большую часть ихъ въ обыкновенные суды [1]).

[1]) Тургеневъ хорошо понималъ всю недостаточность этихъ мѣръ, но считалъ, что и подобныя преобразованія, при всемъ ихъ несовершен-

Для защиты крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщичьей власти Тургеневъ проектировалъ особыя должности правительственныхъ коммиссаровъ, которые бы непосредственно наблюдали за обращеніемъ вотчинныхъ властей съ крестьянами, особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ сами помѣщики не живутъ, и принимали бы отъ крестьянъ жалобы на злоупотребленія и притѣсненія помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ. Сверхъ того, по мысли Тургенева, долженъ былъ быть учрежденъ особый губернскій комитетъ изъ губернатора, предводителя дворянства и представителя интересовъ крестьянъ, назначаемаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Этотъ комитетъ долженъ былъ бы разсматривать жалобы крестьянъ, представленныя коммиссарами, и въ потребныхъ случаяхъ назначать по нимъ разслѣдованія. Если такія разслѣдованія устанавливали бы наличность злоупотребленій и превышеній помѣщикомъ, предоставленной ему власти, то предводитель дворянства долженъ былъ принимать мѣры къ огражденію крестьянъ, отдавая имѣніе уличеннаго помѣщика въ опеку. Если же разслѣдованіемъ были обнаружены случаи, влекущіе ipso facto освобожденіе потерпѣвшаго отъ крѣпостной зависимости, то комитетъ долженъ былъ бы немедленно истребовать въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ соотвѣтствующій приговоръ. Въ подобныхъ случаяхъ Тургеневъ находилъ справедливымъ установить, чтобы вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ получала свободу и вся его семья: отецъ, дѣти, жена.

Обращаясь затѣмъ къ способамъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Тургеневъ критикуетъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Признавая его вообще мѣрой весьма благодѣтельной, онъ жаловался на излишнія формальности, требуемыя этимъ закономъ и указывалъ въ цѣляхъ поощренія помѣщиковъ къ освобожденію крестьянъ на необходимость предусмотрѣть и такіе договоры, которые оставляли бы всю землю въ рукахъ помѣщиковъ, сообщая крестьянамъ лишь личную свободу, причемъ Тургеневъ признавалъ желательнымъ предоставить крестьянамъ свободу переселеній.

Эти послѣднія замѣчанія, разобранныя В. И. Семевскимъ въ его книгѣ „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, вызывали съ его стороны основательную критику [1]).

ствѣ, были бы въ то время для крестьянъ истиннымъ благодѣяніемъ... „Благодѣяніе! — восклицаетъ Тургеневъ — А вотъ уже восемнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Тотъ, Кто искупилъ людей своею кровью, сказалъ: „любите другъ друга и дѣлайте добро вашимъ врагамъ“ („La Russie...“ II, 337).

[1]) Т. I, стр. 277—281.

Въ концѣ записки Тургеневъ указываетъ на необходимость свободнаго обсужденія вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ повременной печати.

Мѣры, предложенныя Тургеневымъ въ этой запискѣ, носятъ несомнѣнный отпечатокъ вліянія Штейна. Въ настоящее время нѣкоторыя мѣста этой записки на неподготовленнаго читателя могутъ произвести впечатлѣніе слишкомъ большого опортюнизма; но если мы сравнимъ ихъ именно съ законодательствомъ Штейна и Гарденберга и вообще съ ходомъ крестьянской реформы въ тогдашней Пруссіи, а равно примемъ въ соображеніе среду и обстоятельства, въ которыхъ составлена была эта записка, то безъ сомнѣнія должны будемъ признать, что въ глазахъ современниковъ она должна была представляться скорѣе выраженіемъ крайняго радикализма. Недаромъ же Тургенева за его взгляды честили тогдашніе консерваторы якобинцемъ и революціонеромъ, „готовымъ на все“ [1]).

Доброжелательному Милорадовичу эта записка такъ понравилась, что, когда во время чтенія ея входилъ въ комнату тотъ или другой изъ слугъ, онъ немедленно объявлялъ его свободнымъ [2]). Встрѣтивъ Тургенева въ государственномъ совѣтѣ, онъ такъ шумно выражалъ ему свое одобреніе, что Тургеневъ даже нашелъ нужнымъ шепнуть ему на ухо, чтобы онъ не компрометировалъ его такъ сильно въ глазахъ присутствовавшихъ при этомъ крѣпостниковъ [3]).

На императора Александра записка также произвела благопріятное впечатлѣніе. Онъ былъ задѣтъ за живое и сказалъ Милорадовичу, что непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь для крестьянъ, выбравъ изъ всѣхъ собранныхъ имъ записокъ самое лучшее [4]).

Около того же времени Николай Тургеневъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ участвовалъ въ другой попыткѣ обратить вниманіе правительства на крестьянскій вопросъ. Вотъ его собственный разсказъ объ этомъ весьма характерномъ для того времени эпизодѣ:

---

[1]) Сравни донесеніе Бенкендорфа у Шильдера „Жизнь и царствованіе Александра I-го“, т. IV, 213. La Russie et les Russes“, II, 148. В. И. Семевскій признаетъ, что при всей умѣренности требованій, выставленныхъ Тургеневымъ въ этой запискѣ, мѣры, имъ предложенныя, были однѣ изъ наиболѣе необходимыхъ и практичныхъ.

[2]) В. И. Семевскій („Крестьянскій вопросъ“, томъ I, 453) приводитъ этотъ эпизодъ изъ „Писемъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ 1872 г.

[3]) „La Russie et les Russes“, II, стр. 149.

[4]) „La Russie et les Russes“, II, 150.

„Два лица, отличавшіяся столько же своимъ высокимъ положеніемъ, какъ и своею просвѣщенностью, гр. Воронцовъ [1]) и князь Меншиковъ [2]), приняли однажды рѣшеніе начать дѣло освобожденія и начать его серьезно... Желая искренно успѣха своему предпріятію, они сочли важнымъ оградить его и самихъ себя отъ недоброжелательства и для этого они постарались гарантировать его отъ всякихъ ложныхъ толкованій. Они хотѣли, чтобы само правительство взяло на себя верховное руководство мѣрами, которыя они ему предлагали, и потому рѣшились ничего не предпринимать до разговора съ императоромъ. Они желали не только ознакомить его съ сущностью своего предпріятія, но и сообщить, что и другіе помѣщики имѣютъ тѣ же намѣренія относительно своихъ крѣпостныхъ. Для этого одинъ изъ нихъ составилъ нѣчто въ родѣ декларацiи, въ которой подписавшіе ее обязывались совершенно освободить своихъ крестьянъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, они просили императора разрѣшить учрежденіе общества изъ помѣщиковъ, въ составъ котораго вошли бы всѣ лица, подписавшія декларацію, и которое тотчасъ по открытии выбрало бы изъ своей среды комитетъ для выработки положенія о совершенномъ освобожденіи крестьянъ. По обсужденіи и одобреніи всѣми членами и лицами, подписавшими декларацію, проектъ положенія долженъ былъ быть представленъ министру внутреннихъ дѣлъ, который уже испросилъ бы на этотъ счетъ указанія императора. Заканчивая эту замѣчательную записку, авторъ высказалъ государю, что послѣ столькихъ тріумфовъ и славы, пріобрѣтенной Россіей, становилось неотложнымъ стереть единственное пятно, которое оставалось на имени русскомъ.

„Гр. Воронцовъ сообщилъ эту бумагу нѣкоторымъ изъ своихъ родныхъ и друзей. Она была подписана съ готовностью гр. П(отоцкимъ) и г. В(асильчиковымъ), генералъ-адъютантами императора, гр. В(оронцовымъ)-Д(ашковымъ), тогда камергеромъ и дипломатомъ, княземъ В(яземскимъ), однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ писателей,—все людьми очень богатыми, владѣвшими, въ общемъ,

[1]) Гр. М. С. Воронцовъ, впослѣдствіи князь, генералъ-губернаторъ Новороссійскій, а потомъ намѣстникъ Кавказскій (въ 1815—1818 гг. онъ былъ начальникомъ русскаго корпуса, остававшагося во Франціи).

[2]) Меншиковъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ, повидимому, тотъ самый кн. А. С. Меншиковъ, который превратился впослѣдствіи въ рѣшительнаго защитника крѣпостныхъ порядковъ и такъ неудачно командовалъ арміей въ Крыму въ 1854—1855 гг. (Семевскій. „Крестьянскій вопросъ“. I, 458).

болѣе 100.000 крѣпостныхъ. Мой братъ и я,—прибавляетъ Тургеневъ,—очень скромные помѣщики, также подписали эту записку".

„Гр. Воронцовъ взялся представить ее императору. Въ первый разъ, когда Александръ услыхалъ объ этомъ проектѣ эмансипаціи, онъ, казалось, былъ имъ очень доволенъ, выслушалъ благосклонно объясненія графа и сказалъ, что не видитъ препятствій къ осуществленію намѣреній лицъ, подписавшихъ декларацію.

„Авторы проекта, никогда не дѣлавшіе изъ него большого секрета, не думали, чтобы проектъ встрѣтилъ серьезную оппозицію; между тѣмъ какъ только одинъ изъ нихъ сообщилъ проектъ государю, нѣкоторыя лица забили тревогу и начали обычныя декламаціи противъ либераловъ и революціонеровъ. Одна придворная дама, между прочимъ извѣстная рѣзкостью своего языка, увидѣвъ между другими подписями подпись одного изъ своихъ зятьевъ, устроила ему сцену и бѣдный человѣкъ (кажется это былъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ) поспѣшилъ взять свою подпись обратно. Бумага эта—заявляли другіе—могла бы еще пройти подъ покровомъ именъ гр. Воронцова, гр. Потоцкаго и др., но имена якобинцевъ, такихъ, какъ Тургенева, не можетъ оставлять никакого сомнѣнія на счетъ революціонной цѣли этого предпріятія" [1]).

„Я не знаю,—продолжаетъ Тургеневъ,—повліялъ ли на настроеніе императора крикъ старухъ [2]); но вѣрно во всякомъ слу-

---

[1]) Годъ спустя послѣ этого предпріятія генералъ Бенкендорфъ (впослѣдствіи шефъ жендармовъ при императорѣ Николаѣ) писалъ въ своемъ донесеніи о тайныхъ обществахъ про Николая Тургенева, котораго онъ поставилъ на первомъ мѣстѣ въ спискѣ опасныхъ, по его мнѣнію, лицъ: „1. Николай Тургеневъ, который ни мало не скрываетъ своихъ правилъ, гордится званіемъ якобинца, грезитъ гильотиною и, не имѣя ничего святого, готовъ всѣмъ пожертвовать въ надеждѣ выиграть все при переворотѣ. Его то наставленіями и побужденіями многимъ молодымъ людямъ вселенъ пагубный образъ мыслей"... (Шильдеръ, н. с. IV, 212). Въ той же запискѣ Бенкендорфъ увѣряетъ, что члены тайныхъ обществъ возлагали большую надежду на гр. Воронцова, „на котораго дѣйствовали Тургеневы". (Тамъ же, 210). Шильдеръ говоритъ, что записка Бенкендорфа очень не понравилась Александру и самъ Бенкендорфъ попалъ въ немилость, въ которой и находился до конца царствованія.

Впрочемъ, около того же времени попечитель московскаго университета Голенищевъ-Кутузовъ писалъ о Карамзинѣ, что сочиненія этого опаснаго для общества и правительства литератора исполнены „вольнодумскаго и якобинскаго яда" (Ковалевскій. „Гр. Блудовъ и его время". Стр. 115).

[2]) Князь Вяземскій разсказывалъ въ своей „Исповѣди". (Сочиненія, т. II, стр. 88), что главной причиной неудачи этого предпріятія былъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, сперва подписавшій эту бумагу, а потомъ отказавшійся отъ своей подписи. Повидимому, это у него была та строгая теща, о которой упоминаетъ Тургеневъ. Быть можетъ одной изъ причинъ неудачи были и интриги извѣстнаго Каразина, который желалъ

чаѣ, что при второмъ свиданіи съ Воронцовымъ государь высказалъ колебаніе. „Для чего вамъ соединяться? сказалъ онъ въ концѣ концовъ. Подписавшіе изъ разныхъ губерній; пусть же каждый работаетъ самъ для себя и представитъ свой отдѣльный проектъ министру внутреннихъ дѣлъ“...

„И эти ледяныя слова оказались достаточными,—пишетъ Тургеневъ,—чтобы заставить графа и другихъ подписавшихся отказаться отъ ихъ плана. Мнѣ говорили, что генералъ-адъютанты, подписавшіе декларацію, встрѣчали нѣкоторое время при дворѣ очень холодный пріемъ. Одинъ изъ нихъ даже оставилъ по этому поводу службу.

„Таковъ былъ исходъ,—заключаетъ свой разсказъ Тургеневъ,—этой попытки, наиболѣе важной и наиболѣе искренней изъ всѣхъ, какія предпринимались когда-либо для уничтоженія крѣпостного права“.

принять участіе въ этомъ предпріятіи, но отъ котораго постарались отстраниться, такъ какъ онъ хотѣлъ примѣшать сюда другія весьма неблаговидныя цѣли. Объ этомъ срав. Семевскаго „Крестьянск. вопросъ въ Россіи“, т. I. стр. 454 и слѣд. и Шильдера „Жизнь и царствованіе Александра I“, IV, стр. 146.

ГЛАВА IV.

Служба Тургенева въ государственномъ совѣтѣ.—Департаментъ экономіи.—Адмиралъ Мордвиновъ и его оппозиція министру финансовъ.—Крестьянскія дѣла въ государственномъ совѣтѣ.—Вопросъ о запрещеніи продажи крестьянъ въ розницу и безъ земли въ 1820 году.—Служба Тургенева въ министерствѣ финансовъ.—Канцелярія по кредитной части.—Попытки Тургенева привести въ порядокъ кредитныя дѣла.—Проектъ преобразованія явочныхъ и гербовыхъ пошлинъ.—Выходъ Тургенева изъ министерства.—Переводъ его въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.—Значеніе этого департамента.—Милостивое увольненіе въ отпускъ, знаменательное напутствіе императора Александра.—Отъѣздъ за границу.—Леченіе.—Путешествія.—Вѣсти о 14-мъ декабря.—Привлеченіе къ дѣлу.—Записка Тургенева.—Его осужденіе.

Выше мы упоминали о томъ, что свою службу въ государственномъ совѣтѣ и въ министерствѣ финансовъ Тургеневъ разсматривалъ также, какъ одну изъ формъ дѣятельности на пользу крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. Онъ началъ свою службу въ государственномъ совѣтѣ въ департаментѣ экономіи, гдѣ ему пришлось исполнять обязанности статсъ-секретаря въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а затѣмъ былъ переведенъ въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ на ту же должность. Въ департаментѣ экономіи онъ встрѣтился съ знаменитымъ адмираломъ Н. С. Мордвиновымъ, который былъ въ это время предсѣдателемъ департамента и велъ постоянную борьбу съ министромъ финансовъ, пустымъ и тщеславнымъ графомъ Гурьевымъ. Тургеневъ отзывается объ адмиралѣ съ большимъ почтеніемъ и симпатіей, не смотря на то, что во взглядахъ на крестьянскій вопросъ они совершенно не сходились [2]). Мордвиновъ былъ убѣжденный ари-

---

[2]) Гр. Н. С. Мордвиновъ (род. 1754 г.) вскорѣ послѣ своего производства въ офицеры отправился въ Англію и поступилъ тамъ волонтеромъ во флотъ, гдѣ и пробылъ 3 года. По возвращеніи онъ быстро сдѣлалъ блестящую морскую карьеру; въ 1802 г. былъ назначенъ морскимъ министромъ. Въ 1810 г. онъ сдѣланъ былъ членомъ преобразованнаго государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента экономіи, гдѣ и оставался до 1821 г., а затѣмъ былъ переведенъ въ предсѣдатели департамента гражд. и угол. дѣлъ. Его знаменитыя мнѣнія, тщательно имъ собранныя, составляютъ 13 объемистыхъ томовъ. Его біографія написана

стократъ либеральнаго образа мыслей. Онъ полагалъ, въ противность Тургеневу, что въ Россіи главный вопросъ не крестьянскій, а политическій, и что Россіи нужно, прежде всего, учрежденіе богатой и независимой аристократіи, могущей сдерживать произволъ бюрократіи. Въ спорахъ съ Тургеневымъ, къ которому Мордвиновъ питалъ полное уваженіе, онъ это выражалъ аллегорически, утверждая, что лѣстницу всегда надо мести сверху, а не снизу. Споры эти, всегда совершенно свободные, очень увлекали собесѣдниковъ. Тургеневъ говоритъ, что, слушая его въ это время, можно было принять его за крайняго защитника абсолютизма: такъ горячо оспаривалъ онъ либерально-аристократическіе взгляды почтеннаго адмирала. „Въ вашихъ глазахъ—говорилъ Тургеневу адмиралъ,—всѣ крѣпостные святые, а помѣщики всѣ тираны“.—„Почти что такъ“, серьезно отвѣчалъ ему Тургеневъ. Несмотря на эти горячіе споры, во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ притѣсненія крестьянъ помѣщиками адмиралъ почти всегда соглашался съ Тургеневымъ и становился на сторону притѣсненныхъ. Бывали случаи, что Тургеневъ заставлялъ старика измѣнять уже высказанныя однажды мнѣнія, что тотъ впрочемъ и не колебался дѣлать, разъ убѣдившись въ ошибочности своего взгляда. По всѣмъ остальнымъ дѣламъ, поступавшимъ въ государственный совѣтъ, между Тургеневымъ и Мордвиновымъ бывало обыкновенно полное согласіе. Роль департамента экономіи, не смотря на присутствіе въ немъ такого просвѣщеннаго человѣка, какимъ былъ адмиралъ Мордвиновъ, и нѣкоторыхъ другихъ членовъ, не чуждыхъ европейской образованности и обладавшихъ недюжинными способностями, не была, однако же, въ это время велика. Она умалялась тѣмъ незаконнымъ порядкомъ внесенія дѣлъ, который мало-помалу установился благодаря вліянію гр. Гурьева на государя въ финансовыхъ дѣлахъ. Проектируя установленіе новага налога или какой-либо другой финансовой мѣры и желая избѣгнуть оппозиціи Мордвинова и другихъ членовъ, Гурьевъ испрашивалъ предварительное одобреніе государя, благодаря чему всякая оппозиція становилась безполезной и неудобной, а роль государственнаго совѣта сводилась къ простой регистраціи предъявленныхъ ему указовъ. Такой порядокъ вещей повелъ мало-по-малу къ тому, что всѣ наиболѣе активные и самостоятельные люди постарались уйти изъ департамента экономіи и самъ

пр. Иконниковымъ („Гр. Н. С. Мордвиновъ“). О проектѣ его освобожденія крестьянъ и о его мнѣніяхъ по крестьян. вопросу см. В. И. Семевскаго „Крестьянск. вопросъ въ Россіи“, т. I, 440 и слѣд. О гр. Д. А. Гурьевѣ см. „Воспом.“ Ф. Ф. Вигеля, III, стр. 84—87. Въ „Русск. Стар.“ за 1873 г. (VII, 112) характерное стихотвореніе А. Е. Измайлова объ отставкѣ Гурьева.

Мордвиновъ, взявъ отпускъ, уѣхалъ за границу. По возвращеніи оттуда онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ другого департамента—гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, куда вскорѣ пришлось перейти и Тургеневу (въ качествѣ статсъ-секретаря).

Послѣ Мордвинова предсѣдателемъ департамента экономіи назначенъ былъ графъ Головинъ. Это былъ большой баринъ, совершенно не обладавшій тѣми познаніями и талантами, которыми обладалъ адмиралъ, притомъ пріятель министра финансовъ гр. Гурьева. Однако же онъ старался быть независимымъ и, какъ свидѣтельствуетъ Тургеневъ, не страдалъ сервилизмомъ. Къ Тургеневу онъ отнесся вначалѣ недовѣрчиво, считая, что онъ слишкомъ преданъ Мордвинову, котораго Головинъ не любилъ; но вскорѣ убѣдившись, вѣроятно, въ добросовѣстности и дарованіяхъ Тургенева, онъ съ полной откровенностью признался ему въ своей неподготовленности и съ благодушной прямотой просилъ не подвести его въ какомъ-нибудь сложномъ и трудномъ вопросѣ. Между ними установились вполнѣ хорошія отношенія, и дѣла пошли попрежнему. Впрочемъ, что касается важнѣйшихъ дѣлъ, каковы бюджетъ, новыя финансовыя мѣры, установленіе новыхъ налоговъ и т д., то они, пишетъ Тургеневъ, «продолжали тоже попрежнему вноситься въ совѣтъ заранѣе рѣшенными, т.-е. одобренными императоромъ».

Крестьянскія дѣла, доходившія до государственнаго совѣта, разсматривались не въ департаментѣ экономіи, а въ другихъ департаментахъ государственнаго совѣта: дѣла судебныя (тяжебныя и уголовныя)—въ департаментѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, куда Тургеневъ перешелъ лишь впослѣдствіи (не ранѣе 1821 года), дѣла законодательнаго характера—въ департаментѣ законовъ, гдѣ обязанности статсъ-секретаря исполнялъ братъ Николая Ивановича, Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Но когда въ 1820 г. въ государственный совѣтъ внесенъ былъ по высочайшему повелѣнію важный вопросъ о запрещеніи продажи крестьянъ безъ земли, то Н. И. Тургеневу удалось принять въ разработкѣ его очень существенное участіе. Этотъ характерный эпизодъ разсказанъ Тургеневымъ во II-мъ томѣ его книги „La Russie et les Russes“, а затѣмъ съ большими подробностями онъ былъ изложенъ В. И. Семевскимъ.

Обсужденіе этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ возникло вслѣдствіе поступившихъ туда записокъ петербургскаго генералъ-губернатора Милорадовича и министра внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея по поводу обнаруженныхъ около этого времени различныхъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Одинъ помѣщикъ продалъ по-одиночкѣ изъ своей вотчины 20 женщинъ (3 вдовъ и 17 дѣвушекъ) и одну

подарилъ, вслѣдствіе чего Милорадовичъ приказалъ взять его имѣніе въ опеку; другой помѣщикъ, покупая по-одиночкѣ дѣвушекъ, составилъ у себя подневольный гаремъ; одна помѣщица, продавъ семью крѣпостныхъ, старшую дочь изъ этой семьи оставила у себя. Милорадовичъ, принимавшій, какъ мы уже видѣли, близко къ сердцу злоупотребленія помѣщичьей властью и какъ разъ около этого времени получившій и представившій государю изложенную выше записку Тургенева, обратилъ на эти дѣла серьезное вниманіе и сдѣлалъ по поводу ихъ представленіе государю о запрещеніи продавать людей безъ земли и по-одиночкѣ. Въ это время Кочубей довелъ до свѣдѣнія комитета министровъ, куда было передано и представленіе Милорадовича, о злоупотребленіяхъ одной помѣщицы Саратовской губерніи. Комитетъ министровъ препроводилъ записку Милорадовича и Кочубея въ департаментъ законовъ, который отправилъ ихъ въ комиссію для составленія законовъ. Въ томъ же году государь, будучи на конгрессѣ въ Лайбахѣ, получилъ жалобу крестьянъ, проданныхъ (въ числѣ 50 мужчинъ и 39 женщинъ) безъ земли псковскимъ помѣщикомъ Криницынымъ въ Петербургъ на чугунный заводъ шотландца Берда. Государь приказалъ комитету министровъ сдѣлать „законное положеніе“ о помѣщикѣ Криницынѣ; но комитетъ нашелъ, что Криницынъ по нашимъ законамъ могъ поступить такимъ образомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ испросить высочайшее повелѣніе, чтобы государственный совѣтъ какъ можно скорѣе занялся разсмотрѣніемъ существующихъ по этому предмету законовъ. Между тѣмъ, государь твердо увѣренъ былъ, „что продажа людей безъ земли рѣшительно давно уже запрещена“ [1]; и потребовалъ отъ комитета министровъ выписку изъ всѣхъ относящихся сюда законовъ. Въ виду этого, комитетъ министровъ просилъ доставить выписки изъ всѣхъ законовъ по этому предмету комиссіи составленія законовъ и министра юстиціи. Въ комиссіи составленія законовъ дѣло это попало къ члену комиссіи Александру Ивановичу Тургеневу (исполнявшему въ то время обязанность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ), а онъ пригласилъ частнымъ образомъ къ участію въ его разработкѣ Николая Ивановича. Братья Тургеневы соста-

[1] Въ 1808 г., состоялось запрещеніе торговли людьми на *ярмаркахъ;* еще ранѣе, въ маѣ 1802 года, данъ былъ указъ президенту академіи наукъ о непринимaніи ни отъ кого объявленіи для напечатанія въ вѣдомостяхъ относительно продажи людей безъ земли. Эти распоряженія, вѣроятно, казались императору Александру рѣшительнымъ запрещеніемъ продажи людей безъ земли. Сравн. Семевскаго н. с. т. I, стр. 241 и 468 и разговоръ Тургенева съ Кочубеемъ (La Russie et les Russes, II, 79).

вили обстоятельную записку по исторіи этого вопроса, въ которой пытались доказать, что продажа крестьянъ порознь и безъ земли никогда не была дозволена нашими законами, и ссылались на попытки прямого запрещенія, дѣлавшіяся императорами Петромъ I и Павломъ I; но такъ какъ прямого закона на этотъ счетъ все же не существовало, то они составили особый законопроектъ, который и былъ внесенъ въ совѣтъ отъ имени комиссіи законовъ ея предсѣдателемъ кн. Лопухинымъ, бывшимъ въ то же время и предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Въ проектѣ этомъ, въ основу котораго были положены принципы записки Н. И. Тургенева, поданной въ 1819 г. Милорадовичу, предполагалось: дозволить продажу, закладъ и укрѣпленіе крестьянъ не иначе, какъ цѣлыми селеніями, со всѣмъ крестьянскимъ имуществомъ; сдѣлать общую перепись дворовыхъ и запретить впредь брать крестьянъ во дворъ; впредь дворовыхъ приписывать только къ деревнямъ, а не къ городскимъ домамъ, и подати за нихъ платить не крестьянамъ, а самимъ помѣщикамъ; продажу дворовыхъ въ постороннія руки предполагалось допускать не иначе, какъ вмѣстѣ съ селеніемъ, къ которому они приписаны; дворовыхъ, принадлежащихъ дворянамъ, не имѣющимъ собственныхъ деревень, хотя и разрѣшалось приписать на первый разъ къ городскимъ домамъ, но запрещалось ихъ продавать, а позволялось лишь передавать по наслѣдству и въ приданое за дочерьми. Имѣя въ виду, что положеніе крѣпостныхъ всего тяжелѣе у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, комиссія предложила, чтобы имѣнія въ нѣсколько сотъ душъ не могли быть дробимы при отчужденіи на части менѣе ста душъ, тѣ же, въ которыхъ число крестьянъ уже менѣе этого количества, отчуждались бы не иначе, какъ въ полномъ составѣ. Переселеніе крестьянъ предполагалось разрѣшать помѣщикамъ лишь по представленіи ими удостовѣренія, что въ новомъ мѣстѣ владѣлецъ устроилъ крестьянскіе дома и другія хозяйственныя заведенія, необходимыя для крестьянъ, и что они будутъ пользоваться тамъ не меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ въ прежнемъ мѣстѣ жительства. *Крѣпостныхъ, относительно которыхъ будутъ нарушены установленныя правила, комиссія предлагала объявлять свободными*. Проектъ оканчивался заявленіемъ, что только изданіемъ такого закона можетъ быть исполнено намѣреніе императора Петра I, причемъ замѣчалось, что если законодательство XIX-го в. не можетъ идти далѣе законодательства XVIII-го столѣтія, то оно „по крайней мѣрѣ не должно отставать отъ него“.

Этотъ проектъ встрѣтилъ въ департаментѣ законовъ страстное сопротивленіе адмирала Шишкова, который, будучи, очевидно, хорошо освѣдомленъ о томъ, кто истинные авторы этого проекта, писалъ впослѣдствіи въ своихъ запискахъ: „всякъ изъ насъ почувствовалъ, до какой степени простиралась охота и свобода законодательствовать. Каждый мальчикъ (!) выдавалъ себя за Ликурга и Солона“ [1]). Онъ и въ оффиціально составленной по этому поводу запискѣ отъ лица департамента законовъ писалъ: „Въ то время, какъ почти всѣ государства Европы мятутся, наше любезное отечество пребываетъ и будетъ пребывать въ мирѣ. Это спокойствіе, основанное на славѣ, которою наше отечество покрылось въ послѣдніе годы, не свидѣтельствуетъ ли, что оно пользуется большимъ благоденствіемъ, нежели прочія страны? Не свидѣтельствуетъ ли оно также о чистотѣ нравовъ, которыхъ до настоящаго времени ничто не возмутило? На что же перемѣны въ законахъ, перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей? И *откуда* сіи перемѣны? *Изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ... сіи подъ видомъ свободы ума разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ!*“ [2]).

На эти нападки коммиссія законовъ представила въ государственный совѣтъ объясненія, гдѣ было высказано, что предложенныя измѣненія настоятельно вызываются неясностью и неопредѣленностью существующаго законодательства, что эти измѣненія не имѣли и не могли имѣть никакой связи съ политическими революціями того времени въ западной Европѣ и что мысль о нихъ не могла быть заимствована изъ тѣхъ странъ, волненія въ которыхъ привлекали тогда общественное вниманіе, т. е. изъ Испаніи и неаполитанскаго королевства, такъ какъ ни та, ни другая страна не отличались развитіемъ своихъ школъ и особеннымъ просвѣщеніемъ...

Этотъ инцидентъ „наглядно показываетъ,—замѣчаетъ въ своей книгѣ Тургеневъ—каково было тогда въ Россіи положеніе тѣхъ, которые требовали, даже съ одобренія самодержавной власти, самыхъ простыхъ гарантій для несчастныхъ, совершенно лишенныхъ

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что Александру Тургеневу шелъ въ это время 36-ой, а Николаю—32-ой годъ, причемъ оба они давно уже занимали высокое служебное положеніе.

[2]) Не имѣя подъ руками текста этой знаменитой филиппики пресловутаго президента россійской академіи, вы вынуждены цитировать по французскому переводу Николая Тургенева и только конецъ цитаты приводимъ по выпискѣ В. И. Семевскаго.

покровительства закона, какимъ подозрѣніямъ и обвиненіямъ подвергались они, желая нѣсколько облегчить ужасное положеніе рабовъ“ [1]).

Эта отповѣдь, подписанная почтеннымъ старцемъ кн. Лопухинымъ, еще болѣе раздражила Шишкова, который продолжалъ бушевать по этому поводу и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Однако, въ общемъ собраніи значительное большинство членовъ оказалось на сторонѣ проекта, и онъ былъ уже принятъ, когда все дѣло рушилось вслѣдствіе неожиданнаго заявленія гр. Кочубея, который предложилъ уже послѣ голосованія, вполнѣ гармонировавшаго съ его собственными взглядами [2]), передать проектъ для новаго разсмотрѣнія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ и канулъ въ Лету.

Такъ неудачно кончились эти попытки двинуть крестьянскій вопросъ хотя бы на путь частичныхъ болѣе или менѣе серьезныхъ улучшеній въ бытѣ крестьянъ.

Во время службы Тургенева статсъ-секретаремъ департамента экономіи, ему предложено было министромъ финансовъ принять одновременно должность директора канцеляріи по кредитной части. Тургеневъ, съ университетскихъ лѣтъ занимавшійся вопросами государственнаго хозяйства и финансами, охотно принялъ это предложеніе, не смотря на личную (вполнѣ основательную) антипатію къ министру финансовъ гр. Гурьеву. Усилія Тургенева и здѣсь направились, разумѣется, на защиту народныхъ интересовъ, которые весьма существенно задѣвались въ департаментѣ, ввѣренномъ его управленію. Въ канцеляріи его сосредоточивались всѣ кредитныя дѣла, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, какъ по нашимъ государственнымъ долгамъ и займамъ, такъ и по долгамъ и займамъ различныхъ лицъ, учрежденій и странъ нашему государственному казначейству. Особенный безпорядокъ царилъ въ отношеніи суммъ, выданныхъ въ долгъ различнымъ лицамъ по распоряженію императора. Рѣшено было привести въ ясность эти долги и соединить управленіе ими въ однѣхъ рукахъ съ цѣлью добиться, если возможно, правильнаго ихъ возвращенія въ казну. Заведя для этихъ долговъ особую бухгалтерію, Тургеневъ убѣдился, что общая сумма ихъ превышаетъ 100.000.000 рублей. Онъ попытался установить пра-

[1]) „La Russie et les Russes“, II, 78.

[2]) Не говоря о томъ, что Кочубей, участникъ либеральныхъ плановъ начала царствованія Александра, былъ, какъ замѣчаетъ Тургеневъ, человѣкъ просвѣщенный и гуманный, въ данномъ случаѣ онъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ возбужденія вопроса.

вильное поступленіе процентовъ и погашенія, но это оказалось невозможнымъ. „Должники,—замѣчаетъ онъ съ грустной ироніей,— которые пользовались у императора достаточнымъ кредитомъ, чтобы получить ссуду, сохраняли этотъ кредитъ въ достаточной мѣрѣ и для того, чтобы уклоняться отъ уплатъ. Въ другихъ случаяхъ въ отношеніи суммъ, ссуженныхъ съ безразсуднымъ стремленіемъ поощрить учрежденіе различнаго рода фабрикъ и мануфактуръ, правительству казалось слишкомъ жестокимъ взыскивать эти ссуды съ фабрикантовъ, почти разорившихся съ своими неудачными предпріятіями. Самыми аккуратными должниками, наиболѣе пунктуально выполнявшими обязательства, были крестьяне, которымъ государь выдалъ въ ссуду четыре или пять милліоновъ рублей для выкупа ихъ на волю...

„Не смотря на явныя потери, которыя казна терпѣла отъ частныхъ ссудъ, просьбы и разрѣшенія ихъ не переставали возобновляться. Тутъ и вліяніе министра оказывалось безсильнымъ. Просители обращались непосредственно къ государю, который не умѣлъ отказывать. Такъ при Тургеневѣ выданы были въ ссуду милліоны князю Разумовскому, бывшему послу въ Вѣнѣ, подъ весьма недостаточное обезпеченіе его земель. „Въ этотъ разъ—замѣчаетъ Тургеневъ — по крайней мѣрѣ было установлено прямо, что взносъ процентовъ и погашеніе долга должно начинаться лишь послѣ смерти заемщика...“

Тургеневъ приводитъ курьезные примѣры уловокъ, на которыя пускались различныя лица, чтобы получить ссуду. Такъ однажды ему были переданы одновременно два письма одной и той же важной барыни, которая, желая получить въ ссуду два милліона рублей, написала письмо государю съ большимъ достоинствомъ и гордостью, соотвѣтственной обычной манерѣ, съ какою она держала себя въ свѣтѣ; но къ министру она же писала не только въ почтительныхъ, а прямо въ унизительныхъ выраженіяхъ. Очевидно, ловкая барыня писала каждому въ томъ тонѣ, который вѣрнѣе обезпечивалъ ей успѣхъ.

Любопытныя свѣдѣнія приводитъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ, какъ министръ финансовъ распоряжался съ суммами контрибуціи, которую въ это время Франція выплачивала Россіи. Онъ былъ очень внимателенъ и неравнодушенъ къ срокамъ этихъ поступленій, потому что они поступали въ чрезвычайный доходъ, не входившій въ смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ. „При болѣе благоразумномъ государственномъ хозяйствѣ—

замѣчаетъ Тургеневъ—онъ шелъ бы на удовлетвореніе какихъ-либо чрезвычайныхъ нуждъ государства, напримѣръ, на покрытіе издержекъ войны, какъ въ Австріи. Но, къ сожалѣнію, я видѣлъ, что онъ употреблялся на текущіе расходы, чтобы заткнуть дыры, которыя образовывались въ бюджетѣ изъ-за удовлетворенія различныхъ капризовъ или просто маніи расходовать. Такъ значительную часть этихъ суммъ употребили на покупку сукна въ Англіи для императорской гвардіи, другая часть была употреблена на украшеніе арміи польскаго королевства и города Варшавы. Въ общемъ, русская казна выплачивала ежегодно на этого рода предметы польской казнѣ семнадцать милліоновъ рублей" [1]). Въ результатѣ такого хозяйничанья графъ Гурьевъ палъ, когда поступленія изъ Франціи прекратились, а между тѣмъ потребовались деньги на помощь голодавшимъ въ Смоленской губерніи вслѣдствіе неурожая крестьянамъ.

Независимо отъ управленія кредитной канцеляріей, въ бытность Тургенева въ министерствѣ финансовъ ему поручались спеціальныя законодательныя работы, ради которыхъ онъ и поступилъ туда главнымъ образомъ. Въ этихъ работахъ онъ всегда старался такъ или иначе выдвинуть крестьянскій вопросъ и интересы крѣпостныхъ крестьянъ. Выдающимся примѣромъ такой работы являлся составленный имъ проектъ преобразованія явочныхъ пошлинъ и гербоваго сбора. Въ основаніе этого проекта имъ были положены тѣ же идеи современной экономической науки, которыя онъ развивалъ въ своемъ „Опытѣ теоріи налоговъ": но наиболѣе любопытной чертой проекта являлась, конечно, та его часть, къ которой Тургеневъ пристегнулъ свои освободительныя идеи. По прежнему уставу при продажѣ имѣній пошлины исчислялись соотвѣтственно числу душъ крѣпостныхъ крестьянъ, принадлежавшихъ къ имѣнію. Указавъ на грубость и неуравнительность этой оцѣнки, Тургеневъ, котораго возмущала именно неизбѣжность оцѣнивать человѣческія души, доказывалъ въ своей запискѣ необходимость болѣе правильной оцѣнки имѣній при помощи кадастра. Онъ указывалъ при этомъ весьма основательно на тѣ неудобства, которыя возникаютъ вслѣдствіе оцѣнки имѣній единственно по числу душъ. При такой оцѣнкѣ приходится игнорировать совершенно спеціальныя выгоды каждаго имѣнія и оцѣнивать всѣ имѣнія по цѣнности наименѣе доходныхъ, потому что

[1]) „La Russie et les Russes", I, 102. Въ царствѣ польскомъ былъ въ это время конституціонный режимъ, который препятствовалъ производству подобныхъ расходовъ изъ казначейства царства польскаго.

въ противномъ случаѣ владѣльцамъ самыхъ малодоходныхъ имѣній пришлось бы платить налогъ, несоразмѣрный ихъ стоимости. Вслѣдствіе этого обстоятельства правительство при подушной оцѣнкѣ лишало себя возможности обложить повышенной пошлиной болѣе доходныя имѣнія, что значительно уменьшало его доходъ отъ явочныхъ и гербовыхъ пошлинъ. Съ другой стороны, наличность правильной оцѣнки имѣній дала бы возможность и кредитнымъ учрежденіямъ принимать ее въ расчетъ при залогѣ имѣній, обходясь безъ новыхъ спеціальныхъ оцѣнокъ и другихъ затруднительныхъ и дорого стоющихъ формальностей. Лично Тургеневу представлялось особенно важнымъ замѣнить подушную оцѣнку имѣній хотя бы самымъ поверхностнымъ кадастромъ, потому что онъ считалъ это первымъ шагомъ къ замѣнѣ подушной подати подоходнымъ или поземельнымъ налогомъ, введеніе котораго значительно облегчило бы по его расчету паденіе крѣпостного права, сдѣлавъ его безполезнымъ въ фискальномъ отношеніи. Въ этомъ соображеніи и заключался главный побудительный поводъ, заставлявшій Тургенева довольно детально разработать этотъ вопросъ. Понимая, однако, что при тогдашнихъ средствахъ правильный кадастръ былъ совершенно невозможенъ, потому что онъ растянулъ бы все дѣло на безконечное число лѣтъ, Тургеневъ придумалъ весьма остроумную мѣру, которая могла въ значительной степени его замѣнить. Онъ предложилъ учредить особые губернскіе оцѣночные комитеты изъ делегатовъ землевладѣльцевъ съ однимъ лишь правительственнымъ чиновникомъ въ интересахъ надзора за правильностью дѣйствій этихъ комитетовъ. Каждый помѣщикъ долженъ былъ самъ доставлять комитету матеріалы для оцѣнки его имѣнія, требовать въ извѣстныхъ случаяхъ экспертизы на мѣстѣ, участвовать въ обсужденіи представленныхъ данныхъ и выражать свое согласіе или несогласіе, на сдѣланную комитетомъ, оцѣнку. Такая оцѣнка могла бы служить одинаково основаніемъ и для исчисленія явочиыхъ и гербовыхъ пошлинъ при переходѣ имѣнія въ другія руки и для опредѣленія величины ссуды, которая можетъ быть выдана подъ каждое имѣніе кредитными учрежденіями. Это двоякое значеніе оцѣнокъ должно было гарантировать, по мнѣнію Тургенева, правильность показаній, потому что если помѣщикамъ выгодно было бы умалить цѣнность имѣнія при исчисленіи пошлинъ, то, наоборотъ, имъ взамѣнъ этого выгодно было бы ихъ преувеличить при опредѣленіи величины ссуды, какая можетъ быть выдана подъ залогъ имѣнія. Министръ финансовъ не рѣшился, однако, отступить въ этомъ слу-

чаѣ отъ рутины, и эта часть проекта Тургенева не была даже представлена въ государственный совѣтъ. Весь же проектъ подвергнутъ былъ пересмотру другого чиновника, которому это было поручено тайно отъ Тургенева; затѣмъ проектъ разсматривался въ совѣтѣ министра, куда Тургеневъ не былъ приглашенъ. Это послѣднее обстоятельство вынудило Тургенева отказаться отъ службы въ министерствѣ финансовъ, что онъ и сдѣлалъ немедленно, къ удивленію министра, не привыкшаго къ такой щепетильности со стороны своихъ подчиненныхъ, и остался лишь статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта. Когда же проектъ, составленный министерствомъ на основаніи матеріаловъ, разработанныхъ Тургеневымъ, поступилъ въ государственный совѣтъ, Тургеневъ отказался его докладывать въ департаментѣ въ устраненіе всякихъ нареканій со стороны министерства. Поэтому критику на проектъ написалъ самъ адмиралъ Мордвиновъ. Однако, въ общемъ собраніи Тургеневъ счелъ уже неудобнымъ отказываться прочесть журналъ соединенныхъ департаментовъ, разсматривавшихъ проектъ, и прочелъ этотъ журналъ, редактированный Мордвиновымъ по обыкновенію во враждебномъ министерству финансовъ духѣ, въ присутствіи самого гр. Гурьева. Проектъ провалился, такъ какъ большинство членовъ совѣта согласились съ доводами адмирала; но взбѣшенный неудачей Гурьевъ приписалъ все это интригамъ Тургенева и принесъ на него жалобу государю. Государь передалъ разсмотрѣніе этого проекта особой комиссіи изъ Аракчеева, Сперанскаго и еще нѣкоторыхъ лицъ, и проектъ былъ утвержденъ вопреки мнѣнію государственнаго совѣта; Тургеневъ же получилъ выговоръ. Ему государь велѣлъ черезъ государственнаго секретаря сказать, „что онъ очень имъ недоволенъ, что у него большой запасъ терпѣнія, но что и оно можетъ истощиться“. Тургеневъ отвѣчалъ на это, что онъ тотчасъ же представитъ оправдательную записку. Черезъ два дня записка была доставлена къ государю. Неизвѣстно, какое она произвела впечатлѣніе; но немного времени спустя Тургеневъ былъ переведенъ изъ департамента экономіи въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Если принять во вниманіе, что государь получилъ уже въ это время донесеніе генерала Бенкендорфа, въ которомъ Тургеневъ выставленъ былъ крайнимъ якобинцемъ и революціонеромъ, мечтавшимъ о гильотинѣ, то нельзя не признать, что обстоятельства складывались не особенно благопріятно для Тургенева и что императору Александру дѣлаетъ большую честь тотъ фактъ, что, несмотря на всѣ клеветы и извѣты, онъ не поколебался оста-

вить Тургенева въ должности статсъ-секретаря государственнаго совѣта.

Переводъ въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ могъ быть Тургеневу только пріятенъ. Во-первыхъ, департаментъ экономіи, въ виду особаго порядка внесенія въ него финансовыхъ вопросовъ, былъ въ это время низведенъ до степени инстанціи, лишь регистрирующей финансовыя мѣры всякаго рода. Во-вторыхъ, въ департаментѣ гражданскихъ дѣлъ онъ становился вновь въ прямыя отношенія къ адмиралу Мордвинову, къ которому онъ чувствовалъ неизмѣнное уваженіе, и въ третьихъ—и это для него было самое главное—въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ поступали всѣ доходившія до государственнаго совѣта дѣла по спорамъ между помѣщиками и крестьянами и по дѣламъ о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью.

Тургеневъ имѣлъ утѣшеніе говорить впослѣдствіи, что за его время въ государственномъ совѣтѣ не было случая, чтобы крѣпостные, отыскивавшіе свободу, проиграли свое дѣло, или чтобы помѣщикъ, виновный въ злоупотребленіи властью, остался безнаказаннымъ. Въ этомъ случаѣ крестьяне находили неизмѣнно въ Тургеневѣ такого краснорѣчиваго и хорошо вооруженнаго защитника своихъ интересовъ, что даже старикъ Мордвиновъ, въ принципѣ не соглашавшійся съ нимъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ обыкновенно убѣждался его доводами. Тургеневъ признается въ своихъ воспоминаніяхъ, что при томъ хаосѣ въ законахъ, какой существовалъ до изданія свода законовъ, въ подобныхъ дѣлахъ многіе прежде, чѣмъ установить законное основаніе для рѣшенія дѣла, старались изъ обстоятельствъ дѣла выяснить себѣ, на чьей сторонѣ правда, а затѣмъ уже подыскивали въ подтвержденіе рѣшенія тотъ законъ, какой имъ казался наиболѣе подходящимъ къ данному случаю. Тургеневъ, который понималъ, конечно, безобразіе такого порядка съ точки зрѣнія права, самъ однако же прибѣгалъ къ нему каждый разъ, когда дѣло касалось отысканія свободы отдѣльными крестьянами, а иногда и цѣлыми общинами. Въ дѣлахъ о злоупотребленіи помѣщичьей власти Тургеневу больше всего приходилось спорить съ Мордвиновымъ, который былъ обыкновенно противъ суровыхъ мѣръ въ отношеніи провинившихся помѣщиковъ. Въ этихъ то случаяхъ онъ и говаривалъ съ упрекомъ Тургеневу, что для него всѣ крѣпостные святые, а всѣ помѣщики тираны. Тѣмъ не менѣе Тургеневу всегда удавалось подобрать путемъ дѣятельной пропаганды своего взгляда большинство въ общемъ собраніи совѣта въ

пользу самыхъ суровыхъ мѣръ обузданія помѣщичьяго произвола; а однажды онъ добился, вопреки мнѣнію почти всѣхъ членовъ совѣта, пересмотра одного такого дѣла, касавшагося какого-то отставного генерала, учинявшаго въ своемъ имѣніи невообразимыя жестокости. Тургеневу помогъ въ этомъ Е. Ф. Канкринъ, который и пошелъ въ данномъ случаѣ противъ мнѣнія всѣхъ остальныхъ членовъ; мнѣніе Канкрина, основанное на доводахъ Тургенева, было утверждено государемъ и такимъ образомъ восторжествовало.

Мордвиновъ вскорѣ ушелъ изъ предсѣдателей департамента, и Тургеневу пришлось имѣть дѣло опять съ новымъ предсѣдателемъ. Это былъ князь Куракинъ, бывшій генералъ-прокуроромъ при императорѣ Павлѣ. Ничего общаго между этимъ жестокимъ и фальшивымъ царедворцемъ, не имѣвшимъ за душой никакихъ возвышенныхъ взглядовъ и идей, и Николаемъ Тургеневымъ быть не могло. Но тѣмъ не менѣе отношенія между ними сложились удовлетворительныя. Куракинъ скоро оцѣнилъ дарованія и знанія Тургенева и понялъ, что можетъ вполнѣ на него положиться, а Тургеневъ нашелъ въ Куракинѣ совершенно для себя неожиданно ревностнаго защитника крестьянскихъ интересовъ. Это легко объяснялось тѣмъ, что Куракинъ во всѣхъ дѣлахъ руководствовался не своими взглядами, а соображеніемъ, какое произведетъ впечатлѣніе то или иное рѣшеніе на государя, а такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что Александръ Павловичъ всегда будетъ склоняться на сторону притѣсненныхъ крестьянъ, то онъ и голосовалъ неизмѣнно въ ихъ пользу.

Въ 1823 г. Тургеневъ сталъ чувствовать переутомленіе; доктора рекомендовали ему отдыхъ; къ тому же ему хотѣлось присмотрѣться къ заграничнымъ и въ особенности англійскимъ судебнымъ порядкамъ въ виду предполагавшейся тогда судебной реформы. Поэтому онъ придумалъ просить себѣ назначеніе въ генеральные консулы въ Лондонъ — должность, которая, какъ онъ узналъ, вскорѣ должна была освободиться, и на которую ему удобно было проситься, такъ какъ она была ниже той, которую онъ занималъ. По совѣту Сперанскаго, съ которымъ ему пришлось передъ тѣмъ вмѣстѣ работать нѣкоторое время надъ редактированіемъ проекта торговаго устава, Тургеневъ обратился по этому поводу съ письмомъ непосредственно къ государю. Государь отвѣчалъ, однако же, черезъ Аракчеева, что Тургеневъ ему необходимъ въ государственномъ совѣтѣ, и что если ему недостаточно того жалованія, которое онъ получаетъ, то пусть проситъ прибавки: отказа не будетъ. „Его Величество,—сказалъ Аракчеевъ,—готовъ для васъ на всякія

пожертвованія". Тургеневъ, шокированный такимъ оборотомъ дѣла, просилъ доложить государю, что онъ останется согласно его волѣ въ государственномъ совѣтѣ, но что онъ вовсе не о деньгахъ думалъ, когда возбуждалъ свое ходатайство, а о постѣ генеральнаго консула. Государь, получивъ этотъ отвѣтъ черезъ Аракчеева, остался имъ, видимо, доволенъ, о чемъ Тургеневъ узналъ спустя нѣсколько дней черезъ Сперанскаго.

Тургеневъ принялся съ прежнимъ усердіемъ за дѣла; но черезъ годъ разстроенное здоровье опять заставило его просить временнаго увольненія отъ дѣлъ, такъ какъ доктора настоятельно требовали отдыха и предписывали ему поѣздку въ Карлсбадъ. Тургеневъ на этотъ разъ обратился уже не непосредственно къ государю, а подалъ формальное прошеніе по начальству. Но государь опять послалъ ему свой отвѣтъ черезъ Аракчеева. На этотъ разъ онъ милостиво увольнялся въ отпускъ на неопредѣленное время съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ сохраненіемъ содержанія и денежнымъ пособіемъ на путешествіе. При этомъ Аракчеевъ передалъ Тургеневу слѣдующія знаменательныя слова государя: „Государь императоръ приказалъ мнѣ передать вамъ слѣдующій совѣтъ, который онъ вамъ даетъ не какъ государь, а какъ христіанинъ: будьте осторожнѣе за границей. Вы тамъ не избѣжите встрѣчи съ людьми, которые исполнены революціоннымъ духомъ; они постараются васъ увлечь. Не довѣряйте этимъ людямъ и будьте осмотрительны" [1]).

Въ апрѣлѣ 1824 года Тургеневъ выѣхалъ изъ Петербурга, не предчувствуя, что ему не суждено будетъ возвратиться туда въ теченіе цѣлыхъ 33 лѣтъ. Онъ отправился сперва по совѣту врачей въ Карлсбадъ и, пройдя тамъ полный курсъ леченія минеральными водами, на зиму переѣхалъ въ Италію, гдѣ отдыхалъ, спокойно наслаждаясь климатомъ и красотами южной природы. Лѣто 1825 года врачи опять предписали ему провести въ Карлсбадѣ. По дорогѣ туда онъ получилъ въ Дрезденѣ письмо отъ новаго министра финансовъ Е. Ф. Канкрина, котораго онъ зналъ по государственному совѣту и искренно уважалъ за его умъ и всѣмъ извѣстную честность; Канкринъ предлагалъ въ этомъ письмѣ Тургеневу мѣсто директора департамента торговли и мануфактуры, предупреждая его, что онъ разсчитываетъ на его помощь при выработкѣ цѣлаго ряда реформъ, которыя онъ задумалъ. Онъ прибавлялъ при этомъ,

¹) „La Russie et les Russes", I, 124.

что государь разрѣшилъ ему сдѣлать Тургеневу это предложеніе съ тѣмъ, чтобы Тургеневъ не покидалъ своихъ обязанностей и въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ его участіе императоръ считалъ необходимымъ. Предложеніе Канкрина для Тургенева не было неожиданностью, такъ какъ Канкринъ, назначенный министромъ незадолго до его отъѣзда, приглашалъ его къ себѣ еще въ Петербургѣ и, хотя тогда не сдѣлалъ ему никакого опредѣленнаго предложенія, но черезъ другихъ сообщилъ ему, что онъ на него разсчитываетъ и что его настоящее мѣсто въ министерствѣ финансовъ. Однако, какъ ни уважалъ Тургеневъ Канкрина и какъ ни склоненъ онъ былъ къ разработкѣ финансовыхъ вопросовъ, онъ рѣшилъ отклонить предложеніе министра, будучи въ принципѣ несогласенъ со многими предположенными имъ начинаніями въ духѣ протекціонизма, о которыхъ Тургеневъ зналъ еще въ Петербургѣ.

Изъ Карлсбада Тургеневъ проѣхалъ въ Парижъ, посѣтивъ по пути въ Нассау сильно состарѣвшагося барона Штейна, къ которому онъ не переставалъ питать чувства самаго глубокаго уваженія. Въ Парижѣ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ узналъ о смерти императора Александра, а затѣмъ и о катастрофѣ 14 декабря. Пораженный этимъ событіемъ, онъ совершенно не думалъ однако, что оно можетъ близко коснуться его собственной судьбы. „Въ январѣ 1826 года — пишетъ Тургеневъ въ своихъ мемуарахъ — я уѣхалъ въ Лондонъ, и тамъ ничто не нарушало моего спокойствія. Лишь въ Эдинбургѣ я узналъ, что я привлеченъ къ дѣлу, начатому по поводу декабрьскаго возмущенія. Узнавъ эту новость, я поспѣшилъ написать объяснительную записку относительно моего участія въ секретныхъ обществахъ и отправилъ ее въ Петербургъ по почтѣ“ [1]).

Въ этой запискѣ Тургеневъ высказалъ свой взглядъ на сущность того тайнаго общества, къ которому онъ принадлежалъ („Союза лагоденствія“) и описалъ, какъ оно дѣйствовало, или, правильнѣе сказать (если имѣть въ виду это его показаніе) бездѣйствовало, и какъ оно было закрыто. Затѣмъ онъ категорически отрицалъ всякое участіе свое во всѣхъ иныхъ тайныхъ обществахъ, указывалъ на свое продолжительное отсутствіе и утверждалъ, что за все время своего пребыванія за границей онъ не имѣлъ никакихъ сношеній, письменныхъ или иныхъ, съ лицами, участвовавшими въ тайныхъ обществахъ. Въ заключеніе, онъ обращалъ вниманіе правительства на то,

[1]) „La Russie et les Russes“, I, 136.

что, будучи совершенно неприкосновеннымъ къ тому, что могло произойти во время его отсутствія въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, онъ не могъ нести никакой отвѣтственности за событія, происшедшія безъ его вѣдома и во время его отсутствія. Изъ текста его объясненія, въ настоящее время напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ [1]), видно, что Тургеневъ зналъ изъ полученнаго имъ письма брата, какъ формулировано выставленное противъ него обвиненіе, по крайней мѣрѣ, зналъ нѣкоторые пункты обвиненія, напримѣръ, участіе въ обсужденіи различныхъ формъ правленія и подачи голоса за республику („Un president sans phrases!“) Онъ, видимо, приписывалъ свое привлеченіе излишней болтливости нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ, но смотрѣлъ на него, какъ на недоразумѣніе, которое разъяснится.

„Я былъ твердо увѣренъ—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—что этого объясненія будетъ достаточно, и что мое alibi, будучи достаточно очевиднымъ матеріальнымъ доказательствомъ моей непричастности къ возмущенію, гарантируетъ меня отъ всякихъ дальнѣйшихъ безпокойствъ“ [2]).

Однако черезъ нѣсколько дней послѣ отправленія этой бумаги, къ Тургеневу явился секретарь русскаго посольства въ Лондонѣ и передалъ ему требованіе отъ графа Нессельроде, дѣйствовавшаго по высочайшему повелѣнію, явиться къ верховному уголовному суду въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу о возмущеніи 14-го декабря 1825 года. Тургеневъ отвѣтилъ, что онъ уже послалъ свое объясненіе по почтѣ и что не считаетъ поэтому нужнымъ предпринимать теперь путешествіе, которое могло бы печально отразиться на его здоровьѣ. Тогда ему предъявлена была депеша Нессельроде къ послу съ указаніемъ, въ случаѣ отказа Тургенева повиноваться, отобрать отъ него письменный отзывъ объ этомъ. Тургеневъ далъ отзывъ. Изъ депеши Нессельроде онъ узналъ, что послу предложено также, въ случаѣ отказа Тургенева явиться въ Россію, обратить вниманіе англійскаго министерства, „какого рода людямъ оно даетъ убѣжище“. Изъ этой фразы Тургеневъ сдѣлалъ заключеніе, которое подтвердилось впослѣдствіи, что русское правительство требовало у англійскаго министерства его выдачи, на что англійское правительство могло отвѣчать, конечно, только отказомъ.

„Объясненіе“ Николая Тургенева, посланное имъ по почтѣ на имя брата Александра, было представлено послѣднимъ при письмѣ

[1]) „Русская Старина“ за 1902 г., № 4, стр. 50—62.
[2]) „La Russie...“ I, 136.

отъ 1-го мая 1826 года князю Александру Николаевичу Голицыну, который былъ долгое время начальникомъ А. И. Тургенева по занимаемой Тургеневымъ должности директора департамента духовныхъ дѣлъ, а въ то время, т.-е. послѣ событія 14-го декабря, былъ назначенъ однимъ изъ членовъ „комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ“ [1]).

Князь А. Н. Голицынъ, получивъ эту записку, пригласилъ къ себѣ пріятелей Николая Тургенева, В. А. Жуковскаго и князя П. А. Вяземскаго, и вмѣстѣ съ ними прочиталъ эту оправдательную записку.

Записка эта не удовлетворила слушателей: „Cette justification est trop á l'eau de rose!“, сказалъ князь Голицынъ, и ни Жуковскій, ни Вяземскій не нашли, что̀ ему возразить [2]).

Дѣло Тургенева было проиграно. Александръ Ивановичъ сдѣлалъ еще попытку спасти брата отъ осужденія. 23-го мая 1826 года онъ обратился съ письмомъ къ императору Николаю, но могло ли помочь его заступничество, когда противъ Николая Тургенева говорили показанія нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, а главное въ рукахъ императора, который самъ руководилъ слѣдствіемъ, было донесеніе Бенкендорфа, которому онъ вѣрилъ безусловно и о существованіи котораго братья Тургеневы не подозрѣвали; къ тому же отказъ Николая Тургенева явиться по вызову къ слѣдствію и суду былъ сочтенъ за подтвержденіе взведенныхъ на него обвиненій. Въ іюлѣ состоялся обвинительный приговоръ, пронзнесенный верховнымъ уголовнымъ судомъ [3]).

---

[1]) Въ составъ комиссіи входили: предсѣдатель—военный министръ Татищевъ и члены: вел. кн. Михаилъ Павловичъ, кн. А. Н. Голицынъ, петербургскій генералъ-губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ и генералы: Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашевъ и Потаповъ; дѣлопроизводитель былъ ст. сов. Д. Н. Блудовъ.

[2]) „Русская Старина“ за 1902 г. № 4, стр. 62. „Князь Голицынъ—по словамъ кн. Вяземскаго—былъ человѣкъ отмѣнно благоволительный, онъ вообще любилъ и поддерживалъ подчиненныхъ своихъ. Александра Тургенева онъ уважалъ и отличалъ особенно. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обрадовался бы первой возможности придраться къ случаю быть защитникомъ любимаго брата любимаго имъ Александра Тургенева, однако же записка не убѣдила его“ („Русск. Архивъ“ 1876 г., I, 356).

[3]) Верховный уголовный судъ состоялъ изъ членовъ государственнаго совѣта, святѣйшаго синода, сенаторовъ и нѣкоторыхъ лицъ по выбору императора, всего изъ 80 членовъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Лопухина (предсѣдателя государственнаго совѣта). Въ числѣ членовъ были, по званію членовъ госуд. совѣта: адмиралъ Мордвиновъ, Сперанскій и др. М. М. Сперанскаго верховный судъ выбралъ въ число трехъ членовъ для составленія окончательнаго доклада государю. Эти занятія—по словамъ барона Корфа—чрезвычайно тягостно подѣйствовали на духъ

Тургеневъ былъ присужденъ къ смертной казни, которая по высочайшей конфирмаціи была замѣнена пожизненной каторгой съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Тургеневъ былъ въ Англіи, и приговоръ не могъ благодаря этому осуществиться во всей своей силѣ. Преданный ему братъ сохранилъ принадлежавшую ему часть наслѣдственнаго имущества.

Впослѣдствіи Н. И. Тургеневъ составилъ подробную оправдательную записку и просилъ о пересмотрѣ дѣла, предлагая пріѣхать въ Россію, но просьба его была оставлена безъ послѣдствій.

Его родные, ближайшіе друзья и близко знавшіе его иностранцы, каковы баронъ Штейнъ и Александръ Гумбольдтъ, рѣшительно отказывались вѣрить въ законность и справедливость его осужденія.

Пользуясь опубликованными данными, попробуемъ разобраться въ выставленныхъ противъ него обвиненіяхъ и выяснить дѣйствительное отношеніе его къ разнымъ обществамъ конца александровскаго царствованія.

Сперанскаго. „Положеніе его было тѣмъ ужаснѣе, что нѣкоторые изъ несчастныхъ, подпавшихъ обвиненію и потомъ осужденію, были лично ему знакомы и вхожи къ нему въ домъ, а одинъ даже жилъ у него и пользовался особенною его пріязнью и довѣренностью. Дочь пишетъ въ своихъ запискахъ, что въ это мучительное время она нерѣдко видѣла отца въ терзаніяхъ и со слезами на глазахъ, и что онъ даже покушался совсѣмъ оставить службу...“ (Баронъ М. А. Корфъ. „Жизнь графа Сперанскаго“, стр. 309).

Съ Н. И. Тургеневымъ Сперанскому приходилось вмѣстѣ работать надъ редактированіемъ торговаго устава („La Russie et les Russes“, I, 121).

ГЛАВА V.

Происхожденіе „Союза благоденствія". — Первыя попытки основанія тайныхъ обществъ.—Основаніе „Союза спасенія".—Основатели союза: А. Н. Муравьевъ, Никита М. Муравьевъ, С. и М. Муравьевы-Апостолы.—Общая ихъ характеристика. - П. И. Пестель.—Составленный имъ уставъ.—Исторія превращенія „Союза спасенія" въ „Союзъ благоденствія" и роль Мих. И. Муравьева. — А. М. Бакунинъ. — М. Ѳ. Орловъ и проектъ общества русскихъ рыцарей.

„Когда въ обществѣ около 1815 года,—пишетъ А. Н. Пыпинъ—почти вдругъ явился... цѣлый обширный разрядъ людей либеральнаго образа мыслей, преимущественно изъ молодого поколѣнія, они съ самаго начала не могли не почувствовать, что въ этомъ обществѣ они представляютъ что-то исключительное, что большинство не только имъ не сочувствуетъ, но смотритъ на нихъ враждебно, какъ на людей, нарушающихъ покой его умственнаго и общественнаго бездѣйствія; ихъ собственныя убѣжденія такъ противорѣчили ходячимъ мнѣніямъ и нравамъ, что они должны были, наконецъ, сомкнуться въ болѣе тѣсный кружокъ.

„Правда, возбужденіе послѣ событій (1812—1815 гг.) и наплывъ новыхъ идей были такъ сильны, что въ обществѣ обнаружилась значительная свобода мнѣній и разговоровъ, но высказывать свои мнѣнія вполнѣ было все-таки не безопасно. Потребность въ обмѣнѣ мыслей въ ближайшемъ сочувственномъ кругу, свободномъ отъ посторонних стѣсненій, прежде всего сближала людей либеральнаго образа мыслей въ тѣсный кружокъ, полная искренность бесѣдъ заставила вскорѣ беречь нѣкоторую замкнутость этого кружка...

„Но въ этихъ людяхъ уже скоро явилась потребность практической дѣятельности въ духѣ своихъ мнѣній. Новость ихъ идеаловъ, порывы великодушнаго энтузіазма, какъ бываетъ всегда въ періодѣ подобныхъ увлеченій, ставили передъ ними широкую задачу общественныхъ преобразованій, требовавшую обдуманнаго плана, соединенныхъ усилій, самоотрѣченія. Съ этихъ поръ кружокъ, съ мыслью о

практической дѣятельности и пропагандѣ для своихъ цѣлей, долженъ былъ сомкнуться еще тѣснѣе и, наконецъ, превратился въ тайное общество" [1]).

Такъ подходитъ къ объясненію происхожденія тайныхъ обществъ конца александровскаго царствованія умнѣйшій изъ историковъ этого общественнаго движенія.

Стремленіе къ общенію и общественной дѣятельности, начавшееся у многихъ еще во время походовъ 1813—1814 годовъ, не замедлило проявиться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ въ видѣ своеобразной артели офицеровъ въ семеновскомъ полку [2]), въ массонскихъ ложахъ, чрезвычайно размножившихся и оживившихся около этого времени [3]), въ просвѣтительныхъ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ [4]), въ видѣ частныхъ курсовъ и кружковъ для чтенія и самообразованія среди молодыхъ офицеровъ [5]).

И вотъ, когда всѣ элементы для возникновенія тайнаго общества были уже подготовлены, явились и иниціаторы, которые дали первый толчокъ этому дѣлу. Два предпріятія подобнаго рода были затѣяны почти одновременно: съ одной стороны Александромъ Муравьевымъ съ нѣсколькими офицерами гвардейскихъ полковъ и генеральнаго штаба, съ другой стороны Михаиломъ Орловымъ, который хотѣлъ привлечь къ своему предпріятію извѣстнаго патріота, массона екатерининскихъ временъ, графа Мамонова [6]), Николая Ивановича Тургенева и еще нѣсколькихъ лицъ изъ высшаго петербургскаго общества [7]).

---

[1]) Пыпинъ. „Общественное движеніе", стр. 361 и слѣд.

[2]) Объ этомъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ И. Д. Якушкинъ (Пыпинъ, 363). „Въ 1815 г. въ семеновскомъ полку устроилась артель: человѣкъ 15 или 20 офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ, обѣдали же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, которымъ по обязанности службы приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя газеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ... Высшимъ властямъ артель однако не понравилась, и ее велѣно было прекратить..."

[3]) Пыпинъ, 296—333.

[4]) Таково учрежденное въ 1819 г. въ Петербургѣ „Общество учрежденія ланкастерскихъ школъ" (Пыпинъ, 336, „Записки" Н. И. Греча), а равно „Арзамасъ", о которомъ была уже рѣчь (Ковалевскій, „Гр. Блудовъ", 105 и сл.)

[5]) „La Russie et les Russes", I, 82—83.

[6]) Гр. Мамоновъ въ 1812 г. въ минуту наибольшаго подъема патріотическихъ чувствъ предложилъ императору Александру передать въ его распоряженіе на организацію защиты отъ нашествія Наполеона все свое многомилліонное состояніе. Александръ согласился только принять одинъ кавалерійскій полкъ, сформированный и содержавшійся Мамоновымъ на его счетъ.

[7]) „La Russie et les Russes", I, 161.

Въ 1816 г. гвардейскіе офицеры И. Д. Якушкинъ и кн. С. П. Трубецкой были въ гостяхъ у Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ-Апостоловъ. Въ это время туда же пріѣхали Александръ Николаевичъ и Никита Михайловичъ Муравьевы, которые и предложили всѣмъ присутствовавшимъ вступить въ тайное общество, организаціей котораго они были тогда заняты. Однако окончательное сформированіе этого общества произошло не ранѣе февраля 1817 г., послѣ того, какъ Никита Муравьевъ ввелъ въ кружокъ П. И. Пестеля, который и написалъ для этого общества уставъ, давъ обществу названіе „Союза спасенія“ или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества [1]).

Первымъ иниціаторомъ этого предпріятія былъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ, сынъ извѣстнаго основателя училища колонновожатыхъ, большой мечтатель и мистикъ, посвященный въ 1814 г. во Франціи заграничными массонами въ одну изъ высшихъ степеней массонства и по возвращеніи въ Петербургъ состоявшій намѣстнымъ мастеромъ въ ложѣ «Трехъ добродѣтелей» [2]). Въ 1816 году ему было всего 24 года отъ роду, но онъ былъ уже полковникомъ, и его ожидала блестящая карьера; въ концѣ 1818 года онъ вышелъ однако по непріятностямъ въ отставку [3]). Самымъ дѣятельнымъ прозелитомъ и помощникомъ его явился Никита Михайловичъ Муравьевъ, его дальній родственникъ, сынъ воспитателя и наставника императора Александра, а впослѣдствіи попечителя Московскаго университета, Михаила Никитича Муравьева [4]), бывшаго когда-то покровителемъ молодого Карамзина [5]). Никита Муравьевъ былъ

---

[1]) Изложено въ біографіи С. И. Муравьева, составленной г. Баласомъ („Русская Старина“ 1873 г., V, 660), частью по документамъ, частью со словъ М. И. Муравьева-Апостола. Въ томъ же году М. М. Муравьевъ напечаталъ въ „Русской же Старинѣ“ (1873 г., VIII, 105) нѣкоторыя поправки къ статьѣ г. Баласа, причемъ заявилъ, что уставъ „Союза благоденствія“ былъ составленъ не Пестелемъ, а М. Н. Муравьевымъ. Это совершенно вѣрно, но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ уставѣ „Союза спасенія“, который составленъ былъ Пестелемъ, что установлено „Донесеніями“ слѣдственной комиссіи, многочисленными свидѣтельствами декабристовъ и данными Богдановича (Исторія Александра I, томъ VI-й).

[2]) Пыпинъ. „Общественное движеніе“, стр. 320.

[3]) Кропотовъ. „Жизнь гр. М. Н. Муравьева“, 22. Сопоставленіе этихъ датъ показываетъ, какъ несправедливо было мнѣніе, высказанное Бенкендорфомъ въ его донесеніи, будто бы понудительной причиной для Муравьева образовать тайное общество служили служебныя неудачи и неудовлетворенное честолюбіе. Ср. Шильдеръ. „Жизнь Александра I“, томъ IV, 210.

[4]) О Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ у Шильдера, томъ I; Кропотова, н. с., 49; Милюкова. „Главныя теченія русской исторической мысли“, стр. 161 и др.

[5]) Милюковъ. „Главныя теченія...“, стр. 161.

только за 2 года предъ тѣмъ произведенъ въ офицеры [1]). Это былъ пылкій, благородный молодой человѣкъ,—по свидѣтельству Греча, «нѣсколько серьезный и дикій»,—прекрасно образованный и несмотря на молодость уже успѣвшій обратить на себя вниманіе самостоятельнымъ и умнымъ разборомъ предисловія къ «Исторіи государства россійскаго» Карамзина [2]). По своимъ политическимъ взглядамъ, позднѣе изложеннымъ имъ въ его «Катехизисѣ», онъ былъ конституціоналистомъ, воспитаннымъ на идеяхъ Бенжамена Констана, въ юные годы мечтавшимъ и о республикѣ, но никогда не бывшимъ якобинцемъ, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы—Апостолы были сыновья извѣстнаго екатерининскаго писателя, очень образованнаго и даже ученаго человѣка Ивана Матвѣевича Муравьева, въ годы ихъ дѣтства служившаго посломъ въ Мадридѣ и потому воспитывавшаго ихъ въ парижскомъ пансіонѣ Hix'а, гдѣ они оба пользовались общей любовью учителей и товарищей и выдавались по своему развитію и нравственному характеру. «Необыкновенная кротость Сергѣя Ивановича, соединенная, — пишетъ его біографъ, — съ любезностью, живостью и остроуміемъ, была въ немъ, по выраженію современниковъ, блистательна и приманчива. Возвышенный и свѣтлый умъ, глубокая религіозность, прекрасныя душевныя качества пріобрѣтали ему чувства любви и преданности [3]). Замѣчательно, что начала гуманности, настойчиво и обыкновенно успѣшно проводившіяся имъ въ обращеніи съ солдатами, соединялись у него съ такою лойяльностью, что даже полковникъ Шварцъ, получившій печальную извѣстность въ исторіи семеновскаго полка, питалъ къ нему особую довѣренность и счелъ необходимымъ оправдываться передъ нимъ въ своихъ поступкахъ—до того силенъ былъ его нравственный авторитетъ [4]). Въ 1816 г. Сергѣю Муравьеву едва исполнилось 20 лѣтъ, Матвѣй былъ старше его на два года.

Остальные офицеры, примкнувшіе къ этому кружку, были немногимъ ихъ старше по возрасту. Всѣ они были, несомнѣнно, настроены болѣе или менѣе одинаково: всѣ были недовольны существуствующей русской дѣйствительностью, всѣ ревностно желали какъ можно скорѣе вывести свою родину изъ того положенія рабства, невѣжества и всяческой неправды, въ которомъ она тогда находилась, всѣ мечтали о возможности свободной политической дѣятель-

---

[1]) Гречъ. „Записки о моей жизни", 404.
[2]) Милюковъ. „Главныя теченія", 193, 194.
[3]) „Русская Старина", 1873 г., V, 661.
[4]) Тамъ же, стр. 663.

ности и грезили, конечно, не гильотиною, какъ писалъ въ своемъ донесеніи чрезъ нѣсколько лѣтъ Бенкендорфъ, а конституціей въ духѣ Бенжамена Констана [1]). Быть можетъ, они тогда же выработали бы уставъ основаннаго ими общества по подобію нѣмецкаго Tugendbund'а; но въ февралѣ 1817 года въ ихъ кругъ вошелъ новый членъ, который быстро пріобрѣлъ среди нихъ выдающееся вліяніе. Членъ этотъ былъ введенный Никитой Муравьевымъ П. И. Пестель. Въ литературѣ, касающейся декабристовъ, ни на кого не было столько нареканій, инсинуацій и даже очевидныхъ клеветъ, сколько на этого замѣчательнаго человѣка. Въ то же время его біографія и участіе въ тайныхъ обществахъ двадцатыхъ годовъ остаются и до сихъ поръ не достаточно разъясненными. Безошибочно можно утверждать лишь одно: читаемъ ли мы трогательную защиту Пестеля въ запискахъ С. Г. Волконскаго или явныя клеветы, возведенныя на него въ біографіи Михаила Муравьева, составленной Кропотовымъ, во всякомъ случаѣ остается впечатлѣніе поверхностнаго знакомства съ человѣкомъ сильной воли и большого ума. Очень возможно, что свои идеалы Пестель создалъ не изъ изученія окружающей реальной дѣйствительности, хотя повидимому, онъ и ея не упускалъ изъ виду, но, какъ бы онъ ни составилъ своихъ убѣжденій, онъ, во всякомъ случаѣ, опредѣленно зналъ, къ чему стремился, и если у него не было въ окружающей его средѣ многихъ данныхъ, необходимыхъ для достиженія успѣха, то, во всякомъ случаѣ, было одно: онъ владѣлъ въ высшей степени способностью подчинять себѣ людей. Онъ составилъ себѣ республиканскій идеалъ, окрашенный нѣкоторыми соціалистическими стремленіями. Въ высшей степени энергичный и властный по натурѣ, онъ признавалъ единственнымъ возможнымъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ способомъ дѣйствія— способъ якобинскій. Образованный [2]), умный и необыкновенно краснорѣчивый, онъ скоро пріобрѣлъ исключительное вліяніе и въ томъ кружкѣ, въ который его ввелъ въ началѣ 1817 г. Никита Муравьевъ. Онъ пробылъ здѣсь недолго, потому что въ маѣ 1818 г. кн. Витгенштейнъ, при которомъ онъ былъ адъютантомъ, вступилъ уже въ командованіе 2-ой арміей, расположенной на югѣ Россіи, и

---

[1]) Срав. „La Russie et les Russes", I, 66, 78—83, II, 351.

[2]) Пестель воспитывался съ братомъ своимъ Владиміромъ (впослѣдствіи флигель-адъютантомъ) за границей—въ Дрезденѣ и держалъ лишь выпускной экзаменъ вмѣстѣ съ другими пажами его возраста въ 1811 году (Гречъ. „Записки", 362 и слѣд.). Онъ былъ сынъ извѣстнаго сибирскаго генералъ-губернатора И. Б. Пестеля, прославившагося своимъ тираническимъ образомъ дѣйствій.

Пестелю пришлось уѣхать вмѣстѣ съ нимъ на границы Бессарабіи (въ Тульчинъ). Однако, онъ успѣлъ составить уставъ для вновь образованнаго тайнаго общества на тѣхъ основаніяхъ, которыя онъ считалъ наиболѣе практичными и необходимыми въ подобныхъ организаціяхъ. Это былъ уставъ якобинскій. И дѣлу затѣянному молодыми энтузіастами съ болѣе или менѣе неопредѣленными возвышенными и либеральными стремленіями, Пестель сразу сообщилъ характеръ политическаго заговора. А. Н. Пыпинъ склоненъ видѣть разницу между уставами «Союза спасенія» и «Союза благоденствія» только во внѣшнихъ формахъ заимствованныхъ, по его предположенію, изъ массонскихъ ложъ [1]). Но едва ли это вѣрно. Судя по всему тому, что намъ извѣстно объ уставѣ «Союза спасенія», слѣдуетъ признать, что это былъ союзъ карбонарскій. Между нимъ и позднѣйшимъ уставомъ «Союза благоденствія» [2]) была такая же разница, какъ между карбонарствомъ и тугенбундомъ. «Карбонарство и гетэрія,— какъ опредѣляетъ ихъ и г. Пыпинъ,—были прямымъ политическимъ заговоромъ» [3]). Карбонаріи дѣйствовали противъ мелкихъ итальянскихъ деспотовъ и противъ австрійцевъ. Тугенбундъ вызванъ былъ пробужденіемъ національнаго чувства, ненавистью къ французскому игу, «но основывался, какъ общество мирное и подчинявшееся правительству: онъ хотѣлъ только помогать правительству и дѣйствовать для возрожденія націи не средствами политическаго заговора, а средствами образовательными и моральными».

Такая же приблизительно разница заключалась, если не въ дѣйствіяхъ,—потому что дѣйствій никакихъ и не было,—то въ тенденціяхъ уставовъ «Союза спасенія» и «Союза благоденствія». Въ книгѣ г. Кропотова «Жизнь гр. М. Н. Муравьева» подробно описывается со словъ младшаго брата М. Н. Муравьева Сергѣя Николаевича исторія превращенія «Союза спасенія» въ «Союзъ благоденствія». Самъ по себѣ г. Кропотовъ историкъ настолько пристрастный и односторонній, что къ его выводамъ и изслѣдованіямъ врядъ ли можно питать большое довѣріе. Но приводимый имъ разсказъ С. Н. Муравьева заслуживаетъ, какъ мнѣ кажется, полнаго вниманія и имѣетъ всѣ признаки достовѣрности. Во-первыхъ, С. Н. Му-

---

[1]) Пыпинъ. „Общественное движеніе“, 363, 364, 366.

[2]) Уставъ „Союза благоденствія“ напечатанъ въ приложеніи къ „Обществен. движ.“ А. Н. Пыпина, 503 и слѣд.

[3]) Срав. Гервинуса, „Исторія XIX вѣка“, т. II, стр. 91—100, происхожденіе и очеркъ дѣятельности карбонаровъ въ Италіи въ первой четверти XIX-го столѣтія. О дѣятельности карбонаріевъ имѣются также краткія свѣдѣнія въ недавно вышедшей книжкѣ Тарле „Исторія Италіи въ новое время“, стр. 148—163.

равьевъ едва ли былъ заинтересованъ въ искаженіи истины; во-вторыхъ, разсказъ его совершенно соотвѣтствуетъ характеру и позднѣйшимъ тенденціямъ его брата и даетъ ключъ къ пониманію его общественной эволюціи и карьеры; въ-третьихъ, онъ совершенно не противорѣчитъ сохранившимся документальнымъ даннымъ, а напротивъ ихъ подтверждаетъ и даетъ имъ удовлетворительное объясненіе.

Наконецъ, въ этомъ дѣлѣ замѣшано одно постороннее лицо: А. М. Бакунинъ, родственникъ Муравьева и отецъ извѣстныхъ Бакуниныхъ, Михаила, Николая, Павла и Александра Александровичей. Желая провѣрить разсказъ С. Н. Муравьева семейными преданіями и документами, если бы таковые сохранились въ семействѣ Бакуниныхъ, я обратился къ здравствующему еще донынѣ Александру Александровичу Бакунину, и получилъ отъ него указанія, могущія также служить подтвержденіемъ разсказа С. Н. Муравьева, приводимаго г. Кропотовымъ. Хотя письменныхъ документовъ, относящихся къ обстоятельствамъ дѣла, не сохранилось въ семейномъ архивѣ Бакуниныхъ, но свѣдѣнія, сообщенныя объ отцѣ Александромъ Александровичемъ вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что разсказывалъ г. Кропотову С. Н. Муравьевъ.

Конечно ядъ, кинжалъ и различныя страшныя клятвы могли быть лишь внѣшней обстановочной стороной, заимствованной изъ массонскихъ ложъ, [1]) но обязательство безусловнаго слѣпого повиновенія въ обществѣ, имѣвшемъ опредѣленную политическую цѣль.

Конечно, имѣетъ совершенно не то значеніе, какое оно имѣло въ массонскихъ ложахъ. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что итальянскіе карбонаріи заимствовали свои уставы и пріемы дѣятельности, чрезвычайно похожіе на тѣ, которые введены были Пестелемъ въ уставъ «Союза спасенія» также изъ массонского устава Вейсгаупта, основавшаго орденъ иллюминатовъ, имѣвшій скрытыя политическія цѣли [2]).

Разномысліе между членами «Союза спасенія» и борьба, происшедшая изъ-за устава, составленнаго Пестелемъ, во всякомъ случаѣ въ высшей степени характерны. Сперва молодые люди, вхо-

---

[1]) Такъ именно смотрѣлъ на это дѣло даже великій князь Константинъ Павловичъ, что онъ и выразилъ въ одномъ письмѣ по поводу участія въ тайныхъ обществахъ Лунина (его подчиненнаго). Рус. Стар. 1873 г., VIII, 390.

[2]) Вейсгауптъ, основатель ордена иллюминатовъ (род. 1748 † 1830), называвшагося имъ перфектибилистами, имѣлъ скрытую цѣль замѣнить христіанство—деизмомъ и монархію—республикой.

дившіе въ составъ кружка, совершенно подчинились Пестелю и приняли сочиненный имъ уставъ. Затѣмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—кн. И. А. Долгорукова, братьевъ Шиповыхъ и другихъ—стала отпугивать рѣзкость и крайность нѣкоторыхъ его сужденій и предложеній. Вскорѣ въ кружокъ вступилъ братъ Александра Николаевича Михаилъ Муравьевъ, человѣкъ очень развитой, умный и до крайности самолюбивый и властолюбивый. Несмотря на молодость лѣтъ—ему въ это время было не болѣе 22—онъ привыкъ уже играть самостоятельную роль въ Москвѣ въ студенческихъ кружкахъ, гдѣ онъ былъ основателемъ „общества математиковъ", и въ „училищѣ колонновожатыхъ", гдѣ онъ былъ правой рукой своего отца. Вступивъ въ „Союзъ спасенія" по предложенію брата, онъ отказался однако же принести клятву въ безусловномъ повиновеніи главамъ сообщества, а когда ему былъ показанъ уставъ, составленный Пестелемъ, то онъ возсталъ противъ этого устава и сталъ горячо уговаривать брата и другихъ членовъ измѣнить уставъ и назначеніе общества. Онъ, можетъ быть, просто вышелъ бы изъ общества, узнавъ о его истинныхъ цѣляхъ, если бы не желаніе спасти брата изъ весьма опаснаго предпріятія, въ которое онъ—по мнѣнію М. Н. Муравьева—запутался. Въ то же время его не оставляла честолюбивая мысль повернуть дѣло по своему, вытѣснить несимпатичное ему вліяніе Пестеля и придать обществу то направленіе, которое самъ онъ считалъ желательнымъ, при помощи сочувствовавшихъ ему членовъ, изъ которыхъ нѣкоторые вступили въ кружокъ одновременнно съ нимъ.

Муравьевъ разсуждалъ такъ: „такъ какъ вся сущность дѣла заключалась въ ложномъ направленіи общества, происходившемъ изъ устава Пестеля, то, очевидно, прежде всего надо было сломить это препятствіе". Нужно заставить членовъ союза признать уставъ Пестеля негоднымъ. „Тогда,—полагалъ Муравьевъ,—можно будетъ написать какой угодно уставъ, даже и такой, что само правительство не затруднится его утвердить". Муравьевъ ясно видѣлъ, однако, что „при возбужденной однажды въ обществѣ жаждѣ къ политической дѣятельности такъ или иначе слѣдовало ее утолить. Отказъ въ удовлетвореніи этой потребности не упразднялъ ее, а только направлялъ членовъ къ Пестелю, источнику всего зла". „Муравьевы—разсказываетъ біографъ М. Н.—очень хорошо понимали это затрудненіе, и, чтобы спасти своихъ друзей отъ гибельнаго столкновенія съ дѣйствительностью, они придумали дать пищу этой неугомонной дѣятельности, очень похожую на политическую, почти столь же кипучую,

разнообразную, требующую знаній и гражданскаго мужества, но болѣе полезную... и не представлявшую опасностей, сопряженныхъ съ ремесломъ заговорщика или спеціалиста по части революцій“ [1]).

Этотъ политическій суррогатъ представлялся М. Н. Муравьеву въ видѣ устава Tugendbund'a, съ которымъ Муравьевъ познакомился изъ книжки журнала „Freiwillige Blätter“, полученной отъ члена же „Союза“ кн. П. П. Лопухина—сына канцлера.

Нравственную поддержку и теоретическое обоснованіе своихъ взглядовъ М. Н. позаимствовалъ у родственника своего по матери А. М. Бакунина, человѣка весьма просвѣщеннаго, умнаго и гуманнаго, но разочаровавшагося въ политическомъ либерализмѣ во время своего пребыванія въ качествѣ дипломата въ Неаполѣ [2]). Аргументація Бакунина, который подробно разобралъ уставъ „Союза спасенія“, сообщенный ему Муравьевымъ въ особомъ письмѣ, опиралась на анализъ фактовъ русской исторіи, географическаго положенія Россіи, и въ результатѣ давала обоснованіе взгляду на историческое значеніе самодержавія въ Россіи, похожему на тотъ, который провелъ въ „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзинъ.

„Муравьевъ—говоритъ Кропотовъ,—усвоилъ эти убѣжденія и, найдя въ нихъ нравственную опору для своихъ дѣйствій, принялъ ихъ за основаніе при составленіи устава „Союза благоденствія“.

Напасть на уставъ Пестеля съ точки зрѣнія его несоотвѣтствія русскимъ условіямъ и обнаружить проявленное авторомъ при его составленіи незнакомство съ многими условіями русской жизни и особенно съ географіей и этнографіей страны, было тѣмъ легче, что эти недостатки были дѣйствительно присущи уставу, а якобинскіе пріемы дѣйствій, имъ предписываемые, были не по сердцу большинству членовъ кружка. Муравьевъ рѣшилъ напасть на уставъ и требовать его измѣненія въ первомъ же засѣданіи членовъ Союза. Онъ

[1]) Кропотовъ, н. с., 205, 206.

[2]) А. М. Бакунинъ родился 1768 † 1854, воспитывался въ Падуанскомъ университетѣ; затѣмъ служилъ нѣкоторое время при русскомъ посольствѣ въ Неаполѣ. При Павлѣ I онъ былъ короткое время завѣдующимъ государевымъ имѣніемъ въ Гатчинѣ, но вскорѣ вышелъ въ отставку и поселился въ с. Премухинѣ, Новоторжскаго уѣзда, въ своемъ родовомъ имѣніи, гдѣ и жилъ до смерти. Бѣлинскій въ своихъ письмахъ къ Михаилу Бакунину отзывается о немъ съ благоговѣніемъ (1838 г.). По семейнымъ преданіямъ А. М. присутствовалъ при взятіи Бастиліи въ 1789 г.

По свидѣтельству Александра Александровича Бакунина, образъ мыслей Александра Михайловича былъ вообще гуманитарный, но чуждый непосредственнаго интереса къ активной политикѣ. Александръ Александровичъ помнитъ со словъ самого Александра Михайловича, что онъ когда-то писалъ Мих. Ник. Муравьеву длинное письмо, въ которомъ указывалъ на безнадежность политическихъ революцій у насъ въ Россіи.

сталъ при каждомъ случаѣ подшучивать надъ уставомъ, увѣряя, что онъ составленъ для разбойниковъ муромскихъ лѣсовъ. Къ нему немедленно присоединились нѣкоторые другіе члены: князь И. А. Долгорукій, кн. Лопухинъ, братья Шиповы, уже ранѣе недовольные уставомъ и направленіемъ кружка, даннымъ ему Пестелемъ. Къ нимъ присоединились братъ Муравьева Александръ, своякъ его И. Д. Якушкинъ, приглашенный Якушкинымъ въ общество М. А. Фонъ-Визинъ и ближайшій другъ Михаила Муравьева П. И. Калошинъ. Никита Муравьевъ и кн. Трубецкой тоже признавали недостатки устава Пестеля. Вопросъ, возбужденный Муравьевымъ, рѣшено было обсудить на собраніи членовъ „Союза“ въ Москвѣ, куда они съѣхались по случаю закладки храма Христа Спасителя (на Воробьевыхъ горахъ, по проекту Витберга) въ сентябрѣ 1818 года, въ отсутствіе Пестеля, который былъ уже въ это время на югѣ. Вопросъ обсуждался въ теченіи нѣсколькихъ засѣданій; однако, когда поставленъ былъ вопросъ о томъ, какое же направленіе принять обществу, и Михаилъ Муравьевъ съ Калошинымъ предложили принять за образецъ уставъ Тугендбунда, то предложеніе ихъ было отвергнуто большинствомъ членовъ, несмотря на поддержку Никиты Муравьева, Якушкина, Бурцева и Фонъ-Визина. Тогда Михаилъ Муравьевъ объявилъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться въ обществѣ. Уходъ его грозилъ увлечь за собой многихъ вліятельныхъ членовъ и послужить сигналомъ къ распаденію союза. Поэтому вопросъ обсуждался еще разъ, Муравьева уговаривали остаться и для составленія новаго устава назначили коммиссію, въ составъ которой вошли: Михаилъ и Александръ Муравьевы, Калошинъ, Никита Муравьевъ и князь Трубецкой. Въ результатѣ работъ этой коммиссіи явился новый уставъ, написанный по образцу Тугендбунда, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ „зеленой книги“. Самое общество рѣшено было переименовать въ „Союзъ благоденствія“.

Побѣда, одержанная такимъ образомъ Михаиломъ Муравьевымъ и его партіей надъ „якобинскимъ“ уставомъ Пестеля, имѣла для общества большое значеніе. Она удержала въ составѣ общества болѣе умѣренные элементы и открыла доступъ въ него многимъ, которые не вступили бы въ него при направленіи, данномъ ему Пестелемъ. Изъ изложеннаго можно заключить, что молодые и пылкіе основатели „Союза спасенія“ не были ни „якобинцами“, ни отъявленными революціонерами, ни республиканцами, а скорѣе всего могутъ быть признаны либералами, или, какъ ихъ называли въ то время, „либералистами“. Изъ всѣхъ участниковъ этого перваго тайнаго общества

тѣхъ временъ единственнымъ человѣкомъ, питавшимъ республиканскіе замыслы и усвоивавшимъ якобинскіе пріемы дѣятельности, былъ П. И. Пестель [1]).

Историковъ того времени смущаетъ впрочемъ одно обстоятельство — это нервныя рѣчи о цареубійствѣ, произнесенныя въ то время въ собраніи молодыхъ офицеровъ. [2]) Но стоитъ только вспомнить, что было причиною этихъ рѣчей, чтобы понять, что онѣ сами по себѣ не только не знаменовали какого-либо умысла, но даже свидѣтельствовали скорѣе о сбивчивости и неясности политическихъ взглядовъ и стремленій ихъ авторовъ. Поводомъ къ этимъ рѣчамъ послужилъ слухъ о намѣреніи Государя присоединить къ Царству Польскому нѣсколько западныхъ губерній Имперіи въ видахъ пріобщенія ихъ къ благамъ конституціоннаго режима, который былъ только что введенъ въ Царствѣ Польскомъ и который Александръ предполагалъ въ это время распространить на всю Россію. [3]) Любопытно, что этотъ слухъ возбудилъ въ нѣкоторыхъ представителяхъ военной молодежи чувства консервативно-патріотическія, шовинисткія, оттѣнивъ на время только что господствовавшее въ ея средѣ либеральное настроеніе. Эти именно чувства вызвали необузданный гнѣвъ И. Д. Якушкина и князя Ѳ. И. Шаховскаго и заставили ихъ произнести слова, въ которыхъ они на другой же день раскаялись [4]). Еще замѣчательнѣе, что эти слухи вызвали однородное настроеніе и въ болѣе политически зрѣломъ человѣкѣ въ М. Ѳ. Орловѣ, который подбивалъ въ это время нѣсколькихъ высокопоставленныхъ генераловъ подать Императору по этому поводу протестъ противъ дарованныхъ Польшѣ либеральныхъ учрежденій, которыя ставили ее въ привиллегированное положеніе въ сравненіи съ Россіей. Н. И. Тургеневъ горько упрекалъ своего друга Орлова по поводу этой попытки,—хотя и не осуществленной, но тѣмъ не менѣе дошедшей до свѣдѣнія Александра,—въ узкомъ и рабскомъ патріотизмѣ. И М. Ѳ. Орловъ—

---

[1]) Срав. Богдановича. „Исторія царствованія Александра I", VI, стр. 417. Кромѣ Пестеля, былъ республиканцемъ еще Новиковъ (племянникъ Н. И. Новикова, правитель канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора); но онъ скоро умеръ и не игралъ замѣтной роли въ обществѣ.

[2]) Сравн. Богдановича. „Истор. царствованія Александра I", VI, стр. 417.

[3]) Тронная рѣчь императора въ Варшавѣ въ 1818 г. при открытіи Польскаго сейма приведена у Пыпина „Общ. движ.", стр. 357 и у Богдановича, т. V, стр. 371—375.

[4]) Черезъ нѣсколько дней послѣ того такое же предложеніе сдѣлалъ Алек. Ник. Муравьеву его родственникъ полков. Артам. Захар. Муравьевъ (Богдановичъ. „Истор. царст. Александра I", т. VI, стр. 418).

какъ сообщаетъ Тургеневъ, имѣлъ благородство признать свою ошибку [1]).

Очевидно, что и предложенія убить Александра, сдѣланныя въ тотъ моментъ сгоряча нѣсколькими пылкими офицерами, наэлектризованными чувствомъ оскорбленной народной гордости, не могутъ быть приняты за признакъ революціонности ихъ настроенія. Подобныя рѣчи не возобновлялись потомъ среди участниковъ тайныхъ обществъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Обѣщаніе же, высказанное Александромъ въ Варшавской рѣчи, произвело среди молодежи самое благопріятное для правительства впечатлѣніе [2]).

Почти одновременно съ возникновеніемъ „Союза спасенія" была другая попытка учрежденія тайнаго общества, на иныхъ, болѣе близкимъ къ массонству, началахъ. Вотъ какъ описываетъ эту попытку Н. И. Тургеневъ: „Нѣсколько времени спустя послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, я встрѣтилъ генерала М. Орлова, котораго я знавалъ за границей и особенно въ Нанси, гдѣ онъ находился въ 1815 г., въ качествѣ начальника штаба русскаго корпуса, квартировавшаго, въ этихъ мѣстахъ. Этотъ генералъ съ большимъ природнымъ умомъ соединялъ благородный, возвышенный характеръ. Что касается образованія, то онъ обладалъ въ высшей степени тѣмъ, которое вообще получаютъ свѣтскіе люди. Какъ всѣ живые и пылкіе умы, которымъ недостаетъ прочныхъ убѣжденій, основанныхъ на солидныхъ познаніяхъ, онъ увлекался всѣмъ, что поражало его воображеніе. Это не мѣшало ему, однако, думать о полезномъ и положительномъ. Назначенный впослѣдствіи начальникомъ дивизіи во 2-й арміи онъ приложилъ чрезвычайныя старанія къ учрежденію и распространенію ланкастерскихъ школъ не только въ своей дивизіи для многочисленныхъ солдатскихъ дѣтей и для солдатъ, но также и для дѣтей городского населенія тѣхъ городовъ, въ которыхъ расположены были части его дивизіи. Онъ отдалъ на это дѣло все свое жалованіе и даже значительную часть своего состоянія. Его заботы дали вскорѣ весьма удовлетворительные результаты, но, въ концѣ концовъ, они повели къ большимъ непріятностямъ, какъ для него лично, такъ и для тѣхъ, кому онъ благодѣтельствовалъ... [3]).

„Когда я встрѣтилъ его въ Петербургѣ (1817 г.)—продолжаетъ Тургеневъ,—то всѣ его мысли были направлены къ франкъ-массон-

[1]) „La Russie et les Ruses", I, 68.

[2]) Воспоминаніе объ этомъ Матвѣя Муравьева Апостола въ „Русск. Стар." за 1873 г., VIII, 105.

[3]) Объ этомъ срав. замѣтку Липранди въ „Русск. Архивѣ" 1866 г., № 10, 1429—1444.

ству; онъ составилъ проектъ возстановить это учрежденіе въ томъ видѣ, какъ оно существовало при Екатеринѣ II, и *придать ему нѣкоторую политическую, или скорѣе, практическую цѣль*. Союзникомъ въ этомъ предпріятіи у него былъ графъ Мамоновъ, который питалъ повидимому большое пристрастіе къ старому русскому массонству... Графъ Мамоновъ былъ, какъ кажется, посвященъ въ въ одну изъ высшихъ степеней стараго массонства; генералъ Орловъ, узнавши эту степень и формулу посвященія, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя измѣненія, въ соотвѣтствіи съ современными идеями, но сохранилъ мистическую форму, господствовавшую въ старинномъ обрядѣ. Онъ показалъ мнѣ свой проектъ, предлагая мнѣ сообщить его нѣкоторымъ изъ знакомыхъ мнѣ франкъ-массоновъ для того, чтобы они попытались ввести его въ свои ложи...“

Тургеневъ, исполняя желаніе Орлова, показалъ эту формулу какому-то высокопоставленному массону, котораго благодаря этому впослѣдствіи призывали даже къ допросу во время слѣдствія надъ декабристами, но, убѣдившись въ его невинности, освободили отъ всякой отвѣтственности.—Орловъ сообщилъ тогда же Тургеневу, что онъ только что составилъ зерно общества, основаннаго на этой реликвіи. Это была попытка учрежденія политическаго тайнаго общества съ приданіемъ ему массонскихъ формъ, которыя фигурировали въ „Донесеніи“ слѣдственной комиссіи подъ именемъ „Общества Русскихъ Рыцарей“ [1]) Орловъ назвалъ Тургеневу своихъ сотоварищей,—это были два адъютанта государя. Впослѣдстіи одинъ изъ нихъ, говоря съ Тургеневымъ о „Союзѣ благоденствія“, съ которымъ предлагали соединить общество, проектированное Орловымъ, сказалъ ему, что они на это несогласны, что они лучше посмотрятъ, какъ станетъ дѣйствовать „Союзъ благоденствія“ и воспользуются и хорошими, и дурными его результатами. „Какъ видно,—заключаетъ Тургеневъ,—эти господа были „политики“!“ Онъ вспоминаетъ, что основатели „Союза благоденствія“ вели переговоры съ Орловымъ, но не могли тогда столковаться. Впослѣдствіи Орловъ оставилъ свой полумассонскій проектъ, вступилъ въ „Союзъ благоденствія“ и вышелъ изъ него лишь при самомъ его закрытіи [2]). Такъ какъ Тургеневъ тогда не принадлежалъ самъ ни къ какому тайному обществу, и такъ

---

[1]) Пыпинъ, стр. 364.

[2]) „La Russie et les Russes“, I, 159—162. Въ „Донесеніи“ слѣдственной комиссіи сказано: „Генералъ-маіоръ Михайло Орловъ и Николай Тургеневъ, не успѣвъ въ намѣреніи завести свое общество, вступили въ „Союзъ благоденствія“.

какъ дѣло происходило въ 1817 году, то слѣдуетъ, вѣроятно, подъ „Союзомъ благоденствія" разумѣть здѣсь „Союзъ спасенія". Въ „Союзъ" же „благоденствія" М. Ѳ. Орловъ вступилъ, повидимому, вскорѣ же послѣ его открытія, вѣроятно, какъ только познакомился съ его уставомъ [1]). Во всякомъ случаѣ въ самомъ началѣ 1819 года онъ уже жилъ въ Кіевѣ и былъ въ это время уже членомъ „Союза", какъ это видно изъ „Записокъ" С. Г. Волконскаго [2]).

---

[1]) Въ „Донесеніи" объ этомъ предметѣ изложено слѣдующее: „Они (члены „Союза спасенія") тогда же предложили присоединиться къ нимъ Якушкину, незадолго передъ тѣмъ уѣхавшему изъ Петербурга, и генералъ-маіору Михаилу Орлову, который въ сіе время думалъ вмѣстѣ съ гр. Мамоновымъ и д. с. с. Николаемъ Тургеневымъ завести другое общество подъ названіемъ „Русскихъ Рыцарей". На совѣщаніяхъ между ними и Александромъ Муравьевымъ они взаимно приглашали другъ друга въ свое общество и не могли согласиться въ правилахъ соединенія. Генералъ-маіоръ Орловъ сначала, какъ онъ самъ объявляетъ, хотѣлъ составить общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія и полагалъ испросить на то Высочайшаго одобренія; потомъ, вѣря дошедшимъ до него слухамъ, будто покойный императоръ намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ, и приписывая сіе вліянію польскихъ тайныхъ обществъ, имѣлъ мысль посредствомъ своего сообщества противодѣйствовать онымъ; планъ его не исполнился, и общество, имъ предполагаемое, не составилось" („Русская Старина", 1901, № 8, 271).

Судя по изложенному здѣсь показанію М. Ѳ. Орлова, уставъ „Союза благоденствія", выработанный вскорѣ послѣ того М. Н. Муравьевымъ, долженъ былъ вполнѣ его удовлетворить.

[2]) „Записки", стр. 405, 409.

ГЛАВА VI.

Уставъ „Союза Благоденствія" или „Зеленая книга". — Цѣль общества и его мирный характеръ.—Откровенность пропаганды.—„Отрасли" Союза. — Организація общества. — Условія вступленія въ Союзъ. — Число членовъ, ихъ дѣятельность въ 1818—1820 гг.—Роль Тургенева и другихъ.—Недовольство правительствомъ.—Имѣла ли дѣятельность „Союза Благоденствія" прямую политическую цѣль?—Подготовительный характеръ этой дѣятельности.—Факты, приводимые въ „Донесеніи".—Правительственная реакція и предупрежденія, полученныя нѣкоторыми членами.—Закрытіе общества послѣ съѣзда въ Москвѣ въ 1821 году.

Возвращаясь къ «Союзу благоденствія», иначе именовавшемуся «Обществомъ Зеленой книги» по цвѣту переплета, въ который былъ заключенъ уставъ, выработанный Михаиломъ Муравьевымъ, изложимъ вкратцѣ содержаніе этого устава. Прототипомъ ему послужилъ уставъ Tugendbund'а, напечатанный въ «Freiwillige Blätter» и доставленный Муравьеву, по разсказу его брата Сергѣя Николаевича, кн. П. П. Лопухинымъ, а по словамъ «Донесенія», привезенный изъ-за границы кн. И. А. Долгорукимъ. Уставъ этотъ напечатанъ полностью во-2-мъ изданіи книги А. Н. Пыпина, который сопоставляетъ въ примѣчаніяхъ отдѣльныя статьи его съ соотвѣтствующими статьями устава Tugendbund'а.

«Убѣдясь,—гласитъ § 1 устава,—что добрая нравственность есть твердый оплотъ благоденствія и доблести народной и что при всѣхъ объ ономъ заботахъ правительства, едва ли достигнетъ оное своей цѣли, ежели управляемые съ своей стороны ему въ сихъ благотворныхъ намѣреніяхъ содѣйствовать не станутъ, „Союзъ благоденствія" въ святую себѣ вмѣняетъ обязанность, распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія, споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена.

«§ 2. Имѣя цѣлью *благо отечества, союзъ не скрываетъ*

оной отъ благомыслящихъ сограждань, но для избѣжанія злобы и зависти дѣйствія онаго должны производиться втайнѣ.

«§ 3. Союзъ, стараясь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ соблюдать въ полной строгости правила справедливости и добродѣтели, *отнюдь не обнаруживаетъ тѣхъ ранъ, къ исцѣленію коихъ немедленно приступить не можетъ*, ибо не тщеславіе или иное какое побужденіе, но стремленіе къ общему благоденствію имъ руководитъ.

«§ 4. *Союзъ надѣется на доброжелательство правительства*, основываясь особенно на слѣдующихъ изрѣченіяхъ наказа въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Екатерины Вторыя: «Если умы ихъ недовольно пріуготовлены къ нимъ (къ законамъ), то возьмите на себя трудъ ихъ пріуготовить и вы тѣмъ уже много сдѣлаете». И въ другомъ мѣстѣ: «Весьма дурная политика та, которая исправляетъ законами то, что должно исправить нравами [1]).

Эти четыре §§ показываютъ, что составители устава заранѣе имѣли въ виду, что существованіе «союза», по всѣмъ вѣроятіямъ, не укроется отъ вниманія правительства; сами же они и не намѣревались, повидимому, дѣлать изъ этого особаго секрета. Біографъ М. Н. Муравьева со словъ его брата разсказываетъ, что Муравьевъ предложилъ даже, подобно тому, какъ это хотѣлъ сдѣлать Орловъ въ отношеніи своего общества, испросить на основаніе «Союза» разрѣшеніе государя [2]). Члены «Союза» не приняли этого предложенія, и г. Кропотовъ совершенно напрасно упрекаетъ ихъ по этому поводу въ излишнемъ честолюбіи, тщеславіи и проч.: неудавшаяся попытка Воронцова и Меньшикова въ 1820 году образовать открытое общество изъ помѣщиковъ для подготовленія освобожденія крестьянъ показываетъ лучше всего, что «Союзъ благоденствія» при всей скромности своихъ цѣлей едва ли получилъ бы разрѣшеніе правительства. А что тайна его существованія, дѣйствительно, не охранялась строго,—это доказывается фактомъ широкой и свободной пропаганды среди лицъ, принадлежавшихъ къ высшему петербургскому обществу, изъ которыхъ нѣкоторые близко стояли ко двору. Н. И. Тургеневъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ откровенно и, какъ онъ выражается, «наивно» велъ свою пропаганду кн. С. П. Трубецкой. «Въ концѣ 1819 г.,—разсказываетъ Тургеневъ,—ко мнѣ пришелъ однажды кн. Трубецкой. Я едва зналъ его по имени. Не

---

[1]) „Законоположеніе союза благоденствія". Приложеніе къ „Обществ. движен." А. И. Пыпина, стр. 505—506.

[2]) Кропотовъ, н. с. 216. Срав. у Богдановича, т. VI, стр. 419 — 420 и въ „Донесеніи" слѣдств. комиссіи.

входя много въ предварительныя объясненія, онъ мнѣ сказалъ, что по всему тому, что онъ знаетъ о моихъ взглядахъ, онъ полагалъ себя обязаннымъ предложить мнѣ вступить въ одно общество, уставъ котораго онъ тутъ же мнѣ передалъ. Это былъ уставъ того самаго «Союза благоденствія», о которомъ говорится въ «Донесеніи», слѣдственной коммиссіи о событіяхъ 1825 года. Онъ прибавилъ, что сдѣлалъ только что такое же предложеніе одному поэту, съ которымъ я находился въ очень дружескихъ отношеніяхъ, но что тотъ отказался. Кн. Трубецкой, надо замѣтить,—прибавляетъ Тургеневъ,—и этого поэта зналъ не болѣе, нежели онъ зналъ меня» [1]). Поэтъ этотъ, очевидно, былъ Жуковскій, который въ это время уже близко стоялъ ко двору, давая уроки русскаго языка великой княгинѣ (впослѣдствіи императрицѣ) Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

По уставу члены союза дѣлились по роду своихъ занятій на четыре *отрасли*: каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, причемъ не возбранялось участвовать въ занятіяхъ и всѣхъ остальныхъ. Въ первой отрасли предметомъ дѣятельности было *человѣколюбіе*, т. е. благотворительность.

Замѣчательно, что въ противность нѣмецкому прототипу членамъ союза не предписывалось отпускать своихъ крестьянъ на волю (что требовалось обязательно отъ членовъ Тугендбунда), а установлялись лишь слѣдующія два правила (§ 11 книги IV): „члены сей отрасли обращаютъ вниманіе помѣщиковъ на отклоненіе крестьянъ бродить по міру: и тѣхъ, у коихъ болѣе таковыхъ, подвергаютъ сужденію соотечественниковъ, дабы тѣмъ заставить ихъ взять мѣры къ прекращенію праздношатанія“, и § 12: „Вообще стараются склонять помѣщиковъ къ хорошему съ крестьянами обхожденію, представляя *что подданные такіе же люди и что никакихъ въ мірѣ отличныхъ правъ не существуетъ, которые дозволили бы властителямъ жестоко съ подвластными обходиться*“.

Изъ этого можно видѣть, какъ отразились на уставѣ „Союза Благоденствія“ консервативныя тенденціи его составителя.

Во второй отрасли предметомъ занятій должно было служить *умственное и нравственное образованіе*, распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, а также и черезъ примѣры доброй нравственности, разговоры и сочиненія, соотвѣтствующія этимъ задачамъ и цѣли общества. Членамъ этой отрасли поручался

[1]) „La Russie et les Russes“, I, 77.

надзоръ за всѣми школами; *они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію.*

Послѣднее обстоятельство показываетъ, что предпріятіе членовъ „Союза благоденствія“ основывалось во всякомъ случаѣ не на однихъ общихъ либеральныхъ стремленіяхъ и любви къ человѣчеству вообще, но и на чисто патріотическихъ чувствахъ, которыя особенно ярко проявлялись у нѣкоторыхъ членовъ (Якушкина, Муравьевыхъ, Орлова).

Предметомъ попеченія членовъ третьей отрасли являлось *правосудіе.* Члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выбору дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностью, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства.

Наконецъ, члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ *политической экономіи*; стараться изыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ... „Вѣроятно— сказано въ „Донесеніи“ слѣдственной комиссіи—что для сего въ особенности нѣкоторые (въ томъ числѣ Михаило Муравьевъ) предлагали испросить согласіе покойнаго императора на учрежденіе ихъ общества“...

Въ донесеніи Бенкендорфа, поданномъ въ 1821 году, сказано, что число членовъ „союза“ въ 1818 году было уже болѣе 200 человѣкъ [1]). Ту же цифру приводитъ и Н. И. Тургеневъ для 1819 года [2]). Онъ утверждаетъ, однако, что во время его вступленія въ „Союзъ“ — въ концѣ 1819 года—требованія устава вовсе не соблюдались, что молодежь, вступавшая въ союзъ, требовала себѣ живого дѣла со всѣмъ пыломъ и нетерпѣніемъ молодости и что ставила этимъ въ большое затрудненіе вожаковъ союза [3]). Если разумѣть подъ этимъ опредѣленную политическую дѣятельность, то ея, повидимому, дѣйствительно, не было, по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ и въ Петер-

---

¹) Шильдеръ, н. с., IV 210.
²) La Russie et les Russes, I, 85.
³) Ibidem, 81.

бургѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также и поведеніе членовъ „союза“, напримѣръ, Сергѣя Муравьева—Апостола, во время возмущенія семеновскаго полка [1]). Даже въ донесеніи генерала Бенкендорфа, который не стѣсняется утверждать, что Николай Тургеневъ „бредитъ гильотиною“, что генералъ Орловъ предлагалъ дѣлать и распространять фальшивыя ассигнаціи, что генералъ Фонъ-Визинъ и полковникъ Граббе „готовы на все“ и что члены тайнаго общества возлагаютъ большія надежды въ дѣлѣ революціи на Воронцовыхъ и тому подобныя нелѣпости, при всей своей безцеремонности, тоже не указывается ни единаго факта, могущаго подтверждать наличность какого-нибудь *политическаго заговора* или вообще опредѣленнаго политическаго предпріятія въ средѣ „Союза благоденствія“, и въ концѣ-концовъ сводится все лишь къ тлетворному вліянію на молодежь Николая Тургенева и нѣкоторыхъ его друзей, имъ руководимыхъ [2]). При тогдашнемъ общемъ положеніи вещей, при томъ уставѣ, который былъ принятъ въ „Союзъ благоденствія“, дѣятельность его членовъ едва ли и могла выражаться въ какихъ-либо политическихъ предпріятіяхъ, и съ этой точки зрѣнія она не могла не быть и въ дѣйствительности была достаточно прѣсной, и конечно, не могла удовлетворить пылкія требованія нетерпѣливой молодежи, что и повело естественно къ упадку дѣятельности „Союза“ и къ закрытію его въ 1821 году.

Очень можетъ быть, что формальности и порядокъ управленія, установленные „Зеленой книгой“, не соблюдались строго, но Тургеневъ едва ли вполнѣ основательно утверждалъ, что члены „Союза“ не приписывались къ секціямъ или „отраслямъ“ и не исполняли никакихъ дѣлъ, предписываемыхъ уставомъ. Лучшимъ опроверженіемъ его словъ можетъ служить прежде всего его собственная дѣятельность. Хотя онъ можетъ быть формально и не приписался ни къ одной изъ секцій „Союза“, но своими дѣйствіями по крестьянскому дѣлу онъ выполнялъ болѣе, чѣмъ требовало бы отъ него участіе въ 1-й отрасли „Союза“ (по части человѣколюбія); своей научной и литературной дѣятельностью онъ несомнѣнно выполнялъ обязанности, связанныя съ принадлежностью ко 2-й и 4-й отраслямъ

[1]) Богдановичъ, н. с. т. V.

[2]) Шильдеръ, н. с. IV. 204—215. Для читателя, прочитавшаго со вниманіемъ все изложенное въ первыхъ главахъ этой работы, личность и дѣятельность Н. И. Тургенева достаточно выяснилась на основаніи данныхъ основанныхъ на документахъ, чтобы понять, насколько нелѣпы обвиненія и клеветы, взводимыя на него Бенкендорфомъ. Неудивительно, что Александръ не обратилъ на это никакого вниманія и сталъ даже показывать къ послѣднему холодность.

(распространеніе просвѣщенія и занятіе политической экономіей), не говоря уже объ организаціи имъ лекцій и чтеній для молодыхъ офицеровъ-членовъ общества, и въ довершеніе всего онъ принималъ живое участіе въ разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, относившихся къ упорядоченію судоустройства и судопроизводства въ Россіи. Однимъ словомъ самъ Н. И Тургеневъ по своей государственной, общественной и литературной дѣятельности можетъ быть безъ сомнѣнія признанъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ „Союза благоденствія“. Конечно, было бы очень трудно сказать, что именно Николай Тургеневъ сдѣлалъ въ качествѣ члена „Союза благоденствія“, за то можно сказать, что все, что онъ дѣлалъ,—онъ дѣлалъ въ полномъ соотвѣтствіи съ цѣлями „Союза благоденствія“.

Такою же представляется дѣятельность М. Ѳ. Орлова, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ланкастерскихъ школъ, вполнѣ отвѣчавшая требованіямъ 2-й отрасли „Союза“. Такова же дѣятельность И. И. Пущина, пожертвовавшаго своей карьерой и вступившаго вскорѣ по окончаніи лицея въ надворный судъ засѣдателемъ, исключительно въ цѣляхъ способствованія правосудію въ духѣ обязанностей, налагавшихся уставомъ на членовъ 3-й отрасли „Союза“. Такова же была дѣятельность Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, Якушкина, Шаховского и другихъ офицеровъ Семеновскаго полка и нѣкоторыхъ другихъ гвардейскихъ частей, о которой вспоминаетъ Н. И. Тургеневъ [1]), и которая безъ сомнѣнія вполнѣ соотвѣтствовала 1-й и 2-й отрасли „Союза благоденствія“ [2]).

Совершенно понятно, что молодежь, видѣвшая усиливавшееся вліяніе Аракчеева и подвиги Магницкихъ и Руничей въ сферѣ народнаго образованія, не могла удовлетвориться одной подготовительной, культурной работой. Она естественно казалась ей слишкомъ ничтожной по сравненію съ тѣми блистательными идеалами, которые внушены ей были отчасти ознакомленіемъ съ европейскими порядками, отчасти начинаніями и обѣщаніями самого правительства.

Н. И. Тургеневъ, смотрѣвшій глубже въ корень вещей, не могъ увлечься стремленіями пылкой, но неподготовленной молодежи, потому что онъ ставилъ на первый планъ крестьянскій вопросъ и разрѣшенія его ждалъ отъ самодержавной власти. Но и онъ не могъ

---

[1]) „La Russie et les Russes“, II, 351.

[2]) Вигель, недоброжелательно относившійся къ Тургеневу, писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что ему неоднократно случалось видѣть гражданскихъ и военныхъ юношей „густой толпой“ наполнявшихъ кабинетъ Тургенева и съ подобострастнымъ вниманіемъ принимавшихъ его слова (ч. V, стр. 47).

особенно дорожить существованіемъ „Союза благоденствія“ потому, что все, что онъ дѣлалъ для достиженія своей завѣтной цѣли—освобожденія или, по крайней мѣрѣ, облегченія участи крѣпостныхъ крестьянъ,—онъ могъ дѣлать и дѣлалъ помимо „Союза“ и независимо отъ своей принадлежности къ нему. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдился, что тайныя общества не могли служить ему удобной ареной для распространенія его идей.

Поэтому и онъ, какъ и другіе члены „Союза“, довольно легко согласился на его распущеніе.

Но прежде чѣмъ остановиться подробнѣе на распущеніи „Союза благоденствія“, попытаемся выяснить, имѣлъ ли „Союзъ“ въ виду какую-либо политическую цѣль въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ. „Донесеніе“ слѣдственной коммиссіи утверждаетъ главнымъ образомъ на основаніи показанія Семенова, секретаря союза, что скрытая цѣль „Союза благоденствія“ была политическая, а именно учрежденіе въ Россіи представительнаго правленія. Если сопоставить это показаніе и показанія другихъ членовъ съ принятымъ ими намѣреніемъ составить таинственную вторую часть устава, о которой упоминается въ 1-ой части и которую пытался составить, хотя и неудачно, Никита Муравьевъ, то, повидимому, необходимо признать, что политическая цѣль имѣлась въ виду членами коренного союза, причемъ едва ли можно назвать ее „скрытой“, такъ какъ довольно ясные намеки на нее можно найти и въ первой части устава. Такъ, § 4 книги первой говоритъ о *подготовленіи умовъ* къ новымъ законамъ, и если принять во вниманіе, что это писалось въ 1818 г., то подъ этими законами можно разумѣть не что иное, какъ конституціонный режимъ, который императоръ Александръ въ рѣчи, торжественно сказанной въ этомъ именно году въ Варшавѣ при открытіи польскаго сейма, обѣщался распространить на всѣ части имперіи, *когда онѣ будутъ къ тому достаточно подготовлены.*

Было бы однако ошибочно думать, что первая часть устава была лишь ширмой, сочиненной для отвода глазъ правительства. Если бы это было такъ, то въ ней не было бы, конечно, никакого упоминанія о 2-ой части, которая (согласно § 21 кн. 3) должна была (по ея составленіи и принятіи) сообщиться членамъ „Союза“. *Подготовительная* роль союза была воспринята его членами, несомнѣнно, совершенно серьезно и сознательно, на что указываетъ, между прочимъ, и включеніе въ уставъ такихъ правилъ, какъ § 3 книги I, въ кото-

---

[1]) Срав. Богдановича, VI, 420.

ромъ указывалось, что „Союзъ“, серьезно стремясь къ общему благоденствію, *отнюдь не обнаруживаетъ тѣхъ ранъ, къ исцѣленію коихъ немедленно приступить не можетъ*, или какъ § 16 книги 2-ой, воспрещавшій членамъ „Союза“ вступать въ неодобренныя правительствомъ сообщества, ибо „Союзъ“, „дѣйствуя къ благу Россіи и слѣдовательно къ цѣли правленія, не желаетъ подвергнуться его подозрѣнію“.

И если принять во вниманіе, что члены „Союза“, дѣйствительно, могли въ 1818 г. съ полнымъ основаніемъ разсчитывать, что само правительство желаетъ введенія въ Россіи свободныхъ учрежденій, то легко можно понять и повѣрить, что подготовительной дѣятельности въ смыслѣ гражданскаго воспитанія общества они должны были искренно придавать весьма серьезное значеніе. Этимъ и объясняется, вѣроятно, тотъ фактъ, что въ 1818 г. они не торопились принять и ввести въ дѣйствіе вторую часть устава, которая должна была, вѣроятно, ставить передъ ними уже не подготовительную, а прямую политическую задачу. Нетерпѣливое же стремленіе къ политическимъ реформамъ стало обнаруживаться лишь по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ западно-европейскихъ событій и западноевропейскихъ вліяній, ускользала надежда на осуществленіе прежнихъ либеральныхъ намѣреній императора Александра, особенно начиная съ 1820 г. Итакъ хотя политическая цѣль не упускалась изъ виду членами „Союза благоденствія“, но въ то же время всѣ помыслы и толки о достиженіи этой цѣли въ 1818—1820 гг. отнюдь не имѣли еще характера заговора, потому что въ то время члены „Союза“ надѣялись многаго достичь при помощи самого правительства, а вовсе не наперекоръ ему. Это обстоятельство придавало многимъ политическимъ мечтаніямъ и планамъ того времени совершенно лойяльный характеръ. И вотъ почему и слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ было довольно трудно придать криминальный или даже просто неблагонамѣренный характеръ политическимъ толкамъ и планамъ членовъ „Союза благоденствія“. Въ ихъ частныхъ собраніяхъ несомнѣнно очень часто дебатировались политическіе вопросы; среди нихъ устраивались чтенія и диспуты политическаго содержанія; но едва ли подготовленіе умовъ путемъ чтенія и толкованія сочиненій Бенжамена Констана, Бентама, Траси, Адама Смита и т. п. можно было признать противоправительственнымъ въ то время, когда самимъ императоромъ было громогласно объявлено, что онъ намѣревается распространить на всю Россію свободныя политическія учрежденія, какъ только признаетъ ее болѣе готовой къ воспріятію этихъ учрежденій. Единственный

намекъ на приготовленіе къ *незаконной* политической агитаціи, путемъ изданія нелегальнаго журнала, слѣдственная коммиссія добыла не изъ показаній членовъ общества, а изъ доноса „посторонняго свидѣтеля“. Тургеневъ былъ пораженъ тѣмъ, что намѣреніе издавать журналъ (вполнѣ легальный), которое, дѣйствительно, было ему присуще, обращено было въ одинъ изъ обвинительныхъ пунктовъ противъ него. Онъ не зналъ, конечно, въ то время, что это обвиненіе взято было изъ донесенія Бенкендорфа, и не обратилъ вниманіе на то, что ему приписано было намѣреніе издавать журналъ *нелегальный* и даже завести для этого тайную типографію въ Россіи или заграницей [1]). Несправедливость этого обвиненія для насъ очевидна; оно казалось, повидимому, сомнительнымъ и самой слѣдственной коммиссіи, которая привела его съ оговоркой; но авторитетъ Бенкендорфа былъ великъ въ глазахъ императора Николая и въ этомъ и заключалась, можетъ быть, главная причина суровости приговора, постановленнаго противъ Тургенева.

Другой фактъ, приведенный въ „Донесеніи“ слѣдственной коммиссіи для характеристики „Союза благоденствія“, опирается на показанія Пестеля, впрочемъ настолько несогласныя съ показаніями другихъ членовъ союза, что сама слѣдственнная коммиссія не рѣшалась сдѣлать его однимъ изъ пунктовъ обвиненія. Пестель въ одномъ изъ показаній заявилъ, что въ 1820 году въ засѣданіи управы, на квартирѣ у полковника Глинки, онъ излагалъ по предложенію блюстителя совѣта кн. И. А. Долгорукаго относительныя выгоды и невыгоды республиканской и монархической формы правленія, послѣ чего вопросъ о предпочтеніи той или другой формы правленія пущенъ былъ на голоса, — причемъ за монархію подалъ голосъ одинъ лишь Глинка, а всѣ остальные подали голоса за республику. Въ томъ числѣ Николай Тургеневъ, будто бы сказавшій: „Un president sans phrases“ (т. е. „президентъ безъ дальнихъ толковъ“.) Пестель призналъ это голосованіе за постановленіе Коренного Союза, подлежащее сообщенію во всѣ управы и передалъ его какъ таковое Тульчинской управѣ. Присутствовавшіе въ этомъ собраніи секретарь общества Семеновъ и члены фонъ-Бриггенъ, Комаровъ и Глинка

---

[1]) „La Russie et les Russes“, I, 165. Срав. записку Тургенева въ статьѣ подъ названіемъ „Никол. Ив. Тургеневъ въ своемъ оправданіи“ въ „Русской Старинѣ“ за 1901 г. № 8, стр. 280 и слѣд. Замѣчательно, что въ „Донесеніи“ слѣдственной коммиссіи донесеніе Бенкендорфа скромно названо „показаніемъ одного посторонняго свидѣтеля“, а въ примѣчаніи къ этому мѣсту сказано: „Такъ говоритъ сочинитель записки, найденной въ бумагахъ покойнаго императора, бывшій, какъ видно, членомъ „Союза благоденствія“.

показали, что это собраніе вовсе не было засѣданіемъ Управы, что разговоръ, въ немъ происходившій, не имѣлъ никакого формальнаго значенія, что не было сдѣлано никакого постановленія и дѣло кончилось споромъ, въ которомъ Глинка доказывалъ, что въ Россіи не могло быть другого правленія кромѣ монархическаго и что, наконецъ, Тургеневъ сказалъ вовсе не то, что приписалъ ему Пестель, а слѣдующую фразу: „республиканское правительство съ президентомъ во главѣ очень хорошо; но вообще все зависитъ отъ системы народнаго представительства". Изъ всѣхъ этихъ показаній слѣдственная коммисія сдѣлала заключеніе, что можно считать установленнымъ фактомъ, что между членами „Союза" происходили о различныхъ формахъ правленія *разговоры* и дебаты, которые многіе изъ членовъ могли разсматривать, какъ формальныя постановленія. Тѣмъ не менѣе сама же коммиссія приводитъ тутъ же показаніе Никиты Муравьева,—а его показанія отличались, какъ извѣстно, полной откровенностью,—что эти дебаты не имѣли никакого вліянія на огромное большинство членовъ „Союза" за исключеніемъ одной лишь Тульчинской управы. Впрочемъ въ разговорахъ, происходившихъ между отдѣльными членами „Союза благоденствія" (Пестелемъ, Сергѣемъ, Муравьевымъ, Лунинымъ и Никитой Муравьевымъ) въ 1820 году дѣло не ограничивалось одними теоретическими сужденіями о выгодахъ того или иного политическаго строя, но доходило и до обсужденія способовъ водворенія республиканскаго режима въ Россіи, причемъ неизбѣжно рѣчь заходила и о томъ, что же дѣлать съ царствующимъ Императоромъ и со всей царской фамиліей. Нѣкоторые члены предлагали истребить все царское семейство и даже говорили объ учрежденіи для этого особаго отряда отчаянныхъ людей; другихъ подобныя рѣчи и предложеніе приводили въ ужасъ; иные указывали на неизбѣжность анархіи и народныхъ волненій, которыя послѣдовали бы за истребленіемъ царствующаго дома; Пестель доказывалъ, что анархію и волненія можно предотвратить учрежденіемъ временнаго правительства и диктаторскою властью, съ чѣмъ согласился во время одного разговора и Никита Муравьевъ, который впослѣдствіи всегда высказывался противъ подобныхъ предложеній Пестеля и вообще отрицалъ возможность и цѣлесообразность учрежденія въ Россіи республиканскаго правленія.

Николай Ивановичъ Тургеневъ, не принимавшій участіе въ подобныхъ разговорахъ, выражалъ впослѣдствіи сомнѣніе въ томъ, что такіе разговоры были на самомъ дѣлѣ и приводилъ при этомъ слухи, ходившіе въ обществѣ въ 1826 г., о вынужденности нѣкоторыхъ

показаній и даже о пыткахъ, которымъ подвергались члены тайныхъ обществъ. Теперь однако же, послѣ появленія значительнаго числа мемуаровъ самихъ декабристовъ, частью напечатанныхъ за границей, нельзя отрицать, что разговоры, подобные вышеприведеннымъ, дѣйствительно бывали между отдѣльными членами „Союза Благоденствія", причемъ они почти всегда возбуждались Пестелемъ или въ его присутствіи. Въ недавно изданныхъ запискахъ С. Г. Волконскаго прямо указано, что въ „Южномъ обществѣ" послѣ закрытія „Союза Благоденствія" т. е. когда тамъ окончательно восторжествовала республиканская якобинская программа Пестеля,—было положено „что цареубійство должно быть принято въ Южной думѣ основнымъ правиломъ, какъ для старыхъ, такъ и при пріемѣ новыхъ членовъ". Эта мѣра—поясняетъ тутъ же Волконскій—въ основаніи своемъ имѣла не безусловное проведеніе въ дѣйствительность, но была какъ бы обуздывающимъ предохранительнымъ средствомъ отъ удаленія членовъ изъ общества: согласіе на такую мѣру не давало уже возможности къ выходу; удаленіе же изъ членовъ общества не уменьшало полной отвѣтственности за первоначальное согласіе"... „Это изложеніе—прибавляетъ Волконскій—не есть вымыселъ теперь мною придуманный, но чистая того времени уловка; и это я высказываю по сущей истинѣ" [1]). Это показаніе Волконскаго совпадаетъ съ содержаніемъ извѣстной рѣчи Юшневскаго, которая была произнесена, въ видахъ устраненія слабыхъ и нерѣшительныхъ членовъ, тотчасъ по полученіи въ Тульчинѣ извѣстія о распущеніи „Союза Благоденствія" [2]).

Во всякомъ случаѣ изъ вышеизложеннаго видно, что всѣ разсужденія о формахъ правленія въ 1820 г. между членами „Союза Благоденствія" были простыми *разговорами* и отнюдь не имѣли значенія постановленій или рѣшеній „Союза", сколько-нибудь обязательныхъ для его членовъ. Наличность ихъ и особенно рѣзкость высказывавшихся сужденій показываетъ только, что къ этому времени среди нѣкоторыхъ членовъ Союза значительно усилилось стремленіе къ чисто политической дѣятельности. Очевидно, что ихъ уже не могла удовлетворять мирная подготовительная дѣятельность „Союза Благоденствія".

Между тѣмъ принадлежность и къ этому мирному „Союзу" становилась небезопасной. Послѣ „Исторіи" въ Семеновскомъ полку, разразившейся въ маѣ 1820 года, и въ особенности послѣ конгресса

---

1) „Записки" кн. С. Г. Волхонскаго, стр. 412.
2) Богдановичъ, VI, 428.

въ Лайбахѣ, императоръ Александръ сталъ очень неблагосклонно смотрѣть на всякаго рода тайныя общества, пропагандѣ которыхъ онъ приписывалъ бунтъ Семеновскаго полка [1]) и силу которыхъ вообще склоненъ былъ преувеличивать [2]). Такое настроеніе Александра поддерживалось докладами Паулучи, Новосильцова, Васильчикова, доносами въ родѣ Бенкендорфскаго и тревожными извѣстіями изъ Западной Европы, а также наставленіями кн. Меттерниха [3]).

Члены „Союза" съ разныхъ сторонъ стали получать предостереженія [4]) и многіе изъ нихъ стали опасаться, если не за свою личную непрекосновенность, то за свою карьеру. Другимъ дальнѣйшее пребываніе въ „Союзѣ" сдѣлалось неудобнымъ по разнымъ домашнимъ обстоятельствамъ, напр. М. Ѳ. Орлову, задумавшему около этого времени жениться на дочери генерала Раевскаго, родные невѣсты поставили непремѣннымъ условіемъ ихъ согласія выходъ изъ общества [5]). Нѣкоторымъ пребываніе въ „Союзѣ" просто наскучило. Въ результатѣ, когда члены „Союза" съѣхались въ Москвѣ въ январѣ 1821 г. для совѣщаній о преобразованіи „Союза", вопросъ о преобразованіи очень быстро превратился въ вопросъ о распущеніи общества. Въ первомъ же засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Орлова, онъ заявилъ о своемъ выходѣ изъ общества. Его примѣру послѣдовали: Глинка, князь Илья Долгорукій и другіе. За этимъ послѣдовалъ рядъ совѣщаній, происходившихъ большею частью на квартирѣ у М. А. Фонвизина, причемъ предсѣдательствовалъ обыкновенно Н. И. Тургеневъ [6]).

На этихъ совѣщаніяхъ предлагались и обсуждались различные планы преобразованія общества, но съѣхавшіеся не могли столковаться и остановились на мысли о необходимости, въ виду отсутствія

---

1) Шильдеръ, IV, стр. 185.

2) „La Russie et les Russes", I, стр. 88.

3) Шильдеръ, IV, passim; Богдановичъ, V и VI.

4) Черезъ Глинку, адъютанта Милорадовича, петербургскаго генералъ-губернатора („Зап." Волконскаго, 411), чрезъ Орлова (отъ его брата ген.-адъют. А. Ѳ. Орлова, см. „La Russie et les Russes", I, 84), чрезъ Ермолова, при проѣздѣ его на Кавказъ (ibidem, I, 88) и др.

5) „Записки" Волконскаго, 410. Выше мы уже говорили о недостовѣрности свѣдѣній, сообщенныхъ Якушкинымъ въ его запискахъ и Бенкендорфомъ въ его доносѣ о поведеніи Орлова въ этомъ случаѣ. Ср. „Русс. Старину" 1873 г., III, 374, письмо гр. Граббе.

6) Онъ и Глинка были уполномоченными Коренной управы, братья Фонвизины, И. Д. Якушкинъ, Граббе, Калошины и М. Н. Муравьевъ—отъ Московской, Бурцовъ и Комаровъ — отъ Тульчинской, М. Ѳ. Орловъ и Охотниковъ (адъютантъ Орлова) пріѣхали изъ Кіева. Кн. С. Г. Волконскій также пріѣхалъ въ Москву депутатомъ Тульчинской управы, но онъ не участвовалъ въ рѣшеніяхъ, не будучи членомъ коренного союза („Записки", 411).

единенія и единомыслія между членами, закрыть Союзъ. Это рѣшеніе было объявлено въ послѣднемъ засѣданіи Н. И. Тургеневымъ и ему же было поручено редактировать письменное постановленіе съѣзда о распущеніи союза и разослать его во всѣ управы, что имъ и было исполнено. Засѣданія этого съѣзда продолжались около трехъ недѣль, и по всѣмъ вѣроятіямъ, нѣкоторыя изъ предложеній о преобразованіи Союза, обсуждавшіяся въ теченіе этого срока, и послужили ошибочнымъ основаніемъ къ послѣдующимъ утвержденіямъ и толкамъ о томъ, что будто бы Н. И. Тургеневъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами, тотчасъ по объявленіи Союза прекратившимся, обсуждали вопросъ о его возобновленіи въ иномъ видѣ. Тургеневъ же не переставалъ утверждать и до осужденія, и по осужденіи своемъ, что съ момента закрытія „Союза Благоденствія" онъ не принадлежалъ ни къ какимъ тайнымъ политическимъ обществамъ и не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ ихъ возстановленію. Въ Москвѣ онъ принялъ лишь участіе въ обсужденіи проекта И. Д. Якушкина объ учрежденіи общества помѣщиковъ для постепеннаго освобожденія крестьянъ на волю, подобнаго тому, какое гр. Воронцовъ и кн. Меньшиковъ хотѣли устроить въ 1820 г. при участіи между прочимъ и Н. И. Тургенева [1]). Затѣмъ, побывавъ въ своемъ симбирскомъ имѣніи и возвратившись въ Петербургъ, Н. И. Тургеневъ, по желанію нѣкоторыхъ бывшихъ членовъ „Союза Благоденствія", собралъ ихъ у себя и далъ имъ полный отчетъ обо всемъ происходившемъ на съѣздѣ въ Москвѣ [2]). При этомъ онъ излагалъ имъ, по всѣмъ вѣроятіямъ тѣ проекты преобразованія Союза, которые были обсуждаемы, но не были приняты московскимъ съѣздомъ, и, надо думать, что это и дало поводъ впослѣдствіи показать одному изъ бывшихъ при этомъ лицъ (Семенову), что будто бы Н. И. Тургеневъ читалъ свой проектъ возстановленія тайнаго общества [3]). Во всякомъ случаѣ самъ Семеновъ присовокупилъ, что этотъ проектъ не былъ осуществленъ тогда же, вслѣдствіе выступленія гвардіи въ походъ. Никита Муравьевъ свидѣтельствовалъ, что въ Петербургѣ члены „Союза Благоденствія" въ 1821 году были совершенно разсѣяны и что тайное общество возникло тамъ вновь лишь въ 1822 году.

---

[1]) Проектъ Якушкина, на основаніи его „Записокъ", подробно изложенъ В. И. Семевскимъ въ I т. „Крестьянскаго вопроса въ Россіи", стр. 461, 462.

[2]) „La Russie et les Russes", I, 196—199.

[3]) Ibidem, 196. Сравн. „Русская Старина" за 1901 годъ, № 10, стр. 208. „Н. И. Тургеневъ въ своемъ оправданіи".

*

ГЛАВА VII.

Возникновеніе „Южнаго" и „Сѣвернаго" обществъ. — Участіе, приписываемое Тургеневу. — Неосновательность нѣкоторыхъ показаній противъ него. — Обвиненіе, высказанное С. Г. Волконскимъ. — Его несправедливость.—Кривилъ ли Тургеневъ душой въ своихъ позднѣйшихъ показаніяхъ?—Факты, относящіеся къ Тургеневу, и обвиненія, выставленныя противъ него слѣдственной коммиссіей.—Его осужденіе.—Текстъ приговора.

Въ Тульчинѣ Пестель и его друзья протестовали противъ рѣшенія московскаго съѣзда о распущеніи общества. Какъ только Волконскій привезъ имъ это извѣстіе, они собрались у Юшневскаго въ числѣ десяти членовъ и постановили не признавать общества закрытымъ, а дѣйствовать дальше по программѣ, предложенной Пестелемъ и Юшневскимъ. При этомъ была возстановлена та организація общества, которая введена была Пестелемъ еще въ 1817 году въ уставъ „Союза Спасенія". Директоры „Южнаго общества" Пестель и Юшневскій попытались тотчасъ объединить и членовъ бывшаго „Союза Благоденствія", жившихъ въ Петербургѣ и вообще на сѣверѣ, для чего они назначили третьимъ директоромъ Никиту Муравьева [1]). Но эта попытка не удалась, такъ какъ Никита Муравьевъ, какъ и другіе петербургскіе члены „Союза Благоденствія", не раздѣляли намѣреній Пестеля и Юшневскаго и не согласились принять ихъ радикальную программу [2]). Тайное общество было возстановлено въ Петербургѣ лишь въ концѣ 1822 года, по возвращеніи гвардіи

---

[1]) Богдановичъ, VI, 428; срав. „Записки" Волконскаго, 412.

[2]) Какъ далеки были члены „Сѣвернаго общества" отъ республиканской программы Пестеля показываютъ, между прочимъ, слѣдующіе довольно характерные факты: Рылѣевъ, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей „Сѣвернаго общества", ставшій въ 1824 г. во главѣ его, написалъ 30 августа 1823 г. „Оду на тезоименитство вел. кн. Александра Николаевича", которую при всѣхъ благихъ и либеральныхъ пожеланіяхъ, въ ней высказанныхъ, никогда не могъ бы написать республиканецъ. Въ 1825 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до 14 декабря тотъ же К. Ѳ. Рылѣевъ и А. А. Бестужевъ, издавая 3-ю книжку „Полярной Звѣзды", посвятили это изданіе государынямъ-императрицамъ, за что Бестужевъ получилъ золотую табакерку, а Рылѣевъ два брилліантовыхъ перстня. Такое посвя-

изъ западныхъ губерній, подъ именемъ „Сѣвернаго общества“. „Донесеніе“ слѣдственной коммиссіи приписываетъ его образованіе—на основаніи показаній главнымъ образомъ Никиты Муравьева—князю Е. П. Оболенскому, Никитѣ Мих. Муравьеву и Н. И. Тургеневу, которые и были избраны членами думы. Никита Муравьевъ прибавилъ лишь къ своему показанію, что Тургеневъ воздерживался отъ пріема новыхъ членовъ. Г. Богдановичъ, которому доступны были кромѣ самаго „Донесенія“ также и подлинныя показанія декабристовъ и другіе матеріалы, излагая это обстоятельство, указываетъ лишь, что „при отъѣздѣ за границу въ апрѣлѣ 1824 года Тургеневъ разорвалъ всякія сношенія съ обществомъ и считалъ себя уже вышедшимъ изъ него. Охлажденію его къ обществу—прибавляетъ почтенный историкъ—много способствовали переданныя ему отъ имени государя увѣщанія—не какъ приказанія, а какъ совѣтъ одного христіанина другому — оставить свои заблужденія“ [1]). На самомъ дѣлѣ все это было не такъ. Мы видѣли, *что онъ давно уже прекратилъ связь съ южнымъ обществомъ.* Самъ Тургеневъ подробно разбираетъ показанія Никиты Муравьева и выводы «Донесенія» относительно своего участія въ «Сѣверномъ обществѣ» и категорически отрицаетъ, какъ участіе въ возстановленіи общества, такъ и свою принадлежность къ нему [2]).

Что касается показаній Никиты Муравьева, то Тургеневъ, прежде всего обращаетъ вниманіе на противорѣчіе ихъ съ другими данными, приведенными въ томъ же „Донесеніи“ гдѣ, между прочимъ сказано, что въ первое время по возникновеніи „Сѣвернаго общества“ во главѣ его былъ поставленъ одинъ Никита Муравьевъ, которому лишь въ концѣ 1823 г. приданы были въ таварищи два другіе директора: кн. С. П. Трубецкой и кн. Е. П. Оболенскій, а по отъѣздѣ въ концѣ 1824 г. князя Трубецкаго къ новому мѣсту службы въ Кіевъ, вмѣсто него былъ избранъ К. Ѳ. Рылѣевъ. Въ томъ же „Донесеніи“ сказано, что по свидѣтельству Матвѣя Муравьева Апостола, Тургеневу предлагали званіе директора „Сѣвер-

---

щеніе отнюдь не знаменовало какого-нибудь сервилизма со стороны Бестужева и Рылѣева—людей высоко благородныхъ—оно было въ нравахъ того времени. Но во всякомъ случаѣ они не могли бы этого сдѣлать, если бы они стремились къ водворенію республики въ Россіи. См. біографическій очеркъ Мазаева, приложенный къ сочиненіямъ К. Ѳ. Рылѣева, изд. 1895 г. стр. XII и 97.

[1]) Богдановичъ, VI, 429, 430.

[2]) „La Russie et les Russes“ I, 200 — 205. Сравн. „Русская Старина„ за 1901 годъ, № 10, стр. 208 — 215. „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи“.

наго общества“ въ 1823 г., но онъ отказался, ссылаясь на дурной успѣхъ его предсѣдательствованія на съѣздѣ въ Москвѣ. Очевидно, что Тургеневъ не могъ бы такъ мотивировать свой отказъ, если бы онъ уже былъ членомъ думы въ 1822 году. Что же касается показанія Никиты Муравьева, то Тургеневъ приводитъ свидѣтельство матери и жены Никиты Муравьева о томъ, что въ „Донесеніи“ слѣдственной коммиссіи его показанія о Тургеневѣ приведены совершенно невѣрно [1]).

Образцомъ того, какъ неправильны были нѣкоторыя изъ показаній, свидѣтельствовавшихъ противъ Тургенева, можетъ служить показаніе о томъ, что Тургеневъ участвовалъ въ 1825 году въ одномъ совѣщаніи, гдѣ былъ предложенъ вопросъ, какъ поступить въ томъ случаѣ если Императоръ откажется принять условія, которыя предполагало ему предложить въ рѣшительную минуту тайное общество; при чемъ Тургеневъ склонялся будто бы вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами на предложеніе Рылѣева вывезти царскую фамилію за границу. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ Тургеневъ болѣе, чѣмъ за годъ передъ тѣмъ, уѣхалъ за границу (въ апрѣлѣ 1824 года), и въ тотъ моментъ, когда происходило въ Петербургѣ указанное совѣщаніе, онъ находился въ Неаполѣ.

Вообще, не трудно вообразить, насколько неточны могли быть показанія многихъ членовъ общества о Тургеневѣ, если принять во вниманіе, что факты, о которыхъ приходилось давать показанія, были по большей части вовсе не исключительные, а довольно часто повторявшіеся въ томъ кругу, гдѣ эти лица вращались, и происходили за нѣсколько лѣтъ до допроса; притомъ многіе могли думать, что ихъ показанія не могутъ нанести Тургеневу особаго вреда, такъ какъ они знали, что онъ находится за границей, и слѣдовательно, внѣ опасности. Такъ, по крайней мѣрѣ разсуждали, по ихъ собственнымъ словамъ, нѣкоторые изъ его судей [2]).

---

[1]) Тургеневъ приводитъ слѣдующую выписку изъ письма одного лица къ его брату: „Давно уже m-me Муравьева (мать Никиты) поручила мнѣ сдѣлать вамъ это сообщеніе. Она просила меня со слезами на глазахъ передать вамъ, что ея сынъ тотчасъ послѣ процесса клялся ей, что онъ вовсе не давалъ противъ вашего брата тѣхъ показаній, которыя приведены въ „Донесеніи“ слѣдственной коммиссіи. Эта ложь угнетала бѣдную женщину и она много разъ просила меня довести до вашего свѣдѣнія истину“.

„Жена Муравьева—прибавляетъ Тургеневъ,— которая пожелала раздѣлить ссылку своего мужа, и которая не вынесла этихъ лишеній, засвидѣтельствовала, что онъ и ей часто повторялъ то же самое“. „La Russie et les Russes“, I, 205.

[2]) „La Russie et les Russes“, т. I, стр. 276 „Русск. Стар.“ за 1901 г. № 11, стр. 328.

Однако, независимо отъ показаній членовъ тайныхъ обществъ, данныхъ во время слѣдствія, въ настоящее время имѣются и другія свидѣтельства относительно участія Н. И. Тургенева въ тайныхъ обществахъ послѣ закрытія „Союза Благоденствія". Таково особенно категорическое заявленіе кн. С. Г. Волконскаго въ его „Запискахъ" [1]). Волконскій обвиняетъ Тургенева „въ намѣренномъ искаженіи истины". „Отдавая ему—пишетъ С. Г. Волконскій,— полную справедливость, какъ постоянному защитнику словомъ и дѣломъ уничтоженія крѣпостного права въ Россіи, не могу и не долженъ утаить, что высказанное имъ, даже въ печати, увѣреніе, *что онъ не участвовалъ въ тайномъ обществѣ* и не былъ его членомъ, есть явная ложь. Въ ежегодныя мои поѣздки въ Петербургъ, какъ я выше сказалъ, по дѣламъ общества, я не только имѣлъ съ нимъ свиданія и разговоры, но было постановлено южной думой давать ему полный отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ, и онъ южной думой почитался, какъ усерднѣйшій дѣятель, и былъ однимъ изъ учредителей тайнаго общества".

Я помню, что во время одного изъ этихъ свиданій при разсказѣ о дѣйствіяхъ Южной Думы, онъ спросилъ меня: „А что, князь, приготовили ли вы вашу бригаду къ возстанію при началѣ нашего общаго дѣла?" А я ему отвѣчалъ: „Николай Ивановичъ! приготовлять явно къ этому, это дать прямой поводъ къ оглядкѣ правительству; но я убѣжденъ, что я внушилъ въ моей бригадѣ, скажу даже въ дивизіи, довѣріе и любовь солдатъ ко мнѣ, такъ что при начальномъ возстаніи увлеку ихъ за собой, а разъ это достигнуто, то уже они у меня въ рукахъ и пойдутъ безъ оглядки за мной".

„Еще приходитъ мнѣ на память—пишетъ далѣе Волконскій— сказанное мнѣ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ; вотъ что этотъ рыцарь правды мнѣ сказалъ: „Во время бунта Семеновскаго полка, я встрѣтился съ Николаемъ Ивановичемъ, и онъ спросилъ меня: „Что же вы не въ рядахъ возстанія Семеновскаго полка? Вамъ бы тамъ надлежало быть!" Кто могъ это сказать-заключаетъ Волконскій—какъ не членъ общества?" [2]).

На это прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Н. И. Тургеневъ вовсе не отрицалъ своей принадлежности къ „Союзу Благоденствія", а отрицалъ лишь участіе свое въ „Тѣверномъ обществѣ" послѣ закрытія „Союза". Поэтому въ 1820 г. кн. С. Г. Волконскій могъ говорить съ нимъ, какъ съ членомъ тайнаго общества. Въ послѣ-

1) „Записки" С. Г. Волконскаго, стр. 421.
2) Ibidem стр. 421.

дующія свои поѣздки онъ могъ встрѣчаться съ Н. И. Тургеневымъ, какъ съ частнымъ лицомъ, мнѣніемъ котораго однако же вожаки общества могли дорожить, несмотря на то, что онъ въ немъ не принималъ активнаго участія. Кн. Волконскій могъ даже думать по недоразумѣнію, что Тургеневъ принадлежитъ къ обществу. Разговоръ съ Тургеневымъ вовсе не служитъ самъ по себѣ доказательствомъ принадлежности Тургенева къ обществу... Такую фразу могло сказать всякое лицо, которому извѣстны были замыслы „Южнаго общества". Въ какомъ-нибудь спорѣ или разговорѣ она могла быть сказана иронически, напримѣръ, для выраженія сомнѣнія въ осуществимости этихъ плановъ. И въ такомъ именно смыслѣ, всего скорѣе, могъ сказать ее такой человѣкъ, какъ Тургеневъ, который, безъ сомнѣнія, относился къ планамъ „Южнаго общества" въ высшей степени скептически. Фраза, сказанная Тургеневымъ Пущину, во-первыхъ относится, по словамъ самого Волконскаго, къ 1820 г., когда Тургеневъ былъ членомъ тайнаго общества, хотя онъ могъ, конечно, ее сказать и не будучи имъ. Но сама по себѣ эта фраза, если только она правильно передана, могла имѣть значеніе развѣ шутки, потому что Тургеневъ зналъ, конечно, что бунтъ Семеновскаго полка вовсе не былъ предпріятіемъ „Союза Благоденствія", такъ что даже семеновскіе офицеры члены союза старались его прекратить, а не раздуть (напр. Сергѣй Муравьевъ); а если онъ былъ предпріятіемъ союза, то едва ли Тургеневъ будучи членомъ союза и не участвуя лично въ возстаніи, сталъ бы подбивать Пущина, который былъ такимъ же штатскимъ, какъ и Тургеневъ, человѣкомъ, принять въ этомъ возстаніи участіе. Все это противорѣчило бы совершенно тому представленію о Тургеневѣ, которое можно составить себѣ о немъ по его дѣятельности и по многочисленнымъ свидѣтельствамъ знавшихъ его лицъ. Что касается сношеній и разговоровъ съ отдѣльными членами тайныхъ обществъ, то, разумѣется, они у Тургенева были до самого его выѣзда за границу и не могли не быть, потому что въ тайныхъ обществахъ участвовали люди по своимъ нравственнымъ качествамъ, по своему образованію и стремленіямъ по большей части весьма симпатичные Тургеневу, а съ другой стороны самъ Тургеневъ былъ личностью настолько выдающейся и просвѣщенной, что и со стороны членовъ тайныхъ обществъ и ихъ вожаковъ было вполнѣ естественно поддерживать съ нимъ сношенія. Вѣдь это были люди одного съ нимъ круга, однихъ понятій, даже во многомъ одинаковыхъ взглядовъ. Самъ Тургеневъ разсказываетъ объ одномъ свиданіи своемъ съ Пестелемъ въ началѣ 1824 г., когда Пестель былъ въ Петербургѣ, неза-

долго до отъѣзда Тургенева за границу. Въ это свиданіе Пестель старался обратить Тургенева къ участію въ политической агитаціи и старался убѣдить его въ правильности своихъ соціальныхъ и политическихъ мнѣній и въ исполнимости и практичности своихъ замысловъ, но не успѣлъ въ этомъ, потому что соціалистическіе идеалы Пестеля были Тургеневу совершенно чужды и казались ему дикой фантазіей, а въ политикѣ у него былъ свой планъ, первымъ актомъ котораго должно было быть освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права при помощи самодержавной власти императора [1]).

Благодаря нѣкоторымъ неправильнымъ показаніямъ относительно участія и роли Тургенева въ тайныхъ обществахъ того времени, у многихъ лицъ составилось такое представленіе, что онъ въ своихъ оправдательныхъ запискахъ и въ своихъ мемуарахъ до нѣкоторой степени кривилъ душой, искажалъ дѣйствительный и юридическій смыслъ явленій и фактовъ, желая во что бы то ни стало оправдаться и по мнѣнію нѣкоторыхъ (барона Розена [2]), В. И. Семевскаго [3]) облегчить участь своихъ товарищей, томившихся въ то время въ ссылкѣ. Такая точка зрѣнія мнѣ кажется несправедливой. Я убѣжденъ, что Тургеневъ, что писалъ, то и думалъ, и не говоря о томъ, что одни и тѣ же факты могутъ имѣть не вполнѣ одинаковое историческое и юридическое значеніе, потому что возможность установить между различными фактами историческую связь не даетъ еще возможности установить между ними и связь юридическую и особенно связь криминальную, въ дѣлѣ Тургенева можно, мнѣ кажется, утверждать, что онъ не только былъ неправильно осужденъ съ юридической точки зрѣнія, но и съ простой житейской точки зрѣнія его роль и участіе въ событіяхъ того времени были не таковы, какими ихъ представляютъ большинство историковъ, судящихъ о нихъ главнымъ образомъ по «Донесенію» слѣдственной комиссіи и показаніямъ его современниковъ и упускающихъ изъ виду его сочиненія, его зиписки, и его дѣйствія, имѣвшія общественное значеніе. Я старался освѣтить ихъ какъ можно ярче и выставилъ ихъ нарочно на первый планъ, чтобы читатель могъ судить о роли Тургенева въ тайныхъ обществахъ и о степени основательности его осужденія, предварительно познакомившись съ нимъ самимъ, какъ можно полнѣе.

Приступая теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ обвинительныхъ пунктовъ, которые выставлены были противъ Тургенева «Донесеніемъ»

---

1) „La Russie et les Russes", I, 128—129.
2) „Записки декабриста", стр. 6.
3) Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 67, стр. 108.

слѣдственной комиссіи, остановимся сперва на томъ, какъ установлена была вообще прикосновенность тайныхъ обществъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи въ 1817—1825 годахъ, къ возмущеніямъ войскъ, происшедшимъ 14 декабря 1825 г. въ Петербургѣ и 29 декабря и въ слѣдующіе затѣмъ дни въ Бѣлой церкви. Вопросъ этотъ былъ, повидимому, предрѣшенъ съ самаго же начала: даже комиссія, которая назначена была для разслѣдованія дѣла, названа была не слѣдственной комиссіей по дѣлу о возмущеніи 14 декабря а «комиссіей для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ» [1]). Въ составъ комиссіи не было назначено ни одного юриста: предсѣдателемъ ея былъ военный министръ ген. Татищевъ, членами: вел. кн. Михаилъ Павловичъ, министръ почтъ кн. А. Н. Голицынъ, петербургскій генералъ-губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ и генералъ-адъютанты: Чернышевъ [2]), Бенкендорфъ [3]), Левашевъ и Потаповъ; производителемъ дѣлъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ. Допросы вели главнымъ образомъ Чернышевъ, Бенкендорфъ и Левашевъ; Блудовъ въ засѣданіи комиссіи обыкновенно не присутствовалъ [4]) и составлялъ всеподданнѣйшій докладъ или донесеніе на основаніи поступившихъ къ нему записанныхъ въ засѣданіяхъ комиссіи отдѣльныхъ показаній. Показанія записывалъ обыкновенно полковникъ Адлербергъ [5]).

Кн. М. С. Волконскій сообщаетъ, что непрерывные допросы, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, очныя ставки, перекрестные допросы, повторявшіеся почти ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, тяготили его отца и нравственно измучили его совершенно. По отношенію къ самому себѣ показанія кн. Волконскаго были «безусловно искренни, но страхъ своими неосторожными показаніями привлечь къ дѣлу людей непричастныхъ, или же увеличить долю виновности привлеченныхъ, неотступно его преслѣдовалъ» [6]). Надо думать, что душевное состояніе другихъ его товарищей было такое же. Нѣкоторыхъ мучило раскаяніе, что они увлекли другихъ къ по-

---

[1]) Срав. добавленіе къ „Запискамъ“ С. Г. Волконскаго, составленное его сыномъ кн. М. С. Волконскимъ, стр. 477.

[2]) Впослѣдствіи князь, военный министръ и, наконецъ, предсѣдатель Государственнаго совѣта.

[3]) Впослѣдствіи графъ, первый шефъ жандармовъ и главноуправляющій III отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи.

[4]) „Записки“ С. Г. Волконскаго, добавл., составл. М. С. Волконскимъ, 451. Срав. „Записки декабриста“, барона А. Е. Розена, 87.

[5]) „Записки“ С. Г. Волконскаго, стр. 451.

[6]) Дополненіе къ „Запискамъ“ С. Г. Волконскаго, 450, 451.

гибели [1]), были и совершенно упавшіе духомъ и старавшіеся во что бы то ни стало спастись и выгородить себя (таковы въ особенности нѣкоторые изъ членовъ общества „Соединенныхъ славянъ“ [2]); были, наконецъ, и такіе, которые доведены были до полнаго психическаго разстройства [3]).

Декабристовъ въ особенности возмущали допросы и замѣчанія генерала Чернышева, котораго нерѣдко даже останавливали другіе члены коммиссіи [4]). Напротивъ благопріятное впечатлѣніе произвелъ на многихъ изъ нихъ генералъ Бенкендорфъ. С. Г. Волконскій и его сынъ пытаются также защитить отъ нареканій и дѣлопроизводителя коммиссіи Д. Н. Блудова [5]). Наоборотъ Н. И. Тургеневъ считаетъ его главнымъ виновникомъ несправедливыхъ и бездоказательныхъ инсинуацій, которыя были введены въ „Донесеніе“ слѣдственной коммиссіи и легко могли ввести въ заблужденіе совершенно неподготовленныхъ къ своимъ обязанностямъ членовъ верховнаго уголовнаго суда [6]). Снять съ Блудова это обвиненіе вполнѣ, конечно, едва ли возможно. Принять на себя обязанности редактированія подобнаго документа, не обладая при томъ достаточной юридической подготовкой и опытностью *изъ людей* просвѣщенныхъ и хорошо понимавшихъ значеніе всего дѣла—а такимъ былъ конечно Д. Н. Блудовъ—могъ лишь человѣкъ, способный заключать сдѣлки со своею совѣстью ради корыстныхъ соображеній. То обстоятельство, что онъ не присутствовалъ въ засѣданіяхъ коммиссіи при допросахъ и тѣмъ не

---

[1]) Въ сильной степени испытывалъ это Рылѣевъ. Его чувства вылились въ стихахъ, посланныхъ имъ кн. Е. П. Оболенскому:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ,
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію?
Весь міръ какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ;
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши!

(„Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева“, изд. 1895 г„ стр. 110).

[2]) Богдановичъ, VI, 401—592.

[3]) Особенно Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ; см. его статью въ „Русск. Стар.“ за 1873 г., № 8, стр. 105.

[4]) „Записки“ С. Г. Волконскаго, 451; „Записки декабристовъ“, стр. 86.

[5]) „Записки“ С. Г. Волконскаго, 451. Срав. также стр. 408.

[6]) „La Russie et les Russes“, I, 156, 157 и другія; „Н. И. Тургеневъ въ своемъ оправданіи“, „Русск. Стар.“ за 1901 г. №№ 8—12 passim.

менѣе рѣшился взять на себя составленіе столь отвѣтственнаго акта, какъ „Донесеніе“ слѣдственной коммиссіи, не только не умаляетъ, а скорѣе усугубляетъ его нравственную отвѣтственность. Тѣмъ не менѣе, еслибы Тургеневъ зналъ вполнѣ роль Бенкендорфа во всемъ этомъ дѣлѣ, какъ знаемъ ее теперь мы, послѣ того какъ напечатанъ его доносъ, представленный Императору Александру еще въ 1821 году; если бы Тургеневу было извѣстно происхожденіе нѣкоторыхъ клеветъ и инсинуацій специально на его счетъ, безъ сомнѣнія заимствованныхъ изъ этого именно источника, онъ, конечно, перенесъ бы значительную часть отвѣтствѣнности за исходъ этого дѣла съ Блудова на Бенкендорфа. Нетрудно понять, что человѣкъ рѣшившійся въ секретномъ доносѣ, поданномъ Императору, писать про Тургенева, что онъ гордится званіемъ якобинца, грезитъ гильотиною и, не имѣя ничего святого, готовъ всѣмъ пожертвовать въ надеждѣ выиграть все при переворотѣ, серьезно обвинявшій Орлова въ намѣреніи дѣлать фальшивыя ассигнаціи и утверждавшій въ томъ же доносѣ, что фонъ-Визинъ и Граббе „готовы на все“, а впослѣдствіи самъ разсказывавшій, что именно фактъ открытія этого доноса въ бумагахъ покойнаго Императора доставилъ ему особое довѣріе Имератора Николая, благодаря чему онъ получилъ вскорѣ должность шефа жандармовъ,— что этотъ человѣкъ, будучи назначенъ въ составъ слѣдственной коммиссіи и пользуясь полнымъ довѣріемъ монарха, и послужилъ главною пружиною во всемъ этомъ дѣлѣ. Тургеневъ же въ особенности именно ему обязанъ былъ суровостью произнесеннаго противъ него приговора. Верховный уголовный судъ, составленный изъ генераловъ, архіереевъ и сановниковъ-куртизановъ, въ своихъ сужденіяхъ основывался естественно гораздо больше на разныхъ закулисныхъ свѣдѣніяхъ, слухахъ и „фактахъ“, приводимыхъ въ подобныхъ документахъ, какъ доносъ „проницательнаго“ Бенкендорфа, нежели на неопровержимо установленныхъ данныхъ, тѣмъ болѣе что таковыхъ въ сущности въ его распоряженіи почти что и не было. Можно ли въ самомъ дѣлѣ признавать неопровержимо установленными данными показанія лицъ, находившихся въ той обстановкѣ, въ какой велось слѣдствіе по дѣлу декабристовъ, завершившееся судомъ, лишеннымъ всѣхъ элементарныхъ гарантій, обыкновенно доставляемыхъ подсудимымъ, которымъ на этотъ разъ не было предоставлено даже права имѣть адвокатовъ. При *состязательномъ* процессѣ многія инсинуаціи, намеки и невѣрныя утвержденія обвинительнаго акта, которымъ въ данномъ случаѣ являлось „Донесеніе“ слѣдственной коммиссіи, были бы разъяснены, оспорены и опровергнуты защитой;

при инквизиціонномъ же способѣ веденія дѣла въ верховномъ уголовномъ судѣ они остались неоспоренными и сохранили всю свою силу и вліяніе на умы и на совѣсть неподготовленныхъ и несомнѣнно предубѣжденныхъ судей.—Нельзя не признать, что обвиненіе этихъ слѣдователей и судей въ сервилизмѣ, выставленное Тургеневымъ, не можетъ не быть признано вполнѣ основательнымъ. „Гражданское мужество" измѣнило въ этомъ случаѣ даже Мордвинову, которому Рылѣевъ посвятилъ свою извѣстную оду съ этимъ заглавіемъ. [1]) Не говоря уже о Сперанскомъ, который и вообще имъ не обладалъ. [2]) Спеціально о Тургеневѣ нѣкоторые судьи впослѣдствіи наивно признавались, что они не особенно вникали въ его дѣло, зная, что онъ находится за границей и слѣдовательно въ относительной безопасности. [3]) Одинъ же судья, съ легкимъ сердцемъ, произнося ему смертный приговоръ, позволилъ себѣ въ этомъ случаѣ даже неумѣстный каламбуръ на его счетъ [4]).

Если бы процессъ былъ обставленъ по крайней мѣрѣ элементарными судебными гарантіями, верховный уголовный судъ долженъ былъ бы признать, что „Союзъ Благоденствія" никакъ не могъ быть причисленъ къ числу такихъ „злоумышленныхъ" обществъ, одна прикосновенность къ которому влечетъ за собой для всѣхъ обвиненныхъ смертную казнь [5]); что же касается до сообществъ, не имѣвшихъ прямо революціонной цѣли, то таковые въ то время, когда существовалъ „Союзъ Благоденствія" не были даже запрещены ника-

---

[1]) См. оду Рылѣева „Гражданское мужество", въ которой между прочимъ есть такая строфа:

Но намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ славныхъ исполиновъ,
Екатерины славныхъ дней
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

Мордвиновъ, котораго нѣкоторые члены „Сѣвернаго общества" предполагали избрать при удачѣ задуманнаго переворота вмѣстѣ со Сперанскимъ и Ермоловымъ въ члены временнаго правительства, почувствовалъ себя такъ неловко, что не только не возражалъ противъ осужденія Тургенева и другихъ лицъ, но даже счелъ нужнымъ представить правительству особую записку въ 1826 г. о мѣрахъ противъ распространенія тайныхъ обществъ въ Россіи.

[2]) Сравн. вышеприведенныя воспоминанія его дочери, взятыя нами изъ книги бар. Кораи. „Жизнь гр. Сперанскаго", стр. 308, 309.

[3]) „La Russie et les Russes", I, Ник. Иван. Тургеневъ въ своемъ оправданіи „Русск. Старина" за 1901 г. № 11 стр. 328.

[4]) „Русск. Старина" за 1901 г. № 9, стр. 628. Граф. Лита, пародируя приписанное Тургеневу выраженіе: „Un président sans phrases", вотировалъ ему смертный приговоръ такъ: „La mort sans phrases". (La Russie, I, 175).

[5]) Ст. 249 въ нынѣшнемъ уложеніи о наказаніяхъ.

кимъ прямымъ законоположеніемъ, такъ какъ указъ о запрещеніи масонскихъ ложъ и другихъ подобныхъ обществъ послѣдовалъ лишь въ 1822 г., когда „Союзъ Благоденствія“ былъ уже добровольно закрытъ его членами.

Факты или утвержденія „Донесенія“ слѣдственной комиссіи, имѣвшіе непосредственное отношеніе къ Тургеневу, сводятся къ девяти пунктамъ, изъ которыхъ каждый былъ подробно разобранъ въ оправдательной запискѣ Тургенева, составленной имъ при содѣйствіи французскаго юриста Шедестанжа [1]).

1) Въ „Донесеніи“ констатировано участіе Тургенева въ планахъ М. Ѳ. Орлова образовать въ 1817 г. общество „Русскихъ Рыцарей“. Фактъ самъ по себѣ совершенно невинный, причемъ проектъ Орлова даже и не осуществился, Мамонова же, который выставленъ былъ третьимъ соучастникомъ этого предпріятія, Тургеневъ вовсе не зналъ, и самъ Мамоновъ къ дѣлу не привлекался.

2) Было констатировано участіе Тургенева въ „Союзѣ Благоденствія“, но не въ „Союзѣ Спасенія“. Тургеневъ по этому поводу настаиваетъ на томъ, что самъ по себѣ „Союзъ Благоденствія“— въ рамкахъ первой части устава, которая одна только и была извѣстна Тургеневу—хотя и былъ тайнымъ обществомъ, но не имѣлъ никакихъ преступныхъ или наказуемыхъ по закону цѣлей.

3) Тургеневу предписывался проектъ основанія нелегальнаго журнала и заведенія для этой цѣли тайной типографіи. Это обвиненіе, ничѣмъ не подтвержденное, взято было слѣдственной комиссіей изъ доноса Грибовскаго, послужившаго, повидимому, источникомъ и для Бенкендорфа. На самомъ дѣлѣ Тургеневъ имѣлъ въ виду издавать журналъ, программа котораго была имъ составлена и обсуждалась при участіи проф. Куницына и нѣкоторыхъ членовъ «Союза Благоденствія», но этотъ журналъ отнюдь не долженъ былъ имѣть характера нелегальнаго изданія, а, наоборотъ, долженъ былъ выходить съ разрѣшенія цензуры. Притомъ и это предпріятіе не получило осуществленія и дальше обсужденія программы дѣло не пошло.

4) Тургеневу приписывалось, на основаніи показанія Пестеля, участіе въ одномъ совѣщаніи о различныхъ формахъ правленія, происходившемъ на квартирѣ у полковника Глинки. Показаніями Глинки, фонъ-деръ-Бриггена и Семенова было установлено, что

[1]) „Русская Старина“ за 1901 г. №№ 8—12. „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи“; „La Russie et les Russes“, „Memoire justificatif“, p. 153—390 (брюссельск. изд. 1847 г.).

это было не совѣщаніе, а простой разговоръ, и что Тургеневъ вмѣсто приписаннаго ему выраженія сказалъ приблизительно такъ: «республиканское правительство съ президентомъ во главѣ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представительствѣ». Поэтому слѣдственная комиссія не рѣшалась выставить это показаніе Пестеля, какъ обвинительный пунктъ противъ Тургенева.

5) Констатировано было участіе Тургенева въ съѣздѣ членовъ «Союза Благоденствія», происходившемъ въ Москвѣ въ началѣ 1821 г. и постановившемъ подъ его предсѣдательствомъ закрытіе «Союза». На этомъ съѣздѣ, прежде чѣмъ постановить рѣшеніе о распущеніи «Союза», дѣлались разныя попытки преобразованія общества [1]). Очевидно, что по этому пункту Тургеневъ также мало подлежалъ осужденію, какъ освобожденные отъ всякой отвѣтственности его товарищи: Орловъ, Бурцовъ, Калошинъ, Михаилъ Муравьевъ и Комаровъ.

6) Противъ Тургенева выставлено было обвиненіе въ участіи и въ основаніи «Сѣвернаго общества» на основаніи показаній Никиты Муравьева и Семенова. Эти показанія разобраны нами выше, причемъ достаточно выяснена ихъ неосновательность.

7) Показанія Никиты и Матвѣя Муравьевыхъ относительно участія Тургенева въ управленіи «Сѣвернымъ Обществомъ» въ качествѣ одного изъ его директоровъ также подробно разсмотрѣны выше, причемъ ихъ неточности и противорѣчность выясняются простымъ сопоставленіемъ датъ, независимо отъ того, что Никита Муравьевъ, по свидѣтельству его матери и жены, самъ считалъ впослѣдствіи эти показанія невѣрными, а Матвѣй Муравьевъ во время слѣдствія находился въ совершенно ненормальномъ душевномъ состояніи.

8) Въ „Донесеніи" говорится еще о присутствіи Н. И. Тургенева на одномъ совѣщаніи членовъ „Сѣвернаго Общества" съ делегатами „Южнаго" въ 1824 г., на основаніи показаній одного лишь Никиты Муравьева, который самъ на этомъ совѣщаніи не былъ и показалъ лишь по слухамъ. Тургеневъ совершенно отвергаетъ справедливость этого показанія.

Наконецъ, 9) въ „Донесеніи" приведено явно ошибочное показаніе Рылѣева и Матвѣя Муравьева, который впослѣдствіи отъ него и отказался, что будто бы Тургеневъ участвовалъ въ одномъ совѣ-

---

[1]) „Донесеніе". стр. 33. Ср. „Русск. Старин." за 1901 г., № 9, стр. 635.

щаніи членовъ „Сѣвернаго Общества“, происходившемъ осенью 1825 г. На самомъ дѣлѣ Тургеневъ, какъ мы уже знаемъ, уѣхалъ изъ Петербурга за полтора года до этого — въ апрѣлѣ 1824 г.— за границу и въ тотъ моментъ находился въ Неаполѣ. Это показаніе не было впрочемъ признано основательнымъ ни слѣдственной коммиссіей, ни даже верховнымъ уголовнымъ судомъ.

Такъ какъ Тургеневъ на судъ не являлся, а та оправдательная записка, которую онъ послалъ черезъ брата при первомъ извѣстіи о выставленныхъ противъ него обвиненіяхъ, не показалась достаточно убѣдительной князю Голицыну, разсмотрѣвшему ее при участіи Жуковскаго и кн. Вяземскаго, и такъ какъ показанія Никиты Муравьева и Семенова относительно участія Тургенева въ основаніи и управленіи „Сѣвернымъ обществомъ“ не были тогда опровергнуты, то Тургеневъ былъ бы обвиненъ верховнымъ уголовнымъ судомъ даже и въ томъ случаѣ, если бы судъ этотъ отвергъ бы обвиненія Тургенева въ республиканскихъ замыслахъ. Верховный уголовный судъ нашелъ, что Тургеневъ *по показанію 24-хъ соучастниковъ, былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества, участвовалъ въ учрежденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ, равно участвовалъ въ умыслѣ ввести республиканское правленіе и, удалясь за границу, онъ по призыву правительства къ оправданію не явился, чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія*, въ виду чего судъ приговорилъ его къ смертной казни, а по Высочайшей конфирмаціи опредѣлено было лишить его всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу безъ срока [1]).

---

[1]) Роспись государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ. При указѣ сената. Печат. при сенатѣ іюля 13-го дня 1826 г.

ГЛАВА VIII.

Жизнь Тургенева за границей послѣ осужденія.—Его братья и В. А. Жуковскій, какъ адвокатъ Тургенева.—Предположенія о пріѣздѣ Тургенева въ Россію и о пересмотрѣ его дѣла, вызванныя недоразумѣніемъ. — Женитьба и поселеніе его вблизи Парижа.—Характеристика его быта.—Матеріальное обезпеченіе благодаря брату.—Мемуары Тургенева.—Изданіе книги „La Russie et les Russes".—Третій томъ—„Pia desideria".—Планъ послѣдовательнаго преобразованія Россіи.—„Русская правда" Н. И. Тургенева.—Связь этого труда съ прежними идеями Тургенева.—Возстановленіе Тургенева въ правахъ.—Поѣздка въ Россію въ 1857 г.—Устройство крестьянъ въ Каширскомъ уѣздѣ.—Участіе въ обсужденіи реформъ въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ.—„Чего желать для Россіи?"—Смерть Тургенева.

Послѣ осужденія Тургеневъ остался за границей. Братъ сохранилъ ему его наслѣдственную долю имущества, такъ что онъ могъ существовать не только безбѣдно, но и съ комфортомъ. Однако онъ долго не могъ примириться съ ударомъ, нанесеннымъ ему суровымъ и главное совершенно несправедливымъ по его убѣжденію приговоромъ. Онъ поселился сперва въ Англіи, такъ какъ на континентѣ по условіямъ того времени онъ не могъ считать себя въ безопасности. Русскимъ посольствамъ во всѣхъ государствахъ было приказано арестовать его, гдѣ бы онъ ни оказался [1]). Сама императрица Александра Ѳеодоровна, передавая Жуковскому въ 1829 г. ошибочно понятый ею отвѣтъ императора Николая на ходатайство Тургенева о пересмотрѣ его дѣла, совѣтовала, чтобы Тургеневъ, если онъ рѣшится возвратиться въ Россію, избралъ бы для этого морской путь, такъ какъ при сухопутномъ путешествіи онъ могъ быть арестованъ и доставленъ въ Петербургъ въ качествѣ арестанта [2]).

Какъ только Н. И. Тургеневъ былъ осужденъ, оба брата его немедленно подали въ отставку, хотя обоихъ ихъ ожидала блестящая карьера. Изъ друзей Н. И. Тургенева наиболѣе вѣр-

[1]) „La Russie et les Russes", I стр.
[2]) „Русск. Старина", 1902 г., № 4, стр. 71.

нымъ и преданнымъ ему въ его несчастіи оказался В. А. Жуковскій [1]). Съ самого момента осужденія Тургенева Жуковскій не переставалъ мужественно и дѣятельно хлопотать объ измѣненіи его участи передъ императоромъ Николаемъ. Жуковскій занималъ въ это время должность наставника наслѣдника престола, будущаго императора Александра II-го. Въ 1826 г., призванный на этотъ отвѣтственный постъ, онъ былъ поглощенъ составленіемъ раціональнаго плана воспитанія и обученія Александра Николаевича, которому въ это время исполнилось 7 лѣтъ. Онъ уѣхалъ за границу, чтобы лучше приготовиться къ своей миссіи, и здѣсь, между прочимъ, при содѣйствіи братьевъ Тургеневыхъ составлялъ для своего питомца библіотеку. Младшій изъ братьевъ Сергѣй Ивановичъ первоначально былъ также вызванъ въ Петербургъ къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ; но въ Дрезденѣ онъ былъ остановленъ и получилъ разрѣшеніе остаться за границей, какъ человѣкъ безусловно непричастный ни къ возмущенію 14-го декабря, ни къ тайнымъ обществамъ.

Однако вызовъ, а затѣмъ привлеченіе и осужденіе брата его Николая губительно подѣйствовали на подорванное уже и ранѣе здоровье С. И. Тургенева: онъ сошелъ съ ума и вскорѣ умеръ въ Парижѣ на рукахъ брата своего Александра и В. А. Жуковскаго [2]).

Императоръ Николай Павловичъ, несмотря на свое предубѣжденіе противъ Николая Тургенева, первоначально не препятствовалъ Жуковскому поддерживать съ нимъ сношенія и терпѣливо принималъ ходатайства Жуковскаго, хотя давалъ на нихъ неизмѣнно отрицательный отвѣтъ.

Послѣ цѣлаго ряда безрезультатныхъ ходатайствъ, Жуковскій представилъ, по желанію Александра Тургенева, государю въ январѣ 1830 г. просьбу о распоряженіи, чтобы русскія миссіи не препятствовали Николаю Тургеневу жить на континентѣ Европы. На другой день онъ получилъ черезъ императрицу слѣдующій от-

[1]) Срав. ст. кн. П. А. Вяземскаго въ „Русск. Арх." за 1876 г., т. I „Жуковскій, какъ адвокатъ Н. Тургенева передъ императоромъ Николаемъ", и статью Н. Дубровина въ „Русск. Стар." за 1902 г., № 4 „В. А. Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ", стр. 47—94. Живя въ 1826—1827 гг. съ Александромъ Тургеневымъ въ Дрезденѣ В. А. Жуковскій постоянно сносился и съ Николаемъ, которому онъ посвятилъ въ это время басню „О золотѣ". 8-го сентября 1827 г. А. Тургеневъ писалъ Николаю: „Читая твои письма въ Дрезденѣ и послѣ, Жуковскій часто мнѣ говаривалъ, что онъ обязанъ тебѣ, твоему несчастію, самыми высокими минутами въ жизни" („Русск. Старина" за 1875 г., № 4, стр. 745).

[2]) „Русск. Стар." 1902 г., № 4, стр. 47.

вѣтъ: „императоръ не можетъ ничего сдѣлать для Александра Тургенева въ дѣлѣ его брата, а тѣмъ болѣе для его брата; но если этотъ послѣдній невиненъ, то пусть онъ пріѣдетъ и положится на великодушіе императора; онъ съумѣетъ оказать ему справедливость“. Къ этому императрица присовокупила: „но ему не слѣдуетъ рисковать ѣхать теперь, онъ можетъ быть арестованъ: пусть онъ пріѣдетъ весною моремъ, тогда онъ будетъ имѣть возможность явиться прямо къ императору“.

Передавая этотъ отвѣтъ въ письмѣ къ Александру Тургеневу, Жуковскій пишетъ: „это отвѣтъ рѣшительный. Онъ даетъ то, чего бы я не посмѣлъ требовать и не полагалъ уже возможнымъ. Я принялъ его съ чувствомъ благодарности къ государю и передаю его тебѣ слово въ слово“.

Сообщая все это, Жуковскій воздержался отъ всякаго совѣта съ своей стороны и даже выразилъ сомнѣніе въ томъ, можетъ ли Николай Тургеневъ представить оправданія болѣе убѣдительныя нежели тѣ, которыя уже были имъ представлены письменно и не помѣшали его обвиненію. Приводя рядъ скептическихъ соображеній, Жуковскій такъ заканчиваетъ это письмо: „Пускай Николай (Тургеневъ) поступитъ такъ, какъ скажетъ ему его добрый геній, я съ своей стороны сохраню убѣжденіе въ его невинности и тогда, когда бы онъ нашелся принужденнымъ сказать государю, столь великодушно его призывающему: болѣе тѣхъ доказательствъ, кои мною представлены на бумагѣ, я не знаю! Если они недостаточны, то не могу быть оправданъ, хотя и невиненъ. Но послѣ такого отзыва судьба его рѣшится навсегда. Государю безъ суда оправдать его невозможно, въ отсутствіе же судить его не будутъ: этого нельзя ни ожидать, ни требовать. Напишите немедленно, на что вы рѣшились“.

Самъ же Жуковскій настолько ободрился словами, переданными ему императрицею, что рѣшился даже представить императору Николаю ходатайство объ общей амнистіи всѣхъ декабристовъ. Онъ приготовилъ объ этомъ подробное письмо государю, въ которомъ изложилъ весьма оригинальный планъ возстановленія декабристовъ въ правахъ состоянія и дѣла, чтобы они оставлены были въ Сибири и посвятили свои силы и знанія на просвѣщеніе и устройство этой страны въ качествѣ полноправныхъ ея гражданъ.

Однако прежде нежели Жуковскій успѣлъ подать это письмо, онъ узналъ, что нашлись люди, которые старались очернить его въ глазахъ государя, представить постоянное его заступничество

*

за Тургенева, какъ признакъ его политической неблагонадежности, и даже выставить его главой какой-то фрондирующей, враждебной правительству партіи (!). Жуковскому пришлось оправдываться во взведенныхъ на него подозрѣніяхъ и выдержать довольно непріятный разговоръ съ императоромъ Николаемъ, при чемъ императоръ ему сказалъ между прочимъ: „Слушай! Знаешь ли пословицу: dis moi qui tu hantes je te dirai qui tu es. Ее можно примѣнить къ тебѣ. Несмотря на то, что Тургеневъ осужденъ и я тебѣ говорилъ о немъ, что ты знаешь, что доказательство существуетъ противъ него, ты безпрестанно за него заступаешься и не только мнѣ, но и вездѣ говоришь, что считаешь его невиновнымъ“.—Да я вѣдь зналъ его прежде—отвѣчалъ Жуковскій—и знаю о немъ то, чего правительство не знаетъ. Когда вы мнѣ сказали...

Тутъ государь его перебилъ, упомянулъ о связяхъ Жуковскаго съ Вяземскимъ, который былъ передъ тѣмъ на дурномъ счету и прибавилъ: „Тебя называютъ главою партіи, защитникомъ всѣхъ тѣхъ, кто только худъ съ правительствомъ“. Записавъ весь свой разговоръ съ государемъ, Жуковскій тутъ же изложилъ и тѣ горькія мысли, которыя явились у него, когда онъ выслушивалъ эти несправедливыя нареканія. „Поэтому — записалъ онъ тутъ между прочимъ—въ Россіи одинъ человѣкъ добродѣтельный: это Бенкендорфъ! Всѣ прочіе должны смотрѣть въ поступкахъ своихъ на него, какъ на флигельмана. Что онъ назоветъ хорошимъ, то и для нихъ должно быть хорошо; что онъ осудитъ, то и они должны осудить. А онъ произноситъ свои осужденія по доносамъ, слѣдовательно нравственность наша теперь вся предана на произволъ доносчиковъ: нѣтъ никого правыхъ!.. Но это гибель всего!..“ Такъ писалъ кроткій и благодушный Жуковскій, искренно преданный императору Николаю и его семьѣ! Онъ обѣщалъ себѣ быть осторожнѣе; но это не помѣшало ему все же передать императрицѣ свои письма къ Александру Тургеневу, въ одномъ изъ которыхъ были между прочимъ изложены и его планы общей амнистіи. Жуковскій надѣялся, что императрица найдетъ удобный случай переговорить объ этомъ съ императоромъ.

Письмо Жуковскаго, благодаря какимъ-то промедленіямъ, было получено Александромъ Тургеневымъ лишь въ концѣ марта, и тотчасъ же переслано въ копіи къ Николаю Ивановичу въ Гейдельгемъ. 6-го апрѣля Николай Тургеневъ писалъ брату въ Парижъ:

„Если послѣдній невиненъ, то пусть онъ пріѣдетъ и положится на великодушіе императора! Онъ сумѣетъ оказать ему справедливость“.

„Я счелъ бы себя опозореннымъ, если бы я колебался хотя одну минуту принять подобное предложеніе“.—Вотъ мой короткій отвѣтъ. Я не думаю и не желаю думать о послѣдствіяхъ такого отвѣта. Не знаю, что со мною будетъ. Не имѣю никакой надежды на судей, не могу имѣть сей надежды, ибо судьи однажды *осудили* меня въ такихъ преступленіяхъ, въ коихъ я не былъ и *обвиняемъ*. Но государь произнесъ, что онъ сумѣетъ оказать мнѣ справедливость. Этого довольно. Никакой государь не можетъ сдѣлать болѣе. Я *знаю*, что я невиненъ. Я знаю также, что и по *законамъ* я невиненъ. Слѣдовательно я не могу и не долженъ отказать того, что мнѣ предлагаютъ. Я исполню *мой* долгъ, пусть другіе исполняютъ свой съ ихъ стороны. Доказательствъ новыхъ моей невинности я не имѣю. Но думаю, что мое защищеніе лучше изложено въ моихъ французскихъ нотахъ, на случай моей смерти написанныхъ, нежели въ прежнихъ моихъ запискахъ [1]). Съ этими нотами и съ словесными изъясненіями я не могу бояться никакихъ судей на свѣтѣ, кромѣ тѣхъ, кои меня осудили частью за то, въ чемъ меня не обвиняли. Этихъ судей я и теперь боюсь: этого не скрываю“...

Такъ писалъ Н. И. Тургеневъ тотчасъ по полученіи имъ письма Жуковскаго къ брату. Въ припискахъ, сдѣланныхъ повидимому на другой день, онъ нѣсколько разъ возвращается къ своимъ сомнѣніямъ относительно судей и въ одномъ мѣстѣ прибавляетъ даже, что предпочелъ бы явиться къ государю во время его предстоявшаго пребыванія въ Эмсѣ. Обстоятельство, которое усугубляло для Тургенева неизвѣстность риска довѣриться судьямъ, уже обвинившимъ его однажды, было предпринятое имъ какъ разъ въ это время сватовство, на что онъ намекаетъ въ письмѣ къ брату! Въ концѣ письма онъ тѣмъ не менѣе рѣшительно проситъ Александра Ивановича сообщить о его согласіи явиться Жуковскому и, если поступитъ оффиціальный запросъ, Бенкендорфу. Самъ онъ черезъ нѣсколько дней оффиціально довелъ о своемъ рѣшеніи до свѣдѣнія русскаго посла въ Лондонѣ князя Ливена.

Однако ѣхать ему не пришлось. Вся эта исторія оказалась ложной тревогой, происшедшей благодаря какому-то непостижимому недоразумѣнію. Жуковскій съ сокрушеніемъ увѣдомляя объ этомъ Александра Тургенева, сообщалъ ему, что онъ невѣрно понялъ и передалъ слова императора, что государь вовсе и не думалъ пред-

[1]) Эти „ноты“ напечатаны по русски въ „Русск. Стар.“ за 1902 г. № 8—12 подъ заглавіемъ: „Н. И. Тургеневъ въ своемъ оправданіи“. Я на нихъ не однажды ссылался въ этой статьѣ.

лагать ему пересмотръ дѣла. «Если бы братъ явился—писалъ Жуковскій—и безусловно предалъ себя великодушію Государя, то его величество рѣшилъ бы тогда самъ, какое существованіе могло бы быть дано ему, осужденному въ Россіи, безъ уничтоженія осудившаго его приговора; таковъ былъ истинный смыслъ сказаннаго мнѣ отвѣта...» [1]).

Съ этихъ поръ Н. И. Тургеневъ остался за границей въ качествѣ пожизненнаго изгнанника. Въ 1833 г. онъ переѣхалъ въ Парижъ и поселился навсегда въ его окрестностяхъ, въ Буживалѣ, гдѣ пріобрѣлъ виллу Вербуа. Передъ тѣмъ онъ женился въ Швейцаріи на дочери офицера наполеоновскихъ войскъ сардинца маркиза Віарисъ, отъ которой впослѣдствіи имѣлъ двухъ сыновей и дочь [2]).

„Несмотря на многолѣтнее пребываніе за границей, Н. И. Тургеневъ остался—по выраженію И. С. Тургенева—русскимъ человѣкомъ съ ногъ до головы, и не только русскимъ,—московскимъ человѣкомъ. Эта коренная русская суть выражалась во всемъ: въ пріемахъ, во всѣхъ движеніяхъ, во всей повадкѣ, въ самомъ выговорѣ французскаго языка,—о русскомъ языкѣ уже и упоминать нечего. Бывало,—вспоминаетъ Иванъ Сергѣевичъ—находясь подъ кровомъ этого радушнаго, гостепріимнаго хозяина-хлѣбосола (онъ жилъ на большую ногу,—извѣстно, что братъ его, Александръ Ивановичъ, сохранилъ ему все его состояніе); слушая его нѣсколько тяжеловатую, но всегда искреннюю, толковую и честную рѣчь, невольно удивляешься, почему ты сидишь передъ каминомъ, въ убранномъ по иностранному кабинетѣ, а не въ теплой и просторной гостиной старозавѣтнаго московскаго дома, гдѣ-нибудь на Арбатѣ или на Пречистенкѣ, или на той же Маросейкѣ, гдѣ Н. Тургеневъ провелъ свою первую молодость?..“ [3]).

Въ 1837 г., чтобы обезпечить на случай своей смерти матеріальное положеніе Николая Тургенева, А. И. Тургеневъ продалъ родовое симбирское имѣніе своему двоюродному брату, который далъ честное слово „любить и жаловать крестьянъ“ [4]). Этотъ поступокъ Александра Ивановича многимъ казался предосудительнымъ или по крайней мѣрѣ несоотвѣтствующимъ тѣмъ мнѣніямъ, которыя пропо-

---

[1]) „Русск. Стар.“ за 1902 г., № 4, стр. 93, 94.

[2]) Некрологъ, написанный Ив. С. Тургеневымъ. Полное собраніе сочиненій т. X, стр. 450. Ср. статью Д. Н. Свербеева въ „Русск. Архивѣ“ за 1871 годъ, № 11, стр. 1962.

[3]) „Полное собраніе соч. И. С. Тургенева“, X, 454—455.

[4]) Названная статья Д. И. Свербеева, а также статья В. И. Семевскаго о Н. И. Тургеневѣ въ 67 полутомѣ энцикл. словаря Брокгауза и Ефрона, стр. 110.

вѣдывали братья Тургеневы въ крестьянскомъ вопросѣ. Но дѣло въ томъ, что въ случаѣ смерти А. И. Тургенева имѣніе не могло перейти къ Николаю, и все равно досталось бы родственникамъ, тогда какъ Н. И. Тургеневъ съ семьей остался бы безъ средствъ къ жизни. Это соображеніе нельзя не принять во вниманіе при оцѣнкѣ этого факта.

Въ Парижѣ Николай Ивановичъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ мемуаровъ, которые онъ предпринялъ сперва въ цѣляхъ своего оправданія, но которые затѣмъ незамѣтно для него самого разрослись въ цѣлую книгу о Россіи, которую онъ и издалъ въ 1847 г. на французскомъ языкѣ въ 3-хъ томахъ подъ заглавіемъ: „La Russie et les Russes“. Въ сущности она была готова гораздо ранѣе, но Жуковскій отсовѣтовалъ Тургеневу ее издавать, опасаясь, что можетъ повредить Александру Тургеневу. 13-го декабря 1846 г. Александръ Ивановичъ умеръ и послѣ того ничто уже не могло помѣшать Николаю Ивановичу опубликовать свой трудъ.

Въ I томѣ этого сочиненія на первомъ мѣстѣ, подъ заглавіемъ „Записки изгнанника“, изложены весьма интересныя воспоминанія Н. И. Тургенева, начиная съ 1812 г. до 1825 года, которыми я неоднократно пользовался при составленіи настоящей статьи. Затѣмъ слѣдуетъ его оправдательная записка, содержащая подробную и обстоятельную критику на донесеніе слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ. Наконецъ, въ томъ же томѣ въ видѣ приложеній помѣщены отдѣльныя статьи о Штейнѣ, Лагарпѣ, Поццо ди-Борго, Карамзинѣ, о тайныхъ обществахъ, о проф. Геде, кн. Алексѣѣ Куракинѣ, кн. Александрѣ Салтыковѣ и М. М. Сперанскомъ. Содержаніе этого тома послужило однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для извѣстной книги А. Н. Пыпина—„Общественное движеніе при Александрѣ I“.

II томъ „La Russie et les Russes“ посвященъ описанію моральнаго, политическаго и соціальнаго положенія Россіи въ половинѣ XIX-го столѣтія. Въ первой части этого тома изображено положеніе отдѣльныхъ классовъ русскаго народа, причемъ особенно обстоятельно очерчено положеніе крестьянъ всѣхъ категорій. Во второй части этого тома описано государственное устройство и управленіе дореформенной Россіи. Въ этомъ томѣ наряду съ общеизвѣстными въ настоящее время свѣдѣніями приводится много интересныхъ данныхъ изъ личныхъ наблюденій и воспоминаній Тургенева, особенно по крестьянскому вопросу и по финансовымъ дѣламъ. Въ видѣ приложеній въ концѣ тома напечатаны: „Записка, поданная въ 1819 г. Н. И. Тур-

геневымъ гр. Милорадовичу"; „Замѣтки объ указѣ 2-го апрѣля 1842 г. (объ обязанныхъ крестьянахъ)"; „О муштровкѣ солдатъ при Александрѣ I"; „О шпіонствѣ и о реформѣ монетной системы въ Россіи".

III томъ, носящій заглавіе „Будущность Россіи", содержитъ въ себѣ обзоръ необходимыхъ для Россіи реформъ въ опредѣленной послѣдовательности—„pia desideria", какъ назвалъ ихъ самъ авторъ. Тургеневъ начинаетъ эту часть своей книги подробными доказательствами необходимости для Россіи, въ цѣляхъ ея благополучія и развитія ея національнаго могущества, пріобщиться къ благамъ европейской цивилизаціи. Высшей точки могущества и величія, по мнѣнію Тургенева, Россія достигла при Александрѣ I, когда ей посчастливилось явить міру необыкновенное зрѣлище: самодержца, призывающаго народъ къ борьбѣ за независимость и свободу[1]). Послѣ того Россія не только не прогрессировала, но, наоборотъ, отстала отъ другихъ государствъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ періодъ съ 1813—1845 г. всѣ европейскія страны быстро пошли впередъ въ торговлѣ, промышленности, во всесторонниxъ улучшеніяхъ гражданскаго быта и въ организаціи армій. Въ Россіи былъ въ это время полный застой благодаря, главнымъ образомъ, крѣпостному праву. Даже русская армія, какъ доказываетъ Тургеневъ, регрессировала въ это время въ своемъ духѣ и строѣ, что и обнаружилось во время войнъ турецкой (1828) и польской (1831 г.). Этотъ регрессъ зависѣлъ отъ существовавшей тогда рекрутской системы и плохихъ кадетскихъ корпусовъ, выпускавшихъ невѣжественныхъ офицеровъ. Указывая на необходимость для Россіи позаимствовать у Европы всѣ эти улучшенія, Тургеневъ предостерегаетъ противъ всякихъ попытокъ заимствовать одни результаты цивилизаціи, отвергнувъ ея основы. При всемъ горячемъ своемъ патріотизмѣ Тургеневъ является въ этой главѣ рѣшительнымъ западникомъ. Но, констатируя отсталость Россіи и почти предсказывая ея пораженіе при будущемъ столкновеніи съ европейскими державами, если она не выйдетъ изъ состоянія застоя, Тургеневъ рекомендуетъ мѣры отнюдь не революціонныя, а совершенно лойальныя. Въ тогдашней Россіи онъ видѣлъ два капитальныхъ препятствія къ прогрессу: крѣпостное право и положеніе Польши[2]). Указавъ на повелительную необходимость приступить къ эмансипаціи крестьянъ, онъ высказываетъ даже, что всякая другая ре-

[1]) „La Russie et les Russes", III, 13.
[2]) Ibidem, III, 26—50.

форма, предпринятая въ Россіи до освобожденія крестьянъ, опасна и нежелательна, потому что она можетъ затормозить это послѣднее.

„Конечно,—замѣчаетъ Тургеневъ,—мы вовсе не желаемъ сказать, что политическая свобода есть роскошь; она, какъ и свобода вообще, есть неоспоримая собственность каждаго мыслящаго существа, собственность, которую у него иногда похищаютъ, которую часто онъ не надѣется себѣ возвратить, но которая тѣмъ не менѣе не можетъ быть ни отчуждена, ни потеряна навсегда. И не то, чтобъ мы не сознавали ея значенія; пусть предоставятъ ее одному только классу общества и она добьется въ концѣ-концовъ — мы въ этомъ убѣждены—полнаго уничтоженія рабства; потому что вѣдь свобода предполагаетъ возможность обсужденій, а рабство въ настоящее время не можетъ выдержать свободнаго изслѣдованія. Но здѣсь мы говорили лишь о раціональномъ выборѣ мѣръ, когда выборъ возможенъ; и съ этой точки зрѣнія ясно, что слѣдуетъ начать съ водворенія гражданской свободы прежде чѣмъ мечтать о свободѣ политической; мы подчиняемся въ этомъ случаѣ лишь голосу справедливости, который требуетъ, чтобы интересы наиболѣе неотложные, наиболѣе священные, были удовлетворены прежде другихъ [1]).

Въ видѣ примѣра, заслуживающаго подражанія, Тургеневъ приводитъ планомѣрную и раціональную реформаторскую дѣятельность Штейна, который въ Пруссіи также поставилъ на первую очередь освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права и имѣлъ въ виду завершить дѣло широкимъ политическимъ представительствомъ народа. Иниціативы преобразованій Тургеневъ ждалъ отъ самой верховной власти, опираясь въ своей надеждѣ на историческіе примѣры и особенно на примѣръ Петра, главную заслугу котораго Тургеневъ видѣлъ въ томъ, что Петръ въ своей реформаторской дѣятельности никогда не думалъ объ укрѣпленіи своей самодержавной власти, а всегда работалъ для Россіи.

Рекомендуя извѣстную планомѣрность и послѣдовательность въ преобразованіи гражданскаго и политическаго быта Россіи, Тургеневъ раздѣляетъ необходимыя преобразованія на двѣ эпохи. Къ первой эпохѣ онъ относитъ реформы, совмѣстимыя съ абсолютной властью. На первое мѣсто онъ ставитъ освобожденіе крестьянъ, причемъ попрежнему онъ представляетъ себѣ освобожденіе беземельное, хотя отдаетъ предпочтеніе освобожденію крестьянъ

---

[1]) „La Russie“, III, стр. 53.

съ землей, причемъ считаетъ достаточнымъ надѣломъ 1 десятину на душу или 3 десятины на тягло, но зато безплатно [1]). За крестьянской реформой должна слѣдовать судебная, которая обезпечила бы хотя нѣкоторую независимость суда, въ видѣ отдѣленія судебной власти отъ административной, и ввела бы судъ присяжныхъ по уголовнымъ и по гражданскимъ дѣламъ, гласное и устное судопроизводство и періодичность сессій. Тургеневъ полагалъ уѣздный и земскій судъ соединить въ одинъ, подчинивъ ему дѣла мировой юстиціи и слѣдственную часть. Судъ присяжныхъ онъ полагалъ съ одною инстанціей и съ правомъ для недовольной стороны обжалованіе въ кассаціонномъ порядкѣ. Въ кассаціонный судъ онъ предполагалъ преобразовать сенатъ. Отличительной чертой тургеневскаго проекта являлось то, что, проектируя судъ присяжныхъ, онъ въ то же время не желалъ состязательнаго процесса по уголовнымъ дѣламъ и прокурору предоставлялъ роль не обвинителя, а лишь блюстителя законности. Что касается судебнаго персонала, то Тургеневъ предполагалъ открыть доступъ къ юридической карьерѣ лицамъ всѣхъ сословій, а при замѣщеніи должностей отдавалъ преимущество выборному началу, которое въ его глазахъ являлось большей гарантіей независимости судей, нежели ихъ несмѣняемость. Для образованія молодыхъ юристовъ Тургеневъ находилъ желательнымъ командировку молодыхъ людей за границу для ознакомленія съ тамошними судебными порядками. Къ учрежде-

---

1) „La Russie et les Russes", 110—114. Этотъ надѣлъ, какъ справедливо отмѣтилъ уже В. И. Семевскій, весьма походилъ на четвертной, нищенскій надѣлъ, придуманный въ 1860 г. кн. Гагаринымъ. Нельзя не согласиться съ В. И. Семевскимъ, что Тургеневъ, бывшій передовымъ бойцомъ за крестьянское дѣло въ царствованіе Александра I, очень отсталъ отъ русскаго общественнаго теченія по крестьянскому вопросу къ концу сороковыхъ годовъ. Живя за границей, онъ потерялъ способность живо схватывать и понимать жизненныя потребности народа и оставался благодаря этому и ко времени освобожденія крестьянъ въ Россіи на точкѣ зрѣнія реформъ Штейна, на которую онъ сталъ въ первой молодости. Ошибочность и отсталость его точки зрѣнія на крестьянскій вопросъ была очень рѣзко указана однимъ изъ его товарищей по несчастію Н. А. Бестужевымъ въ письмѣ послѣдняго С. В. Волконскому, написанномъ въ 1849 г. и приведенномъ С. В. Максимовымъ въ ст. „Н. А. Бестужевъ по его письмамъ" („Наблюдатель". 1883 г., № 3 стр. 115—119); срав. „Крестьян. вопросъ въ Россіи" В. И. Семевскаго, т. II, стр. 362. Слѣдуетъ, однако, помнить, что Н. И. Тургеневъ, стоя за маленькіе надѣлы, имѣлъ въ виду вовсе не помѣщичьи интересы, а исходилъ единственно изъ желанія какъ можно скорѣе и какъ можно полнѣе освободить и отмежевать крестьянина отъ помѣщика, причемъ опасался, что выкупъ, опредѣленный за болѣе значительные надѣлы, установленные редакціонными комиссіями, будетъ разорителенъ для крестьянъ. Впослѣдствіи онъ призналъ самъ свою ошибку.

нію адвокатуры Тургеневъ относился съ сомнѣніемъ; не имѣя въ виду вводить состязательнаго процесса, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на роскошь, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ періодѣ реформъ, и ему казалось, что гораздо важнѣе такъ редактировать законы, чтобы они были доступны для каждаго гражданина безъ помощи адвоката [1]). Наряду съ судебной реформой Тургеневъ ставитъ пересмотръ уголовныхъ законовъ. Прежде всего онъ требуетъ уничтоженія тѣлесныхъ наказаній, скептически относится къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, особенно т. наз. бродягъ. Смертную казнь онъ признаетъ вредной съ общественной точки зрѣнія; рекомендуетъ тюремное заключеніе современнаго ему французскаго типа, но въ смягченномъ видѣ [2]).

Въ области администраціи Тургеневъ находитъ нужнымъ, прежде всего, съ освобожденіемъ крестьянъ ввести должности мировыхъ посредниковъ, которые явились бы защитниками крестьянскяхъ интересовъ и разбирали бы различныя недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами по найму земель и т. п. Затѣмъ онъ полагалъ дать самоуправленіе городскимъ обществамъ въ лицѣ домовладѣльцевъ. Изъ соединеннаго присутствія дворянскихъ собраній и городскихъ совѣтовъ онъ проектировалъ нѣчто въ родѣ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній [3]). Впрочемъ онъ признавалъ, что правильная система самоуправленія немыслима въ абсолютномъ государствѣ [4]).

Въ системѣ управленія и народнаго хозяйства вообще въ первомъ періодѣ реформъ Тургеневъ считалъ возможными и желательными слѣдующія улучшенія: усиленіе децентрализаціи въ смыслѣ предоставленія мѣстнымъ властямъ большаго круга дѣлъ и невмѣшательства центральной администраціи въ мелочныя дѣла. Въ устраненіе же произвола мѣстныхъ властей Тургеневъ предполагалъ широкое развитіе выборной ситемы замѣщенія должностей. Въ то же время онъ проектировалъ допущеніе подготовленныхъ лицъ изъ низшихъ классовъ къ замѣщенію должностей, особенно спеціальныхъ, и вообще указывалъ на необходимость открыть дорогу образованнымъ людямъ и людямъ труда и таланта разныхъ сословій; рекомендовалъ также постепенное уничтоженіе чиновъ съ замѣной ихъ на первое время классами должностей [5]). Переходя къ народному образованію

[1]) „La Russie et les Russes“, т. III, 121—132.
[2]) Ibidem, 132—136.
[3]) Ibidem, 137—139.
[4]) Zboden 132—136.
[5]) Ibidem, 140—149.

и указывая на опасеніе, съ которымъ тогдашнее правительство относилось къ высшему образованію и равнодушіе, съ которымъ оно относилось къ начальному образованію народа, Тургеневъ ставитъ въ примѣръ русскому правительству современныя Западно-Европейскія правительства въ государствахъ съ абсолютнымъ политическимъ строемъ и которые однако же энергично стремились къ просвѣщенію.

Говоря о начальномъ образованіи, Тургеневъ далекъ отъ мысли о необходимости и справедливости безплатнаго обученія вообще, но въ Россіи временно онъ полагаетъ необходимымъ установленіе именно дароваго начальнаго обученія. Останавливаясь по этому поводу надъ вопросомъ о средствахъ, онъ полагаетъ, что слѣдуетъ поступиться для этого нѣсколькими гвардейскими полками (причемъ замѣчаетъ, что содержаніе каждаго изъ нихъ стоитъ столько же, сколько стоитъ содержаніе университета), и такими блестящими, но дорого стоющими парадами, какъ Бородинскій и нѣкоторые другіе, а равно и постройкой роскошныхъ зданій. Съ цѣлью насажденія знаній онъ полагаетъ попрежнему полезнымъ поощреніе водворенія въ Россіи честныхъ и образованныхъ иностранцевъ и еще болѣе полезнымъ посылку русскихъ молодыхъ людей для обученія за границу. Онъ предлагалъ даже образовать въ этихъ видахъ за границею особое заведеніе для русскихъ, указывая, какъ прототипъ, французскую академію художествъ въ Римѣ [1]).

Далѣе онъ останавливается на необходимости улучшенія матерьяльнаго положенія духовенства и поднятія его нравственнаго и умственнаго уровня. Между прочимъ онъ рекомендуетъ и молодыхъ духовныхъ посылать за границу для слушанія лекцій на богословскихъ факультетахъ протестантскихъ университетовъ. Въ отношеніи раскольниковъ и сектантовъ Тургеневъ рекомендуетъ полную вѣротерпимость и даже противъ наиболѣе вредныхъ сектъ, каковы напр. скопцы, онъ считаетъ наиболѣе раціональнымъ средствомъ широкое распространеніе просвѣщенія. Столь же полную свободу вѣроисповѣданія Тургеневъ предполагаетъ и для иновѣрцевъ [2]).

Переходя къ устройству войска, Тургеневъ настаиваетъ на необходимости немедленно вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостного права уничтожить и рекрутчину, замѣнивъ ее всесословной воинской повинностью по примѣру европейскихъ странъ. Требуя уни-

---

[1]) „La Russie et les Russes“, 149—158.

[2]) Ibidem, 158—163.

чтоженія тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, Тургеневъ допускаетъ здѣсь нѣкоторую постепенность, начиная съ гвардейскихъ, гренадерскихъ и артиллерійскихъ войскъ, а также старыхъ солдатъ въ армейскихъ полкахъ, и сводя въ концѣ концовъ къ удержанію подобныхъ наказаній лишь въ дисциплинарныхъ батальонахъ. Далѣе онъ доказываетъ необходимость допущенія въ военныя школы (кадетскіе корпуса) дѣтей не дворянскаго происхожденія и желательность посылки молодыхъ офицеровъ съ учебными цѣлями за границу. Наконецъ, онъ останавливается на необходимости завести во всѣхъ полкахъ школы для солдатъ, подобно тому, какъ это попытался когда-то осуществить въ своей дивизіи М. Ѳ. Орловъ [1]).

Въ отношеніи управленія финансами въ первомъ періодѣ реформъ Тургеневъ предлагалъ слѣдующія реформы: 1) отмѣну подушной подати, 2) отмѣну откуповъ и налога съ вина, причемъ настаивалъ на необходимости ввести общества трезвости по примѣру ирландскихъ, 3) взамѣнъ отмѣняемыхъ податей и налоговъ Тургеневъ проектировалъ установленіе поземельнаго и подоходнаго налоговъ. Наконецъ, 4) онъ указывалъ на необходимость отказаться отъ системы покровительства торговли и промышленности въ ущербъ земледѣлію и соотвѣтственно измѣнить таможенное законодательство [2]).

Надзоръ за исполненіемъ этихъ реформъ, по мнѣнію Тургенева, не можетъ быть осуществленъ безъ помощи независимой печати. Онъ сознавалъ, что при абсолютномъ правительствѣ полной свободы печати быть не можетъ, но признавалъ безусловно необходимымъ допущеніе и развитіе гласности и нѣкоторый просторъ въ обсужденіи внутреннихъ народныхъ и общественныхъ нуждъ. Въ числѣ аргументовъ онъ приводитъ тутъ между прочимъ мнѣніе О'Коннеля, что свобода печати также, какъ свобода миттинговъ, есть своего рода клапанъ для выхода народныхъ страстей и общественнаго пыла [3]).

Переходя къ внѣшней политикѣ, Тургеневъ рѣзко критикуетъ политику нераціональнаго и безплоднаго съ точки зрѣнія интересовъ Россіи вмѣшательства нашей дипломатіи во внутреннія дѣла отдаленнѣйшихъ государствъ съ цѣлью повсемѣстной поддержки

---

1) Ibidem, 163—168.
2) Ibidem, 168—171.
3) „La Russie et les Russes“, 172—176.

легитимистовъ противъ революціонныхъ и прогрессивныхъ теченій. Онъ указываетъ на ненормальность и невыгодность для Россіи положенія русскаго императора, какъ главы консервативной или легитимистской партіи въ Европѣ, и отмѣчаетъ измѣненіе повсюду въ Европѣ отношенія къ Россіи со времени 1812—1814 гг., когда Россія пользовалась всемірными симпатіями. Настоящіе интересы Россіи, по мнѣнію Тургенева, на востокѣ и ея миссія тамъ—освободительная. При этомъ онъ ссылается на политику Панина, Безбородко, Потемкина при Екатеринѣ и политику Каподистріи при Александрѣ. Впрочемъ, Тургеневъ далекъ отъ увлеченія славянофильскими взглядами. Онъ называетъ ихъ поэзіей въ политикѣ. Между прочимъ, онъ считалъ выгоднымъ для Россіи содѣйствовать національному объединенію Германіи и Италіи, разсчитывая, что въ восточномъ вопросѣ вліяніе этихъ странъ будетъ благопріятно освобожденію грековъ и славянъ [1]).

Вторая эпоха реформъ въ Россіи по мысли Тургенева должна выразиться въ установленіи конституціоннаго режима съ принятіемъ основныхъ принциповъ гражданской и политической свободы, которые Тургеневъ сводитъ къ равенству всѣхъ предъ закономъ, свободѣ печати и слова, свободѣ совѣсти, праву каждаго быть судимымъ лишь своими законными судьями, участію народа въ управленіи при посредствѣ представителей, отвѣтственности министровъ, независимости суда и господствѣ децентрализаціи и выборнаго начала въ администраціи [2]). Конституціонный актъ, устанавливающій всѣ эти права и гарантіи, Тургеневъ предлагалъ назвать въ память перваго русскаго сборника законовъ „Русскою правдой".

Разсматривая въ отдѣльности вышеозначенныя категоріи вольностей и правъ, Тургеневъ останавливается по поводу принципа равенства всѣхъ передъ закономъ на вопросѣ о прерогативахъ дворянскаго сословія и рѣшая вопросъ объ удержаніи въ Россіи сословныхъ отличій отрицательно, говоритъ между прочимъ: „Сохранить аристократію (тамъ, гдѣ она существуетъ)—это еще понятно; но создавать новую съ легкимъ сердцемъ, да еще въ XIX вѣкѣ—вотъ было бы по истинѣ доведеніемъ дѣла до абсурда!"

„Русское дворянство — замѣчаетъ Тургеневъ — аристократія только по имени, она ничего не представляетъ собой [3]).

[1]) Ibidem, 176—190.
[2]) Ibidem, 198—238.
[3]) Ibidem, 200.

Настаивая на необходимости во 2-омъ періодѣ реформъ обезпечить въ Россіи полную свободу слова и печати съ подчиненіемъ преслѣдованія ея злоупотребленій суду присяжныхъ, Тургеневъ такъ обосновываетъ это положеніе: „Вмѣсто того, чтобы преувеличивать неудобства свободы мысли и печати, которыя безъ сомнѣнія не больше тѣхъ, какія бываютъ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, слѣдовало бы лучше глубже оцѣнить опасности, проистекающія изъ отсутствія этой свободы, исчислить все, что̀ теряетъ народъ, которому отказываютъ въ этой свободѣ, въ своемъ матерьяльномъ благосостояніи, въ своемъ умственномъ развитіи и нравственномъ достоинствѣ"...

„Какъ всякая иная свобода, свобода слова и печати влечетъ за собой и отвѣтственность. Эта отвѣтственность должна быть опредѣлена закономъ; и этотъ законъ долженъ быть ясенъ и простъ, и то и другое вполнѣ достижимо, при условіи откровенности и устраненіи всякой задней мысли" [1])...

О свободѣ совѣсти Тургеневъ замѣчаетъ, что нельзя лишить человѣка этой свободы, не поступаясь частью человѣческаго достоинства, не жертвуя тѣмъ, что есть въ человѣкѣ духовнаго и безсмертнаго. Не требуя отъ Россіи, чтобы она опередила въ этомъ отношеніи другія образованныя страны, онъ не рѣшается настаивать на отдѣленіи церкви отъ государства, а требуетъ лишь, чтобы церковь не служила для государства орудіемъ для его цѣлей и чтобы всѣ культы въ Россіи пользовались полной свободой и одинаковымъ покровительствомъ закона. Отвергая ультрамонтанскія притязанія католичества, стремящіяся подчинить государство церкви, Тургеневъ старается установить точки соприкосновенія и данныя для сближенія между православіемъ и протестантствомъ. Отстаивая свободу сектъ, онъ замѣчаетъ: разнообразіе, а не единообразіе— законъ природы и этотъ законъ возобладаетъ въ области ума и вѣры, какъ онъ царитъ теперь въ физическомъ мірѣ. Скажемъ болѣе, прибавляетъ Тургеневъ — акты, въ ихъ разнообразіи, не только есть вещь неизбѣжная, но и чрезвычайно полезная, особенно въ религіи... Свобода — и скажемъ правду — конкуренція—вотъ что придаетъ и сохраняетъ силу и плодотворность различныхъ вѣроученій; монополія поражаетъ ихъ безплодіемъ и производитъ тупость и равнодушіе" [2])...

---

[1]) Ibidem, 202.
[2]) Ibidem, 209.

Разсматривая вопросъ объ организаціи народнаго представительства, Тургеневъ останавливается на оцѣнкѣ трехъ различныхъ формъ двухкамерной системы: съ верхней палатой, наслѣдственно-аристократической, по назначенію отъ правительства и, наконецъ, выборной. Рѣшительно возставая противъ установленія въ Россіи палаты наслѣдственныхъ пэровъ, по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ онъ высказывался вообще противъ созданія въ Россіи аристократіи съ особыми политическими прерогативами, Тургеневъ высказывается и противъ верхней палаты съ пожизненными членами по назначенію правительства, находя, что такая палата не была бы достаточно авторитетна и независима, чтобы служить сдерживающимъ элементомъ противъ возможныхъ увлеченій нижней палаты. Съ этой послѣдней точки зрѣнія Тургеневъ предпочиталъ обоимъ этимъ типамъ верхнихъ палатъ, вторую палату, составленную по выборамъ на тотъ же срокъ, что и нижняя палата, но изъ лицъ старше извѣстнаго возраста, напр. 40 лѣтъ, прослужившихъ извѣстное число лѣтъ на выдающихся постахъ на какомъ-либо общественномъ поприщѣ, причемъ и избираться они могли бы, въ устраненіе всякихъ случайностей, не прямыми выборами, а муниципальными совѣтами или провинціальными собраніями (земствами). Однако для Россіи Тургеневъ предпочиталъ однокамерную систему. Предполагая очевидно скорое относительно осуществленіе своихъ либеральныхъ плановъ, онъ опасался, что для двухъ палатъ въ Россіи не найдется достаточно подготовленныхъ людей и что такимъ образомъ обѣ палаты окажутся чрезвычайно слабыми [1]).

Избирательныя права Тургеневъ полагалъ предоставить въ Россіи (считая въ ней въ 1846 г. до 50.000.000 жителей) примѣрно 1.000.000 избирателей, причемъ всю страну онъ думалъ разбить на 200 избирательныхъ округовъ съ 5000 голосовъ въ каждомъ. Право быть избирателемъ по его плану давала бы прежде всего всякая т. н. свободная профессія (педагогическая дѣятельность, художественная и т. п.) гражданская служба въ должностяхъ, начиная съ извѣстнаго класса, офицерская служба и священнослужительство; затѣмъ владѣніе извѣстнымъ количествомъ земли или въ городахъ—домами. Крестьяне такимъ образомъ не получили бы избирательныхъ правъ благодаря тому, что, отвергая систему всеобщаго избирательнаго права, Тургеневъ въ то же время имѣлъ въ виду лишь отдѣльныя лица, а не общины, и ему вслѣдствіи этого

[1]) Ibidem, 224.

не пришла въ голову мысль о возможности предоставленія правъ участія въ избирательныхъ коллегіяхъ депутатамъ крестьянскихъ обществъ. Ограничивая извѣстнымъ цензомъ, профессіональнымъ или имущественнымъ, право активнаго участія въ выборахъ, Тургеневъ за то предоставляетъ право быть избираемыми всѣмъ гражданамъ, безъ всякихъ ограниченій, настаивая на томъ, что въ этомъ отношеніи воля избирателей ничѣмъ не должна быть стѣснена. Депутатъ въ народномъ собраніи не долженъ лишь быть моложе извѣстнаго возраста, напр. 25 лѣтъ. Должность депутата должна быть оплачиваема [1]).

Мы остановились такъ подробно на изложеніи 3-го тома сочиненія Н. И. Тургенева потому, что оно не безынтересно, какъ „единственное сочиненіе въ эпоху императора Николая, въ которомъ русскій политическій либерализмъ получилъ довольно полное выраженіе“ [2]), для насъ же оно имѣетъ еще особый интересъ въ виду прямого утвержденія кн. С. Г. Волконскаго, что все, что печатно высказано Тургеневымъ „о финансахъ и судопроизводствѣ для Россіи“ во время пребыванія его за границей, „есть сводъ того, что имъ приготовлено было для примѣненія при переворотѣ“ [3]). Подробное ознакомленіе съ тѣмъ, что высказано Тургеневымъ въ этомъ отношеніи, какъ нельзя лучше показываетъ, что Тургеневъ, стоя на уровнѣ понятій просвѣщенныхъ людей своего вѣка относительно всѣхъ отдѣловъ государственнаго устройства и управленія, отнюдь не помышлялъ однако о какомъ-нибудь переворотѣ, а разсчитывалъ на мирную преобразовательную дѣятельность самого правительства, которое, по его соображеніямъ, вступитъ на путь реформъ, если пожелаетъ сохранить свое мѣсто въ средѣ великихъ европейскихъ державъ. Событія, наступившія вслѣдъ за крымской кампаніей, блистательно оправдали эти соображенія Николая Тургенева. Въ 1848 г. Тургеневъ предвидѣлъ уже и самую войну, какъ это видно изъ его брошюры „La Russie en présence de la crise européenne“ [4]).

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II, воспитанника В. А. Жуковскаго, Тургеневу удалось, наконецъ, быть выслушаннымъ. При личномъ свиданіи съ кн. А. Ѳ. Орловымъ, бывшемъ въ 1856 г. нашимъ уполномоченнымъ въ Парижѣ, ему уда-

---

[1]) Ibidem, 225—230

[2]) Ср. ст. о Тургеневѣ В. И. Семевскаго въ Энцик. слов. Брокгауза и Ефрона, полутомъ 67, стр. 110.

[3]) „Записки“, стр. 423.

[4]) И. Сер. Тургеневъ „Некрологъ Н. И. Тургенева“ въ Собран. сочин.“ т. X. стр. 451, примѣчаніе.

лось доказать неосновательность выставленныхъ противъ него обвиненій и несправедливость приговора, осудившаго его въ 1826 году. Вскорѣ послѣ того Тургеневъ, по особому высочайшему повелѣнію, былъ возстановленъ во всѣхъ правахъ, отнятыхъ у него приговоромъ верховнаго уголовнаго суда [1]). Онъ не только получилъ право, подобно другимъ осужденнымъ въ 1826 г. лицамъ, возвратиться на родину, но ему были возвращены вмѣстѣ съ тѣмъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ордена [2]).

Въ 1857 г. онъ впервые послѣ тридцатитрехлѣтняго изгнанія возвратился въ Россію. Начиналась эпоха великихъ реформъ, и Тургеневъ со всѣмъ интересомъ и пыломъ юности поспѣшилъ принять участіе въ обсужденіи готовящихся преобразованій. Но еще прежде, нежели изданъ былъ знаменитый рескриптъ 20-го ноября 1857 года, Николай Ивановичъ приступилъ къ практическому рѣшенію крестьянскаго вопроса въ небольшомъ имѣніи, доставшемся ему по наслѣдству въ 1856 г. въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Крестьяне въ этомъ имѣніи были частью на оброкѣ, частью на барщинѣ; Тургеневъ, прежде всего, перевелъ барщинныхъ крестьянъ на оброкъ, который и былъ установленъ въ размѣрѣ 20 руб. съ тягла. Затѣмъ Тургеневъ предложилъ крестьянамъ выйти на волю и получить въ собственность *безвозмездно* $^1/_3$ всей земли, принадлежавшей къ имѣнію, что составляло, впрочемъ, нѣсколько менѣе 3 десятинъ на тягло. Этотъ надѣлъ былъ, безъ сомнѣнія, недостаточенъ; но если мы примемъ во вниманіе, что въ тульскомъ губернскомъ комитетѣ большинство членовъ проектировало дать крестьянамъ именно этотъ надѣлъ *за значительный выкупъ* и что Тургеневъ и всю остальную землю сдалъ въ аренду тѣмъ же крестьянамъ по 4 руб. за десятину и сталъ такимъ образомъ получать съ имѣнія вдвое меньше, чѣмъ получалъ оброка при всей его умѣренности, то для насъ не остается никакого сомнѣнія, что онъ хотѣлъ устроить своихъ крестьянъ на условіяхъ довольно льготныхъ для нихъ и очень невыгодныхъ для него самого [3]). Независимо отъ этого онъ устроилъ въ

---

[1]) Статья Д. И Свербеева о И. И. Тургеневѣ въ „Русск. Архив.“ за 1871 г., № 11, стр. 1477.

[2]) Прочимъ осужденнымъ одной съ Тургеневымъ категоріи было возвращено дворянство, но не были возвращены ни прежніе титулы, ни чины, ни права на прежнее имущество. Срав. „Записки“ С. Г. Волконскаго и продолженіе ихъ, написанное его сыномъ, стр. 496.

[3]) Д. И. Свербеевъ въ статьѣ о Н. И. Тургеневѣ („Русск. Арх.“ 1871 г. № 11, стр. 1478) утверждаетъ, что Тургеневъ отдалъ крестьянамъ остальную землю даже по 12 руб. за десятину и эти свѣдѣнія заимствовалъ у

этомъ имѣніи школу, больницу и богадѣльню и обезпечилъ безбѣдное существованіе причта; крестьянамъ же предоставилъ въ случаѣ, если условія, на которыхъ правительство освободитъ всѣхъ вообще крестьянъ, окажутся выгоднѣе для нихъ, принять эти условія вмѣсто назначенныхъ въ договорѣ.

Тотчасъ послѣ изданія рескрипта 20-го ноября 1857 года Тургеневъ принялъ горячее участіе въ обсужденіи готовящейся реформы въ цѣломъ рядѣ брошюръ, подъ заглавіемъ: „Пора!“ (1858), „О силѣ и дѣйствіи рескриптовъ 20-го ноября“ (1858), „Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ“ (1859), „О судѣ крестьянъ и о судебной полиціи въ Россіи“ (1860), „Un dernier mot sur l'emancipation des serfs“ (1860), „О новомъ устройствѣ крестьянъ“ (1861). У насъ нѣтъ подъ руками всѣхъ этихъ брошюръ и потому мы не можемъ въ настоящее время подробно на нихъ останавливаться, да и едва ли ихъ содержаніе представляетъ теперь самостоятельный интересъ. Выше мы упомянули, что Н. И. Тургеневъ, живя за границей и оставаясь въ крестьянскомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія, усвоенной имъ въ дни своей юности подъ несомнѣннымъ вліяніемъ реформъ Штейна, отсталъ отъ передовыхъ теченій русской общественной мысли сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Поэтому его идеи рядомъ со свѣжими статьями Кавелина, Герцена, Чернышевскаго, кн. Черкасскаго и Самарина не могли имѣть практическаго значенія, особенно по вопросамъ о размѣрахъ надѣла, о выкупѣ, о сохраненіи общиннаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи онъ лишь post factum, когда уже вышло положеніе 19 февраля, призналъ превосходство основаній, принятыхъ редакціонными коммиссіями, надъ тѣми, какія предлагалъ онъ самъ. Въ одномъ только отношеніи онъ не могъ одобрить этихъ послѣднихъ — это въ вопросѣ о сохраненіи для крестьянъ тѣлеснаго наказанія. Н. И. Тургеневъ по этому вопросу держался одного мнѣнія съ Я. И. Ростовцевымъ, что тѣлесное наказаніе осталось „пятномъ“ на освобожденіи. Къ дѣятелямъ „освобожденія“ Н. И. Тургеневъ относился съ трогательнымъ сочувствіемъ. „Я не думалъ, — говорилъ онъ, — чтобы послѣ Штейна я могъ полюбить кого-нибудь такъ, какъ я полюбилъ Николая Милютина!“ [1]). Вѣсть объ объявленіи воли Н. И.

Свербеева и В. И. Семевскій въ книгѣ своей „Крест. вопросъ въ Россіи“ (т. II, стр. 352); но въ спеціальной статьѣ о Тургеневѣ (въ энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона) г. Семевскій, пользуясь, очевидно, позднѣйшими данными, приводитъ цифру 4 рубля за десятину и находитъ ее даже нѣсколько высокой въ качествѣ арендной платы.

[1]) И. С. Тургеневъ. „Собр. сочиненій“, т. X, 454.

Тургеневъ встрѣтилъ въ Парижѣ. „Намъ рѣдко случалось—писалъ впослѣдствіи И. С. Тургеневъ—видѣть нѣчто болѣе умилительное, какъ Н. Тургенева, предстоявшаго, съ бѣгущими по щекамъ слезами, въ церкви парижскаго посольства, во время молебна за Государя, въ день, когда пришло извѣстіе о появленіи манифеста 19 февраля"... [1]). Другой свидѣтель той же сцены, Д. Н. Свербеевъ, упоминаетъ, что въ церкви было много народу, между прочимъ посолъ графъ П. Д. Киселевъ—первый государственный человѣкъ въ Россіи, положившій прочное начало устройству государственныхъ крестьянъ, С. Г. Волконскій (не долюбливавшій Тургенева) и др., и всѣ эти лица, когда пришлось прикладываться ко кресту, посторонились и уступили дорогу Николаю Тургеневу, какъ старѣйшему борцу за крестьянское дѣло въ Россіи [2]).

Въ 1862 г. Тургеневъ издалъ брошюру „Взглядъ на дѣла Россіи", въ которой доказывалъ необходимость введенія мѣстнаго самоуправленія. Онъ предполагалъ учредить уѣздныя и губернскія собранія, или, какъ онъ ихъ называлъ, совѣты (уѣздные изъ 25 человѣкъ), собирающіеся періодически, раза 2 въ годъ, и состоящіе изъ представителей землевладѣльческихъ сословій: дворянъ, крестьянъ и др. Въ губернскій совѣтъ должны были входить, по проекту Тургенева, также представители отъ городскихъ сословій—купцовъ и мѣщанъ. Этимъ учрежденіямъ Тургеневъ предлагалъ поручить: раскладку земскихъ повинностей, завѣдываніе путями сообщеній, устройство школъ и вообще заботу о мѣстныхъ нуждахъ, связанныхъ съ благосостояніемъ народныхъ массъ. Указывая рядъ другихъ необходимыхъ реформъ, Тургеневъ предлагаетъ въ той же брошюрѣ поручить подготовку ихъ коммиссіямъ, составленнымъ по примѣру редакціонныхъ коммиссій, т. е. съ участіемъ лицъ, не состоящихъ на государственной службѣ [3]).

Въ 1866 г. онъ издалъ брошюрку „О разноплеменности населенія въ русскомъ государствѣ", касавшуюся польскаго вопроса; въ 1867 г. „Отвѣтъ" Ковалевскому по поводу предпринятой послѣднимъ [4]) защиты гр. Блудова отъ нареканій на него Тургенева за „Донесеніе слѣдственной коммиссіи о злоумышленныхъ обществахъ".

---

[1]) Ibidem 453.

[2]) „Русск Арх." за 1871 г., № 11.

[3]) Ст. В. И. Семевскаго въ энциклопед. словарѣ Брокгауза и Ефрона, 67 полутомъ, стр. 112.

[4]) Въ книгѣ „Графъ Блудовъ и его время".

Въ 1868 г. Тургеневъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Чего желать для Россіи“. Въ этой книгѣ [1]) онъ начинаетъ съ обзора уже введенныхъ въ Россіи реформъ. По поводу крестьянской реформы онъ признаетъ, что жизнь опередила его проекты и что положеніе 19-го февраля болѣе соотвѣтствуетъ желаніямъ и интересамъ крестьянъ, нежели тѣ способы рѣшенія этого вопроса, которые онъ предлагалъ. Тутъ же онъ выражаетъ сожалѣніе, что „совершеніе святого дѣла освобожденія не обошлось безъ крови, безъ жертвъ. Для водворенія свободы, — замѣчаетъ онъ съ горечью, — прибѣгали иногда къ тѣмъ же средствамъ, какія употреблялись для введенія военныхъ поселеній; противъ недоумѣвающихъ, шумящихъ мужиковъ были иногда принимаемы такія мѣры, кои могутъ быть только извинительны противъ заявленныхъ враговъ и мятежниковъ“. Земская и судебная реформы вполнѣ удовлетворяютъ Тургенева; онъ скорбитъ лишь о тѣхъ изъятіяхъ изъ общаго порядка подсудности, которыя незадолго передъ тѣмъ было примѣнены впервые.

Довершать дѣло реформъ, по мнѣнію Тургенева, можно только созваніемъ земскаго собора съ предоставленіемъ ему всѣхъ правъ, обыкновенно принадлежащихъ законодательнымъ собраніямъ и, между прочимъ, права инціативы. Тургеневъ полагалъ, однако, что долго еще земскій соборъ будетъ только совѣщательнымъ собраніемъ, но очень важно уже то—по его мнѣнію,—что созваніе его обезпечитъ полную гласность. Со всѣхъ концовъ Россіи соберутся 400—500 человѣкъ, избранныхъ всѣмъ народомъ, всѣми сословіями, въ соразмѣрности значенія ихъ не только интелектуальнаго или нравственнаго, но и численнаго. Продолжая держаться мнѣнія о необходимости для Россіи одной палаты народныхъ представителей, Тургеневъ въ замѣнъ умѣряющаго значенія верхней палаты полагаетъ возможнымъ допустить чтобы $^1/_4$ или $^1/_5$ всѣхъ избирателей назначалась правительствомъ, что ведетъ въ составъ палаты предохранительный, консервативный элементъ, котораго другіе государства ищутъ въ верхнихъ палатахъ. Учрежденіе земскаго собора, въ которомъ должны найти мѣсто и депутаты отъ Польши, послужитъ—по мнѣнію Тургенева—къ окончательному и справедливому рѣшенію польскаго вопроса. Этотъ вопросъ продолжалъ по-прежнему волновать Тургенева и онъ затрогивалъ его и въ

[1]) Не имѣя подъ рукой этой книги, мы пользуемся изложеніемъ ея содержанія въ названной статьѣ В. И. Семевскаго (Брокгаузъ и Ефронъ, 67 полутомъ, стр. 112—113).

послѣднемъ своемъ печатномъ произведеніи, изданномъ въ 1869 г., „О нравственномъ отношеніи Россіи къ Европѣ“.

Книга Тургенева „Чего желать для Россіи“ любопытна, какъ замѣчательный образчикъ постоянной работы мысли этого 80-тилѣтняго старца, который охотно признаетъ себя опереженнымъ новыми передовыми дѣятелями обновленной Россіи; но въ то же время, несмотря на то, что онъ могъ бы подобно Симеону воскликнуть: „нынѣ отпущаеши!“ еще въ 1861 году, онъ не теряетъ способности критически относиться къ быстро мѣняющимся передъ его глазами событіямъ и хорошо замѣчаетъ всѣ недостатки и огрѣхи въ осуществленныхъ уже преобразованіяхъ.

Въ послѣдній годъ своей жизни Тургеневъ былъ обезпокоенъ войной и осадой Парижа, которую и ему пришлось выдержать вмѣстѣ со всѣмъ парижскимъ населеніемъ. Личныя безпокойства и передряги были для него не такъ тяжелы, какъ непріятная необходимость быть свидѣтелемъ вандализма нѣмцевъ, которыхъ онъ привыкъ съ молоду такъ высоко ставить и уважать и отъ которыхъ не ожидалъ ничего подобнаго [1]).

Н. И. Тургеневъ сохранилъ до конца не только ясность мысли и нравственную свѣжесть, но и физическую бодрость. За два дня до смерти, несмотря на свои 82 года, онъ еще дѣлалъ прогулку верхомъ [2]). Онъ умеръ тихо, почти внезапно, 27-го октября 1871 года въ своей виллѣ Вербуа, близъ Парижа.

„Изъ возможныхъ благъ, доступныхъ людямъ, многія—говоритъ И. С. Тургеневъ,—достались на его долю: онъ вкусилъ вполнѣ счастье семейной жизни, преданной дружбы, онъ узрѣлъ, онъ осязалъ исполненіе своихъ завѣтныхъ думъ. Будемъ надѣяться, что и для тѣхъ изъ нихъ, которыя еще не исполнились и которымъ онъ посвятилъ свой послѣдній трудъ, со временемъ также настанетъ чередъ, и что совершеніе ихъ обрадуетъ его хотя въ могилѣ новою зарею счастья, которое оно принесетъ столь любимому имъ русскому народу!“ [3]).

---

[1]) Статья Д. Н. Свербеева. въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1871 г. № 11, стр. 1983.
[2]) Собраніе сочиненій И. С. Тургенева, т. X, стр. 450.
[3]) Ibidem, стр. 456.

Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 гг.

I.

Дворянство и крѣпостное право.—Взгляды дворянъ на свои помѣщичьи права и привиллегіи.—Аболиціонисты и крѣпостники изъ дворянъ въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка.—Отзывы Самарина и Кавелина.—Ихъ односторонность.—Причина возникновенія эмансипаціоннаго движенія среди дворянъ при Николаѣ I.—Указъ 1842 года и отношеніе къ нему дворянства.—Роль западныхъ губерній.—Роль неурожаевъ, задолженности дворянства и другихъ матеріальныхъ факторовъ.—Дворянскіе проекты сороковыхъ годовъ.—Съ какой точки зрѣнія ихъ надо разсматривать?—Общіе выводы.—Критика противоположнаго взгляда П. Б. Струве.

Русское дворянство сложилось, вскормилось и развилось на почвѣ крѣпостного права. Весь бытъ его, все его значеніе въ государствѣ опиралось на право владѣть населенными имѣніями. Не пріобрѣтя никакихъ политическихъ правъ, никакого участія въ государственной власти, дворянство тѣмъ болѣе дорожило своей привиллегіей владѣть крѣпостными крестьянами. Хотя сами дворяне-помѣщики были „холопами“ московскихъ государей, тѣмъ не менѣе въ своемъ помѣстьѣ каждый помѣщикъ сдѣлался мало-по-малу тоже своего рода государемъ, если не имѣвшимъ права жизни и смерти надъ своими подданными, то фактически имѣвшимъ полную возможность располагать по своему произволу трудомъ, имуществомъ и въ значительной мѣрѣ личностью своихъ крѣпостныхъ. Онъ могъ наказывать ихъ разными исправительными наказаніями, сѣчь, бить, даже ссылать въ Сибирь, отдавать въ рекруты, продавать, и если въ законѣ въ защиту крестьянъ и были установлены кое-какія ограниченія помѣщичьяго произвола, то и эти ограниченія могли имѣть лишь очень шаткое примѣненіе, такъ какъ крѣпостнымъ *по закону же* было запрещено при-

носить на своихъ помѣщиковъ жалобы. Въ такомъ видѣ крѣпостное право, сложившееся и развившееся въ XVII и XVIII вѣкахъ, дожило до середины XIX вѣка [1]). Въ экономическомъ отношеніи крѣпостное право не только обезпечивало безотносительно хорошій доходъ помѣщикамъ съ ихъ помѣстій и вотчинъ, но, сдѣлавшись привиллегіей одного лишь дворянскаго сословія, оно послужило главнымъ матеріальнымъ основаніемъ для экономическаго возвышенія и преобладанія дворянства надъ всѣми остальными сословіями. Будучи сильнѣйшими людьми при дворѣ и въ провинціи, помѣщики привыкли мало-по-малу къ большому произволу и самоуправству, тѣмъ болѣе, что государственная власть не располагала достаточно сильными средствами въ мѣстномъ управленіи. „Помѣщичье село представляется“, по выраженію Побѣдоносцева, „какъ бы маленькимъ государствомъ посреди большого...“ [2]).

---

[1]) Историческій очеркъ образованія дворянскаго сословія, кромѣ общихъ историческихъ трудовъ и монографій Соловьева, Чичерина, Кавелина, Неволина, Бѣляева, Сергѣевича и другихъ, въ сжатомъ видѣ даетъ А. Д. Градовскій въ своей диссертаціи: „Ист. мѣстн. управленія въ Россіи въ XVI и XVII вв.“. Вопросъ объ установленіи крѣпостного права изслѣдовали съ наибольшей полнотой: Погодинъ („Историко-критическ. отрывки“, 1867 г., кн. 2), Костомаровъ (монографіи, т. I) и Ключевскій („Русск. Мысль“ 1885 г., № 8—10: „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи“). См. также И. Энгельманъ „Исторія крѣп. права“, рус. пер. М. 1900. Исторію развитія дворянскаго сословія при крѣп. правѣ даетъ книга проф. Романовича-Словатинскаго: „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права“, прекраснымъ дополненіемъ къ которой является изслѣдованіе академика Забѣлина: „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ XVII вѣка“ (В. Е. 1871 г., № 1 и 2). Отношеніе дворянъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ и къ крестьянскому вопросу изучено въ извѣстныхъ трудахъ В. И. Семевскаго: „Крестьяне при Екатеринѣ II“ и „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“.

[2]) „Сплошь да рядомъ мы видимъ“, писалъ г. Побѣдоносцевъ („Историческія изслѣдованія“, стр. 160 и слѣд.), „что помѣщикъ въ своемъ имѣніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно упорствуетъ въ неисполненіи всѣхъ требованій правительства, господствуетъ съ полнымъ произволомъ надъ своими крестьянами и даже, съ помощью этого господства, открыто возстаетъ противъ общественной власти... Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчалъ такъ, какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайку грабителей: съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружіемъ „собрався съ своими крестьяны“. Подъячему, который пріѣзжалъ со служилыми людьми во дворъ помѣщиковъ, объявлялось прямо: ступайте-де вонъ, никого вамъ не дадутъ, а коли поѣдете съ людьми на село, будете побиты до смерти“. Случалось даже, что пріѣхавшаго подъячаго помѣщикъ приказывалъ бить, сажать на цѣпь, и освобождалъ по усиленнымъ просьбамъ. Послѣ нѣсколькихъ посылокъ отвѣтчикъ переѣзжалъ въ другую вотчину, гдѣ повторялись такія же продѣлки; большей частью онъ, если былъ силенъ, оставался безъ всякаго наказанія за ослушаніе“...

Разсказавъ, какъ одинъ важный воронежскій помѣщикъ гр. Девіеръ въ концѣ царствованія Екатерины II перестрѣлялъ изъ двухъ

Мѣстное значеніе помѣщиковъ особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ они, освободившись въ 1762 г. отъ обязательной службы, стали проводить больше времени въ своихъ помѣстьяхъ. Неудивительно, что при такомъ значеніи крѣпостного права, при той силѣ, которую оно давало дворянскому сословію, помѣщики привыкли смотрѣть на него, какъ на своего рода паладіумъ, какъ на нѣчто священное и неприкосновенное, и, смѣшивая свои сословныя и личныя выгоды съ государственной пользой, стали мало-по-малу считать крѣпостное право наравнѣ съ самодержавіемъ, православіемъ и народностью однимъ изъ устоевъ русскаго государства [1]).

Хотя несоотвѣтствіе крѣпостного права и особенно нѣкоторыхъ его проявленій съ истинами христіанской вѣры не могло не обратить на себя вниманіе лучшихъ людей даже и въ московскомъ государствѣ (напр., бояринъ Ртищевъ), однако въ то время вопросъ объ его уничтоженіи не могъ еще возникнуть, такъ какъ крѣпостное право разсматривалось какъ учрежденіе государственное, какъ единственно возможная по взгляду того времени форма эксплуатаціи народныхъ средствъ на поддержаніе государства. Сами помѣщики, какъ извѣстно, несли тягло; имъ давались помѣстья и у нихъ оставлялись ихъ вотчины не во имя ихъ частныхъ правъ, не ради ихъ выгодъ, а единственно для того, чтобы они, эксплуатируя данныя имъ земли при помощи труда поселенныхъ на нихъ крестьянъ, несли государеву службу и доставляли государству необходимые ему доходы. При такихъ условіяхъ помѣщикъ даже не имѣлъ права отпускать своихъ крестьянъ на волю, еслибы и хотѣлъ. Мысль объ эмансипаціи крѣпостныхъ, какъ это было справедливо отмѣчено проф. Романовичемъ-Словатинскимъ,—могла впервые возникнуть лишь тогда, когда вообще изъ русскаго государственнаго строя мало-по-малу стала исчезать идея государственнаго тягла. Первымъ толчкомъ къ возникновенію

пушекъ весь ѣхавшій къ нему земскій судъ, профес. Романовичъ-Словатинскій замѣчаетъ: „такія исторіи, конечно, менѣе возможны были въ XIX ст. при смягчившихся нравахъ помѣщиковъ, при улучшеніи полицейскихъ средствъ государства. Но боязнь передъ сильными своимъ богатствомъ и связями дворянами перешла по наслѣдству къ земской полиціи XIX столѣтія: кто не помнитъ, какъ смиренно приближался къ богатому помѣстью грозный въ другихъ случаяхъ земскій исправникъ? Кто не помнитъ, какъ становые пристава иногда раболѣпствовали передъ помѣщиками даже средняго состоянія"... (См. Романовича-Словатинскаго н. с. стр. 353).

[1]) Этотъ взглядъ, сложившійся мало-по-малу, былъ, наконецъ, формулированъ однимъ изъ оффиціальныхъ представителей правительства и теоретиковъ русскаго государственнаго строя, министромъ народнаго просвѣщенія при императорѣ Николаѣ I, графомъ С. С. Уваровымъ.

этой мысли могъ послужить указъ Петра III-го объ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы. Но къ тому времени идея крѣпостного права настолько уже окрѣпла въ русскомъ обществѣ, дворянство наше такъ съ нею сроднилось, что мысль объ упраздненіи крѣпостного права однимъ казалась безуміемъ, другимъ посягательствомъ на исконныя права благороднаго сословія и всѣхъ почти приводила въ ужасъ и негодованіе. Образчики отношенія дворянства къ этой мысли, когда она впервые была выражена при Екатеринѣ II, мы видимъ въ преніяхъ созванной Екатериною законодательной коммиссіи, и еще ранѣе въ критикѣ на наказъ, составленный императрицей, со стороны, напримѣръ, Сумарокова, являвшагося, безъ сомнѣнія, представителемъ господствовавшаго среди дворянъ взгляда на крѣпостное право. Первые сознательные и убѣжденные аболиціонисты явились среди русскихъ дворянъ впервые тогда, когда они серьезно и глубоко восприняли плоды западно-европейскаго просвѣщенія. Какъ только это случилось, такъ критика крѣпостного права, основанная на гуманитарныхъ идеяхъ XVIII вѣка, сразу достигла въ трудахъ Полѣнова и, особенно, Радищева достаточной глубины и широты. Къ тому, что было высказано въ знаменитой книгѣ Радищева, не много прибавилось новыхъ идей и соображеній въ сочиненіяхъ и запискахъ позднѣйшихъ проповѣдниковъ освобожденія крестьянъ и борцовъ противъ крѣпостного произвола. Николай Тургеневъ въ первой четверти XIX вѣка и Юрій Самаринъ въ концѣ царствованія Николая I-го, въ составленныхъ ими запискахъ, повторяли главнымъ образомъ то, что уже было высказано Радищевымъ. Въ сущности, это и понятно, потому что *съ гуманитарной точки зрѣнія* сказать что-либо сверхъ того, что̀ сказано было Радищевымъ, было довольно трудно, а другіе болѣе могущественно дѣйствующіе факторы *матеріальные* еще не сложились или только что слагались въ то время и едва начинали кое-гдѣ дѣйствовать на общественное сознаніе.

Знатокъ помѣщичьяго быта первой половины прошлаго вѣка, Ю. Ѳ. Самаринъ, въ запискѣ, составленной въ концѣ николаевскаго царствованія и переработанной послѣ Крымской кампаніи, утверждаетъ даже, что за послѣднее передъ тѣмъ время во взглядахъ на крѣпостное право, какъ на нравственное зло, произошелъ регрессъ: его начали защищать и отстаивать съ точки зрѣнія религіозно-нравственныхъ началъ, опираясь даже на тексты изъ священнаго писанія. Въ то же время крѣпостное хозяйство, особенно въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, быстро эво-

люціонировало въ сторону наибольшей эксплоатаціи крѣпостного труда, стремясь замѣнить оброкъ барщиной, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ барщину—мѣсячиной, т. е. превращеніемъ крестьянъ въ настоящихъ земледѣльческихъ рабовъ, лишенныхъ своего очага и хозяйства.

По словамъ другого современника и дѣятеля освободительной эпохи—Кавелина—исторія русскаго дворянства за послѣдніе пол-вѣка передъ освобожденіемъ крестьянъ представляетъ печальную картину: „озабоченное одною мыслью удержать за собою крѣпостное право, оно въ царскихъ совѣтахъ упорно сопротивлялось всякимъ полезнымъ реформамъ, прямо или косвенно затрагивавшимъ крѣпостной вопросъ; подъ вліяніемъ той же задушевной мысли оно мало-по-малу стало во враждебное отношеніе къ литературѣ, къ наукѣ, къ университетамъ и просвѣщенію, во всемъ стало тормозить развитіе народной жизни, гдѣ и какъ и сколько могло. Въ мѣстномъ управленіи оно начало избирать въ представители своего сословія, въ полицію и суды только тѣхъ, которые защищали помѣщиковъ и ихъ драгоцѣнное крѣпостное право, не заботясь и не думая ни о чемъ остальномъ“.

Упорство, съ какимъ дворянство отстаивало свое право владѣть крѣпостными душами, многіе объясняли невѣжествомъ и дикостью дворянской массы, медленностью, съ какой просвѣщеніе проникало въ русское общество. Эти показанія современниковъ и участниковъ великой борьбы нельзя, однако же, принять безъ критики. При внимательной провѣркѣ, при болѣе тщательномъ изученіи фактовъ эти указанія оказываются далеко не точными.

Когда въ обществѣ началась, въ первой половинѣ XIX вѣка, глухая борьба за освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, страсти, разумѣется, обострились; опасенія лишиться своихъ пріобрѣтенныхъ правъ и утратить то привилегированное положеніе въ странѣ, къ которому дворяне привыкли, заставляло дворянство судоржно цѣпляться за обветшалыя права и привилегіи и защищать ихъ вкривь и вкось наперекоръ очевидности и справедливости. Но потому-то и завязалась эта борьба, потому-то и появились на свѣтъ эти безславныя попытки и яростные вопли упорствующихъ крѣпостниковъ, что они смутно почувствовали приближающуюся и въ сущности неотвратимую уже опасность. Именно потому, что крѣпостное право потеряло свой историческій raison d'être, а въ обществѣ и самой дворянской средѣ появились люди, которые поняли это, — именно потому и возникли стремленія

во что бы то ни стало оправдать и обосновать святость и неприкосновенность этого устарѣлаго учрежденія. „Невѣжество“ и „дикость дворянской массы“ здѣсь если и имѣли извѣстное значеніе, то во всякомъ случаѣ не играли выдающейся роли. Это видно уже изъ того, что въ числѣ защитниковъ крѣпостного строя мы видимъ въ это время нѣкоторыхъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей: достаточно назвать имена Карамзина, адмирала Мордвинова, гр. Уварова и др. Конечно, дикари и невѣжды, когда ихъ слуха касался вопросъ объ уничтоженіи или ограниченіи крѣпостного права, поднимали вопли и гвалтъ, но сильнѣйшими защитниками крѣпостного права являлись не наиболѣе невѣжественные и дикіе люди, а тѣ, въ комъ сильнѣе говорили или личные эгоистическіе, или сословные интересы и консервативныя чувства, или, наконецъ, предвзятыя доктрины (какъ у адмирала Мордвинова). Не слѣдуетъ закрывать глаза и на тотъ фактъ, что просвѣщеніе *именно въ дворянской средѣ* сдѣлало въ первую половину XIX вѣка, особенно послѣ наполеоновскихъ войнъ, очень значительные успѣхи, которые не могли быть совершенно уничтожены ни обскурантизмомъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I, ни даже мрачной эпохой, наступившей вслѣдъ за февральской революціей. Многіе помѣщики не только воспитывали своихъ дѣтей въ гимназіяхъ, благородныхъ пансіонахъ и университетахъ, но и посылали ихъ для довершенія образованія за границу. Еще при Павлѣ I, когда этотъ императоръ приказалъ вдругъ возвратиться восвояси всѣмъ молодымъ дворянамъ, воспитывавшимся за границей, таковыхъ оказалось въ Лейпцигѣ—36 чел., а въ Іенѣ—65 [1]). Въ XIX в. дворяне самыхъ захолустныхъ губерній охотно выписываютъ книги и журналы и во многихъ помѣстьяхъ къ этому времени накопились недурныя домашнія библіотеки. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ у насъ существовали хорошіе журналы, имѣвшіе довольно обширный кругъ читателей и хотя въ нихъ не допускалось прямыхъ нападокъ на крѣпостной строй, однако же они вели послѣдовательно и плодотворно пропаганду гуманныхъ идей. Но гораздо сильнѣе этой пропаганды подготовляла почву для паденія крѣпостного права сама жизнь. Въ царствованіе Николая Павловича выяснились въ русской жизни два огромной важности факта, имѣвшіе для дальнѣйшей судьбы крѣпостного права роковое значеніе.

---

[1]) Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I, стр. 74.

Во-первыхъ, *уплотненіе населенія*, въ связи съ развившимися и усложнившимися, особенно подъ вліяніемъ наполеоновскихъ войнъ, потребностями государства и частныхъ лицъ, дѣлало необходимымъ переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства, а между тѣмъ сдѣлать подневольный крѣпостной трудъ болѣе продуктивнымъ не было никакой возможности. Помѣщики давно уже убѣдились, что при какомъ угодно жестокомъ режимѣ подневольный трудъ все же никогда не можетъ сравняться въ производительности съ вольнонаемнымъ. Въ 40-хъ годахъ это убѣжденіе для думающихъ и читающихъ сельскихъ хозяевъ стало уже аксіомой. Многіе помѣщики ясно видѣли въ то же время, что введеніе улучшеннаго хозяйства съ машинами, съ травосѣяніемъ, съ болѣе сложнымъ сѣвооборотомъ требуетъ затраты значительнаго капитала, котораго не было. При существовавшемъ же въ то время хозяйствѣ во многихъ имѣніяхъ некуда было дѣвать наличнаго крѣпостного труда, и крѣпостные перестали, такимъ образомъ, окупать стоимость своего содержанія. Сельскіе хозяева все болѣе и болѣе приходили къ сознанію *дороговизны* и *малой производительности* крѣпостного труда, кромѣ чисто промышленныхъ мѣстностей, гдѣ крѣпостные, отпускавшіеся на оброкъ, доставляли иногда значительные доходы своимъ господамъ. Особенно ярко чувствовали помѣщики въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ всю невыгодность крѣпостного строя въ годы неурожаевъ, когда обязанность кормить крѣпостныхъ ложилась на ихъ разстроенныя хозяйства непосильнымъ бременемъ. Долги, обременявшіе помѣщичьи имѣнія, особенно послѣ войны 1812 г., все увеличивались, при чемъ большая часть займовъ сдѣлана была и продолжала дѣлаться непроизводительно: на роскошь, на поддержаніе дворянской суетности и спѣси, а не на улучшеніе хозяйства, и потому выпутаться изъ нихъ при прежнемъ ходѣ дѣлъ было невозможно. Правда, многіе помѣщики попробовали усилить эксплоатацію крѣпостного труда, обращая имѣнія, ранѣе бывшія на оброкѣ, въ барщинныя и заводя вотчинныя фабрики. Такія фабрики начали заводиться еще съ конца XVIII в. и число ихъ сильно возросло въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX вѣка, но въ 40-хъ годахъ оно стало уменьшаться, „такъ какъ крѣпостной трудъ оказывался невыгоднымъ въ силу своей малой производительности и дороговизны содержанія“. На нѣкоторыхъ такихъ фабрикахъ крестьянъ стали обращать въ „мѣсячниковъ“, работавшихъ безъ всякой заработной платы и получавшихъ скудное пропитаніе отъ помѣщиковъ. Поло-

женіе такихъ „фабричныхъ рабовъ“ было ужасно; но и эта система оказалась для помѣщиковъ недостаточно выгодной, ибо при вялой работѣ такихъ крестьянъ даже и скудное ихъ пропитаніе оказывалось слишкомъ дорогимъ для помѣщиковъ [1]). Всѣ эти обстоятельства подсказывали людямъ смѣтливымъ необходимость и неизбѣжность скорой ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній.

Во-вторыхъ, владѣть крѣпостными становилось *опасно*. Прежнія патріархальныя отношенія, какъ ни мало привлекательны они были, замѣнились, подъ вліяніемъ вышеописаннаго угнетеннаго положенія хозяйства, еще худшими, нерѣдко для крестьянъ прямо невыносимыми. Злоупотребленія помѣщиковъ и разореніе крестьянъ, не смотря на строгое вмѣшательство правительственной власти, встрѣчались все чаще. Отношенія обострялись. Убійства помѣщиковъ и управляющихъ, поджоги и волненія крестьянъ повторялись все чаще и сильнѣе, не смотря на жестокія усмиренія. Сильная правительственная власть еще удерживала внѣшній порядокъ, но людямъ проницательнымъ не трудно было уже почувствовать, какъ этотъ строй становился непроченъ и какимъ потрясеніемъ все это могло разрѣшиться. Кровавая рѣзня помѣщиковъ въ 1846 г. въ сосѣдней съ Россіей Галиціи многимъ показалась страшнымъ предостереженіемъ и для насъ. Особенно сильное впечатлѣніе эти событія произвели на помѣщиковъ западныхъ губерній, гдѣ замѣтно было и среди крестьянъ настроеніе, похожее на настроеніе ихъ галиційскихъ сосѣдей.

Правительство несомнѣнно также сознавало опасность такого положеніе вещей... Императоръ Николай во все свое царствованіе не переставалъ напряженно искать изъ этого положенія выхода. Хотя онъ и считалъ себя, подобно Франциску I, первымъ дворяниномъ имперіи, хотя онъ и былъ окруженъ тайными и явными крѣпостниками (кромѣ одного Киселева, который тоже, впрочемъ, не слишкомъ благосклонно относился къ демократическимъ вѣяніямъ вѣка)—онъ понималъ, однако же, необходимость и неизбѣжность упраздненія крѣпостного права. Ему постоянно была присуща мысль, высказанная впослѣдствіи въ критическій моментъ его сыномъ московскому дворянству,—мысль о томъ, что лучше, чтобы отмѣна крѣпостного права началась постепенно сверху, нежели снизу. Когда случились кровавыя событія въ Галиціи, онъ

[1]) *М. И. Туганъ-Барановскій.* „Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ“, стр. 107—110. *П. И. Игнатовичъ.* „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, Русск., Бог. № 10 за 1900 г., стр. 72 и слѣд.

однимъ почеркомъ пера ввелъ рѣшительное преобразованіе въ отношенія между помѣщиками и крестьянами въ Царствѣ Польскомъ [1]) и, не задумываясь, приказалъ ввести утвержденные правительствомъ инвентари въ юго-западномъ краѣ [2]). Но въ русскихъ губерніяхъ ему мѣшалъ найти правильный путь къ намѣченной цѣли тотъ замкнутый, келейный способъ обсужденія и рѣшенія государственныхъ дѣлъ, который онъ принялъ за правило. При такомъ способѣ онъ, при всемъ своемъ самовластіи, при всей силѣ своего характера, не могъ не быть въ извѣстной зависимости отъ окружавшихъ его плотною стѣною сановниковъ, меньше всего желавшихъ какихъ бы то ни было перемѣнъ. Съ другой стороны—и это, можетъ быть, было еще важнѣе,—этотъ способъ управленія страной лишалъ его возможности изслѣдовать какъ слѣдуетъ дѣло и узнать истинныя нужды даже тѣхъ самыхъ дворянъ, къ которымъ онъ причислялъ самого себя...

Въ поискахъ легчайшаго пути къ намѣченной цѣли, Николай Павловичъ руководствовался двумя предвзятыми соображеніями, изъ которыхъ одно было совершенно вѣрно, а другое ложно. По мнѣнію императора Николая, было необходимо въ видахъ спокойствія государства не допустить, чтобы крестьяне превратились при освобожденіи въ бездомныхъ пролетаріевъ; съ другой стороны, онъ считалъ собственность на землю священнымъ и неприкосновеннымъ правомъ дворянства. Руководясь этими принципами и ведя дѣло бюрократически и келейно, правительство, послѣ цѣлаго ряда совѣщаній въ секретныхъ комитетахъ, составлявшихся изъ тѣснаго кружка лицъ, окружавшихъ государя, предложило дворянству въ дополненіе къ существовавшему уже закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ новый способъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ видѣ указа 2 апрѣля 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ. Въ сущности это были—по справедливому замѣчанію А. И. Кошелева—тѣ же инвентари; только введеніе ихъ зависѣло отъ *добровольныхъ* соглашеній помѣщиковъ съ ихъ крестьянами. Этотъ указъ предоставлялъ помѣщикамъ, *желавшимъ* устроить бытъ своихъ крестьянъ, заключать съ ними условія объ отводѣ имъ участковъ земли въ *пользованіе* за опредѣленныя повинности, при чемъ собственность на землю должна была оставаться за помѣщиками.

Указъ этотъ, обращенный къ филантропическимъ чувствамъ помѣщиковъ, а не основанный на изслѣдованіи ихъ хозяйственныхъ

[1]) Указъ 26. мая 1846 г.
[2]) Выс. утв. „Правила для управленія имѣніями по утвержденнымъ для оныхъ инвентарямъ“ 26 мая 1847 года.

нуждъ, потерпѣлъ полное фіаско. Многіе помѣщики не поняли и не могли понять тонкаго юридическаго различія между правомъ постояннаго пользованія и правомъ собственности; огромное большинство изъ нихъ вовсе не привлекала идея учрежденія феодальныхъ имѣній. Но они очень хорошо поняли, что указъ этотъ отнюдь не развязываетъ ихъ съ крестьянами, а въ то же время ослабляетъ ихъ власть и ничѣмъ не гарантируетъ, что крестьяне будутъ правильно соблюдать заключенныя ими условія. Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ послѣ изданія этого указа имъ воспользовался только одинъ графъ М. С. Воронцовъ, до конца же царствованія Николая только 5 помѣщиковъ рѣшились обратить своихъ крѣпостныхъ въ обязанныхъ крестьянъ.

Такая судьба этого закона была, впрочемъ, предсказана при самомъ его изданіи въ средѣ государственнаго совѣта кн. Д. Н. Голицынымъ, который сказалъ, что если договоры оставить на волю владѣльцевъ, то едва ли они будутъ кѣмъ либо заключены. Онъ совѣтовалъ поэтому лучше прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями, взявъ въ основаніе законъ Павла I о трехдневной барщинѣ [1]). Многіе составляли проекты ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній съ отступленіемъ отъ правилъ этого указа; но правительство упорно не соглашалось отступить отъ положенныхъ въ основу этого закона принциповъ. Указъ этотъ послужилъ, однако же, предметомъ болѣе или менѣе основательной критики для многихъ. Толки по поводу этого указа долго не прекращались. Даже, когда послѣ революціи 1848 года наступилъ періодъ самой глухой реакціи, помѣщики продолжали нѣкоторое время потихоньку обсуждать вопросъ о необходимости измѣненія крѣпостныхъ отношеній въ частныхъ собраніяхъ и съѣздахъ. Большая часть мыслящихъ помѣщиковъ хорошо сознавала необходимость развязаться такъ или иначе съ своими крѣпостными. Обсуждая между собою этотъ вопросъ вовсе не съ филантропической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія своихъ помѣщичьихъ интересовъ, они старались устроить все дѣло такъ, чтобы по возможности сохранить всю или бо̀льшую часть земли въ своемъ распоряженіи, освободивъ ее въ то же время отъ обременявшихъ ее долговъ и получивъ капиталъ, необходимый для веденія улучшеннаго хозяйства, для устройства пред-

---

[1]) В. И. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", II, 62. Характерно, что Николай Павловичъ отвѣчалъ на слова Голицына: „Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь и на то, чтобы приказывать помѣщикамъ заключать договоры; это должно быть дѣломъ ихъ доброй воли, и только опытъ укажетъ, въ какой степени можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязательному".

пріятій, могущихъ на мѣстѣ перерабатывать часть земледѣльческихъ продуктовъ, и для найма рабочихъ. Чтобы освободить землю отъ долговъ и получить денежный капиталъ, помѣщики готовы были поступиться нѣкоторой частью своей земли. Такъ безъ сомнѣнія разсуждали тѣ тульскіе помѣщики, которые представили свой проектъ на выборахъ 1844 года [1]). Совершенно такія же мысли высказывались помѣщиками и многихъ другихъ губерній, варіируясь лишь въ зависимости отъ мѣстныхъ экономическихъ и природныхъ условій. Относясь очень несочувственно къ предложеніямъ и планамъ правительства, большинство помѣщиковъ, даже наиболѣе ревниво оберегавшихъ интересы благороднаго сословія, въ сущности ничего не имѣли бы противъ уничтоженія крѣпостного права, при условіи сохраненія въ полномъ распоряженіи дворянства большей части ихъ земли и полученія за личность крестьянъ или за прекращеніе права пользоваться безвозмездно и произвольно ихъ трудомъ—хорошаго выкупа.

Движеніе въ пользу освобожденія крестьянъ ранѣе всего началось въ сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ. Такъ, дворяне Динабургскаго уѣзда витебской губерніи составили проектъ безземельнаго освобожденія крестьянъ еще въ 1819 году. Изъ 63 помѣщиковъ уѣзда въ то время было уже 39 аболиціонистовъ. Проектъ ихъ поступилъ въ государственный совѣтъ, но не былъ одобренъ. Дѣло возобновилось въ 1846 г. послѣ галиційскихъ событій и подъ угрозой введенія ненавистныхъ дворянству инвентарей. Въ это время динабургскіе дворяне ходатайствовали о разрѣшеніи имъ составить въ Динабургѣ особый комитетъ для опредѣленія правилъ, на которыхъ они могли бы *освободить* крестьянъ. Изъ 67 помѣщиковъ Динабургскаго уѣзда съ 29.042 душами крестьянъ это ходатайство подписали 43 помѣщика, за которыми числилось 26.041 душа [2]). Въ 1846 г. желаніе приступить къ освобожденію крестьянъ выразило и витебское губернское депутатское собраніе. Правда, при опросѣ всѣхъ дворянъ Витебской губерніи генералъ-губернаторомъ, за проектъ депутатскаго собранія высказалось лишь меньшинство помѣщиковъ, при чемъ они желали, чтобы съ нихъ была снята всякая отвѣтственность за подати, продовольствіе и хозяйство крестьянъ. Въ сѣверо-западномъ краѣ и бѣлорусскихъ губерніяхъ освободительное движеніе

---

[1]) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", изд. кн. О. Трубецкой, т. I, стр. 10. Сравн. В. И. Семевскій „Крестьянскій вопросъ въ Россіи" т. II, стр. 238 и слѣд.

[2]) *С. М. Середонинъ.* „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ" т. II, ч. I, стр. 364 и сл.

среди помѣщиковъ возникло въ концѣ сороковыхъ годовъ подъ вліяніемъ цѣлаго ряда весьма существенныхъ матеріальныхъ причинъ. Во-первыхъ, эти губерніи испытывали, начиная съ 1820 г., рядъ страшныхъ неурожаевъ, совершенно разстроившихъ хозяйство помѣщиковъ и вызвавшихъ неоднократныя волненія крестьянъ, которыхъ помѣщики эти не въ состояніи были продовольствовать, несмотря на крупныя заимообразныя пособія со стороны казны. Положеніе нѣкоторыхъ имѣній было таково, что помѣщики прямо предлагали передать свои имѣнія въ казну [1]). Въ это же время въ Галиціи произошло кровавое избіеніе помѣщиковъ крестьянами, отозвавшееся въ сѣверо-западномъ краѣ и нагнавшее на помѣщиковъ ужасъ. Правительство съ своей стороны предприняло здѣсь энергичныя мѣры къ упорядоченію отношеній между крестьянами и помѣщиками, предписавъ введеніе инвентарей и рѣшивъ замѣнить существовавшее здѣсь феодальное право помѣщиковъ курить вино и снабжать имъ населеніе акцизно-откупной системой. Все это ставило помѣщичье хозяйство въ такое положеніе, что всѣ наиболѣе сознательные помѣщики считали полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній, при условіи сохраненія за помѣщиками права распоряженія землею, единственнымъ спасительнымъ для себя выходомъ. Здѣсь дворяне думали уже не объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, а объ освобожденіи себя и своихъ имѣній отъ крѣпостныхъ путъ [2]).

Въ остальной Россіи и особенно въ центральной ея части на мысль о необходимости ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній многихъ помѣщиковъ наталкивала непомѣрная задолженность ихъ имѣній. Въ 1843 г. въ госуд. банкѣ и въ сохранныхъ казнахъ было заложено 5.575.515 душъ. Въ 1852 г. число заложенныхъ душъ возросло до 5.843.735, а къ 1 января 1856 г. до 6.028.794. Сверхъ того, въ приказахъ общественнаго призрѣнія было заложено на сумму 100.000.000 руб. по приблизительному разсчету современниковъ около 1.000.000 душъ [3]); между тѣмъ, какъ по 9-ой ревизіи всѣхъ крѣпостныхъ людей м. п. числилось 10.708.856. Въ заложенныхъ имѣніяхъ долгу приходилось на каждую душу по 69 рублей въ среднемъ. „Уплата процентовъ по этимъ долгамъ,—замѣчаетъ В. И. Семевскій, — лежала тяжелымъ бременемъ на помѣщичьихъ хозяйствахъ и наводила многихъ дворянъ на мысль, что было бы недурно

---

[1]) Тамъ же, стр. 204 и слѣд.

[2]) С. М. Середонинъ „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“ т. II, ч. I, стр. 213.

[3]) Кошелевъ „Записки“, приложеніе V, стр. 136-я.

раздѣлаться съ этими долгами, *хотя бы посредствомъ освобожденія крестьянъ*" [1]).

Это видно изъ тѣхъ проектовъ освобожденія крестьянъ, которые представляли правительству дворяне разныхъ мѣстностей взамѣнъ невыгодныхъ для нихъ условій указа 2 апрѣля 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ. Кн. Черкасскій такъ формулировалъ проектъ, представленный девятью тульскими помѣщиками на выборахъ 1843—1844 г.г.: они предлагали „отпустить каждый въ имѣніи своемъ крестьянъ на волю съ награжденіемъ ихъ землею по 1 десятинѣ на ревизскую душу и освобожденіемъ ихъ отъ всѣхъ прежнихъ отношеній къ господамъ. За это они просили только перевода на вновь освобожденныхъ крестьянъ изъ долга опекунскаго совѣта 45 руб. серебромъ (на каждую душу)" [2]). Представляя этотъ проектъ губернатору, дворяне объясняли, что они „желали бы исполнить монаршую волю, изъявленную въ указѣ объ обязанныхъ крестьянахъ"... но встрѣтили затрудненіе въ томъ, что имѣнія ихъ, состоя въ залогѣ въ кредитныхъ установленіяхъ отъ 60—80 руб. сер. на ревизскую душу, сверхъ того, по бѣдственному 1840 году, обременились значительными долгами частными [3]). Раскладывая по 45 руб. на душу на земли, уступаемыя ими крестьянамъ, эти помѣщики просили еще, чтобы уплата остальной причитающейся съ ихъ имѣній суммы платежей была имъ отсрочена на 10 лѣтъ и чтобы поземельная подать на ихъ имѣнія была наложена лишь послѣ того, какъ уплатятся эти долги и новыя отношенія „основательно утвердятся и примутъ должный ходъ" [4]).

Послѣ того, какъ правительство отвергло этотъ проектъ и затѣмъ тульскіе помѣщики получили запросъ (въ 1847 г.), оставили

---

[1]) *В. И. Семевскій* „Крестьянскій вопросъ въ Россіи" т. II, стр. 617. *И. И. Игнатовичъ*. „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія". „Русск. Богатство" за 1900 г. № 12, стр. 82, 83.

[2]) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", изд. кн. Трубецкой, I, стр. 10 и приложен. I, стр. 3.—У В. И. Семевскаго на основаніи неизданныхъ записокъ одного изъ составителей этого проекта г. Мяскова, онъ изложенъ нѣсколько иначе: „За это освобожденіе крестьяне, кромѣ подушной подати, должны будутъ вносить по 3 руб. сер. съ каждой десятины земли; этотъ поземельный сборъ на все остающееся время слѣдующей по залогу срочной уплаты процентовъ и погашенія долженъ поступать въ кредитныя установленія, а по истеченіи этого времени въ государственные доходы"... Однако. смыслъ этого изложенія, очевидно, тотъ же самый; тутъ только приводится и тотъ, несомнѣнно весьма невыгодный для крестьянъ, способъ уплаты этого долга, который проектировался тульскими эмансипаторами.

[3]) Семевскій, тамъ же, стр. 238.

[4]) Тамъ же, стр. 240.

*

ли они совершенно мысль объ освобожденіи своихъ крестьянъ, или же вырабатываютъ новыя предположенія, они представили новый проектъ освобожденія крестьянъ, но не цѣлыми селеніями, а отдѣльными семьями, за денежный выкупъ не свыше 100 руб. съ души и съ предоставленіемъ на каждую душу 1 дес. земли (съ усадебной осѣдлостью). При этомъ они объясняли, что назначенный ими денежный выкупъ, который, впрочемъ, ниже всѣхъ оффиціальныхъ оцѣнокъ ревизской души, повышенъ въ сравненіи съ предположеніями 1844 г. потому, что тогда имѣлось въ виду единовременное освобожденіе всѣхъ крестьянъ, не только зажиточныхъ, но и приносящихъ мало дохода бѣдняковъ, теперь же, при допущеніи одиночнаго выкупа отдѣльныхъ семей, надо ожидать, что захотятъ выкупиться прежде всего наиболѣе исправные и, слѣдовательно, наиболѣе цѣнные съ точки зрѣнія помѣщика крестьяне [1]).

Одинъ изъ главныхъ запѣвалъ среди тульскихъ эмансипаторовъ сороковыхъ годовъ, помѣщикъ Мясновъ, впослѣдствіи, въ письмѣ къ смоленскому депутату Фонтону де Веррайону (въ 1847 г. въ Петербургѣ), предлагалъ лично отъ себя другой планъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Онъ также предлагалъ надѣлить крестьянъ по 1 десятинѣ земли съ усадьбою въ полную собственность съ тѣмъ, чтобы правительство уплатило помѣщикамъ по сту рублей серебромъ за каждую ревизскую душу и затѣмъ возложило бы на крестьянъ уплату этихъ денегъ въ казну въ опредѣленное число лѣтъ. Необходимыя для этого суммы, по его мнѣнію, можно было взять изъ кредитныхъ учрежденій или сдѣлать съ этой цѣлью особый

---

[1]) *В. И. Семевскій*, н. с. т. II, стр. 246. Къ этому новому проекту авторы его присоединяли слѣдующія дополнительныя ходатайства: 1) объ уменьшеніи требуемаго закономъ ценза для службы по дворянскимъ выборамъ до 250 дес. вмѣсто прежнихъ 300; 2) о переводѣ на землю лежащихъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ долговъ кредитнымъ установленіямъ, доселѣ исчислявшихся по количеству душъ, и *объ отмѣнѣ стѣснительнаго для нихъ запрета — до окончательной уплаты всего долга отчуждать даже и малѣйшую чисть ихъ заложенной земли, хотя бы и со взносомъ за то соразмѣрной части долга;* 3) объ освобожденіи мірскихъ обществъ отъ исправленія, за выбывающихъ на волю, всякихъ податей и повинностей, для чего предлагалось, чтобы окладъ помѣщичьяго имѣнія уменьшался бы немедленно (не ожидая новой ревизіи), настолько ревизскихъ душъ, сколько выкупается, и 4) о подчиненіи выкупившихся съ землею крестьянъ одинаковому земскому управленію съ помѣщиками, т. е. м-ву внутреннихъ дѣлъ, и о дарованіи новому сословію названія „*земскихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ*“, въ отличіе отъ „обязанныхъ крестьянъ“ и отъ „свободныхъ хлѣбопашцевъ“, совершенно сходныхъ съ ними, но *подчиненныхъ министерству государственныхъ имуществъ*“ (Матеріалы для біографіи князя В. А. Черкасскаго, т. I, стр. 24). Эти ходатайства значительно уясняютъ помѣщичью точку зрѣнія, руководившую авторами проэкта.

выпускъ серій, при чемъ онъ указывалъ, что операція эта очень облегчалась тѣмъ, что большая часть дворянскихъ имѣній уже состоитъ въ залогѣ отъ 60 до 80 руб. на душу [1]).

Въ 1848 г., во время обсужденія смоленскими дворянами негласно обращеннаго къ нимъ запроса правительства о причинахъ, препятствующихъ широкому и успѣшному дѣйствію указа объ обязанныхъ крестьянахъ, дорогобужскій предводитель Кононовъ представилъ проектъ обращенія своихъ крестьянъ въ обязанные, но подъ условіемъ разрѣшенія ему „предварительной статьи", состоявшей въ томъ, чтобы лежавшій на имѣніи долгъ московскому опекунскому совѣту былъ разложенъ *на всю землю* и, по уплатѣ имъ причитающихся за оставленныя при усадьбѣ *десять* десятинъ, эта усадьба, мельница и сукновальня съ указаннымъ участкомъ земли становилась его безусловною собственностью, а уплата остального долга возлагалась на крестьянъ. Губернскій предводитель кн. Друцкой-Соколинскій отказался представить этотъ проектъ правительству, какъ несогласный съ правилами указа 2 апрѣля 1842 года [2]).

Насколько была распространена идея упраздненія крѣпостныхъ отношеній при посредствѣ выкупа въ царствованіе императора Николая, видно изъ многихъ дворянскихъ проектовъ, приведенныхъ въ извѣстномъ трудѣ В. И. Семевскаго („Крестьянскій вопросъ въ Россіи"). Таковы проекты рязанскаго помѣщика князя Леонида Голицына, кн. Н. Б. Голицына и въ особенности проектъ А. Д. Желтухина, одного изъ наиболѣе компетентныхъ и умныхъ поборниковъ именно дворянскихъ сословныхъ и имущественныхъ интересовъ, принимавшаго впослѣдствіи непосредственное участіе въ работахъ редакціонныхъ коммисій, гдѣ онъ считался однимъ изъ столповъ дворянской партіи, и издававшаго въ 1858—1859 г. извѣстный „Журналъ для землевладѣльцевъ". Любопытно отмѣтить, что этотъ самый Желтухинъ еще въ февралѣ 1847 года считалъ крѣпостное право *„главнымъ, можетъ быть, единственнымъ препятствіемъ развитію Россіи"* и видѣлъ особенно пагубное вліяніе его въ упадкѣ сельскаго хозяйства [3]).

Одинъ изъ выдающихся дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ царствованіе императора Николая, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, отмѣтилъ поворотъ во взглядахъ дворянства на крѣпостное право.

---

[1]) *Семевскій*, назв. сочин. II, 250.
[2]) Тамъ же, стр. 169.
[3]) Тамъ же, стр. 454.

происшедшій подъ вліяніемъ неурожаевъ 40-хъ годовъ. Нельзя не замѣтить,—писалъ онъ въ книгѣ своей о гр. Киселевѣ и его времени,—что вопросъ объ измѣненіи крѣпостного права, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ казавшійся чрезвычайно дикимъ, нынѣ никого не изумляетъ... Когда пришли голодные годы, помѣщики увидѣли всю бѣду, и съ тѣхъ поръ сдѣлалась реакція; начали думать, что хорошо было бы и освободить крестьянъ. Вообще мысль эта не дика никому; о ней говорятъ не одни профессоры, но такъ или иначе разсуждаютъ и помѣщики" [1]).

Самый лучшій выкупной проектъ того времени составленъ былъ смоленскимъ помѣщикомъ А. А. Вонлярлярскимъ, бывшимъ впослѣдствіи членомъ отъ правительства въ смоленскомъ губернскомъ комитетѣ 1859 года. Этотъ проектъ, подробно изложенный у В. И. Семевскаго, являлся въ сущности прототипомъ проектовъ, составленныхъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ передовыми представителями дворянства. Въ немъ заключались уже тѣ начала, которыя легли въ основаніе извѣстнаго проекта А. М. Унковскаго. Довольно легко подмѣтить и прямую преемственность мысли въ этомъ случаѣ, если обратить вниманіе на живой обмѣнъ свѣдѣніями и взглядами, происходившій между тверскими и смоленскими дворянами въ 1847—1849 годахъ, въ періодъ негласнаго обсужденія ими крестьянскаго вопроса по вызову императора Николая [2]).

Даже и тѣ помѣщики, которые считали освобожденіе крестьянъ несвоевременнымъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, отчетливо представляли себѣ условія, при которыхъ ликвидація крѣпостныхъ отношеній была возможна съ точки зрѣнія охраны дворянскихъ интересовъ. Они уже въ то время болѣе всего боялись несвоевременнаго, и по ихъ мнѣнію, неумѣстнаго и даже опаснаго вмѣшательства правительства, направленнаго къ регулированію крѣпостныхъ отношеній и къ улучшенію положенія крестьянъ безъ упраздненія тѣхъ quasi патріархальныхъ связей, которыя существовали между ними и между помѣщиками и про которыя даже Желтухинъ писалъ, что онѣ только развращаютъ и крестьянъ, и помѣщиковъ [3]). Такъ, одинъ изъ выдающихся защитниковъ дворянскихъ интересовъ, смоленскій губернскій предводитель кн. Друцкой-Соко-

---

[1]) Записка А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, въ прилож. къ книгѣ его „Гр. Киселевъ и его время", т. IV, стр. 342.

[2]) Эти сношенія между дворянами обѣихъ губерній отмѣчены В. И. Семевскимъ, н. с., II, 254.

[3]) Семевскій, н. с., II, 455.

линскій, приписывавшій себѣ главную „честь" остановки освободительныхъ плановъ правительства послѣ 1848 г., писалъ въ своей запискѣ, представленной императору Николаю: „Чтобы выдти изъ нынѣшняго положенія, необходимо... чтобы какъ владѣльцы, такъ и крестьяне не зависѣли другъ отъ друга и, не будучи связаны, какъ теперь, нуждались, однако, другъ въ другѣ, каждый въ видахъ собственныхъ интересовъ: помѣщикъ въ работникѣ, крестьянинъ въ землѣ и работѣ. А этого результата можно достигнуть не прежде, какъ когда крестьяне *не будутъ крѣпки землѣ* и будутъ имѣть средства *пріобрѣсти недвижимую собственность*, безъ чего, конечно, нельзя измѣнить крѣпостного состоянія, ибо это несовмѣстно съ пользами государства" [1]).

Опасенія крестьянскихъ волненій, усилившіяся послѣ галицій-скихъ событій 1846 года, съ одной стороны, и такое же опасеніе энергическихъ правительственныхъ мѣръ, невыгодныхъ для дворянства,—съ другой, служили немаловажнымъ факторомъ возбужденія въ дворянствѣ мысли о необходимости такъ или иначе покончить съ крѣпостнымъ состояніемъ. Предлагая осенью 1847 г. возбудить ходатайство отъ имени рязанскаго дворянства объ учрежденіи въ Рязани комитета для обсужденія крестьянскаго вопроса и выработки мѣръ къ „узаконенію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ", А. И. Кошелевъ заявилъ, между прочимъ, дворянамъ въ рѣчи на дворянскомъ собраніи: „считаю даже, по нѣкоторымъ причинамъ, которыя, вы, милостивые государи, легко оцѣните, неудобнымъ пространно доказывать, что теперь, именно *теперь*, должно заняться симъ дѣломъ, что откладывать оное столь же неудобно, сколько и опасно, и что всякая холодность дворянства въ семъ случаѣ можетъ имѣть для него самыя неблагопріятныя послѣдствія" [2]).

Безпокойство и усиленная работа мысли, которая замѣчается въ это время и въ правительственныхъ кругахъ, и въ дворянствѣ, въ значительной мѣрѣ объясняется этимъ именно обстоятельствомъ. Имъ же обусловливался отчасти и тотъ фактъ, что наиболѣе энергичныя мѣры приняты были по отношенію къ Царству Польскому и юго-западному краю, какъ къ мѣстностямъ, прилегающимъ къ Галиціи. Въ дворянской средѣ эти опасенія выразились въ томъ, что значительное большинство дворянскихъ проектовъ эмансипаціи,

---

[1]) Тамъ же, II, 179.
[2]) „Записки" А. И. Кошелева, прилож., стр. 6.

составленныхъ въ царствованіе Николая I, относится къ этому времени (1847—1850 г.г.).

Итакъ, мы утверждаемъ, что подъ вліяніемъ главнымъ образомъ чисто матеріальныхъ причинъ—каковы: *уплотненіе населенія*, особенно замѣтное въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (напр. въ Тульской); *сильные неурожаи хлѣбовъ* (особенно въ сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ); *повсемѣстная задолженность дворянскихъ имѣній* и *разстройство помѣщичьихъ хозяйствъ* и, наконецъ, *опасеніе крестьянскихъ волненій* и даже народнаго возстанія,—въ дворянской средѣ къ концу сороковыхъ годовъ образовалось довольно сильное и у многихъ помѣщиковъ вполнѣ сознательное убѣжденіе, что крѣпостное право подлежитъ упраздненію въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ. Большинство дворянъ-аболиціонистовъ мечтало при этомъ о безземельномъ освобожденіи крестьянъ съ выкупомъ за упраздненіе личной крѣпостной зависимости; но многіе, при томъ наиболѣе сознательные, дворяне понимали уже, съ одной стороны, недопустимость съ правительственной точки зрѣнія вполнѣ безземельнаго освобожденія, съ другой стороны, предвидѣли, что можно устроить освобожденіе и съ нѣкоторымъ земельнымъ надѣломъ такъ, что оно будетъ не безвыгодно и для помѣщиковъ. Въ неплодородныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ нѣкоторые помѣщики понимали уже въ то время, что безземельное освобожденіе крестьянъ, при неограниченной свободѣ переселеній, можетъ отозваться очень неблагопріятно и на помѣщичьихъ интересахъ, и предпочитали надѣлить при освобожденіи крестьянъ землею и усадьбами, въ такомъ размѣрѣ, чтобы надѣлъ этотъ фактически прикрѣплялъ крестьянъ къ ихъ насиженнымъ мѣстамъ и въ то же время дѣлалъ для нихъ неизбѣжными аренду помѣщичьей земли или наемъ къ помѣщикамъ на работу.

Изложенный взглядъ на подготовленность помѣщичьей среды къ близкому паденію крѣпостного права можетъ считаться почти общепринятымъ въ нашей исторической литературѣ. Если ему до извѣстной степени противорѣчатъ взгляды, выраженные въ запискахъ Самарина и Кавелина, то это объясняется вполнѣ обстоятельствами минуты, когда эти записки были составлены, и тѣми практическими цѣлями, которыми были всецѣло поглощены ихъ авторы. Но и въ послѣднее время въ нашей литературѣ былъ высказанъ П. Б. Струве взглядъ, несогласный съ изложеннымъ выше. Въ интересной статьѣ „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи XIX вѣка“ г. Струве ставитъ вопросъ, *„созрѣлъ ли крѣ-*

постной строй въ силу внутреннихъ причинъ къ ликвидаціи связи крестьянъ съ землей“, и рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно. Ему кажется, что въ половинѣ XIX ст. не было еще на лицо достаточныхъ внутреннихъ причинъ для ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, такъ какъ помѣщикамъ въ то время не было никакой выгоды замѣнять крѣпостной трудъ вольнонаемнымъ. Онъ указываетъ, что вольнонаемный трудъ былъ въ это время дешевъ только тамъ, гдѣ, въ виду густоты крѣпостного населенія, на него не было спроса, а на окраинахъ былъ дорогъ и представлялъ здѣсь въ глазахъ помѣщиковъ лишь „неизбѣжное зло“. Г. Струве, какъ намъ кажется, упускаетъ при этомъ изъ виду, что вольнонаемный трудъ былъ, по крайней мѣрѣ, вдвое продуктивнѣе крѣпостного и что главнымъ зломъ для центральныхъ черноземныхъ губерній въ это время была именно невозможность усилить производительность крѣпостного труда раціональнымъ путемъ, въ виду отсутствія капиталовъ и малой примѣнимости крѣпостного труда къ фабричному производству. Что же касается степныхъ заволжскихъ и новороссійскихъ губерній, то здѣсь помѣщики нуждались въ крѣпостномъ правѣ лишь до тѣхъ поръ, пока оно существовало въ другихъ губерніяхъ; для нихъ была бы чрезвычайно невыгодна изолированная отмѣна крѣпостныхъ отношеній только въ ихъ краѣ; отмѣна же крѣпостного права во всей Россіи несомнѣнно обезпечивала для нихъ постоянный притокъ рабочихъ рукъ изъ чрезмѣрно населеннаго центра. Наибольшими колебаніями отмѣна крѣпостного права грозила, конечно, помѣщичьимъ хозяйствамъ нечерноземныхъ губерній, гдѣ помѣщичій доходъ обусловливался не производительностью почвы, а единственно лишь эксплуатаціей даровой рабочей силы. Но и въ этихъ губерніяхъ отмѣна крѣпостного права могла, какъ мы уже говорили, быть далеко не безвыгодна для помѣщиковъ при условіи полученія ими хорошаго выкупа, благодаря которому, они получили бы нужный имъ капиталъ для устройства раціональныхъ хозяйствъ. При этомъ имъ важно было еще, въ цѣляхъ удержанія на мѣстѣ достаточнаго рабочаго персонала, надѣлить крестьянъ усадьбами и нѣкоторымъ количествомъ пахотной земли.

П. Б. Струве думаетъ, что „при прочихъ равныхъ условіяхъ“ отмѣна принудительнаго труда должна была привести къ уменьшенію и прибавочнаго продукта, и общаго количества сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Россіи. „Если этого не случилось — замѣчаетъ онъ тутъ же,—то потому, что одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ произошелъ не менѣе крупный переворотъ въ русскомъ народномъ хозяйствѣ: благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ, денежное

хозяйство получило огромный толчокъ, имѣвшій крупныя и для различныхъ областей Россіи самыя различныя послѣдствія, означая всюду нарушеніе прежняго хозяйственнаго равновѣсія".

Но вѣдь этотъ переворотъ не былъ чѣмъ-то случайнымъ. Онъ былъ несомнѣнно ускоренъ именно отмѣной крѣпостного права; а вынуждался онъ обстоятельствами, вполнѣ назрѣвшими еще при крѣпостномъ режимѣ. Одно изъ этихъ обстоятельствъ г. Струве самъ излагаетъ въ слѣдующей же главѣ—это невѣроятныя колебанія хлѣбныхъ цѣнъ, которыя являлись для сельскихъ хозяевъ настоящимъ бичомъ. Онъ говоритъ далѣе объ ограниченности внутренняго рынка; но вѣдь многимъ и въ то время было ясно, что именно крѣпостное право тормозитъ расширеніе внутренняго рынка.

II.

Положеніе крѣпостного вопроса къ началу царствованія Александра II.— Крымская война и возникновеніе волненій среди крестьянъ. — Взгляды императора Александра.—Ожиданія передовыхъ людей.—Развитіе эмансипаціоннаго движенія въ обществѣ.—Записки Кавелина, Самарина, кн. Черкасскаго и Позена.—Опортюнизмъ Самарина и Черкасскаго и радикализмъ Кошелева.—Его четыре записки.—Дѣйствія правительства.—Переговоры съ литовскими дворянами.—Письмо вел. кн. Елены Павловны.— Открытіе секретнаго комитета.—Неподготовленность правительства и отсутствіе у него опредѣленнаго плана дѣйствій.—Мѣры, предложенныя комитетомъ. — В. к. Константинъ Николаевичъ и журналъ 18 августа 1857 г.—Пріѣздъ Назимова и изданіе рескрипта 20 ноября 1857 года.

Въ послѣдній, самый мрачный періодъ николаевскаго царствованія, послѣ февральской революціи, всякая частная инициатива въ дѣлѣ отмѣны или ограниченія крѣпостного права признавалась уже не только нежелательной, но даже почти крамольной, и слабыя попытки дворянской мысли, проявлявшіяся въ этомъ направленіи, были немедленно прекращаемы. Письмо В. Д. Олсуфьева (гофмаршала наслѣдника) къ смоленскому помѣщику А. А. Оливье [1]) съ категорическимъ заявленіемъ, что правительство не имѣетъ въ виду измѣнять настоящихъ отношеній крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ; приказаніе тульскимъ дворянамъ прекратить всякія совѣщанія объ эмансипаціи [2]); благопріятный пріемъ императоромъ Николаемъ крѣпостническихъ записокъ кн. Друцкаго-Соколинскаго [3]) и отклоненіе болѣе чѣмъ скромныхъ предложеній нѣкоторыхъ дворянъ Царскосельскаго, Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ [4]),—показали дворянству, что всякая мысль объ эмансипаціи и даже урегулированіи

---

1) В. И. Семевскій, н. с. II, 168.—Д. П. Хрущовъ, въ изданныхъ имъ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія" (I, 78) ошибочно называетъ этого помѣщика Огильви. Сравн. „Матеріалы для біографіи В. А. Черкасскаго", изд. кн. Трубецкой, I, стр. 30 (Здѣсь приведено и самое письмо).

2) Семевскій, II, 254. „Воспоминаніе Е. И. Раевской". Р. Архивъ 96 г. № 2, стр. 237.

3) Семевскій, II, 179.

4) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостн. состоянія". I, 78.

положенія крѣпостныхъ крестьянъ признавалась несвоевременной; дѣло помѣщика Селиванова, поплатившагося за свои либеральныя мысли ссылкой въ Вятку, показало, что заниматься вопросомъ объ улучшеніи участи крѣпостныхъ даже и небезопасно [1]). Поэтому движеніе, возбужденное среди дворянъ послѣ изданія указа объ обязанныхъ крестьянахъ и подъ вліяніемъ неурожая 1840 г., къ концу царствованія Николая замерло и заглохло.

Однако, съ началомъ Крымской кампаніи крѣпостной вопросъ вновь принялъ тревожный характеръ подъ вліяніемъ сильныхъ волненій крестьянъ, вспыхнувшихъ во многихъ губерніяхъ по поводу слуховъ объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости тѣхъ изъ нихъ, которые добровольно поступятъ въ ополченіе. Для усмиренія этихъ волненій, послѣдовавшихъ за объявленіемъ указа о морскомъ ополченіи 3 апрѣля 1854 г. и манифеста о народномъ ополченіи 29 января 1855 г., правительству пришлось употребить въ дѣло значительныя военныя команды и отряды кавалеріи. На помѣщиковъ эти волненія нагнали большой страхъ [2]) и заставили ихъ вновь серьезно призадуматься надъ крестьянскимъ вопросомъ.

Очень трудно сказать съ увѣренностью, какихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ придерживался императоръ Александръ II въ моментъ своего воцаренія. Д. П. Хрущовъ, близко стоявшій въ то время къ высшимъ правительственнымъ кругамъ [3]), свидѣтельствуетъ, что въ петербургскомъ обществѣ въ самые первые дни новаго царствованія „между разными толками и предположеніями ходило мнѣніе, что дворянство будетъ пользоваться при императорѣ Александрѣ особымъ покровительствомъ, аристократія подымется и утвердится“ [4])... Слова, сказанныя государемъ въ первый день по кончинѣ императора Николая петербургскимъ дворянамъ, можно было растолковать какъ угодно. Во всякомъ случаѣ въ первые мѣсяцы новаго царствованія ничто не знаменовало намѣренія правительства приступить къ крестьянской реформѣ. Популярность молодого государя поддерживалась въ обществѣ лишь либеральными мѣрами въ отношеніи университетовъ и нѣкоторыми облегченіями въ положеніи печати; о крестьянскомъ вопросѣ не было и помину. Впрочемъ, общественная мысль была погло-

---

[1]) Семевскій, II, 473.

[2]) „Матеріалы“, изд. Д. П. Хрущовымъ, I, стр. 79—97. Сравн. свидѣтельство А. И. Кошелева въ его „Запискахъ“, издан. въ 1884 г. въ Берлинѣ, приложеніе, V, стр. 78.

[3]) Онъ былъ назначенъ въ 1855 г. товарищемъ министра государственныхъ имуществъ.

[4]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостн. состоянія“, I, стр. 100.

щена въ это время войной, и вниманіе всѣхъ сосредоточивалось на судьбѣ Севастополя. Но въ послѣдніе годы николаевскаго царствованія Александръ Николаевичъ пріобрѣлъ себѣ репутацію защитника дворянскихъ интересовъ. Вскорѣ эта репутація стала какъ будто бы оправдываться на дѣлѣ. Черезъ полгода по восшествіи на престолъ послѣдовали первыя перемѣны на министерскихъ мѣстахъ. Были удалены: Д. Г. Бибиковъ и графъ Клейнмихель. Паденію Клейнмихеля радовались всѣ мыслящіе и живые люди; но замѣчательно, что онъ уволенъ былъ съ милостивымъ рескриптомъ, тогда какъ честный Бибиковъ не только не получилъ рескрипта. но принужденъ былъ даже снять генералъ-адъютантскій мундиръ [1]). Еще знаменательнѣе было то обстоятельство, что и отставка его вызвана была начавшимся еще при Николаѣ несогласіемъ его съ Александромъ Николаевичемъ по вопросу о введеніи инвентарей въ сѣверо-западномъ краѣ, причемъ Александръ Николаевичъ оказывалъ явное покровительство помѣщикамъ. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской заявилъ себя въ первомъ своемъ циркулярѣ губернскимъ предводителямъ человѣкомъ, преданнымъ интересамъ дворянства. Онъ объявилъ при этомъ, что государь императоръ повелѣлъ ему „ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству". Слова эти были растолкованы, какъ ручательство въ сохраненіи существующаго крѣпостного строя. Имъ придали такую важность, что циркуляръ разобрали на расхватъ—особенно завсегдатаи англійскаго клуба, такъ что пришлось напечатать второе его изданіе [2])... На сторонниковъ прогресса назначеніе Ланскаго произвело непріятное впечатлѣніе [3]). Но въ обществѣ преобладало всетаки оптимистическое настроеніе: паденіе Клейнмихеля праздновали, какъ побѣду надъ „врагомъ внутреннимъ, и люди, близкіе ко двору,

[1]) Н. П. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина", т. XIV, стр. 122. Кн. Черкасскій писалъ по этому поводу А. И. Кошелеву въ письмѣ отъ 3-го ноября 1855 г.: „Тутъ всѣ радуются паденію какого-нибудь Клейнмихеля (и конечно всѣ); а тутъ опять всѣ же радуются и паденію Бибикова и циркуляру Ланскаго; и я въ послѣднихъ событіяхъ не умѣю, признаюсь, принять живое участіе, поневолѣ думаешь: что тутъ пало? Палъ ли человѣкъ и его упрямое самодурство, или пала цѣлая система и идея, пала и самая мысль и сознаніе о томъ, что когда-нибудь да нужно Россіи сдѣлать что-нибудь для крестьянъ, и что будущность Россіи обусловливается скорымъ или, по крайней мѣрѣ, вѣрнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса?" („Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", I, 57).

[2]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія", I, стр. 104.

[3]) В. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина", т. XIV, стр. 122. Подъ 27 августа 1855 года Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Назначенъ Ланской вмѣсто Бибикова. Вотъ назначеніе! Грустно!"

какъ кн. Д. А. Оболенскій и гр. А. Д. Блудовъ не переставали поддерживать добрыя надежды въ либеральныхъ кругахъ общества [1]). Въ письмѣ отъ 30 января 1856 г. Кавелинъ сообщилъ Погодину первый благопріятный слухъ о намѣреніи правительства въ пользу крестьянъ. Онъ писалъ, что бывшій главнокомандующій крымской арміей кн. Горчаковъ, возвратясь изъ Крыма, будто бы сказалъ государю: „хорошо, что мы заключаемъ миръ; дольше воевать мы были не въ силахъ. Миръ даетъ намъ возможность заняться внутренними дѣлами, и этимъ должно воспользоваться. *Первое дѣло нужно освободить крестьянъ, потому что здѣсь узелъ всякихъ золъ*". Послѣ этого государь, принимая двухъ губернскихъ предводителей дворянства (воронежскаго и рязанскаго), сказалъ, что нужно будетъ заняться крестьянскимъ вопросомъ. По словамъ Кавелина, даже въ англійскомъ клубѣ стали поговаривать о неизбѣжной развязкѣ крестьянскаго вопроса [2]). Притихшіе сторонники старыхъ порядковъ были еще больше встревожены заключительными словами манифеста по поводу Парижскаго мира, повѣявшими новымъ духомъ. Вскорѣ послѣ заключенія мира Кавелинъ писалъ Погодину: „Говорятъ, будто на праздникѣ мира, 25-го марта, государь выразился: *теперь мы кончили съ внѣшними врагами; надо начинать войну съ врагами внутренними* [3]). Наконецъ, достопамятная рѣчь Государя къ московскому дворянству, сказанная въ апрѣлѣ 1856 года, разсѣяла послѣднія сомнѣнія въ томъ, что правительство готовится къ упраздненію крѣпостного права [4]).

Впрочемъ, люди серьезные и трезво смотрѣвшіе на происходившіе передъ ихъ глазами событія и факты не сомнѣвались въ неизбѣжности и неотложности ликвидаціи крѣпостнаго строя съ тѣхъ поръ, какъ крымская война раскрыла всѣ язвы существующаго строя. „Мы сдались,—писалъ въ началѣ 1856 г. Самаринъ—не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ. Это убѣжденіе, видимо проникающее всюду и вытѣсняющее чувство незаконнаго самодовольствія, такъ еще недавно туманившее намъ глаза, досталось намъ дорогою цѣною; но мы готовы принять его, какъ достойное вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки"... „Не въ Вѣнѣ, не въ Парижѣ, не въ Лондонѣ,

---

[1]) Барсуковъ, н. с., XIV, стр. 122—125.
[2]) Барсуковъ, назв. соч., стр. 208.
[3]) Тамъ же, стр. 547.
[4]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія", I, стр. 106, 114 и слѣд.—„Записки Я. А. Соловьева, Русская старина, 1881 г., XXV", 228.

а только внутри Россіи завоюемъ мы снова принадлежащее намъ мѣсто въ сонмѣ европейскихъ державъ; ибо внѣшняя сила и политическое значеніе государства зависятъ не отъ родственныхъ связей съ царствующими династіями, не отъ ловкости дипломатовъ, не отъ количества серебра и золота, хранящагося подъ замкомъ въ государственной казнѣ, даже не отъ численности арміи, но болѣе всего отъ цѣльности и крѣпости общественнаго организма. Чѣмъ бы ни болѣла земля: усыпленіемъ мысли, застоемъ производительныхъ силъ, разобщеніемъ правительства съ народомъ, разъединеніемъ сословій, порабощеніемъ одного изъ нихъ другому—всякій подобный недугъ, отнимая возможность у правительства располагать всѣми подвластными ему средствами и, въ случаѣ опасности, прибѣгать безъ страха къ подъему народной силы, воздѣйствуетъ неизбѣжно на общій ходъ военныхъ и политическихъ дѣлъ"...

Переходя далѣе къ анализу современнаго строя, Самаринъ писалъ: „Во главѣ современныхъ, домашнихъ вопросовъ, которыми мы должны заняться, стоитъ, какъ угроза для будущаго и какъ препятствіе въ настоящемъ для всякаго существеннаго улучшенія въ чемъ бы то ни было—вопросъ о крѣпостномъ состояніи" [1]).

Самаринъ не былъ пророкомъ, онъ не былъ даже новаторомъ по складу своихъ убѣжденій; онъ самъ себя признавалъ консерваторомъ [2]). Въ своей запискѣ, написанной въ первоначальномъ видѣ еще въ 1854 г. и передѣланной въ 1856 г., онъ выразилъ только въ свойственной ему блестящей литературной формѣ тѣ мысли, которыя назрѣли въ это время въ широкихъ кругахъ образованнаго русскаго общества. Его записка, вмѣстѣ съ записками, составленными въ это же приблизительно время кн. Черкасскимъ, Кошелевымъ, Кавелинымъ, Позеномъ, Унковскимъ и другими, является любопытнымъ памятникомъ того общественнаго настроенія, которое было въ то время распространено въ образованномъ дворянскомъ кругу. Всѣ эти записки, являющіяся прелюдіей къ дѣятельности большинства этихъ лицъ въ дворянскихъ комитетахъ 1858—1859 годовъ, находятся въ то же время въ неизмѣнной связи съ тѣми взглядами и убѣжденіями, которые были уже отчетливо сознаны и выражены представителями русскаго дворянства въ сороковыхъ годахъ.

[1]) Ю. Ѳ. Самаринъ „Записка о крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ". Сочиненія, т. II, стр. 17—19.

[2]) Въ письмѣ къ А. О. Смирновой изъ Самары отъ 13 марта 1859 г. Самаринъ писалъ, между прочимъ, что считаетъ себя гораздо болѣе консерваторомъ, нежели „Яковъ Ростовцевъ, Сергѣй Ланской и Алексѣй Орловъ" („Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", I, стр. 315).

Какъ только правительство рѣшилось снять искусственный запретъ, наложенный на обсужденіе крѣпостного вопроса, такъ развитіе и разрѣшеніе этого вопроса русскимъ обществомъ пошло такимъ ускореннымъ темпомъ, какого правительство и не ожидало. „Здѣсь въ Петербургѣ, — писалъ Кавелинъ Погодину въ письмѣ отъ 17 марта 1856 г.,—общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать болѣе этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкось и вкривь, иногда и глупо, а всетаки толкуетъ и черезъ это, разумѣется, учится... Я писалъ вамъ, — сообщаетъ онъ далѣе,—что царь поднялъ самъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, въ разговорѣ съ двумя предводителями, воронежскимъ и рязанскимъ. Съ его легкой руки и пошли толковать, и теперь толкуютъ открыто, гласно, вездѣ совѣщаются, идетъ обмѣнъ мыслей, и статей и проектовъ уже множество или уже написано, или пишется, и мысль созрѣваетъ. Замѣчательно, что то, чего правительство не могло добиться въ тридцать лѣтъ, то явилось само собой, готовое (!?) въ одинъ годъ добраго, кроткаго, благонамѣреннаго и простосердечнаго правленія; общественное мнѣніе *единогласно* твердитъ, что непрѣменно рѣшить этотъ вопросъ надо. Помѣщики самые дикіе осуждены на молчаніе; масса даже степныхъ баръ, пріѣзжающихъ сюда, согласна, что положеніе невыносимо“... [1]).

Какъ быстро усвоились общественнымъ мнѣніемъ конца пятидесятыхъ годовъ наиболѣе правильные и наиболѣе радикальные пути рѣшенія крестьянскаго вопроса, видно изъ того, что уже въ мартѣ 1857 г. Погодинъ заноситъ въ свой дневникъ такое замѣчаніе: *„Прочелъ проектъ Самарина. Запоздало. Объ обязанныхъ крестьянахъ толковать уже нечего, а надо рѣшать дѣло на отрѣзъ“* [2]).

Изъ наиболѣе раннихъ проектовъ и записокъ, появившихся еще въ 1855 г., самую ясную и стройную формулировку желательнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса находимъ мы въ запискѣ К. Д. Кавелина „Объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи“ [3]). Изложивъ

---

[1]) Барсуковъ, назв. соч., XIV, 212.

[2]) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XV, стр. 462.

[3]) Отрывки изъ этой записки были напечатаны въ „Современникѣ“ за 1858 г., изъ-за чего вышелъ большой шумъ и извѣстная исторія, кончившаяся удаленіемъ Кавелина изъ преподавателей наслѣдника и рядомъ цензурныхъ репрессивныхъ и охранительныхъ мѣръ; полностью эта записка напечатана въ „Русск. Старинѣ“ за 1886 г. № 1, 2 и 5 и во II т. „Собранія сочиненій“ К. Д. Кавелина (СПБ. 1898 г.).

въ этой запискѣ происхожденіе и исторію крѣпостного права въ Россіи, Кавелинъ дѣлитъ крѣпостныхъ крестьянъ на государственныхъ и помѣщичьихъ и, предложивъ рядъ мѣръ къ окончательному освобожденію и устройству первыхъ, разсматриваетъ возможные способы ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. При этомъ онъ признаетъ, что крестьянъ необходимо освободить со всѣмъ земельнымъ надѣломъ, которымъ они фактически пользовались въ то время, а помѣщикамъ выдать справедливое вознагражденіе за землю и за личность крестьянъ, т. е. за утрату права пользоваться крѣпостнымъ трудомъ. Основываясь на данныхъ изданной въ 1855 году Я. А. Соловьевымъ „Сельско-хозяйственной статистики Смоленской губерніи", Кавелинъ такъ представляетъ себѣ размѣры выкупной операціи. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Смоленской губерніи на душу приходилось въ среднемъ 13 дес. всей земли; средняя покупная цѣна имѣній была по 117 р. за душу; а средняя цѣна одной незаселенной десятины въ той же губерніи равнялась $5^1/_2$ рублямъ. Полагая, что половина всей помѣщичьей земли находилась во владѣніи крестьянъ, Кавелинъ вычисляетъ, что помѣщикамъ пришлось бы выдать по 81 р. 25 к. за каждую душу (117 р. — $6^1/_2 \times 5^1/_2$ = 81 р. 25 к.). По этому разсчету для выкупа крестьянъ и крестьянскихъ земель Смоленской губерніи потребовался бы капиталъ въ 30.715.587 р. 50 к. и „фондъ обезпеченія" въ 5.119.264 р. $58^1/_3$ к.—Кавелинъ опасался, что соотвѣтствующія суммы для единовременнаго выкупа крестьянъ во всей Россіи правительству найти будетъ трудно, а потому предлагалъ осуществлять реформу постепенно, по губерніямъ, начиная съ западныхъ. Желательность именно постепеннаго осуществленія реформы подкрѣплялась еще тѣмъ соображеніемъ, что въ дѣлѣ такой великой государственной важности необходимъ опытъ, который и далъ бы частичное осуществленіе кавелинскаго плана. Въ запискѣ этой Кавелинъ отчетливо выяснилъ истинные интересы помѣщиковъ, какъ въ центральныхъ *черноземныхъ* губерніяхъ, такъ и въ промышленныхъ *нечерноземныхъ*, указывая совершенно основательно, что въ первыхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ имѣла преимущественную цѣнность земля, а во вторыхъ—крѣпостной трудъ. Относясь съ полнымъ вниманіемъ къ нуждамъ помѣщичьихъ хозяйствъ и считая сохраненіе ихъ необходимымъ въ интересахъ цивилизаціи, Кавелинъ возражаетъ въ своей запискѣ тѣмъ (по его словамъ *многимъ*), которые думаютъ, что операцію выкупа крѣпостныхъ слѣдовало бы произвести одновременно съ ликвидаціею долговъ, лежащихъ на дворянскихъ имѣ-

ніяхъ по ссудамъ изъ кредитныхъ установленій. Кавелинъ указывалъ, что сліяніе этихъ двухъ операцій отняло бы у помѣщиковъ средства, необходимыя для немедленнаго устройства ихъ хозяйствъ согласно съ новыми экономическими условіями, которыя наступятъ для нихъ съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости.

Записка эта имѣла большое распространеніе въ обществѣ. Ее нельзя, конечно, разсматривать, какъ голосъ изъ помѣщичьей среды, потому что авторъ ея, хотя и владѣвшій небольшимъ имѣніемъ въ Самарской губерніи, по своему быту и общественному положенію принадлежалъ гораздо болѣе къ рядамъ высшей столичной интеллигенціи, нежели къ помѣстному дворянству; но положенія, изложенныя въ запискѣ, находятся несомнѣнно въ преемственной связи съ тѣми взглядами, которые возникли и опредѣлились въ предшествующее царствованіе именно среди мыслящей и просвѣщенной части помѣстнаго дворянства. Мы не знаемъ, извѣстны ли были Кавелину соображенія, высказанныя въ 1847 г. А. А. Вонлярлярскимъ; но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть большого сходства между идеями того и другого. Изъ второй части записки, написанной нѣсколько позже, [1]) мы видимъ, что записка эта уже въ 1855 г. читалась и обсуждалась въ широкихъ кругахъ, къ которымъ принадлежали, конечно, многіе изъ жительствующихъ въ столицахъ помѣщиковъ. Кавелинъ свидѣтельствуетъ, что она вызвала много дѣльныхъ возраженій и замѣчаній, послужившихъ къ вящщему уясненію предмета. Изъ этихъ возраженій, частью разсмотрѣнныхъ авторомъ во второй части записки, мы видимъ, что они принадлежали по большей части лицамъ, которымъ идея освобожденія при помощи выкупа крестьянъ была далеко не чужда. Въ письмѣ къ Погодину (отъ 30 января 1856 г.) самъ Кавелинъ писалъ объ этой запискѣ: „По примирительному своему характеру, она принята даже самыми заскорузлыми и деревянными помѣщиками весьма хорошо; была уже и находится у гр. Киселева, у великаго князя Константина, у товарища министра внутреннихъ дѣлъ (Левшина). Есть надежда довести до царицы. Здѣсь я ѣзжу, читаю, толкую и разжевываю, сколько по-

---

[1]) Въ экземплярѣ, который Кавелинъ доставилъ въ редакцію „Русской Старины“ въ апрѣлѣ 1883 г., онъ говоритъ въ примѣчаніи (Сочиненія, II, 64), что вторая часть была написана „нѣсколько позднѣе; кажется, въ томъ же 1855 году“. На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ современнаго его письма къ Погодину (отъ 30 января 1856 г.), онъ могъ написать эту 2-ю часть лишь въ февралѣ 1856 года (Сравн. Барсукова, наз. соч. XIV, стр. 214).

нимаю дѣло, и кажется не безъ успѣха...“ Далѣе онъ проситъ и Погодина заняться тѣмъ же. Оказалось, что въ числѣ знакомыхъ Погодина были такіе, которые склонны были ставить вопросъ еще гораздо радикальнѣе, нежели онъ поставленъ у Кавелина. Такъ, нѣкто, Н. Миклашевскій писалъ Погодину: „Очень любопытно прочесть статью г. Кавелина, какъ онъ говоритъ—въ примирительномъ духѣ. Мнѣ что-то сдается несбыточнымъ выкупъ; да и много ли будетъ въ этомъ правды? Право, кажется, надобно возвращать, а не подвергать выкупу“ [1]).

Гораздо умѣреннѣе по содержащимся въ нихъ программамъ были записки вскорѣ вступившихъ въ ряды практическихъ дѣятелей крестьянскаго дѣла Ю. Ѳ. Самарина, кн. В. А. Черкасскаго и М. П. Позена.

Изъ записки Самарина, содержащей въ себѣ замѣчательную критику крѣпостного строя и раскрытіе всѣхъ его темныхъ сторонъ, мы видимъ, что авторъ, прекрасно понявшій и освѣтившій положеніе Россіи въ тотъ моментъ, не представлялъ себѣ, однако же, чтобы паденіе крѣпостного права могло произойти такъ скоро и радикально, какъ оно совершилось въ дѣйствительности. Въ своихъ практическихъ предположеніяхъ онъ исходитъ изъ закона 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ и на ряду съ облегченіемъ частичныхъ случаевъ освобожденія предлагаетъ рядъ паліативныхъ мѣръ противъ злоупотребленій и наиболѣе возмутительныхъ проявленій крѣпостного права. Ю. Ѳ. Самаринъ владѣлъ населенными имѣніями въ Самарской и Симбирской губерніяхъ и записку свою передѣлывалъ въ Сызрани зимой 1855—1856 гг., состоя въ то время ротнымъ командиромъ въ сызранскомъ ополченіи. Записка его была окончательно отдѣлана къ началу 1856 г., слѣдовательно, такъ же, какъ и кавелинская записка, *значительно раньше проявленія первыхъ освободительныхъ вѣяній въ правительственныхъ сферахъ.* [2])

Въ своей окончательной формѣ записка носила заглавіе „О крѣпостномъ состояніи и переходѣ отъ него къ гражданской свободѣ“. Она была посвящена, по словамъ самого автора, „исключительно *переходнымъ мѣрамъ* отъ настоящаго положенія крѣ-

[1]) Барсуковъ, XIV, стр. 215.

[2]) Въ письмѣ отъ 12 января 1856 г. къ К. С. Аксакову Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ: „...я успѣлъ здѣсь окончить совершенно передѣланную мною записку которую я читалъ въ деревнѣ“... Въ первой редакціи, какъ видно изъ письма къ тому же Аксакову, записка окончена была еще въ апрѣлѣ 1854 г. (Сочин. Ю. Ѳ. Самарина, т. II, стр. 15).

*

постного сословія къ гражданской свободѣ“. Этими мѣрами Самаринъ имѣлъ въ виду: 1) положить предѣлъ естественному развитію крѣпостного права [1]); 2) открыть исходъ (выкупъ безъ земли) изъ него отдѣльнымъ личностямъ, поднимающимся выше уровня крѣпостного сословія; 3) облегчить и поощрить добровольныя сдѣлки (въ духѣ улучшеннаго полож. объ обязанныхъ крестьянахъ). Замѣчательно, что въ этой запискѣ Самаринъ старается доказать невыгодность установленія принудительныхъ отношеній между помѣщиками и крестьнами—взглядъ, подъ которымъ впослѣдствіи охотно подписались бы его противники въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. За помѣщикомъ и послѣ заключенія сдѣлки съ крестьянами сохраняется, по проекту Самарина, значительная вотчинная власть съ правомъ наказывать розгами до 40 ударовъ.

Въ дальнѣйшемъ ходъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній представляется Самарину, который въ то время былъ подъ сильнымъ вліяніемъ изученія отмѣны крѣпостного права въ Пруссіи,—въ слѣдующемъ видѣ:

Черезъ нѣсколько лѣтъ по изданіи новаго положенія о добровольныхъ сдѣлкахъ правительство назначитъ для заключенія добровольныхъ сдѣлокъ послѣдній срокъ, послѣ чего оно приступитъ къ опредѣленію повинностей крестьянъ законодательнымъ порядкомъ, поручивъ это дѣло особымъ оцѣночнымъ коммиссіямъ, которыя будутъ имѣть надежное руководство въ совершившихся уже сдѣлкахъ.

Затѣмъ, когда въ сельскомъ населеніи достаточно укоренится понятіе о его обязанностяхъ, а цѣнность земли въ то же время возвысится, правительство приступитъ къ оцѣнкѣ повинностей, выведетъ капитальную ихъ стоимость и опредѣлитъ, такимъ образомъ, сумму вознагражденія, слѣдующую помѣщикамъ за упраздненіе повинностей. Выкупъ совершится путемъ внутренняго или внѣшняго займа [2]).

Кн. Черкасскій въ запискѣ „О лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія“, отправленной къ ми-

---

[1]) Самаринъ предлагалъ въ этихъ видахъ: 1) запретить переводить изъ крестьянъ въ дворовые для домашнихъ услугъ (сохраняя возможность назначать изъ крестьянъ приказчиковъ, бурмистровъ и различнаго рода ремесленниковъ и рабочихъ); 2) запретить переводъ съ оброка на барщину цѣлыми селеніями; 3) воспретить дробленіе имѣній ниже извѣстной мѣры (75 душъ).

[2]) Записка Ю. Ѳ. Самарина напечатана во II томѣ его Сочиненій. стр. 15—146.

нистру внутреннихъ дѣлъ 1 января 1857 года, а составленной въ концѣ 1856 года [1]), исходитъ изъ основныхъ своихъ положеній, выраженныхъ имъ впервые въ 1847 году. Тонъ записки Черкасскаго еще умѣреннѣе самаринской. Въ аргументаціи своей онъ даже не рѣшается стать вполнѣ на сторону безусловныхъ противниковъ крѣпостного права. „Не вдаваясь,—писалъ Черкасскій,—ни въ ту ни въ другую крайность (ярыхъ защитниковъ и безусловныхъ противниковъ крѣпостного права), мы осмѣлимся выразить то искреннее убѣжденіе, что въ настоящее время, при настояще къ сожалѣнію, вообще еще низкой, степени развитія у насъ большинства народнаго, при искусственномъ вѣковомъ развращеніи его самымъ учрежденіемъ крѣпостного права, послѣднее является имѣющимъ весьма неравномѣрное и неоднообразное дѣйствіе на отдѣльныхъ членовъ народа. Будучи въ вещественномъ, и при томъ въ одномъ только вещественномъ, отношеніи учрежденіемъ отчасти благотворномъ для крестьянина необразованнаго, развратнаго и облѣнившагося (sic), оно падаетъ бременемъ невыносимымъ на каждаго, кто сохранилъ и развилъ въ себѣ искру свѣта Божьяго, кто хотя нѣсколько воспиталъ себя духовно, кто трудомъ своимъ умѣлъ пріобрѣтать себѣ капиталъ и ощутилъ уже потребность и нужду въ обезпеченіи противъ слѣпого произвола безотвѣтственной власти господина или приказчика его [2]).

Исходя изъ такихъ умѣренныхъ соображеній, кн. Черкасскій выставилъ и подробно обосновалъ въ своей запискѣ слѣдующія законодательныя мѣры, которыя онъ считалъ въ то время осуществимыми:

1) „Установленіе правительствомъ нормальной цѣны, за которую каждый крѣпостной крестьянинъ, въ губерніяхъ, гдѣ еще не введены инвентари, имѣлъ бы право требовать отпущенія своего на волю съ семействомъ своимъ *безъ земли*.

2) Дарованіе *дворовымъ* людямъ права по достиженіи 35-лѣтняго возраста требовать безвозмезднаго отпущенія своего на волю.

3) Рѣшительное воспрещеніе помѣщикамъ, какъ во время народныхъ переписей и ревизій, такъ и между ними, вновь переводить крѣпостныхъ людей своихъ изъ званія крестьянъ въ званіе дворовыхъ.

---

[1]) Записка кн. В. А. Черкасскаго напечатана въ изданныхъ кн. О. Трубецкой „Матеріалахъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", т. I, приложенія стр. 7—67.

[2]) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", изд. кн. Трубецкой. Приложеніе къ т. I, стр. 17.

4) Воспрещеніе присутственнымъ мѣстамъ совершать купчія, дарственныя или какого бы то ни было другого наименованія крѣпостные акты, по коимъ изъ владѣнія одного лица во владѣніе другого переходили бы крѣпостные люди безъ земли въ числѣ менѣе 50 наличныхъ душъ.

5) Введеніе нѣкоторой гласности въ дѣлахъ о злоупотребленіи помѣщичьей власти.

6) Немедленное исключеніе, не ожидая новой ревизіи, изъ помѣщичьяго оклада крестьянъ, отпущенныхъ на волю безъ земли.

7) Облегченіе для вольноотпущенныхъ приписки къ обществамъ.

8) Допущеніе правительствомъ нѣкоторыхъ отступленій отъ указа 2 апрѣля 1842 г. въ договорахъ, заключаемыхъ между помѣщиками и крестьянами при отпущеніи послѣднихъ въ обязанные крестьяне. Главное, что требовалъ въ этомъ смыслѣ Черкасскій,—это предоставленіе помѣщику права удалять неисправнаго въ отбытіи повинностей крестьянина съ своей земли. При этомъ условіи онъ надѣялся, что договоры съ крестьянами, „быть можетъ, постепенно взошли бы въ обычай, преимущественно въ губерніяхъ промышленныхъ“.

9) Дозволеніе помѣщикамъ отпускать *деревни свои* въ свободные хлѣбопашцы послѣ смерти своей духовными завѣщаніями, и притомъ какъ въ благопріобрѣтенныхъ, такъ и родовыхъ имѣніяхъ.

10) Дозволеніе почетнымъ гражданамъ покупать имѣнія помѣщиковъ, заключая при этомъ съ крестьянами договоры (о переводѣ ихъ въ обязанные).

11) Искорененіе по возможности безпомѣстнаго и мелкопомѣстнаго владѣнія крѣпостными людьми.

12) Воспрещеніе банковымъ учрежденіямъ впредь принимать вновь въ залогъ и допускать перезалогъ имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми; и облегченіе залога незаселенныхъ земель въ кредитныхъ учрежденіяхъ.

13) Въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ уже введены инвентари, поддержаніе ихъ и дополненіе нѣкоторыми новыми постановленіями.

14) Поощреніе владѣльцевъ всѣми зависящими отъ правительства нравственными средствами къ отпущенію на волю крестьянъ въ ихъ имѣніяхъ

и 15) допущеніе литературнаго обсужденія вопроса о крѣпостномъ состояніи, по крайней мѣрѣ, въ повременныхъ изданіяхъ обществъ сельскаго хозяйства и обращеніе на него вниманія преподавателей политико-экономическихъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ“.

Какъ видитъ читатель, въ этой запискѣ кн. Черкасскій весьма мало отошелъ отъ тѣхъ идей, которыя онъ выставлялъ еще въ 1847 году. Понятно, что впослѣдствіи, когда общественное теченіе, къ которому и самъ онъ присталъ, далеко опередило эти его идеи, онъ неохотно вспоминалъ объ этой своей запискѣ [1]).

Въ такомъ же приблизительно духѣ, какъ двѣ предыдущія записки, былъ составленъ и проектъ полтавскаго землевладѣльца тайнаго совѣтника *М. П. Позена* [2]). Онъ совѣтовалъ „устранить отъ этого вопроса всякую таинственность“ и гласно высказать, что правительство желаетъ отмѣнить крѣпостное право. При этомъ онъ находилъ, однако, что такъ какъ „крѣпостные крестьяне составляютъ законную собственность помѣщиковъ, то свобода можетъ быть дана не иначе, какъ по обоюдному согласію, *за условленное вознагражденіе*“. Правительство могло бы, по его мнѣнію, помогать крестьянамъ выкупаться финансовыми средствами. Далѣе онъ предлагалъ „постановить, что освобожденіе крестьянъ цѣлыми селеніями можетъ быть допускаемо только на основаніи двухъ существующихъ уже законовъ: о свободныхъ хлѣбопашцахъ и объ обязанныхъ крестьянахъ“. Но такъ какъ личныя права обязанныхъ крестьянъ не опредѣлены въ законѣ, то онъ полагалъ соотвѣтствующимъ образомъ дополнить этотъ законъ. Земля при обоихъ способахъ устройства крестьянъ должна была обращаться въ условленномъ по договору размѣрѣ въ собственность общества, которое уже дѣлитъ ее между отдѣльными членами „по мѣрѣ повинности, на каждаго возлагаемой“. Кредитныя мѣры Позенъ ставилъ въ связь съ проектируемой имъ ипотечной системой, введеніе которой облегчило бы выдачу ссудъ подъ залогъ имѣній. При этомъ онъ вводилъ особыя правила въ цѣляхъ поощренія и облегченія подобныхъ сдѣлокъ.

Эту записку Позенъ лично представилъ государю въ декабрѣ 1856 года [3]). Она была передана въ секретный комитетъ по его образованіи и читана тамъ въ первомъ же засѣданіи, но никакихъ

[1]) Сравн. письмо его къ гр. Орлову-Давыдову. Приложеніе 2-ое, стр. 7.

[2]) „Бумаги по крестьянскому дѣлу“ М. П. Позена. Дрезденъ, 1864.

[3]) Самъ Позенъ разсказывалъ (Ср. Никитенко „Дневникъ“, II, 55), что именно для разсмотрѣнія его проекта и былъ образованъ секретный комитетъ, однако это утвержденіе не подкрѣпляется другими данными (Сравн. Левшина „Достопамятныя минуты моей жизни“, Русскій Архивъ 1885 г. № 8, 494 – 497). Позенъ, стремившійся въ это время, повидимому, къ занятію выдающагося общественнаго положенія, впослѣдствіи выказалъ себя сторонникомъ многихъ плантаторскихъ вожделѣній. Въ предисловіи къ изданнымъ имъ „Бумагамъ“ онъ пытается оправдаться отъ подобныхъ обвиненій, взведенныхъ на него авторомъ „Матеріаловъ по

практическихъ послѣдствій не имѣла, вслѣдствіе чего Позенъ осенью 1857 г. подалъ черезъ гр. Адлерберга вторую записку, подписанную вмѣстѣ съ нимъ и кн. Кочубеемъ, полтавскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ этой запискѣ, подвергнувъ критикѣ разныя предположенія, имѣвшіяся тогда въ виду въ секретномъ комитетѣ, онъ предложилъ съ своей стороны слѣдующія главныя мѣры: объявить, что личное крѣпостное право повсемѣстно въ имперіи отмѣняется, а крестьянъ прикрѣпить къ землѣ, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые сидятъ на помѣщичьихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земляхъ, обязываются платить за нихъ оброкъ или отбывать барщину, при чемъ платежъ за земли нормируется черезъ каждыя 20 лѣтъ, земли же отводятся крестьянамъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ признаетъ возможнымъ владѣлецъ, но губернскіе комитеты опредѣляютъ въ каждой мѣстности minimum, обязательный и для владѣльцевъ, и для крестьянъ [1]). Записки Позена не имѣли большого общественнаго значенія, но самъ авторъ въ первое время развитія крестьянскаго вопроса имѣлъ несомнѣнно большое и едва ли благотворное вліяніе на Я. И. Ростовцева, о чемъ намъ придется еще упомянуть. Въ то же время записки его показываютъ, какія идеи признавали тогда своевременнымъ выдвигать люди, желавшіе имѣть ходъ. Въ этомъ смыслѣ онѣ являются знаменіемъ времени и представляютъ для насъ интересъ.

Умѣренность программы, выставленной Самаринымъ и Черкасскимъ, объяснялась главнымъ образомъ тѣмъ, что, составляя свои проекты вдали отъ центра общественной жизни и въ близкомъ соприкосновеніи съ малокультурными закоренѣлыми помѣщиками, они вдвойнѣ старались быть осторожными: съ одной стороны, они боялись испугать правительство болѣе смѣлыми предложеніями, съ другой— они надѣялись путемъ компромиссовъ сдѣлать свои проекты пріемлемыми со стороны различныхъ группъ провинціальнаго дворянства. Такова въ особенности была точка зрѣнія Самарина. А. И. Кошелевъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ", изданныхъ въ 1884 г. его вдовой въ Берлинѣ, что когда составленный имъ проектъ освобожденія крестьянъ былъ готовъ и онъ прочелъ его своимъ пріятелямъ, то Ю. Ѳ. Самаринъ пришелъ въ ужасъ отъ радикальности предла-

исторіи упраздненія крѣпостного права" и обрушивается на послѣдняго въ весьма неумѣренной формѣ. Но плантаторскія его вожделѣнія вполнѣ обнаруживаются и въ „Освобожденіи крестьянъ" Н. П. Семенова, и въ его собственныхъ мнѣніяхъ, изложенныхъ у Скребицкаго.

[1]) Самъ Позенъ въ письмѣ къ Ростовцеву (смотр. „Бумаги", стр. 42). заявлялъ, что онъ считаетъ первую свою записку гораздо лучше второй

гаемыхъ имъ мѣръ и сказалъ: „Нѣтъ! не посылайте этихъ записокъ; онѣ перепугаютъ въ Петербургѣ и заставятъ идти назадъ". Но кн. Черкасскій въ это время уже думалъ иначе; онъ выразился такъ: „Нѣтъ! отправьте ихъ непремѣнно. Хотя ваши записки, дѣйствительно, радикальны; но не бѣда—изъ большого можно убавить и всетаки останется довольно. Петербургъ надо обстрѣливать" [1]).

Проектъ *Кошелева*, напечатанный въ приложеніи къ тѣмъ же мемуарамъ въ видѣ четырехъ отдѣльныхъ записокъ, дѣйствительно, ставилъ вопросъ гораздо болѣе радикально, нежели записки Черкасскаго и Самарина [2]). Въ первой изъ этихъ записокъ Кошелевъ пишетъ: „Не филантропическія увлеченія, не изъ умозрѣнія истекшія убѣжденія, не требованія иноземной цивилизаціи заставляютъ меня взяться за перо; побуждаютъ меня къ тому: двадцатипятилѣтняя почти постоянная жизнь въ деревнѣ, распоряженіе значительными имѣніями не черезъ управляющихъ, а личное, непосредственное и, могу сказать, неусыпное,—сношенія почти ежечасныя съ своими и чужими крестьянами и дворовыми людьми, съ отпущенниками и съ лицами свободныхъ состояній и наблюденіе за господскими и крестьянскими хозяйствами въ разныхъ мѣстностяхъ" [3]).

Въ первой запискѣ онъ подробно разбираетъ и разбиваетъ предубѣжденія противъ своевременности немедленной и полной отмѣны крѣпостного права, удостовѣряя тутъ же, что въ то время было уже мало

---

¹) „Записки Александра Ивановича Кошелева", 1884, стр. 93.

²) Въ „Запискахъ" своихъ А. И. Кошелевъ говоритъ, что проекты Черкасскаго, Самарина и его были готовы въ январѣ 1858 г., послѣ чего они прочли ихъ другъ другу (стр. 92). Кн. О. Трубецкая замѣчаетъ на это въ изданныхъ ею „Матеріалахъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", что это хронологическая ошибка, что вмѣсто 1858 надо постановить 1856 годъ и что проектъ Кошелева былъ законченъ осенью 1856 г. Дѣйствительно, Кошелевъ еще 14 февраля 1856 г. писалъ Черкасскому, что пишетъ свой проектъ освобожденія крестьянъ и намѣревается постомъ ѣхать съ нимъ въ Питеръ („Матеріалы", I, 67). Въ письмѣ отъ 27 іюня 1856 г. онъ извѣщаетъ, что имѣетъ уже проекты Чичерина, Кавелина, Жеребцова и Самарина и по прочтеніи ихъ собирается изготовить свой къ пріѣзду гостей въ имѣніе его Песочню. Изъ самого содержанія проекта Кошелева видно, что онъ могъ быть написанъ и отосланъ къ государю лишь до рескрипта Назимову; но съ другой стороны, изъ содержанія же его видно, что онъ не могъ быть законченъ ранѣе начала января 1857 г., потому что въ одной изъ записокъ упоминается о событіи, имѣвшемъ мѣсто 7 января 1857 г. („Записки", приложенія, стр. 158). Такимъ образомъ, Кошелевъ ошибся на *одинъ*, а не на два года, какъ думаетъ кн. Трубецкая. Да и Черкасскій окончилъ свою записку лишь въ самомъ концѣ 1856 г.; еще 10 октября 1856 г. онъ писалъ Кошелеву, что ѣдетъ въ деревню „варить сахаръ и кончать записку о крѣпостномъ состояніи" („Матеріалы", I, 79). Записка эта была послана министру внутреннихъ дѣлъ 1 января 1857 г. („Матеріалы", I, приложенія, стр. 10).

³) „Записки"; приложенія, стр. 58.

въ Россіи людей, „безусловно отрицающихъ справедливость и необходимость уничтоженія крѣпостного состоянія". „Къ сожалѣнію,— говоритъ онъ,—у противниковъ этой мѣры память коротка; иначе многіе бы изъ нихъ вспомнили, что, менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, они готовы были согласиться на большія пожертвованія и на всякое, самое для нихъ убыточное прекращеніе крѣпостного состоянія, лишь бы освободили ихъ отъ страха, возбужденнаго въ нихъ возможностью провозглашенія вольности, при вторженіи враговъ въ наши предѣлы. Мнѣ случилось тогда видѣть нѣсколько поборниковъ крѣпостного права на людей, уговаривавшихъ меня, какъ можно скорѣе окончить и подать мой проектъ освобожденія крестьянъ. Теперь все это забыто"...[1]) Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Люди откровенные изъ этого сословія соглашаются, что лишь безпокойство и убытки, неизбѣжные на первыхъ порахъ при освобожденіи крѣпостныхъ людей, заставляютъ ихъ противиться этому перевороту, но его неизбѣжность и пользу въ общественномъ и государственномъ смыслѣ они вполнѣ признаютъ; прочіе же помѣщики тщательно собираютъ всякіе, повидимому, дѣльные, а на дѣлѣ пустые и ложные доводы въ пользу своего права или, по крайней мѣрѣ, въ пользу удержанія онаго за собой на должайшее по возможности время"... [2]) Главныя причины, требующія немедленнаго уничтоженія крѣпостного права, онъ сводитъ къ слѣдующимъ категоріямъ: 1) сознательное недовольство крестьянъ помѣщиками, выражающееся въ учащающихся случаяхъ насилій и убійствъ помѣщиковъ крѣпостными; 2) нетерпѣливое и настойчивое ожиданіе ими манифестовъ о вольности; 3) обѣдненіе помѣщичьихъ крестьянъ и непомѣрное обремененіе ихъ повинностями; 4) увѣренность помѣщиковъ въ справедливости ихъ правъ на владѣніе людьми видимо слабѣетъ, отчего ослабляется дисциплина; 5) помѣщики, видя, что освобожденіе крестьянъ неминуемо, начинаютъ переселять ихъ на безплодныя земли и разорять ихъ хозяйства; 6) возможность повторенія пугачевщины при первомъ непріятельскомъ вторженіи внутрь страны и подъ вліяніемъ воздѣйствія

---

[1]) Н. с., приложен., 78.

[2]) Тамъ же, 82.—Ю. Ѳ. Самаринъ въ одной запискѣ, представленной въ августѣ 1856 года вел. кн. Еленѣ Павловнѣ, даетъ такую характеристику настроенія, господствовавшаго тогда въ помѣщичьей средѣ: „Народъ, издревле питающій спасительную увѣренность въ заботливомъ къ нему сочувствіи верховной власти, теперь смотритъ на юнаго государя съ напряженнымъ ожиданіемъ. Дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются одинаково народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства". (Сочиненія, II, 137).

раскольниковъ, число которыхъ постепенно увеличивается; 7) усовершенствованіе по части сельскаго хозяйства требуетъ приложенія къ нему вольнаго труда; 8) успѣхи заводской и фабричной промышленности требуютъ увеличенія числа вольныхъ работниковъ. „Всѣ изложенныя нами обстоятельства,—говоритъ Кошелевъ въ заключеніе этой записки,—налагаютъ въ настоящее время долгъ неукоснительно заняться дѣломъ освобожденія крѣпостныхъ людей. Конечно, оно можетъ быть совершено не въ одинъ, не въ два, не въ три года, но приняться за него надобно *сейчасъ*, ибо каждая грядущая минута можетъ произнести страшныя слова: *теперь уже поздно*" [1]).

Во второй запискѣ: „*О различныхъ способахъ освобожденія крестьянъ*", Кошелевъ даетъ дѣльную критику различныхъ палліативовъ въ дѣлѣ освобожденія, такихъ, какъ положенія объ обязанныхъ крестьянахъ и т. п. даже и съ тѣми поправками, которыя предлагали его друзья—Самаринъ и Черкасскій. Самъ онъ приходитъ къ слѣдующимъ подробно мотивированнымъ заключеніямъ:

Во 1) крестьяне должны быть освобождены съ землею и притомъ съ такимъ количествомъ оной, чтобы они могли существовать „безнуждно". При опредѣленіи этого количества Кошелевъ рекомендуетъ исходить изъ существующаго надѣла. Ему представляется, что „предоставленіе крестьянамъ владѣніе того количества угодій, какое находилось у нихъ въ то время въ пользованіи, есть предположеніе самое справедливое, самое безопасное и ближе всѣхъ ведущее къ скорѣйшему окончанію дѣла".

2) Крестьяне должны быть освобождены „вполнѣ и безусловно".

3) „Прямо и окончательно—безъ переходовъ отъ меньшей къ большей свободѣ".

4) „Единовременно вездѣ".

5) „Мірскими обществами, а не лично и семейно".

6) Съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за земли, имѣющія поступить въ мірскую собственность, или за оброкъ, коего они лишаются. Обсуждая вопросъ, слѣдуетъ ли вознаграждать помѣщиковъ за личность освобождаемыхъ крестьянъ или только за предоставляемыя имъ угодья, Кошелевъ прежде всего отвергаетъ два противоположныхъ абсолютныхъ принципа: о неприкосновенности и священности помѣщичьей собственности на личность крѣпостныхъ и о невозможности назначать вознагражденіе за личность крѣпостныхъ въ силу того, что человѣкъ не можетъ принадлежать человѣку. По

---

[1]) Тамъ же, стр. 92.

его мнѣнію, „возмездіе за освобождаемыхъ людей, совершенно необходимое въ промышленномъ краѣ Россіи, было бы вовсе излишне въ хлѣбородныхъ губерніяхъ“, потому что „плата за землю, отходящую отъ помѣщиковъ, вполнѣ вознаградила бы ихъ въ послѣдней мѣстности и была бы ничтожнымъ, разорительнымъ для нихъ возмездіемъ въ первомъ краю“. „При покупкѣ хлѣбороднаго имѣнія,—замѣчаетъ онъ далѣе,—мы обращаемъ особое вниманіе на количество и качество земли и по большей части даемъ за землю тѣмъ высшую цѣну, чѣмъ менѣе при ней душъ; слѣдовательно, люди не составляютъ въ этомъ случаѣ предмета, который самъ по себѣ имѣлъ бы цѣнность. Напротивъ того, при покупкѣ имѣнія въ промышленныхъ мѣстностяхъ, мы преимущественно смотримъ на оброкъ, платимый крестьянами, и на ихъ добывки, часто вовсе не зависящія отъ угодій, которыя находятся у нихъ въ пользованіи; земля же поступаетъ во владѣніе какъ необходимая придача къ людямъ. Слѣдовательно,—выводитъ отсюда Кошелевъ,—и вознагражденіе должно быть двоякое: или за землю, или за людей, т. е. за платимый ими оброкъ; но вознагражденіе за то и за другое вмѣстѣ было бы излишнимъ обогащеніемъ помѣщиковъ и чрезмѣрнымъ отягощеніемъ крестьянъ [1]). Поэтому Кошелевъ предлагалъ барщинскія имѣнія оцѣнить по цѣнности земли, а оброчныя по безнедоимочно платимому ими оброку.

7) Наконецъ, Кошелевъ находилъ, что ликвидація крѣпостныхъ отношеній должна быть произведена „путемъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, при побужденіи со стороны правительства, подъ его надзоромъ и подъ угрозою произвести освобожденіе правительственнымъ порядкомъ“ [2]).

Въ этомъ отношеніи мысли А. И. Кошелева были очень сходны съ мыслями Ю. Ѳ. Самарина.

Въ третьей запискѣ Кошелевъ изглагалъ „мѣры къ освобожденію крестьянъ“, которыя сводились главнымъ образомъ къ проекту выкупной операціи при содѣйствіи правительства. Кошелевъ предлагалъ при этомъ слѣдующій приблизительный разсчетъ.

[1]) Тамъ же, стр. 125. Совершенно такой же взглядъ изложенъ былъ Кокоревымъ (съ подтвержденіемъ его цифрами изъ собственной практики по покупкѣ имѣній). См. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XV, стр., 488—490. То же самое указываетъ и Самаринъ въ одной запискѣ, составленной въ августѣ 1857 г.: „Ежегодно слышимъ мы въ Тульской и Рязанской губерніяхъ, что продавцы небольшихъ имѣній запрашиваютъ высшую цѣну за десятину, когда земля продается безъ приписанныхъ къ ней душъ (т. е. съ обязательствомъ для продавца сбыть крестьянъ на свозъ), и дѣлаютъ сбавку, если покупщикъ беретъ землю съ водворенными на ней крестьянами“. (Сочиненія, II, 175).

[2]) Тамъ же, стр. 128.

Общее число помѣщичьихъ крестьянъ по 9-ой ревизіи было 10.074,060 душъ мужск. нола. По имѣвшимся у него приблизительнымъ свѣдѣніямъ Кошелевъ предполагалъ, что половина изъ нихъ на барщинѣ и половина на оброкѣ. Въ барщинныхъ имѣніяхъ онъ считалъ по $2^1/_2$ души на тягло и полагалъ на тягло земли, согласно обычному надѣлу при крѣпостномъ правѣ, отъ $1^1/_2$ до 2 десятинъ пахатной земли въ полѣ, а въ среднемъ по $1^3/_4$ дес. въ полѣ или $5^1/_4$ дес. въ трехъ поляхъ и сверхъ того считалъ по 1 дес. на тягло лугу и по $^3/_4$ усадебной земли (съ коноплянниками, выгономъ и пр.); итого 7 десятинъ на тягло. Цѣнность земель въ хлѣбородныхъ губерніяхъ колебалась въ то время отъ 5 до 50 руб. за десятину, въ большей части черноземныхъ губерній—отъ 20 до 36 руб. Принимая поэтому въ среднемъ 28 руб. за десятину, Кошелевъ высчитывалъ стоимость всего тяглового участка въ 196 руб. (28×7) или, округляя эту цифру, принималъ 200 руб. на тягло или 80 руб. на душу. Это средняя цѣна, а maximum онъ допускалъ 250 руб. на тягло или 100 руб. на душу. При этомъ онъ предупреждалъ, что онъ вовсе не выдаетъ эти цифры за нормы, а прибѣгаетъ къ нимъ лишь для того, чтобы сдѣлать приблизительный подсчетъ. Въ многоземельныхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ заволжскихъ онъ полагалъ надѣлъ не менѣе 15 десятинъ на тягло, но за то тамъ и стоимость земли была гораздо ниже (8—15 руб. за десятину) и, такимъ образомъ, крестьянамъ и тамъ пришлось бы платить одинаковый съ центральными губерніями выкупной платежъ. Для промышленныхъ оброчныхъ имѣній Кошелевъ дѣлалъ совершенно иной разсчетъ. Здѣсь онъ выводилъ стоимость тягла или души по цѣнѣ оброка. Оброчные крестьяне платили по его свѣдѣніямъ оброкъ отъ 6 до 50 руб. въ годъ съ тягла; обыкновенный же оброкъ колебался между отъ 12 и 20 рублями, почему въ среднемъ онъ принималъ его равнымъ 16 рублямъ. Считая въ оброчныхъ имѣніяхъ лишь по 2 души на тягло, онъ выводилъ средній оброкъ на душу—8 рублей въ годъ и, капитализируя его изъ 6%, оцѣнивалъ каждую мужскую душу въ оброчныхъ имѣніяхъ въ 133 р. 33 к. Эту цифру онъ признавалъ вѣрною, но соотвѣтствующій размѣръ платежей онъ считалъ для крестьянъ отяготительнымъ и потому предлагалъ его понизить, допуская въ оброчныхъ имѣніяхъ отрѣзку угодій изъ мірского владѣнія. Вообще онъ считалъ, что для вѣрности операціи не слѣдуетъ нигдѣ назначать выкупа за душу, съ земельнымъ надѣломъ, выше 100 рублей. Высчитавъ, такимъ образомъ, средній размѣръ выкупа для барщинныхъ имѣній въ 80 руб.

и для оброчныхъ—въ 100, онъ принималъ приблизительную среднюю цифру выкупа съ души для Россіи—90 рублей, что̀ составляло съ 10 милліоновъ душъ—900 милліон. рублей. Изъ этой суммы онъ вычиталъ часть лежавшихъ на имѣніяхъ долговъ кредитнымъ учрежденіямъ, а именно 450.000.000 рублей, и у него выходило, что для выкупа всѣхъ 10 мил. крестьянъ потребуется до 450 милліон. рублей. Самый выкупъ (т. е. уплату помѣщикамъ денегъ или облигацій) онъ полагалъ возможнымъ произвести въ 12 л., соотвѣтственно слѣдующему плану реформы.

Первымъ актомъ реформы Кошелевъ предполагалъ указъ, въ которомъ должна быть заявлена воля государя уничтожить крѣпостное состояніе; одновременно должны быть учреждены комитеты для оцѣнки дворянскихъ имѣній. Оцѣнка должна быть окончена въ теченіе 3-хъ лѣтъ, при чемъ Кошелевъ полагалъ, что въ эти 3 года приступятъ къ добровольнымъ соглашеніямъ съ крестьянами лучшіе помѣщики, которые и установятъ, такимъ образомъ, практически наиболѣе благопріятныя для крестьянъ нормы. Затѣмъ долженъ быть данъ новый трехлѣтній срокъ на свободное заключеніе помѣщиками сдѣлокъ со своими крестьянами. По истеченіи этого срока правительство должно назначить по одному или по два посредника въ каждомъ уѣздѣ изъ среды дворянъ, уже освободившихъ своихъ крестьянъ, для содѣйствія къ заключенію сдѣлокъ между крестьянами. Если же въ какомъ-нибудь уѣздѣ не будетъ ни одного помѣщика, освободившаго своихъ крестьянъ, то въ такой уѣздъ правительство можетъ послать, кого оно заблагоразсудитъ. По истеченіи 3-го срока, который тоже долженъ былъ быть трехлѣтній, слѣдуетъ предоставить посредникамъ право дѣлать сдѣлки съ крестьянами, замѣняя вполнѣ помѣщиковъ, которые въ этомъ случаѣ теряютъ право возражать на заключенные съ крестьянами договоры. При несогласіи крестьянъ на условія, предложенныя посредникомъ, дѣло должно было поступать на распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Договоры, заключаемые между помѣщиками и крестьянами, должны были по плану Кошелева подчиняться слѣдующимъ правиламъ: 1) въ собственность крестьянъ должны были по возможности поступать угодья въ томъ количествѣ въ какомъ оныя у нихъ ранѣе находились въ пользованіи, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они ими владѣли. Допускались размѣнъ черезполосныхъ угодій и отрѣзка количествъ земли, превышающихъ „дѣйствительныя потребности крестьянъ“. 2) Сумма стоимости отводимыхъ крестьянамъ угодій не должна была превышать извѣстной нормы, напр. 100 рублей на душу. 3) Земля

должна была поступить въ общественную собственность крестьянъ, которые отвѣчали за исправность платежей круговою порукою. При неисправности крестьянъ Кошелевъ предлагалъ примѣнять къ нимъ очень суровую мѣру—принудительное переселеніе въ Сибирь цѣлыми обществами.

Предполагая, такимъ образомъ, раздѣлаться съ крѣпостнымъ состояніемъ въ 12-лѣтній срокъ, Кошелевъ считалъ необходимымъ принять еще слѣдующія предварительныя мѣры: 1) Воспретить переводъ крестьянъ въ дворовые. 2) Постановить, что всѣ „мѣсячники“ т. е. не имѣющіе земли и получающіе свое содержаніе отъ помѣщика, должны или быть надѣлены землей съ двухлѣтнею льготою отъ работъ на обзаведеніе, или получить безвозмездно свободу съ семействами. 3) Воспретить продажу крестьянъ безъ земли на своз и даже переселеніе ихъ изъ одного имѣнія въ другое. 4) Воспретить со дня изданія указа всякія измѣненія въ существующемъ надѣлѣ до учиненія сдѣлокъ съ крестьянами. 5) Пріостановить залогъ и перезалогъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ „до учиненія сдѣлокъ“, и 6) объявить, что никакія льготы въ уплатѣ процентовъ не будутъ допущены помѣщикамъ, не воспользовавшимся способами, предоставленными отъ правительства къ уничтоженію крѣпостного состоянія въ ихъ имѣніяхъ.

Въ заключеніе онъ доказывалъ необходимость снять съ крѣпостного вопроса то „покрывало таинственности“, которымъ его окутывали тогда, указывая, что „опасность не въ гласности, а въ отсутствіи оной“.

Четвертая записка была посвящена „*мѣрамъ* къ освобожденію дворовыхъ“, въ отношеніи которыхъ Кошелевъ предлагалъ почти то же, что̀ рекомендовалось Самаринымъ и кн. Черкасскимъ. Кн. Черкассій предлагалъ предоставить каждому дворовому, достигшему 35 лѣтъ, получать безвозмездное увольненіе; Кошелевъ же установлялъ такую градацію: безвозмездное увольненіе онъ допускалъ для 40-лѣтнихъ и не достигшихъ 11-ти лѣтняго возраста; за одиннадцатилѣтнихъ мальчиковъ онъ предполагалъ назначить выкупъ 30 рублей, за 12-лѣтнихъ—60 и т. д., прибавляя по 30 рублей за каждый годъ до 20-лѣтняго возраста; за взрослыхъ дворовыхъ въ возрастѣ отъ 20—30 лѣтъ онъ назначалъ выкупъ въ 300 рублей, а затѣмъ съ 30—40 лѣтняго возраста предлагалъ сбавлять по 30 руб. ежегодно. Для женщинъ безплатное увольненіе устанавливалось для достигшихъ 35 лѣтъ и для не достигшихъ 13-лѣтняго возраста; за 13-лѣтнихъ дѣвочекъ предполагалось назначить 10 руб-

лей и затѣмъ прибавлять за каждый годъ по 10 руб. до 18-лѣтняго возраста; а въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ брать по 50 рублей, послѣ чего сбавлять за каждый годъ до 35 лѣтъ по 10 рублей. При отпускѣ калѣкъ, чахоточныхъ и стариковъ старше 60 лѣтъ помѣщики обязывались вносить въ пользу того общества, куда отпускаемый приписывался, по 150 руб., а за женщинъ—въ половинномъ размѣрѣ [1]).

Мы остановились на проектѣ А. И. Кошелева нѣсколько подробнѣе потому, что онъ не былъ до настоящаго времени напечатанъ въ Россіи, а между тѣмъ проектъ этотъ не только является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній *передовой* дворянской мысли 50-хъ годовъ, отчетливо представлявшей себѣ историческій смыслъ переживаемаго момента, но вмѣстѣ даетъ еще рядъ весьма яркихъ и несомнѣнно вѣрныхъ показаній настроенія тогдашнихъ помѣщиковъ вообще. Самъ Кошелевъ сообщаетъ въ своихъ запискихъ, что хотя Черкасскій и Самаринъ признавали его проектъ черезчуръ радикальнымъ и хотя онъ былъ признанъ таковымъ же и въ Главномъ Комитетѣ, однако, вскорѣ онъ былъ значительно превзойденъ другими проектами и „меня,—прибавляетъ Кошелевъ,—чуть-чуть не зачислили въ отсталые“ [2]).

О проектахъ, превзошедшихъ своимъ радикализмомъ кошелевскій, мы будемъ говорить ниже, равно какъ и о тѣхъ произведеніяхъ дворянской мысли, которыя были направлены противъ предпринятой реформы; теперь же напомнимъ въ общихъ чертахъ ходъ правительственныхъ распоряженій и общественнаго движенія по крестьянскому дѣлу отъ московской рѣчи императора Александра до открытія первыхъ губернскихъ комитетовъ.

Рѣчь императора Александра, въ которой онъ сказалъ знаменитыя слова о томъ, что „лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу“, и просилъ предводителей московскаго дворянства „обдумать, какъ привести все это въ исполненіе“ и передать эти слова дворянамъ „для соображенія“ [3]), показалась

---

[1]) Приложеніе V къ „Запискамъ Александра Ивановича Кошелева“, стр. 57—166.

[2]) „Записки“, стр. 93. Какъ бы то ни было, Самаринъ и Черкасскій были впослѣдствіи приглашены къ участію въ трудахъ редакціонныхъ коммисій, а Кошелевъ, хотя проектъ его находился на разсмотрѣніи правительства и произвелъ большое впечатлѣніе на Ростовцева, не удостоился этой чести, несомнѣнно именно потому, что радикальность его плана очень не понравилась въ Главномъ комитетѣ.

[3]) „Записки“ Я. А. Соловьева „Русск. Стар.“ 1881 г., № 2, стр. 228.

многимъ до того неожиданной и необычной, что даже нѣкоторые изъ приближенныхъ къ императору лицъ не сразу повѣрили самому факту ея произнесенія. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской рѣшился спросить государя, правда-ли, что онъ сказалъ эту рѣчь, и только когда получилъ отвѣтъ: „Да, говорилъ точно то и нисколько объ этомъ не жалѣю", рѣшилъ рѣзко перемѣнить свой способъ дѣйствія. По совѣту Левшина составленъ былъ письменный докладъ государю съ испрошеніемъ указаній, слѣдуетъ ли впредь министерству „постоянно стремиться къ главной цѣли освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ и представлять частныя мѣры къ достиженію оной, или ожидать общаго плана", при чемъ, по мнѣнію самого министра, разъ начавъ это дѣло, „нельзя ни останавливаться, ни слишкомъ быстро идти впередъ; надо дѣйствовать осторожно, но постоянно, не внимая возгласамъ какъ пылкихъ любителей новизны, такъ и упорныхъ поклонниковъ старины, а прежде всего надо начертать планъ постепенныхъ дѣйствій правительства въ руководство поставленнымъ отъ него властямъ", на что государь отвѣчалъ резолюціей: „Постепенныя мѣры въ этомъ смыслѣ должны быть предпринимаемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо заняться и *общимъ планомъ*, дабы дѣйствовать систематически и съ должною осторожностью" [1]).

Такимъ образомъ, съ этого момента крестьянское дѣло получаетъ ходъ въ правительственныхъ кругахъ. Главнымъ двигателемъ его на первое время становится министерство внутреннихъ дѣлъ, которымъ управлялъ въ это время хитрый и осторожный царедворецъ Ланской при содѣйствіи благонамѣреннаго и ученаго, но не особенно талантливаго товарища своего А. И. Левшина. Въ рукахъ послѣдняго сосредоточилось на первое время все направленіе дѣла. Онъ принялся за составленіе для государя историческаго обзора о крѣпостномъ состояніи въ Россіи и на него же вскорѣ была возложена трудная и деликатная задача „позондировать" въ Москвѣ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства по случаю съѣзда ихъ на коронацію лѣтомъ 1856 года. По свидѣтельству Левшина, „большая часть предводителей поземельныхъ владѣльцевъ вовсе не была готова двинуться въ новый путь, никогда не обсуждала (?) крѣпостного состоянія съ точки зрѣнія освобожденія и потому при первомъ намекѣ о томъ изъявляла удивленіе, а иногда непритворный страхъ... Только предводители и нѣкоторые дворяне

---

[1]) Записки Левшина, „Русск. Архивъ" за 1885 г., № 8, стр. 480.

западныхъ губерній, а особенно Ковенской, Гродненской и частью Виленской,—пишетъ Левшинъ,—смѣло вступили со мной въ разговоры о томъ, чего всѣ прочіе боялись. Это меня не удивило; я и прежде зналъ, по дѣламъ м-ва вн. дѣлъ, что помѣщики помянутыхъ трехъ губерній, живя въ сосѣдствѣ съ свободными земледѣльцами чужихъ государствъ и нашихъ остзейскихъ губерній, не боятся освобожденія и даже готовы идти навстрѣчу ему...“ [1]).

Это важное и вѣроятно вполнѣ искреннее показаніе нельзя, однако же, принимать безъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Во-первыхъ, очень сомнительно, чтобы между предводителями, съ которыми совѣщался Левшинъ, не нашлось людей, много разъ обсуждавшихъ ранѣе вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Но они боялись съ нимъ говорить откровенно и особенно связывать себя какими либо обѣщаніями, потому что вообще привыкли ожидать отъ правительства дѣйствій самовластныхъ, иногда совершенно неожиданныхъ и для нихъ вовсе невыгодныхъ. Ю. Ѳ. Самаринъ, бывшій въ это время въ Москвѣ, прямо заявилъ въ одной запискѣ, представленной имъ вел. кн. Еленѣ Павловнѣ, что „дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются одинаково народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства...“ [2]).

Во-вторыхъ, самъ А. И. Левшинъ еще не имѣлъ никакого опредѣленнаго плана реформы и очень боялся финансовыхъ операцій: онъ даже въ 1858 г. говорилъ дворянамъ, что не только нельзя разсчитывать на выкупъ угодій и личности крестьянъ при содѣйствіи правительства, но даже и на содѣйствіе его при выкупѣ усадебной осѣдлости; а для большинства дворянъ было главнымъ жизненнымъ вопросомъ, могутъ ли они разсчитывать на гарантіи правительства при выкупѣ крѣпостныхъ отношеній и на полученіе выкупной ссуды... Можно ли удивляться послѣ этого, что они не могли столковаться и что въ отношеніяхъ съ Левшинымъ предпочитали отмалчиваться и отдѣлываться пустыми фразами.

Левшину повезло нѣсколько болѣе лишь въ переговорахъ съ дворянами литовскихъ губерній, которые боялись упустить этотъ случай, потому что имъ грозило введеніе инвентарей, которые представлялись имъ болѣе раззорительными, нежели освобожденіе крестьянъ на удобныхъ для нихъ условіяхъ. Естественно, что ми-

---

[1]) А. И. Левшинъ„ Достопамятныя минуты моей жизни“, „Русск. Архивъ“, 1885 г., № 8, стр. 483.

[2]) Ю. Ѳ. Самаринъ „Сочиненія“, т. II, стр. 137.

нистерство за нихъ и ухватилось. Генералъ-губернатору литовскихъ губерній Назимову поручено было созвать цредводителей дворянства и объявить имъ, чтобы они указали необходимыя улучшенія въ устройствѣ крестьянъ, „не стѣсняясь прежними постановленіями и инструкціями“ [1]). Объ этомъ былъ сдѣланъ государю подробный докладъ 26 октября 1856 и 3 ноября инвентарныя правила литовскихъ губерній, находившіяся на разсмотрѣніи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, были возвращены для пересмотра дворянству черезъ генерала Назимова [2]).

Въ это же время вел. княгиня Елена Павловна обратилась къ государю съ письмомъ, въ которомъ, заявляя о желаніи своемъ устроить бытъ своихъ крестьянъ въ имѣніи Полтавской губерніи Карловка, просила 1) указать общія начала, на которыхъ могутъ помѣщики приступить къ такому преобразованію и 2) дозволить ей войти по этому предмету въ совѣщаніе съ тѣми изъ помѣщиковъ Полтавской губерніи, которые убѣждены въ необходимости заняться освобожденіемъ своихъ крестьянъ [3]).

Въ отвѣтѣ государя великой княгинѣ (писанномъ Левшинымъ) послѣ вступительныхъ фразъ было сказано: „Не могу нынѣ положительно указать общихъ основаній для руководства вашего въ семъ случаѣ. Рѣшеніе этого вопроса подчинено многимъ и различнымъ условіямъ, которыхъ значеніе можетъ быть опредѣлено только опытомъ; и потому, не спѣша начертаніемъ общихъ законоположеній для новаго многомилліоннаго сословія въ государствѣ, я выжидаю, чтобы благомыслящіе владѣльцы населенныхъ имѣній сами высказали, въ какой степени полагаютъ они возможнымъ улучшить участь своихъ крестьянъ на началахъ для обѣихъ сторонъ неотяготительныхъ и человѣколюбивыхъ.

„Въ сихъ видахъ я не только согласенъ, но желаю, чтобы нѣкоторые избранные вами, одушевленные чувствомъ общаго блага помѣщики полтавскіе или смежныхъ губерній сбирались негласнымъ образомъ подъ вашимъ покровительствомъ для обсужденія и составленія проекта тѣхъ правилъ, на которыхъ они желаютъ дать своимъ крестьянамъ свободу и которыя въ свое время будутъ мнѣ представлены на утвержденіе...“ [4]).

---

[1]) Левшинъ, н. с., 486.

[2]) Левшинъ, н. с., стр. 487. Сравн. A. Leroy Beaulieu „Un homme détat russe Nicolas Milutine)“, p. 39.

[3]) Тамъ же.

[4]) Левшинъ, н. с., стр. 489.

*

Тогда же государю были представлены и другіе проекты, въ томъ числѣ вышеупомянутый проектъ Позена, а Левшинъ кончилъ къ этому времени свою историческую записку, которая была поднесена государю 20 декабря 1856 г. при особомъ докладѣ министра. Согласно этому докладу приказано было образовать секретный комитетъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя изъ кн. Орлова, гр. Блудова, кн. Долгорукова, гр. Адлерберга, Ланскаго, Муравьева, Чевкина, Брока, кн. Гагарина, бар. Корфа и Ростовцева при производителѣ дѣлъ государственномъ секретарѣ Бутковѣ.

На предложенный въ первомъ засѣданіи (3 января 1857 г.) членамъ этого комитета государемъ вопросъ, признаютъ ли они своевременнымъ заняться крестьянскимъ дѣломъ, всѣ члены отвѣчали утвердительно.

„Нельзя не выразить удивленія—замѣчаетъ по этому поводу лѣтописецъ этихъ событій Д. П. Хрущовъ—что правительство, приступая къ столь важному дѣлу, нисколько не было къ нему приготовлено и не составило себѣ никакого опредѣленнаго плана дѣйствій“ [1]). Насколько менѣе подготовлено было къ правильному рѣшенію этого вопроса министерство внутреннихъ дѣлъ, нежели многіе понимавшіе дѣло помѣщики, видно изъ доклада, представленнаго Ланскимъ государю 29 декабря 1856 г., въ которомъ министръ, вооружаясь противъ *всякихъ* финансовыхъ операцій, по поводу проекта, представленнаго Позеномъ, утверждалъ, что выкупъ земли для крестьянъ запутаетъ наши финансы и что лучше, чтобы люди пріобрѣтали имущества своими трудами, нежели надѣлять ихъ на счетъ государства (?) безъ всякой ихъ заботы и ввергнуть ихъ тѣмъ въ безпечность, къ которой помѣщичьи крестьяне и безъ того пріучены крѣпостнымъ правомъ...“ [2]).

Замѣчательно, что, подписавъ этотъ докладъ, Ланской спохватился, что государь можетъ его спросить, какой же по его мнѣнію ходъ слѣдуетъ дать дѣлу освобожденія. „Что я буду отвѣчать?—Я уже не имѣю права,—сказалъ онъ Левшину,—теперь сказать, что не готовъ къ отвѣту, хотя краткому“. Тогда Левшинъ, сознавъ справедливость этого замѣчанія, сочинилъ въ одинъ день другой докладъ, который и былъ отправленъ къ государю, вмѣстѣ съ первымъ. Въ этомъ докладѣ, подписанномъ министромъ 30 декабря, онъ рекомен-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“, I, 123.

[2]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“, I, 123. „Достопамятныя минуты моей жизни“ Левшина, „Русск. Архивъ“ за 1885 г., № 8, стр. 496.

довалъ постепенное освобожденіе крестьянъ, которымъ предлагалъ сперва даровать личную свободу и усадебную осѣдлость, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за усадьбы, а можетъ быть и за личность освобождаемыхъ,— „если оно окажется необходимымъ"—и съ предоставленіемъ крестьянамъ въ будущемъ пріобрѣтать земли отъ помѣщиковъ безъ всякаго содѣйствія со стороны правительства. Выработать подробныя правила онъ предлагалъ поручить губернскимъ комитетамъ изъ помѣщиковъ, объявивъ дворянству черезъ предводителей о неизмѣнномъ рѣшеніи государя улучшить бытъ крестьянъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ [1]).

Секретный комитетъ не спѣшилъ дѣйствовать. Онъ началъ сперва знакомиться съ представленными проектами, которыхъ набралось болѣе сотни. Ихъ разсмотрѣніе было возложено на Корфа, Гагарина и Ростовцева, изъ которыхъ Гагаринъ былъ явный крѣпостникъ, а Корфъ и Ростовцевъ начали съ того, что просили уволить ихъ отъ участія въ дѣлахъ комитета, первый подъ предлогомъ, что у него нѣтъ имѣній въ русскихъ губерніяхъ, второй въ виду совершеннаго незнакомства своего съ дѣломъ. Государь просилъ ихъ остаться, и къ іюню они кончили разсмотрѣніе проектовъ и представили каждый по запискѣ съ изложеніемъ мѣръ, которыя они признавали цѣлесообразными и своевременными. Гагаринъ предлагалъ предоставить помѣщикамъ освобождать крестьянъ безъ всякихъ условій съ ними и безъ земли. Ростовцевъ — рядъ палліативныхъ мѣръ и учрежденіе особой канцеляріи по крестьянской части, завѣдывать которою онъ полагалъ, по слухамъ, поручить Позену. Корфъ предложилъ образовать въ каждой губерніи циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ дворянскіе комитеты для обсужденія всего дѣла.

Министръ, разсмотрѣвъ эти записки, указалъ въ отзывѣ отъ 14 іюня 1857 г. на недостаточность мѣръ, предложенныхъ Гагаринымъ и Ростовцевымъ, и, присоединяясь къ мнѣнію Корфа о необходимости учрежденія губернскихъ комитетовъ, предложилъ съ своей стороны уже подробно обоснованный планъ реформы, выработанный Левшинымъ. По этому плану вся земля оставалась попрежнему собственностью помѣщиковъ; но крестьянамъ предполагалось отдѣлить необходимую для нихъ часть земли въ постоянное пользованіе за повинности. Сами крестьяне освобождались безвозмездно; но, чтобы спасти отъ разоренія помѣщиковъ сѣверныхъ промышленныхъ губерній, въ которыхъ земля составляла лишь ничтожную часть цѣнности

[1]) Тамъ же, стр. 497.

имѣній, а цѣнились главнымъ образомъ крѣпостные люди, отпускавшіеся на заработки за оброкъ, Левшинъ придумалъ особую уловку—ту самую, которая впослѣдствіи пользовалась большой популярностью въ дворянскихъ комитетахъ нечерноземныхъ губерній,—онъ предложилъ дать помѣщикамъ промышленныхъ имѣній вознагражденіе за лишеніе права располагать крѣпостнымъ трудомъ въ скрытой формѣ, подъ видомъ возвышенной оцѣнки усадебъ, а чтобы разница въ оцѣнкѣ усадебъ въ этихъ губерніяхъ и въ хлѣбородныхъ чѣмъ нибудь мотивировалась, предполагалось размѣръ усадебъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ довести до minimum'а, оставивъ крестьянамъ лишь постройки,—которыя въ этихъ губерніяхъ по большей части очень плохи и не имѣютъ цѣны,—да самые ничтожные клочки подъ ними. Соотвѣтственно этому установлялись и неодинаковые сроки для выплаты выкупа помѣщикамъ (отъ 10 до 15 лѣтъ).

Реформу предполагалось вводить постепенно, начиная съ западныхъ губерній, въ видѣ опыта, какъ совѣтовалъ въ своей запискѣ Кавелинъ. Губернскіе комитеты для подробной разработки реформы предполагалось тѣмъ не менѣе открыть вездѣ одновременно [1]).

Бѣглаго сравненія достаточно, чтобы убѣдиться, насколько этотъ проектъ, составленный министерствомъ, былъ ниже по своему достоинству тѣхъ проектовъ, составленныхъ представителями мыслящей земской Россіи, которые ходили въ то время по рукамъ и находились въ распоряженіи секретнаго комитета и самого министра внутреннихъ дѣлъ.

Лѣтомъ секретный комитетъ не работалъ, члены его отдыхали въ разныхъ мѣстахъ, а одинъ изъ нихъ—Муравьевъ—объѣзжалъ въ это время различныя губерніи, знакомясь на мѣстахъ съ подчиненными государственными имуществами, съ преднамѣренной цѣлью усилить обложеніе казенныхъ крестьянъ и урѣзать данное имъ при Киселевѣ самоуправленіе. По званію своему управляющаго межевою частью онъ собиралъ во всѣхъ посѣщенныхъ имъ губернскихъ городахъ предводителей дворянства и, бесѣдуя съ ними, вездѣ увѣрялъ, что никакого освобожденія крестьянъ не будетъ [2]). По возвращеніи онъ представилъ въ комитетъ записку, въ которой доказывалъ, что хотя освобожденіе крестьянъ вещь хорошая, но предпринимается совершенно несвоевременно.

---

[1]) „Достопамятныя минуты моей жизни“ А. И. Левшина, „Русскій Архивъ“ за 1885 г., № 8. стр. 501 и слѣд.

[2]) Записки Я. А. Соловьева. „Русск. Старина“ за 1881 г., № 2, стр. 243.

Государь, недовольный медленностью комитета, назначилъ въ составъ его, для его оживленія, великаго князя Константина Николаевича, извѣстнаго своимъ либеральнымъ образомъ мысли. Великій князь, усердно поддерживаемый великой княгиней Еленой Павловной, которая, по своимъ обширнымъ знакомствамъ со всѣми выдающимися людьми тогдашняго общества, могла доставить ему много полезныхъ свѣдѣній, ревностно принялся за дѣло. Но на первыхъ порахъ вліяніе его отчасти парализовалось и сопротивленіемъ князя Орлова, предсѣдательствовавшаго въ комитетѣ въ отсутствіе государя, и его собственною неопытностью. Первый планъ преобразованія, на которомъ онъ было остановился, не можетъ быть признанъ удачнымъ. Предполагалось дать рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ съ выраженіемъ рѣшительной воли государя покончить крестьянское дѣло, при содѣйствіи и участіи дворянства, для чего указать главныя начала, а затѣмъ пригласить предводителей обсудить и развить эти начала въ частныхъ совѣщаніяхъ съ опытнѣйшими помѣщиками въ теченіе извѣстнаго срока. Начала предполагалось указать слѣдующія: 1) опредѣлить отъ изданія новаго положенія 10-лѣтній срокъ, по истеченіи котораго крестьяне будутъ совершенно свободны; 2) въ теченіе этого переходнаго періода надѣлить крестьянъ усадьбою (т. е. огородомъ, коноплянникомъ, выгономъ) въ полную личную собственность съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ помѣщикамъ, принявъ при этомъ уловку, предложенную Левшинымъ для спасенія интересовъ помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній; 3) въ теченіе того же переходнаго періода часть пахотной земли оставить въ пользованіе крестьянъ за повинности съ тѣмъ, чтобы по истеченіи 10-лѣтняго срока *вся* земля возвратилась въ полное распоряженіе помѣщиковъ, съ которыми крестьяне на счетъ пользованія ею могутъ дѣлать какія угодно условія [1]).

Послѣ трехъ бурныхъ засѣданій, секретный комитетъ 18 августа постановилъ: улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ произвести съ должною осторожностью и постепенностью, для чего исполненіе его раздѣлить на три періода: первый періодъ посвятить собранію всѣхъ необходимыхъ данныхъ, безъ которыхъ невозможно составить предположенія на прочныхъ основаніяхъ. Собраніе этихъ данныхъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ черезъ сношеніе съ мѣстными властями и опытными помѣщиками, „*но безъ огласки*“.

¹) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣп. права“, I, стр. 128. „Записки“ Я. А. Соловьева, „Русск. Старина“, 1881 г., II, 224.

Срока на это не назначалось, „дабы не стѣснять министра“. Въ теченіе этого же періода издать указъ о дозволеніи дворянамъ отпускать крестьянъ на волю цѣлыми селеніями на разныхъ условіяхъ, независимо отъ правилъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ, по добровольному съ ними соглашенію съ утвержденія правительства, для чего подготовить проекты условій и представить въ государственный совѣтъ проектъ смягченія нѣкоторыхъ помѣщичьихъ правъ. Во второмъ періодѣ предполагалось составить, на основаніи собранныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ. Третій періодъ названъ окончательнымъ, т. е. въ немъ предполагалось полное сравненіе крестьянъ въ правахъ съ прочими свободными состояніями [1]).

Хотя постановленіе это въ сущности было направлено къ тому, чтобы оттянуть дѣло въ долгій ящикъ, однако государь радъ былъ и ему, какъ первому результату трудовъ секретнаго комитета; по крайней мѣрѣ, онъ привѣтствовалъ его слѣдующей резолюціей: „Исполнить. Что касается до разногласія, то я раздѣляю мнѣніе большинства [2]). Да поможетъ намъ Богъ повести это важное дѣло съ должною осторожностью къ желаемой цѣли. Благодарю гг. членовъ за этотъ первый ихъ трудъ и надѣюсь на ихъ помощь въ будущемъ къ разрѣшенію этого жизненнаго вопроса“ [3]).

Въ исполненіе этого журнала составленъ былъ списокъ вопросовъ въ 14 пунктахъ, который разосланъ былъ членамъ комитета и переданъ также нѣкоторымъ частнымъ лицамъ [4]). Вопросы эти навѣяны были, повидимому, разсмотрѣніемъ частныхъ проектовъ, поступавшихъ въ комитетъ, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ соотвѣтствуетъ тѣмъ предварительнымъ палліативнымъ мѣрамъ, направленнымъ къ смягченію власти помѣщиковъ, которыя заключались въ запискахъ Самарина, Черкасскаго, Кавелина и другихъ.

„Послѣ утвержденія журнала 18 августа,—говоритъ въ своей запискѣ Левшинъ—многіе изъ участниковъ въ составленіи его лас-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпост. состоянія“, I, 133.

[2]) Меньшинство составлялъ одинъ кн. Гагаринъ, который придерживался ранѣе высказаннаго имъ мнѣнія.

[3]) „Матеріалы“. I, 133. Левшинъ, 523.

[4]) Между прочимъ, онъ былъ сообщенъ Самарину (см. Сочиненія его, т. II, стр. 145 и 401) и Кавелину (см. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XV, стр. 464); Черкасскій былъ въ это время за границей; Кошелевъ этихъ вопросовъ, повидимому, не получилъ (Записки, 92—97).

кали себя надеждою, что дѣло уснетъ; но послѣдствія показали, что государь вовсе не одинаково съ ними думалъ, и что дѣлу предстоялъ такой скачекъ (!), такое salto mortale, отъ котораго все государственное управленіе могло пойти вверхъ дномъ" (!) [1]).

Этимъ скачкомъ осторожный Левшинъ считалъ рескриптъ Назимову, данный 20 ноября 1857 года.

Порученіе, данное Назимову въ концѣ 1856 года, не увѣнчалось такимъ успѣхомъ, какъ разсчитывали первоначально. Когда предводители стали совѣщаться съ дворянами, между ними не оказалось единодушія. Желая избѣгнуть инвентарей, дворянство трехъ литовскихъ губерній согласилось на освобожденіе крестьянъ, но *безъ надѣленія ихъ землею*, такъ что крестьяне могли бы попасть въ положеніе гораздо менѣе выгодное, нежели то, какое обезпечивалось имъ инвентарями. Не смотря на это, большинство членовъ комитета склонялось къ тому, чтобы согласиться на предложеніе литовскаго дворянства. Но государь на это не согласился, и, послѣ трехнедѣльныхъ совѣщаній, раздраженный нерѣшительностью комитета, онъ вдругъ приказалъ министерству составить *въ три дня* проектъ рескрипта Назимову съ тѣмъ, чтобы въ основу его были положены начала, изложенныя въ докладѣ 26 іюля 1857 г. Левшинъ, испугавшійся рѣшительности такого шага, сталъ было говорить о невозможности исполнить такое отвѣтственное дѣло въ такой короткій срокъ; но долженъ былъ уступить и исполнить въ точности волю государя. Проектъ рескрипта составленъ былъ по соглашенію между Ланскимъ и Муравьевымъ, и подписанъ государемъ 20 ноября 1857 года.

---

[1]) Записки Левшина, „Русск. Архивъ" 85 г., № 8, стр. 524.

III.

Рескриптъ 20 ноября 1857 года объ открытіи губернскихъ комитетовъ въ литовскихъ губерніяхъ.—Отношеніе Ланскаго къ Назимову отъ 21 ноября.—Рескриптъ петербургскому генералъ-губернатору Игнатьеву.—Напечатаніе и разсылка копій рескриптовъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства.—Нетерпѣніе и безпокойство правительства.—Отзывы губернаторовъ и предводителей о впечатлѣніи, произведенномъ рескриптами.—Причины неблагопріятнаго впечатлѣнія и медленности дворянъ, особенно центральныхъ губерній.—Записка Унковскаго объ основаніяхъ реформы, предложенныхъ въ рескриптахъ.—Его планъ обязательнаго выкупа.—Мнѣніе Самарина, Кошелева и Черкасскаго.—Отношеніе къ рескриптамъ крѣпостниковъ.—Записка Мальцева.—Либерально-аристократическое теченіе среди петербургскаго дворянства.

Рескриптъ 20 ноября 1857 г., сдѣлавшійся отправнымъ пунктомъ крестьянской реформы, гласилъ слѣдующее:

„Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ.

„Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ сими комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ 3-хъ губерній.

„Одобряя вполнѣ намѣренія сихъ представителей дворянства Ковенской, Гродненской и Виленской губерній, какъ соотвѣтствующія моимъ видамъ и желаніямъ, я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи коихъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній. Для сего повелѣваю:

„1) Открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской по одному въ каждой подготовительному

комитету, а потомъ для всѣхъ 3-хъ губерній вмѣстѣ одну общую коммиссію въ г. Вильнѣ.

„2) Каждому губернскому комитету состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранному изъ среды дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи, по непосредственному избранію начальника оной, и

„3) Общей коммиссіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ 3-хъ губернскихъ комитетовъ по ихъ выбору, б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по назначенію вашему, и в) одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ коммиссіи предоставляется вамъ назначать одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству.

„Губернскіе комитеты, по открытію ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

„1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

„2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

„3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ повинностей и земскихъ сборовъ.

„Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ 3-хъ означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

„Комитеты сіи, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую коммиссію. Коммиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по всему дѣлу заключеніе и составить проектъ общаго для всѣхъ 3-хъ губерній положенія, съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

„Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла вообще во ввѣренныхъ вамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, я предоставляю вамъ дать, какъ губернскимъ комитетамъ сихъ трехъ губерній, такъ и общей коммиссіи, нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возложенныхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи сей обязанности. Составленный общею коммиссіею проектъ вы имѣете съ своимъ мнѣніемъ препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

„Открывая такимъ образомъ дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ Мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, Мною оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участію въ семъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

„Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ“ [1]).

На другой день по подписаніи этого рескрипта, который былъ тотчасъ же врученъ генералъ-губернатору, находившемуся тогда въ Петербургѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ нему: по высочайшему повелѣнію, съ особымъ „секретнымъ“ отношеніемъ (отъ 21 ноября 1857 г. за № 36), которое распадалось на двѣ части, неодинаковыя по своему юридическому значенію. Въ первой части объявлялись дополнительныя *высочайшія повелѣнія,* слѣдовательно, безусловно обязательныя для

---

[1]) „Сборникъ постановленій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ“ вып. I, стр. 1—5, Спб., 1858 г.

комитетовъ; о порядкѣ избранія членовъ и кандидатовъ къ нимъ, объ утвержденіи ихъ мѣстнымъ главнымъ начальствомъ, о предоставленіи дворянству назначать имъ изъ своихъ суммъ содержаніе, о правѣ начальниковъ губерній требовать сообщенія имъ журналовъ комитетовъ для ознакомленія съ ними и наблюденія за дѣятельностью комитетовъ, о правѣ генералъ-губернатора предлагать свои замѣчанія общей коммиссіи на обсужденіе и о порядкѣ представленія въ министерство о несогласіи своемъ на ея постановленія. Въ пунктѣ 7 губернскимъ комитетамъ назначался шестимѣсячный срокъ для окончанія ихъ занятій; такой же срокъ назначался и общей коммиссіи. Въ пунктѣ 8 было сказано: „Если который либо изъ губернскихъ комитетовъ или общая коммиссія уклонятся отъ своего назначенія и войдутъ въ разсмотрѣніе предметовъ, не подлежащихъ ихъ сужденію, то предоставляется вашему превосходительству немедленно закрыть ихъ и о такомъ случаѣ сообщить мнѣ, для доклада Его Императорскому Величеству“. Во второй части министръ сообщалъ, по порученію государя, свои собственныя соображенія, „могущія,—какъ онъ выразился—служить *пособіемъ* губернскимъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ“. Эти соображенія министра, по своему содержанію, имѣли, однако же, большое значеніе для направленія работы губернскихъ комитетовъ. Во-первыхъ, въ нихъ указывалось губернскимъ комитетамъ, что уничтоженіе крѣпостного права должно быть совершено не вдругъ, а *постепенно*, и впервые установлялось понятіе о переходномъ состояніи, получившемъ впослѣдствіи наименованіе срочно-обязаннаго, при чемъ комитетамъ предложено было назначить для него опредѣленный срокъ,—„не свыше 12 лѣтъ“. Затѣмъ опредѣлялся составъ крестьянской усадьбы (при чемъ упущены были изъ виду выгонъ и коноплянники) и установлялось, что „права свободнаго состоянія и право собственности на эту осѣдлость пріобрѣтаются крестьянами не иначе, какъ по взносѣ ими, въ продолженіе переходного срока, выкупа, сумма коего не должна превышать цѣнности пріобрѣтаемой ими въ собственность усадьбы“ (ст. II, п. 2). Впослѣдствіи въ отношеніи къ петербургскому генералъ-губернатору было добавлено (въ соотвѣтствіи съ уловкой, придуманной Левшинымъ, чтобы избѣжать выкупа личности и въ то же время не разорить помѣщиковъ), что размѣръ выкупа за усадьбы „опредѣляется оцѣнкою не одной усадебной земли и строеній, но и *промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ*“. Помѣщики, какъ мы увидимъ, хорошо поняли смыслъ этого пункта и повсемѣстно очень умѣло

имъ воспользовались. Впрочемъ, впослѣдствіи (циркуляромъ 17 февраля 1858 г.) было пояснено, что выкупъ усадебъ можетъ быть разсроченъ и за предѣлы переходнаго періода, при чемъ на крестьянахъ должны оставаться одни лишь долговыя обязательства, нисколько не ограничивающія ихъ личныхъ правъ. Въ отношеніи остальной земли, отведенной крестьянамъ за повинности для устройства ихъ быта, установлялось, что *„земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ“...* (ст. 2 п. 5), количество же ея предоставлялось опредѣлить самимъ комитетамъ „по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ“ (п. 6). Въ отношеніи Ланскаго къ Назимову указывалось, что при неисправности крестьянъ участки отдѣльныхъ домохозяевъ могутъ быть отбираемы помѣщиками (п. 11), но въ отношеніи къ петербургскому генералъ-губернатору (отъ 5 декабря 1857 г. № 41) указаны уже другія мѣры обезпеченія исправнаго выполненія повинностей (ст. II, п. 12 отнош. 5 декабря 1857, № 41). Относительно способовъ пользованія отведенною землею сказано было, что тамъ, гдѣ существуетъ общинное владѣніе, оно и должно быть оставлено, тамъ же, гдѣ существуетъ подворное, оно и должно оставаться, съ тѣмъ, чтобы въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ фермы съ хозяевами и батраками, приняты были мѣры къ обезпеченію осѣдлости батраковъ и опредѣленію ихъ отношеній къ хозяевамъ. Тутъ выразилось, очевидно, желаніе избѣжать тѣхъ затрудненій, которыя возникли при освобожденіи крестьянъ въ Лифляндіи. Забота объ обезпеченіи батраковъ сказалась, впрочемъ, лишь въ отношеніи къ виленскому генералъ-губернатору; въ отношеніи же къ петербургскому соотвѣтствующаго пункта нѣтъ вовсе. Далѣе указывалась необходимость точно опредѣлить размѣръ оброка и натуральныхъ повинностей и составить урочное положеніе. Въ ст. III повторено было, что „вотчинная полиція оставляется помѣщику“, что мірскія общества и крестьянскіе суды должны дѣйствовать подъ его наблюденіемъ и съ его *утвержденія*. Для приведенія реформы въ исполненіе рекомендовалось образовать крестьянскія учрежденія по образцу Остзейскихъ (ст. IV). Впрочемъ, въ отношеніи къ петербургскому генералъ-губернатору ссылка на остзейскія учрежденія была уничтожена (ст. IV отнош. отъ 5 дек. 1857 г. № 41). Затѣмъ указаны были послѣдствія введенія новаго положенія касательно правъ крестьянъ и отношенія къ нимъ помѣщиковъ, при чемъ разъяснялось, что въ теченіе переходнаго періода выходъ крестьянина изъ

имѣнія можетъ послѣдовать лишь съ разрѣшенія помѣщика; тутъ же указывалось, что обращеніе крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ прекратить, и рекомендовалось принять мѣры къ обращенію дворовыхъ или въ крестьяне, съ надѣленіемъ ихъ землей, или въ свободное состояніе „съ согласія помѣщиковъ". Во все время переходнаго состоянія предполагалось предоставить помѣщикамъ „право сдавать нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, по соглашенію съ обществомъ, въ рекруты, или отдавать въ распоряженіе правительства, для переселенія въ другія губерніи" (т. е. въ Сибирь), впрочемъ, „не иначе, какъ съ утвержденія тѣхъ присутствій, кои будутъ по уѣздамъ образованы на основаніи новаго положенія" (ст. V, п. 3). Возлагалась на комитеты обязанность составить новыя правила отбыванія рекрутской повинности, при чемъ разъяснялось, что „поставка рекрутъ должна быть предоставлена самимъ обществамъ, съ утвержденія помѣщика"; поручалось также разсмотрѣть „способы обезпеченія народнаго продовольствія и исправнаго поступленія податей". „Для сего, можетъ быть,—писалъ министръ— было бы полезно лучшее устройство мірскихъ магазиновъ и учрежденіе общественныхъ запашекъ и мірскихъ капиталовъ". Наконецъ, рекомендовалось обратить также вниманіе на „мѣры", необходимыя для распространенія между крестьянами грамотности и полезныхъ ремеслъ, для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ, для пособія больнымъ и т. п." (ст. VI, п. 3) [1]).

Въ министерствѣ, между тѣмъ, вспомнили, что среди толковъ и слуховъ о предстоящей реформѣ, еще въ началѣ 1857 года дворянство Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ Петербургской губерніи вновь возбудило ходатайство объ открытіи у нихъ комитетовъ для примѣненія въ Петербургской губерніи инвентарныхъ правилъ. Ходатайство это было поддержано и дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ всей Петербургской губерніи [2]). Послѣ рескрипта Назимову рѣшили воспользоваться и этимъ ходатайствомъ такъ же, какъ и представленіемъ литовскихъ дворянъ. Съ этой цѣлью былъ составленъ рескриптъ петербургскому генералъ-губернатору, по образцу рескрипта 20 ноября. Рескриптъ этотъ подписанъ государемъ 5 декабря 1857 г. Такъ какъ петербургское дворянство не упоминало въ своемъ заявленіи объ освобожденіи крестьянъ, то и въ рескриптѣ это выраженіе было замѣнено словами: *„улучшеніе и*

[1]) Сборникъ постановленій по устр. быта помѣщичьихъ крестьянъ, вып. I, стр. 28 и слѣд.

[2]) Записки Я. А. Соловьева. „Русск. Старина" 1881 г. № 2, стр. 245 Сборникъ постановленій, стр. 4 и 34.

прочное устройство быта ихъ крестьянъ"; но содержаніе рескрипта было совершенно такое же, какъ и рескрипта 20 ноября. Рескриптъ этотъ сопровождался такимъ же отношеніемъ министра, какое получилъ и Назимовъ, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, отмѣченными выше. Но еще ранѣе, а именно 24 ноября 1857 г. (за № 37 и 38) министръ сообщилъ, съ разрѣшенія государя, губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства всѣхъ губерній копіи рескрипта 20 ноября и отношенія своего къ виленскому генералъ-губернатору „Для свѣдѣнія и соображенія *на случай, если бы дворянство этихъ губерній изъявило подобное же желаніе*" [1]). 8-го декабря были такимъ же порядкомъ разосланы копіи съ рескрипта и отношенія къ петербургскому генералъ-губернатору.

Не получая немедленно представленій и ходатайствъ отъ дворянства прочихъ губерній, правительство выражало явное нетерпѣніе. Отъ 10 декабря, т. е. всего черезъ 16 дней послѣ разсылки копій съ перваго рескрипта, Ланской запрашивалъ уже конфиденціально губернаторовъ и губернскихъ предводителей, *какое впечатлѣніе произвели рескрипты въ разныхъ губерніяхъ*, и просилъ сообщить ему это „самымъ откровеннымъ образомъ", „частными письмами", „въ собственныя руки" [2]).

Въ запискахъ Я. А.Соловьева приведены любопытные отвѣты губернаторовъ и губернскихъ предводителей [3]). Общій тонъ ихъ былъ мало утѣшителенъ. „Полнаго безусловнаго сочувствія и желанія приступить къ освобожденію крестьянъ, *на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ*, не обнаружилось ни въ одной губерніи. Отовсюду поступали отзывы о затрудненіяхъ, препятствіяхъ и даже совершенной непримѣнимости опубликованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта". Особенно непріятны были отзывы, напол-

---

[1]) Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ кн. Орловъ, узнавъ о разрѣшеніи Государя разослать копіи рескрипта и сообразивъ, что, разъ этотъ рескриптъ будетъ оглашенъ, то повернуть дѣло назадъ, какъ еще надѣялись придворные крѣпостники, будетъ уже невозможно, отправился во дворецъ и убѣдилъ Государя взять назадъ данное имъ разрѣшеніе, въ виду тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, какія отъ него могли быть, по мнѣнію кн. Орлова. Но Ланской, предвидя возможность такого оборота дѣла (по совѣту Милютина, какъ утверждаетъ Leroy-Beaulieu), отпечаталъ эти копіи въ одну ночь и немедля отправилъ ихъ во всѣ концы Россіи съ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги, такъ что, когда пришло распоряженіе повременить, онъ могъ отвѣтить, что уже дѣло сдѣлано (Срав. „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостн. состоянія", I, стр. 156. Leroy-Beaulieu „Un homme d'etat russe", стр. 15).

[2]) Конф. цирк. письма м-ра вн. дѣлъ губернаторамъ и губерн. предводителямъ отъ 10 декабря 1857 г. („Сборникъ". стр. 58).

[3]) „Русская Старина" за 1881 г., IV, стр. 738 и свѣд.

ненные зловѣщими страхами, приходившіе отъ губернаторовъ и предводителей центральныхъ губерній. *Московскій* предводитель дворянства выражалъ всякія опасенія. *Калужскій* сообщалъ, что, хотя всѣ мыслящіе владѣльцы понимаютъ необходимость освобожденія, но опасаются за будущее. *Тульскій* спрашивалъ, нельзя-ли измѣнить опубликованныя начала, въ виду ихъ непримѣнимости. *Рязанскій* писалъ о царящемъ въ средѣ помѣщиковъ страхѣ волненій крестьянъ, о недостаткѣ войскъ въ губерніи, и что отпускные солдаты станутъ во главѣ безпорядковъ [1]), а также о неудобствѣ безсрочнаго владѣнія землей, о различіи цѣнъ на землю, объ огромномъ числѣ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ Рязанской губерніи (до 1700), для которыхъ реформа будетъ особенно разорительна. *Тамбовскій* выражалъ опасенія за ненарушимость правъ дворянъ, заявляя о неподготовленности реформы, о долгахъ помѣщиковъ, о черезполосности владѣній и проч. Онъ прибавлялъ, что дворяне „благодарны за довѣріе“, но желаютъ обождать, чтобы „воспользоваться уроками опытности“. *Воронежскій* (кн. Гагаринъ) писалъ о тревожныхъ слухахъ среди крѣпостныхъ, о святости правъ дворянъ и о неисполнимости рескрипта. *Владимирскій* сообщалъ, что впечатлѣніе грустное, хотя многіе сознаютъ необходимость реформы. *Орловскій* (Апраксинъ) писалъ, что вошелъ въ сношеніе съ сосѣдними предводителями и что самъ онъ считаетъ „священной обязанностью склонять всякаго дворянина къ содѣйствію видамъ правительства, *если не по убѣжденію, то по чувству личнаго самосохраненія*“. *Харьковскій* увѣдомлялъ, что дворяне прямо выражали намѣреніе не стѣсняться преподанными началами, *Екатеринославскій* увѣрялъ, что мѣстные дворяне въ другихъ условіяхъ, нежели литовскіе, и желаютъ медленнаго измѣненія крѣпостныхъ отношеній. *Черниговскій* и *Полтавскій* предводители сообщали о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ отъ черезполосности и дробности владѣній, но писали, что дворяне понимаютъ необходимость реформы. *Оренбургскій* генералъ-губернаторъ увѣдомлялъ, что *Самарская* и *Оренбургская* губерніи должны быть поставлены на послѣднюю очередь.

Въ совершенно иномъ тонѣ, но тоже не вполнѣ пріятномъ министерству, далъ отвѣтъ *Тверской* предводитель дворянства А. М. Унковскій. „Хотя—сообщалъ онъ—нельзя еще съ точностью опредѣлить впечатлѣніе, которое могутъ произвести циркуляры на всю

[1]) Противъ этого мѣста Государь написалъ собственноручно: „Надѣюсь, этого не будетъ“.

массу дворянства, но почти можно ручаться, что помѣщики вполнѣ поймутъ необходимость упраздненія крѣпостного права. Между тѣмъ, не могу не упомянуть о томъ обстоятельствѣ, что, при чтеніи циркуляровъ вашего высокопревосходительства и копій съ Высочайшихъ рескриптовъ... замѣчаютъ, что основанія, въ нихъ изложенныя, совершенно непримѣнимы въ быту великорусскихъ крестьянъ, не знающихъ никогда середины между крѣпостнымъ трудомъ и свободнымъ, и находятъ возможнымъ одинъ только способъ освобожденія крестьянъ,—посредствомъ выкупа ихъ съ нѣкоторой частью земли". Это—замѣчаетъ тутъ же Я. А. Соловьевъ—далеко не было одиночное мнѣніе нѣкоторыхъ дворянъ Тверской губерніи: во всѣхъ концахъ Россіи были такіе люди...

Болѣе утѣшительныя свѣдѣнія поступали въ министерство изъ западныхъ губерній: Назимовъ свидѣтельствовалъ о чувствѣ глубокой признательности дворянъ къ государю. *Динабургское* дворянство Витебской губерніи всеподданнѣйше ходатайствовало о разрѣшеніи ему немедленно приступить къ устройству быта крестьянъ. *Минскій* губернаторъ писалъ, что впечатлѣніе дворянъ выразилось „великой радостью и искреннѣйшей благодарностью". *Кіевскій* сообщалъ, что дворяне сочувствуютъ, хотя и опасаются недоразумѣній. *Виленскій* заявлялъ о пользѣ совершенной гласности въ этомъ дѣлѣ. *Подольскій* губернаторъ писалъ, что „по принятіи важнаго сего предмета къ исполненію, дворянство Подольской губерніи навѣрно выразитъ свое желаніе устроить бытъ крестьянъ, подобно желанію дворянства губерній Ковенской, Виленской и Гродненской". Соловьевъ указываетъ на неискренность этихъ отзывовъ. По его мнѣнію, дворяне западныхъ губерній просто желали показать себя либеральными передъ Европой и усыпить русское правительство. Къ этому мнѣнію слѣдуетъ отнестись съ нѣкоторой осторожностью. Хотя тонъ заявленій, дѣйствительно, мало свидѣтельствуетъ объ искренности чувствъ, но тутъ не въ искренности и дѣло. Изъ изложенныхъ выше данныхъ о положеніи дѣлъ въ западномъ краѣ мы уже знаемъ, насколько *интересы* самихъ помѣщиковъ здѣсь требовали скорѣйшей ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній [1]).

Приведя отзывы губернаторовъ и предводителей дворянства, Со-

---

[1]) Не слѣдуетъ упускать также изъ вида, при оцѣнкѣ мнѣнія Соловьева, написаннаго имъ въ 70-хъ годахъ, что онъ не можетъ быть признанъ безпристрастнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ. Ему пришлось впослѣдствіи вести долгую и упорную борьбу съ поляками въ Царствѣ Польскомъ, изъ которой онъ вынесъ навсегда непріязненныя чувства къ польскому дворянству.

ловьевъ пытается опредѣлить и причины, которыми обусловливалось неблагопріятное впечатлѣніе на большинство дворянъ рескрипта 20 ноября. Прежде всего онъ ссылается на темноту дворянской массы, поглощавшей отдѣльныя личности, и на обаятельность комфорта крѣпостного права, пользованіе которымъ давалось безъ труда. При этомъ онъ признаетъ, что упраздненіе крѣпостного права для многихъ дѣйствительно должно было сопровождаться роковыми послѣдствіями. При общемъ безденежьи и задолженности, многіе помѣщики вели жизнь сверхъ состоянія, именно благодаря существованію крѣпостного права и основаннаго на немъ своеобразнаго хозяйственнаго строя. „Эти финансовыя затрудненія,—говоритъ Соловьевъ,—если они не доходили до крайности, не могли особенно тревожить при крѣпостномъ состояніи, которое доставляло возможность значительную часть потребностей удовлетворять не за деньги, а даромъ“ [1]). Съ паденіемъ крѣпостного права всѣ такіе помѣщики неминуемо должны были разориться.

Почти такія же причины медленности, съ какой дворянство отзывалось на царскій призывъ, указываетъ и другой правительственный дѣятель того времени, А. И. Левшинъ. Онъ указываетъ: 1) на отсутствіе гласности и невозможность вслѣдствіе этого дворянамъ заблаговременно просвѣтиться и понять истинное положеніе дѣлъ; 2) на предвидѣніе уменьшенія доходовъ и 3) неизвѣстность будущаго, при увѣренности, что всѣ прежнія привычки и вся старая обстановка помѣщичьяго быта должны разрушиться“ [2]).

Относительно болѣе интеллигентнаго слоя провинціальнаго дворянства Соловьевъ замѣчаетъ, что интеллигентные дворянскіе кружки, существовавшіе въ каждой губерніи, были противъ крѣпостного права, *но они желали полнаго освобожденія, а потому также не одобряли началъ, принятыхъ правительствомъ* [3]).

Нельзя сказать, чтобы указанныя Соловьевымъ и Левшинымъ причины дворянскаго несочувствія рескриптамъ не существовали въ дѣйствительности, но онѣ, во всякомъ случаѣ, объясняютъ дѣло далеко не полно. Выше мы уже говорили, съ какими оговорками и ограниченіями слѣдуетъ принимать огульныя обвиненія дворянской массы въ темнотѣ, и считаемъ не лишнимъ напомнить и здѣсь, что въ числѣ крѣпостниковъ, удерживавшихъ, напр., дворянство Москов-

---

[1]) Записки Соловьева. „Русск. Стар.“, 1881 г., IV, стр. 744.
[2]) Левшинъ „Достопамятныя минуты въ моей жизни“, „Русск. Архивъ“, 1885 г. № 8, стр. 538.
[3]) Записки Соловьева, „Русск. Стар.“ за 1881 г., № IV, стр. 745.

*

ской губернiи отъ слишкомъ поспѣшныхъ и благопрiятныхъ правительству заявленiй, были и весьма образованные люди, какъ, напр., князь А. С. Меньшиковъ, Соловьевъ и Левшинъ; упускаютъ изъ вида, что многiе дворяне относились отрицательно *не къ освобожденiю крестьянъ вообще, а къ тому направленiю дѣла, которое давалось рескриптомъ 20 ноября.* Соловьевъ указываетъ, что передовые дворянскiе кружки желали полнаго освобожденiя и потому не сочувствовали правительству. Но и это указанiе далеко не точно. Выходитъ такъ, будто эти кружки потому не сочувствовали правительству, что оно не удовлетворяло вполнѣ ихъ филантропическимъ стремленiямъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ содержанiе рескрипта не удовлетворяло вовсе не однихъ филантроповъ, но и всѣхъ разумныхъ помѣщиковъ, исходившихъ изъ зрѣло обдуманныхъ и ясно сознанныхъ собственныхъ интересовъ. Въ этомъ отношенiи чрезвычайно знаменателенъ фактъ, что, напр., дворянство Калужской губернiи, которое отозвалось на рескриптъ послѣднее и заслужило тѣмъ репутацiю отсталаго и одного изъ наиболѣе крѣпостническихъ, требовало довольно единодушно полнаго и немедленнаго освобожденiя и обязательнаго выкупа при содѣйствiи правительства. Прочитавъ журналы калужскаго губернскаго комитета [1]), неизбѣжно приходишь къ выводу, что дворянство этой губернiи, несмотря на то, что оно отозвалось на царскiй рескриптъ послѣднимъ, никакъ не можетъ быть названо отсталымъ; въ то же время несомнѣнно, что калужскiе помѣщики, требуя немедленнаго и полнаго освобожденiя крестьянъ путемъ обязательнаго выкупа надѣловъ, исходили вовсе не изъ филантропическихъ, а изъ чисто-хозяйственныхъ соображенiй. Совершенно такой же смыслъ имѣетъ всеподданнѣйшiй адресъ смоленскаго дворянскаго комитета, съ которымъ мы познакомимся ниже. Но особенно послѣдовательно и ясно изложена критика содержанiя рескрипта 20 ноября въ запискѣ, представленной государю А. М. Унковскимъ въ концѣ декабря 1857 г. Записка эта была составлена тогда же имъ и А. А. Головачевымъ. Конечно, и Унковскiй, и Головачевъ были искреннiе и послѣдовательные либералы, но знаменателенъ фактъ, что записка Унковскаго имѣла успѣхъ вовсе не въ однихъ либеральныхъ кружкахъ,— которые тогда не были особенно многочисленны и многолюдны,— а въ широкихъ помѣщичьихъ кругахъ разныхъ губернiй *нечерноземной* промышленной полосы. Замѣчательно, что Унков-

---

[1]) Я пользовался экземпляромъ, находящимся въ домашнемъ архивѣ В. А. Арцимовича.

скому, *единственному* изъ либераловъ того времени, удалось образовать въ дворянскомъ комитетѣ въ пользу своихъ либеральныхъ предположеній сплоченное и солидарное большинство. Эти факты отнюдь не случайны, и объясняются они тѣмъ, что Унковскій въ своихъ предположеніяхъ опирался не на филантропическіе и гуманитарные принципы, а на правильно понятые и освѣщенные выгоды и интересы самихъ помѣщиковъ, которые въ нечерноземной полосѣ согласовались на этотъ разъ съ наиболѣе радикальными способами рѣшенія крестьянскаго вопроса. Знаменателенъ также и адресъ, поднесенный Унковскому дворянами Новоторжскаго уѣзда за подписью 50 лицъ. Правда, дворянами Новоторжскаго уѣзда предводительствовалъ тогда извѣстный либералъ Н. А. Бакунинъ; но важно въ этомъ случаѣ *содержаніе* адреса; важно то, что Унковскій восхваляется въ немъ, не какъ провозвѣстникъ великихъ либеральныхъ принциповъ, а какъ человѣкъ, сумѣвшій въ проектѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ соблюсти права и интересы дворянскаго сословія [1]).

А. М. Унковскій принадлежалъ къ среднему провинціальному дворянству [2]); онъ не имѣлъ состоянія и попалъ въ губернскіе предводители довольно неожиданно въ февралѣ 1857 года. Получивъ утвержденіе, Унковскій въ апрѣлѣ поѣхалъ въ Петербургъ и представился государю. Государь принялъ его въ кабинетѣ и заговорилъ съ нимъ о предположеніяхъ правительства по крестьянскому дѣлу. Унковскій смѣло отвѣчалъ, что, стоитъ только правительству указать основанія реформы, „дворянство съ горячею готовностью приметъ ихъ къ сердцу“ [3]). Это было въ апрѣлѣ 1857 года. Вернувшись домой, Унковскій дѣятельно сталъ готовиться къ предстоящей реформѣ и пытался склонить дворянство къ немедленнымъ частичнымъ уступкамъ и облегченіямъ крѣпостного гнета, но въ этомъ онъ не имѣлъ

---

[1]) Мы прочли проектъ Вашего Превосходительства объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ,—писали новоторжскіе дворяне,—и вполнѣ убѣдились, что образованный представитель нашъ нашелъ возможность, *съ сохраненіемъ правъ нашихъ*, улучшить совершенно и бытъ цѣлаго сословія; теперь съ нашей стороны остается только желать, чтобы милостивое воззрѣніе нашего Монарха осуществилось; тогда и позднее наше потомство будетъ съ уваженіемъ произносить имя А. М. Унковскаго, а мы, принося вамъ искреннюю задушевную благодарность за трудъ, достойный Васъ, гордимся быть Вашими современниками и видѣть въ представителѣ нашего сословія человѣка, вполнѣ понимающаго свое высокое значеніе, *какъ защитника не только правъ нашихъ, но и собственности*“. Адресъ этотъ приведенъ въ книгѣ Г. А. Джаншіева „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“, М. 1894 г. стр. 76.

[2]) См. книгу Г. А. Джаншіева „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. М. 1894 г.

[3]) Тамъ же, стр. 38.

успѣха,—явный знакъ, что тверское дворянство не было расположено къ простымъ гуманнымъ мѣрамъ, когда эти мѣры противорѣчили интересамъ дворянства. Когда рескриптъ 20 ноября былъ опубликованъ, то Унковскій сразу увидѣлъ слабыя его стороны и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, немедленно засѣлъ съ Головачевымъ за составленіе записки, которая имѣла цѣлью разъяснить правительству непримѣнимость объявленныхъ имъ началъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ и указать такіе принципы реформы, которые, давая крестьянамъ дѣйствительное, а не фиктивное освобожденіе и улучшеніе быта, въ то же время не разоряли бы и помѣщиковъ. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ А. М. Унковскаго, которыми пользовался Джаншіевъ, записка эта сохранилась не въ полномъ видѣ: не хватаетъ начала... Тѣмъ не менѣе, сохранился конецъ первой части, гдѣ авторъ перечисляетъ по пунктамъ выясненные имъ недостатки рескрипта, и вся вторая часть, въ которой онъ развиваетъ желательный, по его мнѣнію, планъ реформы.

Въ критической части своей записки Унковскій указалъ, что въ рескриптѣ проектируется нарушеніе вѣками установившихся патріархальныхъ началъ и замѣна ихъ феодальнымъ строемъ, вовсе не примѣнимымъ къ условіямъ русской жизни. Онъ утверждалъ, что въ дѣйствительности между свободой и рабствомъ нѣтъ середины и что, съ сохраненіемъ за помѣщиками вотчинныхъ правъ на отведенную крестьянамъ землю и вотчинной полицейской власти, крестьяне будутъ свободны только по имени, а не на дѣлѣ. Въ то же время помѣщики, лишившись полноты власти, даваемой крѣпостнымъ правомъ, не будутъ въ состояніи заставлять крестьянъ, объявленныхъ лично свободными, выполнять принудительный и, слѣдовательно, ненавистный для нихъ трудъ на господскихъ поляхъ за отведенныя имъ земли. Отсюда долженъ будетъ,—по мнѣнію Унковскаго,—проистекать обостренный антагонизмъ между двумя сословіями, постоянныя тяжбы, всеобщій безпорядокъ, разстройство хозяйствъ и уничтоженіе осѣдлаго быта. „Административная и полицейская власть въ селеніяхъ, раздѣленная между помѣщиками по настоящему составу ихъ вотчинъ, не представитъ, — писалъ далѣе Унковскій, — никакой возможности централизаціи сельскаго управленія, безъ которой невозможенъ разумный порядокъ вещей. Имѣнія отъ одной души до нѣсколькихъ тысячъ душъ, весьма часто разбросанныя по нѣсколькимъ уѣздамъ и даже губерніямъ, не имѣющимъ между собою ничего общаго, будутъ имѣть въ помѣщикѣ одного полиціймейстера и, находясь случайно между со-

сѣдними селеніями прочихъ вѣдомствъ, имѣющихъ съ ними одни и тѣ же интересы и совсѣмъ иное управленіе, представятъ хаотическій безпорядокъ, при которомъ не можетъ существовать никакой власти и никакого порядка“.

Наконецъ, — указывалось въ запискѣ, — „исправное поступленіе податей, при отсутствіи собственной земли у крестьянина и правъ свободнаго распоряженія собственностью у помѣщика, — не можетъ быть ничѣмъ обезпечено“.

Помѣщичья власть, такимъ образомъ, не уничтожится, а лишится только патріархальной стороны, составляющей единственное ея оправданіе, и раздѣлится между землевладѣльцемъ, не попечительнымъ уже хозяиномъ своего имѣнія, а вѣчнымъ и равнодушнымъ кредиторомъ своихъ крестьянъ, поселенныхъ среди его земли, и чиновниками, наѣзжающими почти ежедневно для разбирательства запутанныхъ отношеній владѣльцевъ и крестьянъ и продающихъ правосудіе въ пользу богатыхъ. „Отъ такой жизни,—замѣчаетъ авторъ, — откажется всякій помѣщичій крестьянинъ, и мы даже думаемъ, что дарованіе подобной свободы весьма опасно. Объявить народъ свободнымъ, оставить его почти въ той же неволѣ и не улучшая его быта, по нашему мнѣнію, хуже, нежели оставить его въ крѣпостной зависимости. Это объявленіе свободы безъ дарованія ея въ дѣйствительности уничтожитъ въ народѣ довѣріе къ правительству, отниметъ у него послѣднюю надежду на улучшеніе его быта и, вслѣдствіе этого отчаянія, можетъ вызвать всѣ дикія явленія пугачевщины“...

Вотъ перспективы, какія рисовались Унковскому въ случаѣ буквальнаго выполненія комитетами программы, преподанной имъ правительствомъ. И надо отдать ему справедливость, выражался онъ достаточно вѣско и убѣдительно, чтобы записка его не могла остаться безъ результата.

Положительная часть записки, въ которой онъ предлагалъ свой планъ реформы, написана не менѣе убѣдительно. Здѣсь онъ прежде всего выставлялъ на видъ исторически сложившуюся крѣпость и привязанность крестьянъ къ землѣ. „Весьма естественно,—писалъ Унковскій,—что подобная крѣпость землѣ въ продолженіе двухсотъ лѣтъ привела крестьянъ къ *полному сознанію своего права владѣнія*, и никакія внушенія правительства и постановленія губернскихъ комитетовъ не въ состояніи поколебать этого вѣрованія“...

Разсуждая далѣе, Унковскій полагалъ, что освобожденіе крестьянина не иначе можетъ быть согласовано съ обезпеченіемъ по-

ступленія государственныхъ налоговъ и собственности помѣщика, какъ только двумя способами: „личнымъ освобожденіемъ безъ всякаго надѣла землею, съ правомъ свободнаго переселенія; или совершеннымъ отдѣленіемъ крестьянъ отъ ихъ владѣльцевъ, *при надѣлѣ* ихъ необходимо нужнымъ количествомъ усадебной, пахатной, луговой и выгонной земли и съ вознагражденіемъ за это помѣщиковъ“.

Первый способъ, въ виду вышеприведенныхъ, исторически сложившихся условій, онъ оставляетъ безъ всякаго разсмотрѣнія и говоритъ, что второй есть „единственное вѣрное средство *освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ, не постепенно а разомъ*, единовременно и повсемѣстно, не нарушивъ ничьихъ интересовъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи“... „Справедливость требуетъ, —прибавляетъ онъ тутъ же, - чтобы, при такомъ освобожденіи крестьянъ, помѣщики были вознаграждены, какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣнія, *такъ и за самихъ освобождаемыхъ крестьянъ*“.

Это представляется Унковскому необходимымъ потому, что „лица, имѣющія *по закону* право владѣть людьми, надѣясь на силу законовъ, до сего времени не опасались употреблять капиталы на покупку людей, какъ имущества, котораго обладаніе дозволено и ограждено законами. Признать это имущество незаконнымъ и изъять безъ всякаго вознагражденія несправедливо потому, что лица, владѣющія крѣпостными людьми въ данную минуту, не могутъ отвѣчать за прочность государственныхъ вѣковыхъ учрежденій, и потому, что законы не могутъ имѣть обратной силы“.

Унковскій признаетъ, однако, что освобождаемые крестьяне отнюдь не должны платить за свое освобожденіе. „Законы общечеловѣческой справедливости не допускаютъ брать съ обиженнаго вознагражденія за нанесенную ему обиду“... „Возстановленіе нарушенныхъ правъ должно лежать на обязанности нарушителей“.. Нарушителемъ же въ данномъ случаѣ является сама государственная власть, которая дѣйствовала въ видахъ государственной пользы. Но за дѣйствія правительства „должны отвѣтствовать *всѣ сословія* государства равномѣрно, тѣмъ болѣе, что распоряженія правительства по этому предмету были совершенно согласны съ нуждами, понятіями и нравами всего народа (?) и что освобожденіе крѣпостныхъ людей составляетъ интересъ всего государства“... Вознагражденіе за землю должны заплатить сами крестьяне, при помощи особой кредитной операціи, организованной правительствомъ. Вознагражденіе должно быть выдано помѣщикамъ единовременно въ видѣ

облигацій, приносящихъ доходъ. Унковскій отвергаетъ вознагражденіе постоянною, ежегодною рентою и тѣмъ болѣе работою и сельскими произведеніями, потому что при этихъ видахъ вознагражденія „не будетъ мѣста свободѣ, и крѣпостное право замѣнится какою-то *вѣчною кабалою*, невыносимою для народа и ничѣмъ не обезпечивающею правъ землевладѣльца. Съ другой стороны — и этотъ доводъ былъ особенно важенъ въ глазахъ помѣщиковъ— „*выдача капитала необходима для поддержанія помѣщичьихъ хозяйствъ и приспособленія ихъ къ обработкѣ наемными руками*". Мы увидимъ впослѣдствіи, что этимъ доводомъ пользовались не одни либералы, но и завѣдомые крѣпостники. Что касается размѣра надѣловъ, то Унковскій находилъ, что, въ виду разнообразія почвы и проч. условій, невозможно опредѣлить ихъ одною какою либо цифрою, и въ то же время признавалъ невозможнымъ принять и существующіе надѣлы, въ виду ихъ случайности и зависимости отъ произвола помѣщиковъ. Онъ предлагалъ предоставить опредѣленіе надѣла въ каждомъ имѣніи добровольнымъ соглашеніямъ крестьянъ и помѣщиковъ, установивъ лишь для обузданія произвола извѣстныя минимальныя нормы надѣла, „менѣе которыхъ не можетъ имѣть крестьянинъ извѣстнаго уѣзда безъ потери своей осѣдлости", и опредѣливъ стоимость такого надѣла по „мѣстной средней цѣнности земли". Подробности всей этой операціи онъ предоставлялъ выработать губернскимъ комитетамъ, въ запискѣ же своей старался лишь опровергнуть общераспространенное тогда убѣжденіе, что на всѣ эти мѣры не хватитъ у государства средствъ. На это предубѣжденіе Унковскій нападаетъ съ горячностью. „Средства государства, — писалъ онъ, — существуютъ не въ одномъ только домѣ, занимаемомъ государственнымъ казначействомъ, — и не въ однѣхъ только цифрахъ, значащихся въ бюджетѣ его доходовъ. Мы не разсчитываемъ на эти средства. Источники государственнаго богатства, о которыхъ мы говоримъ, разсѣяны по всей нашей имперіи. Они существуютъ на каждомъ шагу. На отдѣльныхъ мѣстностяхъ они видимы даже лучше, нежели въ графахъ министерскихъ отчетовъ. Стоитъ каждому поглядѣть внимательно вокругъ себя, и онъ увидитъ, что эти средства даже превышаютъ потребности, но что потребности часто не удовлетворяются только вслѣдствіе невыгодныхъ распоряженій средствами" [1]).

---

[1]) Здѣсь будетъ умѣстно отмѣтить, что Ю. Ѳ. Самаринъ, стоявшій за постепенное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, признавалъ, однако, какъ видно изъ одной его замѣтки 1857 года, что окончательное и

Указавъ на разные источники благосостоянія и на то, что даже неумѣлое хозяйничанье ими не въ состояніи было ихъ разрушить, Унковскій восклицаетъ: „*Значитъ, мы богаты*! Значитъ, люди, говорящіе о неимѣніи государственныхъ средствъ, не знаютъ ни государства, ни его производительныхъ силъ". Напомнивъ, какъ еще недавно государство въ минуту полнаго экономическаго застоя не затруднилось поставить въ нѣсколько недѣль ополченіе, обошедшееся болѣе 3 рублей съ души, Унковскій дѣлаетъ примѣрный разсчетъ, во что бы могъ обойтись выкупъ крестьянъ и отведенной имъ земли въ Тверской губерніи. По его разсчету, выходило, что выкупъ личности крѣпостныхъ обошелся бы въ 21.663.420 р. с., что потребовало бы ежегоднаго платежа (на проценты и погашеніе этой суммы) 1.081.671 р. с., которые, будучи разложены на 360.000 душъ *всѣхъ* податныхъ сословій губерніи, на капиталы и имущество всѣхъ родовъ, составили бы пожертвованіе вдвое (если не втрое) меньше пожертвованія, сдѣланнаго одними помѣщиками и податными сословіями на ополченіе 1855 года. Выкупъ же *земли* обошелся бы, по его разсчету, не дороже 36.000.000 руб., при чемъ для погашенія соотвѣтствующаго займа потребовался бы ежегодный платежъ (по 5%) въ 1.800.000 р. съ однихъ уже крестьянъ, что составило бы не болѣе 5 рублей въ годъ съ души или 12 р. 50 к.— съ тягла, каковой платежъ равнялся бы самому легкому оброку.

Въ заключеніе Унковскій настаивалъ на необходимости разрѣшить губернскимъ комитетомъ:

„1) Требовать отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія и обсуждать финансовыя средства губерніи.

„2) Обсуждать необходимо нужныя измѣненія въ устройствѣ сельскаго управленія, мѣстной полиціи и нѣкоторыхъ связанныхъ съ этимъ предметомъ учрежденій.

полное освобожденіе крестьянъ съ землей было бы лучше. Но онъ сомнѣвался, въ силахъ ли мы организовать такую финансовую операцію, „для которой нужна рѣшимость, нужна твердая воля сократить всѣ непроизводительные расходы казны, нужна способность разбудить дремлющія силы, поднять кредитъ, привести въ движеніе капиталы,—однимъ словомъ, нужно, чтобы во главѣ финансовъ стоялъ министръ съ головою и пользующійся полною довѣренностью государя, а не безгласный государевъ казначей.

„Явится ли такой человѣкъ, увидимъ ли мы такое стеченіе благопріятныхъ условій?... Вотъ въ чемъ заключается въ настоящую минуту узелъ вопроса. Многіе надѣются, другіе сомнѣваются"... Самъ Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ его статей, записокъ и мнѣній, принадлежалъ къ послѣднимъ.—Сочиненія. т. II, 137.

„3) Не стѣсняться тѣсною рамкою инструкцій, а излагать и обсуждать *всѣ необходимые предметы* со всею откровенностью. Сіе послѣднее необходимо потому, — писалъ Унковскій, — что съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ связаны многіе вопросы нашей государственной общественной жизни. Уединить его отъ всѣхъ прочихъ вопросовъ и рѣшить совершенно отдѣльно нѣтъ никакой возможности“ [1]).

Такова была первая обстоятельная и свободная критика на программу реформы, высказанная непосредственно Государю однимъ изъ искреннѣйшихъ и преданнѣйшихъ сторонниковъ освобожденія.

Сопоставляя ясный взглядъ на дѣло и трезвыя мысли, изложенныя въ этой запискѣ просвѣщеннаго представителя провинціальнаго дворянства, съ робкими, не вполнѣ выношенными и не вполнѣ высказанными идеями Левшина, усвоенными Ланскимъ и либеральною частью Главнаго комитета, идеями, положенными въ основаніе рескриптовъ и разъясненій министра, мы не можемъ не придти къ убѣжденію, что передовые представители дворянства (а съ ними и многіе члены этого сословія, усвоившіе взгляды своихъ вожаковъ) были гораздо болѣе подготовлены къ участію въ крестьянской реформѣ, нежели само правительство.

Къ программѣ, выставленной въ рескриптахъ, отнеслись критически и другіе, болѣе оппортюнистически настроенные сторонники реформы, Самаринъ, Черкасскій и Кошелевъ. Но они считали гораздо болѣе важнымъ въ данный моментъ заявить сочувствіе правительственному почину и воспользоваться либеральнымъ вѣяніемъ сверху, чтобы принять прямое участіе въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, нежели выразить свое несогласіе съ правительствомъ въ отношеніи отдѣльныхъ частей правительственной программы, тѣмъ болѣе, что съ планомъ реформы въ общемъ они были согласны. Поэтому Ю. Ѳ. Самаринъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ издававшемся Кошелевымъ журналѣ «Сельское благоустройство», старался, не критикуя содержанія рескриптовъ, расширить смыслъ данныхъ въ нихъ основаній реформы и подвести подъ нихъ свои собственные взгляды, особенно же доказать исторически сложившееся право крестьянъ на все то количество земли, которымъ они пользовались при крѣпостномъ состояніи, и необходимость оставить эту землю въ ихъ

---

[1]) Джаншіевъ, „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. М. 1894 г., стр. 58—71.

владѣніи на будущее время. Въ этихъ статьяхъ онъ принялъ даже на себя защиту необходимости переходнаго состоянія и доказывалъ невозможность немедленнаго полнаго освобожденія и обязательнаго выкупа, утверждая, что казна не сладитъ съ финансовой стороной дѣла; что крестьянамъ непосильно будетъ сразу же начать платить выкупные платежи за полные надѣлы, а урѣзать надѣлы онъ считалъ совершенно несправедливымъ и невозможнымъ; что, наконецъ, помѣщичьи хозяйства не выдержатъ единовременнаго и повсемѣстнаго прекращенія барщины. Послѣдній доводъ изложенъ у него особенно убѣдительно и несомнѣнно имѣлъ такое же полное основаніе въ примѣненіи къ степному Поволжью, въ которомъ расположены были имѣнья Самарина, какъ доводы Унковскаго—въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Въ этомъ обстоятельствѣ съ большою рельефностью подчеркивается могущественное вліяніе мѣстныхъ матеріальныхъ, чисто помѣщичьихъ соображеній, отъ которыхъ несомнѣнно не были совершенно свободны ни доводы Унковскаго, помѣщика нечерноземной промышленной полосы, ни доводы Самарина, помѣщика малонаселенныхъ степныхъ поволжскихъ губерній... Въ одномъ только отношеніи Ю. Θ. Самаринъ не могъ стать на точку зрѣнія рескриптовъ—это въ отношеніи отдѣльнаго выкупа усадебъ; но и этотъ вопросъ онъ могъ разбирать въ примирительномъ тонѣ, въ виду послѣдовавшаго правительственнаго разъясненія (въ сущности, поправки къ прежде сдѣланному разъясненію) отъ 17 февраля 1858 г. за № 104 [1]), что по истеченіи переходнаго періода, который не долженъ ни въ какомъ случаѣ длиться болѣе 12 лѣтъ, крестьянинъ пріобрѣтаетъ *непремѣнно* личныя гражданскія права, хотя бы онъ и не успѣлъ въ этотъ срокъ внести полнаго выкупа за усадьбу. Правительство, такимъ образомъ, отказалось отъ изобрѣтенной Левшинымъ уловки—устроить, подъ видомъ обязательнаго выкупа усадебъ по повышенной оцѣнкѣ, замаскированный выкупъ личной свободы крестьянъ. Подчеркивая это новое разъясненіе правительства, Самаринъ замѣчалъ, что вопросъ объ усадьбахъ потерялъ, благодаря этому, свое *юридическое* значеніе и сохранилъ лишь *экономическій* интересъ. Остался, по его мнѣнію [2]), лишь чисто-хозяйственный вопросъ, въ какой мѣрѣ выгоденъ и удобенъ для крестьянъ обязательный выкупъ усадьбъ отдѣльно отъ пашни и прочихъ уго-

---

[1]) Сборникъ постановленій, стр. 60 (вып. I).

[2]) Мы увидимъ впослѣдствіи, что на дѣлѣ, несмотря на это разъясненіе, дворяне многихъ губерній воспользовались въ своихъ проектахъ первоначальной мыслью Левшина.

дій. Разобравъ этотъ вопросъ чрезвычайно внимательно, Самаринъ доказалъ, что выкупъ усадебъ отдѣльно отъ остального надѣла вовсе невыгоденъ и даже разорителенъ для крестьянъ въ большинствѣ случаевъ. Изъ ряда доводовъ, которые онъ привелъ въ доказательство этого мнѣнія, самый существенный тотъ, что усадьба въ крестьянскомъ хозяйствѣ вообще *не есть доходная статья, а необходимое условіе существованія;* а потому гораздо удобнѣе для крестьянъ, если усадьбы будутъ оставлены имъ въ пользованіе, наравнѣ съ прочимъ надѣломъ, съ правомъ выкупа ихъ вмѣстѣ со всей остальной землей, когда сами крестьяне того пожелаютъ [1]).

Въ статьѣ этой, напечатанной въ журналѣ, Самаринъ, разумѣется, не позволилъ себѣ ни одного слова прямой критики началъ крестьянской реформы, опубликованныхъ въ высочайшихъ рескриптахъ. Такая критика не была бы возможна и по цензурнымъ условіямъ. Самаринъ, Черкасскій и Кошелевъ, признавая въ общемъ начала, опубликованныя въ рескриптахъ, не противорѣчащими ихъ собственнымъ взглядамъ на вопросъ, вскорѣ приняли званіе членовъ губернскихъ комитетовъ *отъ правительства*, Самаринъ—въ Самарской, Черкасскій—въ Тульской и Кошелевъ—въ Рязанской губерніяхъ, предварительно, впрочемъ, заручившись разъясненіемъ губернаторовъ, что это званіе не будетъ обязывать ихъ отстаивать каждое правительственное предложеніе, вопреки своему собственному мнѣнію [2]).

Среди дворянъ-крѣпостниковъ, относившихся враждебно ко всякой идеѣ освобожденія крестьянъ, рескрипты вызвали одни лишь враждебныя чувства и страхъ; но враги реформы не спѣшили открыто выражать свои мысли. Въ этомъ дѣлѣ они предпочитали дѣйствовать путемъ интригъ, запугиваній и лицемѣрныхъ заявленій [3]). Отчасти это объясняется тѣмъ, что большая часть крѣпостниковъ принадлежала или къ придворной аристократіи, которой было неудобно выступать открыто съ критикой высочайшихъ рескриптовъ, или къ наиболѣе невѣжественной части провинціаль-

---

[1]) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. III, стр. 19—55.

[2]) Записки А. И. Кошелева, стр. 96.

[3]) Наклонность крѣпостниковъ къ лицемѣрію, къ пышнымъ рѣчамъ о жертвахъ дворянства и общемъ благѣ удачно освѣтилъ Г. А. Джаншіевъ въ своей книгѣ объ А. М. Унковскомъ, сопоставивъ трезвый утилитаріанисткій взглядъ Унковскаго съ жалкими и пышными фразами тверскихъ крѣпостниковъ (особенно Веревкина) о благородствѣ дворянскаго сословія, о готовности къ жертвамъ въ пользу меньшей братіи и на алтарь отечества, и т. п. См. „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“, стр. 87, примѣчаніе.

наго дворянства, которая не умѣла выразить своихъ взглядовъ и излить свою ярость въ литературной формѣ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что консервативная партія, не сочувствовавшая предпринятой правительствомъ реформѣ, была настолько слаба умственными силами, что не могла долгое время подыскать подходящаго редактора для журнала, который рѣшила издавать. Въ концѣ концовъ въ редакторы этого журнала, названнаго „Журналомъ землевладѣльцевъ“, былъ приглашенъ человѣкъ, слывшій когда-то либераломъ и одинъ изъ первыхъ поднявшій вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія еще въ сороковыхъ годахъ,—пензенскій землевладѣлецъ Желтухинъ. Нѣкоторые крѣпостники, яростно напавшіе впослѣдствіи на редакціонныя коммиссіи, министерство внутреннихъ дѣлъ и генерала Ростовцева, какъ, напр., М. А. Безобразовъ и гр. Орловъ-Давыдовъ, пока еще не высказывались во всеуслышаніе. Однимъ изъ первыхъ крѣпостниковъ, выразившихъ свои взгляды въ особой запискѣ, разосланной имъ во множествѣ литографированныхъ экземпляровъ членамъ губернскихъ комитетовъ въ 1858 году, былъ орловскій помѣщикъ и членъ орловскаго губернскаго комитета, извѣстный заводовладѣлецъ С. И. Мальцевъ [1]).

[2]) Отставной генералъ-маіоръ Сергѣй Ивановичъ Мальцевъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ и заводовладѣльцевъвъ Россіи. Ему принадлежало болѣе 200.000 душъ крестьянъ въ Орловской и Калужской губерніяхъ, въ имѣніи, по размѣрамъ своимъ равнявшемся значительному германскому княжеству. На заводахъ его, чугуноплавильныхъ, желѣзодѣлательныхъ, машиностроительныхъ, пароходостроительныхъ и стеклянныхъ, въ одной Калужской губерніи работало болѣе 3.500 рабочихъ, которые выдѣлывали различныхъ продуктовъ ежегодно на милліонъ слишкомъ рублей. Эти заводы выдѣлялись изъ всѣхъ другихъ сосѣднихъ съ нимъ заводовъ своимъ превосходнымъ устройствомъ съ примѣненіемъ всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній и улучшеній того времени. На земляхъ Мальцева проложена была на его счетъ узкоколейная желѣзная дорога въ 200 верстъ длиной,—въ то время, когда по всей Россіи было не болѣе 2.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ. Къ чести Мальцева нужно замѣтить, что на заводахъ его не только соблюдались всѣ несложныя требованія того времени, исходившія отъ горнаго департамента, относительно удовлетворенія матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ рабочаго персонала, но дѣлалось кое-что и сверхъ того (см. памятную книжку Калуж. губ. за 1861 г., статья г. Тарасенкова о фабр. и завод. промышленности въ Калуж. губ.). Вообще это былъ большой баринъ, въ которомъ страннымъ образомъ совмѣщалась культура съ самодурствомъ. Это послѣднее проявилось особенно рѣзко, во время введенія Положен. 19 февраля 1861 г., въ борьбѣ съ губернаторомъ В. А. Арцимовичемъ, кончившейся для Мальцева большимъ пораженіемъ (объ этомъ см. мою статью о введеніи крестьянской реформы въ Калужской губ., въ сборникѣ въ память В. А. Арцимовича). О Мальцевѣ и его запискѣ упоминается также въ „Матеріалахъ къ исторіи упраздненія крѣпостн. состоянія въ Россіи“, т. II, стр. 300, 347, 348. Съ запиской Мальцева я ознакомился по копіи, имѣющейся въ архивѣ В. А. Арцимовича.

Въ орловскомъ комитетѣ, вообще не отличавшемся либерализмомъ [1]), Мальцевъ проявилъ себя ярымъ противникомъ реформы. Въ гнѣвѣ своемъ онъ обрушился главнымъ образомъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ видѣлъ источникъ всѣхъ золъ. Составленная имъ довольно объемистая записка была одновременно направлена противъ развивающихся въ русскомъ обществѣ демократическихъ тенденцій и противъ бюрократическаго самовластія министровъ. Мальцевъ доказывалъ въ этой запискѣ, снабженной многочисленными ссылками на факты изъ русской исторіи, въ своеобразномъ, конечно, освѣщеніи, и выписками изъ Токвиля (который въ то время былъ вообще въ большомъ ходу), что все зло повелось въ Россіи отъ тѣхъ легкомысленныхъ преобразованій, которыя въ началѣ XIX столѣтія были предприняты и отчасти осуществлены императоромъ Александромъ I-мъ. Эти преобразованія исказили, по мнѣнію Мальцева, историческія истинно-русскія начала, усвоенныя и развитыя Петромъ I (sic) и Екатериной II (!), и отняли силу у исконнаго русскаго самодержавія. Этому злу онъ приписываетъ и севастопольскій погромъ, и безсиліе власти въ борьбѣ съ разрушительными демократическими теченіями, а чтобы исправить это зло и возвратить русское правительство на истинный путь, Мальцевъ рекомендовалъ отдать нынѣшнія самовластныя министерства подъ контроль выборныхъ русскихъ людей, впрочемъ, *исключительно лишь дворянскаго сословія*—по два выборныхъ дворянина отъ каждой губерніи. Царь будетъ опираться на дворянъ, а дворяне будутъ попрежнему благополучно править народомъ. Эта система была бы, по мнѣнію Мальцева, возстановленіемъ старинной русской системы, когда цари не ввѣрялись еще безотвѣтственнымъ министрамъ, а опирались на „народъ", представленный боярской думой.

Въ этой запискѣ изложены были въ сущности почти тѣ же идеи, которыя составили содержаніе другой, надѣлавшей много шума запискѣ камергера Мих. Безобразова, появившейся во время пріѣзда въ Петербургъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ въ 1859 году. Намъ неизвѣстно, пользовался ли Мальцевъ мыслями Мих. Безобразова или писалъ свою записку самостоятельно; но замѣчательно то, что подобныя мысли имѣли въ это время значительное распространеніе среди образованной части крѣпостниковъ. Любопытно также и то, что они не нападали непосредственно на

[1]) См. отзывъ И. С. Тургенева въ „Матеріалахъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", стр. 127, примѣчаніе.

содержаніе рескриптовъ, а выступали противъ того общественнаго теченія, которое отразилось въ рескриптахъ [1]).

Было въ это время среди дворянъ аристократовъ и другое теченіе, болѣе либеральное, также направленное противъ бюрократіи и бюрократическаго способа рѣшенія крестьянскаго вопроса, также стоявшее за сохраненіе дворянскихъ привилегій и даже за ихъ расширеніе, но въ то же время не только не бывшее противъ освобожденія крестьянъ, но имѣвшее даже свой собственный планъ реформы. Это направленіе, имѣвшее своихъ представителей главнымъ образомъ среди петербургскаго дворянства, обыкновенно смѣшивается съ партіей, мечтавшей объ обезземеліи крестьянъ, что совершенно несправедливо. Сторонники этого направленія, имѣвшіе оффиціальнымъ своимъ представителемъ петербургскаго губернскаго предводителя дворянства гр. Шувалова, мечтали о созданіи у насъ поземельной аристократіи феодальнаго типа, при чемъ они вовсе не думали объ обезземеленіи крестьянъ, а, напротивъ, проектировали обращеніе существующихъ крестьянскихъ надѣловъ въ *неотчуждаемыя* крестьянскія земли (Bauerland), состоящія въ вѣчнонаслѣдственномъ пользованіи крестьянъ за опредѣленныя денежныя или натуральныя повинности. При этомъ они особенно хлопотали о сохраненіи помѣщикамъ всей полноты вотчинной власти и мечтали о дарованіи имъ новыхъ политическихъ правъ и объ образованіи у насъ системы мѣстнаго самоуправленія на англійскій образецъ. Впослѣдствіи члены этой партіи рѣзко возстали противъ демократическаго направленія редакціонныхъ коммиссій, но на рескрипты имъ еще не было основанія нападать: они надѣялись даже осуществить свой проектъ именно на почвѣ началъ, преподанныхъ рескриптами. Рескрипты, во-первыхъ, не требовали выкупа крестьянской земли

[1]) Въ 1858 г. напечатана была въ количествѣ 100 экз. въ Берлинѣ брошюра магистра законовѣдѣнія Николая Безобразова (брата Михаила) „Объ усовершеніи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства“, представленная имъ и государю. Въ этой брошюрѣ Николай Безобразовъ утверждалъ, что крѣпостного вопроса у насъ собственно нѣтъ; что все это одно недоразумѣніе, что стоитъ только перенести изъ X т. свода законовъ въ IX статьи, относящіяся къ вотчинному управленію, а въ X оставить только тѣ, которыя относятся къ недвижимой собственности, и все дѣло будетъ улажено. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ, что вотчинное право должно быть сохранено на вѣки, какъ краеугольный камень нашего гражданскаго устройства. Эта брошюра вызвала рѣзкую полемику въ „Русск. Вѣстн.“ и въ газетѣ „Le Nord“. Въ трудахъ вольно-экономическаго общества защищалъ въ это время вотчинное право тамбовскій помѣщикъ Григ. Бланкъ, представившій нѣсколько записокъ и правительству („Матеріалы для упраздн. крѣп. состоянія въ Россіи“, т. I, стр. 254).

въ собственность, а, наоборотъ, вводили то самое понятіе неотчуждаемой крестьянской земли, принадлежащей помѣщикамъ на правѣ ограниченной вотчинной собственности, которое давно уже было усвоено либерально-аристократической группой петербургскаго дворянства; во-вторыхъ—и для этой группы это было главное—рескрипты оставляли неприкосновенной вотчинную власть помѣщиковъ. Понятно послѣ этого, что эта группа скорѣе стала бы защищать рескрипты противъ нападеній Унковскаго, нежели нападать на нихъ.

Таковы были главныя теченія, господствовавшія среди дворянства въ моментъ опубликованія высочайшихъ рескриптовъ литовскому и петербургскому генералъ-губернаторамъ.

IV.

Адресъ нижегородскаго дворянства.—Адресы дворянствъ Московской и прочихъ губерній.—Уѣздныя совѣщанія и ихъ значеніе.—Открытіе губернскихъ комитетовъ.—Члены отъ правительства.—Члены по выбору дворянства.—Новые источники изученія.—Составъ калужскаго, тверского, самарскаго, рязанскаго и тульскаго комитетовъ.—Дѣйствія Унковскаго въ тверскомъ комитетѣ и оппозиція его правительственной программѣ.—Вопросъ объ усадьбахъ въ петербургскомъ комитетѣ. — Разъясненіе министра внутреннихъ дѣлъ и государя.—Программа, данная губернскимъ комитетамъ. — Исторія ея составленія. — Интриги Позена. — Значеніе этой программы.—Ея содержаніе. — Тактика Кошелева, Самарина и кн. Черкасскаго въ рязанскомъ, самарскомъ и тульскомъ губернскихъ комитетахъ.—Обсужденіе устава засѣданій. — Обструкція крѣпостниковъ въ Тулѣ.—Вопросъ о гласности засѣданій губернскихъ комитетовъ и о правѣ меньшинства и отдѣльныхъ лицъ подавать особыя мнѣнія и записывать ихъ въ журналъ.

Тревожное настроеніе и выжидательное положеніе правительства, стращаемаго къ тому же болѣе или менѣе ложными слухами о возникающихъ повсюду волненіяхъ крестьянъ, вскорѣ разрѣшилось полученіемъ адреса нижегородскаго дворянства.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 24 ноября 1857 года и копіи съ высочайшихъ рескриптовъ были получены въ Нижнемъ какъ разъ передъ съѣздомъ дворянъ на губернскіе выборы. Губернаторъ Муравьевъ, нелицемѣрно сочувствовавшій предпринятой реформѣ, удачно воспользовался этимъ [1]). Онъ лично

---

[1]) А. Н. Муравьевъ, старшій братъ министра госуд. имущ. (Муравьева Виленскаго), былъ основателемъ „Союза Спасенія" въ 1817 г.; впослѣдствіи онъ измѣнилъ свои взгляды и вышелъ изъ тайнаго общества въ 1819 г., но тѣмъ не менѣе послѣ 14 декабря 1825 г. былъ привлеченъ къ дѣлу декабристовъ и присужденъ къ 6-ти-лѣтней каторгѣ. Тотчасъ по прибытіи въ Сибирь онъ былъ помилованъ и опредѣленъ тамъ же на службу—иркутскимъ полиціймейстеромъ; оттуда переведенъ былъ вице-губернаторомъ въ Тобольскъ и въ началѣ царствованія Александра II назначенъ нижегородскимъ военнымъ губернаторомъ. Отставъ еще въ юности отъ революціонныхъ стремленій, онъ сохранилъ, въ противоположность своему брату, либеральные взгляды и гуманитарныя стремленія. Кромѣ того, онъ былъ личный старинный другъ министра внутр. дѣлъ Ланскаго. Въ 1862 г. онъ покинулъ свой постъ вслѣдствіе интригъ мѣстнаго дворянства и новаго министра внутр. дѣлъ П. А. Валуева, систематически преслѣдовавшаго всѣхъ искреннихъ сторонниковъ крестьянской реформы.

произнесъ въ дворянскомъ собраніи патріотическую рѣчь, съ упоминаніемъ о Мининѣ и Пожарскомъ и прошлыхъ подвигахъ нижегородскаго дворянства, и до того возбудилъ присутствовавшихъ, что они тутъ же составили адресъ, покрытый 128 подписями, въ которомъ изъявили отъ имени всего нижегородскаго дворянства „единодушное желаніе принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнять Его священную волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать“. Адресъ подписанъ былъ 17 декабря и отправленъ въ Петербургъ съ нарочнымъ. Ошеломленные этимъ мѣстные крѣпостники, однако же, вскорѣ спохватились и стали энергично агитировать въ пользу отступленія. Имъ удалось уговорить дворянъ послать вслѣдъ за адресомъ особую депутацію съ извѣстнымъ крѣпостникомъ С. В. Шереметевымъ во главѣ, которая пыталась внести нѣкоторыя оговорки, увѣряя, что дворяне были введены въ заблужденіе и что они не согласны на основанія, указанныя въ рескриптахъ. Но они опоздали: 24 декабря послѣдовалъ уже отвѣтный рескриптъ на имя нижегородскаго губернатора, содержаніе котораго было одинаково съ двумя прежними рескриптами [1]).

Неожиданная присылка нижегородскаго адреса встрѣчена была государемъ съ большою радостью. „Поручаю вамъ,—сказано было въ рескриптѣ,—объявить сему благородному сословію мое совершенное удовольствіе за новое доказательство всегдашней готовности нижегородскаго дворянства содѣйствовать исполненію намѣреній правительства, устремленныхъ къ благу общему. Мнѣ въ особенности было пріятно видѣть, что оно первое поспѣшило воспользоваться случаемъ дать примѣръ сей готовности проявленіемъ усерднаго

[1]) Срав. „Матеріалы для упраздненія крѣпостн. состоянія въ Россіи“, I, стр. 272—275. Левшинъ („Достопамятныя минуты“, Р. Арх. 85 г. № 8, стр. 537) по этому поводу писалъ въ своей запискѣ: „Несмотря на увлеченіе, съ которымъ нижегородское дворянство въ этомъ случаѣ отозвалось на общій вызовъ правительства, послѣдствія показали, что оно дѣйствовало безсознательно, что порывъ его былъ болѣе театральный, нежели на разсужденіи основанный: получивъ рескриптъ, они прислали сюда благодарить государя двухъ депутатовъ (Шереметьева и Потемкина), которые объявили, что они полагали отпустить крестьянъ безъ земли и пр...“ Въ статьѣ В. И. Снѣжневскаго, основанной на подлинномъ „дѣлѣ“ губернскаго комитета, указывается, что на дворянскихъ выборахъ въ средѣ дворянъ съ самаго начала обнаружились двѣ партіи, изъ которыхъ первоначально взяла верхъ та, которая „сознавала необходимость присоединиться къ видамъ правительства“. Противная партія выражала въ началѣ свою антипатію реформѣ „какъ-то робко и вяло“, тогда какъ партію реформы охватилъ энтузіазмъ („Дѣйствія нижегор. губерн. ученой, архивной коммиссіи“, „Сборникъ статей“ и проч., т. III стр. 59 и 76).

*

желанія способствовать зависящими отъ него средствами успѣху предпринимаемаго нынѣ важнаго и—какъ можно, при благословеніи Всевышняго, надѣяться,—равно полезнаго для всѣхъ въ государствѣ состояній дѣла".

Въ сопровождавшемъ рескриптъ министерскомъ отношеніи къ губернатору было, между прочимъ, указано: „по различію мѣстныхъ обстоятельствъ и потребностей разныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, промысловъ и занятій жителей оныхъ, предоставить дворянамъ каждаго уѣзда, при выборѣ членовъ въ губернскій комитетъ, имѣть предварительныя о сихъ обстоятельствахъ и потребностяхъ совѣщанія". По мѣрѣ поступленія адресовъ это право было предоставлено дворянству и всѣхъ прочихъ губерній.

Послѣ полученія нижегородскаго адреса государь сталъ уже съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждать, когда же, наконецъ, отзовется дворянство Московской губерніи. Но московское дворянство молчало, удерживаемое совѣтами сановныхъ крѣпостниковъ, гр. Закревскаго (московскаго генералъ-губернатора) и кн. Меньшикова (имѣвшаго помѣстья въ Московской губерніи). Первому изъ нихъ, наконецъ, дано было знать конфиденціально о неприличіи молчанія московскаго дворянства въ такой важный моментъ, и вотъ, 7-го января 1858 года въ собраніи губернскаго и уѣздныхъ предводителей и депутатовъ московскаго дворянства подписано было постановленіе, коимъ губернскій предводитель, *на основаніи болѣе 500 отзывовъ*, полученныхъ отъ дворянъ, уполномочивался довести до свѣдѣнія правительства о готовности московскаго дворянства содѣйствовать благимъ намѣреніямъ августѣйшаго Монарха и просить соизволенія на открытіе комитета „для составленія правилъ, *которыя комитетомъ будутъ признаны общеполезными и удобными для мѣстности Московской губерніи*".

Эта оговорка очень не понравилась Государю, и отвѣтъ его, послѣдовавшій 16 января, былъ прямо направленъ на нее, а холодный тонъ свидѣтельствовалъ о дурномъ впечатлѣніи, произведенномъ позднимъ отзывомъ московскаго дворянства [1]). „Московское дворянство,—сказано въ рескриптѣ,—изъявляя полную готовность содѣйствовать Моимъ видамъ и намѣреніямъ, проситъ разрѣшенія приступить къ составленію по московской губерніи проекта положенія объ устройствѣ быта своихъ крестьянъ. *Признавая необходимымъ, чтобы проектъ сей былъ составленъ*

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпост. состоянія въ Россіи" I, 278.

на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившихъ прежде желаніе устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ... повелѣваю"... Засимъ слѣдовали тѣ же постановленія, какія были преподаны и въ предыдущихъ рескриптахъ.

Вслѣдъ затѣмъ стали поступать адресы прочихъ губерній. „Это были уже,—какъ выразился Левшинъ,—дѣйствія нормальныя, болѣе или менѣе запоздалыя, и имѣли своимъ источникомъ не энтузіазмъ, а невозможность какой-либо губерніи отстать отъ другихъ и напоминанія, дѣланныя отъ министерства губернаторамъ" [1]). „Невозможность отстать отъ другихъ" обусловливалась главнымъ образомъ опасеніемъ крестьянскихъ волненій. Всякому помѣщику было понятно, что, разъ будутъ освобождены крестьяне въ нѣкоторыхъ только губерніяхъ, невозможно будетъ удержать въ повиновеніи остальныхъ. Къ этому наиболѣе существенному соображенію присоединялась привычка повиновенія высочайшей волѣ и нежеланіе попасть въ отсталые. Высочайшіе рескрипты, данные въ отвѣтъ на дворянскіе адресы, слѣдовали въ такомъ хронологическомъ порядкѣ: *9 марта* были даны рескрипты по Саратовской, Самарской, Симбирской, Кіевской, Волынской и Подольской губерніямъ, *16 марта*—по Тверской и Орловской, *1 апрѣля*—по Астраханской Казанской, Костромской, Новгородской и Рязанской, *5 апрѣля*—по Екатеринославской, Пензенской, Полтавской, Тамбовской и Харьковской, *20 апрѣля*—по Воронежской и Курской, *3 мая*—по Витебской, Вологодской, Могилевской, Псковской, Тульской и Ярославской, *10 мая*—по Таврической и Херсонской, *18 мая*—по Минской и Черниговской, *28 мая*—по Смоленской, *5 іюня*—по Бессарабской области, *8 іюня*—по Владимірской губерніи, *24 іюня*—по Калужской и *6 іюля*—по Оренбургской губерніи [2]).

По полученіи высочайшихъ рескриптовъ дворянство далеко не тотчасъ же приступило къ выборамъ, и комитеты открывались обыкновенно лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя — отъ 2 до $6^1/_2$. Одинъ только петербургскій комитетъ открылся черезъ мѣсяцъ

---

[1]) Левшинъ, „Достопамятныя минуты моей жизни", Р. Арх. 86 г., № 8, стр. 537.

[2]) *Скребицкій*. „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II", т. I, стр. XXIV и XXV. Въ губерніхъ, гдѣ нѣтъ дворян. выборовъ, Вятской, Пермской и Олонецкой, рескрипты послѣдовали 15 октября 1858 г., въ области войска Донского—6 іюня, въ Ставропольской губерніи—11 іюля 1858 г. Въ Сибири были просто истребованы отъ генералъ-губернаторовъ соображенія (тамъ же, стр. XXV).

и 9 дней послѣ полученія рескрипта. Дворянамъ всѣхъ прочихъ губерній предоставлено было производить выборы на особыхъ *уѣздныхъ совѣщаніяхъ*, на которыхъ дворяне могли бы между собой столковаться и выяснить особыя обстоятельства и нужды каждаго уѣзда. Въ настоящее время довольно трудно опредѣлить съ точностью, что происходило на этихъ уѣздныхъ съѣздахъ и каковы были сужденія гг. дворянъ, такъ какъ и въ запискахъ современниковъ и дѣятелей той эпохи, и въ оффиціальныхъ документахъ, доступныхъ изслѣдованію, имѣется объ этихъ съѣздахъ лишь очень немного данныхъ. Вообще, повидимому, самая мысль о съѣздахъ принадлежала сторонникамъ дворянскихъ интересовъ, которые не безъ основанія разсчитывали, что сборища менѣе культурныхъ провинціальныхъ помѣщиковъ окажутся менѣе податливыми на либеральные проекты и замыслы правительства и дадутъ своимъ депутатамъ такія инструкціи, которыя стѣснятъ ихъ дѣйствія въ этомъ именно смыслѣ въ губернскихъ комитетахъ [1]). Дѣйствительно, впослѣдствіи въ губернскихъ комитетахъ не разъ возбуждался вопросъ, могутъ ли члены комитета дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, или обязаны держаться мнѣній, выраженныхъ избравшими ихъ дворянами на уѣздныхъ совѣщаніяхъ. Правительству пришлось разъяснять, что мнѣнія дворянъ, выраженныя ими въ уѣздныхъ совѣщаніяхъ, могли лишь быть приложены къ проекту каждаго комитета въ видѣ особаго свода, но что мнѣнія эти отнюдь не должны быть обязательны для членовъ губернскихъ комитетовъ. „При подробномъ разсмотрѣніи дѣлъ въ оныхъ—писалъ Ланской въ циркулярѣ отъ 21 января 1859 г.—члены естественно могутъ получить на предметъ устройства крестьянъ новое воззрѣніе. Иначе, стѣсняясь мнѣніями, выраженными на уѣздныхъ совѣщаніяхъ, они будутъ лишены возможности давать отзывы, согласно своимъ убѣжденіямъ [2]). Но и послѣ этого разъясненія въ нѣкоторыхъ комитетахъ члены крѣпостнической партіи постоянно пытались опереться на взгляды, выраженные дворянами въ уѣздныхъ совѣщаніяхъ; наоборотъ, либеральные члены комитетовъ считали постановленія этихъ совѣщаній для себя крайне стѣснительными. Такъ, напр., Н. А. Елагинъ (депутатъ Бѣлевскаго уѣзда) писалъ кн. Черкасскому: „Уѣздныхъ совѣща-

---

[1]) Идея уѣздныхъ совѣщаній не принадлежала министерству внутреннихъ дѣлъ, и Соловьевъ осуждалъ это распоряженіе. Ср. Записки Соловьева, „Русск. Старина“ за 1881 г. № 5, стр. 11.

[2]) Циркуляръ м. в. д. отъ 21 января 1859 г. о значеніи уѣздныхъ совѣщаній. Сборникъ, вып. III, стр. 26.

ній здѣсь не будетъ и, кажется, что это къ лучшему; настаивать на нихъ я не буду: настолько я знаю свой уѣздъ, что увѣренъ, что *мнѣнія и постановленія всякаго уѣзднаго съѣзда скорѣе повредятъ дѣлу*; явно и письменно выраженныя, они если не обязательны, то будутъ крайне стѣснительны для выбранныхъ депутатовъ. Главныя желанія будутъ состоять въ слѣдующемъ: 1) обязательная 3 дневная барщина на все время переходнаго состоянія; 2) усадьбы въ пользованіе; 3) безграничное право переселять и 4) усиленная полицейская власть. Вооруженному подобными, ясно выраженными, опредѣленными инструкціями и мнѣніями, мнѣ неловко будетъ дѣйствовать въ комитетѣ. Теперь у меня руки развязаны; я по совѣсти могу стоять за то, что считаю благомъ для дворянства впредь, но что слѣпотствующее большинство навѣрное сочтетъ за погибель" [1]). Подобныя, стѣснительныя для депутатовъ, постановленія относительно правъ помѣщиковъ переселять крестьянъ, относительно возвышенной оцѣнки земли, размѣра надѣла и полученія выкупа отъ дворовыхъ, состоялись въ веневскомъ уѣздномъ совѣщаніи 25 сентября и 1 октября 1858 года [2]). Князь Черкасскій такъ характеризуетъ въ письмѣ къ Самарину членовъ своего (веневскаго) съѣзда: „грустно было смотрѣть на это собраніе кулаковъ, окончательно взирающихъ на самихъ себя лишь какъ на монополистовъ болѣе или менѣе цѣннаго товара—чернозема, на который вдругъ открылось почему-то значительное требованіе". Въ Чернскомъ уѣздѣ хотѣли пустить на баллотировку, чтобы крестьянамъ не давать ни вершка земли [3]). Одинъ изъ передовыхъ помѣщиковъ Владимірской губерніи, Д. П. Гавриловъ, въ письмѣ къ Я. А. Соловьеву такъ отзывался объ уѣздныхъ съѣздахъ Владимірской губерніи: „Что за безобразіе эти уѣздные съѣзды и вообразить трудно! Какія нелѣпости тамъ говорятся и предполагаются—повѣрить нельзя. Лучшая часть дворянства, служащіе дворяне, въ нихъ не участвуютъ. Десять или пятнадцать зажиточныхъ помѣщиковъ соберутся въ квартирѣ предводителя и за водкой и наливками выберутъ какого-нибудь пройдоху, если мѣсто съ жалованіемъ, и перваго охотника, если должность безъ жалованія. За примѣромъ недолго ходить. Нѣкоторые предводители передъ своимъ съѣздомъ въ губернскомъ городѣ, бывшимъ 4 января (1858 г.,) собрали уѣздные съѣзды. Вотъ, для примѣра,

[1]) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго", I, стр. 168.
[2]) Тамъ-же, стр. 166.
[3]) Тамъ-же, стр. 149.

нѣсколько *единогласныхъ* мнѣній: одинъ уѣздъ полагаетъ, что прежде всего надо увеличить число полицейскихъ чиновниковъ и, по недостаточности въ губерніи войска, ввести военную силу въ возможно большемъ числѣ, въ особенности кавалеріи, но не упустить въ приличныхъ мѣстахъ разставить и пѣхоту, и артиллерію. Другой уѣздъ объясняетъ, что для предупрежденія смутъ, могущихъ возникнуть вслѣдствіе зависти помѣщичьихъ крестьянъ къ казеннымъ (ибо вторые платятъ весьма мало оброковъ)—„слѣдуетъ написать отъ всего дворянства адресъ къ министру государственныхъ имуществъ, въ которомъ просить его высокопревосходительство увеличить оброкъ, дабы сравнять ихъ съ помѣщичьими". Это факты, ручаюсь вамъ моимъ словомъ; это было подписано и написано въ уѣздахъ, а здѣсь прочтено при совѣщаніяхъ предводителей дворянства" [1]). Въ письмѣ къ Погодину Н. В. Бергъ, извѣстный литераторъ того времени, описывалъ свои впечатлѣнія отъ кирсановскаго уѣзднаго совѣщанія, гдѣ его особенно поразила безтолковость и какая-то „мужицкая робость дворянъ": „Отъ нихъ хотятъ прямого открытаго мнѣнія для уясненія премудраго вопроса, а они шепчутся боясь, какъ бы не услыхалъ баринъ. Кто поумнѣе, ходятъ пѣтухами, и ничего не говорятъ"... О толкахъ, къ которымъ Бергъ прислушивался во время этого совѣщанія, онъ пишетъ: почти никто не боится потерять однихъ крестьянъ, безъ земли. Можно, говорятъ, дать имъ по рублю серебромъ, напоить водкой и отслужить еще, на радостномъ прощаньѣ, молебенъ (какъ это вообще водится на Руси). Доказываютъ (и это, кажется, такъ), что обработка полей наемными людьми несравненно выгоднѣе, ибо ихъ кормить только во время работъ, а тамъ—прощай, ступай, куда знаешь! Своихъ же корми цѣлый годъ, всю сволочь и старье, какое только есть. Держать мужиковъ заставляетъ насъ старая, вѣковая привычка *быть помѣщиками*, свои, молъ: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю. Даже отъ лѣни не раскусили, что это барство очень невыгодно, особенно въ такихъ мѣстахъ, какъ наша губернія, гдѣ земля то же, что червонное золото". На послѣднемъ засѣданіи этого совѣщанія Бергъ не былъ, но посѣтившій Берга исправникъ по словамъ его, „весьма и весьма порядочный человѣкъ" [2]), разсказывалъ ему, что члены совѣщанія „написали какую-то бумагу съ общаго согласія и всѣ одобрили; а когда пришлось подписы-

[1]) „Записки" Соловьева, „Русская Старина". 1881 года № 5. стр. 27.
[2]) Бергъ увѣряетъ, что вообще исправники и становые были въ это время первые либералы въ уѣздѣ.

вать, стали другъ друга толкать: начинайте вы!—нѣтъ, начинайте вы!—я подпишу послѣ! Кончилось тѣмъ, что бумаги не подписалъ никто. А стоило бы только (добавляетъ исправникъ) подписать одному, всѣ остальные пустились бы подписывать, какъ бараны, успѣвай только подавать перо“ [1]).

Однако были попытки провести въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ совѣщаніяхъ и либеральныя постановленія. Такова была попытка Бобринскихъ и кн. Петра Долгорукаго „составить манифестацію въ пользу выкупа крестьянъ съ землей правительствомъ“ въ одномъ изъ уѣздовъ Тульской губерніи (повидимому, Богородицкомъ, [2]), Ю. Ѳ. Самаринъ, опоздавшій къ выборамъ депутатовъ въ Сызранскомъ уѣздѣ, послалъ предводителю П. А. Бестужеву, по его просьбѣ, свою программу рѣшенія крестьянскаго вопроса, ту самую, которую онъ проводилъ позднѣе въ самарскомъ губернскомъ комитетѣ [3]). Намъ неизвѣстно, однако же, обсуждали ли сызранскіе дворяне эту программу и какъ отнеслись къ ней. А. М. Унковскій пытался провести свой планъ освобожденія крестьянъ на всѣхъ уѣздныхъ съѣздахъ Тверской губерніи и въ четырехъ уѣздахъ (Тверскомъ, Корчевскомъ, Новоторжскомъ и Весьегонскомъ)—планъ его былъ одобренъ, но въ остальныхъ восьми не имѣлъ успѣха [4]). А. И. Кошелевъ, повидимому, не участвовалъ въ съѣздѣ дворянъ своего Сапожковскаго уѣзда, по крайней мѣрѣ, въ запискахъ своихъ онъ ничего не упоминаетъ объ этомъ и вообще не сообщаетъ никакихъ данныхъ объ уѣздныхъ совѣщаніяхъ Рязанской губерніи. Позенъ составилъ очень двусмысленный протоколъ отъ имени съѣзда хорольскаго дворянства Полтавской губерніи, въ которомъ, наряду съ многими либеральными фразами, говорится о *надѣлѣ крестьянъ землей*, что онъ долженъ быть какъ можно меньше, ибо, „какъ въ Хорольскомъ уѣздѣ большинство крестьянъ не имѣетъ рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, то большой надѣлъ землею будетъ безполезенъ для нихъ и весьма вреденъ всей земледѣльческой производительности уѣзда“; о *срочно-обязанномъ положеніи*,—что выходъ изъ него можетъ быть установленъ лишь по добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками; относительно *правъ и отношеній помѣщика*,—что они должны быть опредѣлены какъ можно ближе къ существующему

---

[1]) „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Н. Барсукова, XVI, стр. 47—55.
[2]) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, I, 149.
[3]) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, III. 72—75 и примѣчаніе Д. Ѳ. Самарина.
[4]) „А. М. Унковскій“ Джаншіева, стр. 76.

порядку и что необходимо сохранить за помѣщикомъ право удалять изъ имѣнія людей дурного поведенія [1]).

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выборы были произведены на губернскихъ собраніяхъ, а уѣздныя совѣщанія происходили позднѣе—иногда во время перерыва занятій губернскаго комитета. Такъ именно происходило дѣло въ Нижнемъ Новгородѣ, и замѣчательно, что пока члены комитета не совѣщались съ дворянами по уѣздамъ, занятія шли дружно и гладко. „Стремленіе къ предпринимаемому великому и благому дѣлу не ослабѣваетъ“—доносилъ въ самомъ началѣ Муравьевъ. Но какъ только члены комитета разъѣхались по уѣздамъ и возвратились къ занятіямъ послѣ своихъ совѣщаній съ дворянами, такъ настроеніе большинства комитета круто перемѣнилось къ худшему, и все дѣло чуть-чуть не полетѣло кувыркомъ [2]).

Вообще, едва ли можно сомнѣваться, что, если бы правительство предоставило уѣзднымъ совѣщаніямъ непосредственное вліяніе на исходъ крестьянской реформы, то это вліяніе не было бы благопріятно для дѣла. Недаромъ же въ нѣкоторыхъ комитетахъ, когда борьба съ либералами обострялась и крѣпостники теряли подъ ногами почву, они постоянно пытались апеллировать къ своимъ довѣрителямъ, а глава крѣпостнической партіи въ самарскомъ губернскомъ комитетѣ вызвалъ даже въ Самару „для интимидаціи комитета“ двадцать дворянъ Бугурусланскаго уѣзда [3]).

Первый открывшій свои дѣйствія комитетъ былъ петербургскій. Онъ открылся 14 января 1858 г.—черезъ мѣсяцъ и 9 дней послѣ подписанія рескрипта. Литовскіе комитеты нѣсколько отстали отъ петербургскаго и были открыты: виленскій 19 февраля, гродненскій—26 февраля и ковенскій—6 марта. Нижегородскій комитетъ открытъ былъ почти такъ же быстро, какъ и петербургскій,—менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ полученія рескрипта, а именно 19 февраля 1858 г. Московскій открылся лишь 26 апрѣля, а слѣдующіе за нимъ кіевскій и симбирскій—24 и 25 іюня. Такимъ образомъ, въ первой половинѣ 1858 г. начали свои занятія лишь восемь комитетовъ, изъ которыхъ четыре принадлежали къ виленскому и кіевскому генералъ-губернаторствамъ и четыре къ великорусскимъ губерніямъ.

---

1) „Бумаги по крестьянскому дѣлу М. П. Позена“, стр. 152—154.

2) „Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губ. наканунѣ реформы 19 февраля и первые годы послѣ нея“. В. И. Снѣжневскаго, въ Сборникѣ Нижегор. архив. коммиссіи, Ш, стр. 76 и слѣд.

3) Письмо Ю. Ѳ. Самарина отъ 26 октября 1858 года къ В. А. Черкасскому и А. И. Кошелеву. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, I, стр. 213.

Остальные комитеты открывались далеко не въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовали высочайшіе рескрипты. Такъ, напримѣръ, въ Самарской губерніи, дворянство которой подало адресъ одно изъ первыхъ, комитетъ открылся лишь въ концѣ сентября 1858 г. (двадцать восьмымъ по счету); наоборотъ, въ Черниговской губерніи, подавшей адресъ одной изъ послѣднихъ, комитетъ открылся 22 іюля (по счету двѣнадцатымъ). Послѣднимъ открылъ свои дѣйствія оренбургскій комитетъ—11 декабря 1858 г., предпослѣднимъ—калужскій—6 декабря 1858 г. Такимъ образомъ, къ концу 1858 г. дворянскіе комитеты были открыты во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были дворянскіе выборы.

Выборы въ комитеты происходили совершенно свободно—безъ всякаго правительственнаго давленія [1]). Правительство предоставило себѣ лишь весьма умѣренное участіе въ дѣлахъ комитетовъ, назначивъ въ каждый изъ нихъ по два депутата изъ мѣстныхъ же помѣщиковъ, по выбору губернаторовъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что выборъ этихъ лицъ не вездѣ оказался удачнымъ. Впослѣдствіи члены отъ правительства во многихъ губернскихъ комитетахъ поддерживали мнѣнія, совершенно не согласныя съ освободительными видами правительства, а въ одномъ случаѣ—въ Рязанской губерніи—пришлось уволить безъ прошенія члена отъ правительства за участіе его въ интригахъ дворянской партіи противъ другого его товарища. Выборъ этихъ лицъ зависѣлъ, конечно, прежде всего отъ доброй воли, освѣдомленности и такта начальниковъ губерній, а эти послѣдніе были, по свидѣтельству современниковъ, далеко не на высотѣ положенія [2]). Въ московскій комитетъ гр. Закревскій назначилъ членовъ

[1]) По крайней мѣрѣ, ни въ мемуарахъ, ни въ памфлетахъ, ни въ перепискѣ того времени нѣтъ ни малѣйшаго намека на что нибудь подобное, и даже М. А. Безобразовъ въ своей запискѣ, взводившей всякія обвиненія и клеветы на министерство внутр. дѣлъ. не порочитъ выборовъ въ члены губернскихъ комитетовъ.

[2]) „Пересматривая именной списокъ этихъ важныхъ должностныхъ лицъ,—писалъ авторъ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣп. состоянія въ Россіи"—можно утвердительно и по строгой совѣсти сказать, что въ числѣ 45 губернаторовъ, за исключеніемъ сибирскихъ и кавказскихъ, 24 должны быть смѣнены безъ малѣйшаго замедленія; изъ нихъ 12, какъ всѣмъ извѣстные мошенники, а 12 по сомнительной честности и совершенной неспособности; изъ остальныхъ 21 десять могутъ быть терпимы по необходимости, девять довольно хороши, и только два могутъ быть названы образцовыми: самарскій Гротъ и калужскій Арцимовичъ", т. II, стр. 462. Я. А. Соловьевъ къ числу хорошихъ губернаторовъ причислилъ еще нижегородскаго А. Н. Муравьева и оренбургскаго—Е. И. Барановскаго. Кромѣ того, доброжелательны къ реформѣ, хотя и не такъ энергичны, были, по его словамъ, казанскій—Козляниновъ, владимірскій—Тиличеевъ, тверской—гр. Барановъ и таврическій—Жуковскій, Записки Соловьева, „Русская Старина" за 1882 г. № 10, стр. 135—137.

отъ правительства изъ видовъ прямо противоположныхъ цѣлямъ реформы. Одинъ изъ нихъ былъ сынъ извѣстнаго вельможи крѣпостника—„человѣкъ совершенно неспособный и распутный“, котораго гр. Закревскій назначилъ изъ угожденія его отцу, „дабы воспрепятствовать ему ѣхать за границу“. Другой былъ яростный защитникъ крѣпостного права изъ помѣщиковъ-фабрикантовъ Московской губерніи [1]).

Изъ членовъ, назначенныхъ въ комитеты правительствомъ, наиболѣе крупными личностями Соловьевъ признаетъ Ю. Ѳ. Самарина, двухъ его братьевъ (Дм. Ѳед. и Петра Ѳед.), князя В. А. Черкасскаго, В. В. Тарновскаго, Г. П. Галагана, Н. И. Желѣзнова, А. И. Кошелева, Григ. Серг. Аксакова [2]). Къ нимъ надо причислить. Н. А. Бакунина (члена тверского комитета) и князя Андрея Васильевича Оболенскаго (члена калужскаго комитета).

Послѣ опубликованія первыхъ рескриптовъ (20 ноября и 5 декабря 1857 г.) нѣкоторые изъ членовъ дворянской партіи пытались протестовать противъ назначенія въ составъ дворянскихъ комитетовъ членовъ отъ правительства, видя въ этомъ, какъ и въ надзорѣ за ходомъ дѣлъ въ комитетахъ, порученномъ губернаторамъ, знакъ недовѣрія правительства къ дворянству. Энергичнѣе другихъ протестовалъ въ письмѣ къ министру воронежскій губернскій предводитель, князь И. В. Гагаринъ. Но эта попытка не имѣла послѣдствій, и протестантамъ было объяснено, что, такъ какъ крестьяне не имѣютъ своихъ представителей въ комитетахъ, то правительство, довѣрившее обсужденіе этого дѣла исключительно представителямъ дворянства, предоставило себѣ назначеніемъ этихъ двухъ членовъ хоть отчасти замѣнить представительство крестьянскихъ интересовъ, при чемъ, такъ какъ и эти два члена назначаются изъ числа мѣстныхъ помѣщиковъ, то дворянство должно особенно оцѣнить довѣріе къ нему правительства [3]).

Разбирая впослѣдствіи, въ запискѣ, поданной государю въ концѣ 1859 г., личный составъ комитетовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ отозвался, что изъ числа членовъ губернскихъ комитетовъ, которыхъ было 1377, „едва ли $1/10$ доля занималась предложеннымъ предметомъ. Остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ“ [4]). По свидѣ-

[1]) „Матеріалы“, т. I, стр. 303.
[2]) „Русская старина“, 1881 г., V, 29.
[3]) „Русская старина“, 1881 г., № 5, стр. 19.
[4]) Семеновъ, „Освобожденіе крестьянъ“, I, 827.

тельству Соловьева, эта фраза вставлена въ записку рукой самого Ланскаго, но и Соловьевъ, повидимому, былъ съ ней согласенъ [1]). А между тѣмъ, едва ли этотъ отзывъ былъ справедливъ. Десятую часть всѣхъ членовъ комитетовъ составляли уже одни члены, подписавшіе проекты меньшинства разныхъ комитетовъ, и тверского большинства, къ которымъ несомнѣнно фраза эта не относилась. Изъ числа же членовъ большинства весьма многіе участвовали въ дѣлѣ не только вполнѣ сознательно, но и чрезвычайно активно. Какъ свидѣтельствуютъ современники и какъ это видно изъ журналовъ губернскихъ комитетовъ, члены большинства многихъ комитетовъ отнюдь не могутъ быть причислены сплошь и безъ разбору къ тѣмъ закорузлымъ и тупымъ консерваторамъ, которымъ противно всякое преобразованіе. Нѣкоторые изъ нихъ были по своимъ взглядамъ скорѣе либералами, въ политическомъ смыслѣ этого слова, и если они не сочувствовали предложенной имъ реформѣ, то въ значительной мѣрѣ потому, что реформа эта задумана была безъ ихъ участія и имъ предлагали обсудить ее по готовой программѣ, несогласованной съ ихъ мѣстными нуждами и интересами. Многіе изъ нихъ не сочувствовали и вообще либеральнымъ видамъ правительства, но и эти консерваторы дѣйствовали вовсе не безсознательно, а, наоборотъ—съ полнымъ сознаніемъ своихъ сословныхъ интересовъ и выгодъ. Можно ихъ обвинять въ сословномъ и классовомъ эгоизмѣ, можно говорить объ отсутствіи у нихъ гуманныхъ и филантропическихъ чувствъ, о недостаткѣ великодушія, но совершенно невѣрно приписывать имъ безсознательное отношеніе къ дѣлу. Разумѣется и здѣсь, какъ и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, были вожаки и рядовые, но это такъ же мало свидѣтельствуетъ о „безсознательномъ“ подчиненіи послѣднихъ первымъ, какъ и въ любомъ парламентѣ или другомъ общественномъ собраніи, гдѣ есть партіи, а слѣдовательно, и партійная дисциплина. Уже профессоръ Иванюковъ указалъ въ своей книгѣ, какъ несправедлива „легенда“ о сплошныхъ крѣпостническихъ тенденціяхъ дворянскихъ комитетовъ [2]). Съ тѣхъ поръ исторія работъ нѣсколькихъ комитетовъ выяснилась гораздо подробнѣе. Въ высшей степени важныя данныя даютъ письма и показанія участниковъ тверского комитета, А. М. Унковскаго и А. А. Головачева, опубликованныя Джаншіевымъ [3]),

---

[1]) „Русская старина“, 1881 г., № 5, стр. 31.
[2]) Иванюковъ, „Паденіе крѣпост. права“, изд. 1882 г., стр. 166.
[3]) „А. М. Унковскій и Освобожденіе крестьянъ“ и „Эпоха великихъ реформъ“.

„Матеріалы для біографіи князя Черкасскаго", изданные въ 1901 г. кн. О. Трубецкой, замѣтки, записки, мнѣнія и изслѣдованія по крестьянскому дѣлу Ю. Ѳ. Самарина, изданные его братомъ Дмитр. Ѳедоровичемъ (въ 3-мъ томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина), записки А. И. Кошелева, статья В. И. Снѣжневскаго о нижегородскомъ комитетѣ, записки Левшина, Соловьева и др. Мнѣ лично удалось изучить журналы двухъ губернскихъ комитетовъ, — калужскаго и саратовскаго. Особенно сильно противорѣчатъ отзыву Ланскаго труды калужскаго комитета. Бывшій въ Калугѣ губернаторомъ до средины 1858 г., гр. Д. Н. Толстой въ письмѣ къ А. И. Левшину выражался о калужскихъ дворянахъ и спутанности ихъ понятій не менѣе пренебрежительно, нежели Ланской о девяти десятыхъ членовъ губ. комитетовъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что онъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе неудачнымъ собесѣдованіемъ дворянъ съ посѣтившимъ Калугу лѣтомъ 1858 г. Левшинымъ, къ которому дворяне не чувствовали, очевидно, достаточнаго довѣрія и потому, вмѣсто того, чтобы говорить дѣло, пробавлялись разными пустыми отговорками и пышными фразами. Сами же калужскіе помѣщики, какъ показали послѣдствія, отлично столковались между собой и прекрасно поняли свои интересы, а также и то положеніе, которое имъ, съ точки зрѣнія сословныхъ ихъ выгодъ, всего удобнѣе было занять. Въ средѣ калужскаго комитета въ концѣ концовъ изъ 24 его членовъ оказалось 5 искренныхъ и послѣдовательныхъ либераловъ, которые и представили свой особый проектъ меньшинства; 6 или 7 членовъ принадлежали къ числу крайнихъ крѣпостниковъ; но и эти отнюдь не мечтали о сохраненіи крѣпостного права, а старались лишь придумать—и надо признать, съ большимъ пониманіемъ дѣла,—наиболѣе выгодный для помѣщиковъ способъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Остальные члены комитета принадлежали къ двумъ среднимъ группамъ: умѣренныхъ либераловъ и умѣренныхъ консерваторовъ (первыхъ было 5, вторыхъ—7). Между членами комитета не было ни одного члена, относившагося къ дѣламъ комитета безучастно или безсознательно. Изъ журналовъ комитета (полный печатный экземпляръ которыхъ сохранился въ архивѣ В. А. Арцимовича, бывшаго калужскаго губернатора), при внимательномъ ихъ изученіи, выступаетъ съ полною ясностью нравственная физіономія каждаго члена комитета, такъ какъ всѣ они не только принимали живое и дѣятельное участіе въ дебатахъ, но почти всѣ не лѣнились представлять по разнымъ вопросамъ письменныя мнѣнія, въ которыхъ обстоятельно развивали свои взгляды. Замѣча-

тельно, что въ калужскомъ комитетѣ, какъ меньшинство, такъ и большинство стояло за обязательный выкупъ и было противъ переходнаго срочно-обязаннаго положенія; какъ меньшинство, такъ и большинство назначало крестьянамъ одинаковый 2-хъ-десятинный надѣлъ, и разошлись они между собою лишь по вопросамъ объ оцѣнкѣ этого надѣла и о вотчинной власти помѣщика послѣ освобожденія крестьянъ. Чрезвычайно замѣчательно, съ другой стороны, что министерство внутреннихъ дѣлъ о работахъ комитета и о настроеніи калужскаго дворянства все время имѣло, въ сущности, невѣрное представленіе. Въ началѣ, изъ-за того, что калужская губернія отозвалась на вызовъ правительства чуть не послѣдняя, она считалась одной изъ наиболѣе крѣпостническихъ; впослѣдствіи же, когда комитетъ постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи ему составить выкупной проектъ, на калужскій комитетъ стали смотрѣть, какъ на одинъ изъ наиболѣе либеральныхъ и великодушно настроенныхъ; а между тѣмъ, и то, и другое—т. е. и замедленіе съ адресомъ, и требованіе обязательнаго выкупа—одинаково исходили изъ вполнѣ сознательнаго отношенія калужскихъ дворянъ къ дѣлу и изъ правильной оцѣнки своихъ собственныхъ выгодъ и интересовъ [1])...

Въ тверскомъ губернскомъ комитетѣ либеральный проектъ большинства подписанъ былъ 15-ю членами изъ 27 [2]). Но въ письмѣ къ Джаншіеву отъ 31 мая 1891 г. А. М. Унковскій предупреждалъ его: „не думайте, что 13 членовъ, не подписавшихъ проектъ большинства, были всѣ противниками освобожденія или надѣленія крестьянъ землей. Такихъ, какъ Веревкинъ, Милюковъ и Кудрявцевъ (т. е. крайнихъ, озлобленныхъ крѣпостниковъ), было очень мало. Большая часть ихъ боялась только слишкомъ быстраго переворота въ хозяйствѣ и не вѣрила возможности одновременнаго выкупа, по громадности финансовой операціи, т. е. были нашими противниками по недальновидности, словомъ, такими же противниками, какъ и члены редакціонныхъ коммиссій. Съ ними мнѣ приходилось такъ же спорить, какъ съ Милютинымъ, кн.

---

[1]) Ходъ дѣлъ въ калужскомъ комитетѣ и тогдашнее настроеніе калужскаго дворянства описаны мною въ статьѣ „Подготовленіе и введеніе крестьянской реформы въ Калужской губерніи“, въ Сборникѣ, издаваемомъ въ память В. А. Арцимовича.

[2]) Въ письмѣ къ А. И. Кошелеву отъ 18 апрѣля 1858 г. Унковскій писалъ, между прочимъ, о составѣ своего комитета: „У насъ людей единогласныхъ со мною—14, ретроградовъ—9, и 4 члена, которыхъ мнѣнія еще не опредѣлились, но которые до сихъ поръ еще отрицали, изъ страха не угодить избирателямъ, требованія большинства“. „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго“, I, приложенія, стр. 112.

Черкасскимъ, Самаринымъ, Ростовцевымъ, Я. А. Соловьевымъ и др. Они не могли понять, что одновременный выкупъ всѣхъ надѣловъ *возможнѣе и выгоднѣе постепеннаго*, между тѣмъ, какъ это для меня и лицъ, подписавшихъ проектъ большинства, было ясно, какъ день, ибо, при обязательномъ выкупѣ для однихъ крестьянъ, операція должна была совершаться преимущественно въ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне не состоятельны къ платежу оброковъ или къ погашенію ссудъ, вслѣдствіе чего сумма недоимокъ должна быть пропорціонально больше къ обороту, нежели при одновременномъ выкупѣ всѣхъ надѣловъ. Вотъ о чемъ мы спорили и въ Твери съ меньшинствомъ, и въ Петербургѣ съ членами коммиссій. Между тѣмъ, изъ неподписавшихъ проектъ 13 членовъ, я могу назвать трехъ членовъ, расположенныхъ не менѣе насъ къ реформѣ: депутата Бѣжецкаго уѣзда Модеста Воробьева, Кашинскаго—Зміева и Зубцовскаго—Зубкова“ [1]).

Тотчасъ послѣ выборовъ Самаринъ писалъ Черкасскому и Кошелеву отъ 9 іюля 1858 г., что составъ самарскаго комитета будетъ гораздо лучше, нежели онъ предполагалъ: „изъ 16 членовъ 8 рѣшительно стоятъ за освобожденіе съ достаточнымъ надѣломъ землею и за отдачу строенія даромъ“. Онъ прибавлялъ, впрочемъ, что пишетъ это со словъ одного изъ членовъ [2]). Тотчасъ послѣ открытія комитета, въ письмѣ отъ 27 сентября, онъ сообщалъ Кошелеву: „Партіи обозначились. Насъ, такъ называемыхъ либераловъ, или extreme gauche—4 человѣка. Среднихъ—привременныхъ и неопредѣленныхъ—3, отчаянныхъ консерваторовъ—9. Но наша партія цѣльнѣе“ [3]).

---

[1]) Джаншіевъ „А. М. Унковскій и проч.“, стр. 95. Здѣсь Унковскій несомнѣнно слишкомъ односторонне и смѣло обвиняетъ въ „недальновидности“ перечисленныхъ имъ членовъ редакціонныхъ коммисій. Онъ упускаетъ изъ виду, что безспорное въ Тверской губерніи могло быть спорно въ примѣненіи къ Самарской или Тульской; съ другой стороны, перечисленныя имъ лица вовсе не предлагали выкупа необязательнаго для помѣщика и обязательнаго для крестьянъ. Самаринъ писалъ даже какъ разъ противоположное (см. его статью „Объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ“, т. Ш, стр. 45 и 55). Утвержденіе Унковскаго въ этомъ случаѣ такъ же несправедливо въ отношеніи названныхъ имъ лицъ, какъ слѣдующее замѣчаніе о немъ кн. Черкасскаго въ письмѣ къ Самарину: „Иной разъ поневолѣ подумаешь—менѣе было бы добросовѣстно, по житейски болѣе выгодно погарцевать по примѣру Унковскаго на удобномъ и щеголеватомъ конькѣ выкупа“ (Матеріалы для біографіи, т. I, стр. 232). Вотъ какое взаимное непониманіе было по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ реформы между передовыми ея дѣятелями, непониманіе, объясняющееся, главнымъ образомъ, различіемъ мѣстныхъ условій.

[2]) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго“, т. 1-й, стр. 112-ая.

[3]) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго“, стр. 170.

Рязанскій комитетъ открылся 26 августа, и Кошелевъ писалъ послѣ первыхъ же засѣданій Черкасскому и Самарину (отъ 2 сентября 1858 г.): „Составъ комитета порядочный: до 10 человѣкъ благонамѣренныхъ, 3 злѣйшихъ оппонентовъ, остальные ни рыба, ни мясо и будутъ на сторонѣ тѣхъ, которые будутъ обѣщать имъ больше выгодъ"... [1]).

27 сентября онъ сообщалъ Черкасскому уже менѣе благопріятныя свѣдѣнія: „нашъ комитетъ становится все хуже и хуже. Оппозиція сплотняется. Наши ряды смыкаются, и la partie flottante переходитъ на сторону оппозиціи. Я уже записалъ въ журналъ 4 мнѣнія и увѣренъ, что далѣе ни одного журнала не будетъ безъ особаго или безъ особыхъ отъ меня мнѣній"...[2]).

Наконецъ, 22 октября онъ отправилъ Самарину и Черкасскому полную характеристику рязанскаго комитета, которую издательница этой переписки не признала, къ сожалѣнію, возможнымъ опубликовать и теперь (1901 г.). Въ концѣ, подводя итоги 27 членамъ комитета, Кошелевъ распредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

черныхъ	14
сѣрыхъ	5
красныхъ	8

„Изъ насъ восьми,—прибавляетъ Кошелевъ,—два имѣютъ похоти на сѣрый цвѣтъ, слѣдовательно, большинство всегда черное" [3]).

Про тульскіе выборы кн. Черкасскій писалъ 11 сентября 1858 г.: „Выборы систематически дурны. Дворяне (коноводы) хвастались, что выбираютъ *шлепалъ* (самъ первый разъ слышалъ это выраженіе), и что-де Черкасскій ихъ не уломаетъ. Наше меньшинство состоитъ изъ 10, не совершенно другъ съ другомъ согласныхъ лицъ, а въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ выростемъ до 12 противъ 17 или 15" [4]).

Впослѣдствіи это меньшинство не только не увеличилось, но стало таять: сперва отъ него отдѣлился одинъ, а потомъ еще три члена, и осталось всего шесть; а были и такія минуты, когда кн. Черкасскій думалъ, что ему придется остаться самъ

---

[1]) Тамъ же. стр. 147.
[2]) Тамъ же, стр. 165.
[3]) Тамъ же, стр. 177.
[4]) Тамъ же, стр. 148.

другъ съ П. Ѳ. Самаринымъ (вторымъ членомъ по назначенію отъ правительства).

Кромѣ тверского комитета, либеральнаго большинства не образовалось нигдѣ, да и въ Твери оно едва не вышло въ отставку in corpore, вслѣдствіе необходимости вести борьбу одновременно съ косными консерваторами и съ программою, данной правительствомъ. Унковскому удалось составить большинство 14 членовъ противъ 13 (впослѣдствіи 15 противъ 12), убѣдивъ ихъ принять его планъ немедленнаго и полнаго освобожденія крестьянъ съ обязательнымъ выкупомъ ихъ рабочей силы и земельныхъ надѣловъ. Но планъ этотъ, какъ мы видѣли, совершенно не соотвѣтствовалъ правительственной программѣ, изложенной въ рескриптахъ. Унковскій попытался обойти это затрудненіе, предложивъ комитету расширить понятіе усадебной осѣдлости, признавъ подъ нею не только усадьбу и пріусадебную землю (огородъ, коноплянникъ и выгонъ), но и необходимое для крестьянина по мѣстнымъ условіямъ количество пахотной и луговой земли, однимъ словомъ, весь крестьянскій надѣлъ. Но дѣло затруднилось еще болѣе, когда, вслѣдствіе ходатайства нижегородскаго дворянства—дозволить отдать крестьянамъ на выкупъ, при содѣйствіи правительства, часть пахотной земли, послѣдовало прямое запрещеніе дворянскимъ комитетамъ возбуждать вопросъ о выкупѣ земель. Тогда Унковскій и согласное съ нимъ большинство рѣшили поставить правительству ультиматумъ. Въ октябрѣ 1858 г. въ Петербургъ отправилась отъ тверского комитета депутація въ составѣ Унковскаго, Бакунина, Кишенскаго и Перхурова. Они объяснили правительству свой планъ реформы и объявили министру внутреннихъ дѣлъ, что они согласны составить проектъ реформы не иначе, какъ на основаніяхъ, которыя они сами считаютъ полезными, и если такого проекта не нужно, то просятъ назначить на ихъ мѣсто чиновниковъ, „которые напишутъ все, что имъ велятъ“. Это энергичное заявленіе поколебало упорство правительства. Дѣло было разсмотрѣно въ главномъ комитетѣ и рѣшено въ благопріятномъ для тверского комитета смыслѣ. Главный комитетъ, согласно съ заключеніемъ министра, постановилъ: „не стѣснять тверского дворянскаго комитета въ изысканіи средствъ къ предоставленію крестьянамъ, по желанію помѣщиковъ, и полевой земли въ собственность, но обязать означенный комитетъ составить постановленія объ усадьбахъ и полевыхъ угодіяхъ по каждому предмету особо“. Получивъ, такимъ образомъ, разрѣшеніе составить проектъ о выкупѣ надѣловъ, тверской комитетъ уже не былъ заинтересованъ въ отстаиваніи своего

распространительнаго толкованія термина „усадебная осѣдлость" и могъ составить проектъ на тѣхъ раціональныхъ основаніяхъ, которыя предложены были А. М. Унковскимъ [1]).

Озлобленные консерваторы, не имѣвшіе силы побѣдить Унковскаго въ комитетѣ, пытались дѣйствовать иными средствами. Пущены были въ ходъ угрозы, доносы и проч. Съ цѣлью произвести давленіе на комитетъ, крѣпостники собирали подписи подъ протестомъ отъ имени помѣщиковъ противъ постановленій, принятыхъ комитетомъ. Таковы были протесты, подписанные дворянами Ржевскаго и Вышневолоцкаго уѣздовъ [2]). Не довольствуясь этимъ, писали доносы, въ которыхъ указывались крамольные, революціонные замыслы либераловъ, при чемъ ссылались на то, что въ Твери проживаютъ возвращенные изъ Сибири декабристы, въ томъ числѣ Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, и петрашевцы—въ томъ числѣ тверской помѣщикъ Европеусъ и другъ его, писатель Ѳ. М. Достоевскій [3]).

Меньшинство тверского комитета складывалось изъ двухъ группъ: одна, большая (въ 8 человѣкъ), стояла на точкѣ зрѣнія рескриптовъ, т. е. желала переходнаго состоянія, выкупа крестьянами одной лишь усадьбы съ оставленіемъ временно земли въ пользованіи крестьянъ и съ сохраненіемъ вотчинной полицейской власти помѣщиковъ; другая, меньшая (изъ 4 лицъ), желала оттянуть и затормозить дѣло совершенно, путемъ назначенія кадастра всѣхъ помѣщичьихъ земель, опроса всѣхъ помѣщиковъ и устройства каждаго имѣнія въ отдѣльности на особыхъ началахъ. Къ чести комитета надо сказать, что нѣкоторыя изъ такихъ предложеній были отвергнуты въ комитетѣ почти единогласно. Унковскій провелъ свой планъ реформы сперва черезъ особую коммиссію, которая была учреждена въ самомъ началѣ и называлась: „коммиссія плана занятій" [4]), и только послѣ того внесъ его въ комитетъ.

---

[1]) „*Сборникъ* постановленій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ", вып. II, стр. 17. Цирк. 29 декаб. 1858 г. № 1668 о значеніи выраженія „усадебная осѣдлость". *Джаншіевъ* „А. М. Унковскій" стр. 95. Ср. письмо Унковскаго кн. Черкасскому отъ 10 окт. 58 г. и его же письмо къ Кошелеву („Матеріалы для біогр. Черкасскаго", 1, стр. 111—114). Изъ этихъ писемъ видно, что въ августѣ Ланской, при свиданіи съ Унковскимъ, обнадежилъ его, что правительство не будетъ настаивать на своемъ толкованіи термина „усадебная осѣдлость", а въ сентябрѣ, вслѣдствіе жалобы членовъ меньшинства, предписалъ строго держаться правительственнаго толкованія, послѣ чего Унковскій самъ 14 рѣшилъ подать въ отставку, и тогда министръ исходатайствовалъ имъ разрѣшеніе составить выкупной проектъ согласно съ ихъ убѣжденіями.

[2]) „А. М. Унковскій", стр. 111.

[3]) Тамъ же, стр. 89.

[4]) Тамъ же, стр. 78.

*

Вопросъ объ усадьбѣ и объ усадебной осѣдлости на первыхъ же порахъ возбудилъ большія пренія въ петербургскомъ губернскомъ комитетѣ. Здѣсь высказанъ былъ рѣшительный протестъ противъ выкупа усадебныхъ земель крестьянами въ собственность съ точки зрѣнія неприкосновенности вотчинныхъ правъ дворянства. Главнымъ запѣвалой явился А. П. Платоновъ, уѣздный предводитель того самаго царскосельскаго дворянства, по инціативѣ котораго еще при Николаѣ Павловичѣ былъ поднятъ петербургскимъ дворянствомъ вопросъ объ устройствѣ крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землей на эмеритевтическомъ (вѣчно-наслѣдственномъ, чиншевомъ) правѣ. Петербургское дворянство твердо стояло на этой точкѣ зрѣнія и, предполагая сохранить крестьянамъ достаточный надѣлъ пахотными и луговыми землями, а также выгонами и приусадебной землей на правѣ вѣчнонаслѣдственной аренды, оно упорно отстаивало сохраненіе за дворянами правъ вотчинной собственности на всѣ земли, въ томъ числѣ и усадебныя. Въ комитетѣ происходили по этому поводу большія и страстныя пренія [1]).

Узнавъ объ этомъ, а также и о томъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ совѣщаніяхъ сдѣланы были постановленія отдать крестьянамъ однѣ лишь усадебныя постройки безъ земли, правительство признало необходимымъ дать по этому вопросу свои разъясненія, которыя и были изложены въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ къ петербургскому генералъ-губернатору отъ 17 февраля 1858 г. за № 104 (разосланномъ впослѣдствіи и другимъ губернаторамъ). Указавъ, что соображенія, выраженныя какъ въ этомъ, такъ и въ прежнихъ его отношеніяхъ, необязательны для комитетовъ, министръ подтвердилъ, что неукоснительно должны быть исполнены лишь главныя начала, изложенныя въ рескриптахъ и заключающіяся „въ обезпеченіи помѣщикамъ поземельной ихъ собственности, а крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей“. Министръ указалъ, что развитіе этихъ началъ поручалось самимъ губернскимъ комитетамъ и что правительство нарочно давало свои указанія лишь въ общихъ чертахъ, „дабы подробною программою не стѣснить разсужденій и собственныхъ предположеній губернскаго комитета. Узнавъ, однако же, что нѣкоторые изъ дворянскихъ комитетовъ „встрѣчаютъ затрудненія въ своихъ сужденіяхъ“, не на-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостн. состоянія въ Россіи“, т. I, стр. 324.

ходя въ отношеніяхъ министра „подробнаго разрѣшенія всѣхъ представляющихся имъ вопросовъ“, министръ счелъ нужнымъ сообщить еще нѣкоторыя свои разъясненія. Ссылка на затрудненія, встрѣчаемыя комитетами, была лишь удобнымъ предлогомъ или простою фразою, такъ какъ въ то время (17 февраля 1858 г.) открылъ свои засѣданія одинъ только петербургскій комитетъ. Разъясненія же министра касались главнымъ образомъ *выкупа* усадебъ, относительно котораго было указано, что онъ можетъ быть совершаемъ разными средствами, при чемъ уплата денегъ можетъ быть разсрочена крестьянамъ и за предѣлы переходнаго періода. „Долговыя обязательства могутъ оставаться на крестьянахъ и по полученіи ими всѣхъ личныхъ правъ, съ тѣмъ только, что до окончательнаго за усадьбы платежа крестьяне сіи не будутъ полными ихъ владѣльцами“. Далѣе указывалось, что выкупленныя крестьянами усадьбы могутъ быть передаваемы лишь членамъ того же крестьянскаго общества или лицамъ, въ то общество принятымъ; что перенесеніе усадебъ на другія мѣста въ томъ же имѣніи можетъ быть допущено лишь по обоюдному согласію помѣщика и крестьянъ, съ утвержденія мѣстнаго присутствія; наконецъ, что и въ отношеніи отводимыхъ въ пользованіе крестьянскаго общества полей и другихъ угодій замѣна ихъ другими и всякія въ нихъ перемѣны могутъ быть дозволяемы тоже по взаимному лишь соглашенію крестьянъ и помѣщика, а споры, могущіе при этомъ возникнуть, должны разрѣшаться также вышеуказаннымъ мѣстнымъ присутствіемъ [1]).

Такъ какъ министръ самъ подтверждалъ въ этомъ своемъ отношеніи необязательность сдѣланныхъ имъ указаній и разъясненій, то естественно въ разныхъ комитетахъ не прекращались и послѣ того толки о томъ, что понимать подъ усадебною осѣдлостью, пока, наконецъ, государь не призналъ нужнымъ лично разъяснить въ рѣчи своей московскому дворянству (31 августа 1858 г.,) что подъ усадебною осѣдлостью онъ понимаетъ „не одно строеніе, но и всю усадебную землю“ [2]).

---

[1]) Отношеніе 17 февраля 1858 г. № 104, „Сборникъ постановленій“.. вып. I, стр. 61—63.

[2]) Въ воспоминаніяхъ своихъ А. М. Унковскій разсказываетъ забавную сцену, характерную для высшихъ вліятельныхъ сферъ того времени: при встрѣчѣ Государя въ пріѣздъ его въ Тверь, Унковскаго кто-то схватилъ на дебаркадерѣ за рукавъ. „Оглядываюсь—Долгорукій Вас. Анд. (шефъ жандармовъ). „Начали комитетъ?—онъ ко мнѣ:—Коноплянники отдаете? Царь сердится, что коноплянниковъ не отдаютъ“. Я говорю: мы не о коноплянникахъ думы думаемъ, а о большемъ: у насъ даже такого слова

Вслѣдствіе предписанія рескриптовъ объ оставленіи крестьянамъ ихъ усадебной осѣдлости, во многихъ мѣстахъ помѣщики спѣшили переселять своихъ крестьянъ на новыя мѣста, отчего естественно происходили волненія и безпорядки. Во Владимірской губерніи возникло даже громкое дѣло по жалобѣ крестьянъ уѣзднаго предводителя дворянства Кошанскаго, который переселялъ ихъ на другія мѣста, а затѣмъ, за ослушаніе, всю деревню сослалъ въ Сибирь, разобравъ ихъ избы и засѣявъ самое мѣсто подъ деревней хлѣбомъ. Ланской доложилъ объ этомъ случаѣ государю, и государь, отрѣшивъ въ гнѣвѣ Кошанскаго отъ должности, повелѣлъ крестьянъ вернуть съ дороги и водворить ихъ на прежнихъ мѣстахъ на счетъ Кошанскаго, а поступокъ его отдать на судъ владимірскаго дворянства. Случай этотъ произвелъ большую сенсацію между помѣщиками; но любопытно, что дворянство не сдѣлало постановленія объ исключеніи Кошанскаго изъ своей среды, а постановило лишь 76 голосами противъ 74 произвести по этому дѣлу подробное разслѣдованіе, которое, однако, ни къ чему не привело [1]). Въ виду этого стремленія помѣщиковъ къ переселенію крестьянъ, Ланской счелъ нужнымъ дать секретный циркуляръ, въ которомъ онъ поручалъ губернаторамъ „внушать помѣщикамъ, безъ оффиціальной огласки, что для собственной ихъ пользы весьма желательно, дабы усадебная осѣдлость крестьянъ оставалась именно въ теперешнемъ положеніи, и переселеніе крестьянъ, даже въ одномъ и томъ же имѣніи, допускалось не иначе какъ по очевидной въ томъ для хозяйственныхъ распоряженій надобности, безъ малѣйшаго обремененія крестьянъ и съ принятіемъ, когда нужно, нѣкоторыхъ предосторожностей“ (?) [2]).

Губернскіе комитеты, открывшіе свои засѣданія до апрѣля 1858 г. (петербургскій, нижегородскій, виленскій, гродненскій и ковенскій), приступили къ занятіямъ безъ подробной правитель-

---

нѣтъ, у насъ болѣе широкое понятіе—усадьба. Мы хотѣли усадьбою больше назвать, чѣмъ то, что въ программѣ стоитъ, да не знаемъ, какъ поступить. Вѣдь если писать по программѣ, выйдетъ несообразность. Мы же думаемъ усадьбою назвать просто весь надѣлъ, за исключеніемъ дальнихъ пустошей.—Долгорукій взъерошился.—„Ну какъ же? Вѣдь это... того... какъ посмотрятъ?.. Это не ладно... вѣдь предписано по программѣ писать“... Адлербергу, напротивъ, очень понравилась мысль—назвать усадьбою весь надѣлъ“. (Джаншіевъ. А. М. Унковскій, стр. 80).

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“, т. I, стр. 345. То же у Соловьева: „Русская старина“, за 1882 г. № 4, стр. 143.

[2]) „Сборникъ постановленій“, вып. I, стр. 67. Секретный циркуляръ отъ 20 марта 1858 г. № 44.

ственной программы, получивъ на первыхъ порахъ въ руководство лишь „главныя основанія", преподанныя въ высочайшихъ рескриптахъ, и указанія, сообщенныя имъ въ сопроводительныхъ отношеніяхъ министра. Эти указанія были дополнены въ циркулярѣ 17 февраля 1858 г. нѣкоторыми разъясненіями по вопросу о выкупѣ усадебъ, при чемъ министръ, какъ мы уже видѣли, заявилъ, что правительство намѣренно избѣгаетъ детальныхъ указаній, *„дабы подробною программою не стѣснить разсужденій и собственныхъ предположеній губернскихъ комитетовъ"*, и что мысли и соображенія, высказанныя имъ въ сопроводительныхъ отношеніяхъ, отнюдь не должны приниматься за предрѣшеніе вопросовъ, поставленныхъ на разсмотрѣніе комитетовъ [1]). Но министерство внутреннихъ дѣлъ, не установившее еще прочно своихъ собственныхъ взглядовъ на предстоявшую реформу и не имѣвшее тогда большого вліянія на ходъ дѣлъ, вскорѣ было вынуждено измѣнить таковыя свои намѣренія.

Главный комитетъ призналъ въ это время необходимымъ дать въ руководство губернскимъ комитетамъ подробную программу, при чемъ составить программу было поручено именно министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ. Въ исполненіе этого порученія А. И. Левшинъ составилъ въ мартѣ 1858 г. проектъ „плана работъ, предстоящихъ дворянскимъ губернскимъ комитетамъ" [2]). Проектъ этотъ былъ тогда же разосланъ на заключеніе различныхъ свѣдущихъ лицъ, но не получилъ одобренія, и министерство, если вѣрить Позену, въ концѣ марта 1858 г. даже отбирало обратно разосланные имъ экземпляры [3]). Случилось это потому, что въ это дѣло вмѣшался Ростовцевъ, выработавшій свой проектъ при содѣйствіи Позена и очень желавшій провести его въ главномъ комитетѣ. Во время этой работы Позенъ, вдохновлявшій тогда Ростовцева, чуть было съ нимъ не разсорился, но успѣлъ-таки настоять на осуществленіи выработаннаго имъ плана, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ [4]). Позену во всякомъ случаѣ принадлежитъ идея раздѣлить работу губернскихъ комитетовъ на три періода и предоста-

---

[1]) „Сборникъ постановленій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ", вып. I, стр. 61.

[2]) Планъ Левшина и возраженія на него Ю. С. Самарина напечатаны въ III томѣ сочиненій послѣдняго, стр. 56—71.

[3]) „Бумаги М. П. Позена", стр. 55.

[4]) Оправдательное письмо Я. И. Ростовцева къ кн. Евг. Петр. Оболенскому (декабристу). „Бумаги Позена", стр. 54—56.

вить имъ въ первомъ періодѣ ихъ дѣятельности, который долженъ былъ, согласно уже объявленному высочайшему повелѣнію, длиться шесть мѣсяцевъ, выработать проектъ положенія лишь для *срочно обязанныхъ крестьянъ*. Для Позена это было важно потому, что открывалась такимъ образомъ возможность пріурочить требованія высочайшихъ рескриптовъ относительно надѣленія крестьянъ землей къ одному лишь переходному, срочно-обязанному періоду, по истеченіи котораго *вся* земля могла быть снова возвращена въ полное распоряженіе помѣщиковъ. Эту свою мысль Позенъ въ то время не высказалъ прямо Ростовцеву; онъ, наоборотъ, выставлялъ себя даже сторонникомъ надѣленія крестьянъ землеї и выкупа ея въ собственность, *но лишь по добровольнымъ соглашеніямъ съ каждымъ помѣщикомъ въ отдѣльности*. Впослѣдствіи мысль Позена нашла себѣ полное выраженіе въ поста новленіяхъ *полтавскаго* губернскаго комитета, вліятельнымъ членомъ котораго онъ былъ, и въ засѣданіи общаго собранія редакціонныхъ коммиссій 12 августа 1859 г., гдѣ онъ настаивалъ, что „правительство, давая програму губернскимъ комитетамъ (будтобы), намѣревалось обезпечить крестьянъ землей за опредѣленныя повинности, *только на 12-ти лѣтній періодъ* срочно-обязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, т. е. на періодъ переходный“, по истеченіи котораго полевая земля, „какъ неотъемлимая собственность помѣщика, должна возвратиться въ его свободное распоряженіе и можетъ быть имъ отдаваема и въ пользованіе крестьянъ, и на выкупъ, по его усмотрѣнію“... [1]).

Программа, составленная такимъ образомъ по плану Позена Ростовцевымъ и обсужденная съ М. Н. Муравьевымъ и Ланскимъ, была внесена, послѣ нѣкоторыхъ возраженій Ланскаго, въ главный комитетъ и здѣсь утверждена въ присутствіи государя. 21 апрѣля 1858 г. она была разослана по высочайшему повелѣнію въ руководство губернскимъ комитетамъ. Такъ какъ она подробно регламентировала весь ходъ дѣла и ставила дѣятельность комитетовъ въ довольно тѣсныя рамки, то среди членовъ губернскихъ комитетовъ она встрѣтила во многихъ мѣстахъ враждебное отношеніе, тѣмъ

---

[1]) П. П. Семеновъ: „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императера Александра II“, т. I, стр. 542. Срав. „М. П. Позена“ стр. 52 и слѣд. Въ своемъ „Планѣ“ А. И. Левшинъ проектировалъ совершенно иныя указанія комитетамъ: по его плану полевая земля должна была отводиться крестьянамъ въ *безсрочное* пользованіе, отнюдь не ограничиваемое однимъ лишь переходнымъ періодомъ (Самаринъ. Сочиненія, т. III, стр. 59, прим.).

болѣе, что они не могли уже признавать ее для себя не обязательной, такъ какъ она разослана была имъ въ руководство по *высочайшему повелѣнію* [1]).

Дѣятельность губернскихъ комитетовъ по программѣ раздѣлялась на три періода.

Въ первомъ періодѣ задача комитетовъ сводилась къ опредѣленію, въ особомъ проектѣ положенія, главныхъ началъ для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Во второмъ періодѣ на нихъ же предполагалось возложить „исполненіе, *по каждому имѣнію* сего положенія, какъ оно удостоится высочайшаго утвержденія".

Въ третьемъ—„начертаніе сельскаго устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта или представленіе необходимыхъ для сего матеріаловъ".

Занятія перваго періода раздѣлялись на *предварительныя и окончательныя*. Къ первымъ отнесены: собраніе свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ и уѣздныя совѣщанія въ (тѣхъ губерніяхъ, гдѣ послѣднія предназначены). Программу для собиранія свѣдѣній предоставлено было составить въ каждой губерніи губернскому предводителю, какъ предсѣдателю комитета; но тутъ же указаны были въ 16 пунктахъ тѣ свѣдѣнія, которыя представлялось полезнымъ собрать повсемѣстно [2]). Всѣ собранныя по имѣніямъ свѣдѣнія должны были быть соединены въ одинъ общій сводъ по каждому уѣзду и въ этомъ видѣ вноситься въ губернскіе комитеты.

---

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія", т. I, стр. 330; „Бумаги М. П. Позена", стр. 54—56.

[2]) Свѣдѣнія эти были: 1) число душъ въ каждомъ имѣніи по ревизскимъ сказкамъ. 2) Раздѣленіе крестьянъ, относительно къ отправленію повинностей, на тягла и число тяголъ или работниковъ. 3) Усадебное устройство ихъ, число усадебъ, пространство земли подъ усадьбами. 4) Общее пространство земли въ каждомъ имѣніи: а) особо отмежеванныя земли, б) черезполосныя. 5) Распредѣленіе поземельныхъ угодій между помѣщикомъ и крестьянами. 6) Отношеніе общаго количества земли къ населенію по душамъ. 7) Отношеніе крестьянскаго надѣла къ массѣ населенія десятинами по тягламъ или работникамъ. 8) Цѣнность усадебъ: *строеній* и земли. 9) Цѣнность полевыхъ угодій разныхъ наименованій: а) ходячая цѣна, б) наемная плата съ десятины, в) стоимость обработки, г) средній валовой доходъ съ десятины. 10) Промышленность крестьянъ: а) земледѣльческая, б) ремесленная, в) заводская и фабричная и г) извозы и пр. 11) Повинности крестьянъ: а) подати и оброки; б) ихъ размѣръ и способы взиманія, в) натуральная повинность, число рабочихъ дней, урочныя работы, приблизительная оцѣнка рабочаго дня: мужского пѣшаго, мужского коннаго или воловьяго, женскаго; сгонные дни и уплата за нихъ. 12) Дворовые: а) приписанные къ домамъ и капиталамъ; б) причисленные къ населеннымъ имѣніямъ, в) раздѣленіе послѣднихъ на домашнюю прислугу и должностныхъ при хозяйствѣ. Число тѣхъ и другихъ по ревизіи и устройство экономическаго ихъ быта. 13) Изъ крестьянскаго населенія: писаря, конторщики, лѣсничіе,

Относительно уѣздныхъ совѣщаній было указано, что они „дѣлаются при самомъ выборѣ членовъ и касаются только способовъ исполненія основныхъ началъ, предначертанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, и указаній, содержащихся въ циркулярныхъ предписаніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, потребностями, промыслами и занятіями жителей уѣзда". Постановленія уѣздныхъ совѣщаній представляются губернскому комитету, кромѣ тѣхъ,—добавлялось въ примѣчаніи,—которые уже открыты и приступили къ работамъ.

Окончательныя занятія комитетовъ въ первомъ періодѣ состоятъ:

1) Въ составленіи общаго свода о положеніи дворянскихъ имѣній.

2) Въ составленіи общаго свода предметамъ, обратившимъ на себя вниманіе дворянства на уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

3) Въ разсмотрѣніи и обсужденіи всѣхъ предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. „Предметы сіи,—сказано въ программѣ,—разсматриваются послѣдовательно *въ томъ порядкѣ, въ какомъ изложены ниже*, и окончательное по каждому постановленіе вносится въ журналъ".

4) Въ начертаніи самаго проекта положенія. Трудъ этотъ поручался особой редакціонной коммиссіи, составленной изъ трехъ и не болѣе четырехъ членовъ комитета.

„Проектъ, для удобнѣйшаго разсмотрѣнія и соображенія въ главномъ комитетѣ, имѣетъ по всѣмъ губерніямъ одну общую форму, съ раздѣленіемъ на главы, отдѣленія и параграфы".

Къ нему прилагается „обзоръ основаній", съ краткимъ изложеніемъ причинъ и уваженій, содержащихся въ журналахъ. „*Всѣ работы перваго періода, и предварительныя и окончательныя, продолжаются не долѣе шести мѣсяцевъ*".

Проектъ положенія долженъ былъ состоять изъ слѣдующихъ главъ:

музыканты, пѣвчіе, фельдшера, ветеринары, винокуры, садовники, огородники, сахаровары, селитровары, мельники, пастухи и проч.; число ихъ и устройство экономическаго ихъ быта. 14) Число грамотныхъ крестьянъ въ имѣніи и способы распространенія грамотности, нынѣ существующіе. 15) Экономическія и благотворительныя заведенія: мірскіе капиталы, сельскіе банки, запасные магазины, богадѣльни, больницы, дѣтскіе пріюты. 16) Банковые долги и податныя недоимки на имѣніяхъ; сумма тѣхъ и другихъ къ 1 января 1858 г.

1. Переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные.
II. Сущность срочно обязаннаго положенія.
III. Поземельныя права помѣщиковъ.
IV. Усадебное устройство крестьянъ.
V. Надѣлъ крестьянъ землей.
VI. Повинности крестьянъ.
VII. Устройство дворовыхъ людей.
VIII. Образованіе сельскихъ обществъ.
IX. Права и отношенія помѣщиковъ.
X. Порядокъ и способы исполненія.

Затѣмъ слѣдовалъ по главамъ довольно подробный перечень вопросовъ и предметовъ, которые должны были составить содержаніе каждой главы. Особенно характерными были главы: II—V и IX, а потому мы приведемъ здѣсь ихъ содержаніе:

Гл. II. Сущность срочно обязаннаго положенія.

„Оставленіе крестьянъ, *временно*, крѣпкими землѣ.

„Воспрещеніе, до времени, перехода цѣлыми обществами и селеніями.

„Дозволеніе перехода въ другія сословія отдѣльному лицу или семейству.

„Отправленіе всѣхъ установленныхъ повинностей къ помѣщику.

„Крайній срокъ, назначенный для срочно-обязаннаго положенія (переходнаго состоянія), *независящій отъ выкупа усадебъ*.

Гл. III. Поземельныя права помѣщиковъ.

„Неприкосновенность правъ собственности помѣщиковъ на *всю* землю.

„Хозяйственное устройство *по усмотрѣнію*.

„Право залога и продажи.

„Право помѣщика на минеральныя богатства, лѣса и воды во всѣхъ вообще земляхъ его имѣнія, кромѣ выкупленныхъ усадьбъ.

Гл. IV. Усадебное устройство крестьянъ.

„Въ чемъ заключается усадьба: 1) усадебныя строенія, и 2) усадебныя земли.

„Оцѣнка усадьбы.

„Право крестьянъ на пріобрѣтеніе усадебъ въ собственность черезъ выкупъ.

„Право крестьянъ пользоваться ими до выкупа.

„Выкупъ усадебъ по утвержденной оцѣнкѣ *вдругъ* или *постепенно*, деньгами или работою.

„Удобнѣйшіе способы для выкупа усадебъ.

„Пользованіе потомственно усадьбою, съ платежомъ опредѣленныхъ процентовъ съ оцѣночной суммы и съ сохраненіемъ за крестьянами права выкупа, доколѣ они будутъ оставаться въ составѣ общества.

Гл. V. Надѣлъ, въ пользованіе крестьянъ землею пахотною и другими угодьями.

„Основаніе надѣла по душамъ, тягламъ или работникамъ.

„Наименьшій размѣръ надѣла въ имѣніяхъ малоземельныхъ, среднеземельныхъ и многоземельныхъ.

„Какія имѣнія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаются малоземельными, какія среднеземельными и какія многоземельными.

„Опредѣленіе правъ крестьянскаго общества и членовъ его на пользованіе отведенною имъ землею.

„Право возведенія хозяйственныхъ строеній, съ согласія общества и помѣщика.

„Случаи перемѣны нарѣзанныхъ крестьянамъ земель и правила, для сего постановляемыя“.

Гл. IX. Права и отношенія помѣщиковъ.

„Присвоеніе помѣщику званія начальника общества“.

„Права и отношенія его къ обществу:

а) по сельскому благоустройству и порядку,

б) по внутреннему управленію,

в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами,

г) по отправленіи крестьянами повинностей,

д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ“.

Составленный комитетомъ проектъ вмѣстѣ съ „обзоромъ основаній“ и сводомъ предметовъ, обратившихъ вниманіе дворянства на уѣздныхъ совѣщаніяхъ, представляется губернаторомъ министру внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ первый періодъ считается оконченнымъ, и комитетъ закрывается.

Относительно этой программы въ „Колоколѣ“ Герцена была напечатана весьма нелестная для ея составителей критическая статья,

по поводу которой Я. И. Ростовцевъ счелъ нужнымъ написать оправдательное письмо къ другу юности, декабристу кн. Евг. Петр. Оболенскому. Утверждая въ немъ, между прочимъ, что „программа далеко двинула вопросъ и была благодѣтельна для крестьянъ и удобна для комитетовъ", онъ указывалъ, что критикъ, разбиравшій эту программу въ „Колоколѣ", не замѣтилъ двухъ услугъ, оказанныхъ ею дѣлу освобожденія:

„1) Вслѣдствіе программы крестьянинъ дѣлается лично свободнымъ немедленно по утвержденіи положеній, не ожидая, какъ предполагалось прежде, выкупа своей усадьбы, что отсрочило бы его освобожденіе на долгое время.

„2) Крестьянину предоставлено программою право безсрочнаго пользованія усадьбою, выкупъ ея поставленъ ему въ право, а не въ обязанность, и на неопредѣленный срокъ„ [1]).

Пожалуй, можно признать, что обѣ эти услуги были дѣйствительно оказаны программой, хотя уже разъясненіе, сдѣланное министромъ въ циркулярѣ 17 февраля 1858 г. за № 104, значительно подготовило для нихъ почву, и во всякомъ случаѣ онѣ не могутъ быть поставлены въ уровень съ той услугой врагамъ реформы, которую Позену удалось оказать здѣсь такъ ловко, что Ростовцевъ этого даже и не замѣтилъ [2]). Позднѣе Ростовцевъ самъ ясно увидѣлъ истинное значеніе этой программы, когда при помощи Милютина и Соловьева, ему удалось, наконецъ, оцѣнить по достоинству стремленія главнаго ея творца, М. П. Позена, и когда поста новленія цѣлаго ряда губернскихъ комитетовъ, съ другой стороны, воочію показали ему, какое употребленіе изъ этой программы могли сдѣлать лица, желавшія обезземелить крестьянъ. Въ губернскихъ комитетахъ программа эта признавалась стѣснительной главнымъ

---

[1]) Ростовцевъ имѣлъ здѣсь въ виду, очевидно, первую главу программы; „О переходѣ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочнообязанные". Содержаніе этой главы было слѣдующее: „прекращеніе *личнаго* крѣпостного права на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ. Дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ, лично и по имуществу, всѣхъ правъ, присвоенныхъ другимъ податнымъ сословіямъ въ государствѣ. Исчисленіе этихъ правъ по своду законовъ. Наименованіе помѣщичьихъ крестьянъ срочно-обязанными". Этой главой Позенъ, повидимому, и загипнотизировалъ Ростовцева.

[2]) Не даромъ такъ цѣнилъ Позена М. Н. Муравьевъ. Въ „Дневникѣ" Валуева подъ 10 мая 1859 г. записано: Видѣлъ у него (у Муравьева) пріѣхавшаго въ качествѣ эксперта М. И. Позена. Министръ ему крайне обрадовался, лицо его просіяло истинной радостью. „Il donnera—сказалъ мнѣ потомъ Михаилъ Николаевичъ — un coup de poignard à Rostowtzeff". „Русск. Старина" за 1891 г. № 8, стр. 278.

образомъ противниками срочно-обязаннаго положенія, т. е. людьми, желавшими полной и окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, которую они считали возможной осуществить лишь при помощи обязательнаго выкупа крестьянскихъ повинностей. Впрочемъ рѣзко выразилъ свой протестъ противъ программы одинъ лишь тверской комитетъ, предводимый Унковскимъ. Въ менѣе рѣшительной формѣ высказывали свои затрудненія члены другихъ комитетовъ нечерноземныхъ губерній. Таково было ходатайство калужскаго комитета, поддержанное весьма энергично мѣстнымъ губернаторомъ, В. А. Арцимовичемъ. Напротивъ, тѣ изъ сторонниковъ реформы, которые признавали переходный періодъ неизбѣжнымъ,—считали необходимымъ, при всѣхъ отрицательныхъ сторонахъ программы, на нее главнымъ образомъ опираться, не допуская лишь такого ея толкованія, которое было направлено къ обезземеленью крестьянъ по истеченіи срочно обязаннаго періода. Такъ смотрѣли на дѣло Кошелевъ и Самаринъ. Князь Черкасскій въ началѣ колебался; „Мнѣ кажется,—писалъ онъ Кошелеву 29 іюня 1858 г.,—что совершенно подчиниться программѣ невозможно и при томъ невыгодно для эмансипаторовъ тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ неудачи, всегда остается шансъ возвратиться къ ней, какъ pis aller; и тогда уже, опираясь на нее, какъ на minimum правительственныхъ требованій, сильно настаивать на легальномъ ея характерѣ и на ненарушимости ея“ [1]). Самъ Черкасскій намѣревался, какъ видно изъ этого же его письма, сперва поставить и разрѣшить въ комитетѣ нѣкоторые общіе принципіальные вопросы, напримѣръ, о надѣленіи крестьянъ землей, нераздѣльно съ усадьбами. На это Кошелевъ отвѣчалъ: „я не думаю, чтобы слѣдовало отступать въ самомъ началѣ отъ программы. Какъ она ни дурна, но наши дворяне сто разъ хуже ея, а потому и намъ необходимо уцѣпиться за нее, особенно въ началѣ“ [2]). Выше мы уже привели то мѣсто изъ письма Самарина, гдѣ онъ говоритъ, что необходимо держаться программы, такъ какъ нельзя заразъ вести споръ и съ дворянствомъ, и съ правительствомъ [3]). Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, говоря о правительственной программѣ, и Самаринъ, и Кошелевъ разумѣли не только программу занятій губернскихъ комитетовъ, а весь планъ реформы и прежде всего рескрипты; поэтому они, конечно, и мысли не допускали о

1) „Матеріалы для біографіи Черкасскаго“, I, 115.
2) Тамъ же, 117.
3) Тамъ же, 119.

возможности обезземеленья крестьянъ по истеченіи переходного періода. Что касается плана реформы вообще, то они, какъ мы знаемъ раздѣляли взглядъ правительства о необходимости переходнаго состоянія, и въ сущности единственнымъ недостаткомъ плана, выраженнаго въ рескриптахъ, признавали отдѣленіе усадебъ отъ остального крестьянскаго надѣла [1]).

Что же касается собственно программы занятій губернскихъ комитетовъ, то съ вопросомъ о ней у нихъ соединились разные другіе вопросы парламентской тактики. Такъ, Кошелевъ писалъ: „Думаю, что общіе споры (въ комитетахъ) неизбѣжны, но они должны имѣть одно благое дѣйствіе — утомить $^4/_5$ членовъ; пусть эти безплодные споры продолжаются даже два мѣсяца, зато послѣ двинемся скоро и успѣшно. Тогда мы *по необходимости* возьмемъ дѣло въ свои руки. Будьте увѣрены, что сперва всѣ на стѣны полѣзутъ, а потомъ поуймутся. Я нахожу, что первая глава Ростовцевской программы для насъ самое удобное и безвредное поле“ [2]).

Въ программѣ занятій, какъ мы видѣли, было опредѣлено, что для составленія журналовъ, а затѣмъ и проекта положенія слѣдуетъ выбрать изъ среды комитета особую редакціонную коммиссію. Князь Черкасскій находилъ весьма важнымъ попасть въ эту коммиссію [3]). Но мнѣніе Самарина и Кошелева было совсѣмъ иное: „Это не только безполезно,—писалъ послѣдній Черкасскому,—но положительно вредно: много отниметъ времени, еще болѣе всѣхъ раздражитъ, а толку изъ этого не будетъ никакого“ [4]). У Самарина задолго до открытія комитета составился свой, совершенно опредѣленный планъ дѣйствій: „я рѣшился—писалъ онъ еще 18 іюня—настаивать, чтобы въ порядкѣ засѣданій и въ самомъ существѣ дѣла комитетъ держался программы, по крайней мѣрѣ, сколько возможно. Мнѣ кажется, что, какова бы она ни была, въ рамки ея можно втиснуть если не все желанное, то, по крайней мѣрѣ, все необходимое на первое время и достаточное для опредѣленія дальнѣйшихъ мѣръ. По мѣрѣ разсмотрѣнія вопросовъ, я буду протестовать и подавать краткія мнѣнія, и къ концу, когда редакціонная коммис-

[1]) Лучше всего эта точка зрѣнія выражена въ статьяхъ Самарина „Объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ“, въ №№ 2 и 4 „Сельск. Благоустройства“ за 58 г. Сочинен. III, 19—55.

[2]) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго“, I, 117.

[3]) Тамъ же, 123.

[4]) Тамъ же, стр. 177. Письмо Кошелева къ кн. Черкасскому отъ 22 октября 1858 г.

сія (*въ которой я не буду участвовать*) представить свой проектъ, я внесу единовременно свой полный, обработанный проектъ, и потребую, чтобы онъ былъ принятъ или представленъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ комитетскимъ. Онъ теперь у меня конченъ, и я занимаюсь окончательной его редакціей" [1]).

Вообще кн. Черкасскому хотѣлось занять вліятельное положеніе въ комитетѣ и подчинить себѣ направленіе въ немъ всего дѣла; Самаринъ, напротивъ, заранѣе предвидѣлъ невозможность какихъ-либо компромиссовъ съ большинствомъ и потому надѣялся лишь на то, что мнѣнія меньшинства также будутъ выслушаны въ Петербургѣ и не останутся втунѣ. Въ концѣ концовъ Черкасскому совсѣмъ не удался его планъ дѣйствій: онъ только понапрасну дразнилъ и раздражалъ противниковъ, такъ что Самаринъ рѣшился даже, наконецъ, ему это замѣтить [2]). Наоборотъ, Самарину, благодаря его необыкновенной находчивости, подготовленности и самообладанію, не только вполнѣ удалось дѣйствовать такъ, какъ онъ желалъ, но и гораздо болѣе того: ему удалось заставить и большинство своего комитета принять цѣлый рядъ выработанныхъ имъ положеній, несмотря на чрезвычайно враждебное отношеніе къ нему членовъ этого большинства. Его предложенія всегда бывали обоснованы не только замѣчательно логично и вѣско, но и съ удивительнымъ знаніемъ міросозерцанія, привычекъ и интересовъ той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ. Намѣреніе, выраженное Черкасскимъ,—вносить въ комитетъ и подвергать обсужденію не вопросы, а заготовленные проекты отвѣтовъ на вопросы — вызвало со стороны Самарина слѣдующій, несомнѣнно глубоко продуманный, отвѣтъ: „Мысль Черкасскаго...—писалъ онъ,—совершенно вѣрна, но опасно намъ брать это дѣло на себя. Наше положеніе будетъ невыгодно, свѣжія силы и благородный пылъ дворянства обратятся въ критику, и, разбивши насъ въ пухъ и прахъ, они de guerre lasse примутъ какой нибудь вздоръ,—я хочу имъ дать *выболтаться* и внести окончательно выработанный проектъ *къ концу*, когда они будутъ озабочены редакціей и увидятъ, что изъ всѣхъ ихъ постановленій нѣтъ возможности сдѣлать что-либо путное. Тогда, какъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 120.

[2]) Тамъ же, стр. 253. „Знаете ли что?—писалъ Самаринъ Черкасскому въ декабрѣ 1858 г.—Очень можетъ быть, что я ошибаюсь, но мнѣ сдается отсюда, что вы въ комитетѣ во зло употребляете фехтовальное искусство и дразните благородное дворянство. Я рѣшаюсь вамъ это высказать, потому что и самъ въ этомъ грѣшенъ, особенно былъ грѣшенъ въ первое время. Теперь я уходился и взялъ тѣмъ, что всю работу принялъ на себя".

единственный грамотный человѣкъ въ комитетѣ, я буду имѣть большое преимущество“ [1]).

Занятія всѣхъ губернскихъ комитетовъ начинались съ выработки и утвержденія регламента или устава засѣданій. Задача эта выполнялась большею частью въ одно, два засѣданія, безъ большихъ преній. Но въ тульскомъ комитетѣ, вслѣдствіе принятой тульской крѣпостнической партіей системы обструкціи, споры о регламентѣ протянулись цѣлыхъ три мѣсяца, такъ что министерство сочло нужнымъ вмѣшаться и сдѣлать комитету черезъ губернатора внушеніе о необходимости болѣе продуктивной работы [2]). Замѣчательно, что въ регламентъ или уставъ комитетскихъ засѣданій здѣсь включены были статьи: 1) о томъ, что засѣданія комитета безусловно закрыты для всѣхъ постороннихъ лицъ, въ томъ числѣ и для мѣстныхъ дворянъ, и 2) что всѣ вопросы рѣшаются тайной подачей голосовъ. Во всѣхъ другихъ комитетахъ ничего подобнаго не было, и члены консервативной партіи вездѣ, наоборотъ, хлопотали о допущеніи въ залу засѣданій мѣстныхъ и пріѣзжихъ дворянъ, видя въ ихъ присутствіи поддержку своимъ крѣпостническимъ мнѣніямъ и надѣясь, не безъ основанія, и на то, что присутствующіе дворяне могутъ сдерживать и стѣснять либеральное меньшинство комитетовъ. Когда послѣдовалъ отказъ министерства на ходатайство калужскаго комитета о допущеніи въ его засѣданія мѣстныхъ дворянъ, то одинъ изъ вліятельныхъ чиновниковъ земскаго отдѣла, баронъ Штакельбергъ, въ письмѣ, находящемся въ архивѣ В. А. Арцимовича, доказывалъ, что министерство запретило допущеніе дворянъ въ засѣданія комитета *въ интересахъ либеральной партіи*, именно, чтобы не стѣснять свободу преній. Какъ увидимъ ниже, въ Нижнемъ Новгородѣ именно члены редакціонной партіи хотѣли *опубликовать* среди мѣстныхъ дворянъ постановленія комитета, чтобы вызвать среди нихъ возбужденіе противъ нѣкоторыхъ либеральныхъ рѣшеній. Въ Тулѣ же, наоборотъ, члены большинства считали для себя невыгодной даже такую ограниченную гласность. Повидимому, это можно объяснить только тѣмъ, что они всѣ свои усилія съ самаго начала сосредоточили на обструкціи, имѣвшей цѣлью затянуть пренія комитета до начала дворянскаго собранія, при помощи котораго они надѣялись

[1]) Тамъ же, стр. 121. Удачный примѣръ такой тактики Самаринъ могъ почерпнуть въ исторіи крестьянск. реформы въ Пруссіи у кн. Гарденберга. См. сочиненія Самарина, т. II, стр. 280.

[2]) Сборникъ постановленій, вып. II, стр. 19. Предл. М. В. Д. отъ 30 дек. 1858 г. за № 1702.

освободиться отъ нѣкоторыхъ непріятныхъ для большинства комитета членовъ, особенно отъ кн. Черкасскаго. Въ своей борьбѣ съ Черкасскимъ они зашли такъ далеко, что, находя подачу особыхъ мнѣній меньшинствомъ и отдѣльными лицами нарушеніемъ тайны голосованій, постановили запретить подачу отдѣльныхъ мнѣній [1]). Въ результатѣ министерство признало необходимымъ еще разъ вмѣшаться въ дѣла комитета, и наканунѣ открытія дворянскаго собранія (9 декабря) въ тульскомъ комитетѣ была получена бумага министра, въ которой велѣно было: 1) уничтожить тайную баллотировку шарами; 2) не противиться подачѣ отдѣльныхъ мнѣній; 3) признать присутствіе членовъ отъ правительства необходимымъ для состоятельности засѣданій, и 4) не передавать дѣлъ комитета на разсмотрѣніе дворянскаго собранія [2]).

Вопросъ о гласности въ засѣданіяхъ губернскихъ комитетовъ имѣлъ свою исторію. Въ началѣ правительство не сдѣлало по этому предмету никакихъ распоряженій, и многіе губернскіе комитеты начали литографировать, а иные даже печатать свои журналы и постановленія. Члены комитетовъ разныхъ губерній обмѣнивались между собою такими литографированными и печатными журналами своихъ комитетовъ. Въ засѣданія нѣкоторыхъ изъ нихъ допускалась и публика. Лишь въ январѣ 1859 г., когда дѣятельность многихъ комитетовъ уже приходила къ концу, до свѣдѣнія правительства дошло, что въ нѣкоторые комитеты допускается публика и что извлеченія изъ журналовъ одного комитета печатались въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ главномъ комитетѣ такое нарушеніе „канцелярской тайны“ показалось неприличнымъ или опаснымъ, и Ланскому пришлось сдѣлать распоряженіе, чтобы въ засѣданія комитетовъ не допускались посторонніе посѣтители, кромѣ помѣщиковъ, спеціально приглашенныхъ для отобранія отъ нихъ нужныхъ комитету свѣдѣній и заключеній. Журналы губернскихъ комитетовъ запрещено было не только печатать въ газетахъ и другихъ повременныхъ изданіяхъ, но даже печатать и литографировать ихъ для членовъ комитетовъ [3]). Нѣкоторые изъ комитетовъ протесто-

---

[1]) Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго, I, стр. 259 и прил. № 12.

[2]) Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго, т. I, стр. 262.

[3]) Циркуляры министра внутр. дѣлъ 5 и 21 января 1859 г. за №№ 1 и 18. Кн. Д. А. Оболенскій, близкій къ правительственнымъ кругамъ того времени человѣкъ, писалъ по этому поводу В. А. Арцимовичу (тогда калужскому губернатору): „Ланской не имѣетъ права написать ни одной бумаги безъ вѣдома центральнаго (главнаго) комитета, т. е. Буткова, и изъ сего ареопага вытекаютъ всѣ циркуляры, которые Ланской подписываетъ и въ которыхъ онъ не виновенъ.

вали противъ этого запрещенія. Въ адресѣ на высочайшее имя, составленномъ по этому поводу въ калужскомъ губернскомъ комитетѣ, было, между прочимъ, высказано, что „совершенное сохраненіе въ тайнѣ дѣйствій комитета можетъ породить общее недовѣріе дворянства къ комитету и, несомнѣнно, подастъ поводъ къ распространенію самыхъ ложныхъ толковъ. Толки эти будутъ имѣть слѣдствіемъ общее неудовольствіе". Съ другой стороны, въ этой мѣрѣ калужскій комитетъ увидѣлъ знакъ полнаго недовѣрія правительства къ себѣ и ко всему дворянскому сословію.

Въ виду этихъ протестовъ, комитетамъ было разрѣшено (циркуляромъ 3 марта 1859 г. № 49) печатать и литографировать журналы засѣданій, только для употребленія самихъ членовъ и представленія въ министерство, „но никакъ не для раздачи или разсылки другимъ комитетамъ и постороннимъ лицамъ"; вмѣстѣ съ тѣмъ было подтверждено запрещеніе печатать журналы и постановленія комитетовъ въ газетахъ.

Насколько члены губернскихъ комитетовъ и другіе дворяне были чутки и неравнодушны къ отзывамъ печати о трудахъ комитетовъ и вообще о дворянствѣ и его подвигахъ, видно изъ нѣсколькихъ характерныхъ инцидентовъ, разыгравшихся частью въ губернскихъ комитетахъ, частью въ тогдашней повременной печати. Такъ, изъ-за одной неосторожной фразы, употребленной И. С. Аксаковымъ въ замѣткѣ, направленной въ защиту кн. В. А. Черкасскаго и А. И. Кошелева по поводу статьи, напечатанной княземъ въ журналѣ, издаваемомъ Кошелевымъ, разыгралась цѣлая буря въ рязанскомъ и тульскомъ губернскихъ комитетахъ. Инцидентъ этотъ въ краткихъ словахъ заключался въ слѣдующемъ. Кн. Черкасскій, въ статьѣ о сельскомъ управленіи, надѣлавшей тогда много шуму, и отъ нѣкоторыхъ утвержденій которой онъ самъ счелъ за лучшее вскорѣ торжественно отказаться, упомянулъ, между прочимъ, о необходимости сохранить розги на время переходнаго состоянія. Это заявленіе вызвало, конечно, много нападокъ на князя и на Кошелева, какъ на редактора журнала, въ либеральной печати всѣхъ оттѣнковъ. Аксаковъ счелъ нужнымъ за нихъ вступиться и въ замѣткѣ, напечатанной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", упомянулъ, между прочимъ, о томъ, что и Черкасскій, и Кошелевъ оба

„Запрещеніе гласности въ комитетѣ есть гнусная вещь, и воображаю, какъ она для тебя должна быть непріятна, и какъ она испортитъ все начатое дѣло. Я бы на твоемъ мѣстѣ продолжалъ печатать и пускать публику, хотя не въ большомъ числѣ (Письмо отъ 31 января 1859 г. Подлинникъ въ архивѣ В. А. Арцимовича).

состоять членами въ крестьянскихъ комитетахъ, „оба на дѣлѣ—не на словахъ только доказываютъ свою преданность великому дѣлу освобожденія, оба—въ ежедневной борьбѣ съ защитниками стараго порядка“... „Многое—пояснялъ онъ,—что кажется уступкою противъ нашихъ ожиданій и требованій, есть истинное завоеваніе, побѣда надъ *высокомѣрными притязаніями закоснѣлаго невѣжества и корысти!*“ [1]).

Послѣдняя фраза очень задѣла членовъ рязанскаго и тульскаго комитетовъ, въ средѣ которыхъ засѣдали Кошелевъ и Черкасскій. Кошелеву было предложено его сочленами по комитету подписать особое заявленіе, въ которомъ онъ отказывался бы отъ солидарности съ Аксаковымъ и, когда онъ не захотѣлъ это исполнить, то рязанскій комитетъ постановилъ просить его выбыть изъ комитета. Кошелевъ подалъ въ отставку, но министръ уговорилъ его остаться. Членамъ комитета объявленъ былъ высочайшій выговоръ, а членъ отъ правительства Масловъ, участвовавшій въ походѣ противъ Кошелева, былъ уволенъ и замѣненъ другимъ лицомъ (Д. Ѳ. Самаринымъ). Члены большинства рязанскаго комитета послѣ того до конца засѣданій не раскланивались съ Кошелевымъ. Черкасскаго въ Тулѣ по этому дѣлу хотѣли судить въ дворянскомъ собраніи, и, лишь благодаря расколу, происшедшему здѣсь среди дворянъ, дѣло это кончилось ничѣмъ [2]).

Въ Калугѣ разыгрался въ это же время другой инцидентъ главнымъ образомъ въ сферѣ литературной; между калужанами двухъ разныхъ лагерей возникла страстная полемика по поводу замѣтки, помѣщенной въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ о пожертвованіяхъ, собранныхъ на устройство женской гимназіи, изъ-за того, что въ замѣткѣ этой содержался намекъ на равнодушіе дворянъ къ дѣлу народнаго образованія и, наоборотъ, оттѣнено было ревностное отношеніе къ удовлетворенію общественныхъ нуждъ мѣстнаго купечества. Война изъ-за этой замѣтки, перешедшая на страницы столичныхъ газетъ и журналовъ и вызвавшая цѣлый рядъ писемъ, протестовъ и коллективныхъ заявленій съ десятками подписей, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ [3]).

---

[1]) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго“, т. I, стр. 190.

[2]) „Записки А. И. Кошелева“, стр. 97—103; „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго“, т. I, 130—143, 186—197 и 221 и слѣд.

[3]) Эта исторія, окончившаяся статьей Арсенія Глѣбова (А. М. Жемчужникова) въ „Русск. Вѣстн.“ за 1858 г., подробно изложена мною въ статьѣ „Подготовленіе и введеніе крестьянской реформы въ Калужской губерніи при В. А. Арцимовичѣ 1858—1862 гг. (Сборникъ въ память Арцимовича).

V.

Вопросъ о выкупѣ личности въ связи съ вопросомъ о выкупѣ усадебной осѣдлости въ губернскихъ комитетахъ.—Вопросъ этотъ въ рязанскомъ и тульскомъ комитетахъ.—Исторія, разыгравшаяся въ Нижнемъ-Новгородѣ изъ-за этого вопроса.—Тотъ же вопросъ въ калужскомъ комитетѣ.—Тактика Самарина и благополучное разрѣшеніе этого вопроса въ Самарскомъ комитетѣ.—Рѣшенія прочихъ губернскихъ комитетовъ по вопросу объ оцѣнкѣ и выкупѣ усадебной осѣдлости.

Въ губернскихъ комитетахъ борьба сосредоточивалась главнымъ образомъ около слѣдующихъ наиболѣе существенныхъ вопросовъ: *о выкупѣ и оцѣнкѣ усадебъ, о надѣленіи крестьянъ землей и о сохраненіи вотчинной власти помѣщиковъ.*

Съ вопросомъ о *выкупѣ усадебной осѣдлости* въ тѣсной связи находился другой вопросъ—о *выкупѣ личности.* Правительство признавало неудобнымъ, несправедливымъ и неприличнымъ открыто допустить выкупъ личности крѣпостныхъ людей.

Левшинъ, какъ мы видѣли, первый подалъ несчастную мысль, подъ видомъ повышеннаго выкупа усадебъ, дать возможность помѣщикамъ промышленныхъ нечерноземныхъ губерній получить въ скрытой формѣ вознагражденіе за потерю дохода отъ крѣпостного труда, который составлялъ безспорно главную часть стоимости ихъ имѣній. Эта мысль была усвоена членами главнаго комитета и не была оставлена правительствомъ въ моментъ составленія рескриптовъ 20 ноября и 5 декабря 1857 года. Слѣдъ этой мысли мы находимъ въ томъ пунктѣ (6) отношенія Ланского къ Игнатьеву, гдѣ указывалось, что усадьбы могутъ быть оцѣниваемы, при выкупѣ ихъ, въ зависимости не только отъ стоимости земли и построекъ, но и особыхъ промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ, подъ которыми разумѣлись оброки, получаемые съ промышленныхъ и торговыхъ крестьянъ и достигавшіе при крѣпостномъ правѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ высоты нѣсколькихъ сотенъ и даже тысячъ

рублей въ годъ [1]). Этому соотвѣтствовалъ и другой пунктъ соображеній министра, включенный въ отношеніе его къ генералъ-губернатору литовскихъ губерній, гдѣ сказано было, что права свободнаго состоянія пріобрѣтаются крестьянами не иначе, какъ по взносѣ ими въ теченіе переходнаго состоянія выкупа за усадебную осѣдлость (п. 2 ст. II, отнош. 21 ноября 1857 г.). Но виды правительства по этому предмету вскорѣ рѣшительно измѣнились, и разъясненіе, данное въ вышеприведенномъ отношеніи министра отъ 17 февраля 1858 г. за № 104 о томъ, что личныя права не пріостанавливаются разсрочкой выкупа усадебъ и пріобрѣтаются крестьянами во всякомъ случаѣ по миновании переходнаго періода, независимо отъ выкупа усадебъ,—въ сущности уже разрушало уловку, придуманную Левшинымъ. Позднѣе это же разъясненіе было включено и въ программу, данную въ руководство губернскимъ комитетамъ. Однако, дворяне въ промышленныхъ нечерноземныхъ, а отчасти и въ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерніяхъ продолжали считать вопросъ о денежномъ вознагражденіи за утрату дохода отъ крѣпостного труда однимъ изъ главныхъ вопросовъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Видя это изъ отчетныхъ вѣдомостей о ходѣ занятій губернскихъ комитетовъ, министерство признало, наконецъ, необходимымъ циркулярно сообщить всѣмъ комитетамъ категорическое запрещеніе Государя установлять какой-либо выкупъ за упраздненіе личнаго крѣпостного права [2]). Тогда комитеты, особенно промышленныхъ нечерноземныхъ и получерноземныхъ губерній [3]), стали естественно искать выхода въ уловкѣ, ранѣе указанной Левшинымъ; изъ разъя-

[1]) Кн. Черкасскій въ одной запискѣ, представленной имъ тотчасъ вслѣдъ за опубликованіемъ первыхъ рескриптовъ Великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, отмѣтилъ разницу въ отношеніяхъ министра къ генералъ-губернаторамъ литовскому и петербургскому. Въ отношеніи министра къ Назимову сказано было во 2 п. II статьи, что „платежъ крестьянъ за усадьбу свою не долженъ превышать дѣйствительной цѣнности сихъ усадьбъ“. Въ отношеніи же къ петербургскому генералъ-губернатору Игнатьеву высказано уже иное правило въ 6 п. II ст.: „размѣръ выкупа опредѣляется оцѣнкою не одной усадебной земли и строеній, но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ“. „Весьма знаменательно,—замѣчаетъ Черкасскій,—такое коренное разнорѣчіе въ положеніяхъ для двухъ мѣстностей, равно обиженныхъ природою въ отношеніи къ качеству почвы и, слѣдовательно, находящихся въ весьма сходныхъ экономическихъ условіяхъ; разнорѣчіе это невольно наводитъ на мысль, что, единожды пошедши по такому пути коренныхъ уступокъ, правительство легко можетъ быть заведено и дальше, къ крайнему ущербу первоначальной своей мысли и блага общественнаго“ „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, I, приложеніе, стр. 72).

[2]) Циркуляръ начальникамъ губерніи по вопросу о выкупѣ личности крестьянъ. „Сборникъ“, вып. II, стр. 18.

[3]) Нижегородской, Рязанской, Черниговской и др.

сненій же министра они брали въ руководство главнымъ образомъ тѣ, которыя находили для себя удобнѣе, что облегчалось для нихъ разъясненіемъ самаго министра, что указанія его необязательны для комитетовъ. Кошелевъ о рязанскомъ комитетѣ писалъ въ серединѣ октября 1858 г.: *„единственное средство заставить дешево оцѣнить усадьбы—это дать имъ большинствомъ рѣшить въ пользу личнаго выкупа.* Знаете, противъ личнаго выкупа у насъ только четыре голоса“ [1]). Предвидя возможность затрудненій по этому именно вопросу, тотъ же Кошелевъ еще въ іюлѣ писалъ Черкасскому: „Поднимать *въ началѣ* вопросъ о безвозмездномъ освобожденіи личности считаю я дѣломъ совершенно неудобнымъ и крайне неосторожнымъ—лучше оставить этотъ вопросъ до разсмотрѣнія главы о повинностяхъ“ [2]). Черкасскій тогда отвѣчалъ, что онъ „почти увѣренъ, что въ Тульской губерніи противъ безвозмездной личной свободы крестьянъ („не дворовыхъ“—предусмотрительно прибавлялъ онъ) едва ли кто станетъ спорить“ [3]). Впослѣдствіи оказалось, однако, что даже и въ Тульской губерніи, гдѣ пустопорожняя земля цѣнилась иногда выше населенной [4]), нашлись охотники получить выкупъ за крѣпостной трудъ, и Черкасскому пришлось потратить не мало краснорѣчія и желчи, чтобы заставить дворянъ отказаться отъ этого поползновенія,—въ данномъ случаѣ очевидно несправедливаго [5]).

Съ особеннымъ трескомъ разыгрался этотъ вопросъ въ нижегородскомъ губернскомъ комитетѣ. Комитетъ этотъ открылся 19 февраля 1858 г., и въ началѣ занятія его шли, несмотря на оппозицію вліятельныхъ крѣпостниковъ, довольно гладко. Между прочимъ, былъ поднятъ даже вопросъ о выкупѣ крестьянами части полевой земли и объ учрежденіи для этой операціи губернскаго банка. Но 1 марта рѣшено было разъѣхаться на 2 мѣсяца, „чтобы собрать точныя свѣдѣнія о положеніи помѣщичьихъ имѣній и войти въ ближайшія обсужденія и совѣщанія съ дворянами“. Когда 5 мая комитетъ возобновилъ свои засѣданія, то на первыхъ же порахъ въ немъ не оказалось уже того единодушія, съ какимъ дѣло было начато. Подкрѣпляемые слухами, распространявшимися въ это время нѣкоторыми представителями высшихъ сферъ (особенно М. Н. Му-

---

[1]) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, т. I, стр. 205.
[2]) Тамъ же, стр. 117.
[3]) Тамъ же, стр. 123.
[4]) Сравн. сочиненія Самарина, т. II, стр. 175, а также мнѣніе Кокорева у Барсукова: „Жизнь и труды Погодина“, т. XV, стр. 488—490.
[5]) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго“, 284 и слѣд.

равьевымъ и В. Н. Бутковымъ), крѣпостники старались затормазить работы комитета. Между тѣмъ, ожидался пріѣздъ Государя въ Нижній на ярмарку, и губернатору А. Н. Муравьеву страстно хотѣлось, чтобы комитетъ кончилъ къ тому времени свой трудъ и поднесъ Государю готовый проектъ. 16 іюля онъ обратился въ комитетъ съ предложеніемъ ускорить занятія, при чемъ писалъ, между прочимъ, что Государю, „при встрѣчѣ его съ тѣми изъ Его подданныхъ, которые первые вызвались исполнить священную Его волю, ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ видѣть ихъ первыми и въ совершеніи ся“. Тогда предводитель образовавшагося уже къ этому времени консервативнаго большинства, Я. И. Пятовъ, подалъ отзывъ, подписанный двѣнадцатью членами, въ которомъ, между прочимъ, писалъ, что все сдѣланное до тѣхъ поръ комитетомъ, сдѣлано „*легкомысленно, вслѣдствіе какого-то чуждаго дворянскому дѣлу вліянія, какого-то ничѣмъ необъяснимаго недоброжелательства къ своему сословію нѣкоторыхъ членовъ*“... „Мы шли,—писалъ Пятовъ,—среди упорной борьбы двухъ началъ, взаимно непріязненныхъ, и изъ этого вышелъ горькій плодъ“. Поэтому онъ предлагалъ приняться за пересмотръ и передѣлку всего проекта (составленнаго уже на двѣ трети) съ самаго начала, „*принявъ за основаніе денежный выкупъ крѣпостной личности и обязательнаго труда*“.

Относительно усадебъ комитетъ еще ранѣе (26 іюня) постановилъ, что крестьяне могутъ пріобрѣтать усадебную землю *только цѣлымъ обществомъ, при согласіи помѣщика и по цѣнѣ, имъ назначенной*. Въ своемъ протестѣ противъ этого постановленія, принятаго по большинству голосовъ, губернаторъ писалъ, что оно противорѣчитъ рескрипту и, укоряя дворянство за измѣну своимъ собственнымъ благороднымъ намѣреніямъ, ставилъ членамъ комитета на видъ, что этимъ уклоненіемъ они подаютъ поводъ къ ропоту тому сословію, которому право выкупа усадебъ торжественно обѣщано Государемъ, что они, вмѣсто улучшенія быта, ставятъ преграды благосостоянію сословія крестьянъ и, „лишая его возможности нѣкогда пріобрѣсти ту самостоятельность, которую даруютъ ему и судъ общественный, и правда царева, ввергаютъ его въ несмѣтное количество безземельныхъ пролетаріевъ!..“ „Страшно можетъ выразиться,—заключаетъ губернаторъ,—приговоръ и пробужденіе народа, признавшаго себя по одному произволу дворянъ лишеннымъ права и надежды выкупомъ пріобрѣсть то, что ему всенародно обѣщано словомъ монаршимъ!“

Уже по выходѣ меньшинства изъ состава комитета остальные 13 членовъ отвѣчали губернатору на эту бумагу, что они свои дѣйствія основали не на произволѣ, а на многихъ статьяхъ свода законовъ, и что указанія министра внутреннихъ дѣлъ они не признаютъ для себя обязательными [1]).

Чтобы представить себѣ, насколько важно было для нѣкоторыхъ изъ вліятельнѣйшихъ помѣщиковъ промышленныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи установленіе выкупа крѣпостного труда, достаточно указать, что въ имѣніи одного изъ нихъ, С. В. Шереметева, весь огромный доходъ получался не отъ земли, а отъ оброковъ крестьянъ-промышленниковъ и торговцевъ. Въ статьѣ В. И. Снѣжневскаго, которой мы пользуемся, приведены изъ подлинныхъ окладныхъ книгъ Шереметевскаго имѣнія цифры окладовъ крестьянъ за 1858 г.: 9 человѣкъ изъ нихъ платили въ годъ отъ 500—1530 руб. каждый, а всего 7560 руб.: 24 человѣка—отъ 200 до 375 руб., всего 5707 руб.; 53 человѣка—отъ 100 до 195 рублей, всего 6971 руб. 75 человѣкъ—отъ 50 до 95 рублей, всего 5126 руб. и т. д. Минимальная цифра оброка была у него 25 руб. съ души. Оброкъ собирался по третямъ, и недоимщики платили за каждый мѣсяцъ штрафъ въ размѣрѣ 4 коп. съ души. Сообразивъ, какіе убытки могло ему принести освобожденіе крестьянъ, Шереметевъ „склонялъ“ ихъ *при помощи жестокихъ наказаній* „добровольно“ выкупаться на волю до изданія Положенія, предлагая имъ уплатить ему единовременно за каждый оброчный рубль 25 рублей выкупа. Произошли безпорядки. Присылался для разслѣдованія флигель-адъютантъ изъ Петербурга, принявшій сторону Шереметева, и Муравьеву послѣ того стоило огромныхъ усилій добиться, чтобы имѣнія Шереметева были взяты въ опеку [2]). Ясно послѣ этого, насколько былъ важенъ для Шереметева вопросъ о выкупѣ крѣпостного труда, а Шереметевъ былъ въ Нижегородской губерніи среди помѣщиковъ, изъ которыхъ интересы многихъ совпадали съ его интересами, вліятельнѣйшимъ человѣкомъ.

Въ комитетѣ на сторонѣ Пятова и Шереметева оказалось 13 членовъ; въ меньшинствѣ осталось 12, въ томъ числѣ и губернскій предводитель Болтинъ, человѣкъ чрезвычайно нерѣшительный. Объ этомъ поворотѣ въ занятіяхъ комитета губернаторъ увѣдомилъ ми-

---

[1]) Сборникъ Нижегородской архивной коммиссіи, т. III. Статья В. И. Снѣжневскаго „Крестьяне и помѣщики наканунѣ крестьянской реформы“, стр. 76—81.

[2]) „Сборникъ статей, сообщеній и проч.“ Нижегородской архивн. коммиссіи, т. III; статья В. И. Снѣжневскаго, стр. 69-я и слѣд.

нистерство и требовалъ, чтобы всѣ 13 членовъ, подписавшіе постановленія объ уничтоженіи прежнихъ трудовъ комитета, были исключены и даже высланы изъ города на время пріѣзда Государя и чтобы остальнымъ 12-ти было предоставлено окончаніе дѣла.

„Если же признано будетъ,—добавлялъ онъ,—необходимымъ пополнить комитетъ членами, то это едва ли можно будетъ предоставить выборамъ: *„въ этомъ случаѣ нельзя будетъ разсчитывать на успѣхъ“*. На сторону реакціи перешли даже нѣкоторые изъ тѣхъ членовъ комитета, о которыхъ Муравьевъ сообщалъ раньше, что они оказали особенно живое содѣйствіе видамъ правительства. Между тѣмъ, Болтинъ отказался отъ званія предсѣдателя и передалъ предсѣдательство Пятову. Съ нимъ вмѣстѣ удалились еще 3 члена меньшинства; остальные протестовали противъ дѣйствій большинства и заявляли, что они ни въ какомъ случаѣ не намѣрены удалиться отъ возложенной на нихъ обязанности, которую они почитаютъ священною. Однако, черезъ нѣсколько дней вынуждены были удалиться и они. Оставшіеся постановили, между прочимъ, всѣ доселѣ бывшія мнѣнія и постановленія комитета сообщить всѣмъ помѣщикамъ губерніи. Тогда губернаторъ временно закрылъ комитетъ, запретивъ приводить въ исполненіе рѣшенія, состоявшіяся подъ предсѣдательствомъ Пятова.

Министерство сочло нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло. Въ Нижній для разслѣдованія пріѣхалъ товарищъ министра Левшинъ, который, желая во что бы то ни стало помирить дворянство съ губернаторомъ, до того запутался, что имѣлъ безтактность признать нѣкоторыя постановленія комитета черезчуръ либеральными. Такъ, между прочимъ, онъ указалъ дворянамъ, что уменьшеніе барщины до 80 дней въ году слишкомъ великодушно по его мнѣнію, и комитетъ тотчасъ же воспользовался этимъ его указаніемъ, сдѣлавъ постановленіе объ увеличеніи барщины до 102 дней въ году. Понятно, что А. Н. Муравьевъ не могъ сочувствовать подобнымъ дѣйствіямъ Левшина, и между ними вскорѣ возникла рознь, еще усилившаяся, когда Левшинъ, въ личномъ докладѣ Государю, прибывшему въ Нижній, позволилъ себѣ объяснить все происшедшее „личностями“ и безтактной торопливостью Муравьева [1]). Государь

[1]) Авторъ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпост. права“ называетъ эти дѣйствія Левшина „двусмысленными“ (т. I, стр. 365), но Соловьевъ, близкій участникъ всего совершавшагося въ то время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, говоритъ, что Левшинъ дѣйствовалъ добросовѣстно и согласно съ своими убѣжденіями, но что у него просто не хватало такта и государственнаго смысла, чтобы стоять въ этомъ дѣлѣ

видимо принялъ во вниманіе это объясненіе Левшина, и въ рѣчи своей дворянамъ не выразилъ имъ особеннаго неудовольствія, какъ можно было ожидать, а просилъ только устранить возникшія въ ихъ средѣ „личности“ [1]). Впрочемъ, комитетъ былъ возвращенъ на истинный путь еще до пріѣзда Государя. Ланской, подкрѣпляемый Соловьевымъ, проявилъ въ этомъ случаѣ необычную для него энергію. Онъ рѣшился провести это дѣло помимо главнаго комитета путемъ личнаго доклада Государю еще до поѣздки его въ Нижній. Это ему удалось. На основаніи этого своего доклада, утвержденнаго Государемъ, министръ сдѣлалъ слѣдующее предписаніе Муравьеву, полученное въ Нижнемъ 28 іюля:

1) Мнѣніе, подписанное тринадцатью членами нижегородскаго комитета, отвергнуть, ибо въ немъ выразилось явное побужденіе къ превратному толкованію высочайше одобренныхъ началъ устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ.

2) Надворному совѣтнику Пятову, позволившему себѣ въ изложеніи своего отзыва выраженія, обидныя для другихъ членовъ комитета, сдѣлать по высочайшему Его Величества повелѣнію строгій выговоръ; *дворянамъ же, подписавшимъ ни съ чѣмъ не сообразное мнѣніе Пятова, сдѣлать строгое замѣчаніе* (послѣднія слова были собственноручно приписаны самимъ Государемъ).

3) Предсѣдателю и тѣмъ членамъ, которые въ мнѣніяхъ своихъ руководствовались началами человѣколюбія и государственной пользы, объявить благоволеніе Его Величества за ихъ труды и призвать къ продолженію занятій комитета“ [2]).

Членъ меньшинства нижегородскаго комитета, А. И. Эшманъ. въ письмѣ къ Ю. Ѳ. Самарину, описавъ всю эту исторію, прибавляетъ: „о Пятовѣ говорить нечего, — послѣ полученія высочайшаго выговора онъ нѣсколько дней былъ боленъ“ [3]). На другой

на высотѣ положенія (Рус. Старина 1882 г. № 5, стр. 405). Ланской тогда же убѣдился въ необходимости замѣнить Левшина другимъ лицомъ... Замѣчательно, что, когда князь Черкасскій сообщалъ Кошелеву, еще въ іюнѣ 1858 г., о своей радости по поводу слуха, что Левшинъ хочетъ выбираться въ губернскіе предводители въ Тулѣ, то Кошелевъ отвѣчалъ на это: „не раздѣляю этой радости; онъ будетъ больше всѣхъ мѣшать, потому, къ несчастью, прослылъ эмансипаторомъ, въ сущности колпакъ“ („Матеріалы для біографіи Черкасскаго“, I, 116, письмо Черкасскаго 29 іюня 1858 г.).

[1]) „Я слышу съ сожалѣніемъ—сказалъ, между прочимъ, Государь,—что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ; это жаль; устраните ихъ; я надѣюсь на васъ надѣюсь, что ихъ болѣе не будетъ, и тогда общее дѣло это пойдетъ!..“

[2]) Сборникъ нижегор. арх. коммиссіи, Ш, стр. 81.

[3]) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго“, I, приложенія, стр. 105.

день выкупъ личности или крѣпостного труда былъ отвергнутъ единогласно. Но члены большинства сосредоточили тогда свои усилія на томъ, чтобы провести высокую оцѣнку усадебъ: пробовали даже назначить отдѣльно выкупъ за строенія, которыя раньше положено было отдать даромъ. Это не удалось, въ виду энергичнаго сопротивленія меньшинства, но за то усадебныя земли они оцѣнили по 20 коп. за кв. сажень, т. е. по 480 руб. за десятину.

Въ письмѣ своемъ Эшманъ дѣлаетъ еще слѣдующее характерное сообщеніе: „Къ несчастью, въ главѣ о полицейскомъ устройствѣ, мы предоставили слишкомъ много власти помѣщику, *бороться было трудно, потому что это явное желаніе правительства*". Вѣроятно, и здѣсь сказался результатъ пребыванія Левшина въ Нижнемъ Новгородѣ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ я изложилъ подробно, какъ разрѣшенъ былъ вопросъ о выкупѣ крѣпостного труда въ *калужскомъ* губернскомъ комитетѣ [2]). Этотъ комитетъ въ первыхъ своихъ засѣданіяхъ обнаружилъ стремленіе идти по пути, указанному тверскимъ комитетомъ. Въ одномъ изъ первыхъ его засѣданій было постановлено 17 голосами противъ 6: 1) въ основаніе положенія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ принять предоставленіе крестьянамъ въ собственность посредствомъ выкупа нетолько усадьбы, но и полевую землю, необходимую для обезпеченія ихъ быта; 2) выкупъ произвести посредствомъ финансовой, гарантированной правительствомъ мѣры, положительно и всесторонне разрѣшающей вопросъ. Мнѣніе либераловъ и умѣренныхъ консерваторовъ сошлись въ этомъ случаѣ, а въ меньшинствѣ остались лишь отъявленнные крѣпостники, изъ которыхъ нѣкоторые желали обезземеленья крестьянъ, другіе мечтали изъ ликвидаціи крѣпостного права сдѣлать выгодную для дворянства аферу. Въ слѣдующемъ засѣданіи три члена консервативной партіи, Потуловъ, Чертковъ и Жилинъ предъявили подробно мотивированныя мнѣнія, при чемъ Потуловъ (одинъ изъ

---

[1]) Происшедшая въ Нижнемъ Новгородѣ исторія изложена въ „Сборникѣ Нижегор. архив. коммисіи", въ ст. В. И. Снѣжневскаго „Крестьяне и помѣщики наканунѣ реформы 19 февраля" (т. III, стр. 76—82); въ „Достопамятныхъ минутахъ моей жизни" А. И. Левшина (Русск. Архивъ 1885 г. № 8; въ запискахъ сенатора Я. А. Соловьева (Русс. Старина 1882 г. № 5), и въ письмѣ А. И. Эшмана къ Ю. Ѳ. Самарину (въ приложеніяхъ къ „Матеріаламъ для біографіи кн. Черкасскаго", стр. 105—106). Рѣчь Государя приведена въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпост. права въ Россіи", т. I, стр. 372 и перепечатана у Иванюкова („Паденіе крѣпостн. права") и у Татищева („Имп.Алекс. II", т. I, стр. 336).

[2]) Сборникъ въ память В. А. Арцимовича. „Подготовленіе и введеніе крестьянской реформы въ Калужской губерніи".

самыхъ жадныхъ и въ то же время самыхъ ловкихъ и умныхъ представителей крѣпостнической партіи), путемъ весьма послѣдовательной и стройной аргументаціи доказывалъ необходимость особаго вознагражденія за личность крѣпостныхъ на томъ, въ сущности, безспорномъ основаніи, что „рабочая сила составляетъ часть цѣнности дворянскихъ имѣній", а Д. А. Чертковъ (плантаторъ съ идеями англійскаго тори) утверждалъ, что улучшеніе быта крѣпостныхъ крестьянъ можетъ быть достигнуто и безъ надѣленія ихъ землей, при чемъ старался освѣтить преимущества правильной арендной системы, основанной на добровольномъ соглашеніи между собственникомъ-помѣщикомъ и арендаторами, безземельными крестьянами, а съ другой стороны, съ укоромъ указывалъ на „неосторожность", съ какой комитетъ принялъ выкупную систему, не имѣя никакихъ основаній разсчитывать на гарантію выкупа правительствомъ.

Въ подтвержденіе своего скептицизма въ этомъ отношеніи Чертковъ ссылался на слова товарища министра А. И. Левшина, который, въ пріѣздъ свой въ Калугу, указывалъ на неосновательность надеждъ на правительственное содѣйствіе даже при выкупѣ крестьянскихъ усадебъ. Поэтому Чертковъ грозилъ комитету перспективой—разсчитываться непосредственно съ самими крестьянами за предоставленныя имъ въ собственность земли. Рѣчь Черткова не произвела, однако, на членовъ комитета сильнаго впечатлѣнія; за то мнѣніе Потулова вызвало страстныя пренія, кончившіяся тѣмъ, что въ засѣданіи 15 января 1859 г. комитетъ принялъ большинствомъ 19 голосовъ противъ 6, постановленіе объ отмѣнѣ навсегда личнаго крѣпостного права тотчасъ по высочайшемъ утвержденіи положенія калужскаго комитета. Но Потуловъ не унимался. Онъ протестовалъ противъ такого постановленія и требовалъ въ слѣдующемъ засѣданіи, 20 января, баллотировки другого своего предложенія, а именно: *„помѣщики должны получить полное вознагражденіе за все отъ нихъ отчуждаемое въ томъ числѣ и цѣнность рабочей силы ихъ имѣній"*. Противъ этого предложенія выступилъ членъ отъ правительства, кн. А. В. Оболенскій съ такимъ контръ-предложеніемъ: „комитетъ, при опредѣленіи вознагражденія, слѣдуемаго помѣщикамъ за усадебныя и полевыя земли, уступаемыя въ собственность крестьянамъ при ихъ освобожденіи, приметъ въ соображеніе нынѣ получаемый съ населенныхъ имѣній доходъ; личная же свобода крестьянъ даруется безвозмездно". Послѣдовали продолжительныя и страстныя пренія, въ результатѣ которыхъ предложеніе Потулова было принято, а формула кн.

Оболенскаго отвергнута большинствомъ 13 голосовъ противъ 11. Однако, въ слѣдующемъ засѣданіи пренія возбудились вновь, и комитетъ въ концѣ концовъ принялъ такую резолюцію: „по полученіи помѣщиками полнаго вознагражденія, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы потерѣ цѣнности имѣній и ихъ доходовъ, получаемыхъ нынѣ, дворянство *для сохраненія нравственнаго своего значенія (!)* отклоняетъ отъ себя всякую плату за личное крѣпостное право". Это постановленіе отнюдь не помѣшало впослѣдствіи большинству калужскаго комитета установить для выкупа усадебной земли цѣну, одинаковую съ нижегородской—по 20 коп. за квадратную сажень или по 480 р. за десятину. Эта оцѣнка, несомнѣнно принимавшая во вниманіе стоимость утрачиваемаго крѣпостного труда, была установлена лишь на случай принятія правительствомъ срочно-обязаннаго положенія съ отдѣльнымъ выкупомъ усадебъ. Впослѣдствіи калужскій губернскій комитетъ, получивъ разрѣшеніе составить и выкупной проектъ, положилъ въ этомъ послѣднемъ въ основаніе выкупной цѣны ревизную душу, которую оцѣнилъ въ 150 руб. Члены меньшинства не согласились съ этой оцѣнкой и, находя ее преувеличенной и для крестьянъ раззорительной, предложили свою, въ 120 руб. съ души. Напротивъ, Потуловъ требовалъ для различныхъ имѣній различной оцѣнки, которую онъ доводилъ для мелкопомѣстныхъ имѣній до 300 руб. за душу.

Невольно напрашивается сопоставленіе хода дѣлъ въ тверскомъ и калужскомъ губернскихъ комитетахъ. Въ обѣихъ губерніяхъ интересы помѣщиковъ и крестьянъ были приблизительно одинаковы. Но въ Тверской, гдѣ правильную и независимую отъ внѣшнихъ вліяній постановку вопроса взялъ на себя смѣлый и послѣдовательный либералъ Унковскій,—ему удалось побѣдоносно отстоять ее и отъ нападеній алчныхъ и неразумныхъ крѣпостниковъ, и отъ стѣсненій самого министерства. Въ Калугѣ же, гдѣ благонамѣренные люди признали для себя неизбѣжнымъ дѣйствовать согласно полученнымъ сверху указаніямъ, дѣло попало на ложный путь, и либеральнаго большинства, для котораго въ началѣ были на лицо всѣ элементы, не могло образоваться, а защита интересовъ помѣщиковъ попала въ нечистыя и корыстныя руки [1]).

[1]) Стѣснительность и неудобство для помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній основаній, данныхъ рескриптами, съ особенной ясностью выражены въ адресѣ, представленномъ Государю смоленскимъ дворянствомъ:

„Въ хлѣбородныхъ губерніяхъ,—писали Государю смоляне,—одна земля составляетъ почти всю цѣнность помѣщичьихъ имѣній; слѣдовательно, при освобожденіи крестьянъ тамъ нѣтъ общихъ потерь для всѣхъ

Оригинальное рѣшеніе вопроса о вознагражденіи за потерю дохода отъ крѣпостного труда предложилъ Ю. Ѳ. Самаринъ.

помѣщиковъ; у насъ же, съ потерею крѣпостныхъ правъ, неизбѣжна потеря значительной части собственности. Если въ большей части Россіи нѣтъ основанія давать вознагражденіе помѣщикамъ при освобожденіи крестьянъ, то этого нельзя сказать о Смоленской губерніи, въ которой, по свойству почвы, крѣпостной трудъ составляетъ главную цѣнность нашихъ имѣній. Оставить прежній размѣръ работъ, несоотвѣтственный количеству и цѣнности надѣляемой крестьянамъ земли, мы считаемъ невозможнымъ, потому что, въ такомъ случаѣ, безъ крѣпостныхъ правъ не было бы исполненія крѣпостныхъ работъ... Возложить на крестьянъ выкупъ крѣпостного и промышленнаго труда, посредствомъ преувеличенія цѣны усадебъ, было бы несправедливостью въ отношеніи къ крестьянамъ и дурнымъ разсчетомъ для помѣщиковъ, потому что крестьяне не могли бы выкупить усадебъ, и вознагражденіе помѣщикамъ было бы только номинальное.

„Мы не жалѣемъ крѣпостныхъ отношеній, мы не желаемъ и не можемъ желать удержанія ихъ на будущее время. Съ установленіемъ свободныхъ отношеній, мы предвидимъ лучшую будущность для насъ и для крестьянъ нашихъ. Но такое улучшеніе, такое безобидное для обѣихъ сторонъ разрѣшеніе вопроса возможны у насъ только при вознагражденіи помѣщиковъ безъ наложенія излишнихъ тягостей на крестьянъ. Крестьянинъ не долженъ и не имѣетъ средствъ заплатить за открѣпленіе его отъ земли; помѣщикъ же въ правѣ ожидать вознагражденія за потерю части собственности, необходимой для удовлетворенія общественныхъ потребностей.

„Такое вознагражденіе необходимо для насъ потому, что положеніе нашихъ хозяйствъ поставляетъ насъ въ невозможность принести столь значительныя жертвы въ пользу государства, несоразмѣрныя съ пожертвованіями другихъ губерній и сословій. Лежащіе на насъ долги и предстоящія издержки для измѣненія системы хозяйства лишаютъ насъ возможности принести такія пожертвованія.

„Всемилостивѣйшій Государь! излагая все это, смоляне не обманываютъ Ваше Величество. Если нужны жертвы дворянъ для блага отечества, то жизнь и все достояніе наше повергаемъ къ стопамъ Вашимъ; но достояніе наше нынѣ болѣе принадлежитъ кредиторамъ нашимъ, чистаго разсчета съ которыми требуетъ честное имя дворянина и забота объ участи дѣтей нашихъ.

„Тяжелая почва нашей мѣстности, требуя для обработки усиленнаго труда, ставитъ насъ въ отношеніи къ другимъ губерніямъ въ исключительное положеніе. Душевно сочувствуя священной волѣ нашего Государя и стремясь исполнить ее согласно благимъ предначертаніямъ Вашего Императорскаго Величества, не можемъ не высказать этого и предвидимъ, что, безъ полнаго за отходящую отъ насъ собственность вознагражденія, шесть тысячъ дворянъ смоленскихъ, лишась честнаго имени, пріобрѣтеннаго службою Вашимъ предкамъ, подвергнутся нищетѣ неизбѣжной" (адресъ этотъ приведенъ въ журналахъ калужскаго губернскаго комитета).

Но адресъ смолянъ не вызвалъ никакого правительственнаго распоряженія. Поэтому они въ слѣдующихъ работахъ губернскаго комитета прибѣгли къ той мѣрѣ, которую сами же признавали несправедливой и неразумною, — къ повышенной оцѣнкѣ усадебъ, которыя они оцѣнили, назначивъ отъ 75 — 206 руб. (смотря по мѣстности) вознагражденія за постройки и по 15 к. за каждую квадратную сажень усадебной земли (по 360 руб. за десятину). Не ограничиваясь этимъ, они постановили, что никакой владѣлецъ усадьбы не имѣетъ права отказываться отъ слѣдуемаго ему надѣла полевой земли и связанныхъ съ нимъ повинностей, опасаясь, очевидно, что въ противномъ случаѣ многіе крестьяне могутъ бросить земледѣліе и такимъ образомъ оставить земли безъ обработки, а владѣльца имѣнія безъ дохода.

Желая, чтобы крестьянамъ предоставлено было выкупить весь земельный надѣлъ въ собственность, Самаринъ полагалъ, что имъ слѣдуетъ расквитаться съ помѣщиками, „выкупивъ *не свою личность* и не землю (по ея торговой цѣнности), а *повинность*, которою обложены будутъ крестьяне за пользованіе землею. Повинность,—писалъ онъ въ письмѣ къ Кошелеву и Черкасскому,—представляетъ нѣчто среднее между личностью и землею, какъ предметами выкупа, и на этой данной легче примирить обѣ стороны; дальше, повинность легче оцѣнить, чѣмъ личность, и даже чѣмъ землю, ибо повянность будетъ опредѣлена въ точности и непремѣнно на деньги (оброкъ). Наконецъ, повинность *должна быть облегчена* для улучшенія быта крестьянъ, тогда какъ высокая цѣнность земли можетъ быть недоступна для крестьянъ. Поэтому я считаю, что выкупъ предварительно *пониженной и оцѣненной повинности* для крестьянъ выгоднѣе всего“ [1]). Прочтя это мѣсто письма Самарина, Кошелевъ написалъ на поляхъ: „совершенно согласенъ“. Но самъ Самаринъ вскорѣ отказался отъ мысли настаивать въ комитетѣ на выкупѣ всей земли. Причины, почему онъ такъ поступилъ, чрезвычайно характерны: „во первыхъ,—писалъ онъ въ томъ же письмѣ,—на четырехъ мною собранныхъ сходкахъ крестьяне обнаружили гораздо болѣе готовности выкупать свои усадьбы, чѣмъ я ожидалъ, а какъ скоро они не противъ этой мѣры, я не считаю себя въ правѣ отказывать имъ въ правѣ, которымъ они дорожатъ; во вторыхъ, на предварительныхъ совѣщаніяхъ въ Самарѣ я убѣдился, что дворяне не столько опасаются неудобствъ, сопряженныхъ съ выкупомъ усадьбы, сколько оскорбляются мыслью, что крестьянинъ рядомъ съ ними сдѣлается равноправнымъ вотчинникомъ; слѣдовательно, проектъ о выкупѣ *всей* крестьянской земли встрѣтилъ бы несравненно большую оппозицію, чѣмъ самый выкупъ усадебъ. Въ третьихъ, наконецъ, я понялъ совершенно ясно, что, какъ ни слаба программа, но голосъ нашъ въ комитетѣ можетъ имѣть нѣкоторое значеніе только въ томъ

---

[1]) Письмо Самарина къ Кошелеву и Черкасскому отъ 18 іюля 1858 г. („Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго“, I, стр. 118, 119). Въ статьѣ объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, напечатанной въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ за 1858 г. № 3 (Сочиненія Самарина, т. Ш, 45—55) Самаринъ доказывалъ, что усадьба въ крестьянскомъ хозяйствѣ есть „*не доходная статья, а необходимое условіе существованія*“, и что поэтому отдѣльный выкупъ усадьбы есть непроизводительная затрата капитала, который крестьянину гораздо выгоднѣе употребить на наемъ земли, на покупку инвентаря и проч. Поэтому Самаринъ находилъ, что для крестьянъ выгоднѣе получить усадьбу вмѣстѣ съ остальной землей въ постоянное *пользованіе* и выкупить ее лишь вмѣстѣ со всѣмъ надѣломъ.

случаѣ, когда мы будемъ крѣпко за нее держаться и какъ можно меньше отъ нея отступать. Вести единовременно споръ съ дворянствомъ и правительствомъ я считаю дѣломъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, въ самарскомъ комитетѣ, оно не по силамъ"...

Поэтому, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о выкупѣ надѣла, Самаринъ въ губернскомъ комитетѣ отстаивалъ безвозмездное освобожденіе личности крѣпостныхъ крестьянъ и дешевую оцѣнку усадебъ. Ему удалось и то, и другое, но не сразу, а лишь послѣ большихъ усилій и споровъ. Самарскій губернскій комитетъ согласился въ концѣ концовъ на безвозмездное личное освобожденіе не только крестьянъ, *но и дворовыхъ*; тогда какъ въ Тулѣ на безвозмездное освобожденіе дворовыхъ не соглашались не только крѣпостническое большинство, но и самъ кн. Черкасскій [1]).

Любопытна аргументація Самарина, пущенная имъ въ ходъ въ комитетѣ въ пользу дешевой оцѣнки усадебъ. „Предположимъ говорилъ онъ,—что крестьянинъ теперь исправляетъ на насъ барщины или платитъ оброка на 40 руб. серебр. (примѣрно).—Мы собрались, чтобы *улучшить его бытъ*. Улучшить можно: 1) прибавкою земли, 2) убавкою повинностей. О первомъ вы не хотите слышать, и я съ вами. Остается второе. Итакъ, мы должны рѣшиться, положимъ, четверть пожертвовать. Выходитъ 40—10=30, вотъ высшая мѣра, maximum того, что мы можемъ взять. Больше нельзя, потому что дальше не хватитъ средствъ крестьянъ. Помните это!

„Теперь разсудимъ вотъ что. Изъ этихъ 30 рублей часть мы будемъ получать въ видѣ повинности за пашню и угодья, другую въ видѣ процента за пользованіе усадьбами, а потомъ въ видѣ процента съ капитала, внесеннаго за ихъ выкупъ. Намъ предоставлено опредѣлить отношеніе этихъ двухъ суммъ, *всетаки не выходя изъ 30 рублей*. Мы можемъ положить: 1) 15 руб. за усадьбу+15 руб. за пашню и угодья = 30 руб.; 2) 10 руб. за усадьбу + 20 руб. за пашню и угодья = 30 руб.; 3) 5 руб. за усадьбу + 25 руб. за пашню и угодья = 30 руб. — Что выгоднѣе? Если мы оцѣнимъ очень дорого усадьбу, выйдетъ вотъ что: 1) мы должны будемъ цѣнить низко пашню и угодья; 2) крестьяне въ 12 лѣтъ не успѣютъ выкупить усадьбы; можетъ быть, и не рѣшатся приступить къ выкупу; 3) правительство, которое сидитъ верхомъ на усадьбахъ и *непремѣнно, твердо* желаетъ ихъ выкупа, увидѣвши, по истеченіи 12 лѣтъ, что выкупъ не подвигается, обратится къ намъ съ слѣдую-

[1]) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго", т. I, 162.

щею рѣчью: „Благородное дворянство, вы, должно быть, надули меня, подвергнувъ мнѣ къ подписи жидовскую оцѣнку усадебъ; благоволите-ка переоцѣнить ихъ и понизить цѣну". — Мы и должны будемъ сдѣлать новое пожертвованіе, ибо повинностей за пашню и угодья, *конечно, не прибавятъ*.—Наоборотъ, если мы оцѣнимъ, примѣрно, такъ: 2 руб. за усадьбу, 28 руб. за пашню и угодья, итого 30 руб. — произойдетъ вотъ что: 1) крестьяне выкупятъ усадьбы скоро, 2) насильственное прикрѣпленіе къ землѣ будетъ замѣнено добровольнымъ; 3) мы обезпечимъ себѣ рабочихъ и съемщиковъ земли; 4) правительство погладитъ насъ по головкѣ и 5) удачный опытъ возбудитъ желаніе приступить къ выкупу повинностей. Что же лучше?"

Самъ Самаринъ, сообщая эту аргументацію Кошелеву и Черкасскому, писалъ (12 октября), что она была *„не безъ успѣха"*, но Кошелевъ сдѣлалъ въ письмѣ Самарина такую приписку: „нѣтъ, у насъ на эту штуку не возьмешь! Самаринъ сидитъ между дикарями, а у насъ въ противномъ стану писакъ довольно!.. [1]) Едва ли, однако, успѣхъ Самаринской аргументаціи объяснялся такъ просто. Дѣло тутъ заключалось въ томъ, что степнымъ помѣщикамъ малонаселенной Самарской губерніи было въ высшей степени важно путемъ всякихъ льготъ привлекать къ себѣ народъ. Нѣкоторые изъ этихъ помѣщиковъ, быть можетъ, согласились бы и даромъ надѣлять усадьбами крестьянъ, которые захотѣли бы къ нимъ переселиться. Въ концѣ концовъ они рѣшили строенія отдать даромъ, а за землю назначить цѣну даже въ торговыхъ приволжскихъ селеніяхъ (пристаняхъ) не выше, чѣмъ втрое противъ оцѣнки десятины надѣла, за усадебную землю въ остальныхъ приволжскихъ селеніяхъ и въ подгородныхъ—не выше, чѣмъ вдвое, и, наконецъ, во всѣхъ остальныхъ не болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза противъ нормальной оцѣнки тяглового надѣла [2]). Впрочемъ, большинство комитета постановило, что помѣщикъ самъ можетъ назначить, какая часть цѣны всего надѣла упадетъ на усадебную осѣдлость, но съ тѣмъ, чтобы она во всякомъ случаѣ не превышала $^1/_5$ стоимости надѣла [3]). Самаринъ добивался, чтобы выкупъ „усадебной осѣдлости" обходился крестьянину не дороже $33^1/_3$ рублей [4]), тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ комите-

---

[1]) „Матеріалы для біографіи Черкасскаго", I, 203.

[2]) Мнѣніе Самарина по вопросу объ усадебной осѣдлости, принято комитетомъ (Сочиненія, Ш, 207).

[3]) Скребицкій, т. II, ч. II, стр. 800..

[4]) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго", I, 250.

тахъ стоимость крестьянской усадебной осѣдлости разсчитывалась въ 200 рублей и выше!

Вообще несчастная мысль Левшина о возможности получить хорошее вознагражденіе за потерю дохода отъ крѣпостного труда, подъ видомъ выкупа усадебъ по повышенной оцѣнкѣ, не смотря на то, что правительство впослѣдствіи старалось всячески отвратить комитеты отъ этой мысли, нашла себѣ въ проектахъ губернскихъ комитетовъ весьма широкое примѣненіе. Изъ 43 губернскихъ комитетовъ проекты которыхъ вошли въ сводъ, составленный редакціонными коммисіями [1]), использованный г. Скребицкимъ въ его капитальномъ трудѣ [2]), можно указать не болѣе 10 такихъ, которые не пытались устроить изъ этой статьи выгодную для дворянства аферу. Первый вопросъ, который пришлось разрѣшить комитетамъ при оцѣнкѣ усадебной осѣдлости,—былъ вопросъ о томъ, какъ быть съ постройками Люди добросовѣстные въ большинствѣ комитетовъ указывали, что постройки почти всегда сооружены самими крестьянами, часто изъ купленнаго ими самими матеріала, а если помѣщики иногда и давали свой матеріалъ, то опредѣлить размѣръ и стоимость этого пособія въ высшей степени трудно. Однако въ 19 комитетахъ изъ 43 большинство членовъ не соглашались на безвозмездную отдачу крестьянамъ строеній, Въ нѣкоторыхъ комитетахъ за строенія назначено было даже явно преувеличенное вознагражденіе Такъ, въ *орловскомъ* губернскомъ комитетѣ постановлено было взять за исправныя строенія по 150, по 200 и по 250 руб. со двора, а за *неисправныя*—по 75, по 100 и по 120! Въ *смоленскомъ* комитетѣ строенія были оцѣнены по разрядамъ въ 75, 100, 150, 175 и 206 рублей съ усадьбы. Въ *рязанскомъ* комитетѣ большинствомъ было назначено за строенія по 150 р. со двора, при чемъ въ обзорѣ основаній было пояснено, что эта оцѣнка будто бы ниже дѣйствительной стоимости, а принята потому, *что, по разсчету членовъ комитета, помѣщикамъ, при новомъ вольно-наемномъ хозяйствѣ придется обзаводиться инвентаремъ и строить помѣщеніе для вольно наемныхъ рабочихъ, на что потребуется не менѣе 150 рубл. на каждаго рабочаго.* Болѣе умѣренная оцѣнка строеній была принята въ *Бѣлорусскихъ* губерніяхъ (58—60 руб. со двора) [3]) и въ *Курской* губерніи, гдѣ, въ видѣ вознагражденія за строенія, предположено было взять по 5 коп. съ саже-

[1]) „Матеріалы редакц. коммиссій“, томы I и VII (1-го изд.).
[2]) *Скребицкій* „ Крестьянское дѣло“, т. II, ч. II, стр. 794—814.
[3]) Могилевской, Минской и Бѣлорусскихъ уѣздахъ Витебской.

*

ни усадебной земли, что составляло для усадьбы обыкновеннаго размѣра до 40 рубл. со двора. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ рѣшено было взять вознагражденіе лишь за участіе помѣщика въ постройкахъ, соразмѣрно оказанной имъ помощи. 24 комитета изъ 43 постановили отдать крестьянскія строенія безвозмездно; но было бы очень ошибочно заключить отсюда, что всѣ эти комитеты были великодушнѣе или безкорыстнѣе остальныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ назначали за то такія цифры вознагражденія за усадебную землю, которыя далеко превосходили стоимость строеній по самой повышенной оцѣнкѣ. Такъ, напримѣръ, *московскій* губернскій комитетъ установилъ для различныхъ разрядовъ селеній Московской губерніи нормы оцѣнки усадебной земли въ 20, 30, 40 и 50 коп. за сажень, или въ 400, 720, 960 и 1200 р. за десятину, при чемъ допускалъ сверхъ того, по требованію помѣщика, и спеціальную оцѣнку въ случаѣ особыхъ промысловыхъ или торговыхъ выгодъ, присущихъ данной мѣстности. *Владимірскій* комитетъ назначилъ отъ 20—45 коп. за сажень и сверхъ того допускалъ спеціальную оцѣнку особыхъ выгодъ. *Вологодскій* комитетъ за малую усадьбу въ 500 саж. (обыкновенно размѣръ усадебной осѣдлости въ большей части губерній полагался въ 600—800 саж. на тягло, но въ каждомъ селеніи были и дворы многотягольные) назначилъ 200 р. и за каждую сажень, сверхъ того, по 20 коп., допуская при томъ и спеціальную оцѣнку промысловыхъ выгодъ. *Ярославскій* комитетъ положилъ за усадебную осѣдлость по 160 руб. съ души или 320 руб. съ тягла. Эта цифра выведена была слѣдующимъ образомъ: средній доходъ оброчныхъ имѣній въ Ярославской губерніи былъ выведенъ въ 13 р. 50 к. съ души, при надѣлѣ въ 5 десятинъ на душу, при чемъ стоимость земли (по статистическимъ даннымъ мин. госуд. имущ.) была опредѣлена 22 руб. за десятину или за 5 десятинъ 110 руб., 5% съ которыхъ принимались за нормальный доходъ съ земли, что составляло 5 р. 50 к. Эти 5 р. 50 к. вычитали изъ 13 р. 50 к. и остальные 8 руб. съ души раскладывали на усадьбы, капитализируя ихъ изъ 5%, что и давало въ результатѣ 160 руб. съ души [1]).

[1]) *Скребицкій:* „Крестьянское дѣло“, т. II, ч II, стр. 856. Депутаты ярославскаго губернскаго комитета впослѣдствіи въ редакціонныхъ коммиссіяхъ въ Петербургѣ представили подробную мотивировку этой повышенной оцѣнки усадебъ: „Ярославская губернія — говорили они—географическимъ своимъ положеніемъ и происходящими оттого мѣстными выгодами, находится въ исключительномъ положеніи противъ другихъ губерній.

Воронежскій комитетъ назначилъ по 25 коп. за сажень; *калужскій*—по 20 коп. за сажень, или—по 480 р. за десятину; *костромской, нижегородскій и симбирскій* назначили 20 к. за сажень, *какъ самую низкую норму*, и допустили спеціальную оцѣнку особыхъ промысловыхъ выгодъ. *Казанскій* губернскій комитетъ опредѣлилъ за усадьбу въ 600 саж. 200 руб. и за каждую

„Находясь на водяномъ сообщеніи востока съ западомъ и сѣверомъ, она ежегодно принимаетъ къ себѣ всѣ товары, идущіе по Волгѣ: съ Каспійскаго прибрежья, Средней Азіи, Оренбургскаго края, Сибири, сѣверовосточныхъ и нижневолжскихъ губерній. Громадныя массы этихъ товаровъ или перегружаются, или складываются въ самомъ значительномъ торговомъ пунктѣ Россіи—Рыбинскѣ, находящемся почти въ центрѣ Ярославской губерній; одно это служитъ неистощимымъ источникомъ для разнаго рода промышленности, выгодныхъ предпріятій и значительныхъ заработковъ жителей всей губерніи. Оттого здѣсь видно общее благосостояніе, легкое и скорое обогащеніе.

„Кромѣ промышленности торговой, связанной съ средоточіемъ большихъ оборотовъ товарами и капиталами, требованія на всякій трудъ неисчислимы: постройка судовъ по рѣкамъ Шекснѣ и Мологѣ; сплавъ и распиловка нужнаго для того лѣса; перегрузка и выгрузка на берегъ товаровъ; коноводныя доставки судовъ по водянымъ системамъ къ Петербургу и на сѣверъ; гужевыя перевозки товаровъ зимою изъ Рыбинска и приволжскихъ городовъ Ярославской губерніи въ разныя мѣста Россіи, и многія другія требованія труда, хорошо оплачиваемаго, составляютъ выгодные заработки крестьянъ. Это—говорили депутаты—выгоды одного только Рыбинска; а если принять въ соображеніе богатыя дѣятельностью и прибыльными промыслами города: Ростовъ, съ значительною ярмаркою и извѣстными по всей Россіи огородами; Ярославль, со своимъ торговымъ, фабричнымъ и заводскимъ производствомъ, постоянно требующимъ множество рабочихъ, подводъ для провоза и лошадей для проѣзда въ Москву и обратно; потомъ все побережье Волги, покрытое торговыми селами и деревнями, съ ежегодно устраивающимися фабриками и заводами; наконецъ, Романовское овцеводство и соединенные съ нимъ промыслы, значительное производство во всѣхъ сѣверныхъ уѣздахъ деревянной посуды, доставляющей въ одни зимніе мѣсяцы не менѣе 50 рублей чистой прибыли на каждаго рабочаго; ко всему этому присоединить усвоенные крестьянами Ярославской губерніи ремесла и мастерства: кирпичнаго, печного, штукатурнаго, малярнаго, портного и другихъ, на которыя преимущественно требуютъ ярославскихъ рабочихъ въ столицы и во всѣ концы Россіи, съ платою каждому до 150 руб. за лѣто, то нельзя не признать—заключали депутаты—Ярославскую губернію пользующеюся исключительными мѣстными выгодами. *Оттого имѣнія Ярославской губерніи покупались и цѣнились несравненно дороже другихъ губерній*".

„Какъ въ этой цѣнности имѣній главную часть ея составляютъ промысловыя выгоды и мѣстныя удобства, а земля полевая и другихъ угодій, *хотя повсюду производительна, а мѣстами и весьма плодородна*, но считается какъ бы придаточною и, сравнительно съ другими губерніями, мало цѣнится (за исключеніемъ части Ростовскаго, Мышкинскаго, и Мологскаго уѣздовъ)—оттого количество надѣла землею крестьянъ не имѣетъ вліянія на ихъ благосостояніе".

Изъ всего вышеизложеннаго депутаты выводили, что, съ продажею крестьянамъ ихъ усадебной осѣдлости, которая при томъ повсюду занимаетъ лучшія и удобнѣйшія мѣста, остальное, въ большей части имѣній, почти совершенно теряетъ цѣну.

сажень сверхъ того по 15 к., допуская, кромѣ того, спеціальную оцѣнку промысловыхъ выгодъ и исключая изъ состава усадебной осѣдлости, подлежащей выкупу, фруктовые сады. Въ доказательство умѣренности этой оцѣнки казанскій комитетъ привелъ курьезный доводъ,—что ни одно сословіе не платитъ за квартиру дешевле [1]).

Нѣкоторые комитеты не установили опредѣленныхъ нормъ оцѣнки усадебной осѣдлости, но указали, что при оцѣнкѣ слѣдуетъ принимать во вниманіе не только стоимость земли и строеній или матеріаловъ для нихъ, данныхъ помѣщикомъ, но и *потерю цѣнности имѣнія* отъ продажи крестьянамъ усадьбы [2]).

Болѣе совѣстливую оцѣнку усадебной осѣдлости назначили: *полтавскій* губернскій комитетъ и общая *кіевская* коммисія (для губерній Кіевской, Подольской и Волынской). Первый назначилъ по 9 коп. за кв. сажень, второй—по 102 рубля за десятину; но за то полтавскій комитетъ ограничилъ выкупъ усадьбы 12-лѣтнимъ срокомъ переходнаго періода, а кіевская коммисія постановила, что, по истеченіи 9-лѣтняго переходнаго періода, выкупъ усадебъ будетъ допускаться лишь для крестьянъ, держащихъ полные полевые надѣлы. Наконецъ, наиболѣе благопріятную для крестьянъ оцѣнку усадебной осѣдлости, безъ всякихъ при томъ стѣснительныхъ условій, установили комитеты юго-восточныхъ степныхъ губерній: Саратовской, Самарской и Оренбургской. Въ первой за землю и строенія вмѣстѣ назначено было по 10 коп. за сажень, о второй мы уже говорили подробно; въ третьей же, Оренбургской, назначено было по 60 руб. за усадьбу, размѣромъ въ $1/2$ десятины, и за каждую сажень сверхъ того лишь по 2 коп.; допускалась и возвышенная оцѣнка въ случаѣ особыхъ промысловыхъ выгодъ, но не свыше 150 руб. за усадьбу [3]).

Чтобы судить о вышеприведенныхъ комитетскихъ оцѣнкахъ усадебной осѣдлости, небезполезно вспомнить, что А. И. Кошелевъ, хорошій знатокъ стоимости дворянскихъ имѣній и выкупныхъ средствъ крестьянскаго населенія разныхъ губерній, утверждалъ въ одной изъ записокъ, составленныхъ имъ въ 1857 году, что при выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ съ усадебной осѣдлостью и земельнымъ надѣломъ не слѣдуетъ нигдѣ въ Россіи назначать выше 100 руб. съ

---

[1]) Казанскій губернаторъ Козляниновъ находилъ, наоборотъ, эти цѣны до того возвышенными, что при нихъ выкупъ усадьбы становится невозможнымъ.

[2]) Петербургскій и псковскій комитеты.

[3]) Скребицкій, т. II, ч. II, стр. 794—804. „Матеріалы редакціонныхъ коммисій“, т. I, гл. IV, т. VII, гл. IV.

души [1]), что тульскіе помѣщики предлагали въ 1847 г. за эту именно цѣну отпустить своихъ крестьянъ съ усадьбами и съ надѣломъ по 1 десятинѣ полевой земли на душу [2]). Членъ отъ правительства въ калужскомъ губернскомъ комитетѣ, кн. А. В. Оболенскій, доказывалъ, что нормальная цѣна населенныхъ имѣній въ Калужской губерніи была въ то время 120 р. за душу [3]). Другіе члены того же комитета считали ее нѣсколько выше, но не выше 150 руб-

---

¹) Записки А. И. Кошелева, прилож., стр. 135.

²) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго", стр. 23. Въ запискѣ, поданной в. кн. Еленѣ Павловнѣ тотчасъ послѣ опубликованія первыхъ рескриптовъ, кн. Черкасскій предостерегалъ, что комитеты навѣрно будутъ стремиться къ преувеличенной оцѣнкѣ усадебъ, и предлагалъ въ предупрежденіе этого преподать имъ такія ограничительныя правила оцѣнки: „1) нигдѣ не включать въ оцѣнку строеній, такъ какъ они вездѣ выстроены крестьянами на свой счетъ и справедливо считаются ими полной собственностью. 2) Въ губерніяхъ хлѣбородныхъ и черноземныхъ и преимущественно въ среднихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ самъ собою уже съ нѣкотораго времени, при продажахъ и покупкахъ нѣсколько крупныхъ имѣній, установился обычай оцѣнивать одни только земли, господскія строенія и лѣса, не обращая никакого вниманія на стоимость самихъ крестьянъ, какъ земледѣльческаго орудія, гдѣ притомъ *весьма часто* (вспомнимъ аналогичныя указанія Кокорева и Ю. Ѳ. Самарина) *пустопорожняя земля продается дороже населенной*, во всѣхъ сихъ губерніяхъ (сюда кн. Черкасскій особенно относилъ: Тульскую, Рязанскую и Орловскую) должна быть оцѣнена одна только усадьба или одинъ только грунтъ усадебный. Оцѣнка эта вообще никогда не можетъ превышать 150 р. с. за казенную десятину, такъ какъ это есть наивысшая цѣна, которой достигаютъ только отличные огороды и табачныя плантаціи. 3) Въ губерніяхъ оброчныхъ и промышленныхъ всего труднѣе опредѣлить составные элементы цѣнности имѣнія; вообще, дровяные лѣса и луга имѣютъ на образованіе оныхъ несравненно большее вліяніе, чѣмъ обыкновенно предполагается. Цѣнность самаго лица, крестьянина, какъ умнаго и дѣятельнаго промышленнаго орудія, естественно не можетъ быть принята и допущена правительствомъ въ число составныхъ элементовъ цѣнности имѣнія. Но за то усадебный грунтъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, высшую стоимость въ этихъ губерніяхъ, чѣмъ въ барщинскихъ, по той же самой простой причинѣ, которая возвышаетъ цѣнность земли городской сравнительно съ сельской". Поэтому князь признавалъ, что здѣсь усадьбы могутъ быть оцѣнены значительно выше; но рекомендовалъ и здѣсь „для обузданія всякаго своекорыстнаго произвола" постановить, „что эта оцѣнка усадебъ *ни въ какомъ случаѣ не должна превышать* $^1/_2$ *всей суммы, образуемой капитализаціей настоящаго крестьянскаго оброка по* 6% *разсчету*". Эта оцѣнка, допускаемая Черкасскимъ для наиболѣе благопріятныхъ въ промышленномъ отношеніи мѣстностей, основывалась на томъ соображеніи, что наемная цѣна всей прочей земли, владѣемой крестьянами міромъ (пашни, луговъ, дровяного лѣса), всегда и вездѣ представляетъ ежегодную ренту, превышающую хотя нѣсколько половину оброка"... Читатель, быть можетъ, вспомнитъ, что Кошелевъ считалъ среднимъ оброкомъ для всей Россіи 16 рублей въ годъ съ тягла; но, если мы даже примемъ его въ 20 рублей, то и тогда оцѣнка усадебъ, по разсчету Черкасскаго, не должна бы превосходить въ промысловыхъ мѣстностяхъ $20 \times 16^2/_3 = 334$ руб.: $2 = 167$ рублей на тягло или $83^1/_2$ руб. на душу, т. е. вдвое ниже оцѣнки, принятой ярославскимъ губернскимъ комитетомъ.

³) Журналы калужскаго губернск. комитета, засѣданіе 16 марта 1859 г.

лей [1]). Наконецъ, въ статистикѣ Смоленской губерніи, изданной Я. А. Соловьевымъ въ 1855 г., была указана средняя покупная цѣна населенныхъ имѣній въ Смоленской губерніи—117 руб. съ души [2]). Изъ этихъ данныхъ видно, насколько преувеличена была оцѣнка усадебной осѣдлости въ большей части губернскихъ комитетовъ. Многіе комитеты хотѣли, очевидно, за однѣ усадьбы получить столько, сколько стоили самыя имѣнія со всѣмъ крѣпостнымъ населеніемъ. Но нѣкоторые изъ нихъ не довольствовались и этимъ. Предвидя, что цѣнность земли вообще и усадебъ въ особенности черезъ 9—12 лѣтъ можетъ значительно возрасти, или опасаясь, что правительство не утвердитъ сдѣланной ими явно преувеличенной оцѣнки, или, наконецъ, вообще предпочитая имѣть дѣло съ безземельными и бездомными арендаторами и батраками, они постановляли, что право выкупа усадебной осѣдлости ограничивается 6, 8, 9 или 12-лѣтнимъ срочно-обязательнымъ періодомъ и что затѣмъ невыкупленныя усадьбы вмѣстѣ съ полевымъ надѣломъ поступаютъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ; сидящіе же въ нихъ крестьяне могутъ ихъ арендовать на основаніяхъ свободнаго срочнаго контракта. Такія постановленія сдѣлали комитеты: *московскій*, *псковскій*, *воронежскій*, *орловскій*, *рязанскій*, *тамбовскій*, *полтавскій*, *минскій*, *могилевскій*, *нижегородскій* и *симбирскій*.

Въ *казанскомъ* комитетѣ было постановлено, что, если усадьбы не будутъ выкуплены въ теченіе срочно-обязаннаго періода, то можетъ быть дана отсрочка на 24 года, послѣ чего не выкупленныя къ тому времени усадьбы становятся полной собственностью помѣщика.

Наоборотъ, комитеты малонаселенныхъ степныхъ губерній Оренбургской и Таврической желали сдѣлать выкупъ усадебной осѣдлости для крестьянъ *обязательнымъ*, чтобы фактически прикрѣпить ихъ къ землѣ.

Такъ сказался сословный помѣщичій интересъ въ первыхъ же засѣданіяхъ всѣхъ безъ исключенія дворянскихъ комитетовъ по вопросамъ о вознагражденіи за потерю дохода отъ крѣпостного труда и о выкупѣ усадебной осѣдлости.

---

[1]) Тамъ же, докладъ А. А. Муромцева, приложенный къ журналу засѣданія 12 марта 1859 года.

[2]) Кавелинъ, сочиненія, т. II, стр. 50, прим.

VI.

Вопросъ о томъ, отводить ли надѣлы на срокъ, или безсрочно.—Неудобства срочно-обязаннаго положенія.—Комитеты, стремившіеся къ обезземеленію крестьянъ, и ихъ предположенія.—Комитеты, желавшіе обязательнаго выкупа, и составленные ими выкупные проекты.—Комитеты, принимавшіе систему безсрочнаго пользованія землей съ сохраненіемъ обязательныхъ отношеній.—Особыя тенденціи петербургскаго комитета.—Вопросъ о размѣрѣ надѣловъ. — Комитеты, желавшіе удержать существовавшее ранѣе землепользованіе крестьянъ. — Нормы, принятыя различными комитетами.—Недостаточность надѣловъ, проектированныхъ большинствомъ комитетовъ.—Установленіе повинностей.—Фиктивность сокращенія барщины. — Несоразмѣрность установленныхъ комитетами нормъ барщины въ сравненіи съ размѣрами проектированныхъ надѣловъ.— Способы отправленія издѣльной повинности. — Опредѣленіе комитетами нормъ оброковъ. — Неправильность сдѣланныхъ ими разсчетовъ. — Сравненіе проектированныхъ комитетами нормъ оброковъ съ нормами, установленными позже редакціонными коммисіями. — Градація въ обложеніи первой, второй и послѣдующихъ десятинъ надѣла.

Относительно надѣленія крестьянъ землей рескриптами было установлено слѣдующее *обязательное* для комитетовъ начало: *„крестьянамъ отводится надлежащее по мѣстнымъ условіямъ количество земли для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ“*. При составленіи перваго рескрипта, 20 ноября 1857 года, никто изъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу лицъ не сомнѣвался, что здѣсь идетъ рѣчь объ обезпеченіи крестьянъ, если не навсегда, то во всякомъ случаѣ на неопредѣленное, весьма продолжительное время. Мысль о необходимости переходнаго періода, въ теченіе котораго крестьяне должны быть болѣе или менѣе крѣпки землѣ, выраженная министерствомъ въ его сопроводительномъ отношеніи, отнюдь не давала основанія къ ограниченію для крестьянъ права пользованія отведенными имъ надѣлами какимъ-либо опредѣленнымъ срокомъ. Возможность отвода надѣловъ на опредѣленный срокъ впервые явилась лишь послѣ опубликованія правительствомъ программы занятій, составленной Позеномъ. Этой возможностью воспользовались въ своихъ проектахъ многіе комитеты,

особенно такіе, которымъ обезземеленіе крестьянъ представлялось выгоднымъ для дворянства, а на ряду съ ними и такіе, которымъ срочно-обязанное положеніе представлялось тягостной для всѣхъ аномаліей, изъ которой необходимо было выйти тѣмъ или инымъ путемъ. Обезземеленье крестьянъ представлялось выгоднымъ преимущественно въ мѣстностяхъ плодородныхъ и густонаселенныхъ, гдѣ земля имѣла значительную цѣнность, и гдѣ, благодаря сосредоточенію ея въ рукахъ помѣщиковъ, у нихъ явилась бы возможность при ея помощи фактически властвовать надъ нуждающимся въ ней населеніемъ. Невыгоды срочно-обязаннаго положенія сознавались помѣщиками большей части губерній; но особенно раззорительны они представлялись помѣщикамъ тѣхъ не черноземныхъ губерній, гдѣ существовала господская запашка, производившаяся барщиннымъ трудомъ [1]). Помѣщики этихъ губерній понимали, что заставить отбывать барщину крестьянина, объявленнаго лично свободнымъ, не имѣя при томъ въ своемъ распоряженіи той сильной принудительной власти, какой они пользовались при крѣпостномъ правѣ, было почти немыслимо. Имъ представлялось, и не безъ основанія, что это будетъ нѣчто въ родѣ осаднаго положенія, въ которомъ жить долгое время невозможно, а тѣмъ болѣе невозможно успѣшно вести хозяйство. Замѣна же барщины постояннымъ и неизмѣннымъ оброкомъ имъ представлялась невыгодной. Назначить оброкъ въ повышенномъ размѣрѣ было также немыслимо, потому что правительство требовало и крестьяне ожидали *улучшенія* быта, а не ухудшенія своего положенія, да и собрать повышенный оброкъ, не имѣя уже въ своемъ распоряженіи безотчетной крѣпостной власти, также едва ли было возможно. Многіе сомнѣвались даже, будутъ ли вообще крестьяне сколько-нибудь исправно платить оброкъ при срочно-обязанномъ положеніи. Съ уничтоженіемъ барщины помѣщикамъ приходилось переходить къ вольнонаемному хозяйству, а у нихъ не было ни инвентаря, ни рабочаго скота, ни оборотнаго капитала, и были по большей части весьма значительные долги, иногда почти достигавшіе цѣнности всего имѣнія. Изъ такого незавиднаго положенія ихъ могъ вывести только единовременный вы-

---

[1]) Это были губерніи: *Тверская, Новгородская, Смоленская* и въ особенности *Калужская*, въ которыхъ помѣщики заводили и поддерживали барщинную запашку, несмотря на скудость почвы, въ виду близости хлѣбныхъ рынковъ и возможности, при общемъ бездорожьи, выдерживать конкурренцію болѣе удаленныхъ черноземныхъ губерній. Ср. ст. *И. И. Игнатовичъ* „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, Русск. Бог., 1900 г., № 9, стр. 49 и слѣд.

купъ крестьянскихъ повинностей и угодій. За это средство они и ухватились. Этимъ объяснялся успѣхъ либеральнаго выкупного проекта Унковскаго среди многихъ вовсе нелиберальныхъ дворянъ Тверской, Новгородской, Калужской, Смоленской, Владимірской, Нижегородской и другихъ нечерноземныхъ губерній. Невыгоды и неудобства срочно-обязаннаго положенія для помѣщиковъ заставляли прибѣгнуть къ выкупной системѣ также и нѣкоторые комитеты болѣе плоднородныхъ черноземныхъ и получерноземныхъ губерній особенно тамъ, гдѣ на дворянскихъ имѣніяхъ лежали значительные долги. Здѣсь помѣщики старались только по возможности урѣзать отводимые крестьянамъ надѣлы. Въ промысловыхъ имѣніяхъ помѣщики опасались, что, съ потерей прежней крѣпостной власти, имъ трудно будетъ собрать оброки; но здѣсь выкупъ полевой земли по нормальной оцѣнкѣ представлялся для нихъ совершенно невыгоднымъ, и они, какъ мы видѣли, стремились вознаградить себя по возможности повышенной оцѣнкой усадебъ. Необходимость и полезность срочно-обязаннаго положенія признавали главнымъ образомъ лишь помѣщики малонаселенныхъ, но хлѣбородныхъ степныхъ губерній, гдѣ помѣщичьи хозяйства не могли бы выдержать быстраго и единовременнаго прекращенія барщины; поэтому, хотя они и сознавали всѣ невыгоды срочно-обязанныхъ отношеній съ крестьянами, однако вынуждены были съ ними мириться и желали лишь постепеннаго ихъ прекращенія, путемъ замѣны ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ обязательнымъ оброкомъ и, наконецъ, выкупомъ. Такова была точка зрѣнія Ю. Ѳ. Самарина.

Къ числу комитетовъ, желавшихъ *обезземеленья* крестьянъ, принадлежали: воронежскій, тамбовскій, отчасти рязанскій, курскій, орловскій, полтавскій, екатеринославскій, херсонскій, таврическій, симбирскій, казанскій, нижегородскій, костромской, вологодскій, пермскій, вятскій, смоленскій и астраханскій. Изъ нихъ первые десять, очевидно, стремились стать, какъ выражался Черкасскій, монополистами цѣннаго товара—чернозема.

При этомъ воронежскій комитетъ въ „обзорѣ основаній“ своего проекта пояснялъ, что для улучшенія быта крестьянъ, сверхъ утвержденія между ними правилъ вѣры и нравственности, достаточно одной „свободы труда“ [1]). Не менѣе лицемѣрна мотивировка большинства симбирскаго комитета. По его мнѣнію, „надѣлъ земли для крестьянъ обязательный, хотя бы они желали отъ онаго от-

[1]) „Матеріалы редакц. коммисіи“, т. I, „Журналы общ. прис. 12 авг. 1859 г., № 38. Докладъ хоз. отд. № 8, стр. 16.

казаться, бросается въ глаза, какъ явная несправедливость и покушеніе на свободу крестьянъ (!). Комитетъ счелъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, долженъ положить границу этой несправедливости, назначивъ 12-лѣтній переходный срокъ этому насильственному состоянію отношеній. Продлить обязательный надѣлъ на неограниченное время значило бы пожертвовать крестьянской пользой и укрѣпить трудъ крестьянъ на вѣчныя времена, если не къ помѣщику, то къ землѣ, хотя бы самой неблагодарной. Конечная цѣль реформы,—заявляетъ симбирскій комитетъ,—должна состоять въ совершенномъ замѣненіи обязательнаго надѣла добровольнымъ соглашеніемъ; до этого же времени въ Россіи, одной изъ всѣхъ державъ Европейскихъ, трудъ не будетъ свободенъ и крестьяне останутся подъ другимъ именемъ крѣпостными [1]).

Большинство рязанскаго комитета вооружалось главнымъ образомъ противъ безсрочности обязательныхъ отношеній; оно объясняло въ „обзорѣ основаній“ своего проекта, что „невозможно на неопредѣленное время ставить два сословія въ искусственныя отношенія. Подобныя мѣры—по его словамъ—могутъ быть только временныя, что сознаетъ и правительство, учреждая періодъ *срочно-обязанный*. Въ окончательномъ же періодѣ, *если правительство не сдѣлаетъ крестьянъ собственниками земель*, то необходимо будетъ, по крайней мѣрѣ, возвратить обоимъ сословіямъ полную свободу приходить къ добровольнымъ соглашеніямъ, безъ вмѣшательства какихъ бы то ни было регламентацій, и такимъ образомъ подчинить земледѣліе тѣмъ же правиламъ, на которыхъ существуютъ прочія отрасли промышленности“ [2]).

Гораздо рѣшительнѣе стремились къ безземельному освобожденію крестьянъ комитеты малороссійскихъ и новороссійскихъ губерній: Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической, при чемъ екатеринославскій и херсонскій комитеты, постановивъ, что крестьянскіе надѣлы по истеченіи срочно-обязаннаго періода обязательно возвращаются въ полное распоряженіе помѣщиковъ, сдѣлали вмѣстѣ съ тѣмъ прямыя постановленія, что надѣлы эти *ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть выкупаемы крестьянами въ собственность безъ согласія на то каждаго помѣщика въ отдѣльности*. Такъ же смотрѣлъ на выкупъ надѣловъ и полтавскій комитетъ, руководимый Позеномъ. Тавриче-

---

[1]) Тамъ же, стр. 16.
[2]) Тамъ же, стр. 17.

скій комитетъ, сдѣлавъ постановленіе о возвращеніи надѣловъ помѣщику по истеченіи срочно-обязаннаго періода и опасаясь въ то же время, въ виду малонаселенности края, что помѣщичьи земли могутъ остаться безъ обработки, проектировалъ обязательный для крестьянъ выкупъ усадебъ по весьма высокой оцѣнкѣ, разсчитывая, очевидно, этою мѣрою фактически прикрѣпить крестьянъ къ мѣсту.

Комитеты смоленскій, вятскій, пермскій и вологодскій, хотя и сдѣлали постановленія объ отводѣ надѣловъ лишь на время срочно-обязаннаго періода, но ничего не имѣли и противъ выкупа ихъ правительствомъ или самими крестьянами, при чемъ вологодскій комитетъ лишь условно постановилъ, что земля по истеченіи срочно-обязаннаго періода возвращается къ помѣщику *„буде правительство не издастъ на сей предметъ особыхъ правилъ* [1]). Впрочемъ, какъ въ Вологодской, такъ и въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Костромской губерніи, при всей малонаселенности ихъ и малой цѣнности невоздѣланной земли въ этихъ губерніяхъ, крестьянскіе надѣлы, представляющіе участки, разработанные изъ-подъ лѣса съ приложеніемъ значительнаго труда, имѣли и весьма значительную цѣнность; поэтому „возвращеніе“ этихъ земель въ полное распоряженіе помѣщиковъ было, конечно, для нихъ весьма выгодно.

Всего труднѣе судить объ основаніяхъ дѣйствій *астраханскаго* комитета, который, состоя въ значительной мѣрѣ изъ чиновниковъ, дѣйствовалъ, повидимому, безъ достаточнаго пониманія мѣстныхъ условій и выгодъ. Такъ, напр., нормы надѣловъ онъ заимствовалъ безъ дальнихъ размышленій изъ проекта петербургскаго комитета, хотя, разумѣется, въ условіяхъ Петербургской и Астраханской губерніи не было ничего общаго.

Къ этимъ комитетамъ примыкали: *новгородскій*, большинство *калужскаго* и *пензенскій*, опредѣленно желавшіе, чтобы крестьяне выкупили свои надѣлы въ собственность при помощи правительства, но постановившіе, что, если выкупъ или сдѣлки о выкупѣ не послѣдуютъ въ срочно-обязанный періодъ, то надѣлы крестьянскіе, по истеченіи этого періода, поступаютъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ.

Совершенно оригинальное положеніе проектировалъ *минскій* губернскій комитетъ. Онъ также указалъ, что надѣлы отводятся

---

[1]) „Матеріалы редакц. коммисій“, т. VII, гл. V, стр. 96.

лишь на время срочно-обязаннаго періода, по истеченіи котораго арендованіе ихъ можетъ производиться лишь путемъ свободнаго контракта, но при этомъ установилъ, что разъ отведенные надѣлы не могутъ быть присоединяемы къ господскимъ полямъ и по минованіи срочно обязаннаго періода, а должны обязательно быть сдаваемы въ аренду обывателямъ Минской губерніи (кромѣ евреевъ) по добровольнымъ договорамъ на опредѣленный срокъ.

Въ сѣверо западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ среди помѣщиковъ было также очень распространено, какъ выше мы видѣли, стремленіе къ безземельному освобожденію крестьянъ; но комитеты этихъ губерній не сдѣлали соотвѣтствующихъ постановленій въ составленныхъ ими проектахъ, потому что они своевременно получили категорическое разъясненіе министерства внутреннихъ дѣлъ, что правительство ни въ какомъ случаѣ не допуститъ подобнаго освобожденія [1]). Пріученные къ инвентарной системѣ и зная по опыту, что съ ними правительство особенно церемониться не будетъ, они подчинились этому разъясненію безъ всякой почти попытки протеста. Лишь инфляндскіе члены *витебскаго* комитета сдѣлали постановленіе о возвращеніи надѣловъ помѣщикамъ по истеченіи переходнаго періода. Впрочемъ, нѣкоторые изъ комитетовъ западныхъ губерній постановили, что участки, меньше извѣстнаго размѣра (напр., меньше 5 десятинъ въ Литовскихъ губерніяхъ) по истеченіи срочно обязаннаго періода могутъ быть присоединены къ господскимъ полямъ.

Стремленіе губернскихъ комитетовъ къ полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи *обязательнаго выкупа* крестьянскихъ надѣловъ выразилось въ постановленіяхъ и въ проектахъ комитетовъ гораздо слабѣе, нежели можно было этого ожидать. Это произошло въ значительной мѣрѣ оттого, что правительство въ началѣ дѣятельности комитетовъ было противъ этой мѣры и на предложеніе нижегородскаго комитета отдать крестьянамъ въ собственность за единовременный денежный выкупъ часть крестьянскаго полевого надѣла не только отвѣчало отказомъ, но и прямо запретило губернскимъ комитетамъ обсуждать этотъ вопросъ. Впослѣдствіи правительство измѣнило свой взглядъ и разрѣшило сперва тверскому, а затѣмъ и калужскому комитету представить выкупной проектъ вмѣстѣ съ проектомъ срочно-обязаннаго положенія. О разрѣшеніи, данномъ калужскому комитету 14 марта 1859 г., было тогда же сообщено губернаторамъ нѣкоторыхъ губерній, въ которыхъ комитеты

---

[1]) Записки Я. А. Соловьева. „Русск. Старина" 1881 г. № 5.

еще не кончили въ это время своихъ занятій [1]); но къ этому времени занятія продолжались лишь въ половинѣ губернскихъ комитетовъ и во многихъ изъ нихъ приходили къ концу. Разрѣшеніе, данное калужскому комитету, было оффиціально сообщено почему-то лишь слѣдующимъ девяти *великорусскимъ* комитетамъ: самарскому, саратовскому, орловскому, тульскому, смоленскому, владимірскому, ярославскому, вологодскому, новгородскому и двумъ общимъ коммисіямъ: виленской и кіевской. Вопросъ о выкупѣ надѣловъ поднимался, однако же, и во многихъ другихъ губернскихъ комитетахъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были приняты выкупные проекты и безъ спеціальнаго разрѣшенія правительства. Такъ поступило меньшинство симбирскаго, рязанскаго, нижегородскаго и московскаго комитетовъ и комитеты: харьковскій, пензенскій и могилевскій.

Совершенно не касались вопроса о выкупѣ лишь вятскій, таврическій, черниговскій, бессарабскій и большинство тульскаго комитета. Рѣшительно высказались противъ выкупа екатеринославскій, херсонскій, костромской и большинство симбирскаго комитета. Всѣ остальные комитеты такъ или иначе касались вопроса о выкупѣ, но многіе изъ нихъ, даже такіе, которые представили подробныя соображенія и проекты особыхъ финансовыхъ операцій и учрежденій для содѣйствія выкупу, въ сущности имѣли въ виду лишь способствовать заключенію добровольныхъ выкупныхъ сдѣлокъ между крестьянами и отдѣльными помѣщиками. Таковы, напримѣръ, проекты меньшинства комитетовъ тульскаго и тамбовскаго, а также постановленія воронежскаго комитета.

Особые проекты о выкупѣ надѣловъ и повинностей крестьянъ, кромѣ *тверского* (большинства) и *калужскаго* (болш. и меньш. комитетовъ), представители *новгородскій* (большинство и меньшинство), *ярославскій*, меньшинство *нижегородскаго*, оба меньшинства *владимірскаго*, *пензенскій*, *саратовскій*, меньшинство (2 члена) *рязанскаго*, меньшинство *московскаго*, *могилевскій* и *харьковскій* комитеты. Но изъ всѣхъ этихъ проектовъ признавали выкупъ надѣловъ въ собственность крестьянъ единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ крѣпостного вопроса лишь проекты комитетовъ: *тверского*, *калужскаго* и *харьковскаго* и проекты меньшинства *владимірскаго* (5 и 6 членовъ), *рязанскаго* (2 члена) и *симбирскаго* (5 членовъ).

Первымъ изъ нихъ представленъ былъ проектъ 5 членовъ

---

[1]) Сборникъ постановленій, вып. III, стр. 25.

симбирскаго комитета, составленный, главнымъ образомъ, А. Н. Татариновымъ. Разбирая первые поступившіе въ главный комитетъ проекты губернскихъ комитетовъ, Я. И. Ростовцевъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ на этомъ проектѣ меньшинства симбирскаго комитета и указалъ на него, какъ на *„первое отрадное положеніе“* между всѣми поступившими до того времени въ главный комитетъ проектами положеній. „Проектъ 5 членовъ,—по отзыву Ростовцева,—соединяя выкупъ усадебъ съ выкупомъ надѣла, желаетъ *разрѣшить* вопросъ, а не *обойти* его“ [1]). Сущность этого проекта заключалась въ томъ, что крестьянамъ предоставлялось право выкупать свой надѣлъ съ тѣмъ, чтобы стоимость его не превышала 100 рублей на душу, при помощи ежегодныхъ платежей по 8% въ годъ, если выкупъ будетъ производиться безъ гарантіи правительства, и по 6% при правительственной гарантіи. Въ обоихъ случаяхъ 1% отчислялся на погашеніе, а 7% въ первомъ случаѣ и 5% во второмъ должны были выдаваться помѣщикамъ. Отдѣльный отъ надѣла выкупъ усадебъ не допускался. Земля оцѣнена была по уѣздамъ и въ каждомъ уѣздѣ по классамъ. Въ среднемъ по губерніи приходилось за 1 десятину I класса—44 руб., II класса—36 руб., III кл.—23 руб. При самой дорогой землѣ на душу можно было выкупить 2 десятины надѣла. „Такой надѣлъ,—по мнѣнію Ростовцева,—довольно близко подходилъ къ *регулированному существующему* надѣлу“. Усадебная земля была опредѣлена въ 90 руб. за десятину (на душу слѣдуетъ класть $^1/_8$ десятины—300 кв. саженъ), строенія отдавались даромъ. Выкупныхъ платежей съ тягла при этомъ сходило бы, при правительственной гарантіи—15 рублей, безъ гарантіи—20 рублей. Вообще проектъ этотъ былъ составленъ съ несомнѣннымъ желаніемъ прочно обезпечить бытъ крестьянъ; опредѣленные же имъ выкупные платежи нельзя не признать очень умѣренными, потому что средній оброкъ въ Симбирской губерніи былъ въ это время, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ выше 100 душъ,—27 руб. 37 к. съ тягла (колеблясь между 15 и 70 руб. въ отдѣльныхъ имѣніяхъ) [2]).

О проектѣ тверского комитета мы распространяться не будемъ, такъ какъ онъ былъ изложенъ покойнымъ Джаншіевымъ и соста-

[1]) „Матеріалы редакціон. коммисій“, I, приложеніе къ журналу № 1, стр. 51.

[2]) „Матеріалы редакц. коммисій“, т. III. Вѣдомость, прилож. къ докладу хоз. отд. № 17.

вленъ на основаніяхъ, предложенныхъ А. М. Унковскимъ, уже извѣстныхъ читателю [1]). По этому проекту выкупъ угодій допускался лишь *нераздѣльно съ усадьбами*, не иначе, какъ *цѣлымъ обществомъ и единовременнымъ взносомъ помѣщику всей выкупной суммы*. Для выкупа должно было учреждаться *акціонерное общество*, которое выплачивало бы помѣщику часть капитальной суммы наличными деньгами а часть облигаціями, приносящими, впредь до уплаты, $4^1/_2{}^0/_0$. Взамѣнъ того правительство гарантировало бы этому обществу исправный взносъ крестьянами, въ теченіе 42 лѣтъ, опредѣленныхъ положеніемъ оброковъ (т. е. выкупныхъ платежей) [2]).

Отъ калужскаго комитета поступило два выкупныхъ проекта— отъ большинства и отъ меньшинства. Основанія для обоихъ проектовъ были выработаны первоначально въ особой финансовой коммиссіи, главнымъ образомъ *П. Н. Свистуновымъ* (извѣстнымъ декабристомъ). Выводы, къ которымъ пришла коммиссія и которые были приняты безъ всякихъ почти измѣненій и комитетомъ, заключались въ слѣдующемъ:

Крестьяне за выкупаемые ими надѣлы должны будутъ платить $6^0/_0$ со стоимости надѣловъ по произведенной комитетомъ оцѣнкѣ. Платежи эти будутъ съ нихъ взыскиваться правительствомъ, безъ всякаго участія и отвѣтственности помѣщиковъ. Помѣщики получаютъ *единовременно, тотчасъ по утвержденіи вырабатываемаго положенія, всю выкупную сумму* облигаціями, приносящими $5^0/_0$ ежегоднаго дохода; а шестой процентъ, по вычетѣ изъ него случайныхъ недоимокъ и различныхъ расходовъ по веденію всей операціи, будетъ употребляемъ на погашеніе выкупного долга. Въ какой именно срокъ, при этихъ условіяхъ, можетъ быть достигнуто полное погашеніе долга, коммиссія не вычислила, но въ докладѣ своемъ, на основаніи различныхъ соображеній, утверждала, что срокъ этотъ не будетъ на много дольше обычнаго 37-лѣтняго срока амортизаціи долгосрочныхъ ссудъ. Правительство должно гарантировать какъ всю сполна цѣнность облигацій, такъ и неизмѣнную высоту платимыхъ по нимъ процентовъ. Операція эта должна была обезпечиваться какъ процентнымъ сборомъ, взимаемымъ съ крестьянъ, такъ и всѣми государственными имуществами. Для завѣдыванія выкупной операціей проектировался государственный выкупной банкъ, который, при содѣйствіи подчиненныхъ

[1]) См. гл. III настоящаго сочиненія.
[2]) „Матеріалы редакц. коммисій, т. I, гл. V, стр. 115.

ѳму мѣстныхъ губернскихъ учрежденій (приказовъ общественнаго призрѣнія), распоряжался бы оборотнымъ капиталомъ, служащимъ къ окончательному погашенію всѣхъ выданныхъ помѣщикамъ облигацій. Для образованія основного капитала этого банка предполагалось составить акціонерную компанію, каторая явилась бы участницей въ операціяхъ банка на опредѣленныхъ условіяхъ. По окончательномъ погашеніи выкупныхъ облигацій банкъ передавался бы вполнѣ въ ея вѣдѣніе. Этому банку должно быть предоставлено право различныхъ кредитныхъ операцій, даже и такихъ, которыя въ то время еще не входили въ кругъ дѣйствій существовавшихъ тогда въ Россіи кредитныхъ установленій. Въ веденіи дѣла предполагалось допустить полную публичность и гласность. На этотъ банкъ предполагалось перевести и всѣ долги кредитнымъ учрежденіямъ, бывшіе въ то время на дворянскихъ имѣніяхъ, причемъ банкъ изъ общей суммы, слѣдуемой помѣщикамъ, временно, въ видѣ залога, удерживалъ бы соотвѣтствующее этимъ долгамъ количество облигацій и процентами, получаемыми по этимъ облигаціямъ, выплачивалъ бы весь долгъ, лежащій на этихъ имѣніяхъ. При этомъ всѣ запрещенія съ имѣній снимались бы со времени удержанія облигацій. По погашеніи долговъ въ кредитныя учрежденія, временно удержанныя облигаціи выдавались бы ихъ владѣльцамъ-помѣщикамъ; впрочемъ, за помѣщиками признавалось быи право выкупа ихъ облигацій во всякое время взносомъ соотвѣтствующей ихъ долгамъ суммы. Облигаціи эти должны былибы приниматься въ залогъ по нарицательной цѣнѣ по казеннымъ подрядамъ, торгамъ, откупамъ и пр., а равно и въ уплату при покупкѣ казенныхъ земель и государственныхъ имуществъ. Этотъ планъ выкупа былъ принятъ какъ большинствомъ, такъ и меньшинствомъ комитета.

Разница въ выкупныхъ проектахъ меньшинства и большинства калужскаго комитета заключалась главнымъ образомъ въ оцѣнкѣ надѣла и усадебъ, при чемъ оцѣнка большинства превышала оцѣнку меньшинства на 20%: по первой стоимость уступаемой крестьянамъ земли оцѣнена была въ 150 руб. на душу, а по второй— въ 120 [1]). Сверхъ того, въ проектѣ меньшинства было установлено, что, въ случаѣ особыхъ выгодъ или невыгодъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, оцѣнка эта можетъ быть повышена или понижена, по рѣшенію оцѣночной коммиссіи, на 20 руб. на душу.

---

[1]) По сравненію съ оцѣнкой проекта меньшинства симбирскаго комитета оцѣнка, принятая даже и меньшинствомъ калужскаго комитета, представляется не особенно льготной для крестьянъ.

Сходны съ калужскими выкупными проектами были проекты, выработанные меньшинствомъ 6-ти членовъ *владимірскаго* комитета и *харьковскимъ* комитетомъ [1]).

Съ отводомъ крестьянамъ надѣловъ въ *безсрочное* пользованіе съ сохраненіемъ обязательныхъ отношеній мирились комитеты: *петербургскій*, *московскій*, *псковскій*, *олонецкій*, *ярославскій*, *владимірскій* (большинство), *самарскій*, *саратовскій*, *могилевскій*, *черниговскій* и *тульскій*, а также меньшинство комитетовъ *новгородскаго*, *вологодскаго*, *тверского*, *нижегородскаго*, 2-хъ членовъ *симбирскаго*, 3-хъ членовъ *рязанскаго*, бѣлорусскихъ членовъ *витебскаго* комитета и общія коммиссіи *кіевская* и *виленская*. Интересы и соображенія, которыми руководились члены всѣхъ этихъ комитетовъ и коммиссій, были далеко не однородны, и комитеты эти отнюдь не составляютъ по своему характеру сколько-нибудь однообразной группы. О побужденіяхъ, заставившихъ принять означенное рѣшеніе комитеты и коммиссіи сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній,—мы уже говорили. Говорили также о причинахъ, побудившихъ большинство и меньшинство *самарскаго* комитета держаться системы безсрочнаго пользованія. Относительно склонности *петербургскаго* комитета къ личному освобожденію крестьянъ по остзейской системѣ въ нашей литературѣ, съ легкой руки профессора Иванюкова, составилось довольно прочное мнѣніе, которое, однако, едва ли можно принять безъ оговорокъ. Мнѣніе это состоялось главнымъ образомъ на основаніи ожесточенныхъ, но невѣрно истолкованныхъ споровъ гр. Шувалова и кн. Паскевича съ членами редакціонныхъ коммиссій, а также въ виду тѣхъ преній, которыя происходили въ средѣ самого петербургскаго комитета по вопросу о выкупѣ усадебной осѣдлости. Я не имѣю, къ сожалѣнію, въ своемъ распоряженіи подлинныхъ трудовъ петербургскаго комитета, но и опубликованныхъ о немъ данныхъ [2]) достаточно, чтобы составить себѣ ясное представленіе о тенденціяхъ мыслящей и руководящей части

---

[1]) „Матеріалы редакціон. коммисій", т. I, своды проектовъ комитетовъ, гл. V, стр. 114 и 116, а также гл. IV, стр. 51. Срав. Скребицкій, н. с. т. IV, стр. 246 и слѣд.

[2]) Въ „Матеріалахъ редакціонныхъ коммисій" — своды проектовъ губернскихъ комитетовъ т. I и въ особенности отзывъ *Ростовцева* о проектѣ петербургскаго комитета тамъ-же, стр. 38—42 и выписки изъ „обзора основаній" того же комитета въ докладахъ хозяйственнаго отдѣленія редакц. коммисій № 1 (о надѣлахъ, т. II) и № 17 (т. III матеріаловъ); также у Семенова „Освобожденіе крестьянъ" т. I стр. 135 и слѣд. и 544.

петербургскаго дворянства, проявленныхъ ими въ концѣ царствованія Николая I и въ засѣданіяхъ губернскаго комитета въ 1858 году.

Члены петербургскаго комитета увлекались аристократическими мечтаніями и не прочь были заимствовать у остзейскаго рыцарства нѣкоторыя черты феодальнаго строя, но они вовсе не думали обезземелить крестьянъ. Имъ очень хотѣлось упрочить за русскимъ дворянствомъ вотчинныя права и привилегіи, но они въ то же время серьезно желали упорядочить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ на началахъ эмфитевтическихъ, вѣчнонаслѣдственныхъ отношеній. Они не думали сокращать и урѣзывать крестьянскіе надѣлы и даже хотѣли навсегда отдѣлить ихъ отъ господскихъ полей и лѣсовъ, въ видѣ наслѣдственной арендной крестьянской земли. Ихъ возмущала лишь мысль о нарушеніи неприкосновенности ихъ вотчинныхъ сеноріальныхъ правъ привилегій. Отсюда и тѣ страстные споры, и горячія рѣчи о неприкосновенности и священности дворянскаго права собственноси по вопросу о выкупѣ усадебъ, которые встревожили министерство внутреннихъ дѣлъ [1]). Въ обязательномъ выкупѣ усадебъ члены петербургскаго комитета видѣли не столько матеріальный ущербъ помѣщичьимъ интересамъ, сколько нарушеніе своихъ дворянскихъ вотчинныхъ правъ. Права и интересы, которые они главнымъ образомъ отстаивали, были не столько экономическаго, сколько романтическаго свойства, и руководили ими не столько соображенія корысти, сколько традиціонное высокомѣріе и барское тщеславіе. Это ярко сказалось впослѣдствіи, когда, послѣ всѣхъ споровъ и столкновеній Шувалова и Паскевича съ членами редакціонныхъ коммиссій, они все же не пожелали въ рѣшительный моментъ (въ засѣданіи 12 августа 1859 года по вопросу о срочности или безсрочности пользованія крестьянъ отведенными имъ надѣлами) присоединиться къ Позену, истинному представителю и защитнику *матеріальныхъ* помѣщичьихъ интересовъ. Это же направленіе ясно выразилось и въ проектѣ петербургскаго комитета, который, всячески затруднивъ крестьянамъ выкупъ усадебъ въ собственность, вмѣстѣ съ тѣмъ проектировалъ вполнѣ достаточный земельный надѣлъ въ безсрочное пользованіе за умѣренныя повинности [2]). Въ то же время по этому проекту помѣщикамъ предоставлялась на территоріи ихъ владѣній сильная вотчинная власть, при чемъ власть эту во всей полнотѣ,

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“, т. I, стр. 324.

[2]) Срав. мнѣніе Ростовцева въ запискѣ его о проектѣ петербургскаго комитета, напечатанной въ I т. „Матеріаловъ редакціон. коммиссій“.

въ отсутствіе свое изъ имѣнія, помѣщикъ могъ передать управителю имѣнія въ томъ только случаѣ, если этотъ послѣдній былъ самъ потомственный дворянинъ. Изъ другихъ комитетовъ наиболѣе близкимъ по направленію своему къ петербургскому былъ сосѣдній съ нимъ комитетъ, псковскій [1]).

Совсѣмъ не такой характеръ носятъ проекты другихъ комитетовъ нечерноземныхъ губерній, признавшихъ право безсрочнаго пользованія крестьянъ отведеннымъ надѣломъ. Эти комитеты также крѣпко держались за вотчинную власть помѣщиковъ, несовмѣстимую съ выкупною системою, предполагавшею полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній, но на первый планъ у нихъ обыкновенно выступали матеріальные интересы, а иногда и своекорыстныя, явно несправедливыя поползновенія. Эти интересы и поползновенія выразились чрезвычайно разнообразно: въ однихъ комитетахъ въ стремленіи урѣзать надѣлъ, чаще всего подъ предлогомъ соотвѣтственнаго уменьшенія повинностей, которыя они уменьшали лишь номинально; въ другихъ—въ явно преувеличенной оцѣнкѣ усадебной осѣдлости и надѣла, иногда съ явнымъ намѣреніемъ затруднить ихъ выкупъ.

Обыкновенно думаютъ, что изъ комитетовъ и отдѣльныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ крестьянской реформѣ, всѣ болѣе либеральные стремились къ выкупу, менѣе либеральные соглашались отвести крестьянамъ надѣлы въ постоянное пользованіе за обязательныя повинности и, наконецъ, самые крѣпостническіе стремились къ совершенному обезземеленію крестьянъ. На самомъ дѣлѣ эта схема далеко не точна. Конечно, искренніе и послѣдовательные либералы стремились къ обязательному выкупу, потому что, при помощи этой системы, достигалось одновременно и повсемѣстно—полное освобожденіе крестьянъ не на бумагѣ, а на дѣлѣ. Но выкупъ былъ въ то же время на руку многимъ помѣщикамъ, отнюдь не зараженнымъ духомъ либерализма. Мы видѣли, какъ этого типа помѣщики и цѣлые комитеты пытались устроить свои дѣла при помощи высокой оцѣнки усадебъ. Нѣкоторые изъ нихъ составили въ такомъ же духѣ проекты выкупа и прочихъ угодій. Таковъ былъ проектъ *ярославскаго* комитета, предлагавшаго отвести крестьянамъ, кромѣ усадебной осѣдлости, и земельный надѣлъ достаточнаго размѣра (до 50 десятинъ на душу) и отдать его вмѣстѣ съ усадьбой на выкупъ, но оцѣнившаго этотъ надѣлъ *въ 270 руб. съ души.* Эта оцѣнка почти вдвое превышала оцѣнку тверского комитета и болѣе чѣмъ въ

[1]) „Матеріалы редакц. коммисій", т. I, систематическіе своды по проектамъ положеній 21 губерніи, гл. V, стр. 68—69.

$2^1/_2$ раза оцѣнку симбирскаго меньшинства 5 членовъ. *Новгородскій* комитетъ предлагалъ урѣзанный надѣлъ въ 5 десятинъ, недостаточность котораго онъ самъ отлично сознавалъ [1]), отдать на выкупъ за 330 руб. съ тягла. Меньшинство *нижегородскаго* комитета, оффиціально признанное либеральнымъ, дешево оцѣнило въ противность большинству, усадьбы и предложило ихъ выкупить вмѣстѣ съ земельнымъ надѣломъ, но размѣръ послѣдняго опредѣлило всего въ 1—3 дес. на душу, тогда какъ даже крѣпостническое большинство нижегородскаго комитета опредѣлило размѣръ надѣла отъ 2 до 3 десят. на душу.

Чтобы судить о степени безобидности для крестьянъ проекта того или другого комитета, необходимо принять въ разсчетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ и прежде всего — размѣръ проектированнаго надѣла, въ связи съ мѣстными условіями и съ размѣромъ назначенныхъ комитетомъ повинностей.

Вопросъ о *размѣрѣ надѣловъ* долженъ былъ, повидимому, выступать на первый планъ въ тѣхъ комитетахъ, которые предполагали уступить крестьянамъ земельный надѣлъ въ собственность или отдать его имъ въ постоянное, безсрочное пользованіе. Повидимому, гораздо меньше значенія онъ долженъ бы былъ имѣть въ комитетахъ, сдѣлавшихъ постановленіе о возвращеніи всей земли по истеченіи срочно-обязаннаго періода въ полное распоряженіе помѣщика. Но на дѣлѣ это было далеко не такъ. Помѣщики вездѣ, въ сущности, хорошо понимали, что правительство едва-ли допуститъ, въ концѣ концовъ, такой исходъ дѣла, и потому, на случай неутвержденія постановленій о возвращеніи надѣловъ въ распоряженіе помѣщиковъ, большая часть комитетовъ, отводившихъ надѣлы лишь во временное пользованіе крестьянъ, позаботилась не менѣе остальныхъ о сокращеніи до возможнаго minimum'а размѣровъ отводимыхъ надѣловъ [2]).

Полевая земля представляла значительную цѣнность главнымъ образомъ въ хлѣбородныхъ черноземныхъ губерніяхъ, особенно въ

[1]) Ибо установлялъ на переходное время *дополнительный* надѣлъ въ 4 десятины, за особыя дополнительныя повинности.

[2]) *Позенъ* осторожно, но упорно проводившій принципъ неприкосновенности съ самаго начала и затѣмъ сильно отстаивавшій его въ редакціонныхъ коммисіяхъ, въ полтавскомъ губернскомъ комитетѣ счелъ необходимымъ предостеречь помѣщиковъ, что правительство едва ли согласится на возвращеніе въ ихъ распоряженіе разъ отведенныхъ надѣловъ. Здѣсь онъ старался лишь провести мысль, что крестьянамъ слѣдуетъ отводить надѣлы какъ можно меньше. См. „Бумаги М. П. Позена“, стр. 162.

густо-населенныхъ—центральныхъ, а также въ малороссійскихъ и юго-западныхъ [1]).

Кромѣ того, въ лѣсныхъ мѣстностяхъ разработанная изъ подъ лѣса земля представляла также высокую цѣнность, такъ какъ раскорчеваніе лѣса требовало затраты большого количества труда. Въ малонаселенныхъ въ степныхъ губерніяхъ и въ нечерноземныхъ промышленныхъ земля цѣнилась чрезвычайно низко [2]). Соотвѣтственно этому, при опредѣленіи размѣра надѣловъ, гораздо менѣе скупились комитеты нечерноземныхъ промышленныхъ и степныхъ малонаселенныхъ губерній, нежели комитеты центрально-черноземныхъ, малороссійскихъ и юго-западныхъ губерній.

По вопросу о размѣрахъ надѣленія крестьянъ полевой землей лишь очень немогіе комитеты признали возможнымъ придержаться *дѣйствительно существовавшаго* въ то время землепользованія крестьянъ. Одни изъ нихъ находили несправедливымъ узаконять случайно или по произволу помѣщиковъ образовавшуюся неравно-

---

[1]) Граница, отдѣляющая черноземный югъ отъ нечерноземнаго сѣвера, идетъ довольно ломаной линіей съ запада на востокъ (или точнѣе на сѣверо-востокъ) и, не вполнѣ совпадая съ административнымъ дѣленіемъ страны на губерніи, проходитъ по Волынской, Кіевской, Черниговской, Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской и Казанской губерніямъ. Изъ этихъ губерній значительныя части Волынской, Черниговской и Орловской принадлежатъ къ нечерноземной полосѣ; въ Тульской и Рязанской также есть уѣзды нечерноземные, но здѣсь цѣнность земли повсемѣстно весьма высока, вслѣдствіе значительной густоты населенія. Есть нечерноземные уѣзды и въ губерніихъ Тамбовской, Пензенской и Казанской; съ другой стороны, въ Нижегородской губерніи, большая часть которой нечерноземна, есть черноземные уѣзды и части уѣздовъ. Губерніи, лежащія къ сѣверу отъ проведенной нами черты, принадлежатъ полосѣ нечерноземной,—въ центрѣ промышленной, а къ сѣверу, сѣверо-востоку и юго-западу — лѣсистой. Къ югу отъ вышеописанной черты идетъ полоса сплошного чернозема, переходящая на крайнемъ югѣ, на юго-востокѣ и востокѣ — въ степь. Черноземныя мѣстности отъ степныхъ отличаются главнымъ образомъ сѣвооборотомъ, измѣненіе котораго зависитъ отъ относительной густоты населенія и обилія дѣвственной и неистощенной, не требующей удобренія, почвы. Въ 50-хъ годахъ въ населенныхъ болѣе густо центральныхъ губерніяхъ господствовало трехполье, въ мало-населенныхъ окраинныхъ юго-восточныхъ и южныхъ—залежное хозяйство. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, гдѣ нечерноземная полоса переходитъ въ лѣсную такъ же незамѣтно, какъ черноземная въ степную, вмѣсто трехпольнаго хозяйства существуетъ переложное („Матеріалы редакціон. коммисій“, т. XVIII, стр. 428 — 438, 620, 621 и 728, т. VI, дополнит. докладъ хоз. отд. № 15, стр. 8—34).

[2]) Такъ, въ Смоленской губ., по статистическимъ даннымъ Я. А. Соловьева, средняя цѣна десятины въ ненаселенныхъ имѣніяхъ была въ пятидесятыхъ годахъ 5 р. 50 к., а населенныя имѣнія продавались тамъ въ среднемъ по 117 рубл. на душу; тогда какъ въ Тульской, по свидѣтельству Самарина, Кошелева и Кокорева, ненаселенная земля цѣнилась нерѣдко дороже населенной.

мѣрность обезпеченія крестьянъ землей, при чемъ получили бы своего рода премію наиболѣе прижимистые помѣщики и потерпѣли бы наиболѣе щедрые или беззаботные; другіе откровенно указывали, что, если крестьянамъ надѣлить достаточное для удовлетворенія всѣхъ ихъ потребностей количество земли, то они не будутъ имѣть никакой надобности ни работать по найму въ помѣщичьихъ экономіяхъ, ни арендовать остающіяся у помѣщиковъ земли; наконецъ, третьи увѣряли, что самимъ крестьянамъ, будто бы, выгоднѣе получить урѣзанные надѣлы, такъ какъ это первый шагъ къ установленію отношеній, регулируемыхъ свободнымъ контрактомъ, соотвѣтствующихъ—по мнѣнію этихъ „либераловъ"—гражданской свободѣ и будто бы служащихъ залогомъ правильнаго развитія народнаго благосостоянія. При этомъ приводилось соображеніе о затруднительности для крестьянъ отбывать всѣ повинности за слишкомъ большіе надѣлы. При высокой оцѣнкѣ надѣловъ и при низкой оцѣнкѣ труда, это послѣднее соображеніе не лишено было извѣстнаго вѣса.

Изъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ рѣшились удержать *существовавшіе ранѣе надѣлы*, съ нѣкоторымъ лишь регулированіемъ ихъ, комитеты: *тверской* (большинство), *смоленскій*, *самарскій* (большинство и меньшинство), *могилевскій*, меньшинство 6 членовъ *владимірскаго*, 2 члена *симбирскаго*, 2 члена *рязанскаго*, одинъ членъ *калужскаго* комитета (кн. А. В. Оболенскій) и одинъ членъ *саратовскаго* комитета (А. П. Ровинскій, депутатъ Царицынскаго уѣзда, вообще державшійся точки зрѣнія крестьянскихъ, а не помѣщичьихъ интересовъ). Мотивами къ удержанію существующаго землепользованія крестьянъ эти комитеты выставили слѣдующія соображенія: 1) невозможность опредѣлить общую норму надѣла, которая бы вполнѣ обезпечивала бытъ и повинности крестьянина, при чемъ нѣкоторые объясняли, что бытъ и повинности крестьянъ нигдѣ не обезпечиваются однимъ земледѣліемъ, но и промыслами. 2) Невозможность скораго и повсемѣстнаго приведенія въ исполненіе нормальнаго надѣла по недостатку межевыхъ и кадастровыхъ средствъ. 3) Разстройство въ хозяйствѣ какъ крестьянъ, такъ и *самого помѣщика*, вслѣдствіе измѣненія надѣла [1]). Однако и въ этихъ проектахъ не предполагалось безусловное удержаніе существующихъ надѣловъ, а установлялись предѣльныя нормы, близкія къ дѣйствительно существовавшимъ.

---

[1]) *Скребицкій*, т. II, ч. I, стр. 10—11. „Матеріалы редакціонныхъ коммисій", т. I. Докладъ хоз. отд. № 1, стр. 9—10.

Большинство тверского комитета оставляло существующій надѣлъ, *если онъ не болѣе 4 десятинъ на душу*; меньшинство 6 членовъ владимірскаго комитета—*если онъ не болѣе $4^1/_2$ дес. на душу*. Самарское большинство, — *если онъ не превышаетъ извѣстныхъ нормъ, которыя измѣнялись по мѣстностямъ, отъ 3 до 8 десятинъ на душу, а по проекту меньшинства—отъ 8 до 22 дес. на тягло*. Меньшинство 2-хъ членовъ рязанскаго комитета оставляло существующій надѣлъ, если онъ укладывался въ установленныя имъ (различныя для разныхъ уѣздовъ) нормы, колебавшіяся въ первой полосѣ между $1^1/_4$ и 2 дес., во второй и третьей—между $1^3/_4$ и $2^1/_2$ дес., въ четвертой—между 2 и 3 дес. на душу (кромѣ заокской части губерніи, гдѣ надѣлъ колебался между $^1/_2$ и $1^1/_2$ дес. на душу, такъ какъ здѣсь крестьяне почти не имѣли полевыхъ земель, а пользовались лишь лугами) [1]).

Нѣкоторые изъ комитетовъ также заявляли, что они принимаютъ существующій надѣлъ, но при этомъ ограничивали его такими нормами, которыя дѣлали неизбѣжными весьма значительные отрѣзки. Таковы проекты: *тверского* меньшинства (не болѣе 3 дес. на душу), *владимірскаго* меньшинства 5 членовъ (не болѣе 3 дес. на душу, тогда какъ въ той же губерніи меньшинство 6 членовъ ограничивало существующій надѣлъ $4^1/_2$ десятинами). Въ проектѣ *тульскаго* меньшинства существующій надѣлъ удерживался лишь для имѣній среднеземельныхъ; для малоземельныхъ же и многоземельныхъ устанавливались нормы въ 1 и въ 2 десятины на душу, при чемъ послѣдняя влекла за собой значительные отрѣзки [2]). *Ярославскій* комитетъ оставлялъ существующіе надѣлы лишь на время срочно-обязаннаго періода, а затѣмъ соглашался отдать ихъ полностью крестьянамъ лишь при обязательномъ выкупѣ (270 р. на душу), *въ безсрочное же пользованіе* отводилъ урѣзанные надѣлы отъ 1—3 дес. на душу. Большинство и меньшинство *нижегородскаго* комитета предполагали оставить существующій надѣлъ лишь въ промысловыхъ и торговыхъ имѣніяхъ, т. е. тамъ, гдѣ онъ не имѣлъ значенія; въ земледѣльческихъ же малоземельныхъ крестьянамъ отводилось $^2/_3$ всей земли, а въ многоземельныхъ, по особой нормѣ—

---

[1]) „Матеріалы редакц. коммиссій“, т. I, гл. V, стр. 17.

[2]) Тульское меньшинство считало ***малоземельными*** тѣ имѣнія, въ которыхъ при крѣпостномъ правѣ у крестьянъ было въ пользованіи земли менѣе 1 дес. на душу; ***среднеземельными*** тѣ, въ которыхъ у крестьянъ было отъ 1 до 2 дес. на душу, и ***многоземельными*** тѣ, въ которыхъ было у крестьянъ болѣе 2 дес. на душу (Срав. „Матеріалы редакц. коммиссій“ т. VII, систем. сводъ, глава V, стр. 21).

отъ 2 — 3 дес. по проекту большинства и по 1,3 дес. по проекту меньшинства [1]).

Изъ губернскихъ комитетовъ, *устанавливавшихъ извѣстныя нормы надѣла*, проектировали размѣры болѣе или менѣе достаточные и близкіе къ существующимъ надѣламъ, главнымъ образомъ, комитеты *нечерноземныхъ* губерній: *петербургской, псковской, витебской* (бѣлорусскіе уѣзды), *могилевской, минской, виленской, ковенской, гродненской* и одной степной—*оренбургской*. Относительно благопріятныя для крестьянъ нормы установлялись также въ проектахъ меньшинства *вологодскаго, черниговскаго* и 5 членовъ *симбирскаго* комитетовъ.

Изъ комитетовъ нечерноземныхъ губерній менѣе достаточныя нормы проектировали: *вологодскій* (больш.),—2 до 4 дес. на душу (чего, при переложномъ хозяйствѣ, господствовавшемъ въ губерніи, было далеко не достаточно [2]), *новгородскій* (большинство) — по 5 дес. на тягло (недостаточность этой нормы комитетъ самъ сознавалъ и потому постановилъ, что въ теченіе срочно-обязаннаго періода крестьянамъ изъ прежняго ихъ надѣла можетъ быть еще оставляемо до 4 десятинъ на тягло (*за дополнительныя повинности*) [3]); меньшинство того же комитета назначало по $2^1/_2$ дес. на душу (также съ дополнительнымъ надѣломъ на тѣхъ же условіяхъ, что и большинство). *Владимірскій* комитетъ (большинство) проектировалъ отъ 1,8—3 дес. на душу (недостаточность этой нормы открывалась изъ сопоставленія ея съ проектомъ меньшинства 6 членовъ того же комитета). Столь же недостаточны были нормы, проектированныя *калужскимъ* ($2^1/_8$ дес. на душу), *костромскимъ* ($1^1/_2$—3 дес. на душу), *вятскимъ* (отъ 2—2,8 дес.) и *пермскимъ* (2—4 дес.) комитетами [4]).

Изъ комитетовъ болѣе плодородныхъ центрально-черноземныхъ, юго-западныхъ и южныхъ губерній щедрѣе другихъ, хотя все же далеко недостаточно, надѣляли крестьянъ комитеты: *пензенскій*, (2 дес. на душу, а по выкупному проекту—$2^1/_4$), *рязанскій* (по полосамъ, отъ $1^1/_4$ до 3 дес. на душу, кромѣ заокской части губерніи, гдѣ отводился лишь луговой надѣлъ отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ дес. на

---

[1]) „Матер. редакц. коммиссій", т. I, гл. V, стр. 1 и 2.

[2]) Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ ***Вологодской*** губерніи всей земли на душу приходилось по $15_{,3}$ дес. (не считая неудобн.).

[3]) Въ ***Новгородской*** губерніи въ помѣщ. имѣніяхъ всей земли (не считая неуд.) на душу приходилось $19_{,8}$ дес.

[4]) Губерніи ***Костромская, Вятская*** и ***Пермская*** принадлежали къ числу многоземельныхъ: въ первой на душу приходилось всей земли $12_{,5}$ дес., во второй—$8_{,5}$, и въ третьей—30 десятинъ.

душу), *орловскій* (по 2 дес. на душу, при чемъ въ составъ полевого надѣла включались и коноплянники и выгонъ); *екатеринославскій* (отъ 2 до 3 дес. на душу, что составляло весьма немного въ губерніи, гдѣ земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ приходилось по 18,9 дес. на душу); *таврическій* (по 3 дес. въ среднеземельныхъ и по 5 дес. въ многоземельныхъ степныхъ имѣніяхъ, тогда какъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Таврической губерніи числилось по 56 дес. на душу) и *астраханскій* (принявшій нормы, выработанныя петербургскимъ комитетомъ, совершенно не соотвѣтствовавшія условіямъ Астраханской губерніи). Комитеты *кіевскій*, *подольскій* и *волынскій* проектировали надѣлы въ видѣ тягловыхъ участковъ отъ 4 до $8^1/_2$ дес., смотря по качеству почвы, раздѣленной ими на 3 разряда.

Наконецъ, *безусловно недостаточные надѣлы* проектировали изъ комитетовъ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній лишь *олонецкій* (2 дес. на душу, тогда какъ переложное хозяйство здѣсь требовало большихъ надѣловъ) и *московскій* (1,3—2 дес. на душу). Комитеты центрально-черноземныхъ и малороссійскихъ губерній проектировали по большей части совершенно недостаточные надѣлы: *тульскій* (больш.) въ 1,2 дес. на душу, *курскій*—то же; *воронежскій* по $1^1/_2$ дес. на душу; такой же надѣлъ проектировали: *казанскій*, *симбирскій* (больш.) и *полтавскій* комитеты; *тамбовскій* (больш.) назначилъ отъ 1—$1^1/_2$ дес. на душу, а меньшинство того же комитета предполагало предоставить крестьянамъ за добавочныя повинности дополнительный надѣлъ отъ 0,4 до 1,2 дес. на душу; въ выкупномъ же проектѣ предоставлялось увеличивать надѣлъ до 2 дес. на душу, но лишь по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ. *Черниговскій* комитетъ (большинство) назначилъ нормы для разныхъ мѣстностей разныя — отъ 1,3 до 2,0 дес. на душу. *Харьковскій*, составившій выкупной проектъ, проектировалъ за то весьма недостаточныя нормы надѣла, отъ 1,5 до 1,8 дес. на душу. Даже *херсонскій* комитетъ, несмотря на многоземелье Херсонской губерніи (24,4 дес. на душу земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ) проектировалъ весьма скудный надѣлъ отъ 1,3 до 3 дес. на душу, недостаточный для поддержанія залежнаго хозяйства, наиболѣе соотвѣтственнаго условіямъ этого края. Также *саратовскій* комитетъ проектировалъ надѣлъ совершенно недостаточный по мѣстнымъ условіямъ—2 дес. на душу въ мѣстностяхъ съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ и $3^1/_2$ дес.—съ залежнымъ хозяйствомъ [1]).

[1]) „Матеріалы редакц. коммисій" т. I, гл. V, стр. 14. Въ журналахъ саратовскаго комитета приложено особое мнѣніе депутата А. П. Ровин-

Недостаточность надѣловъ, проектированныхъ большинствомъ губернскихъ комитетовъ, была обстоятельно выяснена въ докладахъ хозяйственнаго отдѣленія редакціонныхъ коммиссій [1]). Предѣльныя нормы, выработанныя послѣдними, были разсчитаны такимъ образомъ, чтобы по возможности меньше приходилось отрѣзать отъ существовавшихъ въ дѣйствительности надѣловъ. Однако, въ концѣ концовъ, во многихъ уѣздахъ пришлось, въ соотвѣтствіе съ этими нормами, урѣзать надѣлы у большей части крестьянъ, въ виду чего нормы, проектированныя редакціонными коммиссіями, какъ это выяснено въ книгѣ проф. Иванюкова [2]), отнюдь не могутъ быть признаны роскошными. Сами редакціонныя коммиссіи во многихъ случаяхъ понизили ихъ, скрѣпя сердце, дѣлая сознательную уступку натиску враждебной реформѣ партіи. Между тѣмъ, сравнивая эти нормы съ нормами губернскихъ комитетовъ, мы видимъ, что эти послѣднія въ большинствѣ комитетовъ ниже нормъ редакціонныхъ коммиссій, болѣе чѣмъ на 100%. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ нормы редакціонныхъ коммиссій выше нормъ комитетовъ на 175, на 200 и даже на 300%.

Изъ *нечерноземныхъ* губерній, по сравненію съ нормами редакціонныхъ коммиссій, нормы губернскихъ комитетовъ оказались особенно пониженными въ губерніяхъ *Новгородской*, *Олонецкой*, *Костромской* и *Вятской*. Изъ *черноземныхъ* губерній наиболѣе рѣзкая разница замѣчается въ губерніяхъ: *Казанской*, *Симбирской*, *Харьковской*, *Тульской*, *Курской*, *Воронежской* и *Тамбовской*.

Понятно потому, что почти всѣ депутаты губернскихъ комитетовъ, по прибытіи въ Петербургъ, рѣзко нападали на нормы надѣловъ, установленныя редакціонными коммиссіями. Послѣ обстоятельныхъ изслѣдованій проф. Янсона и многочисленныхъ работъ земскихъ статистиковъ, мы знаемъ, насколько эти нападки были несправедливы и односторонни и насколько нормы редакціонныхъ коммиссій были далеки отъ излишества. Тѣмъ очевиднѣе безусловная недостаточность нормъ, проектированныхъ большею частью губернскихъ комитетовъ.

Но еще полнѣе выясняется неправильность и односторонность въ этомъ отношеніи большей части комитетскихъ проектовъ, если

скаго, подробно критиковавшее это постановленіе. Часть этого мнѣнія приведена въ ст. *В. И. Серебрякова*, въ „Саратовской земской Недѣлѣ“ за 1902 г. № 11—12, стр. 4 приложеній.

[1]) Доклады №№ 1, 15 и дополнительный къ № 15 въ т. II и VI „матеріаловъ“.

[2]) „Паденіе крѣпостного права“, гл. VI.

сопоставить проектированныя ими нормы надѣловъ съ тѣми повинностями, которыя по этимъ проектамъ были назначены за пользованіе надѣлами.

Необходимо замѣтить, что многіе губернскіе комитеты мотивировали сокращеніе надѣловъ *уменьшеніемъ повинностей*. Нѣкоторые комитеты указывали, что улучшеніе быта крестьянъ заключается въ проектированномъ ими уменьшеніи барщины съ 3-хъ до 2-хъ дней въ недѣлю. На первый взглядъ такое уменьшеніе представляется очень значительнымъ; между тѣмъ на дѣлѣ оно было вовсе не велико, а иногда и совершенно фиктивно. Дѣло въ томъ, что въ огромномъ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній трехдневная барщина при крѣпостномъ правѣ практиковалась лишь въ *лѣтніе* мѣсяцы—въ періодъ полевыхъ работъ; въ остальное же время года количество господскихъ работъ было гораздо меньше, и крестьяне или отпускались на заработки (иногда за дополнительный оброкъ), или дома употребляли свой досугъ, какъ имъ было сподручнѣе. Поэтому для огромнаго большинства крестьянъ дѣйствительнымъ уменьшеніемъ повинностей было бы сокращеніе числа барщинныхъ дней *не въ зимніе, а въ лѣтніе мѣсяцы*. Между тѣмъ по проектамъ большинства комитетовъ, принимавшихъ двухдневную барщину (т. е. 104 раб. дня въ году или 94—за вычетомъ праздниковъ), постановлялось, что $^2/_3$ или $^3/_4$ этихъ дней могутъ быть потребованы въ лѣтніе мѣсяцы, а остальные дни—въ зимніе, или же распредѣленіе тѣхъ и другихъ предоставлялось произволу помѣщика. Очевидно, что при такомъ распредѣленіи работъ крестьяне ничего не выигрывали. Между тѣмъ многіе комитеты, принимая такое, въ сущности фиктивное, сокращеніе барщины, значительно урѣзывали существовавшіе до тѣхъ поръ надѣлы, а иные наивно или, вѣрнѣе, безцеремонно утверждали, что проектированнымъ сокращеніемъ повинностей они достигаютъ улучшенія быта крестьянъ.

Въ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей дворянскіе аппетиты сказались съ особенною рельефностью. Изъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ только два комитета нечерноземныхъ губерній: *тверской и ярославскій* и меньшинство *калужскаго* и 5 членовъ *владимірскаго* совершенно отмѣняли барщину, при чемъ тверское большинство и калужское меньшинство назначали умѣренные оброки, близкіе къ тѣмъ, которые впослѣдствіи были опредѣлены для этихъ губерній редакціонными коммиссіями. Ярославскій комитетъ назначилъ высокій оброкъ, 14 р. 25 к. съ души, главнымъ образомъ въ зависимости отъ высокой оцѣнки усадебъ.

Всѣ остальные комитеты, даже и въ нечерноземныхъ губерніяхъ, оставили барщину,—одни на время срочно-обязаннаго періода, другіе, установивъ извѣстные сроки и правила постепеннаго перехода съ барщины на оброкъ въ теченіе срочно-обязаннаго періода [1]). При этомъ, однако, всѣ комитеты установляли, что въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне на оброкѣ, они могутъ быть переведены на барщину лишь съ согласія крестьянъ или, въ случаѣ неисправной уплаты оброковъ, съ утвержденія подлежащихъ губернскихъ или уѣздныхъ учрежденій.

Наиболѣе тяжелый размѣръ барщинныхъ работъ въ нечерноземной полосѣ проектировалъ *костромской* комитетъ: 140 мужскихъ и 93 женскихъ рабочихъ дня съ тягла, при надѣлѣ 1,5 до 3 десятинъ на душу. Если бы примѣнить къ этому надѣлу разсчетъ, установленный впослѣдствіи редакціонными коммиссіями, то за него пришлось бы отбывать не болѣе 55 дней въ году. Въ *Вологодской* губерніи, при надѣлѣ въ 4 десятины на душу (9 дес. на тягло), губернскій комитетъ опредѣлилъ 124 дня мужской барщины въ году, указавъ, что изъ нихъ по 3 дня въ недѣлю (всего 78 дней) должно быть отбываемо лѣтомъ и 46 дней (по 2 дня въ недѣлю)—зимой. По нормѣ редакціонныхъ коммиссій съ этого надѣла въ Вологодской губерніи слѣдовало бы отбывать лишь $62^1/_2$ дня въ году, изъ нихъ $^3/_5$ лѣтомъ и $^2/_5$ зимой. Одинаковую съ вологодскимъ комитетомъ повинность назначилъ и *могилевскій* губ. комитетъ. По 3 дня въ недѣлю лѣтомъ и по $1^1/_2$ дня зимой назначилъ *калужскій* комитетъ (большинство), за недостаточный надѣлъ въ 2 дес. 300 саж. на душу. По нормѣ редакціонныхъ коммиссій, при такомъ надѣлѣ въ Калужской губерніи слѣдовало бы отбывать вмѣсто 108 дней (назначенныхъ комитетомъ) въ нѣкоторыхъ уѣздахъ не болѣе 72, въ другихъ не болѣе 63 дней въ году. Въ большинствѣ остальныхъ нечерноземныхъ губерній комитетами установлена была *двухдневная* барщина (104, а за вычетомъ праздниковъ, около 94 дней въ году), причемъ почти всѣ эти комитеты объясняли, что они понизили барщину съ трехъ до двухъ дней въ недѣлю въ соотвѣтствіи съ уменьшеніемъ земельнаго надѣла; но при этомъ почти всѣ эти комитеты предоставляли помѣщику распредѣлять эти дни между лѣтними и зимними мѣсяцами по его произволу, благодаря чему уменьшеніе повинностей было лишь номинальное. *Петербургскій* и *псковскій* комитеты

---

[1]) Скребицкій, т. I, стр. 160—163.

установили по 10 дней барщины за десятину, что составляло, за высшій надѣлъ въ 9 десятинъ, 90 дней въ году. *Московскій* комитетъ, понизивъ надѣлъ до нормы 1,3—2 дес. на душу, опредѣлилъ размѣръ барщины всего въ 80 дней въ году, но изъ нихъ 64 дня лѣтнихъ и 16—зимнихъ. При такомъ распредѣленіи дней, это, на первый взглядъ, значительное сокращеніе повинности оказывалось на дѣлѣ фиктивнымъ, потому что болѣе 64 дней въ лѣто и при крѣпостномъ правѣ рѣдко кто изъ помѣщиковъ требовалъ, причемъ крестьянскій надѣлъ былъ значительно выше (по свѣдѣн. объ имѣніяхъ болѣе 100 душъ, въ среднемъ по губерніи приходилось по 2,6 дес. на душу).

Въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ надѣлъ былъ особенно сильно урѣзанъ, по проектамъ почти всѣхъ губернскихъ комитетовъ повсемѣстно была проектирована *двухдневная* барщина вмѣсто трехдневной, но при этомъ въ нѣкоторыхъ проектахъ указывалось, что $^2/_3$ или $^3/_4$ назначенныхъ дней могли требоваться въ лѣтнее время. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи объясненія, сдѣланныя въ обзорахъ основаній, приложенныхъ къ проектамъ воронежскаго, курскаго, тамбовскаго и орловскаго комитетовъ. *Воронежскій* комитетъ объяснилъ, что крестьянское тягло, получавшее до тѣхъ поръ въ надѣлѣ круглымъ счетомъ 6 десятинъ всей земли, отрабатывало въ годъ (принимая среднюю цѣну рабочаго дня полнаго тягла, т. е. мужчинъ и женщинъ, въ 30 коп. для всей губерніи) на 42 р. 60 к. Если же дать на тягло по $3^1/_4$ дес. (какъ положено комитетомъ), то, при соразмѣрномъ учетѣ, каждое тягло должно было бы отработать помѣщику 23 р. 08 к.; комитетъ же назначилъ за положенный имъ надѣлъ повинность среднимъ числомъ въ 14 р. 30 к. съ тягла, и разсчитывалъ, что онъ уменьшилъ, такимъ образомъ, слѣдовавшую съ крестьянъ повинность на 8 р. 80 к. Это дало впослѣдствіи поводъ воронежскому предводителю, кн. И. В. Гагарину, торжественно заявить Государю, что воронежское дворянство рѣшило пожертвовать третью часть своего состоянія. Ложность этого заявленія раскрывается изъ того факта, что воронежскій комитетъ, уменьшивъ размѣръ крестьянскаго надѣла почти вдвое, установилъ двухдневную барщину (вмѣсто номинальной трехдневной), положивъ однако, что $^2/_3$ барщинныхъ дней отбываются лѣтомъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ за усадьбу, какъ выше мы видѣли, комитетъ опредѣлилъ 25 коп. за кв. сажень, т. е. за усадебную осѣдлость нормальнаго

[1]) „Матеріалы редакціонныхъ коммисій“ т. III, докл. хоз. отд. № 17, стр. 58.

размѣра (840 саж.)—210 руб., съ каковой оцѣнки онъ постановилъ взимать до выкупа усадьбы по 5%, т. е. по 10 р. 10 к. со двора. Не мѣшаетъ напомнить, что по истеченіи срочно-обязаннаго періода вся земля по этому проекту возвращалась къ помѣщику.

7 членовъ *курскаго* комитета объясняли, что въ прежнее время, при *8-мидесятинномъ надѣлѣ* на тягло, крестьяне отрабатывали 140 дней мужскихъ и около 100 дней женскихъ въ году; поэтому за проектированный ими надѣлъ *въ 3 десятины* на тягло слѣдовало бы назначить $52^1/_2$ дня мужскихъ и $37^1/_2$ женскихъ; они же, въ видахъ улучшенія быта, назначили лишь 45 дней мужскихъ и 26—женскихъ.

Какъ въ воронежскомъ, такъ и въ курскихъ проектахъ допускалось въ частныхъ случаяхъ и прямое повышеніе существовавшихъ дотолѣ повинностей.

Орловскій комитетъ, несмотря на рѣзкое различіе въ плодородіи почвы разныхъ уѣздовъ Орловской губерніи, назначилъ повсемѣстно одну и ту же норму надѣла—по 2 дес. на душу.—Зато онъ установилъ цѣлую систему нормъ для опредѣленія повинностей въ каждомъ имѣніи. При этомъ онъ включилъ въ составъ полевого надѣла коноплянники и выгоны, подвергнувъ ихъ особой оцѣнкѣ. За полевую землю онъ назначилъ въ наиболѣе плодородныхъ уѣздахъ по $16^2/_3$ рабочихъ дня за десятину, въ менѣе плодородныхъ—15 раб. дней и, наконецъ, въ нечерноземныхъ уѣздахъ—11 дней. За выгонъ—въ первыхъ 25 дней съ десятины, во вторыхъ—22, въ третьихъ—$16^2/_3$. Наоборотъ, коноплянники, обработка которыхъ особенно распространена въ нечерноземныхъ уѣздахъ Орловской губерніи и все достоинство которыхъ зависитъ отъ количества вложеннаго въ нихъ крестьянами удобренія, комитетъ *оцѣнилъ въ нечерноземныхъ уѣздахъ гораздо дороже, нежели въ черноземныхъ*, назначивъ въ наиболѣе плодородныхъ уѣздахъ за десятину коноплянника—по 50 рабочихъ дней, въ менѣе плодородныхъ по 67, а въ нечерноземныхъ—по 88. За усадьбу (простр. въ 600 кв. саж.) было положено въ первыхъ по 14 раб. дней, во вторыхъ—по 19, и въ третьихъ—по $28^3/_4$. При этомъ было установлено, что коноплянниковъ отводится не свыше $^1/_2$ десятины на тягло. Такимъ образомъ, въ наименѣе плодородныхъ нечерноземныхъ уѣздахъ каждому тяглу приходилось бы отбывать за 4 дес. пашни—44 дня барщины, за $^1/_2$ дес. коноплянниковъ—44 дня, за $^1/_4$ дес. выгона $4^1/_4$ дня и за усадьбу—$28^3/_4$ дней, итого—121 день; въ менѣе плодородныхъ уѣздахъ за 4 дес. пашни—60 дней, за $^1/_2$ дес. коноплянниковъ—$33^1/_2$ дня, за

$^{1}/_{4}$ дес. выгона $5^{1}/_{2}$ дня и за усадьбу 19 дней, итого 118 дней; наконецъ, въ наиболѣе плодородныхъ уѣздахъ—за 4 дес. пашни—$66^{2}/_{3}$ дня, за $^{1}/_{2}$ дес. коноплянниковъ—25 дней, за $^{1}/_{4}$ дес. выгона—$6^{1}/_{2}$ дней и за усадьбу—14 дней, итого—112 раб. дней. *Такимъ образомъ, здѣсь крестьянамъ пришлось бы платить за одинаковый по пространству надѣлъ тѣмъ дороже, чѣмъ меньше въ немъ было природнаго плодородія и чѣмъ больше было вложено ихъ собственнаго труда.* При этомъ еще орловскій комитетъ утверждалъ, что онъ значительно уменьшилъ въ своемъ проектѣ повинности крестьянъ, отдавая имъ надѣлъ, по размѣру близкій къ существовавшему ранѣе; но губернаторъ опровергъ это послѣднее утвержденіе, объяснивъ, что предположенные комитетомъ надѣлы значительно ниже ранѣе существовавшихъ [1]).

По проекту большинства *рязанскаго* комитета, повинности назначались по 30 дней мужскихъ и столько же женскихъ съ душевого надѣла, что составляло на тягло по 75 дней муж. и по 75 женскихъ. Здѣсь мы видимъ дѣйствительно нѣкоторое уменьшеніе повинностей, въ связи съ уменьшеніемъ надѣла. Это ясно видно изъ сопоставленія нормъ большинства съ нормами, назначенными по проекту 2-хъ членовъ отъ правительства (А. И. Кошелева и Д. Ѳ. Самарина), которые, сохраняя существующій надѣлъ (съ нѣкоторымъ лишь регулированіемъ его), назначали за него и повинность въ значительно большемъ размѣрѣ, нежели большинство комитета. Въ первыхъ трехъ полосахъ губерніи (наиболѣе плодородныхъ), гдѣ, по ихъ проекту, надѣлъ назначался выше, чѣмъ у большинства, они и повинности установили повышенныя—по 40 дней съ души, т. е. 120 дней съ тягла (считая въ тяглѣ 3 души), въ четвертой же полосѣ (нечерноземной), гдѣ надѣлъ назначался и большинствомъ, и меньшинствомъ одинаковый (приблизительно ранѣе существовавшій), и повинность назначалась меньшинствомъ почти такая же, какъ и большинствомъ. Нѣкоторые комитеты, особенно въ малороссійскихъ и новороссійскихъ губерніяхъ, установляли повинность отдѣльно конными или воловыми и отдѣльно пѣшими днями, при чемъ конный день считался обыкновенно равнымъ полутора пѣшимъ, а пароконный—двумъ пѣшимъ днямъ. Изъ этихъ комитетовъ особенно тяжелую повинность установлялъ *таврическій* комитетъ, требовавшій за каждый душевой надѣлъ 20 воловыхъ дней, 20 пѣ-

[1]) „Матеріалы редакціон. коммисій", т. VII, гл. VI, стр. 62. Скребицкій, т. III, стр. 49.

шихъ и 20 женскихъ, тогда какъ сосѣдній *херсонскій* требовалъ лишь 12 воловыхъ дней при 20 пѣшихъ и 20 женскихъ.

Наконецъ, нѣкоторые комитеты, вмѣсто установленія опредѣленной нормы повинностей, требовали за отведенный надѣлъ полной обработки и уборки такого же числа десятинъ господскихъ полей и луговъ. Такъ поступили *новгородскіи* и *тульскій* (больш.) комитеты, причемъ послѣдній установлялъ этого рода повинность лишь какъ одинъ изъ видовъ вознагражденія помѣщика за отведенный надѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подробно выяснялъ, какія именно работы требуется произвести на десятинѣ помѣщичьяго поля за каждую десятину надѣла. Этотъ перечень работъ довольно поучителенъ, какъ образецъ помѣщичьей предусмотрительности [1]).

Разсматривая этотъ способъ опредѣленія повинностей, хозяйственное отдѣленіе редакціонныхъ коммиссій въ докладѣ № 17 („Матеріалы", т. III) признало его неудобнымъ и невыгоднымъ для крестьянъ. При этомъ способѣ барщины крестьяне приступали къ

---

[1]) Вотъ правила, которыя должны были быть при этомъ соблюдаемы. 1) Пахота и двоеніе должны быть производимы до $2^1/_2$ вершковъ глубины безъ огрѣховъ или пропусковъ, дѣлая при паханіи не менѣе двѣнадцати бороздъ на каждой сажени. 2) Въ бороньбѣ крестьяне обязываются размельчать и разрыхлять землю такъ, чтобы не было комьевъ, величиною болѣе $1^1/_2$ кубическаго вершка. 3) Вывезть каждому тяглу 1200 пудовъ удобренія изъ господскихъ конныхъ и скотныхъ дворовъ, хлѣвовъ и стойлъ, а равно изъ навозныхъ ямъ, на разстояніи до 4 верстъ, раскладывая удобренія кучами по клѣткамъ. Удобреніе по обычаю вывозить въ іюнѣ мѣсяцѣ или въ иное время, исключая времени посѣвовъ, уборки хлѣба и покосовъ. Вывезенное удобреніе равномѣрно и запахать. 4) Посѣвъ дѣлать старательно и своевременно; посѣянныя зерна запахать и заборoновать. 5) Во время роста хлѣбовъ выполоть сорныя травы. 6) При жнитвѣ жниво оставлять на полѣ не выше 4 вершковъ, а косьбу производить равными рядами безъ окосовъ. Сжатый, скошенный хлѣбъ вязать въ снопы, не оставляя на поляхъ стеблей и колосьевъ. По складкѣ въ копны, снятый съ полей хлѣбъ перевезти въ господское гумно, гдѣ сложить въ сараи, подъ навѣсы или въ одонья на скирды, прикрывъ послѣдніе какъ слѣдуетъ соломою; въ случаѣ продолжительной дождливой погоды, если потребуется, переложить копны. 7) Заблаговременно намолотить сѣмянъ на озимые посѣвы, которые до 15 августа совершенно окончить. 8) Весь хлѣбъ, убранный въ гумно, по окончаніи полевыхъ работъ, обмолотить, высушить на помѣщичьихъ ригахъ или сушильняхъ, отвѣять и, подсѣявши, перевезти въ амбары; а солому и гуменный кормъ убрать въ устроенныя для сего мѣста. Сіи работы отбываются тяглами, т. е. работникомъ съ работницею, по уборкѣ хлѣба, по три дня въ недѣлю до тѣхъ поръ, пока все слѣдуемое по этому пункту исполнится. 9) Крестьянское тягло обязано обмолоченный хлѣбъ отвезти на мельницу и обратно на разстояніи не далѣе 10 верстъ. 10) Крестьянское тягло обязано отвезти для продажи, на разстояніи до 50 верстъ, весь урожай отъ обработываемыхъ имъ на помѣщика полей; или на разстояніи до 75 верстъ—4 подводы, или 90 верстъ—3 подводы, или 125 верстъ—2 подводы, или 200 верстъ—1 подводу („Матеріалы редакціонныхъ коммисій", т. VII, гл. VI, стр. 67).

работѣ, „по востребованію помѣщика“, и сколько бы времени эта работа (напр., уборка урожая) ни продолжалась, крестьяне не могли до окончанія уборки всего господскаго поля приступить къ жнитву на собственныхъ поляхъ. „Въ этомъ, по справедливому указанію доклада, заключалась главная невыгода участковой повинности для крестьянъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, существенная ея несправедливость“. Выгоды этой системы для помѣщиковъ были, наоборотъ, настолько несомнѣнны и важны, что *витебскій* комитетъ, настаивая на необходимости оставить за помѣщикомъ право замѣнять поденную работу участковою, въ то же время призналъ справедливымъ при такой замѣнѣ уменьшить сумму обязательной повинности крестьянъ на $^1/_3$. Редакціонныя же коммиссіи находили, что и „такая сбавка, по всей вѣроятности, не вознаградила бы крестьянъ за потерю лучшихъ рабочихъ дней и самаго дорогого для нихъ самихъ времени [1]).

Еще важнѣе опредѣленія размѣра натуральныхъ повинностей было опредѣленіе размѣра оброка, потому что *барщина устанавливалась лишь на нѣсколько лѣтъ, оброки же опредѣлялись на неопредѣленное время, и по нимъ впослѣдствіи должна была опредѣляться и выкупная сумма*, а слѣдовательно, и размѣръ выкупныхъ платежей. Хотя ни въ рескриптахъ, ни въ программѣ, данной губернскимъ комитетамъ, не было указано, чтобы натуральныя повинности были оцѣнены на деньги или чтобы было выяснено отношеніе ихъ къ денежнымъ, тѣмъ не менѣе большинство губернскихъ комитетовъ указали въ своихъ проектахъ взаимное отношеніе между обоими видами повинностей, одни уравнявъ размѣръ барщины съ размѣрами установленныхъ ими оброковъ, другіе—опредѣляя денежную повинность на основаніи издѣльной, путемъ переложенія рабочаго дня на деньги по извѣстной оцѣнкѣ [2]).

Впрочемъ, при опредѣленіи размѣровъ оброка, лишь немногіе комитеты исходили изъ ранѣе существовавшихъ окладовъ [3]). Въ огромномъ большинствѣ комитетовъ оброки были вычислены или по

---

[1]) „Матеріалы редакціонныхъ комиссій“, томъ III. Докладъ хозяйственнаго отдѣл. № 17, составленный П. П. Семеновымъ, стр. 103.

[2]) Скребицкій, н. с. т. III, стр. 155, 156.

[3]) Ранѣе существовавшіе оклады были приняты въ основаніе опредѣленія нормальныхъ размѣровъ повинностей комитетами: нижегородскимъ, петербургскимъ, костромскимъ, московскимъ (большинст.), тверскимъ, ярославскимъ, астраханскимъ, обоими меньшинствами владимірскаго, тамбовскимъ, оренбургскимъ, и комитетами тѣхъ губерній, гдѣ были введены инвентари („Матеріалы редакц. коммиссій“, т. I и VII).

средней доходности земли, или какъ извѣстный процентъ съ принятой комитетами оцѣнки земли, причемъ существующія повинности были лишь болѣе или менѣе приняты во вниманіе. Здѣсь слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что вообще данныя, на которыя при этихъ разсчетахъ опирались губернскіе комитеты, были по большей части неудовлетворительны. Они были заимствованы изъ сводовъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ болѣе 100 душъ, какъ извѣстно, далеко не отличавшихся точностью [1]). Да и самые разсчеты губернскихъ комитетовъ въ большинствѣ случаевъ были чрезвычайно произвольны. Нѣкоторые комитеты за надѣлы, отводимые въ уменьшенномъ размѣрѣ, оставляли повинности, существовавшія при крѣпостномъ правѣ, за исключеніемъ лишь мелкихъ сборовъ, которые были отмѣнены повсемѣстно. Вообще комитеты почти нигдѣ не приняли во вниманіе того, что, теряя извѣстныя права, помѣщикъ въ то же время освобождался и отъ различныхъ обязанностей въ отношеніи прежнихъ своихъ крѣпостныхъ; а между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ обязанностей, напримѣръ, продовольствіе крестьянъ въ неурожайные годы, были въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, при крѣпостномъ правѣ, такъ тяжелы, что доводили владѣльцевъ имѣній до крайности, до желанія передать свои имѣнія даромъ въ казну [2]). При ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ Пруссіи всѣ такія обязанности помѣщиковъ были такъ же приняты во вниманіе, какъ и отходившіе отъ нихъ выгоды и доходы. Въ губернскихъ комитетахъ, правда, иногда, въ рѣчахъ и доводахъ отдѣльныхъ членовъ упоминалось вскользь объ освобожденіи помѣщиковъ отъ этихъ обязан-

---

[1]) Показаніе *Я. А. Соловьева* объ этомъ въ его „запискахъ" („Русск. Стар." 1882 г. № 11, стр. 234). Въ письмѣ отъ 1 марта 1859 г. *Ю. Ѳ. Самаринъ* писалъ Кошелеву: „чтобы привести въ извѣстность существующій фактъ надѣла, я обратился къ сводамъ статистическихъ свѣдѣній, представленныхъ гг. членами комитета. Но тутъ, къ ужасу моему, я убѣдился, что они всѣ составлены такъ небрежно, что ими рѣшительно не было возможности воспользоваться. Я объ этомъ заявилъ комитету и принялся самъ по подлиннымъ описаніямъ имѣній передѣлывать своды (около 800 описаній). Работа дьявольская, отъ которой у меня преждевременно посѣдѣли волосы... Этою работою (не забуду ее по гробъ) мнѣ удалось доказать, что во всѣхъ представленныхъ выводахъ надѣлъ у крестьянъ уменьшенъ, гдѣ на $1^1/_2$, гдѣ на 2, а гдѣ и на 4 десятины на тягло..." (Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго, I, стр. 310).

Членъ Саратовскаго комитета. *А. П. Ровинскій* въ отдѣльномъ мнѣніи, приложенномъ къ гл. V проекта положенія саратовскаго комитета, идетъ еще далѣе и заподозриваетъ, приводя къ тому весьма вѣскія соображенія, показанія отдѣльныхъ помѣщиковъ относительно оцѣнки ихъ земель и доходности ихъ имѣній (Журналы Саратовск. комитета, листъ 117).

[2]) *Середонинъ*. Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ т. II, ч. I, стр. 210 и слѣд.

ностей, въ нѣкоторыхъ проектахъ введены даже соотвѣтствующія статьи или примѣчанія къ гл. I-ой; но при оцѣнкѣ повинностей крестьянъ это важное обстоятельство, повидимому, нигдѣ не было принято въ разсчетъ, по крайней мѣрѣ, нигдѣ эти обязанности не подвергались точной или хотя приблизительной оцѣнкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавая часть помѣщичьей земли крестьянамъ, почти вездѣ значительно меньшую той, какая была въ пользованіи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ, комитеты при опредѣленіи повинностей какъ будто бы совершенно забывали, что въ распоряженіи помѣщиковъ остается еще значительная часть имѣнія, нерѣдко превышавшая ту, которая отходила по ихъ проектамъ крестьянамъ. Особенно это относится къ черноземнымъ губерніямъ, но и въ нечерноземныхъ остающіеся за надѣломъ дома, доходныя статьи и особенно *лѣса и луга* должны были имѣть опредѣленную цѣнность и доходность, которая въ будущемъ могла лишь возрасти [1]).

Особенно поразительна была, по своей несообразности съ размѣромъ проектированныхъ надѣловъ, норма повинностей, принятая въ *костромскомъ* губернскомъ комитетѣ. При крѣпостномъ правѣ средняя величина надѣла была здѣсь 6,8 десятинъ на душу (всей земли здѣсь приходилось въ помѣщичьихъ имѣніяхъ 12,5 дес. на душу), а средняя по губерніи величина оброковъ равнялась 23 р. 50 к. Комитетъ же, опредѣливъ норму надѣла въ малоземельныхъ имѣніяхъ—1, 5 дес. на душу, въ среднеземельныхъ—$2^1/_2$ и въ многоземельныхъ—3, назначилъ денежную повинность въ Ветлужскомъ, Варнавинскомъ, Кинешемскомъ и Юрьевскомъ уѣздахъ отъ 22 р. 50 к. до 25 руб. съ тягла, въ Буйскомъ, Нерехтскомъ, Макарьевскомъ и Костромскомъ—отъ 25 р. до 27 р. 50 к. и, наконецъ, въ Чухломскомъ, Кологривскомъ, Галичскомъ и Солигаличскомъ уѣздахъ—отъ 30 р. до 37 р. 50 к. съ тягла. Въ обзорѣ основаній костромского проекта было пояснено, что за нормы денежной повинности приняты среднія цифры оброковъ по каждому уѣзду съ *присоединеніемъ и всѣхъ сгонныхъ дней*. Въ уѣздахъ же Чухломскомъ, Кологривскомъ, Галичскомъ и Солигаличскомъ цифра оброковъ выше противъ прочихъ уѣздовъ, по объясненію комитета, потому, что принята въ соображеніе особая выгодность отхожихъ промысловъ. „По усвоенному этимъ краемъ обычаю, крестьяне съ молодыхъ лѣтъ обучаются разнаго рода ремесламъ.

[1]) Срав. мнѣніе объ этомъ кн. Черкасскаго въ запискѣ, представленной имъ в. кн. Еленѣ Павловнѣ въ декабрѣ 1857 г. („Матеріалы“ для біогр. кн. Черкасскаго“, т. I, стр. 75 приложеній).

Проживая большею частью въ столицахъ и значительныхъ городахъ для заработковъ, крестьяне не только легко оплачиваютъ оброкъ, но и скопляютъ у себя капиталы, на которые до настоящаго времени многіе изъ нихъ и выкупались у помѣщиковъ на волю. Помѣщики съ своей стороны содѣйствовали этому ремесленному развитію и, въ видахъ сохраненія нравственности—какъ сказано тамъ же,—учреждали за ними надзоръ въ столицахъ, поставляя для того особыхъ старостъ изъ числа отпускаемыхъ для заработковъ ремесленниковъ" [1]). Очевидно, что здѣсь царили тѣ самые порядки, которые, какъ мы видѣли выше, составляли главный источникъ дохода нижегородскихъ шереметьевскихъ вотчинъ. Какъ видно изъ свода свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ, здѣсь были дѣйствительно нерѣдки при крѣпостномъ правѣ оброки въ 70, 80 и 85 р. съ тягла, которые вырабатывались, конечно, не изъ земли, принадлежавшей помѣщику, а изъ отхожихъ промысловъ крѣпостными ремесленниками и торговцами. Здѣсь крѣпостные доходы, несмотря на скудость почвы, были гораздо значительнѣе, нежели въ черноземныхъ губерніяхъ, и всецѣло основывались, очевидно, на эксплуатаціи личности крѣпостныхъ и ихъ способностей. Помѣщики-рабовладѣльцы рѣшились здѣсь дорого продать это выгодное для нихъ право и, сокративъ земельные надѣлы даже въ многоземельныхъ имѣніяхъ болѣе нежели на половину, значительно увеличить средній размѣръ оброковъ, при крѣпостномъ правѣ чрезвычайно неравномѣрныхъ. Изъ другихъ комитетовъ нечерноземныхъ губерній особенно повышенные оброки назначили именно комитеты промышленныхъ губерній: *ярославскій* (28 р. 50 к.), *нижегородскій* (до 25 руб.), *владимірскій* (большинство—до 40 р. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ), *московскій* (до 25 руб.), *калужскій* (28 р. съ тягла) и *смоленскій* (около 28 р. съ тягла). Въ *Ярославской* губерніи, не стремившейся къ сокращенію надѣловъ, за землю назначено было за полный (5 десятинный) надѣлъ всего 15 р. 70 к. съ тягла, тогда какъ при крѣпостномъ правѣ средній размѣръ оброка здѣсь былъ 25 р. 83 к.; но за то здѣсь положено было за пользованіе усадьбою платить сверхъ того 12 р. 80 к. съ тягла (въ тяглѣ здѣсь было всего 2 души), т. е. по 4% съ оцѣнки усадебной осѣдлости [2]). Впрочемъ, высокая оцѣнка усадебъ повліяла на высоту

---

[1]) Докладъ хоз. отд. редакц. коммисій, № 17 („Матеріалы" т. III, журналъ № 51, стр. 47).

[2]) Разница въ разсчетѣ *оброка* и земли и въ разсчетѣ нормальнаго дохода съ нея при опредѣленіи *выкупныхъ* платежей за землю и за усадьбы (разсчетъ этотъ приведенъ у *Скребицкаго* въ т. II, ч. II, стр. 856

оброковъ болѣе или менѣе во всѣхъ этихъ губерніяхъ. Въ губерніяхъ же *Московской* и *Калужской* преувеличенные оброки соединялись еще съ значительнымъ сокращеніемъ нормы надѣловъ. Особенно же это замѣтно въ проектѣ *московскаго* комитета (больш.). Здѣсь средній надѣлъ при крѣпостномъ правѣ былъ 2, 6 дес. на душу, а средній размѣръ оброковъ—22 р. 70 к. По проекту губернскаго комитета надѣлъ былъ положенъ—2 дес. въ земледѣльческихъ и промысловыхъ имѣніяхъ, $1^1/_3$ дес. въ торговыхъ и 1 дес. на душу въ имѣніяхъ высшаго разряда. Плата за усадьбу въ нихъ полагалась отъ 2 р. 10 к. до 5 р. 25 к. съ тягла, а оброкъ во всѣхъ разрядахъ имѣній одинаковый— 20 р. съ тягла или отъ 5 до 8 руб. съ десятины. Такимъ образомъ, въ высшемъ разрядѣ за участокъ въ $2^1/_2$ дес. съ усадьбою тяглу приходилось бы платить, въ случаѣ утвержденія этого проекта правительствомъ, по 25 р. 25. к. въ годъ.

Болѣе умѣренныя повинности были назначены *тверскимъ* комитетомъ, который, отдавая крестьянамъ надѣлъ, близкій къ существовавшему, назначалъ за него повинность всего 22 р. 50 к. съ тягла, тогда какъ при крѣпостномъ правѣ средній размѣръ оброка въ Тверской губерніи былъ 28 р. съ тягла.

Въ черноземныхъ губерніяхъ, по преимуществу барщинныхъ, цифры оброчныхъ нормъ приняты были на первый взглядъ невысокія почти во всѣхъ комитетахъ; но, такъ какъ здѣсь были проектированы сильно пониженныя нормы надѣловъ, то назначенныя комитетами нормы оброка, по сравненію съ размѣрами проектированнаго надѣла, приходится и здѣсь признать чрезмѣрно высокими. Такъ, напр., въ *Воронежской* губерніи при крѣпостномъ правѣ нормальный (средній) надѣлъ на тягло былъ 6,5 десятинъ, а средній размѣръ оброковъ по губерніи былъ 29 руб. на тягло. Комитетъ проектировалъ надѣлъ въ 3,75 дес. на тягло, а повинности за него назначалъ отъ 13,37 до 16,10 рубл. (въ разныхъ уѣздахъ различныя), да за пользованіе усадьбою нормальнаго размѣра опредѣлилъ (впредь до выкупа) повсемѣстно 6 р. 56 к. съ тягла; такъ что въ лучшихъ уѣздахъ за надѣлъ въ $3^3/_4$ дес. съ усадьбою тяглу пришлось бы платить 22 р. 66 к., тогда какъ, пропорціонально уменьшенію надѣла, за него слѣдовало бы назначить всего лишь 16 р. 73 к. Въ *Харьковской* губерніи при крѣпостномъ правѣ

и у насъ въ главѣ V) произошла оттого, что при выкупѣ доходность тягла была принята на 1 р. 50 к. ниже, нежели при вычисленіи оброка съ земли.

за надѣлъ въ 7,5 дес. на тягло (здѣсь въ тяглѣ было до 3 душъ) приходилось платить въ среднемъ 23 р. 25 к. По проекту комитета надѣлъ назначался въ трехъ уѣздахъ 5,4 дес. на тягло, а въ остальныхъ 4,5 дес., а оброкъ за него установленъ былъ 21 р. 60 к., да за усадьбу по 2 р. 16 к. съ тягла; между тѣмъ какъ пропорціонально уменьшенію надѣла, слѣдовало бы назначить въ трехъ первыхъ уѣздахъ за весь надѣлъ 16 р. 74 к. съ тягла, а въ остальныхъ всего 13 р. 95 к.

Столь же повышенная, по сравненію съ размѣрами проектированныхъ надѣловъ, была установлена норма оброковъ почти во всѣхъ остальныхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ. Лишь въ *Симбирской*, *Казанской* и *Рязанской* было установлено болѣе справедливое отношеніе между размѣрами надѣловъ и оброковъ, при значительномъ уменьшеніи тѣхъ и другихъ въ двухъ первыхъ изъ нихъ.

Необыкновенно высокій и ни съ чѣмъ не сообразный размѣръ оброка проектированъ въ *Таврической* губерніи, гдѣ при крѣпостномъ правѣ всѣ крестьяне были на барщинѣ. Вѣроятно, опасеніе, чтобы они не поспѣшили переходить на оброкъ при болѣе льготныхъ условіяхъ, заставило таврическій комитетъ назначить высокую норму оброка въ 37 р. 50 к. съ тягла.

Особенно ярко обозначается чрезвычайная повышенность и полная несоразмѣрность съ надѣломъ проектированныхъ почти всѣми комитетами нормъ оброковъ изъ сопоставленія ихъ съ нормами, принятыми впослѣдствіи въ редакціонныхъ коммисіяхъ. Сопоставленіе этихъ нормъ съ проектами губернскихъ комитетовъ показываетъ, что въ большей части послѣднихъ повинности крестьянъ проектировались на 100 и болѣе процентовъ выше, нежели нормы редакціонныхъ коммиссій.

Тверской, *ярославскій*, *вологодскій* и нѣкоторые другіе комитеты нечерноземной полосы, оцѣнивая отводимый ими крестьянамъ надѣлъ, приняли систему оцѣнки, предложенную членомъ тверского комитета, Модестомъ Евграфовичемъ Воробьевымъ. Воробьевъ, основываясь на томъ. что ближайшія къ селенію земли, заключающія въ себѣ усадебную осѣдлость и наиболѣе унавоженныя поля, имѣютъ несомнѣнно значительно высшую цѣнность, нежели земли, болѣе удаленныя отъ населенія, предложилъ при оцѣнкѣ надѣла соблюсти извѣстную градацію, оцѣнивъ значительно дороже остальныхъ *первую* десятину надѣла, а вторую нѣсколько выше, нежели третью и четвертую.

Отдавая усадебныя строенія крестьянамъ безвозмездно и не дѣлая отдѣльной оцѣнки усадебной земли, тверской комитетъ принялъ градацію Воробьева, вложивъ въ оцѣнку 1-ой десятины и всю потерю цѣнности дворянскихъ имѣній отъ утраты даровой рабочей силы или той части помѣщичьяго дохода, которая проистекала отъ личнаго крѣпостного права и другими комитетами была, подъ видомъ промысловыхъ выгодъ, включена въ оцѣнку усадебной осѣдлости. При этомъ въ опредѣленіи нормы оброковъ комитетъ исходилъ изъ нормальной величины оброковъ, существовавшей при крѣпостномъ правѣ, опредѣливъ таковую по весьма умѣренному разсчету въ 9 руб. съ души или 22 р. 50 к. съ тягла. При душевомъ надѣлѣ въ 4 десятины онъ обложилъ, такимъ образомъ, первую десятину 5 р. 10 коп. оброка, вторую—1 р. 80 к., третью 1 р. 20 к. и четвертую—60 к., что составляло для всѣхъ 4-хъ десятинъ 8 р. 70 к. Меньшинство тверского комитета при 3 десятинномъ надѣлѣ обложило первую десятину платой, равной стоимости четверти ржи, а вторую и третью—въ половинномъ размѣрѣ.

Ярославскій комитетъ назначилъ за душевой надѣлъ въ 5 десятинъ оброчную плату въ 7 р. 85 к., опредѣливъ за первую десятину 2 р. $61^2/_3$ коп., за вторую—2 р. $09^1/_4$ к., за третью—1 р. 57 к., за четвертую—1 р. $04^2/_3$ к. и за пятую—$52^1/_3$ к., но при этомъ онъ обложилъ отдѣльно и усадебную осѣдлость весьма высокимъ оброкомъ въ 6 р. 40 к. съ души.

Новгородское меньшинство, при $2^1/_2$ дес. надѣла на душу, приняло нормы оброковъ за 1-ю дес.—4 руб., за 2-ую—2 р. 50 к., и за $^1/_2$ третьей—1 р.

Эта система усвоена была впослѣдствіи и редакціонными коммисіями, которыя распространили ее на всѣ великорусскія губерніи. По этому поводу А. А. Головачевъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ тверского губернскаго комитета, извѣстный писатель и земскій дѣятель, писалъ впослѣдствіи, что, при всей справедливости ея въ Тверской (и другихъ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ), она была вовсе не примѣнима къ губерніямъ черноземнымъ и вообще къ тѣмъ губерніямъ, въ которыхъ земля вовсе не удобряется, и въ особенности тамъ, гдѣ крестьянскіе надѣлы или вовсе не соприкасаются съ ихъ усадьбами, или подходятъ къ селеніямъ узкой полосой. Это важное различіе было совершенно упущено изъ виду редакціонными коммисіями, что и составило несомнѣнно одну изъ капитальнѣйшихъ ихъ ошибокъ. Ошибка эта повела въ южныхъ губерніяхъ, при ограниченности надѣловъ, къ несоразмѣрному воз-

вышенію выкупныхъ платежей съ доходностью земли. Этотъ существенный промахъ А. А. Головачевъ объяснялъ, главнымъ образомъ, тѣмъ бюрократическимъ направленіемъ, которое приняло дѣло въ редакціонныхъ коммисіяхъ [1]). Невыгодность принятой ими системы для малоземельныхъ крестьянъ отмѣчена и профес. Иванюковымъ [2]).

Мы изложили здѣсь въ главныхъ чертахъ важнѣйшія постановленія губернскихъ комитетовъ въ отношеніи хозяйственнаго устройства крестьянъ. Рамки .журнальной статьи не позволяютъ намъ останавливаться на менѣе важныхъ рѣшеніяхъ комитетовъ, касавшихся устройства быта дворовыхъ людей и крестьянъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ категорій, напр., приписанныхъ къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ и т. п. Но общія тенденціи губернскихъ комитетовъ въ отношеніи хозяйственной стороны дѣла выясняются достаточно опредѣленно изъ вышеизложеннаго, и нельзя сказать, чтобы онѣ выяснялись въ пользу дворянскаго безкорыстія, великодушія и прочихъ благородныхъ чувствъ, о которыхъ такъ много было говорено въ губернскихъ комитетахъ. Почти всѣ комитеты въ постановленіяхъ своихъ руководились, очевидно, при рѣшеніи самыхъ существенныхъ сторонъ крестьянскаго вопроса, не крестьянскими интересами и государственными соображеніями, а сословными выгодами и интересами.

Исключенія въ этомъ отношеніи составляютъ лишь проектъ большинства тверского комитета и проекты, составленные меньшинствомъ нѣкоторыхъ другихъ губерній, которые сумѣли примирить общегосударственные и крестьянскіе интересы съ интересами и выгодами помѣщиковъ. На этихъ проектахъ мы остановимся подробнѣе ниже, теперь же, чтобы не разбивать изложеніе, обратимся къ отношенію губернскихъ комитетовъ къ третьему крупному вопросу реформы—къ вопросу объ упраздненіи или сохраненіи вотчинной власти помѣщиковъ.

---

[1]) *Джаншіевъ*: „Эпоха великихъ реформъ", 7-ое изд., стр. 172, примѣчаніе.

[2]) „Паденіе крѣпостного права", 1-ое изд. стр. 293 и слѣд.

VII.

Вопросъ о вотчинной власти.—Измѣненія во взглядахъ правительства на этотъ вопросъ со времени составленія Позеновской программы.—Отказъ отъ вотчинной власти комитетовъ, составившихъ выкупные проекты.—Постановленія самарскаго комитета. — Для какихъ имѣній нужно было главнымъ образомъ сохраненіе вотчинной власти?—Точка зрѣнія петербургскаго комитета. — Постановленія прочихъ комитетовъ.—Объемъ вотчинной власти по ихъ проектамъ.—Постановленія костромскаго, воронежскаго и орловскаго комитетовъ. Постановленіе харьковскаго, рязанскаго и калужскаго комитетовъ.—Вопросъ о вотчинной власти въ связи съ вопросомъ о преобразованіи уѣзднаго и губернскаго управленія. — Меньшинство въ комитетахъ и ихъ значеніе въ крестьянской реформѣ.—Присутствіе сословнаго интереса въ основаніяхъ ихъ постановленій. — Тверское большинство и наиболѣе либеральное меньшинство другихъ комитетовъ.—Менѣе либеральное меньшинство.—Меньшинство вовсе не либеральное.—Анализъ постановленій нижегородскаго меньшинства.—Заключеніе. Взглядъ на дальнѣйшую судьбу трудовъ губернскихъ комитетовъ.

Хотя вопросъ о вотчинной власти считался по преимуществу вопросомъ административнымъ и юридическимъ и въ качествѣ такового разсматривался въ Петербургѣ въ *административномъ и юридическомъ* отдѣленіяхъ редакціонныхъ коммиссій, однако въ дѣйствительности онъ находился въ тѣснѣйшей связи съ экономической стороной крѣпостныхъ отношеній. Правительство, какъ извѣстно, сначала вовсе не думало одновременно съ отмѣной личнаго крѣпостного права уничтожить вотчинную власть помѣщиковъ. Въ рескриптахъ, наоборотъ, прямо упоминалось объ удержаніи вотчинной полицейской власти въ рукахъ помѣщиковъ. Это удержаніе, при всей неподготовленности министерства внутреннихъ дѣлъ и при всей непродуманности его начинаній, проектировалось, однако же, далеко *не случайно*, а было, наоборотъ, въ несомнѣнной логической связи съ экономической стороной предложенныхъ основаній реформы. Разъ крестьянская земля оставлялась въ собственности помѣщиковъ и отдавалась крестьянамъ лишь въ безсрочное пользованіе за обязательныя повинности, разъ сохранялась барщина, которая лишь постепенно должна была замѣняться оброкомъ, помѣщикъ, конечно, не могъ быть лишенъ власти надзора за хозяйственными распоряженіями

крестьянина. Необходимость сохраненія этой власти подкрѣплялась отсутствіемъ въ уѣздахъ полицейскихъ властей, которымъ можно было бы поручить взысканіе оброковъ и наблюденіе за правильнымъ отбываніемъ повинностей. Многія частныя лица и нѣкоторые губернскіе комитеты, понимая все неудобство такого положенія и предвидя, что крестьяне не удовлетворятся такимъ, въ сущности, номинальнымъ освобожденіемъ и едва ли будутъ охотно выполнять возложенныя на нихъ повинности, предлагали, при помощи единовременнаго и обязательнаго выкупа повинностей, ликвидировать сразу и окончательно всѣ крѣпостныя отношенія. Но правительство выкупъ отвергло. Оно оставляло крестьянъ временно крѣпкими землѣ и, облагая ихъ обязательными повинностями, само понимало, что крестьянъ не легко будетъ заставить исправно отбывать эти повинности. Отсюда логически вытекало и оставленіе вотчинной полиціи помѣщикамъ; отсюда же явилась и мысль о необходимости крѣпкой власти на мѣстахъ и чрезвычайныхъ полномочій мѣстнымъ властямъ—мысль, которой Ростовцевъ крѣпко держался вначалѣ. Когда Ростовцевъ воспринялъ идею выкупа и понялъ его осуществимость и выгодныя стороны, онъ сталъ совершенно иначе относиться и къ вотчинной власти, и къ чрезвычайнымъ полномочіямъ. Все это ярко выразилось въ его извѣстныхъ письмахъ и записках напечатанныхъ въ „Матеріалахъ редакціонныхъ коммиссій", и въ результатѣ привело къ сильному измѣненію правительственной программы. Это измѣненіе правительственной программы получило свое оффиціальное выраженіе въ журналахъ главнаго комитета 26 октября и въ особенности 4 декабря 1858 года. Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ эти журналы были положены въ основу ихъ работъ, наравнѣ съ высочайшими рескриптами. Редакціоннымъ коммиссіямъ, при самомъ открытіи ихъ работъ, Ростовцевъ въ особомъ предложеніи сообщилъ свои мысли и основанную на нихъ программу рѣшенія крестьянскаго вопроса, въ которой на первый планъ выставлено было освобожденіе крестьянъ съ землей, причемъ, „конечной развязкой освобожденія предложено было считать выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщика" и рекомендовалось избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или сократить „переходное состояніе", барщину же уничтожить черезъ три года и дать освобожденнымъ крестьянамъ *самоуправленіе* въ ихъ сельскомъ быту [1]).

---

[1]) Семеновъ, н. с., I, стр. 99.

Соотвѣтственно новымъ взглядамъ Ростовцева, воспринятымъ черезъ него и государемъ, въ журналѣ главнаго комитета, утвержденномъ 4 декабря 1858 г., было, между прочимъ, изложено: „Власть надъ личностью крестьянина, по исполненію или по нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества, сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ. При опредѣленіи подробностей устройства міра и учрежденій, посредствомъ которыхъ онъ долженъ дѣйствовать, а также отношеній міра къ помѣщику, обратить вниманіе: а) на постановленія по этому предмету, изложенныя въ сводѣ законовъ, и б) на IX главу программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ, сообразивъ: *можетъ ли эта глава оставаться въ прежней силѣ, или слѣдуетъ ее измѣнить*" [1]).

Редакціонныя коммиссіи, составленныя главнымъ образомъ изъ людей, искренно расположенныхъ къ реформѣ, ухватились за это постановленіе главнаго комитета и въ результатѣ упразднили вотчинную полицейскую власть. Но губернскіе комитеты не имѣли въ виду этого измѣненія правительственной программы, потому что журналъ главнаго комитета, утвержденный 4 декабря, *имъ сообщенъ не былъ.* Притомъ къ этому времени многіе изъ нихъ уже заканчивали свои занятія. Имъ пришлось по вопросу о вотчинной власти руководствоваться всецѣло рескриптами и программой, IX глава которой не только предрѣшала сохраненіе вотчинной власти, но и намѣчала въ общихъ чертахъ ея устройство и содержаніе. При томъ же комитеты имѣли въ виду въ своихъ проектахъ, согласно той же программѣ, лишь срочно-обязанное положеніе, оставлявшее крестьянъ временно крѣпкими землѣ, принадлежавшей на правѣ собственности помѣщикамъ, и за которую крестьяне обязывались отбывать опредѣленныя повинности. Для поддержанія такого положенія и обезпеченія въ немъ своихъ правъ и интересовъ многимъ помѣщикамъ не только представлялось необходимымъ сохраненіе въ полномъ объемѣ вотчинной власти, но имъ казалось даже необходимымъ полученіе особыхъ полномочій, въ родѣ права вызова военныхъ командъ и чрезвычайное усиліе полицейской власти на мѣстахъ. Выше мы уже говорили, что многіе изъ нихъ представляли себѣ срочно-обязанное положеніе — и не безъ основанія — своего рода осаднымъ положеніемъ. Все это необходимо принять во вниманіе при оцѣнкѣ постановленій губернскихъ комитетовъ по вопросу о вотчинной власти.

---

[1]) Тамъ же, стр. 81.

Поэтому никакъ нельзя удивляться, что лишь немногіе комитеты, проявившіе особую инціативу въ дѣлѣ крестьянской реформы, отступили отъ данной имъ въ руководство правительственной программы по вопросу о вотчинной власти и отказались отъ нея совершенно или дали ей не то содержаніе и устройство, какія предполагались составителями программы. Это были по преимуществу тѣ комитеты, которые желали выкупа: *тверской*, *калужскій*, *смоленскій*, *харьковскій*, отчасти *рязанскій* и меньшинство *владимірскаго* и *новгородскаго*. Такія же постановленія содержались въ выкупныхъ проектахъ *пензенскаго* и *саратовскаго* комитетовъ.

Самарскій комитетъ также совершенно отказался за все самарское дворянство отъ вотчинной власти надъ сельскими обществами и отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла крестьянъ, но при этомъ онъ сохранилъ многія вотчинныя права помѣщиковъ подъ видомъ *хозяйственной распорядительной власти* въ барщинныхъ имѣніяхъ. По обоимъ самарскимъ проектамъ помѣщику было предоставлено широкое право „домашней расправы“ надъ барщинными крестьянами, которыхъ онъ могъ подвергать собственною властью за проступки, учиненные *во время нахожденія ихъ на господской обязательной работѣ*, за дерзость и ослушаніе противъ самого владѣльца, управляющаго имѣніемъ, распорядителя работъ или нарядчика, за порчу, растрату или покражу ввѣреннаго имъ господскаго имущества, какъ-то: сѣмянъ, орудій, лошадей, рабочаго и домашняго скота, за небрежность въ работѣ и дурное исполненіе заданныхъ имъ уроковъ, *тѣлесному наказанію* розгами: мужчинъ до 20 ударовъ, а женщинъ до 10, кромѣ беременныхъ и недавно родившихъ, которыя, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, облагались, по самарскимъ проектамъ, штрафомъ не свыше 75 коп. серебромъ (а по проекту меньшинства не свыше 50 коп.). При этомъ требовалось со стороны вотчиннаго начальства лишь соблюденіе слѣдующихъ правилъ: а) наказаніе производится въ присутствіи одного изъ старшинъ и записывается въ штрафную книгу, съ обозначеніемъ въ ней года, мѣсяца и числа, имени и лѣтъ наказаннаго, его вины, числа ударовъ, именъ присутствующаго старшины и лицъ, употребленныхъ для наказанія; б) строго воспрещалось вотчиннику, или тому лицу, которымъ присуждается наказаніе, приводить его собственноручно въ исполненіе, или наносить побои провинившимся крестьянамъ; всѣ такія дѣйствія разсматривались, какъ противозаконное самоуправство; в) мужчины и женщины, подвергаемые тѣ-

лѣсному наказанію, могли отъ него освободиться, внеся въ тотъ же день въ господскую контору денежный штрафъ, по назначенію вотчинника или его повѣреннаго, не свыше одного рубля серебромъ. При этомъ въ употребленіи предоставленной ему власти наказывать крестьянъ, вотчинникъ подлежалъ отвѣтственности передъ уѣзднымъ присутствіемъ, по жалобамъ, на него принесеннымъ, *лишь въ случаѣ превышенія мѣры наказанія или нарушенія правилъ, для оныхъ предписанныхъ*. Вовсе не подлежали вотчиной расправѣ должностные крестьяне, обществомъ избранные, *и всѣ перешедшіе на оброкъ* [1]).

Эту систему Ю. Ѳ. Самаринъ провелъ и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, гдѣ на защиту ея онъ потратилъ не мало краснорѣчія. Замѣчательно, что при этомъ его поддерживали главнымъ образомъ члены-эксперты изъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ и наиболѣе либеральные [2]). Обоснованіе этого постановленія въ самарскомъ комитетѣ и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ чрезвычайно характерно. Оно ясно показываетъ, какую силу имѣли въ сужденіяхъ губернскихъ комитетовъ по вопросу о вотчинной власти чисто хозяйственныя соображенія.

Комитеты, основывавшіеся въ своихъ постановленіяхъ по этому предмету не на хозяйственныхъ интересахъ, а на особыхъ, исторически сложившихся, привилегіяхъ дворянства, или просто исполнявшіе требованія по этому пункту данной имъ въ руководство правительственной программы, не обосновывали своихъ постановленій съ такой обстоятельностью, какъ это сдѣлалъ самарскій комитетъ. И впослѣдствіи ихъ депутаты не отстаивали въ редакціонныхъ коммиссіяхъ постановленій своихъ комитетовъ съ такой настойчивостью, какъ Самаринъ или какъ они же сами отстаивали свои постановленія по вопросамъ надѣленія крестьянъ землей и обложенія ихъ повинностями. И. И. Иванюковъ отмѣтилъ въ своей книгѣ, что по вопросу о прекращеніи вотчинной власти помѣщиковъ депутаты перваго приглашенія, т. е. отъ первыхъ 21 комитета, представившихъ свои проекты ранѣе остальныхъ, очень слабо нападали или совсѣмъ не нападали на постановленія редакціонныхъ коммиссій, хотя эти постановленія весьма существенно измѣнили по этому вопросу рѣшенія большинства губернскихъ комитетовъ; тогда какъ, напротивъ, депутаты 2-го приглашенія весьма сильно обрушились на эти постановленія редакціонныхъ коммиссій. Г. Иванюковъ объяс-

[1]) „Матеріалы редакціон. коммисій“, т. VII, гл. IX, стр. 69.
[2]) Семеновъ, н. с., т. I, стр. 243 и т. II, стр. 548.

няетъ эту разницу въ поведеніи тѣхъ и другихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что вторые явились въ Петербургъ въ минуту реакціи въ правительственныхъ сферахъ, когда у нихъ явилась надежда поколебать и даже вовсе сложить въ архивъ всѣ постановленія редакціонныхъ коммиссій; тогда какъ первымъ пришлось дѣйствовать въ моментъ, когда Ростовцевъ былъ еще живъ и пользовался наибольшимъ вліяніемъ. Но не меньшее значеніе имѣло тутъ, вѣроятно, другое обстоятельство. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что депутаты 1-го приглашенія принадлежали въ большинствѣ къ комитетамъ промышленныхъ оброчныхъ губерній, въ которыхъ большая часть помѣщиковъ не была заинтересована въ сохраненіи барщины и въ обезпеченіи правильнаго ея отбыванія; тогда какъ депутаты 2-го приглашенія принадлежали почти всѣ къ комитетамъ такихъ губерній, гдѣ помѣщичье хозяйство держалось главнымъ образомъ на барщинѣ и гдѣ отказаться отъ нея вдругъ нельзя было безъ потрясенія помѣщичьихъ интересовъ. Изъ 36 депутатовъ, которые подписали рѣзкое осужденіе постановленій редакціонныхъ коммиссій по вопросу объ упраздненіи вотчинной полицейской власти помѣщиковъ, принадлежали: 3 къ *курскому* комитету, по 2 къ *пензенскому*, *казанскому*, *орловскому*, *екатеринославскому*, *таврическому*, *оренбургскому*, *донскому*, *смоленскому*, *вологодскому*, *пермскому*, *могилевскому*, *минскому и витебскому* и по одному къ *тульскому*, *калужскому*, *херсонскому*, *виленскому*, *гродненскому*, *ковенскому* и *олонецкому* комитетамъ. Изъ комитетовъ, стоявшихъ за сохраненіе вотчинной власти изъ побужденій сословно-правового, а не экономическаго характера, особенно выдается *петербургскій* комитетъ, который, въ силу своихъ аристократическихъ тенденцій, ставилъ вопросъ о сохраненіи вотчинной власти и вообще вотчинныхъ правъ дворянства на первый планъ и съ этой точки зрѣнія разрѣшалъ, какъ мы видѣли, и поземельный вопросъ въ духѣ феодальнаго эмфитевтическаго права. Въ „обзорѣ основаній“ своего проекта комитетъ этотъ утверждалъ, что „при новомъ устройствѣ отношеній между крестьянами и помѣщиками, послѣдніе должны удержать за собою право попечительнаго наблюденія надъ дѣйствіемъ сельскихъ должностныхъ лицъ и производствомъ суда и расправы. Подобная власть, по мнѣнію комитета, никогда и ни въ какомъ случаѣ не проявляется въ видѣ личнаго произвола и не можетъ повести къ нарушенію предоставляемыхъ крестьянамъ правъ; между тѣмъ удержаніе ея будетъ имѣть благодѣтельныя послѣдствія для самихъ крестьянъ. При томъ,

если бы дворянство устранило себя отъ всякаго участія въ крестьянскомъ управленіи, то немедленно представилась бы необходимость соединить крестьянскія общества съ общими правительственными властями и потребовалось бы привести ихъ въ правильное между собою сообщеніе, что повлекло бы за собою значительные для крестьянъ расходы и неизбѣжное развитіе формальности и письменности. Напротивъ того, оставляя за помѣщиками право наблюденія надъ судами и расправою въ крестьянскихъ обществахъ, представляется возможность, безъ отступленія отъ общихъ, нынѣ существующихъ административныхъ началъ устроить внутреннее крестьянское управленіе совершенно просто, положивъ въ основаніи онаго не только законъ письменный, но и мѣстные обычаи" [1]).

Эти соображенія, пущенныя въ ходъ петербургскимъ комитетомъ, развивались и многими другими.

Изъ остальныхъ губернскихъ комитетовъ большая часть при составленіи IX главы проектовъ придерживалась программы и, слѣдуя ея указаніямъ, назначала помѣщиковъ имѣній, составлявшихъ цѣлое сельское общество, начальниками этихъ обществъ, а если въ составъ сельскаго общества входило два или болѣе имѣнія, то владѣльцамъ ихъ предоставлялось избрать изъ своей среды одного въ начальники общества. Мелкопомѣстныя же имѣнія (менѣе 21 души) присоединялись къ сосѣднимъ крупнымъ имѣніямъ. Содержаніе вотчинной власти помѣщиковъ, въ качествѣ начальниковъ обществъ, было также намѣчено въ главныхъ чертахъ въ программѣ, и большая часть комитетовъ лишь развивала ея указанія, руководствуясь въ то же время привычными въ тогдашней помѣщичьей средѣ представленіями о существѣ этой власти, а отчасти и тѣми опасеніями упорнаго неповиновенія и своеволія крестьянъ послѣ объявленія воли, которыя были распространены среди дворянства почти повсемѣстно. По этимъ проектамъ начальникамъ обществъ предоставлялась сильная власть надъ крестьянскимъ населеніемъ и болѣе или менѣе широкое вмѣшательство въ сферу крестьянскаго самоуправленія, въ видѣ права просмотра и отмѣны приговоровъ схода, права утвержденія и увольненія крестьянскихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, права наказанія крестьянъ (штрафами, арестами и розгами) за неповиновеніе и грубость, а иногда и за другіе проступки и, наконецъ, права высылки изъ предѣловъ имѣнія и передачи въ распоряженіе правительства лицъ, виновныхъ въ нѣ-

[1]) „Матеріалы редакціон. ком-сій", 2-е изд., т. II, ч. II, стр. 297.

которыхъ повторныхъ преступленіяхъ, въ оскорбленіи помѣщика и членовъ его семьи, и даже просто упорныхъ недоимщиковъ, а по нѣкоторымъ проектамъ также право сдачи послѣднихъ въ рекруты. Нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ предоставляли помѣщикамъ право наблюденія за посторонними лицами на территоріи ихъ имѣнія, причемъ помѣщикъ могъ арестовать всякаго нарушителя порядка и спокойствія, не смотря на званіе его и должность, и выслать его изъ предѣловъ имѣнія или передать въ распоряженіе земской полиціи, содержа до того времени подъ стражей не болѣе трехъ дней.

Изъ общаго числа комитетскихъ проектовъ предоставляли помѣщику званіе и права начальника общества—35 и, сверхъ того, 9 проектовъ меньшинства разныхъ комитетовъ [1]). Въ этомъ числѣ мы считаемъ и проекты костромского и воронежскаго комитетовъ, которые, хотя и не дѣлали помѣщиковъ обязательно начальниками обществъ, но предоставляли зато каждому помѣщику всѣ тѣ вотчинно-полицейскія права, которыми по проектамъ другихъ комитетовъ пользовались начальники сельскихъ обществъ. *Костромской* комитетъ объяснилъ, что онъ не устанавливаетъ для помѣщиковъ обязательнаго принятія званія начальника обществъ, потому что это сопряжено съ извѣстными обязанностями въ отношеніи надзора за ходомъ крестьянскаго управленія. Поэтому, не желая стѣснять помѣщиковъ, по большей части не живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, комитетъ этотъ лишь предоставлялъ имъ, буде они пожелаютъ, принимать на себя званіе начальниковъ сельскаго общества, но тогда они уже обязывались жить въ имѣніи и исполнять нѣкоторыя обязанности сельскаго старшины.

Къ числу комитетовъ, сохранявшихъ помѣщику значительную степень вотчинной власти, принадлежалъ въ сущности и *орловскій* губернскій комитетъ, хотя онъ не учреждалъ должности начальника сельскаго общества и даже проектировалъ передачу всѣхъ полицейскихъ и судебно-полицейскихъ функцій выборнымъ „мирнымъ судьямъ". Здѣсь, видимо, восторжествовали идеи С. И. Мальцева [2]). Отнесясь съ одинаковымъ презрѣніемъ и къ *„лапотному"* суду крестьянъ, и къ господству чиновничьей бюрократіи, этотъ комитетъ мечталъ о водвореніи независимой и несвязанной никакими формальностями дворянской юрисдикціи, которая отправлялась бы избранными дворянскимъ собраніемъ „мирными судьями". Коми-

[1]) Срав. *Скребицкій*, н. с., т. I, стр. 587 и слѣд.

[2]) *Скребицкій*, I, 400 и 619. Срав. „Матеріалы редакц. коммисій", т. VII, гл. IX, стр. 48—50. Большинство и меньшинство комитета въ этомъ отношеніи были между собой вполнѣ солидарны.

тетъ этотъ „считалъ необходимымъ выставить на благоусмотрѣніе правительства тотъ принципъ, что съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости слѣдуетъ поручить управленіе народомъ и соединенные съ нимъ судъ и расправу не бездомнымъ скитальцамъ, пріѣзжающимъ на кормленіе, а лучшимъ людямъ, взятымъ изъ той же мѣстности и способнымъ внушить къ себѣ довѣріе народа, сколько по независимому своему общественному положенію, столько же и по превосходству умственнаго и нравственнаго своего образованія. На этихъ людяхъ будетъ,—заявлялъ комитетъ,—по всей вѣроятности, основана вся судьба крестьянской реформы, а можетъ быть, и все дальнѣйшее развитіе нашего отечества“ [1]).

Однако, замѣна начальниковъ сельскихъ обществъ „мирными судьями“ нисколько не помѣшала орловскому комитету надѣлить помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ такими же правами, какія другими комитетами предоставлялись начальникамъ обществъ [2]). Предсѣдатель этого комитета В. В. Апраксинъ, будучи впослѣдствіи членомъ редакціонныхъ коммиссій, сильно нападалъ на постановленія послѣднихъ, клонившіяся къ упраздненію вотчинной власти [3]).

Изъ комитетовъ, учреждавшихъ званіе начальника общества, наибольшій объемъ карательной и полицейской власти предоставилъ помѣщикамъ *екатеринославскій* комитетъ. По проекту этого комитета, помѣщикъ могъ нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, а также виновныхъ въ важныхъ проступкахъ противъ него, его семейства и собственности, предоставлять безъ согласія общества, но съ утвержденія мѣстнаго присутствія,—въ распоряженіе правительства, заключать въ смирительные дома, въ арестантскія роты и др. исправительныя заведенія [4]).

Комитеты: *харьковскій*, *смоленскій*, *калужскій*, *рязанскій*, *саратовскій* и *тверской*, а также меньшинство *владимірскаго* и *новгородскаго* совершенно отступили въ своихъ проектахъ отъ программы, причемъ первые пять комитетовъ и новгородское меньшинство сохранили въ нихъ нѣкоторыя черты вотчинной власти и привилегій дворянскаго сословія. Тверской же комитетъ и меньшинство владимірскаго и калужскаго комитетовъ отказались отъ всякой вотчинной власти, признавая гражданскую равноправность освобожденныхъ крестьянъ съ дворянами. При этомъ тверской ко-

[1]) *Скребицкій* I, 400.
[2]) „*Матеріалы* редакц. ком-сій“, VII, гл. IX, стр. 49.
[3]) *Семеновъ* „Освоб. крестьянъ“ I, стр. 629 и 847 (Засѣданіе редакціонныхъ коммисій 29 авг. 1859 г. и особое мнѣніе В. В. Апраксина).
[4]) „Матеріалы редакц. коммисій“, VII, гл. IX, стр. 46.

*

митетъ и владимірское меньшинство проектировали *всесословную* волость съ волостнымъ собраніемъ, состоящимъ изъ помѣщиковъ и представителей крестьянскихъ обществъ, съ выборнымъ волостнымъ предводителемъ или волостнымъ попечителемъ во главѣ, а калужское меньшинство проектировало подчиненіе какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, соединенныхъ въ сельскія общества, непосредственно выборному всесословному уѣздному хозяйственному комитету. Саратовскій комитетъ для срочно-обязаннаго положенія проектировалъ выбранныхъ дворянствомъ изъ своей среды волостныхъ попечителей, которыхъ надѣлялъ нѣкоторой долей вотчинной власти; по *выкупному* же проекту онъ признавалъ полную самостоятельность освобожденныхъ крестьянъ и предполагалъ, такъ же, какъ и тверской, всесословное волостное устройство. Замѣчательно, что и *пензенскій* комитетъ, назначавшій помѣщиковъ по проекту срочнообязаннаго положенія начальниками сельскихъ обществъ,—по *выкупному* проекту признавалъ полную самостоятельность освобожденныхъ крестьянъ.

Харьковскій комитетъ находилъ неудобнымъ присваивать помѣщикамъ званіе начальниковъ обществъ, „потому, во-1-хъ, что это званіе послужило бы помѣщикамъ новымъ поводомъ къ продолженію, хотя и въ другой формѣ, прежняго произвола, а во 2-хъ, что въ Харьковской губерніи $^{2}/_{3}$ крестьянъ принадлежитъ богатымъ помѣщикамъ, которые большею частью не живутъ въ своихъ имѣніяхъ. При частомъ же неизбѣжномъ отсутствіи владѣльцевъ изъ своихъ помѣстій, мѣста управляющихъ займутъ лица, которыя, не имѣя прежней отвѣтственности, изъ видовъ корысти, сойдутся съ сельскими властями, разными поборами раззорятъ крестьянъ и доведутъ, какъ ихъ, такъ и помѣщиковъ, до самыхъ гибельныхъ послѣдствій“ [1]). Этотъ комитетъ проектировалъ для административнаго управленія срочно-обязанными крестьянами особыхъ уполномоченныхъ, выбранныхъ по одному на уѣздъ (и по два помощника каждому) дворянами изъ своей среды.

Почти также разсуждало меньшинство *2-хъ членовъ рязанскаго* комитета. По его мнѣнію, „власть помѣщика, которая была до сихъ поръ почти неограниченною и основывалась на произволѣ, невозможно преобразовать, и она будетъ постоянно, по старой намяти, преступать законъ и возвращаться къ старымъ началамъ. Такую власть, по мнѣнію означеннаго меньшинства, гораздо легче

---

[1]) „Матеріалы редакц. коммисій“, 2-е изд. т. II, стр. 302.

вовсе упразднить, перенеся ее отъ помѣщиковъ на все дворянское сословіе, предоставивъ ему право мѣстнаго управленія". *Большинство рязанскаго* комитета, предоставляя крестьянскимъ обществамъ самоуправленіе подъ главнымъ завѣдываніемъ мирового судьи въ округѣ, также находило, что предоставленіе помѣщикамъ начальства надъ обществомъ невозможно: „ибо всякая власть есть сила, но какая же сила останавливается правительствомъ за помѣщиками?" Находя, что по правительственной программѣ вся власть переносится на мірскія самоуправляющіяся общества, комитетъ не желалъ возлагать на помѣстное дворянство отвѣтственности за ходъ дѣлъ въ этихъ обществахъ и за исправное отбываніе ими государственныхъ повинностей. Онъ предоставлялъ, однако же, помѣщику „попеченіе о живущемъ на его земляхъ населеніи, а также надзоръ за дѣйствіями сходовъ и начальственныхъ въ обществѣ лицъ". При этомъ комитетъ объяснилъ, что такой надзоръ не будетъ стѣснителенъ для обществъ, а попеченіе понималось имъ скорѣе „какъ нравственная обязанность, чѣмъ государственная" [1]). По этому проекту, такъ же, какъ и по проекту меньшинства 3-хъ членовъ того же комитета, проектировалось соединеніе сельскихъ обществъ въ округи, во главѣ которыхъ стоялъ бы мировой судья по выбору помѣщиковъ изъ дворянъ и другихъ землевладѣльцевъ, получившихъ образованіе не ниже средняго, и подъ предсѣдательствомъ этого мирового судьи особый судъ присяжныхъ, избранныхъ обществами изъ своей среды [2]).

Большинство *калужскаго* комитета, стоявшее вообще за выкупъ и рѣзко возражавшее противъ необходимости срочно-обязаннаго положенія, тѣмъ не менѣе составило, по требованію правительства, наряду съ выкупнымъ, и срочно-обязанный проектъ. По этому послѣднему помѣщикамъ предоставлялись права начальниковъ сельскихъ обществъ, и, сверхъ того, назначались волостные попечители изъ дворянъ и мировые судьи. Впрочемъ, большинство калужскаго комитета и въ выкупномъ проектѣ, не назначая уже помѣщиковъ начальниками обществъ, предоставляло, однако же, дворянству особыя права и преимущества по участію въ волостномъ, уѣздномъ и губернскомъ управленіи. При этомъ калужское большинство исходило изъ того взгляда, что „крестьяне наши еще недостаточно приготовлены къ самоуправленію; чувство уваженія къ собственности и святости законовъ въ нихъ еще не развито до той степени, чтобы они могли управляться сами собой, не нуждаясь ни въ чьей опекѣ". Съ

[1]) Тамъ же, стр. 305.
[2]) Тамъ же, стр. 306.

другой стороны, комитетъ принялъ въ соображеніе, „что передача помѣщичьей власти въ руки мѣстной полиціи не будетъ соотвѣтствовать ожиданію крестьянъ и не оградитъ ихъ отъ произвола; что самоуправство чиновниковъ слѣдовало бы замѣнить управленіемъ, соотвѣтствующимъ духу народа, которому предоставить выборъ себѣ попечителя изъ мѣстныхъ дворянъ, ему извѣстныхъ, пользующихся его довѣріемъ“...

„Съ этою цѣлью дворянство, не отказываясь отъ принадлежащаго каждому помѣщику древняго вотчиннаго права суда и расправы, передаетъ это право всему сословію дворянъ каждаго уѣзда, кромѣ правъ и обязанностей полицейскихъ, которыя переходятъ къ чинамъ уѣздной полиціи; а потому комитетъ постановилъ, чтобы должности мировыхъ судей и начальниковъ волостей были замѣщены изъ лицъ, принадлежащихъ къ мѣстному потомственному дворянству, по выборамъ, въ которыхъ должны участвовать и другія сословія“ [1])...

Меньшинство калужскаго комитета было противъ введенія волостей и упразднило вотчинную власть помѣщиковъ не только при выкупномъ, но и при срочно-обязанномъ положеніи. „Наши оброчныя имѣнія, въ которыхъ не живутъ помѣщики,—писали члены меньшинства,—управляются издавна сами собой по мѣстнымъ обычаямъ и преданіямъ. Такое самоуправленіе сродно народу нашему: незнакомые еще съ другими интересами и правами, кромѣ имущественныхъ, крестьяне ревниво дорожатъ ими и высоко цѣнятъ свое право голоса на міру. Каждая изъ этихъ отдѣльныхъ единицъ, каждый міръ имѣетъ что-то особенное въ своей замкнутой средѣ и дорожитъ своей самостоятельностью. Всѣ элементы, его составляющіе, сроднились между собой: каждый міръ имѣетъ свои особенныя отличія, свои преданія“...

„Уваженіе къ обычаямъ народа,—писали они тамъ же,—казалось намъ особенно важнымъ въ настоящее время, когда измѣняются глубоко вкоренившіяся отношенія двухъ сословій. Крестьяне, какъ всѣ люди, близкіе къ природѣ, глубоко привязаны къ старымъ понятіямъ своимъ. Освобожденные отъ подчиненія помѣщичьей власти, еще не успѣвъ свыкнуться съ новымъ своимъ положеніемъ, они были бы страшно поражены насильственнымъ соединеніемъ своихъ сельскихъ обществъ въ чуждыя ихъ понятіямъ волости“.

„Учрежденіе волостныхъ попечителей изъ дворянъ,—продолжали

[1]) *„Обзоръ основаній“* выкупного проекта калужскаго большинства, стр. 11 и 12.

члены того же меньшинства,—представлялось намъ мѣрою совершенно непримѣнимою и вредною. Не говоря о томъ, что кругъ дѣйствій ихъ будетъ безпрерывно совпадать съ кругомъ дѣйствій другихъ уѣздныхъ властей—судебной и полицейской; не говоря о трудности, часто даже невозможности найти нужное число дворянъ, желающихъ и способныхъ занять эту должность,—учрежденіе ея казалось намъ противорѣчіемъ коренному принципу совершаемаго преобразованія. При отсутствіи въ народѣ нашемъ здравыхъ понятій о правахъ и обязанностяхъ должностныхъ лицъ, при отсутствіи гласности, при неразвитости общественнаго мнѣнія, сопряженной съ таинственною административной обрядностью,—волостной попечитель будетъ въ глазахъ крестьянъ тѣмъ же бариномъ, изъ подъ власти котораго едва выходятъ они; но бариномъ, мало знакомымъ съ ними, не заинтересованнымъ въ развитіи ихъ благосостоянія, связаннымъ съ ними только должностью своею. Управленіе этого барина, сходное съ управленіемъ нынѣшнихъ окружныхъ начальниковъ государственныхъ крестьянъ, будетъ тяжкимъ гнетомъ для народа и можетъ только привести къ гибельному противопоставленію сословій".

Поэтому члены меньшинства калужскаго комитета предполагали предоставить крестьянъ мірскому самоуправленію, указывая, что тѣ изъ нихъ, которые привыкли къ опекѣ помѣщиковъ и нуждаются въ ней, будутъ сами обращаться съ просьбами о совѣтѣ или покровительствѣ къ тѣмъ изъ сосѣдей-дворянъ, отъ которыхъ будутъ ожидать помощи. „Такія естественныя и дружескія отношенія сословій должны,—по замѣчанію составителей этого проекта,—возвысить нравственное вліяніе дворянства, и послужатъ къ упроченію общественнаго благоустройства [1]).

Но дворянству, взамѣнъ отходившей отъ него крѣпостной власти, авторы этого проекта предполагали предоставить преимущественное право участія въ мѣстной администраціи. „Уѣздные хозяйственные комитеты и губернскія присутствія, завѣдывающіе хозяйствомъ губерніи, открываютъ,—писали они,—дворянству обширный кругъ дѣйствій для охраненія мѣстныхъ интересовъ и предстательства за нихъ предъ правительствомъ. Это важное право ходатайства въ пользу мѣстныхъ интересовъ придастъ дворянству въ глазахъ всѣхъ жителей такое значеніе, какимъ оно никогда не пользовалось" [2]).

Какъ большинство, такъ и меньшинство калужскаго комитета связали вопросъ о вотчинной власти съ вопросомъ объ организаціи

[1]) *„Обзоръ основаній"* проекта калужскаго меньшинства, стр. 51–57.
[2]) Тамъ же, стр. 55

мѣстнаго уѣзднаго и губернскаго управленія. Въ проектахъ того и другого содержатся предположенія объ учрежденіи уѣздныхъ хозяйственныхъ комитетовъ и губернскихъ комитетовъ о земскихъ повинностяхъ, для завѣдыванія земскими повинностями и вообще хозяйственными дѣлами губерніи. Это зародышъ будущихъ земскихъ учрежденій. Уѣздные хозяйственные комитеты соотвѣтствовали бы по своимъ функціямъ нынѣшнимъ уѣзднымъ земскимъ управамъ; губернскіе комитеты должны были имѣть общія и постоянныя присутствія, причемъ первыя соотвѣтствовали бы нынѣшнимъ губернскимъ собраніямъ, а вторыя губернскимъ управамъ. Всѣ эти учрежденія должны были состоять изъ выборныхъ дворянскаго, крестьянскаго и городского сословій. Сохранялось сословное представительство, но всѣ три сословія должны были быть представлены равномѣрно, причемъ дворянству давалось лишь то преимущество, что во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ предсѣдатели должны были выбираться изъ числа мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ. Проектируя эти учрежденія, калужскій губернскій комитетъ вышелъ совершенно изъ предѣловъ, данной въ руководство комитетовъ, программы. Правительство не только не включило вопросъ о преобразованіи уѣзднаго и губернскаго управленія въ программу занятій губернскихъ комитетовъ, но даже прямо разъяснило (циркуляромъ 20 марта 1858 года за № 42), что „комитеты изъ дворянъ помѣщиковъ *могутъ не входить* въ сужденія о сихъ важныхъ, но *касающихся не мѣстнаго, а общаго въ имперіи устройства, предметахъ*“, такъ какъ правительство по этимъ вопросамъ учредило особую коммиссію изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ [1]).

Но такъ какъ въ этомъ циркулярѣ не было категорическаго запрещенія комитетамъ обсуждать этотъ вопросъ, а выражено было лишь желаніе правительства рѣшить его силами одной бюрократіи, то нѣкоторые комитеты коснулись его въ своихъ проектахъ и обзорахъ ихъ основаній, видя въ участіи дворянства въ уѣздномъ и губернскомъ управленіи наиболѣе удобное и цѣлесообразное средство вознаградить его такимъ образомъ за потерю вотчинныхъ правъ, которая не могла не отозваться на положеніи дворянства въ государствѣ. Такъ разсуждали преимущественно тѣ комитеты, которые ясно понимали невозможность примиренія идеи самоуправленія крестьянскихъ обществъ, состоящихъ изъ свободныхъ гражданъ, съ идеею опеки и зависимости ихъ отъ помѣщиковъ, необходимо связанной

[1]) Сборникъ постановленій, вып. I, стр. 67.

съ удержаніемъ вотчинной власти. Это были, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ, тѣ комитеты, которые стремились избѣжать срочно-обязаннаго положенія и, не будучи матеріально заинтересованы въ сохраненіи барщины, желали полной и единовременной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи выкупа.

Изъ этихъ предположеній, безспорно, наиболѣе замѣчательны предположенія тверского губернскаго комитета. Мы не будемъ, однако же, ихъ здѣсь излагать, такъ какъ общество русское достаточно съ ними знакомо по распространенной среди читающей публики книгѣ Г. А. Джаншіева, который съ достаточной подробностью изложилъ эту часть трудовъ тверского губернскаго комитета [1]).

Вышеприведенныя постановленія калужскаго комитета были въ значительной мѣрѣ подражаніемъ тверскому. Впослѣдствіи въ редакціонныхъ коммиссіяхъ эти мысли отстаивались депутатами многихъ губернскихъ комитетовъ. Въ борьбѣ этихъ послѣднихъ съ бюрократическимъ началомъ созрѣло и получило ясную и твердую формулировку то общественное ученіе, которое и до нынѣ составляетъ основу нашего земскаго либерализма. Но изложеніе этой борьбы и вообще судьбы трудовъ губернскихъ комитетовъ, связанной съ исторіей дальнѣйшаго хода крестьянской реформы, выходитъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія. Мы имѣемъ въ виду въ ближайшемъ будущемъ посвятить этому предмету особую работу. Теперь же намъ представляется необходимымъ остановиться подробнѣе на содержаніи и значеніи проектовъ *меньшинства* разныхъ губернскихъ комитетовъ, которыхъ до сихъ поръ мы касались лишь вскользь.

Въ обществѣ нашемъ очень распространено мнѣніе, что проекты меньшинства дали правительству необходимую точку опоры и позволили ему съ внѣшнимъ правдоподобіемъ утверждать, что крестьянская реформа совершилась согласно съ великодушными намѣреніями самого дворянства. Изъ обозрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ по самымъ существеннымъ пунктамъ реформы мы дѣйствительно видѣли, что на основаніи ихъ мудрено было бы утверждать, что реформа совершилась согласно намѣреніямъ самого дворянства [2]). Дворянство, въ лицѣ мыслящихъ своихъ представителей, во многихъ

---

[1]) „Эпоха великихъ реформъ“, стр. 173—179 (7-е изд.).

[2]) Составителъ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостн. состоянія въ Россіи“ разсказываетъ, что, когда графъ Адлербергъ взглянулъ на первый § проекта положенія, составленнаго редакціонными коммисіями, и увидѣлъ, что въ немъ было сказано, что крѣпостное право упраздняется по желанію дворянства, то бросилъ книгу и воскликнулъ: „съ перваго слова ложь, остального не стоитъ читать!“ „Матеріалы“, III, стр. 101.

мѣстахъ понимало невозможность дальнѣйшаго сохраненія крѣпостного строя и не стояло за его сохраненіе, но то направленіе, въ какомъ совершилась реформа, отнюдь не соотвѣтствовало видамъ и намѣреніямъ большинства губернскихъ комитетовъ. При всемъ разнообразіи сужденій и взглядовъ, положенныхъ въ основаніе проектовъ различныхъ губернскихъ комитетовъ, мы видѣли, что всѣ они, *не исключая и самыхъ либеральныхъ*, относились къ реформѣ съ точки зрѣнія сословныхъ помѣщичьихъ интересовъ, а нѣкоторые намѣревались даже сдѣлать изъ реформы выгодную для дворянства аферу.

Въ сущности, иначе и не могло быть, потому что люди, исходившіе не изъ дворянскихъ интересовъ, чистые идеалисты, едва ли могли бы имѣть какой либо успѣхъ въ сословныхъ дворянскихъ комитетахъ, при рѣшеніи вопроса, отъ котораго зависѣла судьба и всего сословія, и отдѣльныхъ его представителей. Среди нихъ были, разумѣется, лица, воспитанныя на либеральныхъ принципахъ, выработанныхъ жизнью всего человѣчества, но они имѣли успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, когда имъ удавалось связать свои идеалы съ дворянскими интересами. Чтобы уяснить себѣ это, достаточно вспомнить, какъ и почему послѣдовательный либералъ А. М. Унковскій добился торжества своего проекта въ тверскомъ *губернскомъ комитетѣ*... „Не воображайте, — писалъ впослѣдствіи самъ А. М. Унковскій Джаншіеву, — что я мечталъ *лишь объ устройствѣ однихъ крестьянъ* на лучшихъ и наиболѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ, хотя бы *при сохраненіи того же порядка* (общаго управленія). Такимъ альтруистомъ я не былъ, да и другихъ такихъ не зналъ. Да и не могъ я быть имъ, будучи представителемъ дворянства. Какъ я, такъ и всѣ ближайшіе сотрудники мои, да, наконецъ, и вся примкнувшая къ намъ впослѣдствіи лучшая и наиболѣе разумная часть дворянства, составлявшая большинство въ Тверской губерніи, готова была на значительныя, не только личныя, но и сословныя пожертвованія, *но не иначе, какъ при условіи уничтоженія крѣпостного права не для однихъ крестьянъ, но для всего народа*“ [1]).

Здѣсь Унковскій имѣетъ въ виду общечеловѣческіе и притомъ не матеріальные интересы всего народа и въ томъ числѣ образованнаго класса; выше мы видѣли, какъ важно было для тверскихъ помѣщиковъ совпаденіе гуманныхъ идей Унковскаго съ ихъ мате-

---

[1]) Джаншіевъ: „А. М. Унковскій“, стр. 133.

ріальными интересами, что выражено было съ полной рельефностью въ адресѣ новоторжскихъ дворянъ [1]. Самъ Унковскій и его ближайшіе сотрудники: Головачевъ, Бакунинъ, Европеусъ—были сознательные и послѣдовательные либералы. Всѣ они были воспитаны на гуманныхъ идеяхъ сороковыхъ годовъ [2]. И другіе члены губернскихъ комитетовъ не были чужды этихъ идей и во всякомъ случаѣ не были равнодушны къ суду общественнаго мнѣнія объ ихъ собственной дѣятельности. Это заставляло ихъ дѣлать уступки духу времени и соотвѣтственнымъ образомъ маскировать и мотивировать свои побужденія и взгляды [3]. Но всетаки даже и у наиболѣе прогрессивныхъ членовъ губернскихъ комитетовъ не послѣднимъ стимуломъ ихъ рѣшеній былъ сословный помѣщичій интересъ.

Впрочемъ, кромѣ тверского комитета, либерально настроеннаго большинства не было ни въ одномъ губернскомъ комитетѣ. Правда въ секретной запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ, представленной Государю передъ пріѣздомъ въ Петербургъ депутатовъ 1-го приглашенія, въ числѣ искреннихъ сторонниковъ крестьянской реформы были перечислены харьковскій и кіевскій комитеты; но аттестація, данная въ этой запискѣ различнымъ проектамъ, показываетъ лишь недостаточное изученіе трудовъ губернскихъ комитетовъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Министерство оцѣнивало труды губернскихъ комитетовъ съ своей предвзятой точки зрѣнія, причемъ главную роль въ этой оцѣнкѣ играло согласіе или несогласіе того или иного проекта съ видами самого министерства. Сверхъ того, на редактора этого доклада Н. А. Милютина не остались безъ вліянія отголоски происходившихъ въ средѣ губернскихъ комитетовъ между членами различнаго направленія стычекъ и схватокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя приняли размѣры крупныхъ общественныхъ скандаловъ. Такъ, большинства самарскаго и рязанскаго комитетовъ были причислены въ этой запискѣ къ сонму наиболѣе ярыхъ противниковъ реформы, главнымъ образомъ, потому, что въ этихъ комитетахъ происходили жаркія схватки съ членами отъ правительства Ю. Ф.

[1]) См. выше, гл. III.

[2]) Унковскій былъ близокъ въ юности къ кружку Петрашевскаго, и одинъ изъ его сотрудниковъ, Европеусъ, былъ членомъ этого кружка.

[3]) Современный публицистъ, констатируя, что принципы свободы всюду одержали верхъ надъ „отжившей рутиной“, утверждаетъ, что „люди, прежде никогда ничего не читавшіе, начали въ это время учиться, начали слѣдить за литературой, знакомиться съ „фантазіями молодости“ и сознавать, что безъ этихъ фантазій, трудно жить въ нынѣшнемъ свѣтѣ“. (Передовая новогодняя статья въ № 1 „Сѣверной Пчелы“ за 1860 г.—приведено въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣп. состоянія“ т. II, стр. 336).

Самаринымъ и А. И. Кошелевымъ, которые проводили взгляды, казавшіеся министерству наиболѣе правильными.

Между тѣмъ большинство самарскаго губернскаго комитета, именно въ результатѣ всѣхъ преній и схватокъ, въ концѣ концовъ, приняло почти всѣ предложенія Ю. Ф. Самарина наравнѣ съ меньшинствомъ, и это послѣднее отдѣлилось отъ него лишь по вопросу о нормахъ надѣла въ нѣкоторыхъ изъ уѣздовъ Самарской губерніи, при чемъ вообще нормы, проектированныя большинствомъ этого комитета, въ сравненіи съ нормами другихъ комитетовъ, нельзя не признать довольно щедрыми. Конечно, проектъ самарскаго большинства нельзя признать либеральнымъ во всѣхъ его частяхъ, потому что по этому проекту, не признававшему необходимости сохраненія вотчинной власти, въ то же время въ барщинныхъ имѣніяхъ помѣщикамъ предоставлялись огромныя права надъ личностью бывшихъ ихъ крѣпостныхъ; но по этой же причинѣ нельзя было бы признать либеральнымъ и проектъ самарскаго меньшинства, который министерство готово было особенно превозносить. Точно также и большинство рязанскаго комитета вовсе не проявило себя въ проектѣ своемъ такимъ отъявленнымъ противникомъ реформы, какимъ выставляетъ его секретный докладъ министерства. По своему отношенію къ вопросу о вотчинной власти и объ организаціи будущаго уѣзднаго управленія и суда, проектъ этотъ можетъ быть скорѣе причисленъ къ числу болѣе либеральныхъ проектовъ,—гораздо либеральнѣе проекта нижегородскаго меньшинства и даже симбирскаго меньшинства 5 членовъ. Постановленія большинства рязанскаго комитета въ этой части вполнѣ солидарны съ постановленіями 1-го меньшинства того же комитета (т. е. съ проектомъ кн. Волконскаго и Сафонова) и не особенно существенно разнятся съ проектомъ второго рязанскаго меньшинства, составленнымъ А. И. Кошелевымъ и Д. Ф. Самаринымъ. Самъ Кошелевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что впослѣдствіи, встрѣтившись въ редакціонныхъ коммиссіяхъ съ депутатами большинства и 1-го меньшинства рязанскаго комитета Ѳ. С. Офросимовымъ и кн. С. Н. Волконскимъ, онъ безъ особыхъ затрудненій успѣлъ придти съ ними къ соглашенію по самымъ кореннымъ вопросамъ реформы и, между прочимъ, по вопросу о размѣрахъ надѣла [1]). Очевидно, что этого не могло бы

[1]) „*Записки А. И. Кошелева*“, стр. 117. „На первомъ совѣщаніи депутатовъ у гр. Шувалова...—разсказываетъ Кошелевъ,—встрѣтившись съ рязанскими кн. Волконскимъ и Ѳ. С. Офросимовымъ, я протянулъ имъ руку, и они были этимъ очень довольны и тотчасъ послѣ засѣданія пріѣхали ко мнѣ. „Здѣсь,—сказали они мнѣ,—мы не должны расходиться

случиться, если бы Офросимовъ (предводитель большинства въ комитетѣ) былъ завзятымъ врагомъ реформы. Въ глазахъ же Милютина и Соловьева большинство рязанскаго комитета получило репутацію крѣпостниковъ вслѣдствіе громкой исторіи его съ Кошелевымъ, о которой мы въ своемъ мѣстѣ упоминали [1]).

Харьковскій комитетъ признанъ былъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ однимъ изъ наиболѣе либеральныхъ за свой выкупной проектъ. Но при этомъ министерство не обратило вниманія на размѣръ проектированнаго имъ надѣла, безусловно недостаточнаго для удовлетворенія нуждъ харьковскихъ крестьянъ. Еще менѣе основанія было признавать либеральнымъ проектъ кіевской коммиссіи, такъ какъ здѣсь и надѣлъ положенъ былъ недостаточный, и въ отношеніи вотчинной власти приняты были постановленія отнюдь не либеральныя, а совершенно въ духѣ Позеновской программы. Что касается либерализма меньшинства многихъ губернскихъ комитетовъ, то и тутъ установившееся мнѣніе едва ли можетъ быть принято безъ весьма значительныхъ поправокъ. Прежде всего необходимо замѣтить, что проекты меньшинства чрезвычайно разнообразны, и хотя почти каждое меньшинство въ своемъ комитетѣ составляло своего рода перламентскую лѣвую, однако эти лѣвыя между собой по направленію были далеко неоднородны. Нѣкоторыя изъ нихъ, по сравненію не только съ меньшинствами, но даже съ большинствами другихъ комитетовъ, оказываются отнюдь не либеральными. При этомъ, сравнивая проекты различныхъ губерній, необходимо не упускать изъ виду мѣстныхъ условій и обстоятельствъ: многое, что казалось верхомъ либерализма въ однихъ комитетахъ, принималось въ другихъ безъ разговоровъ, какъ вещь общепризнанная, да и признаки справедливаго и добросовѣстнаго отношенія къ интересамъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ были различныя. Въ губерніяхъ черноземныхъ партія крѣпостниковъ или, какъ ихъ называли въ то время, плантаторовъ мечтала о безземельномъ освобожденіи крестьянъ и всячески старалась урѣзать надѣлы даже на время срочно-обязаннаго

въ нашихъ мнѣніяхъ". „Это вполнѣ зависитъ отъ васъ — отвѣтилъ я имъ, — вамъ извѣстны мои убѣжденія, и я отъ нихъ, конечно, не отступлю ни на шагъ. Положимте въ основу мой проектъ, и намъ не трудно будетъ высказывать мнѣнія, которыя не будутъ противорѣчить одно другому".—„На это мы вполнѣ согласны"—сказали оба мои прежніе оппоненты; и дѣйствительно, во все время нашего пребыванія въ Петербургѣ, значительныхъ разногласій между нами не было; съ этого времени мы даже такъ сблизились, что впослѣдствіи въ земскихъ собраніяхъ, почти постоянно дѣйствовали сообща".

[1]) См. выше, гл. IV.

періода. Притомъ, въ большей части этихъ губерній, а въ нѣкоторыхъ и нечерноземныхъ, гдѣ распространена была барщина, помѣщики стремились къ удержанію сильной вотчинной власти надъ крестьянами. Въ губерніяхъ нечерноземныхъ-промышленныхъ главнымъ вопросомъ, разжигавшимъ помѣщичьи аппетиты, являлись,— полученіе выкупа за отмѣну личнаго крѣпостного права, высокая оцѣнка усадебъ и повышеніе повинностей за отводимый надѣлъ.

Разсматривая проекты членовъ меньшинства различныхъ комитетовъ съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ этимъ кореннымъ вопросамъ реформы, мы можемъ признать, изъ числа 21 проекта, представленныхъ этими меньшинствами, лишь 3 или 4 дѣйствительно либеральными и 6 или 7 составленными съ желаніемъ болѣе или менѣе соблюсти интересы крестьянъ. Въ остальныхъ же 11 проектахъ сословные помѣщичьи интересы проглядываютъ почти столь же ясно, какъ и въ проектахъ большинства.

Наиболѣе либеральными меньшинствами можно признать калужское, владимірское 1-ое (6 членовъ) и рязанское 2-ое (двухъ членовъ отъ правительства). Въ составъ калужскаго меньшинства входили: возвращенные въ 1856 г. изъ Сибири декабристъ Петръ Николаевичъ *Свистуновъ* и петрашевецъ Николай Сергѣевичъ *Кашкинъ*; правовѣдъ одного изъ выпусковъ конца сороковыхъ годовъ, князь Андрей Васильевичъ *Оболенскій* и еще два помѣщика съ университетскимъ образованіемъ: *А. А. Муромцевъ* и *А. П. Племянниковъ*. Кромѣ П. Н. Свистунова, въ Калугѣ жили въ это время и находились въ близкомъ общеніи съ прогрессивными членами комитета еще два декабриста: Евг. Петров. *Оболенскій*, съ которымъ велъ въ это время переписку Я. И. Ростовцевъ, и Г. С. *Батенковъ*, извѣстный сотрудникъ Сперанскаго [1]). Въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ членами меньшинства находился и тогдашній калужскій губернаторъ В. А. *Арцимовичъ*, участіе котораго въ реформахъ освободительной эпохи достаточно извѣстно русской читающей публикѣ [2]). Безъ сомнѣнія, сношенія со всѣми этими лицами не могли не отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на работахъ просвѣ-

[1]) Присутствіе нѣкоторыхъ декабристовъ и петрашевцевъ въ Твери тверскіе крѣпостники пытались выставить, какъ опасный симптомъ, бросающій тѣнь на работы тверского комитета. Джаншіевъ: „А. М. Унковскій“, стр. 89.

[2]) Въ нынѣшнемъ году въ память В. А. Арцимовича издается его семьей особый сборникъ воспоминаній и статей о его дѣятельности, въ томъ числѣ и объ участіи его въ подготовленіи и введеніи крестьянской реформы въ Калужской губерніи.

щеннаго и благомыслящаго меньшинства калужскаго комитета. По содержанію своему проектъ калужскаго меньшинства тѣсто примыкаетъ, какъ мы видѣли, къ проекту тверского большинства.

Во владимірскомъ комитетѣ образовалось два меньшинства: первое изъ 6, второе изъ 5 членовъ. Въ первомъ предводительствовалъ Д. П. *Гавриловъ*, впослѣдствіи одинъ изъ немногихъ депутатовъ, отнесшихся одобрительно къ проектамъ редакціонныхъ коммиссій и осуждавшій лишь постановленія ихъ относительно сохраненія тѣлеснаго наказанія, уничтоженія котораго Гавриловъ требовалъ, опираясь на постановленія всего владимірскаго комитета. Во второмъ меньшинствѣ предводительствовалъ *И. С. Безобразовъ*, также бывшій впослѣдствіи депутатомъ въ Петербургѣ, но изъ числа нападавшихъ на постановленія редакціонныхъ коммиссій и осуждавшихъ ихъ за бюрократическое отношеніе ко многимъ вопросамъ реформы. Въ постановленіяхъ перваго меньшинства видно больше вниманія къ нуждамъ и интересамъ крестьянъ; въ постановленіяхъ второго — больше стремленія къ коренному преобразованію всего государственнаго строя и къ раціональному устройству управленія и суда для всѣхъ сословій.

Составителемъ проекта 2-го рязанскаго меньшинства былъ извѣстный публицистъ и общественный дѣятель, *А. И. Кошелевъ*, взгляды котораго на реформу, выработанные имъ совершенно самостоятельно, подробно изложены выше. А. И. Кошелевъ былъ одинъ изъ видныхъ писателей славянофильской группы, но отъ Самарина и кн. Черкасскаго онъ отличался тѣмъ, что у него было больше точекъ соприкосновенія со взглядами Унковскаго, съ которымъ онъ съ самаго начала сходился въ способахъ рѣшенія крестьянскаго вопроса гораздо больше, нежели Самаринъ и въ особенности Черкасскій. Съ представителями большинства и 1-го меньшинства своего рязанскаго комитета Кошелевъ разошелся главнымъ образомъ по вопросу о нормахъ надѣла; въ отношеніи же къ вотчинной власти и къ устройству уѣзднаго управленія и суда между ними не было принципіальнаго разногласія.

Въ секретной запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ, о которой мы уже упоминали, однимъ изъ наиболѣе либеральныхъ проектовъ признанъ былъ также проектъ тульскаго меньшинства, предводимаго кн. *Черкасскимъ*. Либерализмъ этого проекта выдѣлялся особенно ярко, при сравненіи его съ крѣпостническимъ проектомъ большинства того же комитета. Но, самъ по себѣ, проектъ тульскаго меньшинства не былъ вполнѣ безукоризненъ съ точки зрѣнія интере-

совъ тульскихъ крестьянъ. Отъ проекта большинства онъ выгодно отличался совѣстливой оцѣнкой усадебъ и упраздненіемъ (впрочемъ не совсѣмъ полнымъ) вотчинной власти, а также опредѣленіемъ весьма умѣренной нормы повинностей. Но въ отношеніи размѣра надѣловъ онъ, хотя и былъ болѣе благопріятенъ для крестьянъ, нежели проектъ большинства, но все же не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ для многоземельныхъ имѣній, въ которыхъ предположено было отводить крестьянамъ лишь по двѣ десятины на душу и дозволялось лишь по желанію помѣщиковъ увеличивать этотъ надѣлъ до $2^1/_2$ десятинъ. Между тѣмъ въ Тульской губерніи, при крѣпостномъ правѣ, *средній* размѣръ надѣла былъ 2, 6 десятинъ на душу, а въ имѣніяхъ многоземельныхъ онъ далеко превосходилъ эту норму. Вообще вопросъ о надѣлѣ былъ особенно важнымъ вопросомъ въ Тульской губерніи. Изъ-за него въ средѣ самого меньшинства комитета произошелъ расколъ, причемъ изъ первоначальнаго меньшинства вышелъ сперва одинъ членъ, а затѣмъ еще 3 члена, такъ чтъ изъ 10 членовъ въ немъ осталось лишь 6, и князь Черкасскій, чтобы не остаться въ концѣ концовъ самъ-другъ съ П. Ф. Самаринымъ, сдѣлалъ въ первоначальномъ своемъ проектѣ уступку въ отношеніи нормы надѣла. Самъ онъ первоначально проектировалъ норму въ $2^1/_2$ десят. на душу—тоже для многихъ имѣній не вполнѣ достаточную [1]). Не особенно либеральны были также постановленія этого меньшинства, касавшіяся увольненія дворовыхъ, которые въ теченіе срочно обязаннаго періода могли быть увольняемы лишь за весьма значительную плату—до 150 руб. съ человѣка (плата регулировалась соотвѣтственно возрасту двороваго, его спеціальнымъ познаніямъ и числу оставшихся до конца срочно-обязаннаго періода обязательныхъ лѣтъ службы). Тульское меньшинство пріобрѣло въ глазахъ министерства внутреннихъ дѣлъ нѣсколько преувеличенную репутацію либеральныхъ защитниковъ реформы вслѣдствіе той громкой борьбы, которую оно вело съ крѣпостническимъ большинствомъ тульскаго комитета. Та же причина увеличивала въ глазахъ министерства заслугу въ дѣлѣ освобожденія меньшинства самарскаго и 2-го меньшинства рязанскаго комитетовъ.

Къ числу искреннихъ сторонниковъ радикальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса въ либеральномъ духѣ принадлежали въ разныхъ комитетахъ еще отдѣльные члены, не представившіе особыхъ про-

[1]) „Матеріалы для біографіи кн. В. А Черкасскаго“, I, стр. 307 (письмо Черкасскаго къ Самарину отъ 20 февр. 1859 г.).

ектовъ, но выразившіе письменно свои отдѣльныя мнѣнія по многимъ важнѣйшимъ вопросамъ реформы. Таковы были взгляды, подробно изложенные членомъ саратовскаго комитета *А. П. Равинскимъ* въ двухъ обстоятельныхъ запискахъ по вопросу о надѣленіи крестьянъ землей и о составѣ крестьянскихъ усадебъ, причемъ онъ твердо стоялъ на почвѣ дѣйствительнаго улучшенія быта крестьянъ и сохраненія существующаго ихъ землепользованія. Таковы же были взгляды члена *новгородскаго* губернскаго комитета *В. А. Владимірскаго*, искренняго поклонника и послѣдователя идей Унковскаго и постановленій тверского большинства [1]).

Изъ остальныхъ меньшинствъ, искренно расположенныхъ въ пользу реформы, одни считали, что цѣлью реформы должно быть, главнымъ образомъ, улучшеніе матеріальнаго быта крестьянъ, и поэтому стремились обезпечить ихъ *матеріальное благосостояніе*, ставя на второй планъ ихъ *правовое положеніе.* Эти меньшинства приняли постановленіе о сохраненіи крестьянамъ существующаго надѣла или объ отводѣ имъ надѣла въ размѣрѣ, достаточномъ для ихъ нуждъ и болѣе или менѣе близкомъ къ существовавшему ранѣе, а равно объ обложеніи этого надѣла возможно умѣренными повинностями. Окончательнымъ исходомъ реформы, по проекту этихъ меньшинствъ, являлся выкупъ отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ въ ихъ собственность. Таковы были проекты меньшинства *самарскаго* комитета и 5 членовъ *симбирскаго*; сюда же можно отнести проектъ и второго *симбирскаго* меньшинства. Другіе, наоборотъ, центральнымъ пунктомъ реформы считали освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и устраненіе всякихъ слѣдовъ помѣщичьей власти, земельному же обезпеченію крестьянъ придавали гораздо меньше значенія. Такого рода проекты были составлены *новгородскимъ* меньшинствомъ, раненбургскими членами

---

[1]) Въ письмѣ отъ 10 февраля 1859 года В. А. Владимірскій писалъ Унковскому: „Позвольте мнѣ, незамѣтному участнику въ обновленіи жизни крестьянъ, душевно поздравить Васъ съ достойнѣйшимъ окончаніемъ вашего *Положенія;* управляемый вами комитетъ выработалъ его превосходно, даже и для напрасно сѣтующихъ дворянъ, которые забыли мудрую пословицу: „стерпится — слюбится". Вы, какъ искусный операторъ, сразу отрѣзали *крѣпостной ракъ*, разъѣдавшій тѣло Россіи, не мучая ее многими пріемами. Почетъ вамъ отъ друзей человѣчества и просвѣщенія. Я жадно читалъ ваши журналы. Сколько ума вамъ послала судьба въ одномъ вашемъ комитетѣ. Счастливцы вы (экономистка она!)! позвольте же себялюбиво позаимствоваться имъ и покорнѣйше просить васъ о приказаніи выслать мнѣ экземпляры вашего положенія и вашей отвѣтной записки въ защиту вашихъ убѣжденій", н. с., стр. 118.

рязанскаго комитета (кн. Волконскимъ и Сафоновымъ) и *черниговскимъ* меньшинствомъ.

Проекты меньшинствъ *витебскаго, курскаго*, *московскаго*, *орловскаго*, *тамбовскаго и вологодскаго* комитетовъ мало чѣмъ отличались отъ проектовъ большинствъ тѣхъ же комитетовъ и, во всякомъ случаѣ, основывались не столько на желаніи добросовѣстно удовлетворить нужды крестьянъ, сколько на стремленіи такъ или иначе спасти и отстоять интересы помѣщиковъ.

Особаго разсмотрѣнія заслуживаетъ проектъ меньшинства *нижегородскаго* комитета, членамъ котораго было, какъ мы видѣли, объявлено особое Высочайшее благоволеніе за то, что они въ мнѣніяхъ своихъ „*руководствовались началами человѣколюбія и государственной пользы*". Это Высочайшее одобреніе относилось, однако же, не къ окончательнымъ результатамъ трудовъ нижегородскаго меньшинства, а лишь къ тому направленію, которое поддерживало это меньшинство въ борьбѣ съ оппозиціоннымъ по отношенію къ правительственной программѣ большинствомъ нижегородскаго комитета; въ секретной запискѣ о комитетскихъ проектахъ Ланской уже не упоминаетъ о нижегородскомъ меньшинствѣ. Это умолчаніе объясняется тѣмъ, что меньшинство это въ представленномъ имъ проектѣ далеко не оправдало возлагавшихся на него надеждъ: проектъ его оказался по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ реформы еще менѣе либеральнымъ, нежели проектъ крѣпостническаго нижегородскаго большинства. Либеральныя фразы, которыми былъ прикрашенъ обзоръ принятыхъ меньшинствомъ основаній, вовсе не согласовались съ принятыми имъ постановленіями, которыя были насквозь проникнуты сознаніемъ матеріальныхъ помѣщичьихъ выгодъ и интересовъ. Такъ, по вопросу о вотчинной власти нижегородское меньшинство объясняло въ „обзорѣ", что, по мнѣнію его, „при новомъ положеніи крестьянъ на помѣщиковъ не можетъ и не должна быть возлагаема исполнительная и административная власть въ сельскихъ обществахъ, потому что съ одной стороны, *помѣщикъ лицо независимое*, *живущее, гдѣ захочетъ, занимающееся*, *чѣмъ ему угодно*, а съ другой—крестьяне и помѣщики будутъ составлять двѣ коммерчески - условливающіяся между собой стороны, и было бы несправедливо отдать одну изъ нихъ подъ прямое полицейское управленіе другой". Казалось бы, прямой выводъ отсюда тотъ, что помѣщику не должно быть предоставляемо никакой власти надъ крестьянскими обществами. „Поэтому—писали члены нижегородскаго меньшинства,—кре-

стьяне, *по ихъ внутреннему хозяйственному управленію*, должны управляться сами собой, міромъ. Помѣщикамъ же не слѣдуетъ назначать никакой *обязательной* дѣятельности, тѣмъ болѣе, что помѣщикъ можетъ быть больнымъ, неспособнымъ, находиться въ отсутствіи, *такъ какъ теперь едва пятая, а иногда десятая часть помѣщиковъ живетъ въ селеніяхъ*. Ему должно быть предоставлено право быть во всемъ почетнымъ добровольнымъ помощникомъ уѣзднаго присутствія; право наблюденія, чтобы земская полиція въ употребленіи своей власти и крестьяне въ управленіи своемъ и обязанностяхъ дѣйствовали добросовѣстно и правильно [1]). Въ результатѣ такихъ, на первый взглядъ гуманныхъ и благонамѣренныхъ соображеній, меньшинство нижегородскаго комитета постановило, что „если помѣщикъ *пожелаетъ* быть *начальникомъ общества*, поселеннаго на его землѣ, то заявляетъ о тому уѣздному присутствію и *вступаетъ* въ предоставленныя сему званію права. Помѣщикъ можетъ *передать* права начальника общества лицу, имѣющему одинаковыя съ нимъ сословныя права [2]). Такимъ образомъ, помѣщикъ освобождался отъ всякихъ *обязанностей*, но ему предоставлялись значительныя вотчинныя *права*. Оказывается, слѣдовательно, что соображенія о несправедливости подчиненія крестьянъ полицейской власти помѣщиковъ помѣщены въ „обзорѣ основаній“ лишь какъ полезное украшеніе, а существеннымъ мотивомъ было нежеланіе стѣснять помѣщиковъ непріятными обязанностями. Это тотъ же мотивъ, которымъ руководился и наиболѣе крѣпостническій изъ комитетовъ нечерноземныхъ губерній—костромской.

По всѣмъ вѣроятіямъ, еще неожиданнѣе было для читателя узнать, что нижегородское меньшинство, которое съ такимъ благородствомъ ратовало противъ выкупа личнаго крѣпостного права и противъ повышенной оцѣнки усадебъ, постановило гораздо больше урѣзать крестьянскіе надѣлы, нежели само крѣпостническое большинство. Замѣчательно, что въ *промысловыхъ имѣніяхъ*, гдѣ надѣлъ не имѣлъ большого значенія ни для крестьянъ, ни для помѣщика, оно постановило, согласно съ постановленіемъ большинства, оставить крестьянамъ существующій надѣлъ; въ имѣніяхъ же *земледѣльческихъ*, гдѣ весь бытъ крестьянъ и все ихъ благосостояніе зависитъ прежде всего отъ размѣра ихъ землепользованія, нижегородское меньшинство проектировало въ *многоземель-*

[1]) „Матеріалы редакціонныхъ коммисій“, изд. 2-е, т. II, ч. II, стр. 297.
[2]) „Матеріалы редакц. коммисій“, 1-ое изд., т. I, гл. IX, стр. 1.

*

ныхъ и *среднеземельныхъ* имѣніяхъ отвести лишь по $1^1/_4$ десятины на душу, тогда какъ по проекту большинства размѣръ надѣла въ этихъ имѣніяхъ былъ опредѣленъ отъ 2 до 3 десятинъ на душу [1]). На первый взглядъ это кажется необъяснимою непослѣдовательностью со стороны либеральнаго меньшинства. Я же думаю, что здѣсь не было непослѣдовательности, и что, наоборотъ, въ постановленіяхъ этого меньшинства отразились съ замѣчательной точностью именно тѣ дворянскіе интересы, которыми оно руководствовалось отчасти сознательно, отчасти, быть можетъ, и безсознательно.

Разница въ проектахъ меньшинства и большинства Нижегородскаго комитета обусловливалась, какъ мнѣ кажется, вовсе не тѣмъ, что одни руководствовались эгоистическими матеріальными соображеніями, а другіе альтруистическими идейными, а тѣмъ, что мѣстныя условія, а слѣдовательно, и интересы у тѣхъ и другихъ были неодинаковы. Дѣло въ томъ, что въ составѣ большинства входили, главнымъ образомъ, депутаты *промышленныхъ оброчныхъ* уѣздовъ, а въ составъ меньшинства депутаты земледѣльческихъ хлѣбородныхъ уѣздовъ [2]). Въ первыхъ для помѣщиковъ главный интересъ заключался въ томъ, чтобы получить выкупъ за отмѣну личнаго крѣпостного права или, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько вознаградить себя высокой оцѣнкой усадебъ; размѣръ же земельнаго надѣла въ этихъ мѣстностяхъ не имѣлъ въ глазахъ помѣщиковъ большого значенія. Наоборотъ, въ хлѣбородныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи весь вопросъ сводился къ тому, чтобы, прикрѣпивъ крестьянъ къ землѣ сравнительно льготной уступкой имъ усадебъ, отвести имъ надѣлъ настолько недостаточный, чтобы обезпечить себѣ постоянныхъ съемщиковъ помѣщичьихъ земель или дешевыхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ для воздѣлыванія господскихъ полей.

На примѣрѣ Нижегородскаго комитета можно съ особенною

---

[1]) Тамъ же, гл. V, стр. 1.

[2]) Члены меньшинства были: 2 депутата ардатовскаго уѣзда, два—княгининскаго, два—васильскаго, одинъ—лукояновскаго, одинъ—арзамасскаго, одинъ—макарьевскаго, два члена отъ правительства и губернскій предводитель, который сильно колебался. Ср. ***Скребицкій***, I, стр. 895. Изъ этихъ членовъ меньшинства болѣе искренними либералами были, повидимому, ***А. И. Карамзинъ*** (сынъ исторіографа), его письма къ ***Н. А. Милютину*** въ „Русск. Старинѣ" за 1899 г. № 2, стр. 270. ***А. Н. Эшманъ*** (сравн. его письмо къ ***Самарину*** въ „Матеріалахъ для біографіи кн. Черкасскаго) и члены отъ правительства: ***А. Х. Штевенъ*** и ***Г. Н. Нестеровъ***. Когда Штевенъ выбылъ, его замѣнилъ декабристъ ***П. А. Анненковъ***.

ясностью видѣть, какое значеніе имѣли матеріальные интересы помѣщиковъ при образованіи партій въ губернскихъ комитетахъ.

Мы прослѣдили дѣятельность губернскихъ комитетовъ въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи и разсмотрѣли ихъ постановленія по важнѣйшимъ вопросамъ крестьянской реформы. Мы имѣли при этомъ въ виду не только изложить ходъ дѣлъ въ самихъ губернскихъ комитетахъ, но и выяснить внутреннюю связь рѣшеній, принятыхъ въ различныхъ комитетахъ и образовавшихся въ нихъ направленій, съ предшествовавшимъ движеніемъ въ дворянской средѣ и въ правительственныхъ сферахъ и съ мѣстными условіями, вліявшими на образованіе и развитіе тѣхъ или другихъ интересовъ и связанныхъ съ ними идей и убѣжденій.

Ходъ крестьянской реформы съ окончаніемъ работъ губернскихъ комитетовъ далеко еще не завершился. Труды губернскихъ комитетовъ поступили въ Петербургѣ въ открытыя 4 марта 1859 г. при главномъ комитетѣ редакціонныя коммиссіи. Эти коммиссіи были образованы подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцева, отчасти изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, отчасти изъ помѣщиковъ, взятыхъ, главнымъ образомъ, изъ числа членовъ губернскихъ комитетовъ. Неоднократно упоминавшійся нами тверской депутатъ *А. А. Головачовъ* въ письмѣ къ Джаншіеву, напечатанномъ въ его книгѣ, утверждалъ, что въ составѣ редакціонныхъ коммиссій не былъ приглашенъ „ни одинъ изъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ, защищавшихъ мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землей [1]). Это утвержденіе не вѣрно. Многіе члены редакціонныхъ коммиссій изъ числа депутатовъ губернскихъ комитетовъ были несомнѣнными защитниками освобожденія крестьянъ съ землей. Къ числу таковыхъ принадлежали: Самаринъ, Татариновъ, кн. Черкасскій, Галаганъ, Тарновскій, Желѣзновъ и др. Но вѣрно то, что не были приглашены самые рѣшительные сторонники обязательнаго выкупа, какъ Унковскій, Головачовъ и даже Кошелевъ. Ихъ планы казались правительству черезчуръ радикальными, а, главное, авторы ихъ представлялись людьми слишкомъ независимыми и несклонными подчиниться правительственной программѣ. Боязнь дворянской оппозиціи, какъ крѣпостнической, такъ и радикальной, была сильно присуща главнымъ заправиламъ крестьянскаго дѣла,

---

[1]) *I. А. Джаншіевъ,* „Эпоха великихъ реформъ“, стр. 152, примѣчаніе.

Ростовцеву и Милютину, и этимъ объясняется многое въ дальнѣйшемъ ходѣ крестьянскаго дѣла. Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ проекты губернскихъ комитетовъ подверглись существенной передѣлкѣ, при чемъ ими пользовались, главнымъ образомъ, какъ матеріаломъ, очень мало считаясь съ выраженною въ нихъ *волею* дворянства. Поэтому, проектамъ меньшинствъ не только было придано одинаковое значеніе съ проектами большинствъ, но на нихъ редакціонныя коммиссіи обратили преимущественное вниманіе.

Къ трудамъ губернскихъ комитетовъ министерство внутреннихъ дѣлъ и наиболѣе вліятельная часть членовъ редакціонныхъ коммиссій отнеслись съ осужденіемъ, которое отчетливо выразилось въ вышеупомянутой секретной запискѣ Ланского, представленной государю въ 1859 году. Авторъ записки при этомъ упустилъ изъ виду или сознательно игнорировалъ, что само правительство дало комитетамъ ту программу, которую они болѣе или менѣе точно выполнили въ своихъ проектахъ, и что нѣкоторымъ изъ нихъ само же министерство внутреннихъ дѣлъ мѣшало проявить собственную инипіативу, хотя бы эта иниціатива клонилась въ сторону либеральнаго рѣшенія вопроса.

Но постановленія редакціонныхъ коммиссій, въ свою очередь, подверглись суровой, хотя въ практическомъ отношеніи довольно безплодной критикѣ депутатовъ губернскихъ комитетовъ, вызванныхъ въ Петербургъ. Еще лѣтомъ 1858 г., когда открылись засѣданія первыхъ губернскихъ комитетовъ, государь лично посѣтилъ тѣ губерніи, въ которыхъ комитеты уже дѣйствовали [1]). Въ рѣчи тверскому дворянству (и впослѣдствіи костромскому) государь сказалъ, между прочимъ: „когда ваши занятія кончатся, тогда положенія комитета поступятъ, черезъ министровъ, на мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній, въ главномъ комитетѣ...“ Это заявленіе государя произвело тогда на всѣ комитеты огромное впечатлѣніе и дворяне повсемѣстно были увѣрены, что ихъ выборные представители будутъ допущены

[1]) Эта поѣздка и произнесенныя государемъ рѣчи имѣли немаловажное вліяніе на исходъ дѣла, парализуя интриги и сплетни, распускавшіяся высокопоставленными крѣпостниками (М. Н. Муравьевымъ, гр. Закревскимъ, Бутковымъ и др.) и поддерживая повсемѣстно увѣренность въ непоколебимомъ намѣреніи правительства довести на этотъ разъ дѣло до конца. Текстъ этихъ рѣчей напечатанъ у Татищева: „Императоръ Александръ II“, т. I, стр. 335—340.

къ участію въ окончательномъ рѣшеніи вопроса въ главномъ комитетѣ. Когда государь выразилъ это намѣреніе тверскому дворянству, редакціонныя коммиссіи не существовали еще даже въ проектѣ, и потому естественно, что мѣстомъ окончательнаго обсужденія реформы и составленія общаго Положенія и государю, и членамъ губернскихъ комитетовъ представлялся главный комитетъ. Но прежде чѣмъ губернскіе комитеты закончили свои занятія, многое измѣнилось во взглядахъ и въ отношеніи къ нимъ высшаго правительства, которое въ это время успѣло составить себѣ окончательный планъ реформы, не вполнѣ согласный съ рескриптами и съ программой, данной губернскимъ комитетамъ. Въ то же время довѣріе правительства къ трудамъ губернскихъ комитетовъ, вслѣдствіе проявившагося въ нѣкоторыхъ изъ нихъ [1]) духа оппозиціи, значительно поколебалось. Уже тотчасъ по возвращеніи государя изъ путешествія по губерніямъ, текстъ высочайшаго повелѣнія о вызовѣ депутатовъ былъ редактированъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя значительно измѣняли смыслъ сказанныхъ государемъ словъ. Въ циркулярѣ министра отъ 5 сентября 1858 г. за № 164 было выражено, что „государь императоръ, признавая необходимымъ опредѣлить порядокъ разсмотрѣнія положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, которыя будутъ составлены губернскими комитетами, высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить каждому губернскому дворянскому комитету, по составленіи въ немъ проекта, избрать, по своему усмотрѣнію, и прислать въ С.-Петербургъ двухъ членовъ *для представленія высшему правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои онъ признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проекта*“. Такимъ образомъ, мѣра участія депутатовъ губернскихъ комитетовъ въ окончательномъ рѣшеніи вопроса значительно умалялась. Они являлись уже не *депутатами*, съ рѣшающимъ или, по крайней мѣрѣ, хоть совѣщательнымъ голосомъ, а простыми экспертами, которые должны были только отвѣчать на поставленные имъ вопросы. Къ этому впослѣдствіи и свелась ихъ роль въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, а въ главный комитетъ они и вовсе не призывались.

Опасаясь сплоченной оппозиціи депутатовъ дворянства, правительство вызвало ихъ не одновременно, а въ два пріема, и въ Петербургѣ не дозволило имъ даже имѣть между собою правильныя оффи-

---

[1]) Въ Петербургскомъ, Нижегородскомъ, Рязанскомъ и другихъ.

ціальныя совѣщанія, чѣмъ депутаты были крайне обижены и отчего склонность ихъ къ оппозиціи редакціоннымъ коммиссіямъ только усилилась.

Однако, депутаты губернскихъ комитетовъ не безъ борьбы позволили оттѣснить себя отъ непосредственнаго участія въ рѣшеніи крестьянскаго дѣла. Составленныя ими мнѣнія и записки и поданные ими адресы представляютъ любопытный эпизодъ въ ходѣ крестьянской реформы и являются важнымъ историческимъ декументомъ для новѣйшей исторіи русскаго общества. Въ запискахъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ, на ряду съ односторонними мнѣніями и взглядами, продиктованными сословными помѣщичьими интересами, разсыпано много здравыхъ идей и вѣрныхъ понятій, достойныхъ истинно государственныхъ людей. Въ то же время эти записки такъ полно отражаютъ стремленія и взгляды, господствовавшіе въ русскомъ обществѣ эпохи реформъ,—что они безъ сомнѣнія заслуживаютъ самостоятельнаго изслѣдованія и подробнаго изображенія.

Вопросъ объ административномъ устройствѣ крестьянъ во время разработки крестьянской реформы.

Вопросъ объ административномъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ возникъ впервые при освобожденіи ихъ отъ крѣпостного права. До тѣхъ поръ помѣщики управляли ими почти безконтрольно—„всякій молодецъ и не молодецъ на свой образецъ"—какъ выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ Погодинъ [1]).

К. С. Аксаковъ видѣлъ хорошую сторону этого порядка вещей въ томъ, что онъ охранялъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, въ оброчныхъ имѣніяхъ, какъ своего рода стеклянный колпакъ, отъ вмѣшательства въ ихъ бытъ полиціи и бюрократіи и давалъ возможность жить и развиваться самобытно и относительно свободно крестьянскому міру [2]). За то сами помѣщики, въ своихъ имѣніяхъ, особенно въ барщинныхъ, гдѣ они хозяйничали лично или при помощи управляющихъ, могли вводить какіе угодно порядки—и производить на просторѣ всякіе хозяйственные и административные эксперименты. „Я вашъ господинъ—говорилъ одинъ весьма доброжелательный, по свидѣтельству барона Гакстагаузена, помѣщикъ своимъ крестьянамъ—а мой господинъ Царь. Царь можетъ мнѣ приказывать, а я долженъ ему повиноваться, *но онъ не приказываетъ вамъ. Въ моемъ имѣніи я Царь, я земной богъ, и я долженъ отвѣтствовать за васъ передъ Богомъ!..*" [3]).

Государственные крестьяне управлялись съ 1838 г. палатами государственныхъ имуществъ. У нихъ было введено особое административное устройство, выработанное гр. Киселевымъ, который несомнѣнно стремился подойти какъ можно ближе къ устоямъ на-

---

[1]) *Барсуковъ* „Жизнь и труды М. П. Погодина", т. XIII, стр. 166.

[2]) Письмо *К. С. Аксакова* къ *А. С. Хомякову*, перепечатанное въ „Руси" за 1883 г. № 3, стр. 34.

[3]) „Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни Россіи", т. I, стр. 340.

родной жизни, но не могъ однако же освободиться отъ военныхъ и бюрократическихъ пріемовъ и взглядовъ. Въ результатѣ получилась система сельскихъ административныхъ учрежденій въ три этажа, притомъ вполнѣ подчиненныхъ въ сущности почти неограниченному чиновничьему произволу. „Помѣщичье спасенье—писалъ Погодинъ въ 1854 г.—въ плохомъ управленіи государственныхъ имуществъ“... [1]).

Понятно поэтому, что при выработкѣ положенія объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ и губернскіе комитеты, и редакціонныя коммиссіи отнюдь не желали брать за образецъ административное устройство крестьянъ въ казенныхъ селеніяхъ.

Впрочемъ въ 1857 г., когда въ рескриптѣ 20 ноября послѣдовало первое офиціальное оповѣщеніе правительства о намѣреніи упразднить крѣпостное право, предполагался ходъ дѣла настолько постепенный, что вопросъ о будущемъ административномъ устройствѣ крестьянъ представлялся еще довольно отдаленнымъ и очень неяснымъ. Въ главныхъ основаніяхъ, изложенныхъ въ рескриптѣ, было указано, что „крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества“, помѣщикамъ же предоставлялась „вотчинная полиція“ [2]).

При всей неопредѣленности этого указанія нельзя однако же не видѣть его явной логической связи съ первымъ пунктомъ „главныхъ основаній“, по которому вся земля признавалась собственностью помѣщиковъ, а крестьянамъ предоставлялось лишь въ *„пользованіе“* „надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, *за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику*“ [3]).

Приступая къ упраздненію крѣпостного права, правительство предполагало, что реформа будетъ совершаться *постепенно*, причемъ крестьяне, объявленные лично свободными, останутся на неопредѣленное время въ *обязательныхъ* отношеніяхъ къ помѣщикамъ, на земляхъ которыхъ они поселены. Сознавая опасность и невозможность безземельнаго освобожденія крестьянъ, правительство однако же не рѣшалось въ то время принять на себя орга-

---

[1]) *Барсуковъ*, назв. соч., XIII, 166.
[2]) Рескриптъ 20 ноября 1857 г. генералу Назимову. *Скребицкій* „Крестьянское дѣло“, т. I, стр. II.
[3]) *Тамъ же.*

низацію единовременнаго выкупа помѣщичьихъ земель. Ему казалось, что принятіе на себя столь сложной и грандіозной финансовой операціи при неудовлетворительномъ состояніи нашихъ финансовъ можетъ повлечь полное государственное банкротство. Оставалось поэтому принять систему личнаго освобожденія крестьянъ съ сохраненіемъ въ безсрочномъ ихъ пользованіи нужнаго имъ количества земли за обязательный оброкъ или барщину. Но при этомъ многіе понимали,—что заставить исправно платить оброкъ, а тѣмъ болѣе отбывать барщину, крестьянъ, объявленныхъ лично свободными и привыкшихъ издавна считать отведенную имъ въ надѣлъ землю своею собственностью, можно было только при помощи сильной полицейской власти [1]). Отсюда понятно убѣжденіе въ необходимости сохраненія за помѣщиками вотчинныхъ полицейскихъ правъ.

Эта естественная связь между барщиной и вообще обязательными отношеніями крестьянъ къ помѣщику съ одной стороны и необходимостью сохраненія сильной вотчинной власти съ другой—проходитъ красной нитью черезъ всю исторію крестьянской реформы. Губернскіе комитеты земледѣльческихъ хлѣбородныхъ губерній, гдѣ помѣщичьи хозяйства держались главнымъ образомъ на барщинѣ, твердо отстаивали необходимость постепенности въ отмѣнѣ крѣпостного строя, и вмѣстѣ съ тѣмъ желали сохранить помѣщикамъ сильную вотчинную власть; наоборотъ, въ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ большая часть крестьянъ были на оброкѣ, а помѣщичьи доходы при крѣпостномъ правѣ зависѣли отъ промысловъ ихъ крестьянъ, губернскіе комитеты предпочитали полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній при помощи обязательнаго выкупа, лишь бы получить при этомъ вознагражденіе не только за землю, но и за личность крѣпостныхъ—въ той или иной формѣ—и затѣмъ уже вовсе не претендовали на сохраненіе вотчинной власти. Такъ, напримѣръ, большинство Калужскаго комитета, состоявшее изъ помѣщиковъ *далеко не либеральнаго образа мыслей,* очень настаивало на обязательномъ выкупѣ и охотно поступалось вотчинными правами помѣщиковъ; наоборотъ, самарское меньшинство, во главѣ котораго стоялъ такой рѣшительный и искренній эмансипа-

[1]) „Соединить права свободнаго человѣка — писалъ Ростовцевъ въ одной изъ своихъ записокъ въ 1858 г.—съ требованіемъ отъ него обязательнаго труда *безъ сильной власти на мѣстѣ* составляетъ такое искусственное условіе, что исхода его, какъ относительно обоюдныхъ недоумѣній двухъ сословій, такъ и относительно государственнаго хозяйства, и предвидѣть во всѣхъ подробностяхъ невозможно“ (Въ запискѣ: „Дополненія къ статьѣ ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса“. Срав. *Скребицкаго* „Крестьянское дѣло“, I, стр. 947).

торъ, какъ Юрій Самаринъ, отстаивало необходимость переходнаго періода и хотя не требовало сохраненія вотчиннаго права, но зато надѣляло помѣщиковъ въ барщинныхъ имѣніяхъ *до перехода крестьянъ на оброкъ* правомъ безконтрольнаго примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ очень значительномъ объемѣ [1]).

Я. И. Ростовцевъ, выдвинутый силой обстоятельствъ на первое мѣсто въ числѣ дѣятелей крестьянской реформы, вначалѣ, пока онъ не представлялъ себѣ возможности немедленной полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи выкупа, стоялъ также за сохраненіе вотчинной власти помѣщиковъ и вообще выставлялъ на первый планъ необходимость организованной сильной власти на мѣстахъ при проведеніи крестьянской реформы въ жизнь. Въ это именно время онъ собирался повсемѣстно ввести военно-полицейское управленіе въ видѣ уѣздныхъ начальниковъ, вооруженныхъ особыми полномочіями, и временныхъ генералъ-губернаторовъ съ диктаторскими правами. Но когда онъ воспринялъ идею выкупа и понялъ его пользу и осуществимость, онъ совершенно отказался отъ полицейскихъ властей съ чрезвычайными полномочіями, и сталъ относиться скептически и къ вотчинной власти помѣщиковъ. Онъ продолжалъ, правда, и въ это время думать, что однимъ изъ коренныхъ условій благополучнаго исхода реформы должна быть увѣренность, что освобожденные крестьяне ни на минуту не будутъ оставлены безъ руководства и надзора сильной власти на мѣстахъ; но теперь онъ полагалъ, что власть эта можетъ быть сосредоточена главнымъ образомъ въ самомъ крестьянскомъ мірѣ въ избранныхъ имъ самимъ должностныхъ лицахъ.

Эти новые взгляды Ростовцева изложены были имъ въ его извѣстныхъ письмахъ къ Государю и запискахъ о ходѣ крестьянскаго дѣла; въ концѣ концовъ они привели къ сильному измѣненію первоначальной правительственной программы. Но когда губернскіе комитеты приступали къ своимъ занятіямъ, то и правительство, и самъ Ростовцевъ были еще далеки отъ такихъ взглядовъ на дѣло. Поэтому и программа, данная губернскимъ комитетамъ въ руководство, составленная очень хитрымъ и двуличнымъ крѣпостникомъ, полтавскимъ помѣщикомъ Позеномъ, прямо предрѣшала сохраненіе, по крайней мѣрѣ, за весь *срочно-обязанный* періодъ вотчинной

---

[1]) Сочиненія *Ю. Ф. Самарина*, т. Ш, стр. 361 „Проектъ меньшинства Самарскаго комитета“, §§ 326—330, тоже на стр. 468 „Обзоръ основныхъ положеній проекта меньшинства“. Срав. *Н. П. Семенова* „Освобожденіе крестьянъ“, т. I, стр. 243.

власти и подчиненіе ей вновь устанавливаемыхъ выборныхъ крестьянскихъ властей. *Глава VIII* программы было озаглавлена: *„Образованіе сельскихъ обществъ“*. Въ ней заключались слѣдующіе пункты:

1. Общества въ селахъ и деревняхъ единственнаго владѣнія.

2. Общества въ селахъ и деревняхъ разнопомѣстнаго владѣнія.

3. Соединеніе мелкопомѣстныхъ селеній въ одно общество или причисленіе ихъ къ большимъ селеніямъ.

4. Наименьшій составъ общества, опредѣляемый числомъ душъ или усадебъ.

5. Распредѣленіе поземельныхъ угодій между членами общества.

6. Разверстка казенныхъ и господскихъ повинностей.

7. Полицейское устройство въ обществахъ.

8. Общественное управленіе, составъ его и предметы занятій.

Слѣдующая же IX глава программы была озаглавлена: *„Права и отношенія помѣщиковъ“*. Въ ней заключались слѣдующіе пункты:

1. Присвоеніе помѣщику званія *начальника* общества.

2. Права и отношенія его къ обществу:

а) по сельскому благоустройству и порядку;

б) по внутреннему управленію;

в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами;

г) по отправленію крестьянами повинностей;

д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и общественныхъ [1]).

Придерживаясь этой программы, большая часть губернскихъ комитетовъ надѣлила помѣщиковъ сильной вотчинной властью и поставила въ большую или меньшую зависимость отъ нихъ и исполненіе постановленій крестьянскихъ сходовъ и выбираемыхъ ими должностныхъ лицъ.

Лишь очень немногіе комитеты, несмотря на эти указанія преподанной имъ программы, признали сохраненіе вотчинной власти нежелательнымъ. Это были какъ разъ тѣ комитеты, которые настаивали на полной и немедленной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи выкупа. Впрочемъ, безусловно отвергъ Позеновскую программу и прямо отказался ей слѣдовать одинъ лишь Тверской комитетъ. Другіе воспользовались разрѣшеніемъ, даннымъ пра-

---

[1]) Программа занятій губернскихъ дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, разосланная при цирк. м. в. д. 21 апрѣля 1858 года (Сборн. прав. распоряж. по крест. дѣлу, вып. I).

вительствомъ, по ходатайству Калужскаго комитета, и представили наряду съ проектами положенія для срочно-обязаннаго періода также и выкупные проекты.

Въ проектахъ перваго рода они удерживали на весь переходный періодъ въ большей или меньшей степени вотчинную власть помѣщиковъ, въ выкупныхъ же проектахъ немедленно предоставляли крестьянамъ и ихъ выборнымъ административнымъ учрежденіямъ полную независимость отъ помѣщиковъ.

Къ числу такихъ комитетовъ принадлежалъ, между прочимъ, и Саратовскій губернскій комитетъ [1]).

Проекты губернскихъ комитетовъ поступили, какъ извѣстно, на разсмотрѣніе редакціонныхъ комиссій, образованныхъ весной 1859 г. при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу подъ предсѣдательствомъ Ростовцева въ смѣшанномъ составѣ: отчасти изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, отчасти изъ помѣщиковъ, принимавшихъ по большей части передъ этимъ участіе въ работахъ губернскихъ комитетовъ разныхъ губерній [2]).

Къ этому времени въ правительствѣ взглядъ на способы рѣшенія крестьянскаго вопроса сильно измѣнился подъ вліяніемъ Ростовцева, мнѣнія котораго были раздѣляемы императоромъ Александромъ II-мъ. Это измѣненіе взгляда видимо отразилось въ журналахъ главнаго комитета 26 октября и особенно 4 декабря 1858 года.

Въ журналѣ 4 декабря 1858 года было, между прочимъ, положено: „*Власть надъ личностью* крестьянина по исполненію или нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества *сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ*. При опредѣленіи подробностей устройства міра и учрежденій, посредствомъ которыхъ онъ долженъ дѣйствовать, а также отношеній міра къ помѣщику, обратить вниманіе: а) на постановленія по этому предмету, изложенныя въ сводѣ законовъ и б) на IX главу программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ, сообразивъ: *можетъ-ли эта*

[1]) Совершенно отказывались отъ сохраненія вотчинной власти и отъ вмѣшательства помѣщиковъ въ дѣла крестьянскаго самоуправленія проекты какъ большинства, такъ и меньшинства Самарскаго комитета; но они удерживали за помѣщиками на все время существованія барщины въ барщинныхъ имѣніяхъ сильную хозяйственно-распорядительную власть съ правомъ безконтрольнаго примѣненія тѣлеснаго наказанія въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Срав. сочиненія *Ф. Ю. Самарина*, т. III, стр. 468, а также у *Скребицкаго*, т. I, стр. 626. Подробнѣе ходъ этого дѣла мною изложенъ въ статьяхъ моихъ о губернскихъ комитетахъ, печатающихся въ настоящее время въ „Русскомъ Богатствѣ“.

[2]) Семеновъ, т. I, стр. 47.

глава оставаться въ прежней силѣ, или слѣдуетъ ее измѣнить". Далѣе въ томъ же журналѣ указывалось, что *„помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей"* [1]).

Эти постановленія главнаго комитета были предъявлены Ростовцевымъ редакціоннымъ коммиссіямъ въ первомъ же ихъ засѣданіи. Во второмъ засѣданіи Ростовцевъ представилъ на обсужденіе членовъ коммиссій полное изложеніе своихъ взглядовъ на рѣшеніе крестьянскаго вопроса и въ концѣ концовъ резюмировалъ ихъ въ слѣдующей программѣ:

1. Освободить крестьянъ *съ землею.*

2. Конечной развязкой освобожденія считать *выкупъ* крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщика.

3. *Оказать содѣйствіе дѣлу выкупа* посредничествомъ, гарантіями или операціями самого правительства.

4. *Избѣгнуть по возможности регламентаціи срочнообязаннаго періода или сократить переходное состояніе.*

5. *Барщину уничтожить* законодательнымъ порядкомъ черезъ три года переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ.

Дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту [2]).

О вотчинной власти здѣсь уже не упоминалось и такимъ образомъ 2-й пунктъ главныхъ основаній, изложенныхъ въ рескриптѣ 20 ноября, и IX глава программы, данной губернскимъ комитетамъ, были устранены. Всѣ члены редакціонныхъ коммиссій единодушно выразили полное сочувствіе изложеннымъ взглядамъ Ростовцева. Впослѣдствіи однако вопросъ о вотчинной власти возбужденъ былъ еще разъ нѣкоторыми членами редакціонныхъ коммиссій и многими депутатами губернскихъ комитетовъ, обвинявшими редакціонныя коммиссіи въ произвольномъ отступленіи отъ началъ, преподанныхъ въ высочайшихъ рескриптахъ. Но редакціонныя коммисіи могли не придавать особаго значенія этому обвиненію, такъ какъ журналъ 4 декабря 1858 года, на который они опиралась, также былъ Высочайше одобренъ.

Однако рѣшимость *„дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту"* предрѣшала вопросъ объ административномъ устройствѣ крестьянъ лишь въ самомъ общемъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 81.
[2]) Тамъ же, стр. 81.

смыслѣ. Редакціоннымъ коммиссіямъ предстояло выработать, во-первыхъ, внутреннюю организацію этого самоуправленія и, во вторыхъ, опредѣлить отношеніе этого самоуправленія къ внѣшнему міру. Это и составило задачу административнаго отдѣленія редакціонныхъ коммиссій, которое разрѣшило ее въ восьми докладахъ, легшихъ въ основаніе соотвѣтствующихъ статей въ положеніи 19 февраля 1861 года. При этомъ постановленія и проекты губернскихъ комитетовъ разсматривались редакціонными коммиссіями главнымъ образомъ лишь какъ полезный справочный матеріалъ. Съ *волей* дворянства, выраженной въ комитетскихъ проектахъ *по этому вопросу*, редакціонныя коммиссіи уже потому не могли серьезно считаться, что эта воля въ значительной мѣрѣ обусловливалась данной комитетамъ правительственной программой, которая была теперь сама забракована именно въ этой ея части.

Вопросы, разобранные въ докладахъ административнаго отдѣленія, касались: 1) образованія сельскихъ обществъ; нормальнаго размѣра ихъ и порядка распредѣленія крестьянъ на волости (доклады I—III); 2) общественнаго сельскаго управленія, состава его, предметовъ его вѣдомства и крестьянскаго суда (IV—VII); и, наконецъ, 3) отношеній помѣщиковъ къ сельскимъ обществамъ (VIII). Первый изъ этихъ докладовъ посвященъ былъ установленію „общихъ основаній образованія сельскихъ обществъ". На немъ мы и остановимся прежде всего.

Административное отдѣленіе признало, что „замѣна прежней полицейской безотчетной власти и безотчетнаго суда помѣщика правильнымъ полицейскимъ и судебно-полицейскимъ устройствомъ крестьянъ" составляетъ „одно изъ важнѣйшихъ условій улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и самаго выхода ихъ изъ крѣпостной зависимости". Но наряду съ этимъ оно указывало, что „кромѣ непосредственнаго вліянія на будущее благосостояніе освобождаемыхъ крестьянъ, вопросъ о лучшемъ, въ семъ отношеніи, устройствѣ ихъ имѣетъ первостепенную важность и въ видахъ сохраненія общаго порядка и спокойствія" [1]).

Поставивъ эту двойную цѣль административнаго устройства крестьянъ, авторъ доклада нашелъ, что она будетъ достигнута всего лучше, если *въ правительственныхъ и администра-*

---

1) Этотъ докладъ составлялъ А. К. Гирсъ, чиновникъ м—ва вн. дѣлъ, но подписанъ былъ этотъ докладъ всѣми членами адм. отдѣленія, въ томъ числѣ и кн. В. А. Черкасскимъ (Ю. Ф. Самаринъ въ то время еще не прибылъ).

тивныхъ видахъ будутъ созданы особыя *сельскія общества*, какъ учрежденіе главнымъ образомъ полицейско-административное, а для удовлетворенія хозяйственныхъ и бытовыхъ нуждъ крестьянъ сохранены будутъ самостоятельно развившіяся въ великороссійскихъ губерніяхъ *„поземельныя общины*, основанныя на пользованіи господской земли *міромъ“*.

Такимъ образомъ съ самаго начала въ основу работъ редакціонныхъ коммиссій по административному устройству крестьянъ было положено совершенно искусственное раздѣленіе крестьянскаго міра на общину и общество. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы у членовъ административнаго отдѣленія не было къ тому существенныхъ на первый взглядъ основаній. Главнѣйшее изъ нихъ заключалось въ томъ, что поземеленыя общины брались такъ, какъ ихъ давала ранѣе сложившаяся жизнь—онѣ пріурочивались къ имѣніямъ или помѣстьямъ и иначе ихъ взять было нельзя, потому что надѣлы были въ разныхъ имѣніяхъ весьма различны. Каждая деревня или часть деревни, принадлежавшая одному помѣщику и сидѣвшая на его землѣ, составляла отдѣльную общину. Составъ такихъ общинъ былъ по числу душъ чрезвычайно разнообразенъ и къ тому же нерѣдко велъ къ раздробленію селеній на очень разнообразныя части, а потому не представлялъ удобнаго основанія для образованія изъ него единообразной административной единицы. Въ составъ сельскаго общества какъ административной единицы должны были входить, по мнѣнію административнаго отдѣленія, во всякомъ случаѣ цѣлыя селенія безъ раздробленія ихъ на части. Поэтому сельскія общества должны были составляться изъ одной или нѣсколькихъ общинъ. Но въ послѣднемъ случаѣ на нихъ невозможно было бы ни перенести права раздѣла земель (потому что и надѣлъ крестьянъ разныхъ помѣщиковъ могъ быть вовсе не однороденъ), ни обязать ихъ круговой другъ за друга порукой въ правильномъ отбываніи повинностей.

Эти послѣднія соображенія были, разумѣется, справедливы и исходили изъ вѣрнаго сознанія невозможности произвольной ломки исконныхъ бытовыхъ отношеній; но насколько было основательно первое соображеніе о невозможности принять за административную единицу ту же поземельную общину, каковы бы ни были ея размѣры—составляетъ большой вопросъ. Самарскій губернскій комитетъ, въ которомъ вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ согласно докладу Ю. Ф. Самарина, рѣшилъ его въ смыслѣ необходимости соединенія и хозяйственныхъ, и административныхъ дѣлъ въ рукахъ

одного и того же крестьянскаго міра. При этомъ впрочемъ комитетъ этотъ находилъ возможнымъ допустить соединеніе нѣсколькихъ поземельныхъ общинъ, живущихъ на земляхъ разныхъ помѣщиковъ, но въ одномъ и томъ же селеніи—въ одну съ обязательнымъ уничтоженіемъ черезполосности и правильнымъ разверстаніемъ и занадѣльныхъ земель между помѣщиками. Насколько такой выходъ изъ затрудненія возможенъ былъ бы въ другихъ губерніяхъ, конечно, трудно рѣшить безъ спеціальнаго изслѣдованія; но редакціонныя коммиссіи на этомъ вопросѣ особенно много и не останавливались. Правда, когда Самаринъ пріѣхалъ (—онъ пріѣхалъ съ значительнымъ опозданіемъ—), онъ тотчасъ же напалъ на этотъ докладъ административнаго отдѣленія и сталъ горячо доказывать невозможность отдѣленія поземельной общины отъ административной [1]).

Но его не только никто не поддерживалъ, а наоборотъ противъ него выступилъ на защиту доклада административнаго отдѣленія даже самый близкій къ нему въ составѣ редакціонныхъ коммиссій человѣкъ—кн. Черкасскій. Въ умахъ членовъ редакціонныхъ коммиссій слишкомъ укоренилось совершенно произвольное убѣжденіе, что они будто бы создаютъ *поземельную общину* въ интересахъ нуждъ населенія, а *сельское общество*—въ интересахъ правительственныхъ соображеній и видовъ, какъ будто населеніе въ дѣйствительности имѣло лишь одни хозяйственно-поземельныя нужды и какъ будто у него не было своихъ мѣстныхъ нуждъ административныхъ и полицейскихъ (въ широкомъ смыслѣ слова).

Ставъ на такую ложную точку зрѣнія, редакціонныя коммиссіи шагъ за шагомъ пришли къ тому, что вмѣсто истиннаго крестьянскаго *самоуправленія*, они создали лишь систему выборныхъ крестьянскихъ властей и учрежденій, которыя не столько осуществляютъ задачи самоуправленія, сколько состоятъ на службѣ у низшихъ правительственныхъ властей и учрежденій [2]).

---

[1]) *Семеновъ* „Освобожденіе крестьянъ", т. I, стр. 215.

[2]) Въ интересной работѣ г. *И. Страховскаго* о крестьянскомъ самоуправленіи, недавно изданной отдѣльной книгой, допущенъ при изложеніи исторіи современнаго волостного устройства, на нашъ взглядъ, весьма существенный недосмотръ. Излагая ходъ дѣла въ редакціонныхъ коммисіяхъ, почтенный авторъ упустилъ изъ виду ту двойственность цѣли, которую административное отдѣленіе съ самаго начала столь неудачно поставило крестьянскому мірскому устройству и изъ которой и вытекло логически, роковымъ образомъ, и инстанціонное устройство, и нѣчто еще болѣе важное и для развитія самоуправленія вредное — подчиненіе всей волостной организаціи чисто полицейскимъ видамъ и общеадминистративнымъ бюрократическимъ властямъ, отчего и самое само-

Замѣчательно, что въ составѣ административнаго отдѣленія были люди, какъ кн. Черкасскій, хорошо понимавшіе нераціональность приложенія бюрократическихъ началъ къ организаціи сельскаго административнаго устройства и управленія. Они совершенно ясно видѣли тотъ вредъ, который принесли эти начала въ быту государственныхъ крестьянъ и потому рѣшительно отвергали пользу инстанціоннаго устройства крестьянской общинной администраціи. Въ статьѣ „Нѣкоторыя черты будущаго сельскаго управленія", написанной кн. Черкасскимъ еще въ 1858 г. (и помѣщенной въ № 9 „Сельскаго благоустройства" за этотъ годъ), авторъ высказалъ, между прочимъ, слѣдующія коренныя условія хорошей организаціи мѣстнаго управленія: 1) мѣстное устройство должно быть непремѣнно основано на спасительномъ для государства началѣ мѣстнаго самоуправленія, въ ущербъ всякой мертвящей централизаціи.

2) Первообразной единицей сельской жизни и уставленія должно быть признано не вымышленное какое-либо географическое подраздѣленіе, но единица живая, уже существующая, носящая извѣстный историческій характеръ.

3) Вся общинная автономія должна быть здѣсь сосредоточена и потому не должно воздвигать другъ надъ другомъ нѣсколько общинъ какъ бы нѣсколько административныхъ ярусовъ или инстанцій, порождающихъ лишь лишніе проволочки и расходы.

4) Сельское и мѣстное управленіе и судъ должны быть крайне сподручны лицамъ управляемымъ. Быстрота, гласность и дешевизна должны составлять главное достоинство учрежденія.

5) Онѣ должны быть снабжены всевозможными ручательствами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, система народнаго представительства здѣсь должна быть по возможности упрощена и согласована съ дѣйствительными потребностями и народнымъ обычаемъ.

управленіе превратилось въ фикцію. Просмотрѣвъ основную фальшь, заложенную въ работы коммисій по выработкѣ устоевъ крестьянскаго самоуправленія, г. Страховскій придаетъ на нашъ взглядъ слишкомъ большое значеніе факторамъ второстепеннымъ, въ родѣ перемѣны названій: поземельной общины — въ мірское общество, а сельскаго общества — въ волость.

„Современная волость—пишетъ г. Страховскій,—со всей ея формальной, искусственной и малопонятной организаціей, явилась не результатомъ строго обдуманнаго плана волостного устройства, а случайнымъ плодомъ недоразумѣнія, вызваннаго измѣненіемъ терминологіи редакціонныхъ коммисій и нѣкоторымъ смѣшеніемъ волости, въ смыслѣ первоначальнаго проекта этихъ коммисій, съ волостью государственныхъ крестьянъ" (стр. 17).

Съ такой формулировкой мы, по изложеннымъ соображеніямъ, не можемъ согласиться.

*

6) Наконецъ не должно упускать изъ виду, что новыя учрежденія должны быть приспособлены какъ къ сельскимъ отношеніямъ, которыя возникнутъ въ періодъ окончательнаго устройства крестьянскаго быта, такъ и во время переходнаго состоянія [1]).

Эти принципы были въ свое время одобрены не только ближайшими друзьями кн. Черкасскаго, славянофилами, какъ Самаринъ и Кошелевъ, но и людьми совсѣмъ другого образа мыслей, какъ напр. А. М. Унковскимъ [2]). Они были приняты во вниманіе во многихъ губернскихъ комитетахъ и играли несомнѣнно важную роль и въ соображеніяхъ членовъ административнаго отдѣленія редакціонныхъ коммиссій. Поэтому административное отдѣленіе высказалось весьма рѣшительно противъ всякихъ инстанцій въ крестьянскомъ управленіи. Мысль эта нашла себѣ полное сочувствіе и въ общемъ собраніи редакціонныхъ коммиссій. Поэтому учрежденіе волостей въ смыслѣ инстанціи было съ самаго начала отвергнуто самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Мало того, когда въ первоначальной редакціи доклада административнаго отдѣленія введено было, въ противорѣчіе съ принятыми началами, постановленіе, что пріемъ и увольненіе членовъ въ поземельныхъ общинахъ предоставляется производить сельскимъ обществамъ, то Ростовцевъ тотчасъ же замѣтилъ эту несообразность и сказалъ; „не слѣдуетъ мѣшать общинамъ поступать въ этомъ дѣлѣ, какъ онѣ хотятъ, и подчинять ихъ въ этомъ отношеніи сельскимъ обществамъ; это бюрократическія начала, которыя не могутъ принести пользы; я противъ этого направленія. Мысль сдѣлать инстанцію изъ сельскаго общества отвергается всѣми соображеніями самаго проекта административнаго отдѣленія [3]).

Докладъ былъ тогда же исправленъ въ соотвѣтствіи съ этимъ указаніемъ.

Однако принципъ независимости поземельныхъ общинъ отъ сельскихъ обществъ могъ быть выдержанъ болѣе или менѣе лишь до тѣхъ поръ, пока компетенція ихъ строго разграничивалась, т. е. пока предметами вѣдомства поземельныхъ общинъ признавались одни лишь дѣла, связанныя съ общиннымъ владѣніемъ землей, и съ отбываніемъ временно-обязанными крестьянами повинностей въ пользу помѣщиковъ, а всѣ безъ исключенія административныя и полицей-

[1]) Кн. *Трубецкая* „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, I, 132.

[2]) *Тамъ же*, стр. 114 приложеній (письмо А. М. Унковскаго къ кн. Черкасскому, стр. 10 окт. 1858 г.

[3]) *Семеновъ*, т. I, стр. 136.

скія дѣла предоставлены были сельскимъ обществамъ. Съ этой точки зрѣнія отдѣльное существованіе поземельныхъ общинъ могло быть допустимо очевидно лишь тамъ, гдѣ существовало общинное землевладѣніе. Но редакціонныя коммиссіи увлеклись частью обычнымъ у насъ стремленіемъ къ единообразію, частью соображеніями помѣщичьихъ и фискальныхъ интересовъ и установили, что поземельныя общины *должны быть устроены также и тамъ, гдѣ нѣтъ общиннаго землевладѣнія,* такъ какъ освобождаемыхъ крестьянъ и тамъ рѣшено было подчинить круговой порукѣ въ отправленіи ими повинностей передъ помѣщиками и казной.

Затѣмъ, при первомъ же обсужденіи доклада административнаго отдѣленія въ общемъ собраніи редакціонныхъ комиссій, раздались голоса о необходимости и для поземельныхъ общинъ имѣть свою полицію и удовлетворять нѣкоторыя административныя нужды. Въ то же время признано было необходимымъ, въ отношеніи отбыванія повинностей подчинить общины обзору сельскихъ обществъ. Единственный органъ поземельной общины сельскій, староста сдѣланъ былъ полицейскою властью и въ качествѣ таковой подчиненъ былъ сельскому старшинѣ. Наконецъ самыя названія *поземельная община* и *сельское общество* признаны были недостаточно точно выражающими соотвѣтственныя понятія и ихъ рѣшили замѣнить сперва — поземельную общину — мірскимъ обществомъ, а сельское общество—волостью, а затѣмъ, когда Константинъ Аксаковъ забраковалъ эти названія, указавъ, что община и волость — тотъ же „міръ“, то рѣшили первымъ присвоить названіе *сельскихъ обществъ*, а вторымъ—*волостей*. При томъ для вторыхъ *установили размѣръ отъ 300 до 2000 душъ населенія*, отчего онѣ сдѣлались именно „географическимъ подраздѣленіемъ“, а отнюдь не единицами „живыми, уже существующими, носящими извѣстный историческій характеръ“, какъ того требовалъ въ своей статьѣ кн. Черкасскій.

Замѣчательно при этомъ, что члены административнаго отдѣленія—и изъ нихъ первый кн. Черкасскій — смотрѣлъ на поземельныя общины, переименованныя затѣмъ въ сельскія общества, какъ на учрежденіе *временное*, обусловленное лишь существованіемъ общиннаго землевладѣнія, которое, по ихъ убѣжденію, долго просуществовать не могло, да необходимостью гарантироврть помѣщикамъ правильное поступленіе оброковъ и исправное отбываніе барщины во время срочно-обязаннаго періода.

Когда Самаринъ, ознакомившись съ докладомъ административ-

наго отдѣленія, сталъ доказывать невозможность и нежелательность отдѣленія хозяйственной (поземельной) единицы отъ административной, кн. Черкасскій ему отвѣчалъ, что „мысль его справедлива, если считать общинное владѣніе вѣчнымъ; но такъ какъ онъ, князь, и другіе считаютъ въ будущемъ распаденіе общиннаго устройства неизбѣжнымъ, ибо ничто не вѣчно, то и находятъ, что администрація должна заранѣе приготовить такія формы, которыя годились бы и на будущее время“.

Ю. Ф. Самаринъ сказалъ на это:

„Вы навязываете народу такую насильственную правительственную форму въ волостномъ управленіи, въ которой крестьяне вовсе не поймутъ ни вашего учрежденія, ни того, что вы отъ нихъ требуете, и примутъ на себя предписанныя вами обязанности какъ тяжелую для нихъ повинность. Они совсѣмъ не будутъ интересоваться этимъ управленіемъ“ [1]). Эти слова Самарина оказались пророческими, но въ то время возраженіе его не подѣйствовало, а когда вопросъ разсматривался въ редакціонныхъ коммиссіяхъ вторично, Самаринъ отсутствовалъ по болѣзни.

Между тѣмъ, если сопоставить только-что приведенныя слова кн. Черкасскаго, выражавшія мнѣнія всего административнаго отдѣленія [2]), съ тѣмъ, что волость или, какъ она была названа ранѣе,— административное сельское общество, устраивалась собственно не для удовлетворенія хозяйственныхъ и бытовыхъ нуждъ населенія, а для цѣлей правительственныхъ, какъ это значилось и въ докладѣ, то само собой невольно напрашивается вопросъ, въ чемъ же выразилось бы послѣ уничтоженія поземельной общины, крестьянское самоуправленіе? Неужели же кн. Черкасскій и другіе члены редакціонныхъ комиссій подъ крестьянскимъ самоуправленіемъ могли разумѣть лишь систему выборныхъ полицейскихъ должностныхъ лицъ, подчиненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ общей полиціи и администраціи? Но въ такомъ случаѣ система, выработанная редакціонными коммисіями, отнюдь не соотвѣтствовала тѣмъ принципамъ мѣстнаго самоуправленія, которые были формулированы самимъ кн. Черкасскимъ въ его статьѣ, напечатанной въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“.

Это недоразумѣніе осталось въ трудахъ редакціонныхъ комиссій не разъясненнымъ, благодаря чему, впослѣдствіи, они въ этомъ

---

[1]) *Семеновъ*, т. I, стр. 215.

[2]) Срав. заявленіе П. П. Семенова у *Н. П. Семенова*, т. I, стр. 196.

именно пунктѣ подверглись, какъ мы ниже увидимъ, наиболѣе основательнымъ нападкамъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ.

Жизнь, какъ мы знаемъ, не оправдала предположеній административнаго отдѣленія редакціонныхъ комиссій, общинное землевладѣніе,—хотя и мы не считаемъ его вѣчнымъ—живо однако же до сихъ поръ, но образованное спеціально для его нуждъ сельское общество настолько потеряло прямую съ нимъ связь, настолько превратилось въ низшую по отношенію къ волости *административную* инстанцію, что въ правящихъ сферахъ уже дважды возникала мысль о необходимости въ немъ самомъ отдѣлить поземельную общину отъ административнаго общества. Такое именно предположеніе возникало въ началѣ 80-хъ годовъ въ средѣ Кахановской комиссіи и оно же вновь выражено въ только-что опубликованныхъ соображеніяхъ новой коммиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому дѣлу.

Такимъ образомъ редакціонныя комиссіи, высказавъ первоначально мысль о необходимости учрежденія двухъ параллельныхъ, другъ отъ друга независимыхъ организацій—одной для завѣдыванія поземельными общинными распорядками и другой для правительственныхъ административныхъ цѣлей, въ концѣ концовъ незамѣтно пришли къ тому, чего сами опасались вначалѣ — къ учрежденію двухъ инстанцій крестьянскихъ учрежденій, изъ которыхъ обѣ оказались учрежденіями административными, причемъ въ обоихъ *принципъ самоуправленія парализовался подчиненностью ихъ общимъ бюрократическимъ полицейскимъ и административнымъ властямъ*.

Чтобы еще яснѣе понять, какъ это произошло, необходимо остановиться подробнѣе на сужденіяхъ редакціонныхъ комиссій объ отношеніи органовъ крестьянскаго самоуправленія къ внѣшнему міру. Практически это сводилось къ отношенію крестьянскаго міра: а) къ помѣщику и б) къ правительственнымъ властямъ и учрежденіямъ. Первому изъ этихъ вопросовъ посвященъ былъ особый докладъ № 8, составленный съ большимъ искусствомъ и тактомъ кн. С. П. Голицынымъ [1]). Прежде всего здѣсь прекрасно доказана была невозможность придерживаться рубрикъ IX главы Позеновской программы. Въ подтвержденіе этого мнѣнія авторъ ссылался между прочимъ и на мысли, встрѣчавшіяся въ трудахъ многихъ губернскихъ комитетовъ. Въ обзорахъ основаній и въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ

---

[1]) 2-е изданіе „Матеріаловъ редакціонныхъ коммисій“ т. II, стр. 265.

членовъ дано — писалъ кн. Голицынъ — болѣе или менѣе полное развитіе этимъ мыслямъ; общій же выводъ — несовмѣстность буквальнаго выполненія програмы съ окончательно принятыми основаніями преобразованія и даже съ упроченіемъ помѣщичьихъ интересовъ, въ обширномъ и современномъ значеніи этого слова".

„Съ прекращеніемъ личнаго крѣпостного права, крестьянину присвояются права свободныхъ сословій и образуются сельскія общества съ опредѣленнымъ кругомъ дѣйствія и властью и на возможно широкихъ началахъ самоуправленія".

„...Съ условіями того города присвоеніе помѣщику начальническаго званія совмѣститься не можетъ. Или образуемымъ сельскимъ обществамъ должна быть дана самостоятельность, или владѣльцу населенной мѣстности должно быть предоставлено начальническое званіе надъ обществомъ, съ правомъ вмѣшательства въ равной степени по всѣмъ рубрикамъ програмы.

Трудно представить себѣ—сказано тамъ же—общество крестьянъ, устроенное на началахъ самоуправленія, въ которомъ начальническое званіе и право вмѣшательства въ общественныя дѣла были бы оставлены за помѣщикомъ. Какое столкновеніе различныхъ несовмѣстныхъ одинъ съ другимъ интересовъ; какое колебаніе самобытности и жизни мірскихъ учрежденій, чисто зависящее отъ нрава помѣщика, отъ его болѣе или менѣе частаго пребыванія въ имѣніи, и отъ неизбѣжнаго вліянія его на подчиненнаго ему старосту. И затѣмъ, какія же послѣдствія, какъ не безусловное преобладаніе одного сословія и стремленіе другого добыть права, которыхъ оно ожидаетъ, въ завершеніи началъ самоуправленія, доступныхъ ему нынѣшнимъ преобразованіемъ? Не будетъ ли это повтореніемъ большей части явленій истекающаго крѣпостного времени"?

Въ результатѣ редакціонныя комиссіи, согласившіяся съ этимъ докладомъ, положили не предоставлять помѣщикамъ никакой вотчинной власти, сохранивъ за ними на время срочно-обязаннаго періода лишь нѣкоторыя права на особый почетъ со стороны крестьянъ и право оказанія имъ покровительства и защиты въ извѣстныхъ случаяхъ [1]).

Такъ благополучно разрѣшился вопросъ объ уничтоженіи вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпостного права и вотчинной власти помѣщиковъ.

Совершенно въ иныя отношенія поставлены были крестьянскія учрежденія къ правительственнымъ властямъ.

---

[1]) Впослѣдствіи это составило ст. 148—164 Общ. пол.

Въ соотвѣтствіе съ цѣлью, для которой создано было волостное устройство, на волостного старшину возложена была масса полицейскихъ обязанностей, которая должна была поглотить и въ дѣйствительности поглотила все его время. Независимо отъ этого къ исчисленію обязанностей старшины присоединена была особая статья (85 ст. общ. полож.), которая установила, что „волостной старшина *обязанъ исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, земской полиціи и всѣхъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства*“ [1]).

А такъ какъ волостному старшинѣ наряду съ этимъ подчинялись всѣ должностныя лица крестьянскаго самоуправленія, какъ волостного, такъ и сельскаго, и ему предоставлялось налагать на нихъ, а равно и на всѣхъ крестьянъ его волости различныя взысканія, то тѣмъ самымъ все крестьянское управленіе и все крестьянское населеніе становилось въ зависимость отъ различныхъ административныхъ и полицейскихъ начальствъ.

Мировому посреднику предоставлено было подвергать волостного старшину и прочихъ волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ за маловажные поступки по должности замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному штрафу до пяти рублей и аресту до семи дней. Всѣ начальствующія лица требованія свои о взысканіи съ волостного старшины и сельскаго старосты по дѣламъ ихъ вѣдомства могли заявлять мировому посреднику.

Когда Ю. Ф. Самаринъ возвратился по выздоровленіи въ составъ редакціонныхъ комиссій, онъ былъ такъ пораженъ участью крестьянскаго самоуправленія, которая приготовлялась ему этими постановленіями, что высказался даже за полное освобожденіе волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ отъ всякихъ полицейскихъ обязанностей. „Я полагалъ бы,— сказалъ онъ въ засѣданіи 67 общаго присутствія—совсѣмъ отдѣлить старшину и старость отъ полиціи и снять съ нихъ всѣ полицейскія обязанности. Я боюсь, чтобъ должностныя лица не развратились, чтобъ изъ нихъ не вышли чинозники. Полицейскія обязанности помѣшаютъ ихъ самостоятельному развитію“ [2]).

---

[1]) Замѣчательно, что при обсужденіи этой статьи въ редакц. коммисіяхъ (уже въ 3 періодѣ ихъ засѣданій) *гр. Панинъ* сказалъ: „Нельзя же предоставить старшинѣ судить, законны ли требованія правительственныхъ мѣстъ и лицъ, или нѣтъ“, на что *Милютинъ* отвѣчалъ: „это ужъ общая оффиціально употребленная форма (sic!) выраженія, встрѣчающаяся и нынѣ въ сводѣ законовъ“ (*Семеновъ*, т. III, стр. 94).

[2]) *Семеновъ*, „Освобожденіе крестьянъ“, т. II, стр. 327.

Онъ предпочиталъ даже, чтобы полицейскіе чины, чуждые крестьянской общинѣ, расправлялись непосредственно съ ея членами, лишь бы сохранить независимость крестьянскаго міра въ его внутреннихъ дѣлахъ. Въ горячемъ спорѣ, который ему опять пришлось выдержать съ кн. Черкасскимъ, Самаринъ сказалъ между прочимъ: *„Вы положили создать новую единицу въ видахъ правительства, для его удобства, отнюдь не въ хозяйственныхъ интересахъ крестьянъ и сдѣлали ошибку“* [1]).

Не менѣе рѣшительно напали на доклады административнаго отдѣленія два другіе члена редакціонныхъ комиссій: В. В. Апраксинъ и А. Д. Желтухинъ. Первый напалъ съ чисто крѣпостнической точки зрѣнія: онъ отстаивалъ необходимость сохраненія вотчинной власти помѣщиковъ и прикрывался при этомъ Высочайшими рескриптами и программой, данной правительствомъ въ руководство губернскимъ комитетамъ [2]). А. Д. Желтухинъ, хотя также одинъ изъ рѣшительныхъ защитниковъ помѣщичьихъ интересовъ (онъ былъ редакторомъ „Журнала землевладѣльцевъ“), напалъ однако же на докладъ административнаго отдѣленія съ точки зрѣнія оппозиціонно - либеральной, тогда только еще намѣчавшейся, и высказалъ въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи много существенныхъ соображеній [3]). Указавъ прежде всего на двойственность цѣли, положенной въ основу работъ административнаго отдѣленія (установленіе хозяйственнаго самоуправленія внутри поземельныхъ общинъ и учрежденіе административно-полицейскихъ обществъ въ цѣляхъ правительственныхъ), онъ писалъ въ своемъ мнѣніи: „Односторонность такой двойственной цѣли очевидна. Образованіе обществъ главнѣйшимъ образомъ направлено *противъ* [4]) помѣщика и *въ пользу* правительственной администраціи. *Интересы самихъ крестьянъ отодвинуты на второй планъ*: они разсматриваются не самостоятельно, а по отношеніямъ внѣшнимъ. Удовлетворительнаго результата и ожидать было нельзя, и несогласія наши естественны. Согласимся же предварительно *въ цѣли* образованія обществъ.

„Благо народа—есть общая и единственная цѣль и правительства, и народа. Для достиженія этой цѣли правительство должно ограждать интересы какъ всѣхъ сословій, изъ которыхъ состоитъ народъ, такъ и всѣхъ лицъ, изъ которыхъ состоитъ сословіе, а

---

[1]) *Семеновъ*, т. II, стр. 329.
[2]) *Семеновъ*, т. I, стр. 937.
[3]) Отдѣльное мнѣніе Желтухина напечатано въ выдержкахъ у *Скребицкаго*, т. I, стр. 343—346 и полностью у *Семенова*, т. II, стр. 963—968.
[4]) Курсивъ вездѣ подлинника.

лица всѣхъ сословій должны оказывать въ этомъ полное содѣйствіе правительству и стремиться къ сліянію своихъ частныхъ интересовъ въ общественный сословный и народный.

По мѣрѣ развитія гражданственности, весьма простая и естественная мысль, что всякій самъ лучше всѣхъ можетъ заниматься своими дѣлами, начинаетъ проникать въ умы людей государственныхъ, и вслѣдствіе этого правительства все болѣе и болѣе облегчаютъ свою многотрудную задачу, предоставленіемъ все большаго и большаго самоуправленія—*не отдѣльнымъ сословіямъ, а цѣлому народу, который для этого и подраздѣляется на общества въ такомъ размѣрѣ, чтобы члены ихъ, частные свои интересы болѣе или менѣе сливъ въ одинъ общій интересъ, достаточно соединенными силами могли его развивать и поддерживать. Само собою разумѣется, что такое сліяніе частныхъ интерсеовъ возможно только при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы они были не противоположны одни другимъ*".

Въ этомъ А. Д. Желтухинъ и видѣлъ *цѣль*, которую слѣдуетъ имѣть въ виду при образованіи сельскихъ обществъ. Но полное достиженіе этой цѣли, по его мнѣнію, возможно только тогда, когда 1) *между крестьянами и помѣщиками прекратятся всякія обязательныя отношенія*, и 2) *когда уничтожится раздѣленіе крестьянъ на разныя вѣдомства*.

До тѣхъ поръ, по мнѣнію Желтухина, лучше не учреждать вовсе административно-общественной единицы, а ограничиться устройствомъ правильной единицы административно-хозяйственной.

„Административно-хозяйственною единицею — писалъ Желтухинъ—должно быть, конечно, *селеніе* или *деревня*, и крестьяне каждаго отдѣльнаго селенія или деревни, *по окончательномъ освобожденіи, для котораго мы обязаны составлять свое положеніе*, должно образовать *деревенское, селенное*, или *сельское*, или *мірское* общество, потому что изъ совмѣстнаго жительства истекаетъ множество общихъ интересовъ, для защиты которыхъ люди и соединяются въ общества".

На время срочно-обязаннаго положенія, въ виду неодинаковости надѣла и прочихъ хозяйственныхъ условій въ имѣніяхъ разныхъ помѣщиковъ, Желтухинъ допускалъ, въ томъ случаѣ, когда крестьяне разныхъ помѣщиковъ или разныхъ вѣдомствъ живутъ въ одномъ селеніи, образованіе дробныхъ или участковыхъ обществъ. Для сліяніи же впослѣдствіи такихъ обществъ въ одно онъ пред-

ложилъ особую систему поравненія повинностей при помощи образованія повсюду одинаковыхъ *тягловыхъ* участковъ. Во всякомъ случаѣ онъ не видѣлъ никакихъ основаній соединять въ одно общество, даже на время срочно-обязаннаго положенія, отдѣльные поселки и деревни, какъ бы малы они ни были.

Въ заключеніе онъ заявлялъ, что присоединеніе нѣсколькихъ деревень къ одному центральному селу можетъ удовлетворить требованіямъ административнымъ, но что такое административное общество, за весьма рѣдкими исключеніями, не будетъ въ состояніи „развивать всѣ свои интересы и успѣшно заниматься дѣлами, такъ называемыми Божьими, на которыя крестьяне, безъ содѣйствія лицъ образованнѣйшихъ сословій, по большей части неспособны". Это соображеніе дало ему мысль проектировать образованіе своего рода мелкой земской единицы, въ видѣ соединенія въ одно крупное общество нѣсколькихъ мірскихъ или сельскихъ обществъ съ непремѣннымъ участіемъ въ немъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій. Образованіе такихъ крупныхъ всесословныхъ обществъ Желтухинъ признавалъ возможнымъ, по понятнымъ соображеніямъ, лишь послѣ прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ Желтухинъ ссылался на проекты 16 губернскихъ комитетовъ.

Еще болѣе сильные нападки редакціоннымъ комиссіямъ пришлось выдержать отъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ, вызванныхъ въ Петербургъ для дачи своихъ отзывовъ и заключеній на труды редакціонныхъ комиссій.

Депутаты отъ губернскихъ комитетовъ были вызваны въ два срока: сперва отъ 21 комитета, представившихъ ранѣе другихъ выработанные ими проекты положеній, затѣмъ отъ остальныхъ. Случилось такъ, что большая часть депутатовъ перваго приглашенія принадлежали къ комитетамъ промышленныхъ, нечерноземныхъ и получерноземныхъ губерній, видѣвшимъ спасеніе дворянскихъ интересовъ въ единовременной, полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи выкупной операціи, нежелавшимъ переходнаго срочно-обязаннаго періода, охотно согласившимся уступить крестьянамъ за приличное вознагражденіе часть земли и незаинтересованнымъ въ удержаніи вотчинной власти. Депутаты 2-го приглашенія, наоборотъ, принадлежали по большей части къ комитетамъ такихъ губерній, въ которыхъ помѣщичье хозяйство держалось, главнымъ образомъ, на барщинѣ и гдѣ отказаться отъ нея вдругъ нельзя было бы безъ потрясенія помѣщичьихъ интересовъ. Большая часть этихъ

комитетовъ вполнѣ одобрила мысль о переходномъ срочно-обязанномъ или оброчно-барщинномъ періодѣ, а по минованіи этого періода, они предполагали всю землю или значительнѣйшую часть ея оставить въ рукахъ помѣщиковъ, которымъ предоставить болѣе или менѣе сильную вотчинную власть надъ крестьянами, поселенными въ ихъ имѣніяхъ, хотя бы и въ выкупленныхъ крестьянами усадьбахъ [1]).

Депутаты перваго приглашенія почти всѣ соглашались съ редакціонными коммиссіями въ нежелательности сохраненія въ какой бы то ни было формѣ вотчинной власти помѣщиковъ, но упрекали коммиссіи „въ пристрастіи къ бюрократизму, въ допущеніи излишнихъ подробностей и регламентаціи и выражали желаніе предоставить большій просторъ свободному развитію народной жизни“.— Они доказывали „необходимость немедленно упразднить помѣщичью власть и слить въ административномъ отношеніи освобождаемыхъ крестьянъ съ другими сословіями, съ полнымъ и немедленнымъ же преобразованіемъ всей мѣстной администраціи“. Такъ резюмировали ихъ тактику сами редакціонныя коммиссіи [2]). Депутаты второго приглашенія (и очень немногіе перваго) „искали“—по выраженію редакціонныхъ коммиссій—„сохранить за дворянами-помѣщиками разныя вотчинныя права надъ поселенными на ихъ земляхъ крестьянами“. 36 членовъ второго приглашенія выражали опасеніе, что сельскія общества, проектированныя редакціонными коммиссіями, создадутъ очагъ постоянной готовой коалиціи рабочихъ противъ ихъ нанимателей, а въ правительственномъ отношеніи введутъ въ жизнь крайній демократическій принципъ, несовмѣстный съ сильною правительственною властью. Они заявляли даже, что система эта есть чисто отвлеченная, теоретическая, не принимающая въ разсчетъ ни историческаго быта, ни мѣстныхъ условій. Наконецъ, они указывали, что ею нарушается 2 пунктъ высочайшихъ рескриптовъ, которыми вотчинная полиція предоставлена помѣщикамъ [3]). Редакціоннымъ коммиссіямъ не трудно было отпарировать всѣ эти нападки и едва ли стоитъ на нихъ останавливаться въ настоящее время. Но критика депутатовъ перваго приглашенія заслуживаетъ, на нашъ взглядъ, наоборотъ, внимательнаго разсмотрѣнія. Сами редакціонныя коммиссіи признавали, что во взглядахъ, выраженныхъ депутатами

---

[1]) Болѣе подробныя соображенія по этому предмету см. въ моихъ статьяхъ „о губернскихъ комитетахъ“ въ „Русск. Богатствѣ“ за 1904 г.

[2]) Скребицкій, I, 820—822.

[3]) *Скребицкій*, I, стр. 827. Срав. „Матеріалы редакц. коммис., XII, доклады адм. отд., стр. 6; *Семеновъ*, Ш, ч. П, стр. 52 и слѣд.“.

перваго приглашенія, много справедливаго и, не отвергая въ принципѣ даже тѣхъ требованій этихъ депутатовъ, которыя шли гораздо дальше ихъ собственныхъ предположеній, онѣ указали только, что „немедленное преобразованіе мѣстнаго управленія и административное сліяніе крбстьянъ всѣхъ вѣдомствъ, по чрезвычайной многосложности и обширности требуемыхъ такою реформою законодательныхъ трудовъ, не упоминая о другихъ причинахъ, значительно отдалило бы рѣшеніе крестьянскаго вопроса, составляющаго одну изъ самыхъ настоятельныхъ государственныхъ потребностей“. При этомъ редакціонныя коммиссіи сослались также и на то, что вопросъ о преобразованіи уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій порученъ не имъ, а особой правительственной коммиссіи [1]).

Изъ депутатовъ перваго приглашенія самую основательную критику предположеннаго редакціонными коммиссіями волостного устройства представилъ тверской депутатъ А. М. Унковскій, который развилъ при этомъ весьма послѣдовательно выработанный собственный планъ административнаго устройства всего сельскаго населенія,—тотъ самый, который онъ провелъ и въ Тверскомъ губернскомъ комитетѣ. Главный недостатокъ проекта редакціонныхъ коммиссій Унковскій видѣлъ въ томъ, что по этому проекту волости образовывались изъ однихъ лишь бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, совершенно уединенныхъ отъ прочихъ сословій. Что такія волости не могутъ достигнуть своей цѣли — это, по мнѣнію Унковскаго, доказано опытомъ волостей и сельскихъ обществъ у государственныхъ крестьянъ. „Какое же значеніе могутъ имѣть (волостныя) общества крестьянъ, только что вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, наименѣе просвѣщенныхъ, наименѣе привыкшихъ пользоваться правомъ разумно-свободной дѣятельности, разбросанныхъ между селеніями другихъ вѣдомствъ (казенныхъ и удѣльныхъ), и часто отдѣленныхъ отъ ближайшихъ сосѣдей и соединенныхъ съ чуждыми имъ деревнями одного вѣдомства?...“ „Эти общества (волости) — по словамъ Унковскаго — будутъ ни болѣе, ни менѣе какъ массы, механически и насильственно связанныя внѣшнею силою. Что будутъ обсуждать они на своихъ собраніяхъ? Свои общіе интересы? Но они не имѣютъ общихъ отдѣльныхъ интересовъ, такихъ, которые не были бы неразрывно связаны съ интересами прочихъ жителей мѣстности“...

„Съ другой стороны—спрашиваетъ Унковскій—какая надоб-

[1]) *Скребицкій*, стр. 822—824.

ность и какая польза отдѣлять крестьянъ отъ высшихъ просвѣщенныхъ сословій? Вѣдь это значитъ отнимать у мѣстныхъ обществъ весь разумъ, всю способность пользоваться своими правами. Учредить такія общества (волости) крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, все равно, что дать человѣку право на разумно-свободную дѣятельность, и въ то же время намѣренно снять съ него голову, отдавъ ее въ распоряженіе особаго вѣдомства. Понятно, что это разъединеніе сословій поведетъ опять къ произвольному управленію чиновниковъ и къ разрушенію всякаго понятія о самоуправленіи обществъ“...

Доказывая необходимость участія помѣщиковъ въ волостныхъ обществахъ, Унковскій оговаривался, что онъ вовсе не думаетъ, что это участіе должно имѣть видъ какой бы то ни было власти, а тѣмъ болѣе вотчинной, напоминающей прежнія отношенія, ненавистныя народу и противныя смыслу задуманнаго преобразованія; онъ говоритъ о необходимости образованія волостныхъ обществъ изъ всѣхъ жителей мѣстности, а въ томъ числѣ и помѣщиковъ какъ высшаго и болѣе другихъ просвѣщеннаго сословія. Замѣчательно, что при этомъ онъ считаетъ нужнымъ доказывать, что для дворянъ не будетъ никакого униженія въ томъ, чтобы принять участіе въ волостныхъ собраніяхъ и даже въ видѣ приманки допускаетъ (согласно тверскому проекту) предпочтительное право па занятіе нѣкоторыхъ должностей дворянами (но не иначе какъ по выбору). Онъ утверждаетъ, что положеніе помѣщиковъ будетъ, наоборотъ, „унизительно и жалко“, если они не войдутъ въ составъ волостныхъ обществъ. „Они будутъ жить между обществами въ видѣ какихъ-то отверженцевъ, въ видѣ евреевъ, разсѣянныхъ между чуждыми имъ народами, но положеніе дворянства будетъ гораздо хуже, нежели положеніе отверженнаго народа. Ихъ Іерусалимъ не будетъ имѣть никакого религіознаго утѣшительнаго значенія. Депутатское собраніе будетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ архивъ оффиціальныхъ документовъ, наравнѣ со всѣми прочими архивами. Избирательныя права дворянства, и теперь имѣющія мало значенія, потеряютъ всякій смыслъ; всѣ привиллегіи дворянъ будутъ заключаться лишь въ томъ, что за ними останется право носить парадный мундиръ въ торжественныхъ случаяхъ, кичиться своими родословными и занимать мѣста ворующихъ и полновластныхъ чиновниковъ. Когда масса людей становится въ унизительное положеніе, то можно быть увѣреннымъ, что большинство ея будетъ руководиться и низкими побужденіями; это законъ, не до-

пускающій отступленій и обезпеченный слабостью человѣческой природы"...

По всѣмъ этимъ причинамъ Унковскій считалъ необходимымъ образованіе волостей изъ всѣхъ сословій, опредѣливъ только ихъ размѣры по числу населенія или по географическому пространству. Слишкомъ малые размѣры такихъ волостей онъ считалъ неудобными между прочимъ потому, что тогда труднѣе будетъ обезпечить ихъ самостоятельность.

Въ возраженіяхъ своихъ редакціоннымъ комиссіямъ Унковскій возставалъ и противъ волостного крестьянскаго суда, указывая, что сословные суды вообще не могутъ быть вполнѣ независимыми. Что же касается до обыденнаго домашняго суда крестьянъ (въ томъ видѣ, какъ онъ создался во многихъ мѣстахъ еще при крѣпостномъ правѣ), то Унковскій полагалъ оставить его на степени обычая, не давая ему никакого законнаго значенія. „Судъ стариковъ односельцевъ, судъ міра,—замѣчалъ онъ по этому поводу—есть самый пристрастный судъ на свѣтѣ и сносенъ только до тѣхъ поръ, пока онъ стоитъ на степени домашняго разбирательства и не имѣетъ законной силы". Онъ не понималъ, какъ люди могутъ заблуждаться до того, чтобы не видѣть совершенной невозможности безпристрастнаго суда односельцевъ.

Что касается мірского схода (въ поземельныхъ общинахъ), то, по мнѣнію Унковскаго, такой сходъ долженъ вѣдать одни дѣла хозяйственныя. Составъ его долженъ опредѣляться существующимъ обычаемъ. „Опредѣлить его составъ закономъ есть насиліе, и насиліе совершенно безполезное" [1])...

Совершенно такія же соображенія высказали въ своихъ замѣчаніяхъ на труды редакціонныхъ комиссій и рязанскіе депутаты Ѳ. С. Офросимовъ и кн. С. В. Волконскій. „Чтобы достигнуть самостоятельнаго управленія, необходимо—писали они—уничтожить всѣ вѣдомства (т. е. подчиненность крестьянъ разнымъ вѣдомствамъ) и учредить такую административную единицу, которая бы дѣйствительно представляла мѣстные интересы и притомъ въ полномъ ихъ

---

[1]) *Скребицкій*, I, 878—885. Любопытно отмѣтить, что въ своихъ замѣчаніяхъ о ненужности и вредѣ регламентаціи мірского схода Унковскій совершенно сошелся съ Константиномъ Аксаковымъ, съ которымъ вообще онъ мало въ чемъ сходился. *Аксаковъ* по поводу доклада административнаго отдѣленія № 5 (о сельскихъ сходахъ) писалъ кн. Черкасскому между прочимъ: „Вы предоставляете себѣ опредѣлить: ***когда міръ есть міръ***. Первый nonsens и первая дерзость противъ народа.—***Когда міръ признаетъ себя міромъ, тогда онъ и міръ***" и проч. („Русь" за 1883 г., № 3, стр. 36).

объемѣ, а не въ отрывкахъ, по вѣдомствамъ". Они соглашались, что необходимо учредить въ каждомъ селеніи мірское общество для хозяйственнаго управленія, но волости, по ихъ мнѣнію, слѣдовало придать большее значеніе, нежели то, какое ей давали редакціонныя комиссіи. „Волость, или, какъ называлъ ее рязанскій комитетъ, округъ, должна обнимать всѣхъ жителей въ мѣстности безъ всякаго различія сословій и вѣдомствъ, и окружное (волостное) собраніе должно состоять не изъ однихъ крестьянъ, а изъ представителей всѣхъ сословій и обществъ въ предѣлахъ округа живущихъ" [1]).

Указывая далѣе, что по проекту редакціонныхъ комиссій выборъ должностныхъ лицъ крестьянскихъ обществъ подчиненъ утвержденію правительственнаго административнаго лица, что это же лицо можетъ ихъ устранять отъ должности и налагать на нихъ разныя взысканія, что волостной старшина является лишь предшествующимъ чиновникомъ между правительственною администраціею и старостами, Офросимовъ и кн. Волконскій спрашивали: „При такомъ порядкѣ вещей будетъ ли мѣсто какому-либо самоуправленію въ обществѣ"? [2])...

Третьяго рязанскаго депутата, А. Н. Кошелева, при ознакомленіи съ докладами административнаго отдѣленія №№ 4 и 5, особенно поразило то преобладающее значеніе, какое давалось на сходахъ сельскимъ должностнымъ лицамъ — старостамъ и старшинѣ. Это, по его мнѣнію—возникновеніе новаго чиновничества.

„Должностныя лица—пишетъ онъ далѣе—могутъ быть на сходахъ; но они являются на оные, не какъ таковыя, а какъ домохозяева или для представленія сходу нужныхъ свѣдѣній и объясненій, или для дачи ему отчета. Старшина или староста не занимаетъ на сходѣ перваго мѣста; они слуги схода, имъ еще слѣдуетъ оправдать его довѣріе, а почетъ принадлежитъ изъ стариковъ старѣйшему, болѣе прочихъ уважаемому, который, быть можетъ, не разъ прежде бывалъ начальникомъ и заслужилъ общее довѣріе всего селенія" [3])...

Кошелевъ не возражаетъ противъ образованія крестьянскихъ волостныхъ обществъ и находитъ совершенно резонными тѣ соображенія, которыя заставили редакціонныя комиссіи отдѣлить поземельныя общины отъ административныхъ обществъ; но его сильнѣе всего озабочиваетъ вопросъ, какъ защитить крестьянское самоуправленіе, на которое онъ смотритъ съ славянофильской точки зрѣнія, какъ

[1]) *Скребицкій*, I, 352.
[2]) *Скребицкій*, I, 518.
[3]) Тамъ же, 869—870.

отъ проникновенія въ него бюрократизма, такъ и отъ подчиненія его бюрократамъ—чиновникамъ и отъ вмѣшательства ихъ въ дѣла крестьянскаго міра. Отмѣтивъ, что редакціонныя комиссіи рѣшили совершенно упразднить помѣщичью власть, Кошелевъ восклицаетъ: „конечно, не плачъ по ней подниму я здѣсь, нѣтъ! *Вѣчная память*, которую мы ей теперь поемъ, налагаетъ на насъ обязанность de mortuis aut bene, aut nihil; а потому онъ избираетъ послѣднее. Но его занимаетъ вопросъ: къ кому же эта власть перейдетъ? Сельскія общества получатъ часть ея, относящуюся до хозяйственнаго устройства и до первоначальныхъ полицейскихъ и судебныхъ дѣйствій; но остальная затѣмъ часть, та, которая и этой, такъ сказать домашней, даетъ жизнь и значеніе, въ чьи руки она поступитъ? Неужель къ чиновникамъ? Нѣтъ! Такое предположеніе невозможно, и подобное опасеніе совершенно неумѣстно» [1]).

„У насъ,—писалъ Кошелевъ далѣе—улучшеніе внутренняго управленія возможно только при условіи передачи его, въ возможныхъ предѣлахъ, мѣстной общественной дѣятельности. Эта дѣятельность не должна быть заключена въ тѣсный кругъ сословій; въ округѣ (т. е. волости) она должна принадлежать всему сельскому населенію: землевладѣльцамъ всѣхъ наименованій, которыя должны всѣ исчезнуть въ одномъ, для нихъ всѣхъ общемъ. Въ уѣздахъ все сельское и городское населеніе должно также имѣть одно собраніе, одно управленіе, одну полицію, одинъ судъ". То же Кошелевъ утверждалъ и о высшей инстанціи—о губерніи [2]).

Этотъ вопросъ занималъ одинаково и другихъ депутатовъ.

Труды редакціонныхъ комиссій—по мнѣнію Унковскаго, Офросимова, кн. Волконскаго и многихъ другихъ депутатовъ перваго приглашенія—въ настоящемъ ихъ объемѣ даже не могли быть подвергнуты полному и всестороннему разбору, такъ какъ комиссіи занимались только административнымъ устройствомъ сельскихъ обществъ, не касаясь вовсе уѣздной и губернской администраціи и отношеній сельскаго управленія къ высшимъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Но—разсуждали депутаты—вѣдь сельскія общества—не отдѣльные народы, изолированные другъ отъ друга: они живутъ одною общею жизнью, имѣютъ общіе интересы и составляютъ уѣзды и губерніи, а потому по необходимости должны находиться въ постоянныхъ отношеніяхъ къ одной общей центральной власти. Отсюда слѣдуетъ, что все административное устройство края должно представлять одно не-

[1]) Скребицкій, I, 780.
[2]) Тамъ же, 781.

разрывное цѣлое, въ которомъ части должны соотвѣтствовать одна другой и вести къ одной общей цѣли. [1]).

Въ своемъ отзывѣ на труды административнаго отдѣленія А. М. Унковскій представилъ подробный разборъ и рѣзкую критику — своего рода краснорѣчивый и пылкій обвинительный актъ — противъ существовавшей тогда системы управленія. Это была не просто критика, а обличеніе и бичеваніе существовавшихъ тогда административныхъ и судебныхъ порядковъ, по тону напоминавшая политическія письма Погодина во время Крымской кампаніи. Въ заключеніи своемъ Унковскій предлагалъ упразднить всѣ существовавшія тогда вѣдомства, присутственныя мѣста, канцеляріи и сословные суды и замѣнить все это широкой и послѣдовательно проведенной системой самоуправленія и общимъ для всѣхъ сословій судомъ присяжныхъ. Для обузданія же чиновничьяго произвола и злоупотребленій онъ требовалъ введенія отвѣтственности чиновниковъ передъ судомъ не по распоряженію ихъ начальствъ, а по жалобамъ частныхъ лицъ. Оспаривая то возраженіе, что такую радикальную реформу трудно провести одновременно и быстро, Унковскій писалъ: „мы полагаемъ, что для уничтоженія вѣдомствъ нужно только убѣжденіе правительства въ необходимости этой реформы и опредѣленіе порядка уставленія обществъ въ хозяйственномъ отношеніи (что и безъ того должно быть сдѣлано при составленіи положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости). Затѣмъ только остается сдѣлать распоряженіе о выборѣ новыхъ должностныхъ лицъ хозяйственно-распорядительнаго управленія, передать имъ всѣ дѣла изъ уничтожаемыхъ вѣдомствъ, а зданія, которыя занимались этими управленіями, назначить къ другому употребленію“. „Создайте — писалъ Унковскій—самостоятельное, выборное хозяйственно-распорядительное управленіе, обяжите его представлять гласно отчеты о своихъ дѣйствіяхъ правительству и обществу и сдѣлайте его отвѣтственнымъ передъ судомъ. Дайте начальникамъ губерній и обществу право предавать дѣйствія этихъ лицъ на разсмотрѣніе независимаго суда и больше ничего не нужно“. (Послѣднія слова относились къ наградамъ, чинамъ и другимъ служебнымъ поощреніямъ, которыя Унковскій признавалъ излишними) [2]).

---

[1]) *Скребицкій,* 764 (мнѣніе Офросимова и кн. Волконскаго); срав. также 767 (мнѣніе А. М. Унковскаго). То же говорили Шретеръ и Хрущовъ, Никифоровъ и Петрово-Соловово (харьковскіе и тамбовскіе депутаты).

[2]) Огромный отзывъ Унковскаго, какъ и всѣ другіе, напечатанъ въ прилож. къ „Матеріаламъ редакц. коммисій“; большое извлеченіе изъ него помѣщено у *Скребицкаго* въ т. I, стр. 785—799 и 878 — 885. У меня

Видя непосредственную связь сельскаго самоуправленія съ организаціей всего мѣстнаго управленія и суда, большинство депутатовъ перваго приглашенія подвергли подробному разсмотрѣнію недостатки существовавшей въ то время административной и судебной системы. Они видѣли эти недостатки „въ мелочной правительственной опекѣ надъ всею жизнью народа, въ соединеніи всего управленія въ рукахъ одной безотвѣтственной исполнительной власти и въ совершенномъ отсутствіи самостоятельной судебной власти". Они находили, что безъ радикальной административной и судебной реформы крестьянская реформа не можетъ дать тѣхъ благихъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидаютъ. Въ основаніе этихъ реформъ они ставили слѣдующіе принципы: „гласность, учрежденіе самостоятельнаго независимаго, общаго для всѣхъ сословій, суда, отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ судомъ, строгое разграниченіе властей судебной, административной и полицейской и самоуправленіе общества въ въ хозяйственномъ отношеніи". При этомъ они довольно согласно заявляли, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права „хозяйственно-распорядительное управленіе (будущее земство) должно быть общее, выборное для всѣхъ сословій".

Депутаты *Косаговскій*, *Безобразовъ*, *Хрущовъ и Шретеръ* представили даже спеціальный проектъ образованія сельскихъ управленій въ связи съ уѣзднымъ и губернскимъ [1]) а Нижегородскій депутатъ *Нестеровъ* даже графически изобразилъ схему связанныхъ между собою сельскаго, окружнаго (волостнаго) и уѣзднаго самоуправленія [2]).

Къ этимъ заявленіямъ депутатовъ перваго приглашенія слѣдуетъ присоединить также и отзывъ депутата 2-го приглашенія *кн. А. В. Оболенскаго*, который просилъ правительство, „чтобы крестьянамъ было дано возможно *полное самоуправленіе безъ вмѣшательства и участія въ ономъ чиновничества*, безъ противупоставленія элементовъ двухъ сословій дворянскаго и крестьянскаго черезъ подчиненіе ихъ разнымъ управленіямъ и безъ всякой регламентаціи, стѣсняющей и убивающей въ зародышѣ всѣ здоровые ростки народной жизни". Князь Оболенскій, въ отличіе отъ большинства другихъ депутатовъ 2 приглашенія, былъ совершенно чуждъ всякихъ помѣщичьихъ плантаторскихъ поползновеній, что онъ и доказалъ

къ сожалѣнію, нѣтъ подъ руками *приложеній* къ „Матеріаламъ редакц. коммисій" и потому всѣ отзывы депутатовъ дворянскихъ комитетовъ я принужденъ цитировать по Скребицкому.

[1]) *Скребицкій*, I, 763.

[2]) *Тамъ же*, 770.

своею благородною дѣятельностью въ Калугѣ (въ качествѣ члена губернскаго комитета, а затѣмъ и губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ), гдѣ подвергся за то большимъ непріятностямъ со стороны тамошнихъ дворянъ. Онъ и въ отзывѣ своемъ писалъ: „во всякомъ случаѣ дворянство, изъ чувства самосохраненія, а еще болѣе по чувству гражданскаго долга, обязано добровольно отказаться отъ сословныхъ своихъ преимуществъ и привилегій, во имя разумныхъ основаній гражданственности, въ пользу начала равенства всѣхъ передъ закономъ“.

Съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, по мнѣнію кн. Оболенскаго, разрѣшается и будущая участь дворянства. Оно должно или погибнуть, или преобразоваться на новыхъ началахъ.

„Устройство администраціи сельскихъ обществъ играетъ—указывалъ Оболенскій—въ этомъ вопросѣ огромное значеніе. Ежели дворянство приметъ на себя обязанность волостныхъ попечителей, оно неминуемо потеряетъ всякое значеніе; если же оно сольется съ народомъ и будетъ связано съ нимъ общностью интересовъ, то оно получитъ весьма значительное помѣстное вліяніе. Вообще, говоря о значеніи дворянства, можно сказать, что ежели съ освобожденіемъ крестьянъ, имъ будетъ дано такое устройство, которое ихъ удовлетворитъ и отъ котораго имъ сдѣлается свободнѣе и лучше жить, то дворяне вполнѣ вознаградятся за ихъ пожертвованія; они сдѣлаются просвѣщенными и уважаемыми представителями народа; въ противномъ случаѣ на нихъ падетъ, во мнѣніи народа, вся отвѣтственность за дурной порядокъ вещей“ [1]).

Конечно, лишь очень немногіе изъ дворянъ думали въ то время такъ благородно, какъ думалъ кн. А. В. Оболенскій; но я нарочно здѣсь привелъ его отзывъ, чтобы показать, что требованія всесословнаго самоуправленія и суда и всесословной волости и въ эпоху освобожденія крестьянъ вовсе не соединялись обязательно съ какими-нибудь крѣпостническими или даже просто помѣщичьими притязаніями и поползновеніями. Хотя такія притязанія существовали въ то время и даже были широко распространены въ помѣщичьей средѣ, но среди сторонниковъ всесословной волости и всесословнаго самоуправленія изъ числа депутатовъ перваго приглашенія крѣпостническія поползновенія и замыслы вовсе не были преобладающимъ явленіемъ, какъ это многіе ошибочно думаютъ. Вопросъ о всесословной волости былъ скомпрометированъ въ общественномъ мнѣніи позднѣе, а именно въ

---

[1]) *Скребицкій*, I, 817.

началѣ 70-ыхъ годовъ, какъ это разъяснено въ статьѣ г. Скалона, и въ книгѣ г. Страховскаго, а вовсе не въ эпоху освобожденія крестьянъ [1]). Но нельзя отрицать одного, что въ эту эпоху редакціонныя коммисіи все же опасались болѣе всего допустить въ той или иной формѣ сохраненіе вотчинной власти и помѣщичьяго преобладанія въ сельскомъ быту.

Критика депутатовъ была встрѣчена нѣкоторыми членами редакціонныхъ комиссій не безъ раздраженія. Такъ А. И. Кошелевъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ", что кн. Черкасскій назвалъ, не обинуясь, его замѣчанія на труды редакціонныхъ комиссій пасквилемъ, что очень обидѣло Кошелева [2]).

Замѣчательно, что во время словесныхъ преній съ депутатами 1 приглашенія лишь одинъ Кошелевъ коснулся докладовъ административнаго отдѣленія и высказалъ свои взгляды о значеніи крестьянскаго міра. Всѣ остальные отзывы депутатовъ по административнымъ вопросамъ остались лишь въ видѣ объемистаго печатнаго памятника ихъ взглядовъ.

Изъ поднятыхъ депутатами вопросовъ въ редакціонныхъ комисіяхъ былъ лишь слегка затронутъ вопросъ о желательности одного общаго административнаго устройства крестьянъ всѣхъ вѣдомствъ, причемъ однако же комиссіи признали, что и этотъ вопросъ не подлежитъ ихъ обсужденію [3]).

Бросая въ своихъ „Запискахъ" ретроспективный взглядъ на ходъ дѣлъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ, Кошелевъ писалъ между прочимъ: „вообще настроеніе общества (т. е. высшихъ сферъ), особенно въ Петербургѣ, было крайне враждебно успѣхамъ освобожденія крѣпостныхъ людей. А потому спасибо редакціоннымъ комиссіямъ, что онѣ, видя, откуда всего сильнѣе и рѣзче идетъ неодобреніе составленныхъ ими проектовъ и опасаясь полнаго крушенія этого дѣла, предпочли не исправлять своего далеко несовершеннаго труда, чѣмъ затянуть дѣло освобожденія крѣпостныхъ людей и тѣмъ помочь противникамъ его въ изуродованіи или даже въ полномъ его устраненіи или, что всего чаще и хуже бываетъ, — въ нулификаціи его, т. е. въ превращеніи его въ ничто посредствомъ изданія закона неопредѣленнаго и ничего положительнаго не постановляющаго" [4])...

---

[1]) „Мелкая земская единица" изд. 1-ое ст. г. *Скалона* стр. 284 и слѣд. *И. Страховскій* „Крестьянскія права и учрежденія", стр. 83.

[2]) „Записки А. Н. Кошелева", стр. 119.

[3]) *Тамъ же*, стр. 195.

[4]) „Записки", стр. 122.

Дѣйствительно, нельзя не принять въ разсчетъ, что редакціоннымъ комиссіямъ приходилось работать, такъ сказать, подъ перекрестнымъ огнемъ и очень можетъ быть, что въ тотъ моментъ, когда онѣ работали, онѣ достигли наибольшаго возможнаго результата въ смыслѣ радикальнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права. Это такъ. Но съ какимъ бы почтеніемъ мы ни относились къ трудамъ редакціонныхъ комиссій, ничто не можетъ помѣшать намъ въ настоящее время спокойно и безпристрастно отдѣлить въ ихъ трудахъ безусловно хорошее отъ неудачнаго. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ изъяновъ въ трудахъ редакціонныхъ комиссій нельзя не признать вмѣстѣ съ первыми ихъ критиками, депутатами губернскихъ комитетовъ, именно проектъ сельскаго и волостнаго устройства, при этомъ главнымъ источникомъ этого изъяна несомнѣнно явилась коренная неправильность въ самой постановкѣ вопроса о цѣли устройства сельскаго общественнаго устройства крестьянъ. Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ вышеприведенными мнѣніями Ю. Ф. Самарина и А. Д. Желтухина.

Здѣсь кстати отмѣтить, что столь ясно формулированное депутатами губернскихъ комитетовъ положеніе о необходимости соединенія сельскаго самоуправленія въ одну систему съ уѣзднымъ и губернскимъ не получило себѣ примѣненія не только въ трудахъ редакціонныхъ коммисій, но и въ работахъ той коммиссіи о преобразованіи уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій, которая выработала положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г. Но это и немудрено, потому что эта коммисія состояла изъ однихъ чиновниковъ—бюрократовъ безъ всякаго участія въ ней земскихъ элементовъ.

Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ.

I.

Возникновеніе крѣпостного права въ Польшѣ.—Его составные элементы.—Попытки ограниченія его въ самостоятельной Рѣчи Посполитой.

Въ древней Польшѣ крѣпостного права не существовало. Отдѣльные элементы его постепенно складываются во времена историческія. Первыя отмѣченныя документами ограниченія свободы передвиженія крестьянъ относятся ко времени царствованія „короля хлоповъ“ Казиміра Великаго [1]). Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ установлено статутомъ 1503 или 1505 года. Статутъ 1543 г. устанавливаетъ полное господство помѣщика надъ личностью крестьянина.

„Съ этого времени,—говоритъ князь Ѳаддей Любомирскій,—кметъ, осѣдлый, какъ и неосѣдлый, порознь или вмѣстѣ съ семьею, могъ быть проданъ, заложенъ, подаренъ или отказанъ духовнымъ завѣщаніемъ“ [2]). Еще раньше, именно къ концу XV вѣка, вполнѣ установилась и получила законченную организацію система вотчинной юрисдикціи [3]). Къ XVI вѣку собственность на землю принадлежитъ помѣщику; крестьянинъ сидитъ на ней въ качествѣ арендатора, по большей части безсрочнаго, хотя безсрочность его владѣнія не защищалась ничѣмъ, кромѣ доброй воли помѣщика [4]).

---

[1]) Въ вислицкомъ статутѣ, изданномъ около 1361 года.

[2]) *X. T. Lubomirski*: „Rolnicza ludnosw Polsce“ etc. Warszawa, 1862, стр. 9.

[3]) Тамъ же, стр. 2. Срав. новѣйшее сочиненіе *г. Мякотина*: „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ“ и проч. Спб., 1889 г., стр. 52 и слѣд.

[4]) Два вида держанія земли: „wola“ и „zakupenstwo“, назв. соч. *Любомірскаго*, стр. 13.

Такимъ образомъ, развившееся крѣпостное право въ Рѣчи Посполитой выражалось,—какъ вѣрно сказано въ объяснительной запискѣ, приложенной Н. А. Милютинымъ къ проектамъ указовъ 19 февраля 1864 года,—*въ тройной зависимости крестьянина отъ высшаго сословія, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ право на личность крестьянина, право на землю, имъ занятую и право патримоніальной надъ нимъ юрисдикціи* [1].

Въ такомъ положеніи польское крестьянство прошло черезъ XVI, XVII и почти черезъ весь XVIII вѣкъ. Къ концу этого вѣка крестьянскій вопросъ въ первый разъ выступаетъ на сцену въ польскомъ шляхетскомъ обществѣ того времени. Подъ вліяніемъ опасенія за самостоятельность и дальнѣйшее существованіе самого государства, съ одной стороны; подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей французской философіи XVIII вѣка—съ другой, среди польскаго дворянства того времени возникло сознаніе необходимости коренного преобразованія всего внутренняго быта страны. Передовые представители высшаго сословія видѣли ясно необходимость не только полнаго преобразованія политическаго строя Рѣчи Посполитой,—они понимали также насущность и неизбѣжность широкой крестьянской реформы. Сознаніе это, конечно, не было всеобщимъ. Широкому распространенію его въ массахъ шляхты мѣшало невѣжество этой послѣдней въ соединеніи съ вѣковыми предразсудками и господствомъ узкихъ эгоистическихъ интересовъ [2]. Какъ бы то ни было, крестьянскій вопросъ занялъ видное мѣсто въ тогдашней публицистической литературѣ, вызвалъ нѣсколько замѣчательныхъ для того времени проектовъ въ законодательствѣ, впрочемъ, не имѣвшихъ большого успѣха, и, наконецъ, отразился въ частной жизни многими великодушными попытками отдѣльныхъ представителей знати, направленныхъ къ серьезному улучшенію быта крестьянъ въ ихъ помѣстьяхъ [3].

Въ законодательствѣ первое улучшеніе въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ было достигнуто на сеймѣ 1768 года, изъявшемъ

---

[1]) *Изслѣдованія статсъ-секретаря Милютина въ Царствѣ Польскомъ въ 1863—1864 гг.* Т. I. *Объяснит. записка къ проекту указа I-го.* (Повидимому, она составлена Ю. Ѳ. Самаринымъ).

[2]) Обстоятельный разборъ отношенія шляхты къ крестьянскому вопросу въ концѣ XVIII вѣка у г. *Мякотина*: „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ“. Спб., 1889 г. Болѣе розовый взглядъ на отношеніе шляхты къ крестьянскому вопросу въ это время у польскихъ историковъ: *Korzon'a* („Wewnetrzny dzieje Polski za Stanislawa Augusta“, т. I) и *Ѳаддѣя Любомірскаго* („Rolniza ludnosć w Polske“).

[3]) *Lubomirski*, стр. 56 и слѣд.; *Korzon*, т. I, стр. 377 и сл., 402 и сл.; *Мякотинъ*, стр. 173 и сл.; *Костомаровъ*: „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, т. I, стр. 163 и сл.

изъ области вотчинной юрисдикціи всѣ уголовныя дѣла и поставившемъ жизнь крестьянъ подъ охрану общихъ законовъ [1]). Съ этого только времени шляхтичъ за убійство хлопа подвергался отвѣтственности на общемъ основаніи, какъ за убійство шляхтича, и не могъ уже отдѣлаться штрафомъ [2]). Сеймъ 1776 года поручилъ канцлеру Андрею Замойскому, одному изъ благороднѣйшихъ представителей передовой части высшаго сословія, составить для республики сводъ законовъ. Замойскій тщательно занялся составленіемъ этого свода при помощи Выбицкаго и нѣсколькихъ ученыхъ юристовъ.

Въ составъ его вошелъ, между прочимъ, проектъ „ўстава о хлопахъ". Проектъ этотъ имѣлъ въ виду улучшить положеніе крестьянъ и ограничить произволъ помѣщика, причемъ авторъ его опирался на историческія основы—на статуты Казиміра Великаго. Несмотря на умѣренность предположенной въ немъ реформы, онъ вызвалъ противъ себя сильное возбужденіе шляхты и былъ отвергнутъ сеймомъ 1780 года [3]). На четырехлѣтнемъ сеймѣ 1788—1792 гг. крестьянскій вопросъ нѣсколько разъ являлся на сцену, но безъ успѣха. Такъ, напримѣръ, въ 1789 г. сейму былъ представленъ проектъ конституціи Игнатія Потоцкаго. Первый пунктъ этого проекта, объявлявшій свободными всѣхъ жителей Рѣчи Посполитой, былъ единогласно отвергнутъ [4]).

Въ конституціи 3 мая 1791 года статьею 4-ю гарантирована личная свобода всѣмъ новымъ пришельцамъ въ Польшу, а также бѣглымъ хлопамъ, которые пожелали бы возвратиться въ отечество. Но вопросъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ предоставленъ былъ тою же статьей свободному соглашенію между помѣщиками и крестьянами и, слѣдовательно, становился въ зависимость отъ личной воли помѣщиковъ. Законъ гарантировалъ лишь прочность всѣмъ заключеннымъ по этому поводу между помѣщиками и крестьянами добровольнымъ сдѣлкамъ [5]).

Личная свобода крестьянъ и неприкосновенность занятой ими земли были въ первый разъ провозглашены въ Польшѣ лишь наканунѣ ея окончательнаго крушенія поланецкимъ универсаломъ Костюшки 1794 года (ст. 1 и 6). Этимъ же универсаломъ былъ уменьшенъ и точно опредѣленъ размѣръ обязательныхъ для крестьянъ

[1]) *Lubomirski*, стр. 50.
[2]) Ibidem.
[3]) *Мякотинъ*, стр. 189 и слѣд.
[4]) Тамъ же, стр. 206.
[5]) См. *Мякотина*: ст. 4 констит. 3 мая 1791 г. приведена цѣликомъ, назв. соч., стр. 208.

повинностей (ст. 3) [1]. Однако, универсалъ этотъ, изданный революціоннымъ правительствомъ наканунѣ окончательнаго крушенія Польши, никогда не былъ примѣненъ на практикѣ.

При переходѣ отдѣльныхъ частей Польши подъ власть иностранныхъ правительствъ крѣпостное право осталось въ ней въ полной силѣ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 219 и слѣд.

II.

Варшавское герцогство и отмѣна личной крѣпостной зависимости.— Царство Польское и возстановленіе патримоніальной власти помѣщиковъ.—Мѣры русскаго правительства въ казенныхъ имѣніяхъ и невмѣшательство его въ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ.—Мнѣніе передовыхъ представителей польскаго общества.

За двѣнадцать лѣтъ, протекшихъ со времени третьяго раздѣла Польши до возникновенія герцогства Варшавскаго, въ провинціяхъ Рѣчи Посполитой, отошедшихъ къ Россіи и Пруссіи, въ состояніи крѣпостныхъ крестьянъ не произошло никакой существенной перемѣны; напротивъ, въ австрійской части Польши введены были реформы Іосифа II, укрѣпившія за крестьянами тѣ земли, которыя считались по обычаю въ вѣчной арендѣ (zakup). Мы не будемъ, однако, на нихъ останавливаться, такъ какъ въ той части австрійской Польши, которая вошла позднѣе въ составъ Царства Польскаго, дѣйствіе этого законодательства было совершенно уничтожено декретами герцога варшавскаго.

Варшавское герцогство было образовано Наполеономъ въ 1807 году изъ областей, отторгнутыхъ у Пруссіи по Тильзитскому миру. Въ составъ его вошли: великое герцогство Познанское и нынѣшнія губерніи: Варшавская, Петроковская, Калишская, Плоцкая, Ломжинская и Сувалкская. Черезъ два года—по вѣнскому договору 14 октября 1809 года—къ нему были присоединены отъ Австріи нынѣшнія губерніи: Люблинская, Радомская, Сѣдлецкая и Кѣлецкая.

Наполеонъ далъ новому государству конституцію и поставилъ во главѣ его короля саксонскаго Фридриха-Августа.

Четвертою статьей конституціи 22 іюля 1807 года крѣпостное право упразднялось; всѣ граждане были признаны равными передъ закономъ, а права ихъ поставлены подъ охрану общихъ судебныхъ учрежденій.

О поземельныхъ отношеніяхъ конституція ничего не говорила. Отношенія эти были опредѣлены особымъ декретомъ герцога варшав-

скаго отъ 21 декабря 1807 года,, и опредѣлены не въ пользу крестьянъ. Статья 1 этого декрета подтверждаетъ личную свободу крестьянъ и сообразно съ этимъ признаетъ за ними право свободнаго перехода и переселенія въ предѣлахъ герцогства. Требуется лишь заблаговременно извѣстить помѣщика и мѣстное начальство. За то *никакихъ поземельныхъ правъ* за крестьянами не признано. Право помѣщика на землю ограничено однимъ лишь временнымъ запрещеніемъ сгонять крестьянъ и увеличивать размѣръ отбываемыхъ ими повинностей въ теченіе одного только года со времени изданія этого декрета (ст. 3). Крестьянинъ, оставляющій помѣщика, обязанъ сдать ему вмѣстѣ съ землею рабочій скотъ и посѣвъ (ст. 5). По истеченіи годичнаго срока всѣ дальнѣйшія поземельныя отношенія, между помѣщиками и крестьянами предоставлено имъ нормировать добровольными договорами [1]).

Согласно 69 статьи конституціи введено было въ герцогствѣ съ 1 мая 1808 года новое гражданское право — кодексъ Наполеона. Декретомъ 23 февраля 1809 года установился порядокъ замѣщенія *отъ правительства* низшихъ административныхъ должностей, принадлежавшихъ до того времени *помѣщикамъ* въ силу ихъ вотчинныхъ правъ.

Этими мѣрами совершенно измѣнялся весь гражданскій строй страны. Изъ трехъ исторически сложившихся элементовъ крѣпостного права два были уничтожены почеркомъ пера. Однако, тѣмъ же почеркомъ пера у крестьянъ de jure, если еще не de facto, прерывалась вѣковая связь ихъ съ землей. Иноземный законодатель совершенно игнорировалъ вѣками сложившіяся поземельныя отношенія, институтъ вѣчной аренды, нѣкогда формально признававшійся статутами Казиміра Великаго и Альбрехта, сохранившійся затѣмъ въ народныхъ обычаяхъ, хотя и нарушавшійся произволомъ помѣщиковъ, при отсутствіи личной свободы крестьянъ и господствѣ патримоніальной юрисдикціи въ старой Польшѣ, и, наконецъ, снова признанный закономъ въ областяхъ ея, отошедшихъ къ Австріи.

Чтобы понять истинное значеніе для крестьянъ совершившихся преобразованій, надо вспомнить, что Польша того времени была страна почти исключительно земледѣльческая, что, слѣдовательно, согнанному съ усадьбы хлопу некуда было идти, не къ чему приложить свои руки, а кромѣ нихъ у него не было никакихъ средствъ

[1]) Декретъ этотъ приведенъ въ статьѣ *В. Рехневскаго*: „Крестьянское сословіе въ Польшѣ“, *Русскій Вѣстникъ* 1858 года, № 5, статья вторая, стр. 239.

поддержанія жизни. Понятно поэтому, насколько умаляется значеніе созданной Наполеономъ реформы. Немного нужно было имѣть проницательности, чтобы сказать, какъ сказано было въ одной польской статьѣ, что конституція 1807 года дала крестьянамъ такую свободу, какою пользуются дикія птицы, которыхъ каждый вправѣ сгонять съ дерева на дерево; или, какъ говорилъ государственный дѣятель того времени, Мартинъ Бадени, что конституція эта сняла съ польскихъ крестьянъ оковы, но вмѣстѣ съ оковами сняла съ нихъ и сапоги [1]).

Планъ и задача этой статьи не позволяютъ намъ заняться изслѣдованіемъ, насколько эти опасенія сбылись на практикѣ. Скажемъ только, что осуществлялись они въ двухъ направленіяхъ: паны сгоняли крестьянъ, сажая на ихъ мѣсто иностранныхъ колонистовъ, являвшихся съ капиталомъ и улучшенными способами земледѣлія, а затѣмъ стали сгонять ихъ еще чаще, когда послѣ 1815 г. явилось стремленіе увеличивать барскую фольварочную запашку на счетъ крестьянской земли [2]).

Какъ бы то ни было, законодательство варшавскаго герцога освободило личность крестьянина; притомъ, эту личную свободу его оно поставило подъ покровительство общихъ законовъ и общихъ судебныхъ мѣстъ, уничтоживъ вотчинную зависимость отъ помѣщика, но личной свободѣ крестьянъ Варшавскаго герцогства не суждено было развиться на прочныхъ устояхъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

На основаніи вѣнскихъ трактатовъ 1815 года, Варшавское герцогство обратилось въ Царство Польское (за изъятіемъ великаго герцогства Познанскаго, возвращеннаго Пруссіи), и подъ скипетромъ русскаго императора получило новую конституцію 1815 г. Новая конституція признала въ принципѣ личную свободу всѣхъ обывателей Царства, но едва новое установленное ею правительство вступило во власть, какъ поспѣшило воспользоваться этою властью для возстановленія упраздненныхъ вотчинныхъ правъ помѣщиковъ.

Постановленіемъ государственнаго совѣта Царства 30 мая 1818 года опредѣлено:

---

[1]) *О мужикахъ* безъименнаго автора въ сборникѣ гр. Урусскаго: *Крестьянское дѣло*, т. I, стр. 131 русскаго перевода.

[2]) Любопытныя въ этомъ отношеніи указанія заключаются во многихъ статьяхъ, вошедшихъ въ сборникъ гр. Урусскаго: *Крестьянское дѣло*. 2 тома, русскій переводъ 1859 года. См., наприм., ст. безъимяннаго автора, т. I, стр. 141; ст. Антона Михальскаго, т. I, стр. 186; ст. Антона Цыпрасинскаго, т. I, стр. 281.

Каждая деревня и каждая часть деревни, если она принадлежитъ отдѣльному помѣщику, можетъ составить отдѣльную гмину и лишь части деревень, въ которыхъ нѣтъ 10 домовъ, должны быть присоединены къ сосѣдней гминѣ (ст. 1, 2 и 3).

Съ другой стороны, нѣсколько, хотя бы и болѣе 10 (kilkanaście) деревень, принадлежащихъ къ одному имѣнію, могутъ составить одну гмину (ст. 4).

Каждый помѣщикъ по праву владѣнія считается войтомъ гмины въ своемъ имѣніи. Онъ можетъ отправлять обязанности войта лично или черезъ своего замѣстителя (ст. 8) [1]).

Въ качествѣ войта гмины, помѣщикъ получалъ право суда за мелкіе полицейскіе проступки и могъ приговорить каждаго живущаго на его землѣ обывателя къ тремъ днямъ ареста, къ 20 ударамъ розогъ, къ наряду на общественныя работы.

Посмотримъ, какія вытекли отсюда послѣдствія.

Кодексъ Наполеона, введенный съ 1 мая 1808 года, продолжалъ дѣйствовать. Чтобы быть подъ покровительствомъ гражданскихъ законовъ въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, крестьянину необходимо было имѣть съ помѣщикомъ законнымъ образомъ составленный договоръ аренды, найма и т. п.; барщины же кодексъ не признавалъ и договора о вознагражденіи помѣщика за землю барщиннымъ трудомъ заключить было нельзя. Между тѣмъ, несмотря на декретъ 21 декабря 1807 г., въ большинствѣ имѣній крестьяне продолжали сидѣть на своихъ земляхъ на условіи барщины [2]). И такъ какъ законъ ея не признавалъ и у помѣщика

---

[1]) *Dzennik praw*, т. VI, стр. 34—41.

[2]) Не безполезно отмѣтить, что общественное мнѣніе, въ сущности, признавало за крестьянами права вѣчной аренды на землю, ими занятую. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуютъ намъ современные польскіе писатели (см., наприм., ст. *О мужикахъ* безъименнаго автора 1847 года, часть которой помѣщена въ сборникѣ гр. Урусскаго *Крестьянское дѣло*. На стр. 129 авторъ этотъ говоритъ: „Вѣковая давность укрѣпила отношенія, въ какихъ они (крестьяне) остаются съ помѣщикомъ, и хотя помѣщикъ можетъ по закону удалять кметей съ хозяйствъ или увеличивать наложенную барщину, *однако же такой образъ дѣйствія признается всѣми несправедливостью и злоупотребленіемъ*").

Въ Наполеоновомъ кодексѣ была статья 530, установлявшая право всякаго безсрочнаго арендатора пріобрѣтать въ собственность арендуемое имущество посредствомъ выкупа. Г. Горемыкинъ (*Изъ исторіи крестьянъ въ Польшѣ*, стр. 125) полагаетъ даже, что крестьяне въ силу этой статьи могли бы потребовать выкупа своихъ земель. Я думаю, что это не совсѣмъ такъ, такъ какъ по закону 21 декабря 1807 года за ними не было признано никакихъ правъ на землю. Они сидѣли на ней, по смыслу этого закона, какъ бы полагаясь на добрую волю помѣщика—„at will". Тѣмъ не менѣе, сеймъ 1825 года постановилъ вычеркнуть 530 ст. изъ кодекса.

не было законныхъ средствъ настаивать на правильномъ ея исполненіи, то приходилось обратиться къ средствамъ домашнимъ. Для этого и потребовалось возстановленіе вотчинной юрисдикціи.

Въ результатѣ крестьянинъ оказался свободнымъ *номинально*. Онъ былъ поставленъ въ полную *экономическую* зависимость отъ помѣщика тѣмъ, что законъ не признавалъ за нимъ никакихъ правъ на землю, имъ занятую. Фактически онъ былъ поставленъ и въ *личную* зависимость отъ того же помѣщика, такъ какъ помѣщикъ, на землѣ котораго онъ сидѣлъ, могъ произвольно его наказывать въ качествѣ войта гмины.

Такъ продолжалось до 1846 года.

Въ 1831 году страна пережила политическую революцію, подавленную императоромъ Николаемъ. Подавивъ революцію, Николай Павловичъ уничтожилъ конституцію 1815 года и отнялъ у шляхетскаго сословія въ Царствѣ участіе въ государственной власти. Это не повело за собою, однако, никакихъ льготъ для польскихъ помѣщичьихъ крестьянъ [1]). До 1864 года правительство наше держалось въ этомъ отношеніи системы невмѣшательства. Въ то же время, оно занялось устройствомъ судьбы государственныхъ крестьянъ въ краѣ.

Еще съ 1817 года въ *казенныхъ имѣніяхъ* были уничтожены всѣ даремщины, принудительные наймы и проч. прибавки къ правильной, опредѣленной обычаемъ, барщинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянская земля объявлена неприкосновенною. 4 октября 1835 года былъ изданъ указъ [2]) о пожалованіи майоратовъ изъ казенныхъ земель Царства Польскаго и положеніе [3]) объ устройствѣ крестьянъ въ такихъ имѣніяхъ. Предписано было наблюдать, чтобы при раздачѣ майоратовъ экономическій бытъ крестьянъ въ жалуемыхъ имѣніяхъ былъ обезпеченъ, причемъ количество земли, бывшее въ ихъ пользованіи, отнюдь не уменьшалось, а еще увеличивалось до 1 волоки (15 д. 897 с.) на дворъ, если раньше было меньше этой

[1]) Конституція 1815 года была замѣнена „органическимъ статутомъ“ 1832 г., который, впрочемъ, никогда не былъ введенъ на практикѣ. Статутъ этотъ подтверждалъ личную свободу для всѣхъ жителей Царства. *Dziennik praw*, т. XIV, стр. 172. Особенно статьи: 7, 8 и 11 на стр. 180, 182 и 186.

[2]) Указъ этотъ напечатанъ въ *Dziennik'ѣ praw* въ XVII т., стр. 338—358.

[3]) Положеніе въ *Dziennik praw* почему-то не вошло. Я воспользовался изложеніемъ его содержанія въ ст. *Ю. Рехневскаго*: „Крестьянское сословіе въ Польшѣ“, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1858 года, № 5, стр. 253. Г. Рехневскій пользовался ими въ *Сводѣ узаконеній объ имѣніяхъ всемилостивѣйше пожалованныхъ*, но я этого изданія не могъ найти въ Публичной библіотекѣ.

нормы. Усадебныя постройки и весь инвентарь передавались въ собственность крестьянъ. Крестьянамъ предоставлялось на выборъ: платить чиншъ (оброкъ) или отбывать опредѣленныя натуральныя повинности по установленной оцѣнкѣ.

Земля крестьянъ устраивалась колоніально, т.-е. отводились къ однимъ мѣстамъ, по возможности въ правильно очерченныхъ для каждой усадьбы границахъ. Эта „регуляція" производилась особыми чиновниками, экономическими коммиссарами, при помощи землемѣровъ.

Отведенныя крестьянамъ земли оцѣнивались по особо установленнымъ правиламъ, причемъ точно опредѣлялась нормальная доходность этихъ земель и, если оказывалось, что отбываемыя крестьянами повинности превышаютъ нормальный доходъ, установленный этою оцѣнкой, то повинности крестьянъ соотвѣтственно уменьшались. Въ обратномъ случаѣ онѣ оставлялись неизмѣнными.

Устраиваемымъ деревнямъ отводились особыя пастбища въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ количеству содержимаго ими скота. Имъ отводились также лѣсные участки въ количествѣ, необходимомъ для отопленія и поддержанія построекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сервитуты отмѣнялись.

За крестьянами признано было право передавать свои усадьбы другимъ лицамъ по завѣщаніямъ, продажею и другими сдѣлками, но, разумѣется, не иначе, какъ со всѣми обязанностями и повинностями, на участкѣ лежавшими. Раздробленіе участковъ безусловно запрещалось.

Наконецъ, крестьянамъ этимъ предоставлено было важное право выкупа повинностей. Выкупная сумма опредѣлялась капитализаціей годичнаго чинша изъ 5%, причемъ требовалось внести $^3/_4$ этой суммы—единовременно или по частямъ, уплачивая каждый разъ не менѣе 15 рублей. По мѣрѣ взноса выкупа повинности соотвѣтственно уменьшались.

Послѣднимъ правомъ крестьяне воспользовались очень мало; но и безъ этого положеніе ихъ въ казенныхъ имѣніяхъ почти приравнивалось положенію крестьянъ-собственниковъ.

Вся описанная система преобразованій, произведенныхъ въ быту казенныхъ крестьянъ, носитъ несомнѣнный отпечатокъ вліянія реформъ, предпринятыхъ и проводившихся въ это время въ сосѣднемъ Прусскомъ королевствѣ.

Чтобы судить о значеніи этихъ преобразованій, полезно указать нѣкоторыя цифры. Изъ числа 3.860 казенныхъ селеній въ Царствѣ

Польскомъ въ 1856 году было очиншовано, т.-е. устроено согласно положенію 1835 г. и правиламъ 1841 года, 3.070; неочиншованныхъ оставалось всего 790, т.-е. не болѣе 20%. Изъ числа 812 деревень, вошедшихъ въ составъ майоратныхъ имѣній, къ 1856 году неочиншованныхъ оставалось всего 28, т.-е. $3^1/_2$% [1]).

Представляя, такимъ образомъ, несомнѣнный рядъ существенныхъ улучшеній въ судьбѣ казенныхъ крестьянъ, время съ 1815—1846 гг. было глухое время для крестьянскаго дѣла въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. За весь этотъ періодъ въ судьбѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ не произошло никакихъ перемѣнъ къ лучшему.

Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы въ ихъ пользу не было никакого движенія среди самого общества. Напротивъ, сознаніе безвыходности того положенія, до котораго дошли крестьяне въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ, съ одной стороны, совершавшаяся реформа въ польскихъ областяхъ Пруссіи на широкихъ основахъ Штейнъ-Гарденберговскаго законодательства—съ другой заставляли также, какъ въ послѣдніе годы самостоятельной Рѣчи Посполитой, лучшихъ представителей помѣстнаго сословія высказываться въ пользу улучшенія быта крестьянъ.

Таковы сочиненія: Салтыковича—*О причинахъ бѣдности крестьянъ*, вышедшее еще въ 1815 году; Яна Жуковскаго—*О барщинѣ съ прибавленіемъ замѣчаній о нравственности и матеріальномъ положеніи нашего народа*, изданное въ Варшавѣ въ 1830 году; графа П. Лубенскаго—*Объ устройствѣ крестьянскихъ отношеній въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ*, 1843 года; А. Михальскаго—*Крестьяне и регуляція ихъ*, 1844 г.; І. Михальскаго—*Регуляція отношеній крестьянъ*, 1845 г.; Феликса Зелинскаго—*О вѣчныхъ арендахъ*, 1842 года [2]).

Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ и статьяхъ, весьма различныхъ по своему достоинству, какъ и во многихъ трудахъ, изданныхъ уже послѣ 1846 г. [3]), ясно выражается мысль о необходимости огра-

---

[1]) Цифры эти приведены въ статьѣ Ю. Рехневскаго, на которую мы уже ссылались, въ *Русск. Вѣстн.* 1858 г., № 5, стр. 253.

[2]) Важнѣйшія части этихъ сочиненій (кромѣ сочиненій І. Михальскаго), вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ, были собраны въ 1858 г. графомъ Севериномъ Урусскимъ въ двухъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ: *Крестьянское дѣло.* Русскій переводъ (очень небрежный) Моллера 1859 г.

[3]) Послѣ 1846 г. въ польской литературѣ по крестьянскому вопросу наступило несомнѣнное оживленіе, обусловленное, вѣроятно, съ одной стороны, кровавымъ событіемъ въ Галиціи, съ другой—мѣрами русскаго

ниченія помѣщичьяго произвола въ распоряженіи занятою крестьянами землей. Какъ на идеалъ поземельнаго устройства крестьянъ, большинство этихъ авторовъ указываетъ на прусское законодательство, основанное на реформахъ Штейна и Гарденберга 1807 и 1811 годовъ. Главнѣйшія основанія этого законодательства только что были примѣнены прусскимъ правительствомъ къ великому герцогству Познанскому.

Тѣ же принципы имѣли впослѣдствіи несомнѣнное вліяніе на всѣ начинанія нашего правительства въ Царствѣ Польскомъ.

правительства въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ оно впервые высказало серьезныя намѣренія вмѣшаться въ отношенія между помѣщиками и крестьянами,—отношенія, до тѣхъ поръ развивавшіяся домашнимъ образомъ. Въ это время появились замѣчательныя сочиненія Адама Кржиштопора (Ѳомы Потоцкаго) и многія другія. Въ большинствѣ изъ нихъ отразились принципы Штейнъ-Гарденберговскаго законодательства. Отдѣльно въ этомъ отношеніи стоитъ лишь сочиненіе англомана гр. Андрея Замойскаго *О собственности и арендѣ въ отношеніи къ нашимъ крестьянамъ*. Онъ относится къ прусской реформѣ весьма критически.

III.

Законъ 26 мая 1846 года и созданное имъ положеніе дѣлъ.

Въ 1846 году русское правительство впервые рѣшилось вмѣшаться въ судьбу польскихъ помѣщичьихъ крестьянъ, 26 мая 1846 года неожиданно былъ изданъ указъ, совершенно измѣнившій юридическое положеніе крестьянъ въ ихъ отношеніи къ землѣ, на которой они сидѣли. Указъ этотъ Н. А. Милютинъ справедливо называлъ лучщимъ памятникомъ русскаго вліянія въ Варшавѣ [1]).

Ближайшимъ поводомъ къ изданію указа послужило донесеніе плоцкаго гражданскаго губернатора о безпомощномъ положеніи крестьянъ, причемъ указывалось также на возроставшее ихъ негодованіе, вызываемое частыми выселеніями ихъ помѣщиками изъ усадебъ, которыя передавались вновь прибывшимъ нѣмецкимъ колонистамъ [2])

Сопоставляя самое время изданія этого указа съ происходившими тогда событіями въ сосѣдней Галиціи, гдѣ крестьяне бросились рѣзать помѣщиковъ, можно догадываться, что эти событія не остались безъ вліянія на спѣшность изданія столь важнаго указа, повидимому, безъ всякихъ подготовительныхъ работъ. Въ самомъ указѣ выставлены общіе мотивы его изданія. Тамъ указано, что крестьяне живущіе на помѣщичьихъ земляхъ, вслѣдствіе неопредѣленія закономъ ихъ обязанностей, совершенно зависятъ отъ произвола помѣщиковъ; что помѣщики, пользуясь этимъ, сгоняютъ крестьянъ съ ихъ участковъ или перемѣняютъ и уменьшаютъ по своему произволу эти крестьянскіе участки, отчего увеличивается число безземельныхъ и частые переходы вредно вліяютъ „на благосостояніе и нравственность этого полезнаго класса жителей", и, наконецъ, „что живущіе въ частныхъ имѣніяхъ поселяне, изъ опасенія лишиться обрабатываемыхъ ими издавна поземельныхъ участковъ, нерѣдко вынуждены бываютъ принимать на себя и исполнять отяготительныя повинности

---

[1]) Объяснительная записка къ проектамъ указовъ 19 февр. 1864 года.
[2]) Ibidem.

по произволу владѣльцевъ или одними обычаями установленныя". Поэтому признано необходимымъ «*впредь до изданія общаго закона объ устройствѣ поселянъ* положить къ тому предварительныя основанія".

Основанія эти изложены въ шести статьяхъ:

Статья I воспрещаетъ владѣльцамъ имѣній произвольно сгонять крестьянъ, обрабатывающихъ для себя не менѣе 3 морговъ ($1^1/_2$ десятины) земли, съ занятыхъ ими участковъ, пока они исправно отбываютъ всѣ лежащія на нихъ повинности, а также перемѣнять или уменьшать предоставленные каждому крестьянину участки и угодья, или же увеличивать отбываемыя за нихъ повинности. Напротивъ, крестьяне могутъ переселяться куда угодно, соблюдая лишь установленный полицейскій порядокъ и предваривъ помѣщика за 3 мѣсяца до начала хозяйственнаго года.

Статья II обязываетъ владѣльцевъ водворять на каждый оставляемый крестьяниномъ участокъ не позже 2 лѣтъ новаго поселенца, *отнюдь не присоединяя этихъ участковъ и усадебъ къ собственнымъ господскимъ полямъ*.

Статья III поручаетъ высшему административному учрежденію въ Царствѣ Польскомъ—совѣту управленія—уничтожить изъ существующихъ во владѣльческихъ имѣніяхъ подъ разными наименованіями даремщинъ и принудительныхъ наймовъ тѣ, которые окажутся „не имѣющими законнаго основанія", причемъ въ имѣніяхъ, управляемыхъ самими помѣщиками, съ 1 января 1847 г., въ имѣніяхъ же, отданныхъ въ аренду по формальнымъ контрактамъ, заключеннымъ до 1 января 1846 г., по истеченіи сроковъ этихъ контрактовъ.

Статья IV поручаетъ тому же совѣту управленія издать правила для рѣшенія упрощеннымъ порядкомъ всѣхъ споровъ между помѣщиками и крестьянами и опредѣлить подвѣдомственность этого рода дѣлъ, а до тѣхъ поръ возложить на административныя власти „неусыпное наблюденіе, чтобъ обязанности поселянъ въ отношеніи ихъ къ ихъ помѣщикамъ не выходили за предѣлы тѣхъ повинностей, какія по уничтоженіи незаконныхъ даремщинъ и принудительныхъ наймовъ, признаны будутъ правильными и дѣйствительно существовали до 1 января 1846 года, и чтобы въ дѣлахъ помѣщиковъ съ поселянами оказываемы были правосудіе и законная защита".

Статья V обязываетъ административныя власти оказывать „помощь и покровительство" помѣщикамъ, желающимъ заключить съ крестьянами сдѣлки „объ очиншеваніи" (о переводѣ на оброкъ), съ тѣмъ, однако же, чтобъ эти сдѣлки были представляемы посред-

ствомъ губернскаго начальства и съ его подробнымъ заключенiемъ на утвержденiе высшаго правительственнаго мѣста по назначенiю совѣта управленiя.

Наконецъ, статья VI распространяетъ дѣйствiе этого закона на всѣ имѣнiя казенныя, эдукацiонныя и принадлежащiя разнымъ учрежденiямъ и гминамъ.

Исполненiе указа возложено на намѣстника и совѣтъ управленiя [1]).

Вникая въ смыслъ изложенныхъ статей этого закона, мы видимъ, что онъ составляетъ какъ бы необходимое дополненiе къ тѣмъ статьямъ конституцiй 1807 и 1815 годовъ и органическаго статута 1832 года, которыми крестьянамъ Царства Польскаго гарантировалась личная свобода. Указъ 26 мая 1846 года имѣлъ, очевидно, главною своею цѣлью гарантировать имъ нѣкоторую *экономическую* независимость отъ помѣщиковъ. Этимъ указомъ впервые вводится въ Царствѣ Польскомъ понятiе неприкосновенности крестьянской земли, которую помѣщикъ можетъ отобрать отъ крестьянина лишь въ случаѣ неисполненiя лежащихъ на немъ повинностей и *ни въ какомъ случаѣ не можетъ присоединить къ собственнымъ господскимъ полямъ.* Притомъ сохраняются за крестьянами всѣ права ихъ на угодья, куда относятся всѣ сервитутныя права ихъ на строевыя деревья, топливо и подстилку для скота изъ помѣщичьяго лѣса и на пастьбу въ немъ, а также нерѣдко и на другихъ помѣщичьихъ пастбищахъ своего скота. Этимъ же указомъ прекращается дальнѣйшiй ростъ повинностей, отбываемыхъ крестьянами въ пользу помѣщиковъ съ занятой ими земли, и уничтожаются всѣ добавочные виды повинностей, не подходящiе подъ понятiе правильной регулярной барщины подъ общимъ названiемъ даремщинъ и принудительныхъ наймовъ. Имъ же рекомендуется очиншеванiе крестьянъ, т. е. переводъ съ барщины на оброкъ, впрочемъ, пока необязательный для помѣщиковъ.

Къ сожалѣнiю, законъ этотъ не отмѣнилъ установленной въ 1818 году вотчинной юрисдикцiи. Положенiе, созданное имъ, повидимому, соотвѣтствовало тому положенiю въ Пруссiи, которое было создано Штейномъ эдиктомъ 9 октября 1807 года. Этимъ эдиктомъ была дарована крестьянамъ личная свобода и право располагать собою *съ удержанiемъ правъ на землю.* Послѣ его изданiя точно также остались неприкосновенными патримонiальная юрисдикцiя и право вотчинной собственности (dominium directum) помѣщиковъ

[1]) Указъ 26 мая 1846 г. напечатанъ въ т. XXXVIII *Dziennik'a praw*, стр. 4.

на землю, которою пользовались крестьяне, и вытекавшіе отсюда доходы повинности. Но въ Пруссіи эдиктъ 9 октября 1807 года былъ только первымъ шагомъ на пути аграрныхъ реформъ, задуманныхъ правительствомъ Фридриха Вильгельма и затѣмъ послѣдовательно и почти непрерывно проводимыхъ въ теченіе 50 лѣтъ. Напротивъ, указъ 26 мая 1846 года стоитъ уединенно въ исторіи польскаго крестьянскаго дѣла.

Въ Пруссіи за эдиктомъ 9 октября 1807 года слѣдовали Гарденберговскіе законы 16 марта, 11 и 14 сентября 1811 года, направленные къ ликвидаціи прежнихъ поземельныхъ отношеній. Правда, законы эти, какъ и послѣдовавшіе за ними другіе законы, направленные къ проведенію въ жизнь провозглашенныхъ Штейномъ и Гарденбергомъ принциповъ, были результатомъ борьбы и компромисса. При проведеніи въ жизнь „регулированія“ хозяйственныхъ отношеній, крестьяне въ Пруссіи потеряли значительную часть земли, бывшей въ ихъ пользованіи и отошедшей теперь къ помѣщикамъ въ видѣ вознагражденія за отмѣненныя вотчинныя повинности; они лишились при этомъ чрезвычайно важныхъ для нихъ правъ сервитутныхъ. Но, тѣмъ не менѣе, нужно признать, что въ Пруссіи принципы, принятые въ 1807 и 1811 годахъ за основаніе крестьянской реформы, были довольно послѣдовательно и почти безостановочно, хотя и съ нѣкоторыми уклоненіями, проведены въ жизнь въ теченіе послѣдовавшаго за ними пятидесятилѣтняго періода.

Законъ 26 мая 1846 года въ ближайшемъ будущемъ не повлекъ за собой никакихъ дальнѣйшихъ преобразованій, несмотря на ясно выраженное въ немъ самомъ намѣреніе законодателя, который смотрѣлъ на него лишь какъ на временную мѣру. Намѣреніе это осталось безъ исполненія при жизни императора Николая, повидимому, въ виду того, что оно встрѣтило сильное несочувствіе со стороны высшей мѣстной администраціи въ краѣ въ лицѣ императорскаго намѣстника князя Паскевича.

Министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго, по приказанію государя, спрашивалъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія указа 1846 года мнѣніе намѣстника о введеніи обязательнаго очиншеванія помѣщичьихъ крестьянъ, что являлось бы вполнѣ послѣдовательнымъ шагомъ со стороны правительства въ дѣлѣ если не освобожденія, то, по крайней мѣрѣ, улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Польшѣ. Однако, князь Паскевичъ отвѣтилъ, что крестьяне въ Царствѣ Польскомъ уже достаточно облагодѣтельствованы кодексомъ Наполеона и указомъ 26 мая 1846 года, а что

обязательное очиншеваніе—мѣра несправедливая относительно помѣщиковъ [1]).

Въ настоящее время можно, впрочемъ, думать, что неисполненіе этого намѣренія оказалось, въ концѣ концовъ, въ пользу, а не во вредъ крестьянамъ. Несомнѣнно, что обязательное очиншеваніе, еслибъ эта мѣра была принята въ то время, повела бы за собой уничтоженіе крестьянскихъ сервитутовъ, подобно тому, какъ это случилось въ Пруссіи и въ казенныхъ имѣніяхъ Царства Польскаго. Такое рѣшеніе вопроса соотвѣтствовало бы во всякомъ случаѣ всѣми раздѣлявшемуся въ то время мнѣнію о безусловномъ сельско-хозяйственномъ вредѣ сервитутовъ.

Значенія этого вопроса для крестьянъ и для страны мы коснемся въ другомъ мѣстѣ, теперь же обратимся къ исполненію и проведенію закона 1846 года въ жизнь.

Во избѣжаніе возможныхъ замѣшательствъ во время полевыхъ работъ, указъ 26 мая рѣшено было не обнародовать и не печатать до 1 сентября 1846 года. Губернаторамъ же было предложено слѣдить, чтобы помѣщики не воспользовались этимъ временемъ для удаленія крестьянъ съ ихъ усадебъ, для принужденія ихъ къ заключенію какихъ-либо невыгодныхъ для нихъ сдѣлокъ и т. п. Помѣщикамъ содержаніе указа стало извѣстно немедленно, такъ какъ имъ были розданы особыя табели (бланки) для записи въ нихъ всѣхъ крестьянъ, владѣющихъ усадьбами болѣе 3 морговъ, причемъ тутъ же должны были отмѣчаться всѣ отправляемыя ими повинности.

Согласно указаніямъ, даннымъ намѣстникомъ княземъ Паскевичемъ совѣту управленія въ предложеніи его отъ 1 іюня 1846 года, реформа, предначертанная указомъ 26 мая, должна была быть приведена въ исполненіе къ 1 января 1847 года [2]).

Совѣтъ управленія и коммисія внутреннихъ дѣлъ принялись за дѣло весьма энергично: престаціонныя табели составленныя помѣщиками были разсмотрѣны, повѣрены и утверждены въ теченіе 20 дней, а ихъ было 17.000. Само собой разумѣется, что спѣшность эта была для дѣла невыгодна, такъ какъ повѣрка могла быть лишь чисто-формальная. Но это обусловливалось требованіемъ уничтожить всѣ незаконныя повинности непремѣнно съ 1 января 1847 года.

Въ развитіе указа, совѣтомъ управленія былъ преподанъ низ-

---

[1]) См. объяснительную записку по проектамъ указовъ 19 февраля 1864 года.

[2]) *Горемыкинъ*: „Очерки изъ исторіи крестьянъ въ Польшѣ", стр. 136 и слѣд.

шимъ административнымъ властямъ цѣлый рядъ разъясненій, толковавшихъ указъ довольно широко въ пользу крестьянъ.

Такъ, въ объясненіе 1-й ст. указа было постановлено, что всѣ сервитутныя права крестьянъ на пользованіе помѣщичьимъ лѣсомъ и пастбищами остаются въ силѣ и не могутъ быть упраздняемы.

Въ развитіе 2-й ст. указа постановлено, что помѣщики не могутъ не только присоединять къ своимъ фольваркамъ, но также и дробить крестьянскія усадьбы, оставленныя ихъ владѣльцами; что пока усадьбы эти пустуютъ, помѣщики обязаны отбывать съ нихъ всѣ государственныя повинности и сборы, но что указъ 26 мая не распространяется на усадьбы, оставленныя крестьянами до его изданія.

Во исполненіе 3-й ст. указа издано было высочайше утвержденное постановленіе совѣта управленія отъ 14 ноября 1846 года, которымъ было опредѣлено, какія даремщины и принудительные наймы подлежатъ уничтоженію [1]).

Въ развитіе той же статьи совѣтъ управленія разъяснилъ, что отъ даремщинъ и принудительныхъ наймовъ свободны также всѣ коморники и даже безземельные крестьяне.

Исполненіе указа 1846 года подверглось рѣзкой критикѣ въ объяснительной запискѣ Н. А. Милютина къ проектамъ указовъ 19 февраля 1864 г. Высоко цѣня самый указъ 26 мая, Милютинъ полагалъ, что исполненіе его на практикѣ было до того искажено глухою, но сознательною оппозиціей со стороны мѣстныхъ чиновни-

---

[1]) Совѣтъ управленія подъ незаконными даремщинами понималъ повинности, неопредѣленныя ни числомъ дней, ни количествомъ требуемой работы.

Чтобы судить о громадномъ экономическомъ значеніи этихъ даремщинъ и различныхъ видовъ принудительныхъ наймовъ, продажъ и поставокъ по опредѣленной таксѣ, важно отмѣтить, что *существовали цѣлыя имѣнія, въ которыхъ вовсе не было опредѣленной барщины, а все хозяйство поддерживалось одними даремщинами*. Совѣтъ управленія перечисляетъ 121 видъ такихъ даремщинъ и принудительныхъ наймовъ. Одинъ изъ видовъ даремщины — толока (сгонъ на работы во время страды всего рабочаго населенія) по постановленію 14 ноября 1846 года дозволялось замѣнить *шестью* днями барщины въ году отъ каждой усадьбы. Цѣлый рядъ даремщинъ и всѣ принудительные наймы, продажи, поставки и проч. были отмѣнены вовсе. Нѣкоторые же виды даремщинъ дозволено было оставить, но лишь включивъ ихъ въ составъ постоянной барщины. Въ имѣніяхъ, гдѣ всѣ работы отправлялись путемъ даремщинъ, а также въ тѣхъ, гдѣ обыкновенной барщины было менѣе 2 дней въ недѣлю отъ уволоки земли (15 десятинъ), даремщины, кромѣ тѣхъ, которыя уничтожены были безусловно, дозволялось замѣнить опредѣленною барщиной по добровольному соглашенію съ крестьянами и подъ наблюденіемъ правительства.

Постановленіе 14 ноября 1846 г. помѣщено въ XXXVIII томѣ *Dziennik'a praw*, стр. 252. Кромѣ того оно помѣщено въ извлеченіи въ ст. Ю. Рехневскаго, *Русскій Вѣстникъ* 1858 г., № 5.

ковъ и помѣщиковъ, отъ которыхъ исполненіе это зависѣло, что указъ какъ практическая мѣра, утратилъ значительную часть своей цѣны.

Дѣйствительно, вслѣдъ за изданіемъ указа былъ допущенъ цѣлый рядъ исключеній, но врядъ ли эти исключенія имѣли серьезное значеніе. Впослѣдствіи большую часть ихъ самъ Н. А. Милютинъ ввелъ въ указы 19 февраля 1864 года. Такъ, изъ-подъ дѣйствія указовъ были изъяты всѣ тѣ крестьяне, которые, кромѣ земледѣлія, имѣли еще какое-нибудь спеціальное занятіе или служили помѣщикамъ въ какихъ-либо спеціальныхъ техническихъ должностяхъ, какъ-то: корчмари, кузнецы, мельники,овчари, садовники, лѣсные сторожа и т. п. Затѣмъ признано было, что дѣйствіе указа не распространяется на участки мелкой шляхты, хотя бы и сданные въ аренду крестьянами, такъ какъ ранѣе участки эти обрабатывались самими ихъ владѣльцами.

Гораздо большее значеніе имѣли исключенія, допущенныя совѣтомъ управленія по нѣкоторымъ частнымъ случаямъ. Примѣры такихъ отступленій указаны въ книгѣ г. Горемыкина: *Очерки изъ исторіи крестьянъ въ Польшѣ* [1]).

Но если сравнить всѣ подобныя исключенія и отступленія съ тѣми, которыя были допущены при проведеніи аграрныхъ реформъ новѣйшаго времени въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Пруссіи во времена Штейна и Гарденберга или у насъ въ Россіи во время самой выработки и затѣмъ примѣненія къ жизни положенія 19 февраля 1861 года, то придется безъ сомнѣнія признать ихъ весьма незначительными.

Что касается дѣятельности высшихъ административныхъ учрежденій въ Царствѣ Польскомъ—совѣта управленія и, въ особенности, коммисіи внутреннихъ дѣлъ,—то врядъ ли справедливо упрекать ихъ въ потворствѣ помѣщичьимъ интересамъ и въ стремленіи исказить на практикѣ волю законодателя. Наоборотъ, по вопросу о сервитутныхъ правахъ крестьянъ и въ дѣлѣ упраздненія незаконныхъ даремщинъ и принудительныхъ наймовъ эти учрежденія старались, какъ мы видѣли, широко и полно примѣнить къ жизни соотвѣтственныя статьи указа.

Въ помѣщичьей средѣ указъ 26 мая не могъ, конечно, не вызвать неблагопріятныхъ толковъ и попытокъ уклониться такъ или иначе отъ невыгодныхъ матеріальныхъ послѣдствій этого закона [2]),

---

[1]) Стр. 135.

[2]) Въ этомъ отношеніи немалыми промахами со стороны правительства Царства слѣдуетъ признать отсрочку опубликованія указа до 1 сентября и слишкомъ короткій срокъ, данный правительственнымъ учрежде-

хотя можно думать, что и тутъ движеніе противъ указа было гораздо менѣе сильно, нежели оно могло бы быть во всякое другое время, такъ какъ помѣщики были слишкомъ напуганы перспективою рѣзни, которая только что имѣла мѣсто въ сосѣдней Галиціи. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ они склонны были смотрѣть на русское правительство, какъ на единственный свой оплотъ въ случаѣ вспышки среди притѣсненныхъ и ненавидѣвшихъ панщизну крестьянъ. Къ этому именно времени относится знаменательный памфлетъ маркиза Александра Велепольскаго подъ названіемъ *Lettre d'un gentillehomme polonais snr les massacres de la Galicie adressée au prince de Metternich a l'occasion de sa dépéche circulaire de 7 mars 1846* [1]), въ которомъ наряду со страстнымъ и энергическимъ осужденіемъ австрійскаго правительства указывается полякамъ необходимость искренно и безусловно отдаться великодушію русскаго императора, государя хотя и суроваго, но за то такого, который никогда не отчуждалъ своей власти въ руки разбойниковъ и всегда поддерживалъ порядокъ [2]). Лучшая и передовая часть дворянства въ цѣломъ рядѣ статей и памфлетовъ подъ вліяніемъ тѣхъ же событій выразила ясное сознаніе необходимости примириться со своими крестьянами и серьезно улучшить ихъ бытъ [3]).

Несмотря на всѣ достоинства указа 26 мая 1846 года, слѣдуетъ, конечно, признать, что онъ явился, какъ это замѣтилъ въ своей книжкѣ г. Горемыкинъ [4]), лишь программою того, что нужно было сдѣлать, такъ какъ установленное имъ юридическое положеніе крестьянъ фактически оставалось безъ надлежащей гарантіи.

ніямъ для повѣрки престаціонныхъ табелей, составленныхъ самими помѣщиками. Есть указаніе, что многіе помѣщики отнеслись къ этому дѣлу не только небрежно и поверхностно, но иногда прямо недобросовѣстно. См. *Горемыкина*, назв. соч., стр. 142, и объяснительную записку къ проектамъ указовъ 19 февраля 1864 года.

[1]) Помѣщено въ IV томѣ сочиненій *H. Liticklego*: „Alexander Wielopolski". Krakow, 1878—79, стр. 439.

[2]) „La noblesse polonaise, – сказано тамъ,—préférera sans doute marcher avec les Russes à la tête de la civilisation slave, jeune, vigoureuse et pleine d'avenir, que de se traîner coudoyée, méprisée haïe, injurée à la queuv de votre civilisation décrépite, tracassière et présomptueuse", стр. 467, тамъ же.

[3]) Весьма значительный въ этомъ отношеніи фактъ указанъ въ статьѣ г. Ю. Рехневскаго (*Русскій Вѣстникъ* 1858 г., № 5, стр. 260). При уничтоженіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ даремщинъ, хотя было постановлено, что въ имѣніяхъ, сданныхъ въ аренду, уничтоженіе это можетъ послѣдовать лишь по окончаніи сроковъ арендныхъ договоровъ, однако, изъ 1,023 имѣній, состоявшихъ въ арендѣ въ 1846 году, къ 1848 году указъ 26 мая былъ введенъ уже въ 643, такъ какъ арендаторы добровольно согласились подчиниться указу до истеченія сроковъ арендныхъ контрактовъ.

[4]) Назв. соч., стр. 135.

Въ положеніи польскихъ крестьянъ и послѣ изданія указа 26 мая 1846 года самымъ существеннымъ недостаткомъ оставалось, попрежнему, подчиненіе ихъ въ административномъ и отчасти въ судебномъ отношеніи вотчинной юрисдикціи помѣщиковъ. Еслибъ указъ 1846 года былъ лишь первымъ шагомъ на пути освободительныхъ реформъ по отношенію къ крестьянскому сословію, то несомнѣнно вторымъ шагомъ должно бы явиться уничтоженіе вотчинной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, какъ это и было въ Пруссіи въ 1811 году. Но въ Царствѣ Польскомъ этого не случилось. Высшая правительственная власть въ Царствѣ въ лицѣ намѣстника князя Паскевича была противъ всякихъ дальнѣйшихъ шаговъ по пути реформы въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ связи съ этимъ осталась безъ исполненія и 4 статья указа, предписывавшая создать особыя учрежденія, которыя бы вѣдали спорныя дѣла между помѣщиками и крестьянами. Въ предложеніи намѣстника совѣту управленія 1 іюня 1846 года сказано, что „развитіе этой статьи не требуетъ поспѣшности, ибо надлежитъ опредѣлить обязанности крестьянъ къ помѣщикамъ прежде, нежели опредѣлено будетъ, какія мѣста должны разбирать ихъ взаимные споры“ [1]).

Что касается очиншеванія, т.-е. перевода крестьянъ съ барщины на оброкъ, то указъ 1846 года, вопреки стремленію, выраженному въ ст. 5, не только не способствовалъ увеличенію числа подобныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами, а, наоборотъ, затормазилъ это дѣло. Крестьяне стали на этотъ счетъ неподатливы, такъ какъ законъ этотъ возбудилъ въ нихъ надежду на полученіе земли въ полную собственность при помощи правительства.

Черезъ 10 лѣтъ послѣ изданія указа, по свѣдѣніямъ, приводимымъ въ цитированной уже статьѣ г. Ю. Рехневскаго [2]), изъ общаго числа деревень помѣщичьихъ крестьянъ было очиншованныхъ лишь 30,5%, тогда какъ у казенныхъ крестьянъ число это достигало 74,3%, а въ майоратныхъ имѣніяхъ — 96,4% [3]).

---

[1]) *Горемыкинъ*, назв. соч., стр. 137.

[2]) *Русскій Вѣстникъ* 1858 г., № 5, стр. 260 и слѣд.

[3]) В. Д. Спасовичъ упоминаетъ, что изъ помѣщичьихъ крестьянъ болѣе 99% дворовъ оставались въ 1861 г. на барщинѣ. Онъ взялъ цифры изъ книги *Lisickiego*: „Alex. Wielopolski“, т. II, стр. 105, но сдѣлалъ невѣрный разсчетъ. Тамъ сказано, что за послѣдніе 2 года передъ 1861 г. число очиншованныхъ усадебъ достигло лишь 1,017, а на барщинѣ оставалось еще 137,250. Сколько было очиншовано ранѣе и сколько всѣхъ крестьянскихъ усадебъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ края,—тамъ не сказано, а г. Спасовичъ по недоразумѣнію предположилъ, что ихъ было всего 137,250—1,017, или 138,267. На самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо больше. См. *Спасовичъ*, назв. соч., стр. 176; *Lisicki*, назв. соч., т. II, стр. 105.

IV.

Положеніе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ въ началѣ царствованія императора Александра II. — Общественное возбужденіе и крестьянскій вопросъ. — Земледѣльческое общество и мѣры, предположенныя представителями русской администраціи.—Маркизъ Велепольскій и выработанные имъ аграрные законы. — Возстаніе и отношеніе тайнаго революціоннаго правительства къ крестьянскому вопросу.

Съ перемѣной царствованія послѣ Крымской кампаніи, когда начались новыя вѣянія въ Россіи, въ Царствѣ Польскомъ тоже проявилось замѣтное общественное движеніе. Но здѣсь оно направилось на вопросы національные и политическіе. Главною мечтой встрепенувшагося общества явился не крестьянскій вопросъ, а вопросъ автономіи и національной независимости.

При посѣщеніи государемъ Варшавы въ 1856 году, ему былъ поданъ адресъ, редактированный, по порученію польскихъ патріотовъ, барономъ Фирксомъ (Шедо-Феротти, авторомъ книги: *Que fera-t-on de la Poloqne?*). Въ адресѣ этомъ испрашивались слѣдующія льготы: 1) амнистія политическимъ эмигрантамъ; 2) возвращеніе сосланныхъ въ Сибирь; 3) участіе помѣщиковъ въ мѣстномъ управленіи посредствомъ выборныхъ, а также участіе ихъ въ судѣ и полиціи; 4) открытіе польскаго университета.

Адресъ этотъ являлся какъ бы пробнымъ камнемъ, самымъ скромнымъ minimum'омъ тѣхъ политическихъ реформъ, которыхъ общество польское ожидало отъ новаго императора. Изъ него были исключены, на первый разъ, послѣ продолжительныхъ обсужденій, ходатайство объ особомъ государственномъ совѣтѣ и учрежденіяхъ, обѣщанныхъ въ 1832 году органическимъ статутомъ [1]).

О крестьянахъ и крестьянскомъ вопросѣ не было сказано ни слова.

---

[1]) *Спасовичъ*: „Жизнь и политика Маркиза Велепольскаго“. Спб., 1882 г. стр. 72.

Но въ слѣдующемъ 1857 году было учреждено, съ разрѣшенія правительства, „земледѣльческое общество", которому вскорѣ было предоставлено заняться обсужденіемъ крестьянскаго вопроса. Вотъ какъ характеризуетъ В. Д. Спасовичъ [1]) значеніе этого общества: „Учреждено частное общество; ему разрѣшено заниматься однимъ земледѣліемъ; но Царство Польское было въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ, по отсутствію всякихъ другихъ органовъ и каналовъ жизни общественной, всякое промышленное предпріятіе нѣсколько большихъ размѣровъ получало политическую окраску, и политика проникала даже въ пренія объ удобреніи полей, пшеницѣ и картофелѣ. За неимѣніемъ всякой другой организаціи земледѣльческое общество превратилось мало-по-малу въ фактическое представительство общественнаго мнѣнія страны".

Ему-то и было передано обсужденіе крестьянскаго вопроса.

Въ то же время, въ виду возникновенія крестьянскаго вопроса въ имперіи, представители русской власти въ Варшавѣ сочли нужнымъ также подвинуть его нѣсколько въ Царствѣ Польскомъ

Князя Паскевича уже въ это время не существовало. Онъ умеръ 20 января 1856 года. Намѣстникомъ былъ князь Горчаковъ; внутренними дѣлами Царства завѣдывалъ нѣкто Мухановъ, одинъ изъ сотрудниковъ покойнаго фельдмаршала. Выработанные ими законы не представляли, въ смыслѣ улучшенія быта крестьянъ, ничего серьезнаго. Это было высочайше утвержденное 16 декабря 1858 года постановленіе совѣта управленія о добровольномъ очиншеваніи [2]). Оно было издано спустя 12 лѣтъ послѣ изданія указа 26 мая 1846 года, какъ бы въ развитіе 5-й ст. этого указа. Главное достоинство этого законоположенія состояло въ томъ, что оно упорядочило контроль правительства въ дѣлѣ заключенія чиншевыхъ сдѣлокъ, измѣнивъ порядокъ засвидѣтельствованія ихъ нотаріусами, которые до этого времени свидѣтельствовали такія сдѣлки ранѣе правительственнаго утвержденія, въ виду чего самое утвержденіе это являлось какъ бы пустою формальностью [3]).

Постановленіе это предлагало очиншеваніе, по-прежнему, добровольное, причемъ установлялся чиншъ, размѣръ котораго могъ быть измѣняемъ черезъ каждыя 20 лѣтъ, соотвѣтственно среднимъ цѣнамъ ржи. Насколько ничтожно было это законоположеніе по сво-

---

[1]) Тамъ же, стр. 75.
[2]) *Dziennik praw*, т. LII, стр. 46—90.
[3]) Объяснительная записка Милютина къ проектамъ указовъ 19 февраля 1846 г.

ему значенію, видно изъ того, что на основаніи его было очиншевано до 1861 года не болѣе 20 имѣній [1]).

3 марта 1859 года, по представленію намѣстника князя Горчакова, былъ изданъ законъ объ устройствѣ гминъ. Въ этомъ законѣ единственное улучшеніе заключалось въ сокращеніи числа гминъ съ 5.000 до 3.069, причемъ установлено, что размѣръ гмины не можетъ быть менѣе 50 жилыхъ домовъ. Но право быть войтомъ гмины оставалось, по-прежнему, сопряженнымъ съ вотчиннымъ правомъ владѣнія имѣніемъ (ст. 4), причемъ необходимость этого порядка вещей была подкрѣплена въ особой запискѣ Муханова такимъ соображеніемъ: „эта система (патримоніальная) имѣетъ ту неоспоримую и доказанную многолѣтнимъ опытомъ пользу, что предоставленіе поземельнымъ владѣльцамъ должности гминнаго войта даетъ правительству ручательство должнаго исполненія оной, и, притомъ, служба эта исправляется безвозмездно“ [2]).

Земледѣльческое общество, настроенное существовавшимъ въ то время въ странѣ возбужденіемъ, ставило крестьянскій вопросъ гораздо шире. Конечно, среди его членовъ, которыхъ было до 3.000 человѣкъ, существовали на этотъ счетъ мнѣнія весьма разнообразныя, но, въ концѣ-концовъ, восторжествовало наиболѣе радикальное и прогрессивное, принадлежавшее Ѳомѣ Потоцкому. Вопреки многимъ помѣщикамъ, продолжавшимъ думать, что въ крестьянскомъ вопросѣ достаточно ограничиться однимъ лишь очиншеваніемъ—добровольнымъ, какъ желалъ бы Андрей Замойскій, предсѣдатель общества, или обязательнымъ, какъ полагали сторонники маркиза Велепольскаго, —Ѳома Потоцкій и увлеченное имъ большинство земледѣльческаго общества постановили въ февральскомъ засѣданіи 1861 года, что коренной вопросъ крестьянской реформы долженъ быть рѣшенъ въ томъ же смыслѣ, какъ и въ Имперіи, т.-е. что нельзя ограничиться очиншеваніемъ, а необходимо, чтобы посредствомъ соотвѣтствующей выкупной кредитной операціи крестьяне получили возможность пріобрѣсти въ собственность свои надѣлы. По предложенію Ѳомы Потоцкаго, тутъ же была выбрана коммиссія изъ 10 человѣкъ, для составленія проекта выкупа чиншей посредствомъ капитализаціи изъ 6%. Все это было принято собраніемъ помѣщиковъ изъ 1.500 человѣкъ, какъ бы выражавшихъ мнѣніе страны [3]).

Ѳома Потоцкій, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Адама

---

[1]) *Горемыкинъ*, назв. соч., стр. 151.
[2]) *Спасовичъ*, назв. соч., стр. 208.
[3]) Тамъ же, стр. 98.

Кржиштопора, былъ искренній и послѣдовательный демократъ. Еще въ 1851 году въ сочиненіи *O urzedzieniu stosunkow rolniczych w Polsce* [1]), исходя изъ принциповъ Штейнъ-Гарденберговскаго законодательства, онъ предлагалъ поземельное устройство крестьянъ, довольно близкое къ указамъ 19 февраля 1864 года. Увлеченные имъ помѣщики, быть можетъ и, даже по всѣмъ вѣроятіямъ, не раздѣляли вообще его взглядовъ, но они исходили изъ побужденій національныхъ и патріотическихъ [2]). Считая себя „моральнымъ представительствомъ страны", они желали удержаться на высотѣ положенія и не хотѣли упустить изъ своихъ рукъ политическое орудіе такой огромной важности, какъ крестьянскій вопросъ. Они поняли, какъ выразился г. Спасовичъ [3]), что „состязаться съ русскимъ обществомъ на почвѣ крестьянскаго вопроса можно было только однимъ способомъ: предоставляя крестьянину въ Царствѣ Польскомъ никакъ не меньше того, что за нимъ обезпечивала законодательная власть въ Имперіи положеніями 19 февраля 1861 года".

Эти положенія въ то время не были еще обнародованы, но члены земледѣльческаго общества, видимо, были освѣдомлены насчетъ хода работъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ.

Въ это время революціонное движеніе, созрѣвавшее въ Польшѣ, выразилось уже уличными демонстраціями съ кровавымъ исходомъ. На политической аренѣ въ качествѣ главнаго директора коммиссіи внутреннихъ дѣлъ впервые появился маркизъ Велепольскій, человѣкъ совершенно своеобразный, не имѣвшій въ обществѣ польскомъ за собой никакой партіи, не принадлежавшій къ земледѣльческому обществу и бывшій въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ главѣ его, графу Андрею Замойскому. Главною политическою идеей маркиза Велепольскаго была полная автономія Царства Польскаго, но основывалъ онъ ее на принципѣ полной и искренней преданности поля-

---

[1]) Часть этого сочиненія вошла въ сборникъ графа Урусскаго, т. I, стр. 76—98.

[2]) Что члены земледѣльческаго общества были, въ сущности, очень далеки отъ мнѣній Ѳомы Потоцкаго, видно изъ того обстоятельства, что когда 13 наиболѣе вліятельнымъ членамъ комитета общества (mezowe zaufania) пришлось вмѣстѣ съ коммисіей юстиціи выработать прямыя законодательныя мѣры по крестьянскому вопросу, то результатами работъ ихъ явились лишь законы объ окупѣ и обязательномъ очиншеваніи, далеко не отвѣчавшіе потребностямъ даннаго времени. Притомъ, въ первомъ изъ нихъ, по ихъ именно инціативѣ, была введена тяжелая для крестьянъ статья о неустойкахъ, а второй всецѣло направленъ въ защиту помѣщичьихъ интересовъ. (См. *Спасовича*, назв. соч., примѣчаніе на стр. 176—179 и слѣд., а также объяснительную записку къ проектамъ указовъ 19 февраля 1864 года).

[3]) *Спасовичъ*, назв. соч., стр. 172.

ковъ русскому императору. Въ крестьянскомъ или, точнѣе говоря, въ аграрномъ вопросѣ маркизъ являлся консерваторомъ; дальше очиншеванія онъ не шелъ, причемъ очиншеваніе представлялось ему не въ видѣ института вѣчной аренды, а лишь временной—24-хъ лѣтней. Однако, ему пришлось въ этомъ дѣлѣ считаться съ обстоятельствами данной минуты. Онъ желалъ быть посредникомъ между русскимъ правительствомъ и волновавшимся обществомъ польскимъ. Съ одной стороны, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало предупредить возстаніе, съ другой—надѣялся получить для Польши широкую политическую автономію, подобную той, какая была установлена конституціей 1815 года. Отъ отношенія крестьянъ къ правительству въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, очевидно, зависѣло очень многое. Аграрный вопросъ, такимъ образомъ, становился на очередь самъ собою. Обстоятельства складывались такъ, что нельзя было медлить. Земледѣльческое общество, стараясь опередить правительство, издало 20 марта циркуляръ, въ которомъ оповѣщало во всеобщее свѣдѣніе, что помѣщиками рѣшено въ принципѣ, послѣ перевода крестьянъ съ барщины на чиншъ по добровольному соглашенію, дать имъ возможность путемъ кредитной операціи выкупить свой надѣлъ въ собственность. Въ плоцкой епархіи администраторъ ея издалъ циркуляръ, въ которомъ приглашалъ священниковъ внушать крестьянамъ въ проповѣдяхъ во время великаго поста, что не царь, а паны предоставятъ имъ ихъ надѣлъ въ собственность за незначительные взносы въ теченіе 40 лѣтъ, быть можетъ, меньшіе, нежели тотъ чиншъ, на который хотѣло ихъ перевести правительство [1]). Подъ дѣйствіемъ такихъ циркуляровъ и въ виду доходившихъ до нихъ слуховъ объ изданномъ въ Россіи положеніи 19 февраля 1861 года, крестьяне начинали отказываться отъ работъ и отъ повинностей въ пользу помѣщиковъ. Приходилось употреблять противъ нихъ военныя экзекуціонныя мѣры. Въ такихъ обстоятельствахъ Велепольскій спѣшно принялся за выработку крестьянской реформы. Онъ учредилъ съ этою цѣлью при коммиссіи внутреннихъ дѣлъ особый земледѣльческій отдѣлъ (sekcya rolna), въ составъ котораго пригласилъ вліятельнѣйшихъ членовъ комитета земледѣльческаго общества (mężowie zaufania), т.-е, мужи довѣрія, какъ называлъ ихъ маркизъ [2]).

---

[1]) *Спасовичъ*, назв. соч., стр. 177. Оба циркуляра напечатаны полностью во II томѣ сочиненія *Лисицкаго*: „Alexander Wielopolski“: циркуляръ земледѣльческаго общества—на стр. 64, циркуляръ администратора плоцкой епархіи—на стр. 66.

[2]) Тамъ же, стр. 175. Само же земледѣльческое общество въ мартѣ 1861 года было закрыто Велепольскимъ.

При ихъ содѣйствіи онъ выработалъ законъ объ окупѣ, высочайше утвержденный 4 мая 1861 года [1])

По этому закону съ 1 октября того же 1861 года (т.-е. съ окончаніемъ уборки хлѣбовъ въ этомъ году) барщина (pańszczyzna) и всякая издѣльная повинность прекращалась въ помѣщичьихъ имѣніяхъ разъ навсегда для всѣхъ крестьянъ, кромѣ лишь тѣхъ, которые сами пожелали бы остаться при издѣльной повинности. Вмѣсто барщины, крестьяне должны были съ этого времени вносить по четвертямъ года опредѣленный оброкъ-окупъ, величина котораго опредѣлялась существовавшей въ каждомъ имѣніи барщиной, причемъ оцѣнка барщины производилась путемъ оцѣнки рабочаго дня по особой, введенной этимъ закономъ, таксѣ [2]). Оброкъ этотъ долженъ былъ быть вносимъ за каждую четверть года впередъ. Съ неуплатившихъ въ срокъ онъ взыскивался въ полуторномъ количествѣ, въ видѣ неустойки за неисправность. Помѣщику предоставлялось взыскивать этотъ оброкъ какъ административными средствами, такъ и путемъ судебной экзекуціи, съ правомъ описывать и продавать крестьянское имущество, за исключеніемъ лишь земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота и сѣмянъ.

Отличіе окупа отъ чинша состояло въ томъ, что чиншъ опредѣлялся путемъ вычисленія доходности земли, за которую онъ взносился; окупъ же соотвѣтствовалъ существовавшему de facto въ каждомъ имѣніи размѣру барщины.

Оцѣнивая критически этотъ законъ въ своей объяснительной запискѣ къ проектамъ указовъ 19 февраля 1864 г., Милютинъ говоритъ, что мѣра эта, задуманная, по его мнѣнію, правильно, имѣла, однако, весьма крупный недостатокъ съ точки зрѣнія крестьянскаго благосостоянія: таковымъ представлялась чрезмѣрная высота денежной оцѣнки барщинной повинности, которая могла поставить крестьянъ въ очень затруднительное положеніе, особенно при тѣхъ суровыхъ условіяхъ взысканія окупа, которыя установлены этимъ закономъ. Біографъ маркиза Велепольскаго, г. Спасовичъ, тоже признаетъ, что, „по общимъ тогдашнимъ отзывамъ знающихъ дѣло людей“, величина денежнаго окупа была чрезмѣрно

---

[1]) *Dziennik praw*, т. LVII, стр. 378.

[2]) По этой таксѣ Царство Польское было раздѣлено на 4 района, по качеству и урожайности земель. Въ худшемъ районѣ цѣна пѣшаго рабочаго дня опредѣлялась въ $7^1/_2$ коп., въ лучшемъ — въ 12 коп. Цѣна дня съ упряжкой въ 1 пару рабочаго скота 20 — 30 коп., въ 2 пары — отъ 30—45 коп.

высока для крестьянина при переходѣ съ натуральнаго хозяйства на денежное [1]).

Съ своей стороны и помѣщики были очень недовольны этою мѣрой. Большинство боялось, что съ введеніемъ ея произойдетъ полное нарушеніе нормальнаго теченія хозяйства. Къ тому же, своею тяжестью мѣра эта ложилась чрезвычайно неодинаково въ различныхъ имѣніяхъ, въ виду крайне разнообразныхъ размѣровъ барщины.

Впрочемъ, помѣщики могли утѣшаться тѣмъ, что въ концѣ 2 ст. этого закона было сказано: „окупъ этотъ будетъ продолжаться до заключенія безсрочно-оброчныхъ (чиншевыхъ) договоровъ, *и количество его не будетъ обязательнымъ при установленіи безсрочно-денежнаго оброка*". Ст. 7 развитіе этого закона возлагала на коммиссію внутреннихъ дѣлъ совмѣстно съ коммиссіей юстиціи. Однако, маркизъ Велепольскій всѣ дальнѣйшія законодальныя работы по крестьянскому дѣлу изъялъ изъ вѣдомства коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и передалъ въ исключительное вѣдѣніе коммиссіи юстиціи. Здѣсь былъ выработанъ при сотрудничествѣ вышеупомянутыхъ „мужей довѣрія", т.-е. бывшихъ членовъ комитета земледѣльческаго общества, послѣдній аграрный законъ маркиза Велепольскаго: положеніе объ обязательномъ очиншеваніи 24 мая 1862 года [2]).

Законъ этотъ содержитъ въ себѣ двѣ мѣры: 1) очиншеваніе всѣхъ крестьянскихъ земель; 2) разверстаніе общихъ угодій съ обмѣномъ черезполосныхъ земель и уничтоженіемъ сервитутныхъ правъ крестьянъ.

Очиншеваніе на этотъ разъ обязательное. Оно можетъ быть произведено по требованію любой стороны, какъ помѣщика, такъ и крестьянъ. Однако, всякому добровольному договору объ очиншеваніи и на этотъ разъ дается преимущество передъ вмѣшательствомъ государственной власти, которое наступаетъ лишь за отсутствіемъ добровольнаго договора и не иначе, какъ по требованію одной изъ сторонъ. Добровольныя сдѣлки объ очиншеваніи могутъ быть заключаемы безсрочно или же на срокъ—не менѣе 20 лѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, если, по прошествіи срока, контрактъ не будетъ продолженъ или заключенъ вновь, послѣдуетъ обязательное очиншеваніе. Величина чинша вычисляется на основаніи доходности

---

[1]) *Спасовичъ*, назв. соч., стр. 178.
[2]) *Dziennik praw*, т. LX, стр. 36—223.

*

земли, которая опредѣляется по районамъ и по качеству земли по особому росписанію, причемъ принимаются въ соображеніе еще различныя второстепенныя условія экономическаго положенія оцѣниваемыхъ участковъ. Отъ размѣровъ существующей барщины или денежнаго окупа она вовсе не зависитъ.

Изъ чистаго дохода участка $^1/_3$ вычитается на поддержаніе строеній и несеніе гминныхъ повинностей, а остальныя $^2/_3$, за вычетомъ государственныхъ податей и сборовъ, причитающихся съ участка, поступаютъ помѣщику. Величина чинша можетъ быть опредѣлена, по желанію сторонъ, или безсрочно, разъ навсегда, или на 20 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи черезъ каждыя 20 лѣтъ измѣнять ее сообразно цѣнѣ ржи.

Разверстаніе и округленіе помѣщичьихъ и крестьянскихъ угодій, сопряженное съ уничтоженіемъ сервитутныхъ правъ крестьянъ, соотвѣтствовало регулированію поземельныхъ участковъ въ Пруссіи. Эта часть положенія 24 мая 1862 года была задумана, очевидно, исключительно въ пользу помѣщиковъ. При отмежеваніи крестьянскихъ земель къ однимъ мѣстамъ, онѣ могутъ быть уменьшаемы по пространству, лишь бы ихъ цѣнность не уменьшилась (ст. 30). Крестьянамъ могутъ быть отведены худшія земли за лучшія въ полуторномъ размѣрѣ, лучшія за худшія—въ размѣрѣ $^2/_3$ ихъ надѣла, заросли за чистыя земли въ увеличенномъ на $^1/_8$ размѣрѣ (ст. 31). Впрочемъ, на все это требуется согласіе крестьянъ. Но и безъ ихъ согласія у нихъ могутъ быть отобраны огороды съ замѣной пахотною землей въ двойномъ размѣрѣ (32). Могутъ быть отобраны луга съ замѣной ихъ пахотною землей соотвѣтственнаго достоинства (33). Могутъ быть отобраны фруктовые сады, улучшенные участки земли обмѣнены на худшіе, чистыя земли—на каменистыя и невыкорчеванныя,—все это съ уплатою лишь денежнаго вознагражденія или соотвѣтственнымъ пониженіемъ чинша (34). Помѣщикъ же можетъ среди вновь отводимаго крестьянамъ надѣла оставить въ свою пользу участокъ земли съ торфомъ, гравіемъ, глиной и т. п. (35).

За отмѣну сервитутныхъ правъ на строевой лѣсъ и топливо крестьяне не получаютъ никакого вознагражденія; лишь, какъ сказано выше, при исчисленіи чинша $^1/_3$ часть дохода скидывается въ пользу крестьянъ, между прочимъ, и на поддержаніе строеній. Общія пастбища раздѣляются между сторонами не соотвѣтственно числу головъ пасущагося скота, крестьянскаго и помѣщичьяго, а пропорціонально общему пространству пахотныхъ и луговыхъ земель помѣщиковъ и крестьянъ (ст. 37). При этомъ дозволяется отвести

крестьянамъ пастбищный участокъ въ другомъ мѣстѣ, и даже не отводить вовсе, замѣнивъ его пахотнымъ или луговымъ соотвѣтственной цѣнности. Наконецъ, дозволяется переносить строенія поселянъ (ст. 44), но съ вознагражденіемъ ихъ лѣснымъ матеріаломъ и наймомъ мастеровъ.

Тутъ ясно сказались односторонніе классовые разсчеты и интересы съ полнымъ игнорированіемъ хозяйственныхъ нуждъ, привычекъ и выгодъ крестьянъ. Можно поэтому вмѣстѣ съ Милютинымъ отъ души порадоваться, что законъ этотъ, по обстоятельствамъ времени, не получилъ никакого осуществленія на практикѣ.

Эти законы маркиза Велепольскаго, очевидно, не удовлетворяли потребностямъ даннаго времени ни съ точки зрѣнія польскихъ патріотовъ, исходившихъ изъ основаній политическихъ, ни съ точки зрѣнія русскихъ общественныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ, исходившихъ изъ основаній общечеловѣческихъ—свободы и равенства. Самъ біографъ и апологетикъ дѣятельности маркиза Велепольскаго, В. Д. Спасовичъ, признаетъ несостоятельность его аграрныхъ реформъ; „чтобы дѣйствовать въ крестьянскомъ дѣлѣ твердо, скоро и радикально, необходимо было бы самому,—по справедливому замѣчанію г. Спасовича,—раздѣлять хотя бы тѣ убѣжденія, до которыхъ дошелъ путемъ размышленія кабинетный человѣкъ Ѳома Потоцкій, необходимо было бы проникнуться мыслью о крестьянскомъ правѣ на земельный надѣлъ,—правѣ, которое никоимъ образомъ не дедуцировалось изъ кодекса,—напротивъ того, выдвигалось силою вещей съ ломкою кое-чего въ теоріи собственности гражданскаго кодекса и съ разстройствомъ кое-какихъ изъ признаваемыхъ ненарушимыми и коренными началъ этого института“ [1]).

Для Велепольскаго же „гражданскій кодексъ былъ столь же непреложенъ по части положеній, опредѣляющихъ понятіе собственности, какъ евангеліе“. „Искалѣченіе правъ собственности,—писалъ маркизъ Велепольскій,—въ одной какой-либо жилкѣ общественнаго организма уязвляетъ эту собственность и раздражаетъ ее во всѣхъ членахъ, такъ что, будучи болѣзненно задѣта, она судорожно сжимается и обволакивается въ предосторожности тяжелыя и для нея самой неудобныя... Приманка собственности, вытекающая изъ обязательнаго предоставленія ея одной сторонѣ, велика, но на оборотѣ этой позолоченной медали стоитъ надпись: *опасеніе захвата*. Переводъ съ лица на лицо права собственности (uwlaszczenie), хотя бы

---

[1]) *Спасовичъ*, назв. соч., стр. 173.

на основаніи принудительныхъ продажъ или обмѣна, рождаетъ боязнь и угрожаетъ всѣмъ родамъ земли, отдаваемымъ во владѣніе, въ видѣ вѣчной аренды, мельницъ, фольварочныхъ усадебъ“ [1])...

Это какъ разъ то самое, что говорили консерваторы всѣхъ странъ въ періоды возникновенія или обостренія аграрнаго вопроса. Ясно, что не маркизу Велепольскому возможно было проводить аграрную реформу въ Царствѣ Польскомъ. Однако, чтобы правильно судить о его дѣятельности въ крестьянскомъ вопросѣ, необходимо разсматривать проведенную имъ аграрную реформу въ связи съ административной и школьной, поскольку эти послѣднія коснулись преобразованія низшей административной единицы—гмины и начальной школы, которая до Велепольскаго почти не существовала. Въ этомъ мѣстѣ мы не будемъ, однако, излагать ни той, ни другой реформы, такъ какъ ни та, ни другая, въ виду вспыхнувшаго возстанія, не была осуществлена на практикѣ, а поскольку онѣ обѣ касаются позднѣйшей дѣятельности русскаго реформатора въ Польшѣ, Н. А. Милютина, мы разберемъ этотъ вопросъ въ своемъ мѣстѣ.

Маркизу Велепольскому не суждено было имѣть успѣха въ своей политической миссіи. Не имѣя никакой поддержки въ средѣ польскаго общества, онъ не могъ ни удержать вспыхнувшаго возстанія, ни совладать съ нимъ. Въ серединѣ 1863 года онъ сошелъ съ политической сцены, а осенью того же года въ Царство Польское прибылъ съ широкими полномочіями Н. А. Милютинъ. Но еще ранѣе, особенно въ теченіе всего почти 1863 года, аграрный вопросъ и аграрныя отношенія въ Польшѣ подверглись существенному вліянію революціонной организапіи—„narodowego rzadu“.

Усилія этой организаціи были направлены на привлеченіе крестьянъ къ дѣлу возстанія, причемъ, по мѣрѣ того, какъ въ ней получили преобладаніе „красныя“ фракціи надъ „бѣлыми“, обѣщанія „революціоннаго правительства“ крестьянамъ стали радикальнѣе [2]).

Еще въ августѣ 1862 года была объявлена революціонная народная организація. Заявлялось, что она будетъ стремиться къ братству сословій. При этомъ выражено особое желаніе поднять и улучшить положеніе низшихъ сословій и надѣлить крестьянъ собственностью отъ имени польскаго правительства. Декретомъ революціоннаго правительства отъ 10/22 января 1863 года вся земля,

---

[1]) Тамъ же, стр. 174.
[2]) *Павлищевъ*: „Седмицы польскаго мятежа“, 2 тома passim.

состоявшая въ пользованіи крестьянъ, объявлялась ихъ собственностью. Помѣщикамъ обѣщано вознагражденіе изъ національныхъ фондовъ. Декретъ этотъ приказано было ксендзамъ обнародовать повсемѣстно съ амвоновъ.

9 марта издано было подтвержденіе этого декрета съ подробнымъ наставленіемъ, какъ приводить его въ исполненіе.

31 марта и 2 іюня были изданы новыя подтвержденія, обращенныя, главнымъ образомъ, къ помѣщикамъ, съ угрозами немедленнаго наказанія въ случаѣ ослушанія. Въ виду существованія революціоной террористической организаціи „жандармовъ-вѣшателей“, шутить съ этимъ распоряженіемъ было нельзя, и помѣщики слушались. Между тѣмъ, русское правительство взыскивало съ нихъ недоимки, а въ виду жалобъ ихъ и ссылокъ на неимѣніе денегъ обращало взысканіе на крестьянъ въ счетъ неуплаченныхъ окуповъ и чиншей. Производившія экзекуціи власти въ нѣкоторыхъ случаяхъ не удовлетворялись пополненіемъ казенныхъ недоимокъ, но взимали съ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ и остальную сумму ихъ недоимокъ. Повстанцы ловко воспользовались этою мѣрой и, выставляя на видъ стѣснительныя для крестьянъ дѣйствія русскаго правительства, сами немедленно производили экзекуціи надъ помѣщиками, воспользовавшимися помощью правительства, отбирали у нихъ деньги и возвращали крестьянамъ [1]).

Всѣ эти усилія революціоннаго правительства мало, однако, принесли ему пользы въ смыслѣ возбужденія крестьянъ противъ русскаго правительства: крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, не возставали, во многихъ мѣстахъ помогали даже русскому правительству, ловили и выдавали повстанцевъ. Слишкомъ мало въ нихъ было развито сознаніе своей національности; слишкомъ сильно говорило въ нихъ чувство недовѣрія и ненависти къ панамъ.

Но тѣ же мѣры имѣли несомнѣнное значеніе для послѣдующей судьбы крестьянскаго дѣла, перешедшаго въ руки русскаго правительства.

И такъ, подобно тому, какъ въ самостоятельной Рѣчи Посполитой, въ концѣ прошлаго вѣка, крестьянскій вопросъ не получилъ того разрѣшенія, которое обусловливалось бы обстоятельствами того времени, пока крестьянское дѣло было въ рукахъ законнаго польскаго правительства, такъ и теперь легальная польская власть въ лицѣ національнаго правительства маркиза Велепольскаго и его сотрудниковъ

---

[1]) Объяснительная записка къ проектамъ указовъ 19 февраля 1864 года.

не дала надлежащаго разрѣшенія этому вопросу. Какъ тогда, такъ и теперь вопросъ этотъ получалъ рѣшеніе, могшее удовлетворить крестьянъ лишь въ рукахъ революціоннаго правительства: тогда—въ видѣ паланецкаго универсала Костюшки, теперь—въ формѣ декретовъ „narodowego rzadu“, но какъ тогда, такъ и теперь слишкомъ поздно съ точки зрѣнія національныхъ и патріотическихъ интересовъ страны.

V.

Особое значеніе, которое получило крестьянское дѣло въ польскомъ вопросѣ послѣ возстанія 1863 года. — Н. А. Милютинъ, его прошлое, его друзья-славянофилы и ихъ взгляды на польскій вопросъ и крестьянское дѣло въ Польшѣ. — Какъ представлялась Милютину его роль и задача въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 году?

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, въ какомъ положеніи находилось крестьянское дѣло въ Царствѣ Польскомъ въ эпоху послѣдняго возстанія 1863 года.

Возстаніе это было подавлено вооруженною силой. Однако, страна не могла считаться замиренною. „Матеріальная сила,—по выраженію записки статсъ-секретаря Эноха, приписываемой перу Велепольскаго,—оказалась дѣйствительно достаточной для подавленія возстанія"; но „матеріальная сила,—какъ сказано въ той же запискѣ,—есть только одинъ изъ базисовъ власти" [1]).

При императорѣ Николаѣ правительство наше не признавало этого положенія. Система, посредствомъ которой правилъ въ Царствѣ Польскомъ фельдмаршалъ Паскевичъ, основывалась всецѣло на матеріальной силѣ.

Правительство русское шестидесятыхъ годовъ, несмотря на то, что матеріальная сила безспорно оказалась на его сторонѣ, сознавало выставленную Энохомъ истину. Оно понимало, что матеріальная сила не можетъ считаться прочнымъ основаніемъ для спокойной и мирной системы управленія страной. Оно чувствовало необходимость органической связи съ самимъ управляемымъ обществомъ. Было,

---

[1]) Записка статсъ-секретаря Эноха, поданная князю Горчакову (намѣстнику въ Царствѣ П.) 2 марта 1861 года. Напечатана въ приложеніи къ труду *Lisickiego*: „Alexander Wielopolski", т. II, № 11, стр. 42. Тамъ сказано: „La force materielle, dont dispose le Gouvernement sera certainement suffisante pour terroriser le mouvement, mais la force materielle ne constitue, qu'une des dases, sur lesquelles le pouvoir peut être assis. *Outre celle-ci il importe de chercher dans le pays même un élément sur lequel il puisse s'appuyer*".

Ср. *Спасовича*, назв. соч.

наконецъ, признано, что необходимо среди подвластнаго народа найти тотъ или другой элементъ, тотъ или другой общественный классъ, на который власть могла бы опереться.

Очевидно, для этого было нужно, чтобы классъ этотъ свободно и сознательно желалъ служить опорою правительству; чтобы онъ сознавалъ въ томъ прямую выгоду—свою или національную.

Первый опытъ организаціи власти на такомъ принципѣ предложенъ былъ маркизомъ Велепольскимъ. По его мысли, правительству императора Александра II надлежало опереться на интеллигенцію страны, привлечь ее къ себѣ дарованіемъ ей широкой политической автономіи на новѣйшихъ quasi [1]) демократическихъ основаніяхъ. Система его была примѣнена не вполнѣ. Правительство принимало предложенныя имъ реформы какъ бы подъ давленіемъ событій, которыя ихъ опережали, вслѣдствіе чего сами реформы получали характеръ вынужденныхъ уступокъ. Это, конечно, значительно подрывало и искажало систему. Въ концѣ концовъ, она потерпѣла фіаско. Маркизъ Велепольскій палъ. Вспыхнуло вооруженное возстаніе, которое было подавлено силой. Однако, правительство, воспользовавшись силою для подавленія возстанія, не переставало считать необходимымъ, для замиренія страны, найти себѣ прочную опору среди вновь усмиреннаго народа.

Интеллигенція страны скомпрометировала себя въ его глазахъ открытымъ возстаніемъ; естественно явилась мысль опереться на народную массу, которая, будучи еще въ первобытномъ состояніи культуры, не проявляла никакихъ сознательныхъ патріотическихъ чувствъ и политическихъ или національныхъ стремленій, а въ силу соціально-экономическихъ условій, въ которыхъ находилась тогда, была враждебно настроена по отношенію къ высшимъ интеллигентнымъ классамъ страны, служившимъ главнымъ факторомъ только что усмиреннаго возстанія. Положеніе крестьянскаго сословія въ Царствѣ Польскомъ давало русскому правительству возможность попробовать систему полнаго соединенія Польши съ Россіей, притомъ, соединенія, основаннаго не на одной лишь матеріальной силѣ, а на искренней, повидимому, и сознательной поддержкѣ всего крестьянскаго населенія Царства. Для этого требовалось привлечь къ себѣ

---

[1]) Говорю quasi потому, что не могу, согласно съ мнѣніемъ В. Д. Спасовича, считать маркиза Велепольскаго послѣдовательнымъ демократомъ. Мы видѣли, каковы были воззрѣнія его въ крестьянскомъ вопросѣ, а это для общественнаго дѣятеля пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ могло служить пробнымъ камнемъ искренности и глубины его демократическихъ убѣжденій.

прочное его расположеніе, коренным образомъ измѣнивъ то положеніе, въ которомъ оно находилось до тѣхъ поръ.

Для выполненія этой миссіи обратились къ тому человѣку, который былъ душой крестьянской реформы, только что проведенной въ Россіи, и главой передовой партіи въ редакціонныхъ коммиссіяхъ—къ Н. А. Милютину.

Милютинъ отдыхалъ въ это время за границей, отдыхалъ не вполнѣ добровольно. Вынужденное бездѣйствіе его обусловливалось торжествомъ реакціонной партіи, наступившимъ непосредственно вслѣдъ за крестьянскою реформой.

Остановимся немного на предшествующей его жизни и дѣятельности [1]).

Происходившій изъ среды помѣстнаго дворянства, родной племянникъ, по матери, графа Киселева, извѣстнаго министра императора Николая, Милютинъ, хотя и не былъ въ университетѣ, но, повидимому, получилъ хорошее домашнее воспитаніе. Поступивъ очень рано на службу, онъ съ первыхъ шаговъ обнаружилъ стремленіе къ просвѣщенной преобразовательной дѣятельности и, послѣ немногихъ лѣтъ службы, имѣлъ случай въ суровыя николаевскія времена провести серьезное преобразованіе въ системѣ городского управленія, которая въ зародышевомъ видѣ заключала уже въ себѣ черты будущаго городского самоуправленія. Этимъ закономъ онъ создалъ себѣ репутацію демократа, въ то время чрезвычайно опасную. Въ началѣ новаго царствованія онъ былъ уже директоромъ хозяйственнаго департамента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но репутація демократа и краснаго оставалась при немъ и въ 1857 году едва не заставила его вовсе оставить государственную службу, послѣ того, какъ государь выразился о немъ въ комитетѣ министровъ какъ о человѣкѣ неблагонадежномъ. Однако, спустя два года, когда крестьянская реформа была уже рѣшена въ принципѣ, и потребовалось имѣть талантливаго и энергичнаго человѣка для направленія законодательныхъ работъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, то министръ Ланской рѣшился указать государю на Милютина, какъ на такое лицо, которое можетъ съ честью справиться съ этою задачей. Послѣ нѣкотораго колебанія и весьма неохотно согласился государь назначить Н. А. Милютина исправляющимъ должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

---

[1]) *A. Leroy-Beaulieu*: „Un homme d'état Russe“ (Nicolas Milutine) etc. P., 1884. *Н. А. Милютинъ. Некрологи.* Москва, 1873 г. (собраніе всѣхъ напечатанныхъ въ газетахъ и журналахъ некрологовъ о немъ).

Н. А. принялъ ближайшее участіе въ работахъ редакціонныхъ коммиссій въ качествѣ члена и предсѣдателя одного изъ отдѣловъ. Но какъ только выработанное ими положеніе было обнародовано, Милютину, какъ и Ланскому, пришлось оставить свой постъ и временно удалиться отъ дѣлъ. Онъ уѣхалъ за границу и прожилъ тамъ два съ половиною года. Въ это время, смотря по колебанію политическаго барометра въ Петербургѣ, ему то сулили постъ министра внутреннихъ дѣлъ [1]), то предлагали въ видѣ спокойной синекуры мѣсто директора Публичной библіотеки. Въ началѣ 1862 года у государя неожиданно явилась мысль назначить его начальникомъ гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ уже возстаніе готовилось вспыхнуть [2]). Милютинъ, всѣ планы и помыслы котораго принадлежали мирнымъ, гуманитарнымъ реформамъ, не былъ совершенно приготовленъ къ подобной миссіи, гдѣ приходилось бы по обстоятельствамъ времени, быть можетъ, суровыми мѣрами подавлять народное возстаніе. Будучи вызванъ въ Петербургъ, онъ очень желалъ отклонить отъ себя это назначеніе. Обстоятельства ему благопріятствовали. Когда онъ пріѣхалъ, то мысль о его назначеніи была уже оставлена и государь императоръ рѣшился ввѣрить этотъ постъ маркизу Велепольскому, назначивъ въ то же время, намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ великаго князя Константина.

Милютинъ на этотъ разъ спокойно вернулся за границу; но избѣжать участія въ польскихъ дѣлахъ ему не было суждено. Послѣ паденія маркиза Велепольскаго и выставленной имъ системы, когда окончательно рѣшено было сдѣлать опорой всей русской политики въ Польшѣ крестьянское населеніе, Милютина вновь вызвали въ Петербургъ. Въ двухъ чрезвычайно благосклонныхъ аудіенціяхъ государь [3]) пояснилъ Милютину въ общихъ чертахъ свои мысли и взглядъ на польскій вопросъ и причины, почему онъ рѣшился избрать именно его исполнителемъ своихъ предначертаній. Затѣмъ государь выразилъ Милютину полное довѣріе къ его такту и дарованіямъ и предоставилъ ему самому, изслѣдовавъ дѣло, рѣшить, что́ и какъ нужно сдѣлать въ этой еще незнакомой Милютину странѣ, въ видахъ полнаго ея замиренія. Ему же было предоставлено самому опредѣлить свое оффиціальное положеніе и отношеніе къ властямъ и учрежденіямъ Царства Польскаго.

---

[1]) *Leroy-Beaulieu*, op. cit., p. 128 и слѣд., 145 и слѣд.

[2]) Тамъ же, p. 129. Объ этомъ упоминается также въ корреспонденціи маркиза Велепольскаго. См. *Спасовича* назв. соч., стр. 271, и *Lisickiego*, op. cit., томъ II, стр. 319.

[3]) *Leroy-Beaulieu*, op. cit., p. 162 и слѣд.

Въ полномъ сознаніи отвѣтственности той роли, которую ему предстояло сыграть, Милютинъ не рѣшился теперь отклонить отъ себя этой миссіи. Онъ не принялъ, впрочемъ, никакой опредѣленной должности, а рѣшился отправиться въ Царство Польское съ тѣмъ, чтобы изслѣдовать тамъ положеніе дѣлъ съ самыми неопредѣленными и неограниченными полномочіями.

Вмѣстѣ съ нимъ, по его приглашенію, отправились ближайшіе друзья его и сотрудники по крестьянскому дѣлу въ Россіи, Ю. Ѳ. Самаринъ и князь В. А. Черкасскій.

Тѣсная связь этихъ двухъ именъ съ именемъ Н. А. Милютина въ двухъ главныхъ дѣлахъ его жизни весьма знаменательна вообще, а по отношенію къ польскому вопросу въ особенности. Она указываетъ на связь Милютина съ славянофилами, и это обстоятельство чрезвычайно много разъясняетъ во взглядахъ Милютина на польскій вопросъ [1]).

Поэтому для насъ пріобрѣтаютъ особое значеніе печатныя статьи главнѣйшихъ представителей славянофильства по польскому вопросу. Особенно важна въ этомъ отношеніи статья Ю. Ѳ. Самарина [2]), напечатанная подъ заглавіемъ *Современный объемъ польскаго вопроса* въ № 38 аксаковскаго *Дня*, 21 сентября 1863 года, такъ сказать, наканунѣ отъѣзда въ Польшу самого Самарина вмѣстѣ съ Милютинымъ.

Славянофилы по самой сути своего ученія не могли относиться враждебно къ полякамъ, какъ націи, принадлежащей къ общесла-

---

[1]) Его связи съ московскими славянофилами не ограничивались отношеніями къ Самарину и Черкасскому. Еще ранѣе именно онъ рекомендовалъ географическому обществу отправить для изслѣдованія торговли на малороссійскихъ ярмаркахъ И. С. Аксакова (объ этомъ свѣдѣнія въ *Журналѣ общаго собранія Императ. русск. географ. общест.* 19 февраля 1872 г.). Въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ Милютина впослѣдствіи былъ и Гильфердингъ, работавшій, главнымъ образомъ, по преобразованію учебной части въ Царствѣ Польскомъ, а равно А. И. Кошелевъ, приглашенный имъ на постъ главнаго директора коммисіи финансовъ въ Царствѣ Польскомъ.

Принять участіе въ работахъ учредительнаго комитета были приглашены въ 1864 году и кіевскіе славянофилы, какъ В. М. Бѣлозерскій, Кулішъ и др.

[2]) Большое значеніе имѣютъ также статьи Гильфердинга въ *Днѣ* и *Русскомъ Инвалидѣ*, вошедшія потомъ въ собраніе его сочиненій: *Въ чемъ искать разрѣшеніе польскому вопросу*, т. II, стр. 313; *Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ*, т. II, стр. 333; *За что борются русскіе съ поляками*, т. II. Тамъ же: *Письмо къ Ригеру*, стр. 279. Отвѣтъ Ригера въ *Днѣ* 1863 г., № 63 отъ 13 іюля. См. также передовыя статьи И. С. Аксакова въ *Днѣ* за 1863 и 1864 года.

См. также: *Проектъ адреса самарскаго дворянства*, написанный Самаринымъ и помѣщенный на стр. 299 I-го тома его *Сочиненій*.

Статья *О современномъ объемѣ польскаго вопроса*, тамъ же, на стр. 325.

вянской семьѣ; они ненавидѣли *полонизмъ*, какъ западное латинское просвѣтительное начало, дѣлающее изъ Польши, по выраженію Самарина, „острый клинъ, вогнанный въ самую сердцевину славянскаго міра, съ цѣлью расколоть его въ щепы“. Къ полякамъ, *какъ націи*, они относились совершенно иначе и были, во всякомъ случаѣ, далеки отъ того озлобленія, которое, даже и въ консервативныхъ представителяхъ нашей печати и общества, тогда еще почти не проявлялось [1]). Даже въ минуту взрыва народнаго негодованія, когда вмѣшательство иностранныхъ державъ задѣло и подняло національное самолюбіе въ русскомъ обществѣ, Самаринъ счелъ нужнымъ въ адресѣ, поданномъ государю самарскимъ дворянствомъ, вставить слова примиренія по отношенію къ возставшимъ полякамъ: „Мы готовы,—сказано тамъ,—и оставляемъ за собою мѣсто въ передовой шеренгѣ народной рати; но въ самый разгаръ борьбы, если она начнется, ненависть къ ближайшимъ ея виновникамъ не найдетъ доступа въ наши сердца. Мы не потребуемъ отплаты за разсчитанныя оскорбленія и за невинную коварно-пролитую кровь, но сбережемъ для лучшихъ временъ сознаніе нашего

---

[1]) Такъ, напримѣръ, *Московскія Вѣдомости*, въ передовой статьѣ 12 марта 1863 г. (№ 55), признаютъ возможность и желательность полной внутренней автономіи Царства Польскаго подъ скипетромъ русскаго государя, но только: 1) безъ самостоятельной арміи и 2) подъ условіемъ отказа поляковъ отъ всѣхъ дальнѣйшихъ притязаній (на присоединеніе западныхъ губ. и т. п.).

Въ передовой статьѣ отъ 29 марта (№ 69) признается необходимость единства съ имперіей въ отношеніяхъ финансовомъ и военномъ и общихъ политическихъ учрежденій; остальныя вѣтви управленія могутъ быть автономны.

Впрочемъ, въ томъ же № есть статья Шипова, которая намекаетъ уже на желательность въ Польшѣ той политики, которую практиковали прусскіе администраторы Познани, и, между прочимъ, указывается также на желательность распространенія въ Польшѣ русскаго языка.

4 апрѣля (№ 71), по поводу амнистіи, объявленной государемъ всѣмъ возставшимъ полякамъ, которые положатъ оружіе до 1 мая, помѣщена большая передовая статья, по духу своему противная амнистіи, хотя это прямо и не высказывается. Тамъ проводится мысль, какъ все было спокойно при крѣпкомъ режимѣ матеріальной силы и какъ все заколебалось при попущеніяхъ императора Александра II. Впрочемъ, статья кончается все же совѣтомъ накрѣпко присоединить Польшу къ Россіи, предложить ей совмѣстно идти по пути прогресса при одинаковыхъ политическихъ правахъ и учрежденіяхъ (*Московскія Вѣдомости* желали еще тогда учрежденій представительныхъ) и при нѣкоторой автономіи.

Въ № 75, въ передовой статьѣ отъ 9 апрѣля, сказано: „Русскіе люди не только не желали бы, чтобы русское правительство казнями продолжало борьбу противъ поляковъ, но они не желали бы, чтобы по усмиреніи возстанія у Польскаго края были отняты или стѣснены виды на дальнѣйшее развитіе. Не подавлять польскую народность, а призвать ее къ новой общей съ Россіей политической жизни, — вотъ что лежитъ въ интересахъ Россіи, самой Польши и цѣлой Европы“.

племеннаго родства съ поляками. Пусть знаютъ они, что не мы обрадуемъ враговъ славянскаго міра отреченіемъ отъ увѣренности, что рано или поздно благодушіе побѣдитъ озлобленіе, улягутся предубѣжденія и примиренные поляки протянутъ намъ братскую руку“ [1]).

Въ польскомъ вопросѣ Самаринъ видѣлъ три элемента: *поляки*, какъ нація; *Польша*, какъ самостоятельное государство; *полонизмъ*, какъ просвѣтительное начало, „какъ представительство и вооруженная пропаганда латинства въ средѣ славянскаго міра“ [2]).

„Эти три понятія безпрестанно смѣшиваются и переходятъ одно въ другое, —говоритъ онъ.—Вся политика поляковъ заключается въ ихъ отождествленіи; наша политика—въ ихъ разъединеніи“.

Такова исходная точка воззрѣнія его, а, вмѣстѣ съ нимъ, и другихъ славянофиловъ [3]) на польскій вопросъ. Главнаго врага Россіи и славянства Самаринъ видитъ въ полонизмѣ и полагаетъ, что противъ него и надо направить всѣ усилія. Противъ него онъ выставляетъ восточно-славянское просвѣтительное начало, православіе, и всю задачу русскаго правительства въ Западномъ краѣ полагаетъ въ доставленіи торжества этому просвѣтительному началу надъ западнымъ латинскимъ.

Существованіе Польши, какъ самостоятельнаго государства, онъ не считаетъ возможнымъ теперь допустить именно и только потому, что оно стремится обратиться въ передовой постъ латинской пропаганды и въ умахъ поляковъ соединяется съ отнятіемъ у Россіи отдѣльныхъ русскихъ областей.

Напротивъ, поляковъ, какъ націю, онъ признаетъ безусловно и говоритъ, что признаніе этого факта „естественно ведетъ къ признанію права на такое устройство, которое бы не нарушало свободы народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, составляющихъ *необходимое условіе всякой жизни народности*“, разумѣя подъ этимъ „свободу вѣроисповѣданія, оффиціальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта“ [4]).

Мѣры, предложенныя *Московскими Вѣдомостями*, Самаринъ совершенно осуждаетъ, какъ новое посягательство на національность поляковъ.

---

[1]) *Сочиненія*, т. I, стр. 300.

[2]) *Сочиненія*, т. I, стр. 325 и слѣд.

[3]) Статья была напечатана въ главномъ славянофильскомъ органѣ—аксаковскомъ *Днѣ*, и въ передовой статьѣ въ слѣдующемъ 39 № *Дня* Аксаковъ ссылается на нее, какъ на выраженіе мнѣнія редакціи.

[4]) *Сочиненія*, т. I, стр. 326.

„Это было бы,—говоритъ онъ,—въ полномъ смыслѣ не сліяніе, а поглощеніе Польши Россіей,—поглощеніе, въ которомъ бы на долю первой выпала чисто-пассивная роль подчиненія внѣшней силѣ“.

Окончательное разрѣшеніе польскаго вопроса Самаринъ видитъ въ полномъ и сознательномъ примиреніи Польши съ Россіей и славянствомъ; но такое примиреніе, по его мнѣнію, будетъ возможно лишь тогда, когда Польша пойметъ свою историческую ошибку и добровольно и сознательно откажется отъ своихъ западныхъ латинскихъ традицій. Самаринъ сознаетъ, что надѣяться на такое окончательное разрѣшеніе вопроса возможно лишь въ отдаленномъ будущемъ. Для настоящаго времени онъ считаетъ нужнымъ лишь сдѣлать поляковъ безвредными для Россіи и для этого подсѣчь корни полонизму.

Поэтому у него, какъ и у другихъ славянофиловъ, сильно разнится программа политики для Западнаго края отъ программы политики въ собственной Польшѣ. Въ первомъ онъ считаетъ необходимой дѣятельную и энергичную борьбу съ полонизмомъ, причемъ выдвигаетъ на сцену восточное просвѣтительное начало—православіе; во второй онъ считаетъ возможнымъ ограничиться лишь подавленіемъ возстанія *и выведеніемъ на историческую сцену крестьянскаго населенія освобожденіемъ его отъ всякой зависимости отъ дворянства.*

Когда все это будетъ сдѣлано, „польскій политическій вопросъ будетъ въ рукахъ Россіи“. Какъ рѣшится этотъ вопросъ окончательно, это будетъ зависѣть отъ совокупности многихъ обстоятельствъ. Самаринъ считаетъ возможнымъ указать лишь два мыслимыхъ для Россіи пути къ его разрѣшенію: во-первыхъ, нераздѣльное сочетаніе Польши съ Россіей учрежденіемъ въ первой власти, *въ русскихъ рукахъ сосредоточенной,* и настолько сильной, чтобъ убѣдить поляковъ въ безнадежности всякаго возстанія; во-вторыхъ, добровольное и полное отреченіе Россіи отъ Польскаго Царства [1]).

[1]) Гильфердингъ въ статьѣ *Въ чемъ искать разрѣшеніе польскому вопросу* (т. II, стр. 316) не видитъ тутъ никакого выхода сколько-нибудь удовлетворительнаго. Онъ говоритъ, что Польша ставитъ Россію въ постоянное противорѣчіе съ самою собой.

Мы не можемъ, по его мнѣнію, отдать Польшу полякамъ, потому что поляки захотѣли бы захватить и наши западныя провинціи; не можемъ ее отдать Германіи или Австріи, потому что это было бы измѣной славянскому міру.

Соединить Польшу съ Россіей можно двумя способами: 1) диктатурой, но ея вредъ доказанъ; 2) какими либо общими государственными учрежденіями (мысль *Московскихъ Вѣдомостей*), но и тутъ зерно раздора—западныя губерніи.

Никакихъ другихъ посредствующихъ путей въ видѣ болѣе или менѣе проведенной автономіи Самаринъ не признаетъ, хотя тѣмъ самымъ онъ становится, повидимому, въ противорѣчіе съ началомъ своей статьи, гдѣ онъ выражаетъ признаніе правъ поляковъ на существованіе въ видѣ отдѣльной живой націи.

Отправляясь въ Польшу осенью 1863 года, Милютинъ былъ несомнѣнно солидаренъ съ общею славянофильскою точкою зрѣнія на польскій вопросъ. Иначе онъ не обратился бы за помощью къ Самарину и Черкасскому. А извѣстно, что онъ считалъ ихъ своими главными сотрудниками и единомышленниками и безъ нихъ не считалъ даже возможнымъ приступить къ дѣлу. Изъ разговоровъ его съ государемъ, содержаніе которыхъ изложено въ книгѣ Leroy-Beaulieu по источникамъ, повидимому, вполнѣ достовѣрнымъ [1]), и изъ писемъ его къ Ю. Ѳ. Самарину, относящихся къ тому времени [2]), видно, что ему очень хотѣлось ограничить свою личную задачу въ Польшѣ одною аграрною реформой. Но государь возлагалъ на него задачу болѣе обширную и требовалъ отъ него пересмотра законодательства, опредѣляющаго весь гражданскій строй страны [3]). Милютинъ пробовалъ отклонить отъ себя эту миссію и

Корень зла, по его мнѣнію, не въ Польшѣ, а въ западной Руси. Зло въ томъ, что русскій народъ въ Западномъ краѣ подъ властью польскаго пана.

Изъ статьи Гильфердинга можно сдѣлать выводъ, что если бы русскій народъ въ Западномъ краѣ выбился изъ-подъ власти польскаго пана и окрѣпъ въ своемъ самосознаніи, то для Россіи настала бы возможность отказаться отъ собственной Польши, не опасаясь при этомъ отдѣленія западныхъ губерній.

Въ настоящее время, по мнѣнію Гильфердинга, въ Польшѣ для насъ представляются двѣ задачи, разрѣшеніе которыхъ можетъ если не разрѣшить, то временно устранить польскій вопросъ: 1 доставить самостоятельность польскому крестьянству; 2) употребить въ Польшѣ всѣ усилія для распространенія серьезнаго научнаго образованія. Самостоятельность крестьянства устранитъ польскій вопросъ, потому что устранитъ преобладаніе шляхты, которая его поддерживаетъ; наука устранитъ мистически-религіозный сепаратизмъ и историческую фальшь изъ польскаго общества (т. II, стр. 360, *Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ*).

И. С. Аксаковъ (въ передовыхъ статьяхъ №№ 17 и 18 *Дня* 1863 г.), въ видахъ разрѣшенія польскаго вопроса, рекомендовалъ спросить всю польскую націю, чего она хочетъ; но предварительно онъ считаетъ необходимымъ усмирить возстаніе и освободить крестьянъ.

„Для блага самой Польши, для полноты и цѣльности ея развитія, нужно желать, чтобы тамъ образовалось крѣпкое и независимое крестьянство, и чтобъ оно наравнѣ со шляхтою получило участіе въ земскомъ представительствѣ“.

[1]) *Leroy-Beaulieu*, op. cit., p. 187.

[2]) Ibidem, p. 179 и 191.

[3]) См. переписку его съ княземъ Долгорукимъ, начальникомъ собственной Е. И. В. канцеляріи, у *Leroy-Beaulieu*, pp. 187, 188 и 190.

принялъ ее на себя лишь въ виду прямого требованія государя. Однако, и принявъ ее, онъ продолжалъ видѣть основную свою задачу въ осуществленіи широкой крестьянской реформы, которая вывела бы на историческую сцену крестьянское населеніе страны.

Вотъ что писалъ онъ по этому поводу Я. А. Соловьеву въ началѣ 1864 года, посылая ему текстъ и объяснительные документы къ только что изданнымъ указамъ 19 февраля 1864 г.:

„Это лишь первый шагъ по пути реформъ, которыя должны теперь получить энергическое развитіе и коснуться всѣхъ вѣтвей администраціи: финансовъ, народнаго просвѣщенія, полиціи и судовъ. Все это должно быть сдѣлано въ виду ясно поставленной цѣли: *поднять и поставить на ноги угнетенныя массы, противопоставляя ихъ олигархіи, которою до сихъ поръ были пропитаны всѣ польскія учрежденія*“ [1]).

Цѣль и объемъ этой статьи не позволяютъ намъ слѣдить за развитіемъ всей дѣятельности Н. А. Милютина въ Царствѣ Польскомъ. Отмѣтимъ лишь, что въ дѣятельности этой онъ и особенно ближайшіе его сотрудники, Черкасскій и Соловьевъ, впослѣдствіи значительно уклонились отъ первоначально начертанной славянофильской программы и принциповъ газеты *Дня*. Уклоненіе это произошло въ сторону руссификаціи края, причемъ права поляковъ, какъ націи, несомнѣнно существенно потерпѣли. Для Милютина это уклоненіе нельзя считать случайнымъ, скорѣе нужно признать его неизбѣжнымъ, потому что корни его лежали уже въ той программѣ, которую выставилъ Самаринъ передъ самымъ отъѣздомъ въ Польшу. Отрицаніе всякой автономіи края и требованіе сосредоточить власть въ русскихъ рукахъ уже одно подрывало выставленное въ началѣ статьи Самарина положеніе о правахъ польской народности на самобытное существованіе. Когда же возстаніе было окончательно усмирено и крестьянская реформа на очень широкихъ основахъ прошла въ законодательномъ порядкѣ и когда наступилъ послѣдній періодъ въ крестьянскомъ дѣлѣ—проведеніе въ жизнь новаго положенія, то неизбѣжно явился вопросъ, откуда взять дѣятелей для надлежащаго осуществленія реформы?

Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, какъ разрѣшеніе этого вопроса въ смыслѣ невозможности довѣрить дѣло проведенія реформы представителямъ мѣстнаго чиновничества и шляхетства и боевое поло-

---

[1]) Я перевожу это письмо съ французскаго текста, приведеннаго у *Leroy-Beaulieu*, op. cit., p. 282. Письмо отъ 23 марта 1864 г.

женіе, занятое по отношенію къ интеллигенціи страны русскими преобразователями въ Царствѣ Польскомъ, въ связи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, привели ихъ шагъ за шагомъ къ системѣ полной инкорпораціи, а впослѣдствіи и руссификаціи края.

Борьба съ полонизмомъ, необходимая, по программѣ славянофиловъ, въ западныхъ губерніяхъ имперіи, была перенесена въ само Царство Польское и приняла здѣсь формы вполнѣ принудительныя, а выставленная публицистами *Дня* идея неприкосновенности польской народности въ увлеченіи борьбой была совершенно отброшена.

Однако, имѣя въ виду собственно крестьянскій вопросъ и сохраняя хронологическую послѣдовательность въ изложеніи хода дѣла, обратимся къ первымъ шагамъ дѣятельности Милютина и его сотрудниковъ.

---

*

VI.

Поѣздка Милютина въ Варшаву. — Отношеніе его къ представителямъ мѣстной администраціи. — Способы ознакомленія его съ дѣломъ и собранные имъ матеріалы. — Выработанные имъ и его сотрудниками проекты указовъ 19 февраля 1864 года и утвержденіе этихъ проектовъ въ Петербургѣ.

Принявъ новую миссію, Милютинъ постарался, прежде всего, не выѣзжая еще изъ Петербурга, выяснить себѣ, каково должно быть положеніе польскихъ крестьянъ de jure. Съ этою цѣлью онъ изучилъ всѣ матеріалы по этому вопросу, какіе оказались въ статсъ-секретаріатѣ по дѣламъ Царства Польскаго, и познакомился до нѣкоторой степени съ литературою вопроса. Затѣмъ въ октябрѣ 1863 года онъ выѣхалъ въ Варшаву вмѣстѣ съ Самаринымъ и Черкасскимъ.

Въ Польшѣ ему пришлось, конечно, вступить въ извѣстныя сношенія съ представителями мѣстной администраціи. Главныхъ представителей административной власти, съ которыми предстояло имѣть дѣло, тамъ было два: генералъ М. Н. Муравьевъ — въ Вильнѣ, которому была подчинена Августовская губернія, и графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ — въ Варшавѣ, исправлявшій должность намѣстника послѣ отозванія великаго князя Константина Николаевича. Первый изъ нихъ былъ извѣстный противникъ крестьянской реформы въ Россіи, прославившійся усмиреніемъ возстанія въ Западномъ краѣ самыми жестокими мѣрами. Второй былъ старый придворный, человѣкъ тщеславный и лукавый, очень дорожившій своими намѣстническими прерогативами и не разъ жаловавшійся впослѣдствіи государю, что Милютинъ „слишкомъ его заслоняетъ“ [1]).

---

[1]) См. переписку кн. В. А. Черкасскаго съ Н. А. Милютинымъ и отрывки изъ дневника княгини Черкасской, напечатанные въ *Славянскомъ Обозрѣніи* за 1892 годъ, также переписку Я. А. Соловьева съ Н. А. Милютинымъ въ *Русской Старинѣ* за 1881 годъ и у Leroy-Beaulieu, op. cit., chap. VIII, p. 199 etc.

Д. Г. Анучинъ въ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ *Русск. Стар.* за 1893 г., представляетъ дѣло нѣсколько иначе, но его освѣщеніе дѣла опровергается всѣми вышеприведенными документальными источниками.

Со стороны Муравьева, вмѣсто ожидаемой оппозиціи крестьянской реформѣ, Милютинъ встрѣтилъ, наоборотъ, полное сочувствіе и готовность всяческой поддержки [1]). Объяснялось это видимое противорѣчіе тѣмъ, что въ Царствѣ Польскомъ Муравьевъ считалъ крестьянскую реформу наилучшимъ *политическимъ орудіемъ* для борьбы съ высшими классами, враждебными Россіи. Напротивъ, Бергъ, при всей внѣшней любезности, сталъ весьма скоро оказывать мелочную, но упорную и систематическую оппозицію всѣмъ предпріятіямъ Милютина не столько, быть можетъ, по несочувствію къ его планамъ, которые, впрочемъ, ему, какъ придворному и коренному балту, врядъ ли могли нравиться, сколько изъ ревниваго опасенія за неприкосновенность своихъ прерогативъ. На первыхъ порахъ все шло, однако, совершенно гладко: Милютину, какъ лицу, облеченному особыми полномочіями, нелегко было ставить препятствія.

Не теряя времени, онъ приступилъ, вмѣстѣ съ своими сотрудниками, къ изслѣдованію законовъ, инструкцій и различнаго рода дѣлъ, опредѣляющихъ положеніе крестьянъ въ Польшѣ, продолжая здѣсь работу, начатую еще въ Петербургѣ. Для той же цѣли онъ озаботился собраніемъ значительнаго количества статистическихъ свѣдѣній, относившихся какъ къ положенію крестьянъ, такъ и вообще къ состоянію края въ экономическомъ, финансовомъ, судебномъ, административномъ и религіозномъ отношеніяхъ [2]). Результаты этого обстоятельнаго и изумительнаго по быстротѣ и интенсивности труда были изданы въ видѣ массы статистическихъ данныхъ и цѣлаго ряда объяснительныхъ записокъ и законодательныхъ проектовъ въ шести большихъ фоліантахъ подъ названіемъ: *Изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ, по высочайшему повелѣнію произведенныя подъ руководствомъ сенатора статсъ-секретаря Милютина 1863—1864 гг.* [3]).

---

[1]) См. интересное письмо этого послѣдняго къ Милютину отъ 25 сентября 1863 года, цѣликомъ приведенное у Leroy-Beaulieu на стр. 202.

[2]) Н. А. Молютинъ придаетъ особое значеніе статистикѣ въ дѣлахъ законодательства и администраціи. Съ начала 40-хъ годовъ онъ болѣе, нежели кто либо, способствовалъ развитію въ Россіи какъ оффиціальной, такъ и частной статистики. Срав. въ журналѣ Импер. русск. географич. общества 19 февраля 1872 г. перечень статистическихъ работъ и предпріятій, въ которыхъ Милютинъ принималъ болѣе или менѣе близкое участіе.

[3]) Издано было in folio въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и нынѣ представляетъ библіографическую рѣдкость. Въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ, нѣтъ вовсе; въ Императорской Публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ, есть неполный экземпляръ, въ которомъ нѣтъ ни объяснительныхъ записокъ, ни проектовъ, составленныхъ Н. А. Милютинымъ и его сотрудниками.

Послѣ изученія крестьянскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ по собраннымъ ими статистическимъ, законодательнымъ и архивнымъ даннымъ, Милютинъ, Самаринъ и Черкасскій предприняли поѣздку по нѣкоторымъ мѣстностямъ Царства Польскаго съ цѣлью дополнить свои свѣдѣнія личными, живыми впечатлѣніями отъ непосредственнаго ознакомленія съ бытомъ и физіономіей польскаго крестьянства [1]). Эта поѣздка была описана въ художественномъ очеркѣ, составленномъ Ю. Ѳ. Самаринымъ и приложеннымъ къ прочимъ собраннымъ ими матеріаламъ [2]).

Посвящая дни и ночи усиленной работѣ, Милютинъ и его сотрудники выработали къ концу ноября проекты четырехъ указовъ, долженствовавшихъ вывести на сцену польской общественной жизни новую силу—народъ и положить, такимъ образомъ, основу новому гражданскому строю страны.

Проекты эти, хранившіеся авторами ихъ въ строгомъ секретѣ, были привезены въ Петербургъ и представлены въ началѣ декабря государю. Государь, одобривъ ихъ въ принципѣ, передалъ ихъ для подробнаго обсужденія въ особо учрежденный для этого комитетъ [3]), которымъ они были разсмотрѣны и приняты безъ существенныхъ измѣненій въ январѣ 1864 г.

19 февраля, ровно черезъ три года послѣ изданія положенія 1861 года, журналъ комитета былъ высочайше утвержденъ.

Новое законодательство основалось на тщательномъ изученіи какъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Польшѣ [4]), такъ и того положенія, въ которомъ крестьяне находились въ моментъ изслѣдованія, а

---

[1]) Въ поѣздкѣ принялъ участіе также сенаторъ В. А. Арцимовичъ и, въ качествѣ начальника эскорта, капитанъ Анненковъ, нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи.

[2]) Очеркъ этотъ вошелъ также въ собраніе его сочиненій, т. I, стр. 353.

[3]) Въ составъ комитета, подъ предсѣдательствомъ кн. П. Гагарина, вмѣстѣ въ министрами различныхъ министерствъ, вошли и составители проектовъ: Н. А. Милютинъ, Ю. Ѳ. Самаринъ и кн. В. А. Черкасскій, а также и помогавшій имъ въ Варшавѣ В. А. Арцимовичъ, взгляды котораго, однако, не вполнѣ совпадали со взглядами „тріумвирата“.

Оппозицію проектамъ составляли: вице-канцлеръ кн. Горчаковъ и отчасти В. И. Панинъ; особенно поддерживали: кн. Гагаринъ и Чевкинъ.

Leroy-Beaulieu, op. cit., p. 236 etc.

[4]) Тутъ пригодились, безъ сомнѣнія, солидныя научныя познанія Ю. Ѳ. Самарина, хорошо знакомаго вообще съ исторіей аграрныхъ отношеній на Западѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ замѣчательныя статьи его, помѣщенныя подъ заглавіемъ, „*Упраздненіе крѣпостного права и устройство отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Пруссіи*“ — въ журналѣ *Сельское Благоустройство* за 1858 годъ. Онѣ вошли во II т. его сочиненій, стр. 191—400.

также на глубокомъ пониманіи государственнаго значенія данной минуты для дальнѣйшихъ взаимныхъ отношеній Россіи и Польши.

Реформа 19 февраля 1864 года такъ или иначе разрѣшила два вопроса: съ одной стороны, она дала новое поземельное устройство крестьянамъ, уничтоживъ экономическую зависимость ихъ отъ помѣщиковъ и рѣшивъ, такимъ образомъ, давно бывшій на очереди вопросъ аграрный; съ другой стороны, она дала имъ новое административное устройство на началахъ самоуправленія съ полнымъ уничтоженіемъ вотчинной зависимости ихъ отъ помѣщиковъ.

Что касается поземельнаго устройства крестьянъ, то тутъ за исходную точку отправленія были приняты указы 4 мая 1835 г. и 26 мая 1846 года—двѣ мѣры русскаго правительства, которыя Милютинъ признавалъ единственными принесшими существенную пользу. Въ этомъ отношеніи указъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, несмотря на всю радикальность проведенныхъ имъ мѣръ, можетъ быть разсматриваемъ, какъ дальнѣйшій, конечно, огромный шагъ по пути, намѣченному до извѣстной степени еще въ 1846 году.

Что же касается указа объ общественномъ устройствѣ и самоуправленіи крестьянъ, то здѣсь все совершенно ново и никакихъ связей съ прошедшимъ, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ, не имѣетъ.

VII.

Содержаніе указовъ 19 февраля.—Указъ I—поземельное устройство крестьянъ. — Указъ II — новое общественное устройство крестьянъ и сельскихъ гминъ. — Указъ III — финансовая сторона реформы 19 февраля 1864 года.

Собственно поземельному устройству крестьянъ посвященъ указъ первый; второй указъ содержитъ въ себѣ устройство крестьянскихъ обществъ и сельскихъ гминъ; третій указъ опредѣляетъ принципы и условія ликвидаціонной операціи; и, наконецъ, четвертый — устанавляетъ порядокъ введенія въ дѣйствіе новаго законодательства [1]).

Статьями 1-ю и 5-ю перваго указа всѣ земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ во время изданія указа въ имѣніяхъ частныхъ, различныхъ учрежденій, майоратныхъ и казенныхъ, поступили *въ полную собственность* крестьянъ, тѣми землями владѣвшихъ, независимо отъ того, подходили эти земли подъ дѣйствіе указа 26 мая 1846 года или не подходили, безо всякаго ограниченія какимъ бы то ни было размѣромъ, и на какомъ бы основаніи крестьяне ими ни владѣли (т. е. по утвержденнымъ ли правительствомъ табелямъ повинностей, либо по вѣдомостямъ, составленнымъ на основаніи положенія 24 мая 1862 г. объ обязательномъ очиншеваніи, по престаціоннымъ табелямъ, по привилегіямъ, по контрактамъ, письменнымъ или словеснымъ, срочнымъ или безсрочнымъ, либо, наконецъ, безъ контрактовъ, по одному обычаю), и какого бы рода повинности они ни отбывали (ст. 14).

Такимъ образомъ, наравнѣ съ усадьбами тяглыхъ крестьянъ, сюда же были отнесены усадьбы бобылей, коморниковъ и проч., не заключавшія въ себѣ 3-хъ морговъ земли и не подошедшія поэтому подъ законъ 1846 г. [2]).

---

[1]) Указы эти напечатаны въ *Dzienik'ѣ praw*, т. LXII, и въ *Сборникѣ узаконеній по крест. дѣлу губ. Ц. П.*, т. I, стр. 1 (изданіе зем. отд. м—ва вн. дѣлъ).

[2]) Однако, исключенія, установленныя въ 1846 году совѣтомъ управленія для усадебъ, корчемныхъ, мельничныхъ, при кирпичныхъ заво-

Въ этомъ заключается первая и, можетъ быть, самая существенная разница между аграрною реформой, проведенною Милютинымъ въ Царствѣ Польскомъ, и русскимъ положеніемъ 19 февраля. Тогда какъ по русскимъ положеніямъ крестьянамъ нарѣзывался надѣлъ согласно извѣстнымъ установленнымъ нормамъ, часто весьма стѣснявшимъ крестьянское землевладѣніе, въ Царствѣ Польскомъ по указу 19 февраля крестьяне получили *всю* землю, бывшую фактически въ ихъ владѣніи.

Кромѣ того, крестьянамъ давалось право возвратить отъ помѣщиковъ тѣ усадьбы, которыя подходили подъ дѣйствіе указа 26 мая 1864 г., но были неправильно присоединены помѣщиками къ господскимъ полямъ или находились впустѣ. Для предъявленія правъ на такія усадьбы назначенъ былъ трехлѣтній срокъ. Точно также предоставлялось крестьянамъ требовать возвращенія отъ помѣщиковъ прежнихъ своихъ земель, подходившихъ подъ дѣйствіе указа 26 мая, но неправильно обмѣненныхъ помѣщиками на другія земли безъ согласія на то крестьянъ, утвержденнаго законнымъ порядкомъ. Послѣднимъ срокомъ для заявленія этого рода претензій крестьянамъ назначался день въ который имъ будетъ предъявленъ проектъ ликвидаціонной табели (т. е. уставной грамоты).

Вмѣстѣ съ землями крестьяне получали въ собственность весь находившійся при усадьбахъ живой и мертвый инвентарь.

Крестьяне сохраняли всѣ сервитутныя права, какъ записанныя въ престаціонную табель 1846 года, такъ и опредѣленныя по контрактамъ словеснымъ или письменнымъ, или же по обычаю.

Сервитутныя права, принадлежащія имъ во время изданія указа 1864 года и затѣмъ неправильно уничтоженныя помѣщиками, должны были быть возстановлены въ прежнемъ размѣрѣ и видѣ.

Становясь собственниками земли, крестьяне пріобрѣтали право не только на поверхность ея, но и на нѣдра, съ тѣми лишь ограниченіями, какія установлены для всѣхъ общими законами.

Къ крестьянскимъ обществамъ перешли права охоты и рыбной ловли.

Вотчинное право *пропинаціи* (т. е. право выдѣлки и розничной продажи вина) также предоставлено крестьянскимъ обществамъ,

---

дахъ и кузницахъ, или занятыхъ овчарями, садовниками, лѣсными сторожами и др. господскими служителями; если, притомъ, усадьбы эти находились не въ деревнѣ, а на мызѣ или при барскомъ дворѣ, или въ лѣсу и на опушкѣ лѣса, а равно и для земель сданныхъ крестьянамъ по письменнымъ контрактамъ на срокъ *вмѣстѣ съ фольварочными* (господскими) строеніями, остались въ силѣ и вошли въ статью 10 указа

но доходъ отъ этого права временно, впредь до окончательной уплаты казной вознагражденія помѣщикамъ, обращался на усиленіе средствъ, изъ которыхъ должно быть произведено это вознагражденіе.

По указу 19 февраля 1864 года, польскіе крестьяне признаны были *полными собственниками ихъ земель немедленно по обнародованіи указа*: въ этомъ вторая существенная разница съ положеніемъ 19 февраля 1861 года. Въ правѣ распоряженія своими усадьбами они были временно ограничены лишь слѣдующими двумя постановленіями: 1) домъ и надворныя строенія не могли быть ни закладываемы, ни отчуждаемы отдѣльно отъ земли, и 2) брать въ залогъ и пріобрѣтать крестьянскія усадьбы могли только крестьяне. Учредительный комитетъ прибавилъ впослѣдствіи 3-е ограниченіе, что крестьянскія усадьбы не могутъ быть дробимы на части меньшія 6 морговъ (3 десятинъ [1]). Въ 1891 году эти временныя ограниченія перешли въ постоянный законъ, установившій недробимость и неотчуждаемость въ руки лицъ другихъ сословій крестьянской земли въ Царствѣ Польскомъ.

Что касается обмѣна черезполосныхъ земель въ имѣніяхъ, еще не устроенныхъ (колоніально), и отмѣны сервитутовъ, то въ указѣ обѣщано было издать особыя правила, имѣющія опредѣлить, при какихъ условіяхъ и какимъ порядкомъ подобный обмѣнъ земель и отмѣна сервитутовъ могутъ быть допущены, независимо отъ обоюднаго согласія, по требованію одной лишь стороны. До тѣхъ же поръ этого рода дѣла предоставлялись добровольному соглашенію сторонъ, законнымъ порядкомъ засвидѣтельствованному.

Что касается повинностей, которыя крестьяне до тѣхъ поръ отбывали съ находившихся въ ихъ пользованіи земель, то первоначально проектировался выкупъ этихъ повинностей посредствомъ особой выкупной операціи. Но, при обсужденіи проектовъ Милютина, въ особомъ комитетѣ, ихъ разсматривавшемъ, было принято во вниманіе, согласно указанію Милютина же, что крестьяне въ Царствѣ Польскомъ съ начала возстанія не отбывали и не платили въ пользу помѣщиковъ никакихъ повинностей и что земли, состоявшія въ ихъ пользованіи, декретами революціоннаго правительства объявлены уже ихъ собственностью безъ всякаго выкупа. Поэтому признано было болѣе цѣлесообразнымъ дать совершившемуся факту законодательное признаніе, а для уплаты помѣщикамъ вознагражде-

---

[1]) Постановленія учредительнаго комитета, ст. 524, *Сборникъ Узаконеній*, т. I, стр. 311.

нія изыскать другіе источники, въ видѣ, главнымъ образомъ, простого возвышенія налоговъ на поземельную собственность, какъ крестьянскую, такъ и другихъ категорій. Въ этомъ заключается третья существенная разница указовъ 1864 года съ русскимъ положеніемъ 1861 года. Тутъ отразилось несомнѣнно всего сильнѣе косвенное вліяніе декретовъ и циркуляровъ „Narodowego Rzadu" на милютинское законодательство.

Такова собственно аграрная сторона законодательства 1864 года. Другая—общественно-административная—сторона реформы имѣла несомнѣнно не меньшую, важность. Она заключалась въ совершенномъ уничтоженіи вотчинной юрисдикціи помѣщиковъ и въ образованіи новаго крестьянскаго и гминнаго самоуправленія на истинно-демократическихъ основахъ.

Въ самомъ указѣ объ устройствѣ сельскихъ гминъ содержится указаніе на внутреннюю связь этихъ двухъ сторонъ крестьянской реформы. Тамъ сказано, что съ упраздненіемъ вотчинныхъ правъ помѣщиковъ на землю, занятую крестьянами, не осталось никакой уважительной причины сохранять далѣе за помѣщиками патримоніальную юрисдикцію и сопряженную съ званіемъ войтовъ гмины власть, „тѣмъ болѣе, что уже и въ прежнее время учрежденіе сіе далеко не обезпечивало общественнаго порядка и строгой справедливости". Съ другой стороны, указывается на трехлѣтній опытъ въ Имперіи, доказавшій пользу дарованія крестьянамъ самоуправленія, причемъ выражена увѣренность, что и польскіе крестьяне оправдаютъ оказанное имъ довѣріе.

Сельская гмина [1] *признана единицею всесословной; въ составъ ея вошли: деревни и колоніи, крестьянами населенныя, и фольварки или мызы помѣщиковъ и прочихъ землевладѣльцевъ.*

Каждая деревня или колонія составила меньшую самоуправляющуюся единицу—сельское общество. Но это единица не всесословная, а исключительно крестьянская.

Помѣщики и мелкіе землевладѣльцы со своими фольварками, мызами и домами, а равно ихъ оффиціалисты, прислуга, наемные рабочіе и проч. лица, живущія на господской землѣ и въ домахъ мелкой шляхты, въ составъ сельскихъ обществъ не входятъ.

---

[1]) Указъ 1864 года распространялся лишь на сельскія гмины, причемъ, временно, было удержано прежнее дѣленіе на гмины 1859 г. Но учредительному комитету поручалось выработать проектъ новаго административнаго дѣленія Царства на гмины.

Напротивъ, крестьяне, хотя бы и живущіе внѣ деревни особымъ дворомъ, причисляются вмѣстѣ со своими семействами къ ближайшему обществу одной съ ними гмины.

Каждое сельское общество управляется сельскимъ сходомъ и его выборнымъ представителемъ — солтысомъ.

Сельскій сходъ составляется изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ крестьянъ-домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества и живущихъ въ собственныхъ своихъ домахъ. Крестьянки, владѣющія усадебными участками и самостоятельно управляющія хозяйствами, могутъ участвовать въ сельскихъ сходахъ наравнѣ съ прочими домохозяевами.

Вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ слѣдующія дѣла:

1. Совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ сельскаго общества.

2. Распоряженіе общественными строеніями, школами, богадѣльнями и т. п. заведеніями, учрежденными на общественные съ сельскаго общества сборы.

3. Распоряженіе участками земли, принадлежащими всему обществу. Сюда же относится изъявленіе согласія или несогласія на раздѣленіе такихъ земель на подворные участки, а также на разверстаніе общихъ съ помѣщиками или съ другими деревнями пастбищъ и на отмѣну или замѣну принадлежащихъ обществу сервитутныхъ правъ.

4. Назначеніе сборовъ на общественные расходы сельскаго общества.

5. Выборъ солтыса, сборщика податей и другихъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія, а также избраніе повѣренныхъ для хожденія по дѣламъ общественнымъ.

6. Учетъ должностныхъ лицъ, сельскимъ обществомъ избранныхъ.

7. Ходатайства о производствѣ между домохозяевами новой, болѣе уравнительной раскладки поземельнаго налога [1]).

Созывается сельскій сходъ, смотря по надобности, солтысомъ или гминнымъ войтомъ, преимущественно въ дни воскресные и праздничные.

---

[1]) Высочайшій указъ 15 ноября 1868 года объ устройствѣ государственныхъ окладныхъ податей въ Царствѣ Польскомъ расширилъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи права сельскихъ сходовъ, предоставивъ имъ самимъ, сообразно разъ навсегда установленнымъ правиламъ (ст. 18 того же указа), производить внутреннюю раскладку налоговъ между отдѣльными домохозяевами. *Сборникъ Узаконеній*, т. I, стр. 545, ст. 2374 пост. учред. комитета.

Рѣшенія сельскихъ сходовъ признаются законными тогда только, когда на сходѣ былъ солтысъ или войтъ (въ особыхъ указанныхъ случаяхъ) и не менѣе половины всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать въ сходѣ. Всѣ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ, причемъ по нѣкоторымъ особо указаннымъ дѣламъ требуется большинство $^2/_3$ голосовъ. Сюда относятся, главнымъ образомъ, дѣла, касающіяся распоряженія общественнымъ имуществомъ и имущественныхъ правъ общества.

Солтысъ соединяетъ въ своихъ рукахъ власть сельскаго старосты и сотскаго въ русскихъ губерніяхъ.

Въ своемъ обществѣ онъ является представителемъ и исполнителемъ рѣшеній сельскаго схода; въ гминѣ же онъ является помощникомъ войта особенно по дѣламъ полицейскимъ. Въ предѣлахъ своего общества ему предоставлена нѣкоторая карательная власть за маловажные полицейскіе проступки, совершенные крестьянами. Онъ можетъ подвергать виновныхъ аресту до 2 дней, денежному штрафу до 1 рубля, или назначать на общественныя работы, въ случаѣ несостоятельности, до 2 дней.

Въ предѣлахъ каждой гмины общественными дѣлами завѣдуетъ *гминный сходъ* и его выборный представитель—*гминный войтъ* со своими помощниками—солтысами.

Сверхъ того, въ каждой гминѣ былъ учрежденъ выборный судъ.

Такъ какъ гмина признана была,—въ противность нашей волости,—единицею всесословной, то и участниками гминнаго схода по новому закону являлись всѣ безъ различія сословій и вѣроисповѣданія совершенно-лѣтніе домохозяева гмины, владѣющіе въ предѣлахъ ея на правахъ личной собственности не менѣе какъ тремя моргами земли. Отъ участія въ гминномъ сходѣ устранены лишь: мѣстные мировые судьи, чины уѣздной полиціи и лица духовнаго званія, хотя бы они и владѣли въ предѣлахъ гмины установленнымъ поземельнымъ цензомъ.

Вѣдѣнію гминнаго схода подлежатъ слѣдующія дѣла:

1. Постановленіе о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ цѣлой гмины.

2. Распоряженіе общественнымъ имуществомъ, принадлежащимъ цѣлой гминѣ.

3. Мѣры общественнаго призрѣнія, а равно учрежденіе гминныхъ училищъ.

4. Назначеніе и раскладка гминныхъ сборовъ и повинностей, относящихся до цѣлой гмины.

5. Выборъ войта, лавниковъ и другихъ гминныхъ должностныхъ лицъ, а также избраніе повѣренныхъ для хожденія по дѣламъ гмины.

6. Повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ.

7. Наконецъ, разрѣшеніе всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда по закону или вслѣдствіе частныхъ распоряженій правительства требуется на что-либо согласіе всей гмины или разрѣшеніе ея.

Рѣшенія гминнаго схода считаются законными, когда на сходѣ присутствовалъ войтъ гмины или замѣняющій его солтысъ и не менѣе половины домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Рѣшенія постановляются, какъ и на сельскомъ сходѣ, по большинству голосовъ, причемъ для дѣлъ, касающихся гминныхъ имуществъ, требуется $^{2}/_{3}$ голосовъ.

Приговоры по дѣламъ особой важности записываются въ книгу.

Обязанности войта гмины имѣютъ двоякій характеръ. По дѣламъ общественнымъ онъ является представителемъ и исполнителемъ рѣшеній гминнаго схода. По дѣламъ полицейскимъ онъ является послѣднимъ представителемъ полицейской власти по самымъ разнороднымъ предметамъ полиціи, благосостоянія и безопасности въ предѣлахъ своей гмины. Онъ отвѣчаетъ за охраненіе общаго порядка и спокойствія въ гминѣ и на немъ же лежитъ обязанность надзора и общихъ заботъ о состояніи путей сообщенія и всякихъ общественныхъ учрежденій гмины. Онъ же обязанъ безпрекословно исполнять всѣ законныя требованія уѣзднаго начальника, мирового судьи и прочихъ судебныхъ мѣстъ и иныхъ правительственныхъ установленій по предметамъ ихъ вѣдомства. Онъ же завѣдуетъ гминными общественными суммами, отвѣтствуя за цѣлость ихъ и правильное ихъ употребленіе.

Въ виду всесословности гмины, войту подвѣдомственны всѣ безъ исключенія лица, проживающія въ предѣлахъ гмины. За маловажные полицейскіе проступки онъ могъ по указу 19 февраля собственною властью подвергать ихъ денежному штрафу до 1 р. съ замѣною общественными работами, въ случаѣ несостоятельности (за исключеніемъ, впрочемъ, лицъ, изъятыхъ по закону отъ этого рода взысканій), и аресту до 2 дней [1]).

Хотя при войтѣ нѣтъ никакого постояннаго совѣта, какъ это предполагалось по проекту Велепольскаго, однако, законъ обязываетъ его „совѣщаться съ лавниками и солтысами и приглашать

[1]) Съ введеніемъ въ 1875 году въ Царство Польское судебныхъ уставовъ императора Александра II статья эта потеряла силу.

ихъ къ совокупной съ нимъ дѣятельности“ по всѣмъ предметамъ его вѣдомства, а особенно по дѣламъ, касающимся пользы и общественнаго хозяйства гмины. Такъ, если гминный сходъ не составитъ раскладки между жителями гмины казенныхъ и гминныхъ повинностей, то войтъ обязанъ предупредить сходъ, что онъ самъ составитъ раскладку. И если сходъ и затѣмъ не сдѣлаетъ раскладки, то она немедленно составляется войтомъ, но непремѣнно при участіи лавниковъ и солтысовъ подъ общею ихъ отвѣтственностью (ст. 16).

Однако, указъ не опредѣляетъ ближе характеръ участія всѣхъ этихъ лицъ въ подобныхъ совѣщаніяхъ, ни правъ ихъ какъ членовъ такого совѣщанія, ни значеніе ихъ голоса для войта, въ виду чего совѣщанія эти на практикѣ получили значеніе простой формальности.

Для письмоводства при войтѣ установлена должность писаря, по указу 19 февраля 1864 года, однако, не обязательно кѣмъ-либо замѣщаемая. Войтъ могъ и самъ, если находилъ возможность, вести все письмоводство гминнаго управленія.

Всѣ должностныя лица гминнаго и сельскаго управленія выбираются на три года, причемъ по истеченіи этого срока они могутъ быть выбраны вновь.

Для избранія на должность гминнаго войта и лавника (члена суда) необходимо имѣть въ предѣлахъ гмины, на правахъ личной собственности, не менѣе 6 морговъ земли.

Для избранія въ солтысы требуется принадлежность къ мѣстному крестьянскому обществу и поземельный цензъ въ три морга.

На выборахъ въ каждую изъ этихъ должностей избирается по 2 кандидата, причемъ одинъ изъ нихъ утверждается уѣзднымъ начальникомъ въ должности, а другой допускается къ временному замѣщенію перваго въ случаяхъ его болѣзни, смерти, отпуска и проч.

Законъ не опредѣляетъ основаній, по которымъ уѣздный начальникъ можетъ отказать въ своемъ утвержденіи тому или другому кандидату. Въ случаѣ же, если онъ не признаетъ возможнымъ допустить къ должности ни одного изъ выборныхъ кандидатовъ, то распоряжается о производствѣ новыхъ выборовъ. Если же и на нихъ будутъ избраны кандидаты, которыхъ, по мнѣнію уѣзднаго начальника, нельзя допустить къ должности, то онъ представляетъ объ этомъ губернатору, который и рѣшаетъ окончательно, утвердить ли одного изъ выбранныхъ кандидатовъ, или распорядиться о производствѣ третьихъ „окончательныхъ“ выборовъ.

На незаконныя дѣйствія уѣзднаго начальника жалобы могутъ быть подаваемы губернатору въ 30-ти дневный срокъ. Войты гмины и лавники могутъ быть отставлены отъ должности въ административномъ порядкѣ губернаторомъ, а временно и уѣзднымъ начальникомъ. Солтысы могутъ быть отставлены отъ должности уѣзднымъ начальникомъ. Отъ тѣхъ же инстанцій зависитъ преданіе этихъ должностныхъ лицъ суду.

Всѣ должностныя лица гминнаго и сельскаго управленія вполнѣ подчинены уѣздному начальнику, который можетъ штрафовать ихъ въ дисциплинарномъ порядкѣ: выговорами, замѣчаніями, денежными штрафами до 5 рублей и арестомъ до 7 дней. Распоряженія этого рода могутъ быть обжалованы губернатору въ семидневный срокъ.

Вновь образованнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ также предоставленъ былъ надзоръ за ходомъ гминнаго и сельскаго самоуправленія. Надзоръ этотъ, особенно въ виду даннаго ему направленія позднѣйшими циркулярами Я. И. Соловьева, получилъ важное значеніе, какъ мѣра, могшая сдерживать произволъ уѣздныхъ начальниковъ.

Указъ 19 февраля 1864 года объ устройствѣ сельскихъ гминъ на-ряду съ общественнымъ самоуправленіемъ установилъ особый гминный судъ, соотвѣтствовавшій по назначенію своему нашему волостному суду. По указу 29 февраля, гминный судъ состоялъ изъ войта гмины и лавниковъ. Лавники избирались гминнымъ сходомъ въ числѣ отъ 2 до 3 на каждую гмину, смотря по ея обширности.

Вѣдомству гминнаго суда подлежали изъ уголовныхъ дѣлъ маловажные полицейскіе проступки, наказуемые денежными штрафами до 3 руб. или арестомъ до 7 дней. Изъ дѣлъ гражданскихъ ему подвѣдомственны были иски и тяжбы лишь о движимомъ имуществѣ или по исполненію личнаго обязательства, причемъ цѣнность иска не могла превышать 30 руб. [1]).

Гминному суду подлежали всѣ лица безъ различія сословій, имѣющія жительство въ предѣлахъ гмины. Впрочемъ по добровольному согласію сторонъ, гминный судъ могъ разбирать гражданскія дѣла, выходившія изъ предѣловъ его вѣдомства.

Гминный судъ долженъ былъ собираться не рѣже одного раза въ недѣлю. Всѣ дѣла въ немъ производились словесно. Приговоры и условія мировыхъ сдѣлокъ по гражданскимъ дѣламъ записывались въ книгу.

---

[1]) Вскорѣ она была возвышена до 100 руб. Высочайш. указъ 15 ноября 1865 года. *Сборникъ Узаконеній*, т. I, стр. 289.

Рѣшенія гминнаго суда приводились въ исполненіе представителями сельской полиціи — войтами и солтысомъ [1]).

Финансовая сторона реформы изложена въ указѣ ликвидаціонной коммиссіи.

Владѣльцы имѣній въ Царствѣ Польскомъ получили вознагражденіе не за землю, укрѣпленную за крестьянами въ собственность, а за тѣ повинности, которыя крестьяне въ ихъ пользу съ этой земли отбывали. Впрочемъ, изъ этихъ повинностей подлежали вознагражденію лишь тѣ, которыя подходили подъ понятіе правильной барщины, денежнаго окупа или опредѣленнаго чинша, денежнаго или натуральнаго. Всѣ даремщины, лаудеміи и проч. поборы отмѣнялись безвозмездно. Безвозмездно же была отмѣнена и вотчинная юрисдикція.

Что касается способовъ оцѣнки выкупаемыхъ государствомъ повинностей, то всѣ имѣнія въ Царствѣ были раздѣлены указомъ 19 февраля на 2 категоріи. Къ первой отнесены тѣ, гдѣ повинности отбывались въ видѣ барщины или замѣнившаго ее денежнаго окупа; ко второй — всѣ имѣнія очиншованныя.

Въ имѣніяхъ первой категоріи барщина переводилась на деньги, причемъ стоимость крестьянской работы оцѣнивалась по таксѣ, установленной въ законѣ о денежномъ окупѣ. Если сверхъ барщины въ такихъ имѣніяхъ платился еще въ видѣ дополненія денежный чиншъ или хлѣбный оброкъ, то сумма его (переложенная на деньги) прибавлялась къ стоимости барщины. Изъ вычисленной такимъ образомъ цѣнности барщины скидывалась $^1/_3$, а остальныя $^2/_3$ составляли повинность, подлежавшую вознагражденію, если только размѣръ ея не превышалъ высшаго размѣра поземельной платы съ морга, установленной въ 21 ст. того же указа.

Оцѣнка повинностей въ имѣніяхъ второй категоріи производилась такъ: если платился денежный чиншъ, то онъ и принимался за цѣнность лежащей на крестьянскомъ участкѣ повинности; если платился натуральный (хлѣбный) оброкъ, то цѣнность его вычислялась по особой таксѣ; если сверхъ чинша или хлѣбнаго оброка съ участка отбывалась еще дополнительная барщина, то цѣнность ея, вычисленная по таксѣ, прилагалась къ суммѣ чинша или оброка.

Изъ вычисленной такимъ образомъ цѣнности чинша или оброка скидывалась $^1/_5$ часть, а $^4/_5$ составляли повинность, подлежавшую

[1]) Все устройство гминныхъ судовъ и судопроизводства въ нихъ подверглось впослѣдствіи полному преобразованію съ введеніемъ въ Царствѣ Польскомъ судебной реформы въ 1875 году.

вознагражденію, если, опять-таки, она не превышала высшаго установленнаго указомъ размѣра поземельной ренты съ морга.

Учредительному комитету предоставлялось понижать этотъ размѣръ до 40% въ тѣхъ случаяхъ, когда въ виду особенностей имѣнія примѣненіе означенныхъ нормъ „имѣло бы послѣдствіемъ чрезмѣрное сравнительно съ дѣйствительною стоимостью земли возвышеніе вознагражденія“.

Для опредѣленія всей суммы слѣдующаго помѣщику вознагражденія, вычисленная на изложенныхъ основаніяхъ, цѣнность годичныхъ повинностей крестьянъ капитализировалась изъ 6%, т. е. помножалась на $16^2/_3$.

Въ случаѣ, если бы помѣщикъ находилъ опредѣленный такимъ образомъ размѣръ вознагражденія несоотвѣтствующимъ цѣнности укрѣпленной за крестьянами земли, онъ могъ ходатайствовать о производствѣ на мѣстѣ спеціальной оцѣнки таковой. Въ такомъ случаѣ доходность ея, подлежавшая вознагражденію, опредѣлялась по правиламъ, принятымъ въ казенныхъ имѣніяхъ для исчисленія слѣдуемаго съ крестьянъ чинша, и вознагражденіе уже вычислялось капитализаціей изъ 6% этой доходности.

Вознагражденіе выдавалось помѣщикомъ ликвидаціонными листами, подлежавшими погашенію въ теченіи 42 лѣтъ. Листы эти приносили 4% годичнаго дохода.

На покрытіе расходовъ казны по этому предмету, т. е. на веденіе всей ликвидаціонной операціи, кромѣ поземельнаго налога съ крестьянскихъ усадебъ, опредѣленнаго указами 19 февраля, *возвышены были окладные налоги съ прочей недвижимой собственности Царства* и на ту же цѣль обращалась, до окончанія всей операціи, вся выручка отъ пропинаціоннаго дохода на крестьянскихъ земляхъ и всѣ случайные доходы по ликвидаціонной операціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, менѣе значительными источниками, указанными въ 12 статьѣ указа о ликвидаціонной коммиссіи.

Для веденія всей операціи учреждалась особая ликвидаціонная коммиссія при учредительномъ комитетѣ.

Мы не будемъ здѣсь подробнѣе останавливаться на началахъ ликвидаціонной операціи, такъ какъ ихъ сущность не имѣетъ прямого отношенія къ предмету настоящаго изслѣдованія—къ судьбѣ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ.

Не будемъ также излагать въ этомъ мѣстѣ содержанія четвертаго указа 19 февраля 1864 года, такъ какъ опредѣляя порядокъ исполненія новыхъ постановленій, онъ относится къ слѣдующей части нашей работы—къ исторіи проведенія реформы 1864 года въ жизнь.

VIII.

Необходимость просвѣщенія для освобожденнаго крестьянства.—Начальное народное образованіе въ Царствѣ Польскомъ до милютинской реформы.—Милютинская критика прежнихъ системъ народнаго образованія въ Царствѣ и главныя основанія предпринятой реформы. — Содержаніе указа 30 августа 1864 года.

Этими четырьмя указами для Милютина не исчерпывался и не могъ исчерпываться весь крестьянскій вопросъ въ Царствѣ Польскомъ. Вѣрный своей основной мысли — вывести на историческую сцену въ преобразуемой странѣ крестьянство, какъ новый самостоятельный, свободный и сознательный элементъ общественной жизни,—онъ не могъ считать дѣло оконченнымъ, обезпечивая крестьянству лишь матеріальное благосостояніе, да независимость отъ дворянства и нѣкоторую самостоятельность въ общественныхъ дѣлахъ. Чтобы быть партіей и играть роль самостоятельнаго элемента въ общественной и политической жизни страны, крестьянамъ едва освободившимся отъ вотчинной опеки помѣщиковъ, недоставало сколько-нибудь развитаго *самосознанія*. Пробужденію и развитію самосознанія, очевидно, могло и должно было содѣйствовать дарованное имъ самоуправленіе; но одного этого фактора, конечно, было недостаточно,—не хватало еще просвѣщенія.

Позволимъ себѣ въ этомъ мѣстѣ небольшое отступленіе и посмотримъ, каково было состояніе начальнаго народнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ ко времени предпринятыхъ Милютинымъ реформъ.

Въ XVIII вѣкѣ народное образованіе въ Рѣчи Посполитой было въ зачаточномъ состояніи, хотя сознаніе его необходимости, видимо, пробудилось среди передовой части общества.

Въ герцогствѣ Варшавскомъ эдукаціонная палата (соотвѣтствовавшая министерству народнаго просвѣщенія) сознавала важность учрежденія возможно большаго числа начальныхъ училищъ. 12 января 1808 года она издала воззваніе къ гражданамъ, въ которомъ призывала ихъ содѣйствовать учрежденію начальныхъ учи-

лицъ. Въ воззваніи этомъ провозглашенъ великій принципъ всеобщаго обученія. Къ основанію училищъ привлекались значительнѣйшіе жители деревень. Казна герцогства средствъ на это не ассигновала, а были установлены добровольныя школьныя общества, члены которыхъ давали складку на содержаніе школы для своей деревни и для небольшого района, заключающаго нѣсколько маленькихъ сосѣднихъ деревень. Личному почину и энергіи обывателей предоставлено было, такимъ образомъ, широкое поле. На нихъ же былъ возложенъ надзоръ и ближайшее завѣдываніе этими школами. Для этого учреждались дозоры, состоявшіе подъ предсѣдательствомъ владѣльца, на землѣ котораго устраивалась школа, изъ приходскаго священника и еще двухъ мѣстныхъ обывателей.

Въ короткое время число основанныхъ въ герцогствѣ школъ достигло 1.300.

Военныя дѣйствія, по свидѣтельству коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія [1]), помѣшали развитію этого движенія.

Съ образованіемъ Царства Польскаго коммиссія народнаго просвѣщенія, которая считала въ числѣ своихъ членовъ такихъ людей, какъ, наприм., Сташицъ, унаслѣдовала прогрессивныя идеи эдукаціонной палаты. Впрочемъ, разоренная казна Царства не могла и теперь ассигновать отъ себя на содержаніе училищъ денегъ. Главныя надежды возлагались, попрежнему, на личный починъ. Было учреждено даже особое званіе „организаторовъ“ училищъ изъ частныхъ лицъ, въ число которыхъ приглашались люди, проявлявшіе сочувствіе къ дѣлу народнаго образованія. На нихъ возлагалась обязанность заботиться о средствахъ на содержаніе существующихъ училищъ и объ открытіи новыхъ путемъ сбора пожертвованій.

Уставы русскаго правительства 1833 [2]) и 1840 [3]) годовъ стремились, сообразно принятымъ тогда принципамъ системы графа Уварова, не столько къ увеличенію числа училищъ и къ распространенію просвѣщенія среди низшихъ классовъ, сколько къ регламентаціи преподаванія.

Общее число школъ за время съ 1828 до 1860 гг. возрасло, правда, на 360 [4]); но изъ числа 360 вновь открытыхъ школъ

---

[1]) *Изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ статсъ-секретаря Н. А. Милютина въ 1863—1864 г.*, вып. IV, тетр. I, стр. 13.

[2]) *Dziennik praw*, т. XV, стр.

[3]) Ibidem, т. XXVI, стр. 168.

[4]) Общая объяснительная записка объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ Польскомъ напечатана въ *Славянскомъ Обозрѣніи* за 1892 г. кн. VII—VIII, стр. 302.

250 были евангелическія. Въ 1828 г. всѣхъ элементарныхъ училищъ было 714; въ 1860 г.—1.074. Но половина этихъ училищъ принадлежала городамъ. Собственно сельскихъ школъ въ 1828 г. было 340, въ 1860 г.—557, съ 1850 года число училищъ не возрастаетъ, а падаетъ: въ 1850 г. начальныхъ училищъ было 1.254, въ 1860 г.—1.074 [1]).

Существующія училища поставлены подъ клерикальный надзоръ приходскаго священника и цѣлаго ряда стоящихъ надъ нимъ бюрократическихъ инстанцій. У общества отнята всякая инициатива и до шестидесятыхъ годовъ всякій частный починъ въ этомъ дѣлѣ замираетъ.

Хотя правительство оказывало начальнымъ школамъ нѣкоторое денежное пособіе, однако, онѣ не процвѣтали. Жалованье учителю полагалось самое нищенское—30—50 руб. въ годъ.

По проекту устава маркиза Велепольскаго, высочайше утвержденному 8 мая 1862 года [2]), предполагалось всеобщее обученіе, на этотъ разъ обязательное, съ установленіемъ штрафовъ съ родителей, не посылающихъ дѣтей въ школу [3]).

Во многихъ отношеніяхъ уставъ этотъ возвращался къ идеямъ эдукаціонной палаты Варшавскаго герцогства, но принципъ добровольной складки былъ оставленъ. На содержаніе низшихъ училищъ назначалась теперь особая подать въ 370.237 руб. На эту сумму предполагалось, по подробно исчисленнымъ штатамъ, учредить 2.195 казенныхъ училищъ. Такимъ образомъ, общее число училищъ вмѣстѣ съ содержимыми на средства разныхъ капиталовъ и „фундушей“ и съ частными школками грамоты должно было превысить 3.000.

Впредь до открытія казенныхъ училищъ оставленъ былъ неприкосновеннымъ принципъ частной иниціативы. Во время движенія, кончившагося возстаніемъ 1863 года, эта иниціатива проявилась во многихъ случаяхъ, хотя, повидимому, весьма непрочно и ли-

[1]) Въ изслѣдованіяхъ Н. А. Милютина въ Царствѣ Польскомъ, вып. IV, тетрадь II, есть вѣдомость о числѣ сельскихъ и городскихъ училищъ въ Царствѣ съ 1850—1860 гг. (кромѣ 1854 г., за который свѣдѣній не было доставлено):

Года:	1850	1851	1852	1853	1855	1856	1857	1858	1859	1860
Число школъ . . .	1254	1222	1208	1228	1165	1135	1120	1116	1110	1074

[2]) *Dziennik praw*, т. LX, стр. 226.

[3]) Впрочемъ, установленіе обязательнаго обученія было отвергнуто въ Петербургѣ при окончательномъ разсмотрѣніи проекта, и статья эта была исключена изъ устава. См. общую объяснительную записку объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ Польскомъ, напечатанную въ *Славянскомъ Обозрѣніи* за 1892 г., кн. VII—VIII, стр. 308.

хорадочно. По этимъ лихорадочнымъ проявленіямъ нельзя, конечно, судить о нормальномъ отношеніи польскаго общества шестидесятыхъ годовъ къ дѣлу народнаго образованія, такъ какъ на первый планъ тутъ выступалъ интересъ политическій. Были случаи открытія въ одной только губерніи въ теченіе одной какой-нибудь недѣли 7-ми школъ [1]). Онѣ открывались и скоро опять закрывались. Администрація, состоявшая въ это время изъ военныхъ офицеровъ, ихъ преслѣдовала за стремленіе къ политической пропагандѣ. Впрочемъ, во вновь учрежденныхъ военныхъ совѣтахъ, засѣдавшихъ въ концѣ 1862 года, всѣ постановленія ихъ, какъ это видно изъ оффиціальной газеты Царства Польскаго, сводились, главнымъ образомъ, также къ увеличенію числа школъ [2]).

Польское общество сознало, что народная масса, по неразвитости умственной, совершенно лишена всякаго національнаго сознанія, всякихъ сознательныхъ патріотическихъ чувствъ, и оно стало стремиться поэтому къ просвѣщенію этой массы.

Въ концѣ концовъ, изъ вновь открытыхъ школъ къ 1864 году уцѣлѣли, однако, немногія. Въ 1861 г. общее число школъ было 1.074, въ 1864 г.—1.093 [3]).

Въ уставѣ Велепольскаго, помимо принципа всеобщаго обученія, было еще одно важное преимущество по сравненію съ уставами 1833 и 1840 годовъ,—это передача дѣла начальнаго народнаго образованія изъ рукъ бюрократіи въ руки мѣстнаго самоуправленія. Главная опека надъ школами поручалась вновь образованнымъ уѣзднымъ совѣтамъ. Ближайшее завѣдываніе школами уставъ, обращаясь къ порядку, установленному эдукаціонною палатой въ 1808 году, ввѣрялъ особымъ дозорамъ, въ которыхъ, впрочемъ, теперь предсѣдательство предоставлено было приходскому священнику, что, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чертами его вліянія, придавало уставу о начальныхъ школахъ нѣсколько клерикальный колоритъ [4]).

---

[1]) *Павлищевъ*: „Седмицы польскаго мятежа“, т. I, стр. 70. См. *Изслѣдованіе Н. А. Милютина въ Царствѣ Польскомъ*, т. I. Мятежническія воззванія къ крестьянамъ и проч.

[2]) См. статью объ этомъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, № 12, отъ 16 января 1864 года.

[3]) *Изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ Н. А. Милютина*, вып. IV, тетрадь II.

[4]) Въ этомъ обвиняетъ Велепольскаго Н. А. Милютинъ въ объяснительной запискѣ къ уставу 30 августа 1864 г. и обвиненіе это старается опровергнуть, по-моему не вполнѣ безпристрастно, В. Д. Спасовичъ. Наз. соч., стр. 185.

Въ своей объяснительной запискѣ объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ Польскомъ, составленной чрезвычайно обстоятельно[1]), Н. А. Милютинъ подвергъ рѣзкой критикѣ какъ руссификаціонную и репрессивную систему 30-хъ и 40-хъ годовъ, введенную Уваровымъ и Паскевичемъ[2]), такъ и только что изданный уставъ 8 мая 1862 года, выработанный по плану маркиза Велепольскаго.

Въ глазахъ Милютина самымъ существеннымъ недостаткомъ какъ той, такъ и другой системы являлось то, что народное просвѣщеніе не служило въ нихъ цѣлью само по себѣ, а низводилось на степень политическаго оружія. Этимъ объясняются обскурантныя тенденціи первой и клерикальный и узко-національный характеръ—второй.

„Общественное образованіе было,—говоритъ онъ,—политическимъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ съ 1831 по 1861 годъ; въ 1861 г. оно же обратилось, какъ политическое орудіе, противъ насъ. Можемъ ли мы оставаться на этой почвѣ? Надобно себѣ рѣшительно сказать, что нѣтъ“ [3]).

Сообразно съ этимъ Милютинъ не считалъ возможнымъ отъ колонизаторскихъ принциповъ системы Велепольскаго вновь возвратиться къ принципамъ системы руссификаторской. Онъ пред-

[1]) Въ составленіи ея, главнымъ образомъ, участвовалъ А. Ѳ. Гильфердингъ, и она воспроизводитъ въ значительной степени идеи, высказанныя имъ въ статьѣ: *Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ. Сочиненія*, т. II, стр. 333.

[2]) Значеніе этой системы Милютинъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Результаты системы не оправдали ожиданій... Уровень образованія палъ. Поколѣніе, воспитанное послѣ 1830 г., невѣжественнѣе прежняго, и, въ то же время, гораздо хуже въ политическомъ отношеніи, гораздо намъ враждебнѣе.

„Затрудняя полякамъ доступъ къ высшему образованію и распространяя поверхностное матеріальное знаніе въ ущербъ серьезной наукѣ, мы тѣмъ самымъ открывали просторъ революціонной пропагандѣ, которая всего успѣшнѣе дѣйствуетъ на людей полуобразованныхъ... Система воспитанія отстраняла все то, что способно направить молодого человѣка къ критическому анализу и пріучить его къ логической повѣркѣ своихъ мыслей. Такимъ образомъ приготовилась почва, на которой всякая ложь могла привиться къ обществу, по своей природѣ легковѣрному, и гдѣ крайній матеріализмъ такъ безобразно сочетался съ подчиненіемъ фанатическому духовенству.

„Съ другой стороны, явное предпочтеніе, оказываемое русскому языку передъ польскимъ во всѣхъ училищахъ, имѣло послѣдствіемъ, что мы раздражили поляковъ, не достигая никакихъ существенныхъ результатовъ; мы не обрусили ни одного поляка, а, между тѣмъ, являлись какъ бы посягающими на польскую національность“...

[3]) Общая объяснительная записка. *Славянское Обозрѣніе* 1893 г. кн. VII—VIII, стр. 311.

ложилъ только устранить изъ системы маркиза Велепольскаго все клерикальное и узко-національное, оставивъ неприкосновеннымъ все хорошее и общечеловѣческое, что въ ней было, и преслѣдуя на будущее время въ дѣлѣ народнаго воспитанія однѣ лишь цѣли просвѣщенія и серьезной науки [1]).

По отношенію къ начальному образованію передъ Милютинымъ были трудности, съ которыми менѣе широкій политическій умъ не такъ легко бы справился. Ему было извѣстно то значеніе, которое получило въ глазахъ польскихъ революціонеровъ 1863 года умственное развитіе крестьянства для дѣла польской революціи, когда они поняли, что при полной умственной неразвитости крестьяне не имѣли и не могли имѣть никакихъ національныхъ и политическихъ чувствъ и стремленій, и бросились тогда заводить начальныя и воскресныя школки ad hoc. Милютинъ полагалъ даже, что въ прежней дореформенной Польшѣ при той противуположности интересовъ и всей жизненной обстановкѣ народной среды и среды польской интеллигенціи, крестьянинъ, получившій хотя бы только начальное образованіе, но съ той спеціальной клерикально-патріотической окраской, которое ему давалось, сразу выходилъ изъ своей среды, изъ крестьянства, и примыкалъ къ другимъ городскимъ и интеллигентнымъ классамъ.

Однако, послѣ изданія указовъ 19 февраля это нисколько не пугало Милютина. Онъ, совершенно послѣдовательно со своими

---

[1]) Эти общія основанія выражены и въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 30 августа 1864 года на имя намѣстника въ Царствѣ:

„Общій о семъ уставъ, утвержденный Мною 8 мая 1862 года, положилъ уже въ основаніе всѣхъ тамошнихъ учебныхъ заведеній нравственно-религіозное образованіе; для училищъ высшаго разряда принялъ преимущественно *общее классическое обученіе*, не исключающее, впрочемъ, развитіе спеціальныхъ познаній; *доступъ во всѣ вообще учебныя заведенія открылъ лицамъ всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій*, наконецъ, *значительно распространилъ число и составъ училищъ*, особенно среднихъ и высшихъ, и обезпечилъ имъ, бо̀льшею частью, достаточныя для существованія средства.

„Эти коренныя основанія устава 1862 года должны быть сохранены въ точности и на будущее время“...

Далѣе говорится:

„При устройствѣ учебныхъ заведеній, особенно среднихъ и высшихъ, собственно въ отношеніи педагогическомъ, главною заботой правительства должно быть распространеніе въ юношествѣ здравыхъ познаній и развитіе въ немъ любви къ дѣльному труду и основательному научному образованію. Не дозволяя ни себѣ, ни кому бы то ни было превращать разсадникъ науки въ оружіе для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая системы общественнаго воспитанія въ Царствѣ и возвышая въ немъ уровень преподаванія“...

Dziennik praw, т. LXII, стр. 326—330.

общими взглядами, отвергъ неблаговидную мысль держать, въ русскихъ политическихъ видахъ, польское крестьянство въ невѣжествѣ, изъ опасенія возможнаго соединенія его противъ насъ съ остальными сословіями Польши.

Онъ полагалъ лишь необходимымъ устранить изъ начальной школы клерикальное вліяніе и пресѣчь всякую возможность вести путемъ школы политическую пропаганду.

Ему представлялось въ этомъ отношеніи наиболѣе цѣлесообразнымъ, устранивъ изъ школы всякое непосредственное отношеніе къ ней пановъ и ксендзовъ, передать прямое завѣдываніе его въ руки вновь созданныхъ гминныхъ и сельскихъ сходовъ. Предполагалось, что освобожденные крестьяне сами устремятся къ просвѣщенію, и потому по отношенію къ начальному образованію Милютинъ, выражаясь словами его записки, предположилъ: *„преобразованіе устройства начальныхъ училищъ на началахъ гминнаго самоуправленія, установленнаго указомъ 19 февраля, и равноправности всѣхъ народностей въ Царствѣ“* [1]).

На этихъ основаніяхъ составленъ былъ указъ 30 августа 1864 года о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ, служащій какъ бы логическимъ дополненіемъ къ указамъ 19 февраля о поземельномъ и общественномъ устройствѣ крестьянъ [2]).

На основаніи этого указа гминнымъ и сельскимъ сходамъ предоставлено опредѣленное участіе какъ въ завѣдываніи существующими уже начальными училищами, такъ и въ учрежденіи новыхъ

---

¹) Общая объяснительная записка по устройству учебной части въ Царствѣ Польскомъ. *Славянское Обозрѣніе* за 1892 г., кн. VII—VIII, стр. 315.

„Съ новымъ устройствомъ сельскаго быта въ Польшѣ, какъ въ экономическомъ, такъ и административномъ отношеніи,—сказано въ высочайшемъ рескриптѣ 30 августа 1864 г. на имя графа Берга,—возникаетъ настоятельная надобность распространить и упрочить элементарное обученіе между крестьянами. При такомъ лишь условіи они вполнѣ воспользуются благодѣяніями новаго закона и представятъ твердый оплотъ для охраненія общественнаго мира и порядка. Изъ представленныхъ свѣдѣній усмотрѣвъ съ истиннымъ удовольствіемъ, что сами крестьяне почти повсемѣстно начинаютъ ясно сознавать потребность въ образованіи, я съ довѣріемъ возлагаю на вновь созданныя сельскія общества ближайшее попеченіе о распространеніи сельскихъ школъ и снабженіе ихъ нужными средствами; правительственнымъ же мѣстамъ и лицамъ, до коихъ сіе касается, поручаю принять въ этомъ дѣлѣ самое дѣятельное и живое участіе. Не сомнѣваюсь, что при вашемъ личномъ содѣйствіи возникнетъ и устроится, въ самомъ непродолжительномъ времени, надлежащее число сельскихъ школъ и, такимъ образомъ, пополнится одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ въ прежнихъ системахъ польскаго общественнаго воспитанія“.

Dziennik praw, т. LXII, стр. 328.

²) *Dziennik praw*, т. LXII, стр. 334 и слѣд.

(ст. 1). Вѣдѣнію *гминнаго* схода предоставлены школы мужскія, женскія и общія, которыя, будучи учреждены для цѣлой гмины, содержатся изъ суммъ казенныхъ, „фундушевыхъ“, завѣщанныхъ частными лицами или собираемыхъ въ предѣлахъ гмины. Вѣдѣнію *сельскаго* схода предоставлены училища, учрежденныя для одного лишь селенія и содержимыя на средства сельскаго общества (ст. 3). Первыя называются *гминными*, вторыя—*сельскими* (ст. 5). Въ учебной программѣ тѣхъ и другихъ нѣтъ, впрочемъ, никакой разницы. Первыя подчинены войту, за вторыми осуществляетъ непосредственный надзоръ солтысъ „подъ руководствомъ войта“ (ст. 6). Впрочемъ, гминные и сельскіе сходы могутъ избирать для своихъ школъ особыхъ смотрителей, которые подчиняются войту и утверждаются въ должности начальникомъ учебной дирекціи (ст. 8).

Учрежденіе новыхъ школъ зависитъ отъ гминныхъ и сельскихъ сходовъ. Желая учредить училище, они должны лишь назначить достаточныя средства на его содержаніе. Приговоры объ этомъ представляются на утвержденіе начальника учебной дирекціи (ст. 11).

Нормальные размѣры жалованья учителямъ и учительницамъ были опредѣлены впослѣдствіи учредительнымъ комитетомъ.

Однако, разъ открывъ училище, гминные и сельскіе сходы не могутъ лишать училища и учителей тѣхъ средствъ или угодій, которыми они пользуются, не опредѣливъ имъ взамѣнъ другихъ равныхъ источниковъ дохода съ разрѣшенія начальника учебной дирекціи (ст. 10).

На гминныхъ и сельскихъ сходахъ по указу 30 августа 1864 года лежатъ слѣдующія обязанности по отношенію къ ихъ школамъ:

а) всемѣрно заботиться о ихъ благосостояніи и, если существующія средства на содержаніе училища недостаточны, увеличивать ихъ по мѣрѣ возможности общественнымъ сборомъ;

б) поддерживать и, въ случаѣ надобности, обновлять школьныя зданія;

в) изыскивать средства къ матеріальному улучшенію положенія учителей и учительницъ;

г) повѣрять отчеты объ израсходованіи училищныхъ суммъ предоставляется войтами, солтысами или смотрителями училищъ.

По ст. 38, гминнымъ и сельскимъ сходамъ предоставлено было важное право самимъ выбирать учителей или учительницъ для своихъ школъ. Избранное лицо утверждается начальникомъ

учебной дирекціи, если онъ, по надлежащемъ испытаніи, удостовѣрится, что это лицо обладаетъ познаніями, нужными для начальнаго преподаванія. Въ противномъ случаѣ долженъ быть сдѣланъ новый выборъ.

Для облегченія и ускоренія дѣла открытіе училищъ было дозволено каждому гминному или сельскому обществу, открывающему у себя школу, просить правительство принять на себя въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ существованія школы половину издержекъ на содержаніе учителя и на мелочные расходы по училищу (ст. 13).

Въ случаѣ же необходимости возведенія или капитальнаго исправленія училищнаго зданія, предоставлялось имъ просить о заимообразномъ отпускѣ изъ казны, или изъ особыхъ источниковъ, нужной на это суммы (ст. 14).

Учредительному комитету вмѣстѣ съ совѣтомъ управленія поручено было составить предположеніе объ ежегодномъ назначеніи въ распоряженіе начальниковъ учебныхъ дирекцій нѣкоторой суммы изъ казны Царства Польскаго для субсидій нуждающимся въ томъ училищамъ (стр. 15).

Преподаваніе въ начальныхъ училищахъ должно было быть на природномъ языкѣ жителей, т.-е. въ большинствѣ гминъ и деревень на польскомъ; но въ мѣстностяхъ, населенныхъ руссинами, литовцами, нѣмцами и проч., языкомъ преподаванія долженъ былъ быть природный языкъ этихъ народностей.

Программа преподаванія оставлена была приблизительно та же, какая была принята въ уставѣ 8 мая 1862 года, къ сожалѣнію, чрезвычайно скудная. Хотя сверхъ одноклассныхъ элементарныхъ училищъ могли быть открываемы и двуклассныя, но и въ нихъ къ самыхъ начальнымъ предметамъ преподаванія: чтенію, письму, четыремъ правиламъ ариѳметики и закону Божію могли присоединиться, и то по особому желанію жителей, лишь нѣкоторыя техническія свѣдѣнія по сельскому хозяйству и ремесламъ, да нѣкоторыя общія понятія объ окружающей природѣ и странѣ.

Никакихъ понятій объ исторіи или родной словесности не полагалось; вообще — ничего, могущаго дѣйствительно расширить горизонтъ міросозерцанія и послужить къ развитію сознанія, совершенно необходимому крестьянамъ для того, чтобы стать свободнымъ и сознательнымъ классомъ, т.-е. именно того самаго, чего и желалъ отъ нихъ Милютинъ.

Въ этомъ несомнѣнно главный недостатокъ указа 30 августа 1864 г., если разбирать его съ точки зрѣнія выставленной Ми-

лютинымъ главной руководящей идеи: вывести на историческую сцену невѣдомаго въ польской исторіи новаго актера, свободный и независимый народъ, отъ котораго Милютинъ ожидалъ очень многаго; ожидалъ, между прочимъ, что послѣ его появленія на сценѣ не потребуется больше для проведенія въ жизнь новыхъ преобразованій во внутреннемъ бытѣ Польши употреблять исключительно русскія силы [1]).

Мы изложили, такимъ образомъ, содержаніе трехъ самыхъ существенныхъ мѣръ, предпринятыхъ Милютинымъ къ возрожденію польскаго крестьянства: указовъ 19 февраля 1864 года, опредѣлившихъ его поземельное устройство и общественное самоуправленіе, и указа 30 августа того же года о начальныхъ училищахъ, долженствовавшаго принести освобожденному крестьянству необходимое ему просвѣщеніе.

Въ слѣдующихъ главахъ мы разсмотримъ примѣненіе этихъ началъ къ жизни и ихъ дальнѣйшее развитіе, а также постараемся опредѣлить ихъ общественное и историческое значеніе.

---

[1]) *Leroy-Beaulieu*, наз. соч., стр. 282. Письмо Н. А. Милютина къ Я. А. Соловьеву отъ 23 марта 1864 года.

IX.

Проведеніе милютинскихъ реформъ въ жизнь. — Мѣстныя условія и отношенія Милютина къ администраціи Царства Польскаго.—Созданныя имъ новыя учрежденія.—Ихъ личный составъ.—Ихъ задачи.

Въ предыдущихъ главахъ мы изложили начала новой реформы; они были объявлены; оставалось провести ихъ въ жизнь, возростить сѣмена, брошенныя законодателемъ, и не дать имъ заглохнуть или выродиться.

„Далеко не всѣ государственные люди,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Ю. Ѳ. Самаринъ,—одаренные блистательными способностями и широкими взглядами, охотно принимаютъ на себя эту трудную и скучную долю служебныхъ обязанностей, нерѣдко ускользающую отъ вниманія потомства. Случается часто, что стоящіе во главѣ управленія, пустивъ законъ на всѣ четыре стороны, довольствуются провозглашеніемъ широкихъ идей и многообѣщающихъ требованій, а дальнѣйшій за ними уходъ ввѣряютъ нечистымъ и неспособнымъ рукамъ. Громкое слово произнесено, дѣло какъ будто сдѣлано, и съ этой минуты участіе къ нему самихъ начинателей охладѣваетъ. Черная работа мелочного примѣненія, устраненія препятствій, разъясненія недоумѣній до нихъ какъ будто и не касаются. Что же выходитъ? Минуетъ годъ, другой и оказывается, что на практикѣ ничто не измѣнилось, ничто не улучшилось. Слово осталось словомъ; оно уцѣлѣетъ въ собраніи законовъ, какъ свидѣтельство добрыхъ намѣреній и практической немощи [1]).

Болѣе всего опасались составители указовъ 19 февраля 1864 года, что именно такая судьба постигнетъ выработанную ими реформу, если имъ не удастся найти опытныхъ и надежныхъ людей для ея проведенія въ жизнь.

Въ Царствѣ Польскомъ трудности дѣла въ этомъ отношеніи

---

[1]) *Упраздненіе крѣпостного права въ Пруссіи.* Сочин. Ю. Ѳ. Самарина, т. II.

усложнялись всеобщею враждебностью къ новому законодательству со стороны всей интеллигенціи страны. Мало того, что указы 19 февраля наносили помѣстному сословію матеріальный ущербъ и вызывали еще большія опасенія,—реформа Милютина вырвала изъ рукъ интеллигенціи страны разъ навсегда политическое орудіе такой огромной важности, какъ аграрный вопросъ, которымъ интеллигенція эта не сумѣла воспользоваться въ своихъ національныхъ и патріотическихъ видахъ. Понятно поэтому, что съ ея стороны только и можно было ожидать глухой и упорной оппозиціи новому законодательству.

Высшая русская администрація въ Варшавѣ относилась къ реформѣ, какъ мы уже упоминали, тоже весьма несочувственно. Не больше сочувствія встрѣчали реформы Милютина и въ Петербургѣ при дворѣ, и въ министерствѣ по дѣламъ Царства Польскаго. И варшавскія, и петербургскія власти видѣли въ Милютинѣ, прежде всего, опаснаго соперника, который, съ одной стороны, „слишкомъ заслонялъ“ графа Берга въ Варшавѣ и омрачалъ блескъ его намѣстническихъ прерогативъ, а съ другой—лишалъ своимъ вмѣшательствомъ петербургскаго министра-статсъ-секретаря той доли вліянія на польскія дѣла, которая ему законно должна бы принадлежать съ бюрократической точки зрѣнія.

Личное враждебное чувство къ Милютину переносилось, какъ водится, и на его дѣла, и на его сотрудниковъ.

При такихъ обстоятельствахъ ввѣрить дѣло проведенія реформы въ жизнь и особенно развитія ея существовавшимъ тогда правительственнымъ учрежденіямъ значило бы, безъ сомнѣнія, сдѣлать новые законы мертвою буквой.

Милютинъ хорошо понималъ это и, какъ ни тяжело ему было чувствовать себя привязаннымъ, по выраженію его французскаго біографа, къ „живому трупу Польши“, онъ не рѣшился довѣрить начатое имъ дѣло въ чужія руки и остался при немъ до конца своего государственнаго поприща.

Съ нимъ вмѣстѣ рѣшился остаться князь В. А. Черкасскій. Ю. Ѳ. Самаринъ, не имѣвшій склонности къ практической административной дѣятельности, возвратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ—къ литературѣ и публицистикѣ.

Милютинъ и Черкасскій раздѣлили между собой руководство въ дѣлѣ исполненія и развитія выработанныхъ ими реформъ такимъ образомъ, что Милютинъ, ближе стоявшій къ высшимъ петербургскимъ сферамъ и уже хорошо извѣстный самому государю, принялъ на себя, главнымъ образомъ, задачу защищать и отстаи-

вать свое дѣло въ Петербургѣ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, Черкасскій же остался въ Варшавѣ въ качествѣ главнаго директора правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ.

Администрація Царства Польскаго имѣла въ это время весьма оригинальное, сложное и запутанное устройство [1]). Во главѣ мѣстнаго управленія Царства стоялъ императорскій намѣстникъ. При немъ былъ новый высшій административный совѣтъ—нѣчто вродѣ комитета министровъ, членами котораго были заслуженные польскіе сановники и главные начальники различныхъ вѣдомствъ. Намѣстнику были подчинены особыя министерства, носившія названія правительственныхъ коммиссій внутреннихъ дѣлъ, духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, юстиціи, финансовъ и управленія генералъ-контролера и генералъ-полицеймейстера Царства. Имъ подчинялись всѣ губернскія власти въ пяти тогдашнихъ губерніяхъ Царства Польскаго.

Наряду съ этими гражданскими учрежденіями дѣйствовала система военнаго управленія страной, такъ какъ Царство Польское состояло еще на военномъ положеніи. Эта военная администрація была подчинена непосредственно намѣстнику,—кромѣ, впрочемъ, Августовской губерніи, которая подчинялась виленскому генералъ-губернатору,—и складывалась изъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ въ губерніяхъ, которые имѣли власть генералъ-губернаторовъ и которымъ подчинены были гражданскіе губернаторы, и изъ военныхъ уѣздныхъ начальниковъ въ уѣздахъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи еще нѣсколькихъ младшихъ офицеровъ, завѣдывавшихъ отдѣльными участками въ уѣздѣ.

Сверхъ того, въ Петербургѣ существовало особое министерство или статсъ-секретаріатъ по дѣламъ Царства Польскаго, черезъ которое проходили въ обычномъ порядкѣ всѣ законодательныя дѣла и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлось какъ бы личною канцеляріей государя по польскимъ дѣламъ.

Милютинъ сталъ совершенно отдѣльно и независимо отъ всѣхъ этихъ учрежденій, имѣя свободный доступъ непосредственно къ государю и являясь какъ бы особымъ министромъ спеціально по дѣлу „обновленія гражданскаго быта Польши“

Но князь Черкасскій, принявъ постъ главнаго директора коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, сталъ въ положеніе, непосредственно под-

[1]) „Toute l'administration russopolonaise,—остроумно замѣчаетъ Leroy-Beaulieu,—eût puse resumer dans les troits mots: ordre, contre-ordre et désordre“. *Leroy-Beaulieu*, op. cit., p. 251.

чиненное намѣстнику графу Бергу. Съ другой стороны, всѣ подвѣдомственные ему чиновники коммиссій и всѣ мѣстныя губернскія и уѣздныя учрежденія состояли почти исключительно изъ поляковъ. настроенныхъ враждебно по отношенію къ новой реформѣ. Поэтому, несмотря на всю энергію, твердость и независимость характера князя Черкасскаго [1]), при всей поддержкѣ Милютина, ему одному было бы, конечно, немыслимо взять на себя все дѣло исполненія новаго законодательства. Нуженъ былъ, очевидно, цѣлый штатъ подчиненныхъ дѣятелей на мѣстахъ, преданныхъ дѣлу реформъ, на которыхъ возможно было бы положиться. Съ другой стороны, авторы указовъ 19 февраля, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ осенью 1863 года, тогда же убѣдились въ необходимости созданія въ Варшавѣ особаго учрежденія, достаточно сильнаго, чтобъ импонировать власти намѣстника и, такимъ образомъ, поставить дѣло исполненія реформы внѣ зависимости отъ его воли.

Такимъ установленіемъ явился учредительный комитетъ, а для проведенія реформы на мѣстахъ—коммиссары и коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ.

Оппозиція графа Берга касалась не только самого дѣла, но также и личнаго состава учрежденій, которымъ подъ его номинальнымъ главенствомъ поручалось осуществленіе и развитіе новыхъ законоположеній. Поэтому и составленіе учредительнаго комитета, который долженъ былъ засѣдать подъ его предсѣдательствомъ, но, въ то же время, быть составленъ изъ лицъ отъ него зависимыхъ и которыя умѣли бы дать ему, когда нужно, отпоръ,—обошлось не безъ борьбы и не безъ компромиссовъ. Милютину удалось, тѣмъ не менѣе, кромѣ князя Черкасскаго, провести туда лицъ, участіе которыхъ могло обезпечить наилучшій успѣхъ крестьянскому дѣлу. Таковы назначенные по его представленію Я. А. Соловьевъ [2]), бывшій его главнымъ помощникомъ по редакціоннымъ коммиссіямъ и законодательнымъ работамъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ во время крестьянской реформы въ Россіи, и А. И. Кошелевъ—одинъ изъ выдающихся членовъ славянофильской московской группы.

Сверхъ этихъ лицъ, въ составъ комитета вошли: сенаторъ В. А.

---

[1]) О князѣ Черкасскомъ книга: *Кн. В. А. Черкасскій, его статьи, его рѣчи и воспоминанія о немъ*. М., 1879 г. Отдѣльный некрологъ о немъ Н. П. Воронцова-Вельяминова, изд. въ Варшавѣ въ 1878 г. *Leroy-Beaulieu*: „Un homme d'état russe", passim. Въ *Славянскомъ Обозрѣніи* за 1892 г. переписка его съ Милютинымъ и дневникъ княгини Е. Черкасской.

[2]) Его воспоминанія въ *Русск. Стар.* за 1880 г. и подробный некрологъ о немъ въ *Русск. Стар.*

Арцимовичъ, бывшій членомъ совѣта управленія и вице-президентомъ открытаго при Велепольскомъ государственнаго совѣта Царства, и назначенные по ходатайству графа Берга: Брауншвейгъ и генералъ Заболоцкій. Кромѣ того, въ засѣданіяхъ комитета могли участвовать по особому приглашенію съ правомъ голоса по предметамъ ихъ вѣдомства главные директоры коммиссій, генералъ-контролеръ и генералъ-полицеймейстеръ Царства [1]).

Еще труднѣе представлялось дѣло сформированія крестьянскихъ коммиссій. Не разсчитывая найти достаточнаго числа русскихъ дѣятелей для исполненія указовъ 19 февраля, составители ихъ ввели даже статью, которая гласила, что „къ занятію должностей по крестьянскимъ дѣламъ допускаются и *иностранцы*, спеціально занимавшіеся регулированіемъ крестьянскихъ повинностей". Статья эта имѣла въ виду предоставить, въ случаѣ надобности, возможность навербовать исполнителей указовъ среди прусскихъ чиновниковъ, принимавшихъ участіе въ проведеніи въ жизнь прусскихъ аграрныхъ законовъ, основанныхъ на реформахъ Штейна и Гарденберга, развитіе которыхъ закончилось въ Пруссіи въ концѣ 50-хъ годовъ. Статья эта оказалась излишней. Къ этому времени и въ Россіи явилось уже значительное число дѣятелей, достаточно подготовленныхъ къ участію въ исполненіи милютинской реформы въ Царствѣ Польскомъ, изъ числа русскихъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва, такъ что въ отчетѣ о ходѣ крестьянскаго дѣла за 1865 годъ Я. А. Соловьевъ находитъ уже, что „статья эта звучитъ нѣсколько странно" [2]). Въ началѣ 1864 года дѣло представлялось, однако, далеко не легкимъ. Первыхъ коммиссаровъ пришлось навербовать среди офицеровъ различныхъ частей войскъ, расположенныхъ въ краѣ и отчасти вызванныхъ изъ Россіи. Они обнаруживали, повидимому, много энергіи и большую преданность дѣлу, но были совершенно неопытны и незнакомы ни съ аграрными отношеніями края, ни съ обычными пріемами администраціи. Милютину, который принялъ ближайшее участіе въ образованіи учредительнаго комитета и первыхъ кадровъ крестьянскихъ дѣятелей, пришлось самому просвѣщать ихъ [3]). Онъ собиралъ ихъ по вечерамъ и читалъ имъ нѣчто вродѣ лекцій по крестьянскому дѣлу, знакомя ихъ съ основами аграрной реформы и съ пріемами ихъ будущей дѣятельности на мѣстахъ.

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Треповъ.

[2]) *О ходѣ крестьянскаго дѣла Ц. П.* Отчетъ третій за 1865 г. Спб., 1866 г. стр. 2.

[3]) *Leroy-Beaulieu,* op. cit.

На крестьянскихъ учрежденіяхъ Царства Польскаго, созданныхъ указомъ IV-мъ 19 февраля 1864 г., лежала, по смыслу этого указа, специальная задача—ввести новое законоположеніе въ дѣйствіе и, развивъ въ подробностяхъ начала, выраженныя въ указахъ, примѣнить ихъ ко всѣмъ сторонамъ народной жизни. Что будетъ дальше, въ чьи руки попадутъ крестьянское дѣло и завѣдываніе поземельными и сельскими общественными отношеніями послѣ проведенія реформы и умиротворенія страны, указы 19 февраля не предрѣшали. Милютинъ предполагалъ еще въ то время, что послѣ проведенія реформы, когда на сценѣ польской общественной жизни появится новый дѣятель—простой народъ, возможно будетъ предоставить его самому себѣ, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла и внутренній бытъ страны; онъ думалъ, что въ Царствѣ Польскомъ самымъ новымъ законодательствомъ будетъ создана почва для земскаго самоуправленія, и потому русскимъ крестьянскимъ учрежденіямъ, призваннымъ къ дѣятельности въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ 1863—1864 годовъ, придано будетъ значеніе учрежденій временныхъ.

Собственно для крестьянскихъ коммиссій и коммиссаровъ главная задача заключалась въ проведеніи аграрной реформы и въ надзорѣ за правильнымъ устройствомъ новаго сельскаго гминнаго самоуправленія. Съ 30 августа 1864 года къ этимъ задачамъ присоединилась забота о скорѣйшемъ открытіи сельскими и гминными сходами начальныхъ училищъ.

Задача учредительнаго комитета была значительно шире. Съ одной стороны, ему было поручено главное руководство по проведенію крестьянской реформы; съ другой—на него возлагалось всестороннее развитіе началъ, выраженныхъ въ указахъ 19 февраля, а впослѣдствіи ему пришлось принять прямое или косвенное участіе въ выработкѣ цѣлаго ряда реформъ, такъ или иначе связанныхъ съ крестьянскою реформой. Сообразно съ этимъ, онъ вскорѣ получилъ значеніе учрежденія по преимуществу законодательнаго, а для завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ выдѣлилъ изъ себя особое спеціальное учрежденіе—центральную коммиссію по крестьянскимъ дѣламъ подъ предсѣдательствомъ Я. А. Соловьева, который по званію члена, завѣдующаго дѣлами учредительнаго комитета, получилъ въ свои руки завѣдываніе всѣмъ личнымъ составомъ крестьянскихъ учрежденій въ Царствѣ.

Замѣчательной энергіи и выдержанности характера Я. А. Соловьева крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ обязана въ

значительной степени своимъ точнымъ и быстрымъ проведеніемъ въ жизнь [1]).

Коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ на все Царство Польское первоначально было открыто 14. Каждая изъ нихъ должна была состоять изъ предсѣдателя, его помощника и отъ 4—8 коммиссаровъ, кромѣ августовской, которая была одна на всю губернію въ очень увеличенномъ составѣ и подчинялась непосредственно виленскому генералъ-губернатору графу Муравьеву вплоть до его отозванія. 14 апрѣля 1864 года эти коммиссіи отправились впервые на мѣста въ неполномъ еще составѣ (въ количествѣ 84 членовъ). Учредительный комитетъ выработалъ довольно подробную инструкцію для ихъ первоначальныхъ дѣйствій. Инструкція предписывала начать съ коллегіальнаго объѣзда ввѣренныхъ имъ участковъ, на что имъ дано было отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ времени. По прошествіи этого срока предсѣдатели коммиссій должны были явиться въ Варшаву съ подробнымъ отчетомъ о всемъ видѣнномъ и о первыхъ принятыхъ мѣрахъ, послѣ чего они возвратились на мѣста съ новыми окончательными инструкціями.

---

[1]) Объ этомъ могутъ дать понятіе его записки о ходѣ крестьянскаго дѣла, представлявшіяся имъ учредительному комитету еженедѣльно и приложенныя къ полному собранію постановленій учред. комит. въ концѣ каждаго выпуска.

X.

Аграрная сторона реформы и ея исполненіе.—Ликвидаціонныя табели.— Характеръ и размѣры дѣятельности крестьянскихъ учрежденій.—Результаты аграрной реформы.—Ихъ экономическое и соціально-этическое значеніе. — Зависимость ихъ отъ всего предъидущаго хода историческаго развитія Польши.—Отъ Милютина ли зависѣла форма рѣшенія аграрнаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ?

Съ самаго начала главное вниманіе крестьянскихъ коммиссій сосредоточилось на аграрной сторонѣ крестьянской реформы. Тутъ, конечно, имъ предстояли особыя трудности, происходившія и отъ запутанности аграрныхъ отношеній, и отъ необходимости весьма часто разбирать и исправлять многочисленныя отступленія и нарушенія указа 26 мая 1846 года,—съ изданія котораго прошло уже 18 лѣтъ,—и отъ столкновенія съ массой затронутыхъ матеріальныхъ интересовъ, и отъ стремленія помѣщиковъ всячески обойти новый законъ и уклониться отъ невыгоднаго его дѣйствія.

Въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ дѣятельности коммиссій въ 13 изъ нихъ (кромѣ августовской) поступило 72.481 прошеніе, изъ числа которыхъ было разрѣшено 21.480, оставалось неразрѣшенными 51.001.

Аграрная сторона крестьянской реформы по указу 19 февраля практически выражалась въ укрѣпленіи за крестьянами земель и въ ликвидаціи повинностей. Съ этою общею задачей связывался цѣлый рядъ весьма сложныхъ и запутанныхъ частныхъ задачъ. Таковыми являлись: 1) присужденіе поземельныхъ участковъ въ собственность коморникамъ и другимъ родамъ малоземельныхъ крестьянъ, не подошедшихъ подъ дѣйствіе указа 1846 года; 2) открытіе незаконныхъ обмѣновъ и опустѣвшихъ усадебъ („пустокъ") и раздача послѣднихъ безземельнымъ крестьянамъ; 3) разрѣшеніе многочисленныхъ граничныхъ споровъ какъ крестьянъ съ помѣщиками, такъ и между самими крестьянами; 4) наконецъ, опредѣленіе сервитутныхъ правъ и разборъ споровъ между крестьянами и помѣщиками о нарушеніи и превышеніи этихъ правъ.

Укрѣпленіе за крестьянами надѣла и сервитутныхъ правъ должно было по указу 19 февраля совершаться занесеніемъ въ особый документъ—ликвидаціонную табель, которая, сверхъ того, должна была заключать въ себѣ и разсчетъ причитающагося помѣщикамъ ликвидаціоннаго вознагражденія. Документъ этотъ долженъ былъ служить для крестьянъ единственнымъ доказательствомъ и формальнымъ юридическимъ обезпеченіемъ ихъ правъ на земельный надѣлъ и угодья, пріобрѣтенныхъ въ силу указовъ 19 февраля 1864 года. Справедливо придавая ему огромное юридическое и практическое значеніе и хорошо помня поучительный примѣръ небрежнаго составленія подобныхъ же документовъ—престаціонныхъ табелей въ 1846 году, составители указовъ и позднѣе учредительный комитетъ отнеслись къ дѣлу составленія, повѣрки и утвержденія ликвидаціонныхъ табелей чрезвычайно серьезно. Труда тутъ приходилось потратить не мало. Для каждой деревни, для каждаго отдѣльнаго сельскаго общества должна была быть составлена особая ликвидаціонная табель. Въ деревняхъ, въ которыхъ земля принадлежала нѣсколькимъ помѣщикамъ, отдѣльная табель должна была составляться по каждому помѣстью. Составленіе проектовъ ликвидаціонныхъ табелей возложено было на самихъ помѣщиковъ, которые обязывались представить въ годичный срокъ проекты по всѣмъ деревнямъ, входившимъ въ составъ ихъ имѣній [1]). Повѣрка и исправленіе этихъ проектовъ и самыхъ ликвидаціонныхъ табелей лежали на обязанности коммиссаровъ и крестьянскихъ коммиссій, окончательное же ихъ утвержденіе—на самомъ учредительномъ комитетѣ. Содержаніе ликвидаціонныхъ табелей и порядокъ ихъ повѣрки и утвержденія были опредѣлены въ указѣ IV-мъ. Учредительный комитетъ выработалъ форму проектовъ и, сверхъ того, издалъ особыя подробныя наставленія какъ для составителей ликвидаціонныхъ проектовъ, такъ и для крестьянскихъ коммиссій относительно повѣрки ликвидаціонныхъ табелей [2]).

Эта повѣрка должна была происходить непремѣнно на мѣстѣ, въ присутствіи полнаго схода крестьянъ и понятыхъ изъ сосѣднихъ селеній. Она начиналась прочтеніемъ крестьянамъ проекта

---

[1]) Изъ отчета о ходѣ крестьянскаго дѣла въ губерніяхъ Царства Польскаго за 1865 годъ (стр. 45) видно, что въ первые 8 мѣсяцевъ поступило по всему Царству Польскому лишь 1,250 табелей; за двѣ недѣли до срока число ихъ простиралось до 5,265, а въ послѣднія двѣ недѣли подано было одновременно 9,734 табели.

[2]) *Постановленія учредительнаго комитета*, т. I, стр. 318; т. II, стр 411; т. III, стр. 306—321.

ликвидаціонной табели, представленнаго помѣщикомъ, и тѣхъ статей указа 19 февраля, которыя предоставляли крестьянамъ требовать возвращенія неправильно присоединенныхъ къ господскимъ полямъ „пустыхъ“ и неправильно обмѣненныхъ крестьянскихъ земель.

Затѣмъ, по сличеніи проекта со всѣми документами, опредѣлявшими прежнія отношенія и права крестьянъ, и по выслушаніи и разсмотрѣніи всѣхъ возраженій и заявленій крестьянъ, коммиссаръ (или временное отдѣленіе коммиссій) долженъ былъ удостовѣриться въ правильности внесенія въ проектъ каждой крестьянской усадьбы и относящихся къ ней сервитутовъ, а также размѣровъ вычисленнаго за нее помѣщикомъ вознагражденія.

Въ случаѣ надобности, коммиссаръ могъ производить при помощи землемѣра повѣрку земельныхъ пространствъ и границъ въ натурѣ. Всѣмъ своимъ дѣйствіямъ коммиссаръ обязанъ былъ вести подробнѣйшій протоколъ, въ концѣ котораго помѣщались заявленія и возраженія сторонъ противъ исправленной коммиссаромъ ликвидаціонной табели и заключенія по поводу ихъ самого коммиссара. Затѣмъ все дѣло со всѣми документами представлялось въ состоявшую при учредительномъ комитетѣ центральную коммиссію по крестьянскимъ дѣламъ для окончательнаго утвержденія табели.

По утвержденіи ликвидаціонныхъ табелей копіи съ нихъ выдавались помѣщикамъ и крестьянамъ и высылались для храненія въ мѣстныя губернскія правленія. Подлинныя табели оставались въ архивѣ учредительнаго комитета [1]).

Въ каждую ликвидаціонную табель записывались въ особыхъ отдѣлахъ всѣ усадебники, какъ подошедшіе подъ дѣйствіе указа 1846 г., такъ и не подошедшіе, равно всѣ пустующія усадьбы („пустки“), подлежавшія надѣленію безземельнымъ, усадьбы колонистовъ и иностранныхъ подданныхъ и, наконецъ, усадьбы, находившіяся въ спорѣ. При каждой усадьбѣ записывался ея земельный надѣлъ; въ слѣдующихъ графахъ показывалось раздѣленіе земли на усадебную и огородную, пахотную, луговую, выгонную и неудобную. Въ особомъ отдѣлѣ записывались сервитутныя права крестьянъ, какъ принадлежавшія всему обществу, такъ и отдѣльнымъ усадебникамъ. Наконецъ, въ особой графѣ противъ каждой усадьбы показывалось причитающееся за отмѣненныя повинности ликвидаціонное вознагражденіе по всему селенію.

---

[1]) Архивъ этотъ перешелъ впослѣдствіи въ земскій отдѣлъ мин. вн. дѣлъ, гдѣ находится и въ настоящее время вмѣстѣ со всѣми ликвидаціонными табелями.

Въ казенныхъ и маіоратныхъ имѣніяхъ, вмѣсто ликвидаціонныхъ табелей, составлялись „данныя“ съ тѣми же отдѣлами и графами, опредѣляющими поземельный надѣлъ и сервитутныя права крестьянъ.

Чтобы представить себѣ ясно количество труда, которое требовалось, чтобы добросовѣстно исполнить задачу повѣрки, разсмотрѣнія и утвержденія ликвидаціонныхъ табелей по всему Царству Польскому, необходимо имѣть въ виду, что общее число ликвидаціонныхъ табелей, предоставленныхъ помѣщиками, было 17.400[1]) и что, сверхъ того, въ Царствѣ Польскомъ было болѣе 6.000 казенныхъ селеній, по которымъ предстояло составить, вмѣсто ликвидаціонныхъ табелей, данныя.

Къ этому присоединялось трудное дѣло обнаруженія „пустокъ“, т. е. пустующихъ усадебъ, неправильно присоединенныхъ помѣщиками къ господскимъ полямъ въ періодъ времени съ 1846 по 1864 годъ. Надо имѣть въ виду, что усадьбы меньшія 3 морговъ, не подошедшія подъ указъ 1846 года, не попали въ престаціонныя и добавочныя табели и что вообще на нихъ не существовало большею частью никакихъ документовъ и присужденіе каждой такой усадьбы вызывало, такимъ образомъ, нерѣдко цѣлое особое изслѣдованіе, а всѣхъ такихъ усадебъ въ Царствѣ Польскомъ оказалось болѣе 112.000. Необходимо также не забывать, что въ Царствѣ Польскомъ при участковомъ землевладѣніи приходилось укрѣплять надѣлъ въ особыхъ границахъ за каждымъ отдѣльнымъ усадебникомъ и крестьянскимъ учрежденіямъ надлежало разобрать всю массу граничныхъ споровъ, возникавшихъ не только у крестьянъ съ помѣщиками, но и между самими крестьянами, а, между тѣмъ, число усадебъ, укрѣпленныхъ за крестьянами въ ликвидаціонныхъ табеляхъ и данныхъ, опредѣлялось въ 1872 г., по окончаніи всего дѣла, почтенною цифрой: 657.635[2]).

Наконецъ, вопросомъ капитальной важности, доставившимъ массу хлопотъ крестьянскимъ учрежденіямъ въ Царствѣ Польскомъ, являлся вопросъ сервитутный. Требовалось точно опредѣлить сервитутныя права крестьянъ въ каждомъ имѣніи, гдѣ такія права существовали во время изданія указа 1846 года и не были законно отмѣнены особыми договорами въ періодъ времени съ 1846—1864 г. Между тѣмъ; по свѣдѣніямъ учредительнаго комитета,

---

[1]) *Записка о ходѣ крест. дѣла въ губерніяхъ Ц. П. за 1865 г.* Спб. 1866 г. стр. 45.

[2]) *Zalesky*: „Statystyka porównawcza królewstwa polskiego“, стр. 85—86.

въ 1872 г. изъ общаго числа крестьянскихъ усадебъ въ имѣніяхъ частныхъ и принадлежавшихъ различнымъ учрежденіямъ пользовались сервитутами: пастбищными—65%, лѣсными—55% общаго числа усадебъ [1]).

Въ одномъ изъ первыхъ своихъ отчетовъ о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, Я. А. Соловьевъ, оцѣнивая дѣятельность комиссаровъ перваго призыва, замѣчаетъ:

„Нельзя не вспомнить съ уваженіемъ и благодарностью обо всѣхъ этихъ передовыхъ дѣятеляхъ, изъ которыхъ многіе оставили свои семейства и имѣнія и спѣшили туда, куда призывали ихъ честь и польза отечества“ [2]).

Теперь, черезъ 30 лѣтъ послѣ реформы 1864 года, разсматривая трудъ тогдашнихъ крестьянскихъ дѣятелей, работавшихъ подъ руководствомъ Я. А. Соловьева, можно дѣйствительно сказать, что они честно и добросовѣстно исполнили возложенную на нихъ задачу поземельнаго устройства крестьянъ.

Несмотря на всякія уловки и интриги, нерѣдко пускавшіяся въ ходъ для защиты своекорыстныхъ интересовъ, подорванныхъ и нарушенныхъ указами 19 февраля, законъ былъ выполненъ на этотъ разъ строго и неуклонно, и можно, мнѣ кажется, утверждать, *что собственно въ аграрномъ отношеніи крестьяне Царства Польскаго получили въ дѣйствительности все, что было имъ предоставлено указами 19 февраля 1864 года.*

Настоящій объемъ аграрной реформы 19 февраля 1864 года выражается въ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ, которыя мы заимствуемъ у польскаго статистика г. Заленскаго [3]).

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1859 года, всего сельскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ было 3.639.000 душъ обоего пола. Сверхъ того, въ городахъ было еще 110.000 душъ мѣщанъ-хлѣбопашцевъ.

Изъ общаго числа сельскаго населенія приходилось:

На собственниковъ всякаго рода	6%
На крестьянъ, владѣющихъ землею, за различнаго рода повинности въ пользу главныхъ владѣльцевъ ея	55%
На крестьянъ-беззземельныхъ: каморниковъ, батраковъ, поденщиковъ и проч	37%

---

[1]) Ibidem.
[2]) Отчетъ 3-й за 1865 годъ. Спб., 1866 г., стр. 3.
[3]) *Zalesky*, op. cit., стр. 85—87.

На евреевъ-земледѣльцевъ, дворовыхъ и проч. $2^1/_2$%

Всѣхъ владѣющихъ землей крестьянъ было	. 1.995.304 д. о. п.
Безземельныхъ	. 1.405.555 „ „ „

Изъ числа безземельныхъ приходилось:

На помѣщичьихъ земляхъ . . .	. 67%
На казенныхъ.	. $16^1/_2$%
На земляхъ загродовой шляхты.	. 1%
На мѣщанскихъ земляхъ. . .	. 16%

Всѣхъ крестьянскихъ усадебъ въ это время было 424,664; изъ нихъ очиншованныхъ—148.477 (т.-е. $^1/_3$ часть); изъ числа очиншованныхъ усадебъ только 36% приходилось на крестьянъ помѣщичьихъ, остальныя относились къ имѣніямъ казеннымъ и маіоратнымъ.

Таково было аграрное положеніе крестьянъ до реформы.

Въ 1872 году, по свѣдѣніямъ учредительнаго комитета, принятымъ г. Заленскимъ, число крестьянскихъ усадебъ въ однихъ частныхъ и институтскихъ имѣніяхъ достигало:

	424.735 при 5.457.250 морг. земли [1]).
Въ казенныхъ деревняхъ . . .	147.360 усадебъ при 2.331.459 морг. земли.
Въ городахъ и мѣстечкахъ . .	85.540 усадебъ при 497.966 морг. земли.
Итого. . .	657.635 усадебъ при 8.286.675 морг. земли.

Въ числѣ укрѣпленныхъ за крестьянами земель было:

	Въ частныхъ имѣніяхъ.	Въ казенныхъ деревняхъ.
1) Престаціонныхъ, т.-е. подходившихъ подъ указъ 1846 г. . .	74%	$91^1/_2$%
2) Пустокъ, возвращенныхъ послѣ 1864 г.	5%	$^1/_2$%
3) Земель колонистовъ .	13%	?
4) Общественныхъ земель	8%	?

[1]) А въ 1864 г. ихъ было 220,943 при 3.718,769 морг. земли.

Кромѣ того, въ новообразованныхъ деревняхъ перешло крестьянамъ изъ числа казенныхъ земель 94.960 морг.

Изъ общаго числа усадебъ пользовались сервитутами:

	Пастбищами.	На топливо.	На починку строеній.	Сгребаніе лѣсной подстилки скоту.
Въ частныхъ имѣніяхъ и институтскихъ .	65%	55%	39%	21%
Въ казенныхъ деревняхъ.	3%	2%	1%	1%
Мѣщанъ - хлѣбопашцевъ.	21%	9%	3%	2%
Мѣщанъ-домовладѣльцевъ.	11%	6%	2%	—

Аграрная сторона крестьянской реформы 19 февраля 1864 года имѣла двойное значеніе: она освобождала крестьянина отъ той прямой матеріальной зависимости его отъ помѣщика, которая выражалась въ различнаго рода повинностяхъ, лежавшихъ на крестьянскихъ усадьбахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, она имѣла тенденцію обезпечить бытъ крестьянскаго населенія, доставляя ему нѣкоторое матеріальное благосостояніе и тѣмъ самымъ стремясь и на будущее время оградить его экономическую независимость.

Въ первомъ отношеніи радикальность и полнота самыхъ постановленій закона, а равно точность и быстрота осуществленія этого закона на практикѣ находятся, повидимому, внѣ всякаго сомнѣнія и спора. При энергичномъ и, можно сказать, блестящемъ, — по быстротѣ и точности,—проведеніи реформы въ жизнь, всякая экономическая зависимость, основывавшаяся на остаткахъ вотчиннаго права, была немедленно и вполнѣ уничтожена реформою 1864 года. Но что касается степени обезпеченія матеріальнаго быта польскаго крестьянства, а равно желательности той формы, въ которой оно воплотилось въ жизнь, то тутъ дѣло мнѣ представляется не въ томъ розовомъ свѣтѣ, въ какомъ оно обыкновенно изображается большинствомъ русскихъ и иностранныхъ цѣнителей реформы [1]).

[1]) Тутъ я имѣю особенно въ виду проф. Г. Ф. Симоненко (его труды: *Сравнительная статистика Царства Польскаго и другихъ европейскихъ странъ*. Варшава, 1879 г., и *Царство Польское сравнительно съ Познанью и Галиціей*. Публичныя лекціи, читанныя въ Варшавѣ въ 1878 г. и его же критическую статью о книгѣ В. Заленскаго въ IV т. *Сборника государственныхъ знаній*), и A. de Moller (*Situation de la Pologne au 1-er janvier 1865*. Paris, 1865), а отчасти и A. Leroy-Beaulieu (*Un homme d'etat russe N. Milutine*).

Въ 1863 году въ Царствѣ Польскомъ изъ 3.613.212 душъ сельскаго населенія считалось 1.338.827 душъ, или 37% безземельныхъ. Въ этомъ числѣ было 548.350 душъ коморниковъ (119.444 семей), владѣвшихъ мелкими земельными участками, не подошедшими подъ указъ 26 мая 1846 г. Реформа 19 февраля укрѣпила за ними ихъ земельный надѣлъ, причемъ часть изъ нихъ получила еще дополнительные надѣлы изъ „пустокъ", возвращенныхъ крестьянскими учрежденіями отъ помѣщиковъ. Изъ остальныхъ безземельныхъ крестьянъ часть также получила надѣлы изъ числа возвращенныхъ отъ помѣщиковъ неправильно присоединенныхъ ими къ господскимъ полямъ „пустокъ". Всего было роздано 291.927 морговъ 44.220 семьямъ. Наконецъ, 9.829 семействъ безземельныхъ получили надѣлъ изъ числа свободныхъ казенныхъ земель Царства.

Разсчитывалось, такимъ образомъ, что послѣ проведенія въ жизнь реформы 1864 года въ Царствѣ Польскомъ оставалось не болѣе 70.000 семействъ безземельныхъ крестьянъ.

Судя по числу вновь прибывшихъ крестьянскихъ усадебъ съ 1864 г.,—а ихъ прибыло, по даннымъ учредительнаго комитета, болѣе 287.000,—проф. Симоненко полагалъ, что общее число безземельныхъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ уменьшилось болѣе, чѣмъ на 1.000.000 душъ.

Сравнивая результаты аграрныхъ реформъ новѣйшаго времени въ Царствѣ Польскомъ, въ Познани и въ Галиціи, проф. Симоненко считалъ, между прочимъ, огромнымъ преимуществомъ реформы 19 февраля передъ познанскою реформой то обстоятельство, что первая изъ нихъ въ такой громадной степени повліяла на уменьшеніе земледѣльческаго пролетаріата, тогда какъ въ Познани, наоборотъ, именно съ крестьянской реформы 1850 г. началось сильное возрастаніе пролетаріата[1]). Онъ констатируетъ печальный фактъ обезземеленія въ Пруссіи многихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, продававшихъ свои надѣлы послѣ 1850 года, и указываетъ на небывалые размѣры, которые приняла, въ то же время, эмиграція познанскихъ крестьянъ въ Америку. Все это писалось въ 1878 и 1879 годахъ и приводилось въ параллель съ блестящими результатами реформы 1864 года въ русской Польшѣ. Теперь, вѣроятно, почтенный профессоръ не дѣлалъ бы такой рѣзкой разницы въ положеніи вещей въ Познани и въ Царствѣ Польскомъ. Въ числѣ изданныхъ подъ его руководствомъ трудовъ варшавскаго статистическаго коми-

[1]) *Сравнительная статистика.*

тета есть V-й выпускъ, посвященный изслѣдованію эмиграціоннаго движенія въ Бразилію въ 1890 году, возникшаго и развившагося до небывалыхъ размѣровъ среди крестьянъ Царства Польскаго. Обслѣдована пока одна только Сувалкская губернія; но въ ней крестьяне не бѣднѣе, а, напротивъ, зажиточнѣе, нежели въ другихъ губерніяхъ Царства Польскаго, и, между тѣмъ, констатируются тѣ самыя явленія усиленной эмиграціи и обезземеленія цѣлаго ряда крестьянъ, которыя дали ему поводъ утверждать въ 1879 году[1]), что „въ Познани послѣ крестьянской реформы благосостояніе большинства населенія пошло назадъ". Только въ Познани обезземеливались крестьяне, продавая свои надѣлы сосѣднимъ помѣщикамъ, а въ Царствѣ Польскомъ, въ виду существованія закона о неотчуждаемости крестьянской земли въ руки лицъ другихъ сословій, скупкой надѣловъ занимаются кулаки изъ крестьянъ, скупающіе въ однѣ руки нерѣдко по 300 морговъ и болѣе[2]).

Но, помимо скупки земли кулаками, классъ безземельныхъ крестьянъ долженъ постоянно возрастать въ Царствѣ Польскомъ при существующемъ законодательствѣ просто въ силу увеличенія населенія. По кодексу Наполеона, всѣ дѣти наслѣдуютъ отцу въ равной долѣ. Поэтому каждая усадьба, остающаяся послѣ смерти отца, должна бы быть раздѣлена на равныя части между всѣми наслѣд-

---

[1]) Ibid.

[2]) Замѣчательно, что Катковъ предвидѣлъ и съ своей точки зрѣнія привѣтствовалъ этотъ результатъ реформы 1864 года. Въ статьѣ, напечатанной въ № 45 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1864 годъ (вошедшей въ собраніе его статей по польскому вопросу), онъ превозноситъ право, данное польскимъ крестьянамъ, продавать свои участки. Это право, равно какъ и отсутствіе круговой поруки, по мнѣнію Каткова, составляетъ великое преимущество указовъ 19 февраля 1864 года передъ русскимъ положеніемъ 19 Февраля 1861 года. Восхищаетъ его это право въ виду тѣхъ послѣдствій, которыя обстоятельство это можетъ имѣть въ соціальномъ отношеніи. „Въ польскихъ селахъ, — говоритъ онъ, — сохранится чрезвычайно важное различіе крестьянъ-хозяевъ и крестьянъ работниковъ. Этотъ порядокъ неизмѣримо выше того, который господствуетъ у насъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ каждый крестьянскій дворъ самостоятельно занимается полевымъ хозяйствомъ и въ средѣ крестьянъ искусственно поддерживается (sic!) противуестественное равенство, не позволяющее образоваться тѣмъ промежуточнымъ степенямъ, которыя могли бы наполнить собой разстояніе, раздѣляющее крестьянина отъ помѣщика. Въ Царствѣ Польскомъ крестьянинъ, умѣющій хорошо хозяйничать, будетъ имѣть возможность скупать участки у своихъ сосѣдей, плохихъ хозяевъ,—возможность, которой нѣтъ у богатѣющихъ крестьянъ въ Россіи. Народное богатство должно, очевидно, выиграть отъ того, что участки могутъ сосредоточиваться въ рукахъ способныхъ и зажиточныхъ хозяевъ".

Каткову тогда же отвѣчали въ № 10 *Дня* (отъ 8 марта 1864 г.) А. И. Кошелевъ и М. З. К. (вѣроятно, Самаринъ, судя по литерамъ псевдонима, которыми онъ пользовался еще въ 1847 году).

никами. Во Франціи такъ нерѣдко и дѣлается. Но въ Царствѣ Польскомъ существуетъ законъ недробимости крестьянскихъ надѣловъ на части меньшія 6 морговъ (3 десятинъ). Поэтому сплошь и рядомъ земельный надѣлъ переходитъ къ одному изъ наслѣдниковъ, а остальные получаютъ съ него свои доли деньгами. Деньги эти обыкновенно невелики и по большей части весьма легко проживаются, а обладатели ихъ становятся въ ряды обыкновенныхъ земледѣльческихъ пролетаріевъ. Со времени изданія указовъ 1864 года населеніе въ Царствѣ Польскомъ возросло очень сильно. Въ 1863 году всего населенія было 4,8 милл. душъ, а въ 1888 г. число жителей въ Царствѣ достигло 8,2 милліона. Поэтому, если предположить вмѣстѣ съ проф. Семененко, что болѣе 1.000,000 безземельныхъ были надѣлены землей въ 1864—1871 гг., и даже совершенно игнорировать указанный выше путь обезземеленія крестьянъ посредствомъ скупки надѣловъ кулаками, то, при совокупномъ дѣйствіи закона о наслѣдствѣ по кодексу Наполеона и установленнаго учредительнымъ комитетомъ запрещенія дѣлить угодья на части, меньшія 6 морговъ, отъ одного только громаднаго прироста населенія число безземельныхъ должно было вновь давно уже достигнуть цифры, предшествовавшей реформѣ 1864 года, и даже превысить ее.

Законъ равнаго участія въ открывшемся послѣ отца наслѣдствѣ справедливъ безусловно. Съ другой стороны, понятны побужденія, заставившія учредительный комитетъ воспретить чрезмѣрное дробленіе крестьянскихъ участковъ, вредное дѣйствіе котораго давно уже было отмѣчено при существованіи тѣхъ же гражданскихъ законовъ во Франціи. Однако, нельзя не видѣть, что созданное этими законами положеніе вещей имѣетъ свои печальныя стороны. Оно, прежде всего, прямо обусловливаетъ постоянное возростаніе класса безземельныхъ сельскихъ жителей; съ другой стороны, совокупное дѣйствіе этихъ законовъ наступаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда наслѣдники желаютъ дѣлить оставшееся послѣ отца наслѣдство законнымъ *судебнымъ* порядкомъ. Поэтому, желая обойти запрещеніе бросить землю, крестьяне всячески избѣгаютъ формальнаго раздѣла наслѣдства, а продолжаютъ владѣть наслѣдствомъ какъ бы нераздѣльно; на самомъ же дѣлѣ раздѣляютъ наслѣдственную усадьбу на дробные участки *частнымъ образомъ*. Это ведетъ къ цѣлому ряду злоупотребленій, семейныхъ распрей и тяжбъ и, конечно, въ концѣ концовъ, сугубо тяжело отражается на хозяйствѣ.

Нельзя, въ то же время, не видѣть, что самая норма, принятая

учредительнымъ комитетомъ при установленіи недробимости надѣловъ (6 морговъ), въ сущности, ничего не обезпечиваетъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, потому что какое же возможно хозяйство на 6-ти морговомъ участкѣ? Вообще, уже при самомъ укрѣпленіи за крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ, размѣръ ихъ, несмотря на всю радикальность аграрной реформы, могъ обезпечить крестьянское благосостояніе лишь очень въ ограниченномъ смыслѣ.

Въ частныхъ и институтскихъ имѣніяхъ на одну усадьбу въ среднемъ въ то время приходилось лишь по 12 м. 254 крента ($6^1/_2$ дес.). Въ казенныхъ деревняхъ средній размѣръ усадьбы достигалъ 15 м. 133 кр. ($7^3/_4$ дес.).

Въ частныхъ и институтскихъ имѣніяхъ число усадебъ менѣе 3 морговъ ($1^1/_2$ дес.) достигало 25%, отъ 3—15 морговъ—42% и болѣе 15 морговъ—лишь 32%. Въ городахъ у мѣщанъ-хлѣбопашцевъ усадебъ первой категоріи было 30%, второй категоріи—60% и третьей 10%. Въ казенныхъ имѣніяхъ менѣе 3 морговъ было 29%, отъ 3 — 15 морговъ — 35% и болѣе 15 морговъ — 35% [1]).

Усадьбы первой категоріи, не заключавшія въ себѣ 3 морговъ пространства, понятно, вовсе не могли обезпечивать быта крестьянъ, а давали имъ лишь, главнымъ образомъ, осѣдлость. И мнѣ лично извѣстны мѣстности, вблизи большихъ заводовъ, гдѣ обладаніе подобною собственностью, не обезпечивая нисколько бытъ поселянъ, въ то же время привязываетъ ихъ къ мѣсту и доставляетъ владѣльцу завода контингентъ готовыхъ рабочихъ, *фактически прикрѣпленныхъ къ мѣсту*.

Усадьбы второй категоріи, отъ 3—15 морговъ, представляли, конечно, матеріальное обезпеченіе болѣе солидное, но и онѣ врядъ ли могли доставить своимъ хозяевамъ возможность существовать своимъ хозяйствомъ безъ посредства стороннихъ заработковъ. Вести хозяйство и жить на такихъ усадьбахъ представляется возможнымъ лишь при наличности того огромнаго корректива къ малоземелью, который существуетъ еще въ Царствѣ Польскомъ въ видѣ сервитутныхъ правъ крестьянъ на угодья. Особенно важны, конечно, права на пастбищный сервитутъ, дающія возможность весь наличный надѣлъ эксплуатировать подъ пашню. Вообще наличность сервитутныхъ правъ очень повышаетъ, а иногда удваиваетъ цѣнность усадьбы.

---

[1]) *Zalesky*: „Statystyka porównawcza", стр. 86.

Только усадьбы третьей категоріи (болѣе 15 морговъ) могли обезпечить крестьянамъ нѣкоторое благосостояніе при благопріятныхъ условіяхъ. Но такихъ усадебъ съ самаго начала было въ Царствѣ Польскомъ изъ общаго числа крестьянскихъ усадебъ не болѣе $^1/_3$ части.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 20 лѣтъ и усадьбы значительно раздробились. Въ концѣ концовъ, мнѣ представляется поэтому очень приложимой къ современному польскому крестьянину та характеристика, которою такъ удачно обрисовалъ Бонмеръ истинное значеніе крестьянской личной поземельной собственности во Франціи.

Крестьянинъ обладаетъ тамъ, какъ и здѣсь, только такою поземельною собственностью, которая далеко не обезпечиваетъ всѣхъ его нуждъ и потребностей. „Онъ неустанно трудится цѣлую жизнь, стараясь объ увеличеніи своего участка, но приходитъ смерть и этотъ участокъ раздробляется еще на болѣе мелкія части между его наслѣдниками. Раздѣлъ сопровождается обыкновенно большими непріятностями и ссорами. Раздѣлить землю совершенно поровну чрезвычайно трудно, часто даже невозможно, потому что разные клочки ея не одинаково обработаны, не одинаковаго достоинства, не годятся для воздѣлыванія однихъ и тѣхъ же продуктовъ и т. д. Но вотъ наслѣдники покончили дѣло и каждый изъ нихъ огораживаетъ свой участокъ изгородью, рвомъ, заборомъ, проводитъ границы, изолируется отъ прочихъ, всегда готовый начать процессъ со своимъ братомъ, можетъ быть, убить его, если участокъ послѣдняго захватитъ часть его земли. „Кто имѣетъ землю, тотъ воюетъ“,—говоритъ пословица. У васъ сто сосѣдей, которые всегда обворовываютъ васъ или считаютъ себя обворованными вами. Если повѣрить имъ, то поле каждаго видимо уменьшается съ года на годъ. Осторожнѣе!.. Подъ ногами у васъ камень, который вы пнули,—это граница. Это отчаяніе мирового судьи, это фортуна экзекутора, адвоката, стряпчаго. Этотъ камень богиня Ѳемида положила въ основу своего храма. Уважайте этотъ камень! Вонъ видите въ сторонѣ одинокаго человѣка, наклонившагося къ землѣ, который при вашемъ появленіи на минуту останавливаетъ свой тяжелый трудъ и смотритъ на васъ со злобой и недовѣріемъ. Если этотъ священный камень не твердо уложенъ, если ваша нога нечаянно наклонитъ его направо или налѣво, то немедленно начнется процессъ со всѣми своими аттрибутами экспертизы, осмотра мѣстностей и т. д., что въ 10, въ 20, въ 100 разъ будетъ стоить до-

роже, чѣмъ спорная земля... Ни отдыха, ни покоя не знаетъ крестьянинъ. Вслѣдствіе болѣзни, которую я называю земляною болѣзнью, каждый подвергаетъ лишеніямъ себя, жену, дѣтей, работаетъ безъ отдыха, медленно копитъ экю за экю и, все-таки, не можетъ накопить суммы, достаточной для того, чтобы купить землю сосѣда, разореннаго ростовщикомъ. У него только 100 франковъ, а земля стоитъ 300; нужно бы подождать, но обстоятельства не ждутъ. Что же дѣлать? Занять. И онъ обращается къ нотаріусу, къ ростовщику. Земля, послѣ года упорнаго труда, приноситъ пять или шесть %. Долги же нерѣдко удваиваются, а иногда увеличиваются еще болѣе. Начинаютъ ссориться, дурно платить, мучиться, раздражаться, ненавидѣть... Когда же, подъ тяжестью лѣтъ и упорнаго труда, тѣло крестьянина принимаетъ положеніе, замѣчаемое у извѣстнаго сорта стариковъ, у которыхъ спинной хребетъ чуть не параллеленъ съ землей, тогда, обыкновенно, онъ передаетъ свое имущество дѣтямъ, въ надеждѣ, что они успокоятъ его старость въ уплату за ихъ воспитаніе. При этомъ почти всегда обстоятельства устраиваются такъ: или отецъ, эксплуатируя страсть своихъ дѣтей и зятьевъ къ землѣ, уступаетъ ее имъ за чрезмѣрно высокую плату и, такимъ образомъ, устраиваетъ себѣ пожизненную ренту. Въ этомъ случаѣ онъ живетъ счастливо и умираетъ въ глубокой старости посреди дѣтей, давно уже съ нетерпѣніемъ ожидающихъ его смерти и разоренныхъ этою тяжкою собственностью, которую они имѣли глупость принять, а, можетъ быть, даже выпросить. Или же отецъ уступаетъ свое имущество наслѣдникамъ безъ всякой хитрости и безкорыстно, но только подъ условіемъ, чтобъ они поочередно кормили его. Въ этомъ случаѣ подъ соломенною крышей разыгрывается печальная драма короля Лира, но Лира, у котораго нѣтъ ни Кента, ни Корделіи. Исполненный досады, будучи въ тягость себѣ и другимъ, чуждый собственнымъ дѣтямъ, онъ таскается изъ хижины въ хижину, доживая послѣдніе дни свои. Наконецъ, онъ отдаетъ свое тѣло землѣ, которую такъ любилъ“ [1]).

Я потому привелъ здѣсь эту выписку изъ Бонмера, что она въ значительной мѣрѣ соотвѣтствуетъ личнымъ моимъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, которыя я вынесъ изъ пятилѣтняго завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ въ одномъ изъ уѣздовъ Царства Польскаго. Конечно, картина, набросанная Бонмеромъ, одностороння; она изображаетъ одну изнанку аграрнаго строя Франціи, его темную сто-

[1]) Цитировано было въ ст. *Ш—а*: „Исторія судьбы французскихъ крестьянъ“ въ *Русской Мысли* 1880 г., кн. VII.

рону, но эта сторона все же дѣйствительно существуетъ въ его жизни и необходимо имѣть ее въ виду при разсмотрѣніи результатовъ аграрной реформы 1864 года.

Система мелкой поземельной собственности, какъ она исторически сложилась въ Европѣ, особенно во Франціи, давая человѣку такое имущество, которое даетъ ему возможность развить нѣкоторое матеріальное благосостояніе лишь при условіи поглощенія всѣхъ его силъ, стремленій и способностей и оставляетъ ему очень мало досуга для развитія своего нравственнаго благосостоянія, для развитія и роста сознанія,— эта система служитъ, особенно при общихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, къ развитію въ человѣкѣ грубаго матеріализма и крайняго индивидуализма, искажая и не давая развиться лучшимъ чертамъ человѣческой природы.

Такова, по моему мнѣнію, общая тенденція системы мелкой поземельной собственности, основанной на устояхъ римскаго права и code Napoleon. Эта тенденція можетъ, конечно, всего сильнѣе сказаться тамъ, гдѣ слабо развито участіе каждаго въ общественной жизни и гдѣ нѣтъ просвѣщенія.

Эти соображенія легко могутъ, конечно, ограничить сочувствіе къ аграрной сторонѣ милютинской реформы.

Но могъ ли въ этомъ отношеніи Милютинъ сдѣлать что-нибудь другое? Его ли вина въ томъ, что въ Польшѣ царствуетъ теперь режимъ мелкой крестьянской собственности на основахъ Наполеонова кодекса?

Думаю, что нѣтъ. Было бы странно требовать отъ Милютина,— въ виду извѣстныхъ печальныхъ сторонъ системы мелкой поземельной собственности,—чтобъ онъ, вмѣсто этого режима, ввелъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 году, напримѣръ, общинное землевладѣніе или произвелъ національзацію земли. Не говоря о томъ, что въ то время печальныя черты режима мелкой поземельной собственности не были настолько выяснены, какъ теперь, и если бы даже предположить,—чего, очевидно, не было,—что Милютину онѣ были ясны и понятны, то и въ такомъ случаѣ нужно признать, что въ ту минуту, когда ему пришлось дѣйствовать въ Царствѣ Польскомъ, ему не оставалось ничего больше, какъ провести ту аграрную реформу, которую онъ провелъ въ указѣ I-мъ 19 февраля 1864 года.

Передъ нимъ лежала одна великая задача того времени — освободить крестьянина отъ всякой зависимости, въ томъ числѣ и экономической, отъ помѣщнка. Въ Польшѣ шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка онъ могъ это сдѣлать, только укрѣпивъ за крестьянами

въ собственность тѣ *подворные* участки земли, которыми они *уже* владѣли раздѣльно и неотъемлемо, но только въ извѣстной зависимости отъ помѣщика. Главное значеніе и достоинство его аграрной реформы заключались въ разрушеніи этой зависимости. Тотъ аграрный строй, который освященъ указами 19 февраля, развился въ Польшѣ всѣми условіями ея тысячелѣтней исторіи и, наконецъ, прочно сложился подъ вліяніемъ Наполеонова кодекса, который удивительно пришелся тутъ ко двору, потому что онъ былъ построенъ на тѣхъ же, въ сущности, началахъ, которыя давно вошли въ правовое сознаніе польскаго народа съ европейскою цивилизаціей и римскимъ правомъ. Совершенно вѣрно характеризуетъ въ этомъ отношеніи польскій народъ г. Спасовичъ: „Въ высшей степени,—говоритъ онъ,—несправедливо было бы укорять современное общество польское въ томъ, что оно не демократично, но оно демократично по своему. Оно ближе стоитъ къ европейскому Западу, оно крѣпче держится тѣхъ формъ и идей собственности, которые отчеканены еще римлянами и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ нѣчто незыблемое, какъ самъ писанный разумъ. Никогда на этой почвѣ не могло бы явиться ученіе, подобное тому, которое составляетъ окончательный выводъ книги Васильчикова *Земледѣліе и землевладѣніе*, что характеристическую черту и едва ли не преимущество Россіи передъ Западомъ составляетъ то, что въ ней не кристализировалось донынѣ и не отвердѣло въ опредѣленныхъ формахъ право поземельной собственности, что понятіе собственности еще не выдѣлилось окончательно изъ понятія владѣнія, что ему не присуще полное сознаніе правъ распоряженія и неотъемлемости имущества“.

Г. Спасовичъ говоритъ это съ гордостью, мы повторяемъ это съ горечью, въ печальномъ раздумьѣ о будущемъ польскаго народа. Конечно, можно и теперь сказать, что общество польское демократично, но оно буржуазно-демократично, если можно такъ выразиться, и врядъ ли въ этомъ можно видѣть залогъ хорошаго и счастливаго будущаго для него...

XI.

Значеніе общественной стороны крестьянской реформы.—Сравненіе имущественнаго устройства Милютина съ проектомъ маркиза Велепольскаго. — Насколько проведеніе общественной стороны крестьянской реформы соотвѣтствовало основной идеѣ реформъ Милютина? — Недостатки школьныхъ реформъ и школы.—Школьная политика учредительнаго комитета.—Скудость програмы начальнаго образованія.

Мы старались показать, что не отъ Милютина и его сотрудниковъ зависѣла самая форма рѣшенія аграрнаго вопроса,—она была предрѣшена въ извѣстномъ смыслѣ, именно въ духѣ буржуазно-демократическомъ, и Милютинъ, дѣйствительно, иначе не могъ обезпечить крестьянамъ экономической независимости отъ помѣщиковъ, какъ укрѣпивъ за ними въ собственность ихъ надѣлы. Онъ провелъ эту реформу въ высшей степени радикально, пользуясь благопріятно сложившимися обстоятельствами минуты, и обезпечилъ крестьянамъ Царства Польскаго maximum матеріальныхъ благъ, какой только возможно было тогда обезпечить за ними. Онъ не виноватъ въ дурныхъ сторонахъ системы мелкой поземельной собственности, которыя несомнѣнно проявляются въ развитіи характера польскихъ крестьянъ. Но несомнѣнно, что эти послѣдствія могли быть смягчены или усилены въ зависимости отъ всѣхъ прочихъ условій частныхъ и общественныхъ быта крестьянъ, созданныхъ реформою 19 февраля. Широкое участіе въ самоуправленіи и общественной жизни, съ одной стороны, прочное и хорошо поставленное просвѣщеніе—съ другой, могли, конечно, въ значительной степени облагородить личность крестьянина и вывести его изъ узкаго круга матеріальныхъ эгоистическихъ интересовъ, въ которомъ стремился ее удержать режимъ мелкой собственности и ежедневныя, мелкія заботы о хозяйствѣ и матеріальномъ благосостояніи своей семьи.

Въ этомъ отношеніи имѣли особенно существенную важность проведеніе въ жизнь и послѣдовательное развитіе общественно-административной и школьной реформъ 1864 года. Содержаніе той

и другой мы уже изложили. Мы указали и коренной недостатокъ школьной реформы, заключавшійся въ несоотвѣтствіи слишкомъ скудной программы преподаванія въ начальной школѣ съ тѣми задачами, которыя ей слѣдовало бы поставить сообразно съ основною цѣлью преобразованій, выставленной Милютинымъ въ 1864 году.

Устройство въ Царствѣ Польскомъ гминнаго и сельскаго самоуправленія было подвергнуто строгой критикѣ В. Д. Спасовичемъ въ его книгѣ о жизни и политикѣ маркиза Велепольскаго. Г. Спасовичъ старался доказать, что гминная реформа Милютина есть не болѣе, какъ неудачное подражаніе плану гминнаго устройства, задуманному маркизомъ Велепольскимъ, и что все, что въ ней есть хорошаго, принадлежитъ Велепольскому, а не Милютину; что вообще планъ гминнаго устройства, задуманный, но по обстоятельствамъ времени не осуществленный Велепольскимъ, гораздо выше реформы, созданной Милютинымъ и его сотрудниками. Обвиненіе въ заимствованіи у Велепольскаго относится, главнымъ образомъ, къ всесословности гмины. Г. Спасовичъ утверждаетъ, что идея всесословности гмины принадлежитъ Велепольскому и потому есть идея существенно польская. Я полагаю, что въ идеѣ этой собственно польскаго нѣтъ ровно ничего, потому что ничего подобнаго въ прежней Польшѣ не существовало, и если Милютинъ дѣйствительно заимствовалъ эту идею у Велепольскаго, то и Велепольскій заимствовалъ ее изъ французскаго административнаго устройства. Самый же фактъ заимствованія дѣлаетъ честь широтѣ государственнаго ума Милютина, не имѣвшаго въ себѣ ничего предвзятаго и потому сумѣвшаго оцѣнить по достоинству примѣнимость и пользу этой идеи по отношенію къ сельскому быту Царства Польскаго. Это не мѣшало ему отнестись отрицательно къ остальнымъ частямъ плана маркиза Велепольскаго, потому что онъ находилъ его несоотвѣтственнымъ пользамъ крестьянства, относительно будущности котораго самъ онъ питалъ столь широкіе и смѣлые планы.

Разбирать значеніе милютинскаго законодательства можно двояко: можно оцѣнивать его по сравненію его практическихъ и возможныхъ результатовъ съ предшествовавшимъ положеніемъ вещей въ странѣ или съ тѣмъ, которое замышлялось польскимъ реформаторомъ, маркизомъ Велепольскимъ; можно и слѣдуетъ, съ другой стороны, при этой оцѣнкѣ имѣть въ виду руководящіе виды и цѣли самого Милютина и къ проведеннымъ имъ реформамъ примѣнить непремѣнное требованіе, чтобъ онѣ соотвѣтствовали этимъ руководящимъ принципамъ, имъ самимъ выставленнымъ. Г. Спасовичъ

мало этимъ интересуется и потому его критика принимаетъ характеръ довольно односторонній, причемъ самый ходъ дѣлъ и настоящее значеніе отдѣльныхъ явленій невольно искажается, чему особенно способствуетъ желаніе во что бы то ни стало оправдать политику маркиза Велепольскаго.

По роду дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію гмины, проектъ Велепольскаго мало чѣмъ отличается отъ указа 19 февраля. Какъ тамъ, такъ и тутъ гминному самоуправленію предоставлены дѣла, касающіяся распоряженія гминнымъ имуществомъ и гминнаго благоустройства. Впрочемъ, по проекту маркиза Велепольскаго, по цѣлому ряду дѣлъ, касающихся открытія новыхъ школъ, костеловъ, раскладки податей и разныхъ вопросовъ полиціи, благосостоянія, гминный совѣтъ даетъ лишь свое заключеніе, а рѣшеніе зависитъ отъ губернатора и другихъ губернскихъ учрежденій. Точно также гминный совѣтъ установляетъ по смѣтѣ войта ежегодный гминный бюджетъ, но рѣшеніе его и тутъ не окончательное и подлежитъ обсужденію губернскаго правленія, которое можетъ не дать своего утвержденія и представить для измѣненія въ коммиссію внутреннихъ дѣлъ. Права, предоставленныя гминному сходу по указу 19 февраля, въ этомъ отношеніи значительно полнѣе и шире.

Главная разница между проектомъ Велепольскаго и указомъ 19 февраля заключается въ самой организаціи гминнаго управленія и въ составѣ гминнаго схода. Разница эта подобна той, какая существуетъ между демократіями непосредственными и демократіями представительными. Тогда какъ по указу 19 февраля рѣшеніе всѣхъ гминныхъ дѣлъ предоставлено сходу, по проекту Велепольскаго, всѣ дѣла рѣшаются гминнымъ совѣтомъ, а сходъ собирается разъ въ три года единственно только для выборовъ гминныхъ должностныхъ лицъ. Составъ схода также не одинаковъ въ обоихъ уставахъ. Тогда какъ по указу 19 февраля въ составъ его входятъ исключительно представители землевладѣнія (минимальный земельный цензъ 3 морга) [1]), какъ крупнаго и средняго, такъ и мелкаго крестьянскаго, и исключаются всѣ остальные обитатели гмины, живущіе на чужихъ земляхъ; по проекту Велепольскаго, въ составъ выборнаго схода входятъ, кромѣ собственниковъ земли и крестьянъ, владѣющихъ участками не менѣе 3-хъ морговъ, еще владѣльцы фабрикъ и промышленныхъ заведеній, наниматели квартиръ не дешевле 15 руб. въ годъ и лица, получающія жалованья

[1]) Г. Спасовичъ ошибочно полагаетъ, что гминный сходъ слагается изъ суммы сельскихъ сходовъ.

не менѣе 90 руб. въ годъ, купцы, фабриканты, ремесленники, учителя, пенсіонеры гражданскаго и военнаго вѣдомства и, наконецъ, пріоры мужскихъ монастырей.

Нельзя, конечно, отрицать, что, при устраненіи отъ участія въ гминныхъ дѣлахъ всѣхъ этихъ категорій лицъ, въ мотивахъ Милютина играли извѣстную роль политическія соображенія, и поскольку они играли эту роль, постольку они портили выработанную имъ систему самоуправленія; но для устраненія самой многочисленной категоріи, именно нанимателей квартиръ не дешевле 15 руб. и получателей жалованья не менѣе 90 руб., у него были мотивы, независимые отъ политическихъ соображеній и достаточно вѣскіе сами по себѣ. Дѣло въ томъ, что въ составъ этой категоріи входили бы почти исключительно оффиціанты и прислуга помѣщиковъ, которые на гминномъ сходѣ представляли бы не свои собственные интересы, а интересы своего патрона помѣщика, чего совершенно справедливо не желалъ допустить Милютинъ.

По проекту Велепольскаго, на должность войта могли быть избираемы лица, лишь кончившія четыре класса гимназіи или выдержавшія соотвѣтственный экзаменъ. Милютинъ уничтожилъ это условіе и г. Спасовичъ находитъ, что въ этомъ случаѣ демократическій принципъ переходитъ у него въ демагогическій. Едва ли можно согласиться съ этимъ сужденіемъ. Это условіе вмѣстѣ съ другимъ положеніемъ маркиза Велепольскаго, что всѣ гминныя должности должны быть безплатны (только солтысы могли получать жалованье), дѣйствительно закрывало надолго доступъ къ должности войта крестьянскому населенію, чѣмъ, конечно, весьма нарушается принципъ всесословности гмины въ пользу несомнѣнно шляхетскихъ тенденцій. Въ то время (какъ и теперь, впрочемъ) между польскимъ крестьянствомъ не только не было лицъ, кончившихъ четыре класса гимназіи, но и грамотныхъ было чрезвычайно мало. Поэтому совершенно понятны соображенія чисто-демократическія, но никакъ не демагогическія, изъ которыхъ исходилъ Милютинъ, уничтожая эти два условія, имѣвшія существенно антидемократическое значеніе.

Г. Спасовичъ упрекаетъ еще составителей указа объ устройствѣ гмины въ томъ, что они, отказавшись отъ проектированнаго Велепольскимъ новаго раздѣленія Царства на гмины, оставили старое, очень неудобное и въ основаніи котораго лежали упраздненныя вотчинныя отношенія. Но составители указа не приняли дѣленія, предложеннаго Велепольскимъ, потому что оно основывалось на соображеніяхъ съ видимымъ клерикальнымъ оттѣнкомъ, которому они не

сочувствовали. Новое дѣленіе на гмины страны они полагали необходимымъ сдѣлать послѣ тщательнаго изслѣдованія всѣхъ мѣстныхъ условій и опираясь, главнымъ образомъ, на промышленныя, административныя и иныя мѣстныя выгоды и удобства жителей. Дѣло это было поручено учредительному комитету, который его и исполнилъ черезъ $1^1/_2$ года, послѣ чего число гминъ было уменьшено на половину.

Вотъ тѣ упреки милютинскому законодательству о гминномъ самоуправленіи, которые ему сдѣланы г. Спасовичемъ и основаны, главнымъ образомъ, на сравненіи его системы съ планомъ маркиза Велепольскаго. Этого рода критика, по моему мнѣнію, не опасна милютинской реформѣ. Мнѣ кажется, что эта реформа можетъ съ честью выдержать сравненіе съ реформой, предложенной маркизомъ Велепольскимъ.

Для насъ гораздо важнѣе теперь поставить и рѣшить вопросъ, насколько созданная и приложенная къ дѣйствительной жизни реформа привела и могла привести къ достиженію высокой и благородной цѣли, поставленной самимъ П. А. Милютинымъ.

Съ этой точки зрѣнія довольно широкая компетенція, предоставленная гминнымъ и сельскимъ сходамъ въ дѣлахъ мѣстнаго благоустройства, какъ и самая организація гминныхъ учрежденій, представляется, конечно, цѣлесообразной. Особенно важно въ этомъ отношеніи полное и частное сохраненіе въ гминномъ устройствѣ демократическаго элемента при соблюденіи, въ то же время, начала всесословности. Если справедливо, что, при современномъ устройствѣ представителей интеллигентнаго элемента въ деревнѣ, помѣщикъ часто можетъ быть подавленъ на сходѣ крестьянскимъ элементомъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что онъ будетъ подавленъ не въ качествѣ представителя интеллигенціи, а въ качествѣ представителя помѣщичьихъ интересовъ. Давать ему въ этомъ отношеніи, тѣмъ или другимъ способомъ, какое-либо преимущество передъ крестьянами было бы несправедливо и нарушало бы существенно демократическій принципъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что помѣщикъ, проникнутый не своекорыстными, а народными интересами и симпатіями, всегда можетъ найти на гминномъ сходѣ поддержку и возможность послужить народному дѣлу. Такіе случаи существуютъ и вообще войты-помѣщики не представляютъ совершенно исключительнаго явленія въ Царствѣ Польскомъ даже и теперь, при цѣломъ рядѣ другихъ неблагопріятныхъ условій. Съ этой стороны реформа еще удовлетворила, повидимому, намѣченной цѣли.

Но уже въ самомъ указѣ 19 февраля заключались пункты, чрезвычайно развившіеся впослѣдствіи, которые стояли въ прямомъ противорѣчіи съ предположенною цѣлью. Таково было вообще положеніе гминнаго управленія по отношенію къ другимъ уѣзднымъ и губернскимъ властямъ и учрежденіямъ и, въ частности, то невозможное положеніе выборныхъ гминныхъ должностныхъ лицъ, въ которое ихъ ставилъ указъ 19 февраля по отношенію къ уѣздной полиціи.

Свободное демократическое устройство низшихъ административныхъ единицъ гминныхъ и сельскихъ общинъ, при сохраненіи строго бюрократическаго устройства всѣхъ высшихъ уѣздныхъ и губернскихъ инстанцій, заключаетъ въ себѣ нѣчто существенно-ненормальное, подрывающее прочность и возможность развитія самоуправляющихся общинъ. При такомъ устройствѣ и при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было гарантій отъ начальническаго произвола стоящихъ надъ ними властей, гминное самоуправленіе не могло, конечно, свободно развиваться. При подчиненіи его контролю и прямому начальству бюрократической администраціи, безотчетной по отношенію къ управляемымъ, немыслимо удержать эту послѣднюю отъ произвольнаго вмѣшательства во всѣ дѣла подвѣдомственныхъ ей гминъ. Это вмѣшательство можетъ быть весьма благонамѣреннымъ, но оно, тѣмъ не менѣе, а иногда даже тѣмъ болѣе, будетъ помѣхой къ свободному развитію самоуправляющихся по закону общинъ.

Милютина и даже кн. Черкасскаго, который гораздо дальше, нежели Милютинъ, отошелъ отъ первоначально выставленныхъ принциповъ политики въ Царствѣ Польскомъ, никогда не оставляла мысль о необходимости созданія въ Царствѣ Польскомъ самоуправленія уѣзднаго и губернскаго [1]). Мысль эта, однако, не получила осуществленія и по мѣрѣ умиротворенія страны—въ противность первоначальнымъ намѣреніямъ—шансы на ея осуществленіе не увеличивались, а уменьшались.

Гминныя учрежденія подчинены были, по указу, уѣздному начальнику, который имѣлъ право дисциплинарной власти надъ выборными должностными лицами гмины и могъ ихъ наказывать замѣчаніями, выговорами, денежными штрафами и арестомъ до 7 дней.

Первые выборы поручено было организовать военно-полицейскимъ властямъ, а не крестьянскимъ учрежденіямъ; въ обработан-

[1]) Сравн. переписку кн. Черкасскаго съ Милютинымъ, напечатанную въ *Славянск. Обозр.* 1892 г. и Leroy-Beaulieu (op. cit).

ной для нихъ учредительнымъ комитетомъ инструкціи рекомендовалось имъ прямое вмѣшательство въ самое существо дѣла, хотя и съ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ. Это обусловливалось политическимъ состояніемъ страны, бывшей еще на осадномъ положеніи въ виду продолжавшихся еще волненій, но врядъ ли это могло способствовать развитію самостоятельности выборныхъ учрежденій.

7 декабря 1866 г. гр. Бергомъ были утверждены правила о разграниченіи правъ и обязанностей между бургомистрами, земскою стражей и гминными войтами.

Статьями 13 и 15 этихъ правилъ сельскіе и гминные сходы и выборныя должностныя лица гминныхъ учрежденій прямо были отданы подъ надзоръ земскимъ стражникамъ, т. е. низшимъ чинамъ уѣздной полиціи.

Произволъ уѣздной полиціи по отношенію къ гминному и сельскому самоуправленію, правда, былъ нѣсколько ограниченъ контролемъ крестьянскихъ учрежденій, возложенныхъ на нихъ особенно позднѣйшими циркулярами Я. А. Соловьева. Но этотъ контроль являлся лишь нѣкоторою палліативною поправкой къ ненормальному положенію дѣлъ. Крестьянскія учрежденія подъ управленіемъ учредительнаго комитета, призванныя къ опредѣленной дѣятельности, одухотворенной извѣстнымъ принципомъ, сознаніе котораго въ нихъ жило еще при Милютинѣ и Соловьевѣ, дѣйствовали въ то время согласно этому руководящему принципу. Они охраняли, насколько могли, самостоятельность гминнаго самоуправленія отъ уѣздной администраціи, разъясняли сходамъ ихъ настоящія права и обязанности и стремились къ увеличенію числа школъ, склоняя сельскіе и гминные сходы къ открытію новыхъ училищъ. Но съ закрытіемъ учредительнаго комитета и превращеніемъ крестьянскихъ коммиссій въ губернскія присутствія подъ предсѣдательствомъ губернатора и съ подчиненіемъ ихъ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, ихъ миссіонерская задача кончилась, и они стали въ общій разрядъ бюрократическихъ учрежденій, дѣятельность которыхъ вездѣ имѣетъ одинъ и тотъ же характеръ. Въ настоящее время контроль и опека крестьянскихъ учрежденій можетъ предохранить иногда гминныя учрежденія отъ нѣкоторыхъ злоупотребленій власти, но врядъ ли можетъ способствовать развитію сознанія и самостоятельности среди крестьянскихъ обществъ и гминныхъ сходовъ.

При такомъ положеніи дѣла понятна та апатія и отсутствіе

интереса къ общественнымъ дѣламъ, которыя проявляются среди освобожденнаго польскаго крестьянства теперь, спустя 30 лѣтъ послѣ реформы 1864 года.

Въ бытность мою коммиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ одномъ изъ уѣздовъ Царства Польскаго, я самъ имѣлъ случай неоднократно убѣдиться, какъ трудно иногда бываетъ составить сходъ для обсужденія какого-либо дѣла въ требуемомъ закономъ составѣ. Мнѣ извѣстны случаи привлеченія къ суду лицъ, имѣющихъ право участвовать въ сходѣ, за неявку на сходъ. Уѣздной администраціи приходится, такимъ образомъ, принудительно заставлять свободныхъ людей пользоваться своимъ правомъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ, близко касающихся пользъ и нуждъ гмины,— печальный результатъ реформы, долженствовавшей вывести на историческую сцену крестьянство, какъ самостоятельный общественный классъ, какъ сознательную политическую силу.

Въ связь съ этимъ положеніемъ дѣла слѣдуетъ поставить развитіе элементарнаго образованія въ странѣ, которое обусловливаетъ и объясняетъ отношеніе крестьянъ къ своимъ общественнымъ правамъ и обязанностямъ. По отношенію къ дѣлу народнаго образованія въ началѣ учредительный комитетъ обнаружилъ значительную энергію и интересъ. Въ первый же годъ своего существованія онъ занялся выработкой нормальныхъ штатовъ для сельскихъ училищъ и старался различными мѣрами облегчить крестьянамъ и гминнымъ сходамъ дѣло для открытія новыхъ училищъ. Норма для жалованья учителямъ была чрезвычайно повышена не только по сравненію съ существовавшею по уставамъ 1833 и 1840 годовъ, но даже и въ сравненіи съ установленной по новому уставу маркиза Велепольскаго 8 мая 1862 г. Для училищъ въ 50 учениковъ норма эта была опредѣлена въ 150 руб., для училищъ въ 80 и болѣе учениковъ—въ 200 р., тогда какъ по уставу 8 мая 1862 г. она не превышала 60 руб. въ годъ. Чтобы для крестьянъ норма эта не оказалась слишкомъ тяжелою, было постановлено, согласно указу 30 августа 1864 года, выдавать изъ казны въ пособіе вновь открываемымъ школамъ въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ ихъ существованія отъ 75—100 руб. ежегодно. Для покрытія издержекъ по этому предмету внесено въ бюджетъ Царства особою статьею 50.000 руб. Сверхъ того гминнымъ и сельскимъ сходамъ предоставлено просить объ отпускѣ изъ казенныхъ дачъ лѣса, на постройку училищныхъ домовъ, по половинной противъ таксы цѣнѣ, на сумму до 100 руб. Предоставлено также право на пользованіе

топливомъ изъ ближайшихъ казенныхъ лѣсовъ тѣмъ училищамъ, которыя существовали до указа 30 августа 1864 года и не пользовались денежнымъ пособіемъ отъ казны. Для училищъ же вновь открываемыхъ пользованіе топливомъ изъ казенныхъ лѣсовъ дозволено въ теченіе 10 лѣтъ безплатно или по той цѣнѣ, по которой топливо отпускалось крестьянамъ казенныхъ имѣній. Кромѣ того, примѣнительно къ ст. указа 30 августа 1864 г. было признано необходимымъ назначить въ распоряженіе начальниковъ учебной дирекціи для пособій нуждающимся школамъ по 10.000 р. ежегодно. Въ виду донесеній, полученныхъ отъ крестьянскихъ коммиссій, что высокая норма жалованья учителямъ, установленная учредительнымъ комитетомъ, несмотря на помощь казны, стѣсняетъ многія сельскія общества, учредительный комитетъ призналъ возможнымъ допустить въ видѣ временной мѣры открытіе новыхъ училищъ съ низшими противъ установленной нормы средствами въ тѣхъ деревняхъ, которыя очень удалены отъ существующихъ уже школъ, если только начальникъ учебной дирекціи признаетъ, что обезпеченіе новаго училища достаточно для безостановочнаго и правильнаго хода преподаванія.

Чрезъ посредство крестьянскихъ учрежденій учредительный комитетъ всячески старался внушить крестьянамъ необходимость открытія возможно большаго числа школъ, причемъ крестьянскимъ коммиссіямъ было, между прочимъ, предложено, въ случаѣ неимѣнія въ селеніяхъ свободныхъ мѣстъ для постройки школы, отводить особыя школьныя усадьбы изъ свободныхъ земель изъ числа „пустокъ“, отобранныхъ у помѣщиковъ.

Въ виду всѣхъ этихъ мѣръ дѣло открытія новыхъ училищъ двигалось довольно успѣшно.

Въ концѣ 1864 года, ко времени изданія указа 30 августа, число наличныхъ школъ въ Царствѣ Польскомъ было 1.123 [1]).

---

[1]) Между губерніями эти школы распредѣлялись чрезвычайно неравномѣрно. Въ Варшавской губ. ихъ 637, причемъ на каждую школу приходилось 2,492 жителя; въ Радомской губ. всѣхъ начальныхъ училищъ было 162 и на каждое приходилось 5,929 жителей; въ Плоцкой губ. было 97 училищъ и на каждое приходилось 5,890 жителей; въ Люблинской губ. находилось 152 начальныхъ школы, причемъ па каждую приходилось 6,456 человѣкъ жителей. Наконецъ, въ Августовской губ. всѣхъ училищъ было всего 75 и на каждое причиталось 8,615 жителей, т.-е. въ 3½ раза болѣе, чѣмъ въ Варшавской губерніи. Изъ всѣхъ этихъ школъ около половины (543) были въ городахъ и только 580 приходилось на сельское населеніе Царства. Притомъ по губерніямъ число городскихъ училищъ увеличилось въ той мѣрѣ, въ какой уменьшалось общее число училищъ. Въ Варшавской губ. на 220 городскихъ школъ было 417 сельскихъ, въ

Къ 1 января 1866 г. уже было вновь открыто 317 школъ и составлены крестьянами приговоры объ открытіи еще болѣе 400 училищъ. Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ учредительнаго комитета число начальныхъ школъ возрасло съ 1.123 до 1.800.

Живо интересуясь, такимъ образомъ, особенно въ началѣ своей дѣятельности, увеличеніемъ числа начальныхъ училищъ въ Царствѣ Польскомъ и стараясь всячески упрочить и улучшить ихъ матеріальное положеніе, учредительный комитетъ, въ то же время, почти не касался внутренней стороны дѣла. Онъ мало интересовался самою постановкой школьнаго дѣла и ничего не сдѣлалъ для улучшенія и расширенія системы преподаванія въ начальныхъ школахъ. Мы видѣли уже, насколько скудна была программа преподаванія въ начальныхъ училищахъ, установленная указомъ 30 августа 1864 г., и какъ мало отвѣчала эта программа первоначально поставленной цѣли въ дѣлѣ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ. Казалось бы, учредительному комитету, прежде всего, надлежало пополнить этотъ недостатокъ, но вышло совершенно иначе. Въ этомъ отношеніи учредительный комитетъ съ самаго начала обнаружилъ участіе лишь къ отрицательной сторонѣ дѣла. Въ противность широкой и великой идеѣ, одушевлявшей въ 1863 г. составителей указовъ 19 февраля, учредительный комитетъ усвоилъ себѣ въ этомъ отношеніи узко-политическую точку зрѣнія. Съ самаго начала „онъ обратилъ вниманіе на устраненіе вредныхъ на учащуюся молодежь вліяній и на поддержку въ крестьянахъ благотворнаго настроенія и расположенія къ пріобрѣтенію полезныхъ въ его быту свѣдѣній“. Въ этихъ видахъ признано было, между прочимъ, необходимымъ не допускать къ исправленію учительскихъ должностей „людей съ какимъ-либо исключительнымъ направленіемъ“, какъ, напримѣръ, членовъ различныхъ монашескихъ орденовъ и религіозныхъ обществъ, особенно многочисленнаго общества фелиціанокъ, спеціально занимавшихся религіозно-патріотической пропагандой. Въ тѣхъ же видахъ онъ подвергъ строгому пересмотру и цензурѣ существовавшіе въ то время учебники при посредствѣ коммиссіи народнаго просвѣщенія. Этимъ его дѣятельность по отношенію къ дѣлу постановки преподаванія въ начальныхъ училищахъ и кончилась. Въ слѣдующіе годы интересъ его къ дѣлу развитія

Радомской на 109 городскихъ всего 53 сельскихъ, въ Плоцкой на 51 городскихъ — 46 сельскихъ, въ Люблинской на 111 городскихъ — 41 сельское, наконецъ, въ Августовской губ. на 52 городскихъ—23 сельскихъ.

народнаго образованія ослабѣваетъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что тутъ допущена была съ самаго начала капитальная ошибка, которая сама по себѣ могла совершенно исказить дѣло предпринятой Милютинымъ реформы. Съ теченіемъ времени ошибка эта укоренилась и интересъ къ распространенію образованія въ освобожденномъ крестьянствѣ видимо ослабѣлъ. Причина заключалась въ общей перемѣнѣ политики нашей въ Царствѣ Польскомъ.

XII.

Перемѣна общаго направленія въ политикѣ нашей въ Царствѣ Польскомъ и отраженіе этого обстоятельства па судьбахъ крестьянской реформы. — Борьба съ полонизмомъ въ Царствѣ Польскомъ и переходъ къ руссификаціи. — Перемѣны въ административномъ устройствѣ страны и въ системѣ пароднаго просвѣщенія.—Значеніе этихъ перемѣнъ для крестьянской реформы и перемѣна взглядовъ на желательную роль крестьянства.

Мы видѣли, съ какими идеями отправились въ Царство Польское Милютинъ и его сотрудники въ 1863 году. Согласно этимъ идеямъ, были имъ задуманы великія реформы, въ ряду которыхъ указы 19 февраля должны были составить лишь первый шагъ и результатомъ которыхъ должно было явиться такое обновленіе народнаго быта, которое вывело бы крестьянство на историческую сцену, въ качествѣ сознательнаго и свободнаго общественнаго класса. Но самъ Н. А. Милютинъ, проникнутый этою идеей, въ приложеніи ея уже допустилъ крупную ошибку въ постановкѣ начальнаго образованія, которое, очевидно, должно бы было явиться первостепеннымъ факторомъ въ дѣлѣ ея осуществленія. Вскорѣ послѣдовали дальнѣйшія отклоненія отъ первоначально предположенной системы политики. Мы видѣли, что та политическая доктрина, которой придерживался Милютинъ, отправляясь въ Польшу, совершенно различала польскій вопросъ въ старинныхъ русскихъ областяхъ Западнаго края отъ того же вопроса въ Царствѣ Польскомъ. Въ западныхъ губерніяхъ весь вопросъ сосредочивался на борьбѣ съ полонизмомъ, какъ западнымъ, латинскимъ просвѣтительнымъ началомъ, которое грозило порабощеніемъ русской, бѣлорусской, малорусской и литовской національностей западныхъ губерній. Въ Царствѣ Польскомъ задача русской политики сводилась тогда къ подавленію вооруженнаго возстанія и къ широкой крестьянской реформѣ. О полонизмѣ и борьбѣ съ нимъ въ самомъ Царствѣ Польскомъ въ началѣ не было и рѣчи.

Но, явившись въ Царство Польское съ своими преобразовательными видами, русскіе реформаторы встрѣтили тамъ, какъ и

слѣдовало ожидать, глухую вражду со стороны всей интеллигенціи страны.

Познакомившись ближе съ положеніемъ дѣлъ въ провинціяхъ Царства Польскаго и съ составомъ ея населенія, они увидали, что составъ этотъ далеко не однороденъ, что въ самомъ Царствѣ Польскомъ есть цѣлыя поселенія, вовсе не принадлежащія къ польской народности и значительная часть которыхъ, наоборотъ, русскаго происхожденія, что часть эта еще сохранила языкъ и отличительныя черты своей національности и даже слѣды своей древней религіи. Они увидали, что въ Царствѣ Польскомъ длится еще та же вѣковая работа и дѣятельная борьба полонизма, на сопротивленіи которой построена была вся наша политика въ Западномъ краѣ.

Князь Черкасскій, принявшій въ 1864 г. въ свои руки завѣдываніе внутренними дѣлами Царства, сильно увлекся этими обстоятельствами, и они скоро склонили его къ политикѣ, очень приближавшейся къ той, которая осуществлялась Муравьевымъ въ западныхъ губерніяхъ и рѣзко отличалась отъ идей, высказывавшихся по отношенію къ Царству Польскому въ славянскомъ *Днѣ* въ 1863 и 1864 гг. На путь борьбы съ полонизмомъ въ самомъ Царствѣ Польскомъ русскіе реформаторы вступили, предпринявъ преобразованіе патроната католическихъ церквей и принявъ репрессивныя мѣры по отношенію къ католическимъ монастырямъ, большая часть которыхъ была закрыта. Но особенно сильно желаніе противодѣйствовать полонизму въ самомъ Царствѣ Польскомъ выразилось въ мѣрахъ, принятыхъ по народному образованію.

Съ этой именно точки зрѣнія Милютинъ подвергъ тщательному и строгому разбору принципы маркиза Велепольскаго, положенные въ основаніе устава 8 мая 1862 г., въ которомъ Милютинъ усматривалъ не безъ основанія клерикальныя и полонизаторскія тенденціи. Милютинъ, какъ мы видѣли, признавалъ, что въ дѣло народнаго просвѣщенія не должна была вовсе вмѣшиваться политика. Но, полагая, что русское правительство должно отказаться разъ навсегда отъ мысли пользоваться народнымъ образованіемъ для проведенія политическихъ цѣлей, онъ считалъ справедливымъ не допускать, въ то же время, въ этой области никакихъ клерикально-полонизаторскихъ тенденцій. Въ этихъ именно видахъ онъ принялъ принципъ тщательнаго охраненія самобытности каждой народности, живущей въ предѣлахъ Царства Польскаго. Выставляя этотъ принципъ, онъ, конечно, тѣмъ самымъ выступалъ на борьбу съ полонизмомъ. Занятое имъ пока только оборонительное положеніе не долго было выдержано.

Князь Черкасскій уже въ 1864 г. сознательно переходитъ въ наступленіе въ мѣстностяхъ, населенныхъ руссинами, и у него является уже мысль поднять уніатскій вопросъ. Въ отношеніи князя Черкасскаго къ директору коммиссіи народнаго просвѣщенія Ѳ. Ѳ. Витте отъ 1 января 1865 г. является уже рѣзко выраженная идея „оградить русско-уніатскій край отъ посягательства на него полонизма“. Мѣры, принятыя въ уніатскихъ мѣстностяхъ, служили какъ бы переходнымъ шагомъ. Слѣдующій шагъ былъ принятъ въ 1866 году, когда дѣло народнаго образованія перешло въ руки министерства народнаго просвѣщенія, министромъ котораго былъ графъ Д. А. Толстой, возвратившійся по отношенію къ Царству Польскому къ идеямъ, близкимъ къ уваровскимъ. Въ этомъ году, вмѣсто предположенныхъ Милютинымъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній для каждой народности, приняты смѣшанныя гимназіи съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ нѣкоторыхъ предметовъ. Въ видѣ мотива выставлялись соображенія, что для евреевъ не стоитъ открывать отдѣльныхъ гимназій, а, между тѣмъ, нельзя отдать ихъ на жертву полонизму. Въ 1867 году въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго откровенно была высказана мысль о ненормальности смѣшанныхъ школъ и о необходимости отказаться отъ системы поддержки отдѣльныхъ національностей. Былъ сдѣланъ пересмотръ дѣйствовавшаго законодательства и прямо рѣшено было перейти къ преподаванію въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Одновременно съ этимъ попечителю учебнаго округа было предложено замѣщать учительскія вакансіи преимущественно русскими. Такъ нечувствительно совершился переходъ отъ оборонительной политики противъ полонизма къ наступательной системѣ обрусенія, которая къ концу 70-хъ годовъ доведена была до того, что даже во всѣхъ частныхъ заведеніяхъ преподаваніе всѣхъ предметовъ, въ томъ числѣ польскаго языка и литературы и католическаго Закона Божія, было введено на русскомъ языкѣ.

Въ гминахъ и селахъ попытки ввести русскій языкъ въ дѣлопроизводство гминныхъ учрежденій и въ начальныхъ училищахъ, какъ предметъ преподаванія, начались еще въ 1868 году. При этомъ было выставлено мотивомъ, что гминныя училища будто бы служатъ переходомъ къ гимназіи, гдѣ всѣ предметы будутъ преподаваться по-русски.

Мы позволили себѣ это небольшое отступленіе въ виду того, что перемѣна общаго направленія въ нашей политикѣ въ Царствѣ Польскомъ имѣла могущественное отраженіе на судьбѣ крестьянской ре-

формы. Борьба, разъ начавшись, отразилась даже на аграрной сторонѣ предпринятыхъ преобразованій: такъ, при раздачѣ безземельнымъ казенныхъ земель, въ учредительномъ комитетѣ явилась мысль употребить часть этихъ земель на привлеченіе на нихъ нѣмецкихъ колонистовъ и русскихъ раскольниковъ, какъ противовѣсъ полонизму. При разсмотрѣніи этого дѣла въ 1865 г., въ учредительномъ комитетѣ только одинъ изъ членовъ, В. А. Арцимовичъ, энергически возсталъ противъ этой мысли. Ему пришлось остаться по этому дѣлу при особомъ мнѣніи.

Въ 1866 году Милютинъ, носившій въ это время званіе министра по дѣламъ Царства Польскаго, былъ неожиданно пораженъ апоплексическимъ ударомъ и устранился отъ дѣлъ. Князь Черкасскій оставилъ тогда свой постъ. Изъ ближайшихъ сотрудниковъ Милютина остался въ учредительномъ комитетѣ одинъ только Я. А. Соловьевъ, который сосредоточилъ свои силы на проведеніи въ жизнь аграрной реформы. Завѣдываніе другими дѣлами изъ рукъ идейныхъ дѣятелей перешло въ руки обыкновенныхъ чиновниковъ. Въ 1867 году закрыты были особыя коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и дѣла нхъ переданы въ надлежащія министерства. Такимъ образомъ были стерты послѣдніе слѣды административной автономіи Царства.

Учредительный комитетъ, окончивъ свое главное дѣло—проведеніе аграрной реформы, былъ закрытъ въ 1871 г. Завѣдываніе крестьянскимъ дѣломъ перешло въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Вмѣсто крестьянскихъ коммиссій, учреждены губернскія присутствія, состоящія изъ уѣздныхъ коммиссаровъ подъ предсѣдательствомъ губернатора. Для центральнаго завѣдыванія дѣломъ первоначально была открыта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ временная коммиссія по крестьянскимъ дѣламъ Царства Польскаго, а затѣмъ дѣла эти сосредоточены съ 1884 года въ нѣсколькихъ дѣлопроизводствахъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ.

Никакихъ выборныхъ земскихъ учрежденій въ уѣздахъ и губерніяхъ Царства Польскаго до сихъ поръ не открыто. Гминное управленіе оставлено, попрежнему, въ полномъ подчиненіи уѣздной полиціи. Дѣло начальнаго образованія осталось на точкѣ замерзанія. Оно и понятно. Крестьяне, предоставленные матеріальнымъ интересамъ, относятся къ этому дѣлу весьма пассивно. Помѣщики, не желая ставить себя въ зависимость отъ полицейскихъ властей, мало принимаютъ участія въ гминныхъ дѣлахъ, а къ начальнымъ училищамъ по понятнымъ мотивамъ не обнаруживаютъ никакого интереса

и участія. Крестьянскія учрежденія тоже не имѣютъ теперь къ начальнымъ училищамъ никакого отношенія, такъ какъ завѣдываніе ими сосредоточено въ рукахъ начальника учебной дирекціи, который, будучи одинъ на губернію, конечно, и не можетъ относиться къ дѣлу иначе, какъ формально. Но теперь и правительству нѣтъ основанія такъ интересоваться этимъ дѣломъ, какъ это должно бы быть въ случаѣ послѣдовательнаго исполненія первоначальной програмы Милютина. Оно ставитъ себѣ теперь иныя цѣли. Инкорпорація Царства Польскаго совершилась вполнѣ и на очереди стоятъ вопросы болѣе прочнаго слiянiя его съ имперіей.

Милютинъ, желавшій вывести на сцену польское крестьянство, какъ самостоятельную и сознательную общественную силу, необходимо долженъ былъ стремиться къ возможно большему и скорѣйшему развитію народнаго образованія. Если онъ ничего не сдѣлалъ къ достиженію этой цѣли, то лишь въ силу слабо и ошибочно выработанной програмы начальныхъ училищъ. Но онъ не опасался и ему нечего было опасаться доставить крестьянству какое угодно умственное развитіе, потому что онъ искалъ въ немъ свободнаго элемента, который могъ бы и желалъ бы сознательно служить опорой русскому правительству, какъ представителю и проводнику тѣхъ государственныхъ задачъ, которыхъ не сумѣло осуществить шляхетское правительство самостоятельной Польши. Теперь уже безъ всякаго противорѣчія политикѣ, нынѣ дѣйствующей, начальной школѣ въ Царствѣ Польскомъ ставится задача дать учащемуся лишь тѣ свѣдѣнія, какія ему непосредственно могутъ быть полезны въ его быту.

Въ заключеніе формулируемъ нашъ взглядъ на конечные, современные намъ, результаты милютинской реформы. Мы видѣли, съ какими замыслами онъ отправился въ Царство Польское въ 1863 году. Еслибъ онъ осуществилъ эти замыслы, еслибъ онъ провелъ крестьянскую реформу въ томъ направленіи, въ какомъ онъ задумалъ ее въ 1863 году со своими сотрудниками, еслибъ онъ и, особенно, его сотрудники не увлеклись борьбой съ полонизмомъ и не уклонились бы отъ предначертанной цѣли,—онъ совершилъ бы великое дѣло.

Милютинъ, пораженный болѣзнью, сошелъ со сцены ранѣе окончанія предпринятаго дѣла, его ближайшіе преемники повели его совершенно въ другомъ направленіи. Но и ранѣе этого самъ Милютинъ и его ближайшіе сотрудники уклонились отъ предначертаннаго пути. Увлекшись борьбой съ полонизмомъ, они усвоили себѣ идею полной инкорпораціи и отъ нея послѣдовательно, шагъ за шагомъ, перешли

и къ идеѣ руссификаціи края. На эту задачу ушли всѣ силы русскихъ, привлеченныхъ ими въ страну. Дѣла въ краѣ получили совершенно иное направленіе. Нечувствительно самый взглядъ на сущность крестьянскаго вопроса и смыслъ крестьянской реформы измѣнился. Онъ приблизился къ точкѣ зрѣнія на крестьянскій вопросъ графа Муравьева который смотрѣлъ на него просто какъ на выгодное политическое орудіе огромной силы, посредствомъ котораго можно достичь пораженія противной стороны. Сообразно съ этимъ измѣнились и самые методы политики. Теперь уже не думали о томъ, чтобы вывести на историческую сцену крестьянство, какъ свободный и самостоятельный элементъ общественной жизни; на него смотрѣли просто какъ на матеріальную силу, могущую быть полезной, для чего требовалось удовлетворять его матеріальные аппетиты.

Сообразно такому взгляду на вещи дѣло реформы значительно умалилось.

Полное и законченное развитіе получила лишь аграрная ея сторона—та, которая направлялась на удовлетвореніе матеріальныхъ аппетитовъ. Начала самоуправленія, выраженныя во II-мъ указѣ, не получили дальнѣйшаго развитія, и самая идея самоуправленія въ значительной степени, если не совершенно, исказилась вслѣдствіе той власти, которая была дана въ гминныхъ дѣлахъ уѣздной полиціи, ничего общаго съ самоуправленіемъ не имѣвшей. Къ дѣлу просвѣщенія мѣстная администрація также охладѣла—по указаннымъ выше причинамъ.

Но, можетъ быть, не сдѣлавъ крестьянство вполнѣ сознательнымъ, независимымъ общественнымъ классомъ, крестьянская реформа устроила его бытъ, обезпечила ему благосостояніе, сдѣлала его жизнь если не свободною и не сознательною, то, всетаки, счастливою? Можетъ быть, бóльшаго не нужно и желать?

Если бы подъ счастьемъ народа мы понимали одно лишь матеріальное благосостояніе. то и въ такомъ случаѣ мы могли бы признать благодѣтельное дѣйствіе милютинской реформы только условно, съ тѣми ограниченіями по отношенію къ системѣ мелкой земельной собственности и къ величинѣ крестьянскаго надѣла, которое было указано выше. Въ этомъ отношеніи мы должны, конечно, признать, что Милютинъ тутъ сдѣлалъ maximum того, что онъ могъ сдѣлать по обстоятельствамъ времени и мѣста.

Мы видѣли въ началѣ настоящаго изслѣдованія степень экономической зависимости, силу фактической кабалы, въ которой нахо-

*

дился польскій крестьянинъ во времена дореформенныя. Мы должны поэтому признать, что мѣрами русскаго правительства, именно указомъ 26 мая 1846 года и особенно указомъ 19 февраля 1864 г., съ него сняты оковы, ранѣе на немъ бывшія. Мы должны признать также, что это законодательство положило несомнѣнное основаніе развитію его матеріальнаго благосостоянія...

Но признать, чтобъ эти законы такъ, какъ они осуществлены были на практикѣ, были благодѣтельны или даже просто удовлетворительны съ болѣе широкой точки зрѣнія, мы не можемъ. Не можемъ потому, что положеніе, ими созданное, не обезпечивало польскому крестьянину развитія въ немъ и вокругъ него всѣхъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ складывается не матеріальное, а нравственное благосостояніе человѣка, всего того, чѣмъ красна человѣческая жизнь въ наше время.

Въ концѣ-концовъ, обстоятельства такъ сложились, что положеніе, созданное совокупнымъ дѣйствіемъ французскаго и русскаго законодательствъ въ Польшѣ, не только не обезпечиваетъ, но прямо мѣшаетъ развитію въ польскомъ крестьянинѣ всего того, что дорого намъ въ современномъ человѣкѣ. Обезпечивая ему развитіе одной лишь матеріальной стороны его быта и потребностей, весь созданный въ Польшѣ строй направленъ къ тому, чтобы развить въ крестьянинѣ одни матеріальныя побужденія, которыя, при полномъ отсутствіи истиннаго просвѣщенія и независимости личности, несомнѣнно поддерживаются и воспитываются въ немъ постояннымъ сознаніемъ той опеки и покровительства, которыя онъ находитъ въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, имѣющихъ своею задачей защищать исключительно его матеріальные интересы.

Польскій крестьянинъ несомнѣнно чувствуетъ теперь за собой извѣстную опору въ борьбѣ за матеріальные интересы, но у него нѣтъ ни настоящаго самостоятельнаго участія въ дѣлахъ общественныхъ даже своей гмины, ни истиннаго просвѣщенія.

А я думаю, что, по самой человѣческой природѣ, всегда будетъ плохо человѣку, обстоятельствами поставленному въ центрѣ экономической борьбы за матеріальное благосостояніе, когда онъ будетъ чувствовать за собой извѣстную матеріальную опору, но когда темнота и отсутствіе независимости личности будутъ удерживать въ состояніи недѣятельности и апатіи лучшую сторону человѣческой души—ея стремленіе къ развитію и сознательному участію въ міровой жизни, къ просвѣщенію и любви.

Ноября 1893 г.

Юрій Өедоровичъ Самаринъ.

Юрій Өедоровичъ Самаринъ родился въ 1819 г. въ родовитой и богатой дворянской семьѣ. Отецъ его Өедоръ Васильевичъ въ молодости служилъ при Дворѣ, а затѣмъ жилъ на покоѣ въ Москвѣ въ званіи шталмейстера Высочайшаго двора; мать его, урожденная Нелединская-Мелецкая [1]), до замужества была одной изъ любимыхъ фрейлинъ императрицы Маріи Өеодоровны. Поэтому и у новорожденнаго Юрія Өедоровича—первенца въ этой семьѣ—воспріемниками при крещеніи были императоръ Александръ Павловичъ и императрица Марія Өеодоровна. До поступленія своего въ университетъ Ю. Ө. воспитывался дома и главнымъ воспитателемъ его былъ французъ С. И. Пако, котораго Ө. В. Самаринъ, будучи во Франціи, пригласилъ къ себѣ въ домъ для воспитанія дѣтей. Это былъ человѣкъ образованный [2]), съ которымъ Ю. Ө. впослѣдствіи велъ дружескую переписку и которому онъ сообщалъ свои первые литературные планы и замыслы. Въ университетъ Ю. Ө. вступилъ чрезвычайно рано и кончилъ въ немъ четырехлѣтній курсъ по филологическому факультету девятнадцатилѣтнимъ юношей въ 1838 году. Его мысли заняты были тогда литературными и научными планами и онъ сблизился съ кружкомъ молодыхъ литераторовъ, группировавшихся около журнала „Московскій Наблюдатель“, фактическимъ редакторомъ котораго былъ Бѣлинскій. Это былъ извѣстный кружокъ Станкевича, еще не распавшійся на западниковъ и славянофиловъ [3]). Въ кружкѣ этомъ кромѣ Бѣлинскаго вращались и мирно уживались тогда Михаилъ Бакунинъ, Василій

---

[1]) Ея отецъ, слѣдовательно, дѣдъ Юрія Өедоровича, былъ извѣстный писатель Ө. А. Нелединскій-Мелецкій.

[2]) Впослѣдствіи онъ былъ лекторомъ московскаго университета.

[3]) Тогда еще и терминовъ этихъ не существовало.

Боткинъ, Катковъ, Константинъ Аксаковъ, Кудрявцевъ, Клюшниковъ и др. Самъ Н. В. Станкевичъ былъ въ это время уже за границей [1]). Изъ членовъ этого кружка молодой Самаринъ сблизился болѣе всего съ Константиномъ Аксаковымъ. Аксаковъ былъ старше его на два года и обладалъ уже въ то время болѣе сложившимися убѣжденіями, заключавшими въ себѣ основныя черты позднѣйшаго славянофильскаго міросозерцанія. Юрій Ѳедоровичъ вскорѣ подчинился вліянію своего молодого друга и они вдвоемъ составили въ средѣ тогдашней московской интеллигенціи, ютившейся въ немногихъ гостепріимныхъ салонахъ—у Елагиной, Павловыхъ, Свербеевыхъ, самостоятельную группу, не сливавшуюся нѣкоторое время со старшими представителями славянофильской школы—Кирѣевскими и Хомяковымъ. Отъ Хомякова они отличались тѣмъ, что вмѣстѣ съ прочими членами кружка Станкевича восприняли философію Гегеля, къ которой Хомяковъ отнесся критически и отрицательно. Въ 1840 г. въ письмѣ къ члену французской палаты депутатовъ Могену (Mauguin), побывавшему передъ тѣмъ въ Москвѣ, Ю. Ѳ. Самаринъ излагалъ (въ дополненіе къ разговорамъ, происходившимъ въ Москвѣ) „свое мнѣніе о трехъ періодахъ (исключительной національности, подражанія и разумной народности) и о двухъ началахъ нашей народности—православіи и самодержавіи". Сближеніе Самарина съ Хомяковымъ произошло нѣсколько позднѣе на почвѣ богословскихъ споровъ и интересовъ, возбужденныхъ диссертаціей, надъ которой сталъ въ это время работать Ю. Ѳ. Самаринъ, на тему, „заданную" ему университетомъ: „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ". Аксаковъ и Самаринъ дѣятельно посѣщали въ 1840 г. литературные вечера Свербеевыхъ и Павловыхъ, гдѣ встрѣчались съ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Чаадаевымъ, М. Ѳ. Орловымъ, Крюковымъ, Грановскимъ, Шевыревымъ, Рѣдкинымъ, Н. Ф. Павловымъ, А. Н. Поповымъ и другими. Здѣсь Самаринъ впервые пробовалъ свои силы въ литературныхъ и философскихъ спорахъ. Въ одной запискѣ онъ съ юношескимъ восторгомъ сообщаетъ Аксакову, что ему, смиренному Давиду, удалось повалить грознаго Голіафа—Орлова! Къ изученію Гегеля Самаринъ приступилъ не сразу; но когда овладѣлъ имъ, то у него явилось стремленіе обосновать и будущее развитіе Россіи, и развитіе православной церкви при помощи Гегелевой философіи. Въ декабрѣ

[1]) Грановскій, сблизившійся съ Станкевичемъ за границей, тогда еще не принадлежалъ къ этому кружку; Герценъ находился еще въ ссылкѣ во Владимірѣ.

1842 г. онъ писалъ А. Н. Попову: „Дѣло настоящаго времени есть дѣло науки. Вы знаете, что подъ наукою я разумѣю философію, а подъ философіею—Гегеля. Только принявъ эту науку отъ Германіи, безсильной удержать ее [оттого, что эта наука выразила требованіе такой жизни, какой не можетъ явить Западная Европа (?!)], только этимъ путемъ совершится примиреніе сознанія и жизни, которое будетъ торжествомъ Россіи надъ Западомъ"... „Изученіе православія—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ—конечно, ограничившееся однимъ моментомъ—проявленіемъ въ немъ двухъ односторонностей, католической и протестантской [1]), привело меня къ результату, что православіе явится тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть, и восторжествуетъ только тогда, когда его оправдаетъ наука, что вопросъ о церкви зависитъ отъ вопроса философскаго и что участь церкви тѣсно, неразрывно связана съ участью Гегеля"... Вопросъ объ отношеніи религіи къ философіи всецѣло овладѣваетъ въ это время Самаринымъ. Къ этому времени относится дѣятельный обмѣнъ мыслями между нимъ и Хомяковымъ, приведшій Самарина въ концѣ концовъ къ полному воспріятію ученія Хомякова, не признававшаго подчиненія религіи философіи. Но, прежде чѣмъ остановиться окончательно на православномъ взглядѣ Хомякова, Самаринъ пережилъ тяжелую борьбу съ самимъ собой. Для Самарина внутренняя борьба кончилась побѣдой православія, при которомъ онъ и остался на всю жизнь. Въ это же время въ немъ окончательно сложились и окрѣпли тѣ славянофильскія воззрѣнія на исторію Россіи и ея отношенія къ западному міру, которыя вскорѣ сдѣлались причиной распаденія на два враждебныхъ лагеря членовъ кружка Станкевича, а затѣмъ и всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи сороковыхъ годовъ.

Диссертація, работа надъ которой имѣла такія важныя послѣдствія для сформированія міровоззрѣнія Самарина, была имъ окончена въ 1843 году. Она состояла изъ трехъ частей: С. Яворскій и Ѳ. Прокоповичъ 1) какъ богословы, 2) какъ сановники церкви, 3) какъ проповѣдники. Только послѣдняя часть была принята факультетомъ и разрѣшена къ печати. Двѣ первыя увидѣли свѣтъ лишь послѣ смерти Самарина, въ 1880 г., въ т. V его сочиненій, изданныхъ братомъ его Д. Ѳ. Самаринымъ. Диспутъ Самарина прошелъ съ большимъ блескомъ, несмотря на враждебное отношеніе нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ, и диспутантъ произвелъ чарующее впечатлѣніе не только на своихъ друзей и приверженцевъ,

[1]) Тутъ подразумѣваются представители этихъ теченій: католическаго—Стефанъ Яворскій и протестантскаго—Ѳеофанъ Прокоповичъ.

но даже на такого мыслителя противоположнаго лагеря, какъ П. Я. Чаадаевъ. Грустное впечатлѣніе онъ произвелъ лишь на Герцена, чрезвычайно высоко цѣнившаго Самарина и не того отъ него ожидавшаго. Несогласіе во взглядахъ вскорѣ заставило ихъ разойтись совершенно, хотя и съ сохраненіемъ полнаго взаимнаго уваженія.

Послѣ защиты диссертаціи Самарину хотѣлось сдѣлаться профессоромъ, но, уступая желанію отца, онъ поступилъ на службу, сперва въ одинъ изъ петербургскихъ департаментовъ Сената; потомъ черезъ годъ онъ перевелся оттуда въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь ему посчастливилось въ то глухое во всѣхъ отношеніяхъ время пристроиться къ живому и интересному дѣлу. Вслѣдствіе возникшаго въ сороковыхъ годахъ движенія среди остзейскихъ латышей противъ остзейскихъ бароновъ, выразившагося частью въ обыкновенныхъ крестьянскихъ волненіяхъ, частью въ неожиданномъ стремленіи латышей перейти изъ лютеранства въ православіе, въ Петербургѣ образованъ былъ въ 1845 г. остзейскій комитетъ, къ которому и былъ прикомандированъ молодой Самаринъ. Дѣятельность этого комитета не ограничилась одними канцелярскими занятіями и Юрію Өедоровичу послѣ теоретическаго ознакомленія по петербургскимъ архивамъ съ положеніемъ дѣлъ въ Лифляндіи пришлось отправиться въ Ригу, въ числѣ другихъ чиновниковъ. Здѣсь ему предстояло близко ознакомиться съ положеніемъ крестьянскаго дѣла, съ отношеніями мѣстныхъ сословій, съ исторіей общественнаго управленія г. Риги и съ движеніемъ латышей изъ протестантства въ православіе. Для будущей его дѣятельности особую важность имѣло, конечно, первое.

„Лифляндскій комитетъ—по справедливому замѣчанію Д. Ө. Самарина—былъ приготовительною школою для дальнѣйшей дѣятельности Юрія Өедоровича по крестьянскому вопросу въ Россіи“... „Онъ ознакомился съ ложными путями его рѣшенія и съ тѣми пагубными послѣдствіями, къ которымъ они приводятъ“. Онъ увидалъ здѣсь впервые съ полною ясностью, какое значеніе можетъ имѣть освобожденіе крестьянъ безъ земли, и здѣсь же ознакомился съ перипетіями той страстной борьбы, въ которой помѣстное сословіе отстаиваетъ свои привилегіи и классовые интересы противъ поборниковъ освобожденія и надѣленія крестьянъ землей. „Въ живомъ явленіи, въ лицахъ, въ особенности въ лицѣ Фелькерзама (одного изъ благороднѣйшихъ участниковъ этой борьбы въ Лифляндіи) представилась ему возможность не только содѣйствовать рѣшенію этого вопроса, но и принять непосредственное участіе въ его рѣшеніи

(въ Россіи), не состоя на службѣ государственной, къ которой онъ не чувствовалъ призванія..."[1]). Ходъ крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи оставилъ въ душѣ молодого Самарина неизгладимое впечатлѣніе навсегда. За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ возвратился къ его изученію и оставилъ намъ въ 6-й части „Окраинъ Россіи" живое описаніе этой поучительной борьбы, дѣятели которой изображены имъ не менѣе ярко, нежели и самые ея результаты. Наряду съ крестьянскимъ вопросомъ Самарину пришлось подробно изучить въ Ригѣ исторію и современное ему положеніе тамошняго городского устройства, построеннаго на отжившихъ средневѣковыхъ привилегіяхъ, выгодныхъ лишь для патриціевъ этого города. Собственно съ этой цѣлью и была командирована въ Ригу особая ревизіонная комиссія, при которой Самарину пришлось работать въ теченіе почти 3 лѣтъ. Здѣсь дѣло также обошлось не безъ борьбы, такъ какъ вліятельные рижане съ азартомъ отстаивали свои привилегіи и въ концѣ концовъ ихъ отстояли. Самаринъ, раздраженный препятствіями и столкновеніями, уязвляемый постоянно въ своемъ національномъ самолюбіи, — особенно въ концѣ своего пребыванія въ Ригѣ, когда генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ губерній сдѣлался кн. Суворовъ — покровитель остзейскихъ бароновъ и привилегій, въ то же время испыталъ и въ Москвѣ нападки за свою дѣятельность даже отъ ближайшихъ друзей своихъ. Задѣтый за живое, онъ написалъ тогда же рядъ замѣчательныхъ памфлетовъ объ остзейскихъ провинціяхъ въ формѣ писемъ[2]) къ друзьямъ, которыя не были, разумѣется, тогда напечатаны, но распространялись самимъ авторомъ и его друзьями въ высшемъ образованномъ обществѣ обѣихъ сто-

---

[1]) Тутъ Ю. Ѳ. пришлось ознакомиться съ результатами борьбы и трудовъ цѣлаго ряда весьма замѣчательныхъ дѣятелей, какъ докторъ *Меркель*, поднявшій впервые вопросъ о злоупотребленіяхъ бароновъ въ литературѣ, какъ ландратъ *Сиверсъ* (его не слѣдуетъ смѣшивать съ екатерининскимъ вельможей графомъ Я. Е. Сиверсомъ), вынесшій на своихъ плечахъ всю крестьянскую реформу въ 1804 г. и цѣной неоднократныхъ непріятностей спасавшій въ трудные моменты насущные интересы крестьянъ и батраковъ, какъ Шульцъ-фонъ-Ашенраденъ, котораго бароны однажды чуть не выбросили изъ окна, и др. Подъ вліяніемъ ознакомленія съ дѣятельностью Фелькерзама онъ писалъ еще изъ Петербурга въ 1846 г. К. С. Аксакову: „Всѣ важные вопросы, которые занимаютъ и будутъ впослѣдствіи занимать правительство, разрѣшены будутъ не людьми служащими, не чиновниками, а частными людьми, знакомыми съ тѣми сферами жизни, съ которыми связываетъ ихъ свободное сочувствіе или интересы, т. е. учеными, купцами, помѣщиками и проч. Такъ, между прочимъ, рѣшенъ былъ въ моихъ глазахъ важный вопросъ о правѣ на землю лифляндскихъ крестьянъ не соединенными силами двухъ министерствъ, а 30-лѣтнимъ помѣщикомъ, никогда не служившимъ" (См. сочиненія, VII, стр. XXVI).

[2]) Сочиненія, т. VII, стр. 1—160.

лицъ. Письма эти, по своему содержанію являвшіяся настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ привилегированныхъ сословій остзейскихъ губерній, а также и противъ тогдашняго генералъ-губернатора, и обличавшія въ то же время слабость и непослѣдовательность правительства, вызвали жалобу кн. Суворова и навлекли на Самарина гнѣвъ императора Николая, который посадилъ его на нѣсколько дней въ крѣпость, но затѣмъ призвалъ къ себѣ и отпустилъ послѣ строгой, но милостиво окончившейся головомойки съ миромъ домой, т. е. въ Москву. Кромѣ „Писемъ изъ Риги", напечатанныхъ теперь въ VII т. сочиненій Самарина и являющихся безспорно яркимъ и сильнымъ публицистическимъ произведеніемъ, Самаринъ за время своего пребыванія въ Ригѣ написалъ еще „Исторію города Риги", напечатанную было по распоряженію министра вн. дѣлъ Л. А. Перовскаго, но не выпущенную въ свѣтъ [1]). Въ то же время онъ находилъ, несмотря на усиленныя занятія, возможность участвовать въ литературныхъ предпріятіяхъ славянофиловъ и въ 1847 г. помѣстилъ въ „Москвитянинѣ" извѣстную статью „О мнѣніяхъ Современника литературныхъ и историческихъ", въ которой обвинялъ новый журналъ, редактировавшійся Бѣлинскимъ, въ отсутствіи единства въ направленіи, въ односторонности и тѣснотѣ образа мыслей и въ искаженіи образа мыслей противниковъ. Свои положенія онъ доказывалъ критикой 3-хъ статей: Кавелина „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи", Никитенка „О современномъ направленіи русской литературы" и Бѣлинскаго „Взглядъ на русскую литературу 1846 г.". Особенно нападалъ Самаринъ на Бѣлинскаго и на пропагандируемую имъ натуральную школу. Мысли, высказанныя объ этомъ Самаринымъ, были впослѣдствіи опровергнуты блестящимъ развитіемъ этой школы; наоборотъ, сужденія его о статьѣ Кавелина, основанныя на самостоятельномъ изученіи источниковъ русской исторіи, равно какъ и сужденія, высказанныя имъ позднѣе (въ 1856—1857 гг.) по поводу изслѣдованій Чичерина и Соловьева, свидѣтельствуютъ, при всей предвзятости нѣкоторыхъ его взглядовъ, о серьезномъ и вполнѣ самостоятельномъ изученіи источниковъ.

Императоръ Николай послѣ исторіи съ „Рижскими письмами" хотѣлъ назначить Самарина на службу въ Москву; но противъ этого возсталъ гр. Закревскій, не терпѣвшій славянофиловъ. Поэтому Самарину пришлось отправиться на службу въ Симбирскъ, откуда

---

[1]) Сочиненія, т. VII, стр. 161—538.

однако онъ вскорѣ былъ переведенъ неожиданно для самого себя въ Кіевъ (вслѣдствіе доноса о вредномъ вліяніи его на симбирское общество (!) [1]). Въ Кіевѣ, гдѣ въ это время вводилъ инвентари въ помѣщичьихъ имѣніяхъ энергичный генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ, Самаринъ вновь встрѣтился съ крестьянскимъ дѣломъ, къ которому онъ отнесся и здѣсь съ такимъ же интересомъ, какъ и въ остзейскомъ комитетѣ. Здѣсь онъ пополнилъ свое знакомство со способами рѣшенія крестьянскаго вопроса и отсюда уже вышелъ вполнѣ подготовленнымъ дѣятелемъ крестьянскаго дѣла, къ которому онъ стремился всей душой... [2]) Въ Кіевѣ онъ принялся, кромѣ изученія системы инвентарей, за исторію поселянъ въ Польшѣ. Въ частые наѣзды свои въ Москву, въ разговорахъ и письмахъ къ роднымъ и друзьямъ Самаринъ постоянно старался возбудить и поддержать интересъ къ крестьянскому вопросу. Таковы его письма къ отцу—по поводу указа, разрѣшавшаго крестьянамъ пріобрѣтать на свое имя собственность, къ Хомякову, бесѣды съ братьями (въ то время, впрочемъ, не достигавшія цѣли) [3]), сношенія съ Кошелевымъ, дѣятельно занимавшимся тогда крестьянскимъ вопросомъ (1846—1849). Ближе посвятить себя крестьянскому вопросу въ Россіи Юрію Θедоровичу удалось лишь въ 1853 г., когда онъ получилъ наконецъ возможность оставить службу и взялся за управленіе имѣніями своего отца въ Самарской и Симбирской губерніяхъ. Здѣсь онъ въ томъ же году приступилъ къ составленію записки о мѣрахъ къ постепенному упраздненію крѣпостного состоянія. Эту записку онъ читалъ своимъ друзьямъ лѣтомъ 1854 г. въ деревнѣ; но послѣ Крымской кампаніи она была совершенно имъ передѣлана и получила большое распространеніе въ 1856 г. Во время крымской войны Юрій Θедоровичъ вступилъ въ Сызранское

---

[1]) Въ Симбирскѣ Самаринъ между прочимъ собиралъ разные матеріалы по вопросу о крѣпостномъ правѣ. Въ его бумагахъ они сохранились въ особой связкѣ подъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи мертвящей силы". Ср. т. II, стр. 13, примѣч.

[2]) „Неужели—писалъ онъ еще въ 1847 г. изъ Риги А. О. Смирновой—не зачнется такого дѣла, которому бы можно было посвятить себя, зная навѣрно, что оно будетъ имѣть результаты. Я бы охотно сталъ въ самые послѣдніе, задніе ряды. Шевелится одинъ такой вопросъ: это уничтоженіе крѣпостного состоянія. Если бы дожить до этого времени!" Сочиненія, т. VII, стр. XXVII.—Отъ кіевской жизни остались въ сочиненіяхъ Самарина: „Замѣчанія объ инвентаряхъ", т. II, стр. 1—19 и написанныя имъ впослѣдствіи „Воспоминанія о Жуковскомъ" (т. I, 207—223).

[3]) Зато впослѣдствіи семья Самарина одновременно поставила трехъ членовъ отъ правительства въ губернскіе комитеты 3-хъ разныхъ губерній: Ю. Θ-ча въ Самарѣ, Дмитрія Θедоровича въ Рязани и Петра Θедоровича въ Тулѣ.

ополченіе, гдѣ получилъ въ свое завѣдываніе роту. Въ свободное время отъ ротныхъ ученій и хлопотъ по обученію ратниковъ онъ обрабатывалъ эту записку. „Не въ Вѣнѣ, не въ Парижѣ и не въ Лондонѣ, — писалъ онъ въ этой запискѣ — а только внутри Россіи завоюемъ мы снова принадлежащее намъ мѣсто въ сонмѣ европейскихъ державъ; ибо внѣшняя сила и политическое значеніе государства зависитъ не отъ родственныхъ связей съ царствующими династіями, не отъ ловкости дипломатовъ, не отъ количества серебра и золота, хранящагося подъ замкомъ въ государственной казнѣ, даже не отъ числительности арміи, но болѣе всего отъ цѣлостности и крѣпости общественнаго организма"... „Во главѣ современныхъ домашнихъ вопросовъ, которыми мы должны заняться—писалъ онъ тамъ же—сталъ, какъ угроза для будущаго и какъ препятствіе въ настоящемъ для всякаго существеннаго улучшенія въ чемъ бы то ни было,—вопросъ о крѣпостномъ состояніи" [1])... Въ свое время записка Самарина сыграла вмѣстѣ съ ходившими одновременно съ ней по рукамъ проектами Кавелина, кн. Черкасскаго, Кошелева, Позена и др. большую роль. Записка эта замѣчательна главнымъ образомъ мастерской критикой крѣпостного права, разборомъ его происхожденія, его злоупотребленій, его вліянія на крестьянъ, на общество и на политическій строй и опроверженіемъ разныхъ крѣпостническихъ предубѣжденій и предразсудковъ. Положительная часть записки—проектированныя Самаринымъ мѣры ограниченія крѣпостного права—была довольно скромна. Онъ не предвидѣлъ возможности такой быстрой развязки крѣпостного вопроса, какая наступила черезъ нѣсколько лѣтъ и въ которой онъ самъ принялъ столь выдающееся участіе. Такъ же, какъ и кн. Черкасскій, онъ полагалъ возможнымъ ограничиться лишь облегченіемъ перехода крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные и съ чрезвычайной осторожностью намѣчалъ путь *окончательнаго* исхода изъ крѣпостного состоянія. Записка его была посвящена, какъ самъ онъ оговаривался, исключительно *переходнымъ* мѣрамъ, которыя имѣли троякое назначеніе: 1) положить предѣлъ естественному развитію крѣпостного права, 2) открыть исходъ изъ него отдѣльнымъ личностямъ, поднимающимся выше уровня крѣпостного сословія, и 3) облегчить и поощрить добровольныя сдѣлки помѣщиковъ съ крестьянами о переводѣ послѣднихъ въ разряды свободныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ. Онъ допускалъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ возмож-

---

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 19.

ность назначить отъ правительства „послѣдній срокъ“ заключенія такихъ сдѣлокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учредить на мѣстахъ комиссіи, которыя могли бы изучить положеніе всѣхъ помѣщичьихъ имѣній и произвести оцѣнку отбываемыхъ крестьянами повинностей при помощи той или иной кредитной операціи, обсуждать основанія котораго Самаринъ признавалъ также *преждевременнымъ*. По выплатѣ помѣщикамъ полнаго вознагражденія, крестьяне *со всей состоящей въ ихъ пользованіи землей* освобождались бы отъ всякой зависимости отъ прежнихъ вотчинниковъ и отвѣчали бы лишь передъ правительствомъ за долгъ, лежащій на ихъ земляхъ. Наконецъ, по выплатѣ долга казнѣ, они вступали бы въ разрядъ полныхъ собственниковъ.

Въ этой запискѣ проходятъ красной нитью двѣ важныя идеи: 1) освобожденіе крестьянъ не иначе, какъ съ землей, и 2) сохраненіе въ неприкосновенности и въ независимости отъ внѣшнихъ властей внутренняго общиннаго распорядка крестьянскаго міра [1]. При всей скромности намѣченныхъ Самаринымъ мѣръ записка эта имѣла огромную важность, подготовляя общественное мнѣніе къ реформѣ, которая осуществилась быстрѣе и радикальнѣе, нежели самъ авторъ записки могъ разсчитывать.

Въ августѣ 1856 г. во время коронаціи въ Москвѣ Самаринъ подалъ особую записку вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, о необходимости допустить нѣкоторую гласность въ обсужденіи крестьянскаго вопроса, хотя бы въ особыхъ комиссіяхъ при вольно-экономическомъ и Московскомъ сельскохозяйственномъ обществахъ. Въ этой запискѣ онъ представилъ любопытную характеристику состоянія умовъ дворянскаго сословія въ то время. Въ 1857 г., когда великій князь Константинъ Николаевичъ вступаетъ въ число членовъ секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу, само правительство обращается къ Юрію Ѳедоровичу, какъ къ авторитетному знатоку крестьянскаго дѣла. Въ августѣ 1857 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и здѣсь представилъ правительству четыре записки по поводу постановленій секретнаго комитета [2].

Крестьянскій комитетъ въ это время только что пришелъ въ засѣданіи 18 августа 1857 г. къ нѣкоторымъ рѣшеніямъ, отодвигавшимъ, впрочемъ, окончательное разрѣшеніе вопроса въ долгій ящикъ и направленнымъ къ тому, чтобы облегчить заключеніе всякихъ добровольныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами.

---

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 17—136.
[2]) Сочиненія, т. II, стр. 144—190.

Мы видѣли уже, что осторожность и постепенность дѣйствій въ рѣшеніи вопроса рекомендовалъ и самъ Юрій Ѳедоровичъ; но теперь его смутило то обстоятельство, что въ главномъ комитетѣ все болѣе завоевывала себѣ права гражданства мысль освободить крестьянъ, надѣливъ ихъ однѣми только усадьбами и предоставивъ вопросъ о пользованіи пахотными и луговыми землями добровольнымъ соглашеніямъ между ними и помѣщиками. Эту мысль въ началѣ усвоилъ себѣ повидимому и в. кн. Константинъ Николаевичъ. Поэтому въ четырехъ запискахъ, представленныхъ Ю. Ѳ. Самаринымъ, онъ старался болѣе всего выяснить и доказать *исторически* сложившееся *право* крестьянъ на землю и *практическую необходимость* оставить въ ихъ владѣніи всю ту землю, которою они пользовались. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ преимущества общиннаго землевладѣнія. На в. кн. Константина Николаевича записки его имѣли несомнѣнно самое благотворное дѣйствіе.

Секретный комитетъ, желая заняться прежде всего выясненіемъ тѣхъ мѣръ, которыя могли быть приняты къ облегченію крѣпостного права въ подготовительный періодъ, предложилъ тогда на разрѣшеніе своихъ членовъ 14 вопросовъ объ этихъ мѣрахъ. Списокъ этихъ вопросовъ по распоряженію в. кн. Константина Николаевича былъ доставленъ и къ Самарину въ сентябрѣ 1857 г. Въ отвѣтъ на эти вопросы Самаринъ представилъ особую записку о мѣрахъ для смягченія крѣпостного состоянія [1]). Во всѣхъ перечисленныхъ запискахъ Ю. Ѳ. въ сущности недалеко отошелъ отъ тѣхъ идей и соображеній, которыя положены имъ въ основаніе первой его записки въ 1856 г. *Осторожность* въ развитіи этого вопроса и *консерватизмъ*, свойственный общему міровоззрѣнію Самарина, сказались въ этомъ случаѣ въ рѣшительности, съ которой онъ отстаивалъ тогда необходимость предоставленія помѣщикамъ права въ теченіе всего подготовительнаго періода,—который по соображеніямъ комитета могъ продолжиться очень долго,—не только наказывать крестьянъ розгами, но и сдавать виновныхъ, въ случаяхъ болѣе важныхъ, въ рекруты и представлять ихъ въ распоряженіе правительства, т. е. ссылать на поселеніе въ Сибирь. Вотъ его собственныя соображенія по этому предмету: „Вообще, не надобно обманывать себя надеждою, будто можно, не упраздняя крѣпостного права, *окончательно* очистить его отъ всего, чѣмъ оскорбляется чувство „справедливости“.

[1]) Сочиненія, II, 401—432.

„Это право основано на принужденіи и безъ сильныхъ принудительныхъ средствъ обойтись не можетъ. Желательно, чтобы правительство какъ можно скорѣе упразднило его безусловно и водворило на его мѣсто правомѣрный порядокъ; но нѣтъ надобности колебать его: оно и такъ уже шатается. Мало сказать, что предлагаемая мѣра могла бы ослабить помѣщичью власть: она подорвала бы ее мгновенно. Право, тѣмъ или другимъ способомъ, на свой счетъ удалять неисправимыхъ людей существенно необходимо не въ однихъ только имѣніяхъ, управляемыхъ на неограниченномъ крѣпостномъ правѣ; даже тамъ, гдѣ отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ установятся въ формѣ добровольныхъ сдѣлокъ, нельзя не допустить его (разумѣется, не иначе, какъ съ согласія крестьянъ) по крайней мѣрѣ въ теченіе подготовительнаго періода или пока правительство не учредитъ мірского управленія и сельскихъ судебно-полицейскихъ инстанцій“ [1]).

Еще страннѣе читать въ запискѣ Самарина мнѣніе, основанное на подобныхъ же соображеніяхъ, о невозможности предоставить крестьянамъ во время подготовительнаго періода *права жалобы* [2]). Осторожность и консерватизмъ Самарина въ это время проявились и въ его отношеніи къ проекту, составленному его пріятелемъ и единомышленникомъ А. И. Кошелевымъ, который требовалъ полнаго освобожденія крестьянъ съ надѣломъ, выкупаемымъ при содѣйствіи правительства, въ 12-ти-лѣтній срокъ. Когда Кошелевъ прочелъ свой проектъ Самарину и кн. Черкасскому, то Юрій Ѳедоровичъ пришелъ въ ужасъ отъ *радикальности* предложенныхъ Кошелевымъ мѣръ и сказалъ: „Нѣтъ! не посылайте этихъ записокъ; онѣ перепугаютъ въ Петербургѣ и заставятъ идти назадъ“. Кн. Черкасскій, который въ составленной имъ запискѣ показалъ себя столь же умѣреннымъ, какъ и Самаринъ, сказалъ однако же: „Нѣтъ! отправьте ихъ непремѣнно, хотя ваши записки дѣйствительно радикальны; но не бѣда—изъ большого можно убавить и все-таки останется довольно. Петербургъ надо обстрѣливать“. Кошелевъ прибавляетъ, что его записки были признаны самыми радикальными и въ Петербургѣ, однако же здѣсь его радикализмъ вскорѣ былъ превзойденъ и его самого чуть-чуть не записали въ отсталые [3]). Этотъ консерватизмъ Юрія Ѳедоровича не имѣлъ, ра-

---

[1]) Сочиненія, II, 417 (курсивъ вездѣ принадлежитъ Самарину).
[2]) Тамъ же 420.
[3]) „Записки Александра Ивановича Кошелева“. Берлинъ, 1884 г. стр. 93.

зумѣется, ничего общаго съ крѣпостническими тенденціями и не мѣшалъ ему искренно и страстно желать полнаго освобожденія крестьянъ. Ему казалось только, что дѣло будетъ *прочно*, если пойдетъ постепенно и начнется съ укрѣпленія за крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ и огражденія ихъ благосостоянія отъ помѣщичьяго произвола. Несчастный ходъ крестьянскаго дѣла въ Лифляндіи, подкрѣпляемый изученіемъ положенія крестьянъ въ Польшѣ и исторіи освобожденія крестьянъ въ Пруссіи, произвелъ неизгладимое вліяніе на взгляды Ю. Ѳ. на крестьянское дѣло. Для него главное дѣло заключалось въ прочности обезпеченія крестьянъ землей и въ сохраненіи общиннаго мірского землевладѣнія и распорядка въ деревнѣ. Вопросы личной неприкосновенности крестьянъ и охраны ихъ личныхъ правъ казались ему менѣе важными. Притомъ онъ совершенно не предугадывалъ возможность такого быстраго исхода крестьянскаго вопроса, какой совершился въ ближайшее затѣмъ время.

Съ радостнымъ изумленіемъ и съ восторгомъ принялъ Ю. Ѳ. вѣсть о рескриптѣ 20 ноября 1857 г., который неожиданно для всѣхъ выводилъ дѣло на вѣрный и прямой путь и самому Самарину и его ближайшимъ друзьямъ и единомышленникамъ давалъ возможность принять прямое и непосредственное участіе въ рѣшеніи этого огромнаго вопроса [1]). Вскорѣ онъ принялъ назначеніе членомъ отъ правительства въ Самарскій губернскій комитетъ и, явившись сюда во всеоружіи знанія, быстро завоевалъ себѣ здѣсь преобладающее значеніе, несмотря на то, что значительное большинство членовъ не только было противъ него, но относилось къ нему чрезвычайно враждебно именно за его энергичную и блестящую защиту крестьянскихъ интересовъ. Первую половину 1858 года Самаринъ употребилъ преимущественно на литературную разработку крестьянскаго вопроса, знакомя русскую публику съ исторіей разрѣшенія его на Западѣ [2]), отстаивая въ печати необходимость и

[1]) При этомъ слѣдуетъ отмѣтить характерный для Ю. Ѳ. отказъ участвовать въ знаменитомъ банкетѣ, устроенномъ въ Москвѣ Кавелинымъ, Катковымъ и Погодинымъ по поводу рескрипта 20 ноября. Не любившій всего, что имѣло характеръ манифестаціи, Юрій Ѳедоровичъ не только самъ отказался участвовать въ немъ, но и отговорилъ отъ участія въ немъ и друзей своихъ Аксакова и Кошелева, представляя имъ, что имъ необходимо поберечь себя для настоящаго дѣла, т. е. для участія въ комитетахъ. (Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина", т. XV, стр. 474).

[2]) „Упраздненіе крѣпостного права и устройство отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Пруссіи" 5 статей, напечатанныхъ въ „Сельск. благоустр." за 1858 г. (Сочиненія, т. II, стр. 191—400).

правомѣрность надѣленія крестьянъ землей съ сохраненіемъ размѣра ихъ прежнихъ надѣловъ и выясняя сущность и значеніе общиннаго землевладѣнія [1]) и неизбѣжность переходнаго (срочно-обязаннаго) состоянія [2]). Въ то же время правительство продолжало присылать ему на заключеніе различныя предположенія. Такъ, ему былъ присланъ проектъ программы занятій губернскихъ комитетовъ, составленный министерствомъ вн. дѣлъ, но не получившій впослѣдствіи одобренія [3]).

Самарскій комитетъ открылся 25 сентября 1858 года. Юрій Өедоровичъ явился туда съ готовой программой и съ совершенно опредѣленнымъ планомъ дѣйствій. Хотя враждебное ему большинство съ самаго начала не могло съ нимъ бороться, не имѣя въ своемъ составѣ сколько нибудь подготовленныхъ и понимающихъ дѣло работниковъ и потому принуждено было à contre coeur принимать многія изъ предложеній Самарина, однако же Самаринъ вовсе не обольщалъ себя надеждой провести свой планъ реформы безъ болѣе или менѣе существенныхъ урѣзокъ и измѣненій; а потому онъ рѣшилъ съ самаго начала, не отказываясь отъ самаго энергичнаго отстаиванія различныхъ частей своей программы и склоненія къ принятію ея членовъ большинства, въ то же время составить *свой особый проектъ* и настоять, чтобы онъ былъ отправленъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ проектомъ большинства, какъ особое мнѣніе его одного или солидарнаго съ нимъ меньшинства. При этомъ онъ особенно дорожилъ цѣлостью своего проекта, предпочитая лучше рисковать отпаденіемъ части своихъ единомышленниковъ, нежели сдѣлать въ этомъ проектѣ какія либо измѣненія и уступки, несогласныя съ его убѣжденіями. Онъ предвидѣлъ и не ошибся, что въ Петербургѣ будутъ болѣе обращать вниманія на послѣдовательность и доказательность содержанія самаго проекта, нежели на число стоящихъ подъ нимъ подписей. Подъ его проектомъ кромѣ него подписались лишь два единомышленника, но зато въ немъ во всей чистотѣ сохраненъ былъ строго обдуманный и послѣдовательно проведенный планъ реформы. Въ приложенномъ къ нему „*Обзорѣ основаній*“ точка зрѣнія на крестьянскую реформу, выработанная Юріемъ Өедоровичемъ, изложена съ замѣчательной ясностью.

„Улучшеніе быта крѣпостного сословія, въ предѣлахъ, очерчен-

[1]) Сочиненія, т. III, стр. 3—19 и 76—173 (Статьи объ общ. землевладѣніи).
[2]) Тамъ же, стр. 19—56.
[3]) Тамъ же, т. III, стр. 56—72.

ныхъ Высочайшимъ рескриптомъ и дополнительными къ нему циркулярами министра внутр. дѣлъ, обнимаетъ три предмета:

Дарованіе личныхъ правъ.

Обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія и

Устройство обществъ.

Тѣсная взаимная связь этихъ вопросовъ очевидна, но относительная ихъ важность не одинакова.

Цѣлое сословіе, надежно обезпеченное въ средствахъ къ жизни, при постепенномъ подъемѣ его матеріальнаго благосостоянія, не можетъ долго оставаться въ зависимомъ положеніи и не занять подобающаго ему мѣста въ обществѣ; наоборотъ, личная свобода и образцовое устройство общественнаго управленія далеко еще не обезпечиваютъ даже насущнаго хлѣба“.

Меньшинство Самарскаго комитета было увѣрено, что личныя и общественныя права легко пріобрѣтутся крестьянами, разъ они будутъ обезпечены землей [1]). „Допустивши, съ цѣлью облегчить и ускорить личное увольненіе, слишкомъ скудный надѣлъ землею, и затѣмъ признавъ торжественно право полной и неограниченной собственности вотчинниковъ на всю остальную землю, правительство, если бы оно и усмотрѣло впослѣдствіи сдѣланную имъ ошибку, не рѣшилось бы приступить къ новому передѣлу“.

„Поэтому—сказано въ „Обзорѣ“ — сознавая вполнѣ внутреннее соотношеніе и необходимость единовременнаго разрѣшенія всѣхъ трехъ выставленныхъ въ началѣ этой записки задачъ, нельзя однако же не выдѣлить изъ ряда ихъ второй, какъ самой важной по существу своему, и въ то же время самой трудной“ [2]).

Въ этомъ-то, главномъ, пунктѣ своей программы Самаринъ и разошелся съ большинствомъ комитета. Подробно изучивъ *по подлиннымъ описаніямъ помѣщичьихъ имѣній*—потому что *своды* ихъ были составлены невѣрно [3])—дѣйствительный размѣръ крестьянскаго землепользованія во всѣхъ уѣздахъ Самарской губерніи, Ю. Ѳ. выработалъ цифры нормальныхъ надѣловъ для разныхъ мѣстностей губерніи. Въ виду невѣрности свѣдѣній въ описаніяхъ имѣній, эти цифры впослѣдствіи въ редакціонныхъ коммиссіяхъ пришлось еще увеличить, а между тѣмъ члены большинства не согласились и на нихъ.

Подъ вліяніемъ Ю. Ѳ. какъ меньшинство, такъ и большинство

---

[1]) Теперь мы знаемъ, какъ сильно они ошибались.

[2]) Сочиненія, III, 439, 440.

[3]) Какой это былъ каторжный трудъ, видно изъ письма Ю. Ѳ. къ кн. Черкасскому (см. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, изд. кн. О. Трубецкой, т. I, стр. 309, 310).

комитета съ большою подробностью и тщательностью разработали главу объ устройствѣ сельскихъ обществъ, основанную на принципахъ общиннаго мірского землевладѣнія и распорядка.

Совершенно отрицая въ губернскомъ комитетѣ необходимость удержанія вотчинной власти даже и на время срочно-обязаннаго періода, Самаринъ счелъ однако необходимымъ тѣмъ болѣе усилить власть міра и его органовъ надъ личностью отдѣльныхъ крестьянъ и допустилъ здѣсь примѣненіе тѣлеснаго наказанія, которое онъ защищалъ и впослѣдствіи въ редакціонныхъ комиссіяхъ.

Презрѣніе его въ этомъ отношеніи къ „либеральнымъ“ теоріямъ составляетъ темную сторону его блестящей и свѣтлой дѣятельности того времени; настойчивая защита имъ тѣлесныхъ наказаній тѣмъ болѣе удивительна, что сохранилось свидѣтельство бывшаго начальника сызранской дружины Давыдова, что въ 1854 г., состоя ротнымъ командиромъ въ этомъ ополченіи, Самаринъ болѣе всего старался вывести изъ употребленія именно тѣлесныя наказанія [1]).

До конца также остался Ю. Ѳ. сторонникомъ необходимости переходнаго срочно-обязаннаго періода и противникомъ обязательнаго выкупа. Его аргументація опиралась и въ этомъ случаѣ на главныя усвоенныя имъ начала. Онъ полагалъ, что при немедленномъ *обязательномъ* выкупѣ придется, чтобы не обременить крестьянъ, сильно понизить повинности, а пониженіе повинностей вызывало бы и соотвѣтственное уменьшеніе надѣла. Съ другой стороны, немедленный обязательный выкупъ показался ему слишкомъ разорительнымъ для степныхъ заволжскихъ помѣщиковъ, потому что внезапное прекращеніе барщины при рѣдкости населенія въ томъ краю и неорганизованности правильнаго прихода рабочихъ изъ центральныхъ губерній естественно могло бы весьма пагубно отозваться на хозяйствахъ степныхъ помѣщиковъ. Исходя изъ этихъ соображеній, Ю. Ѳ. Самаринъ относился отрицательно къ немедленному обязательному выкупу и въ литературѣ, и въ губернскомъ комитетѣ, и въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Въ губернскомъ комитетѣ Ю. Ѳ. пришлось вынести ожесточенную борьбу, доходившую до того, что онъ принужденъ былъ изъ дому выходить вооруженный и въ сопровожденіи тѣлохранителей. Онъ и его товарищи, Рычковъ и Шишковъ, вынуждены были

---

[1]) Барсуковъ „Жизнь и труды Погодина“, т. XIV, стр. 300—310. Впослѣдствіи Самаринъ совершенно отказался отъ этого своего взгляда. Срав. письма его къ Кошелеву отъ 29 іюля 1861 г. во 2-ой части I тома „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, изд. кн. О. Трубецкой. М. 1904 г. стр. 260.

*

дать знать членамъ противной партіи, что если одинъ изъ нихъ будетъ вызванъ, то они будутъ драться послѣдовательно всѣ трое. Несмотря на это, ему удалось настоять на принятіи всѣмъ комитетомъ: 1) низкой оцѣнки усадебъ, 2) пониженія повинностей до двухъ дней въ недѣлю для мужчинъ и до одного дня для женщинъ при небольшомъ сравнительно съ другими губерніями пониженіи надѣла и 3) опредѣленія состава тягла.

Въ письмѣ отъ 13 марта 1859 г. къ А. О. Смирновой онъ писалъ между прочимъ: „... мы сдѣлали все, что можно сдѣлать безъ вознагражденія, путемъ правильныхъ законодательныхъ преобразованій, а не революціонныхъ мѣръ... Между нами будь сказано: наши потери будутъ огромны (большинство этого даже не понимаетъ); но удовлетворится ли народъ нашими пожертвованіями...?" [1])

Въ февралѣ 1859 г. Ю. Ѳ. получилъ приглашеніе по окончаніи работъ въ Самарскомъ комитетѣ прибыть въ Петербургъ въ качествѣ члена-эксперта редакціонныхъ коммиссій, которыя начали свою работу съ 4 марта. Ю. Ѳ. явился туда съ опозданіемъ, лишь 3 іюня 1859 г. Впрочемъ, безъ него успѣли только съорганизоваться, выслушать нѣсколько общихъ предложеній Ростовцева, принятыхъ безъ возраженій, и одинъ докладъ административнаго отдѣленія *объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей*. Ю. Ѳ. просилъ разрѣшенія представить нѣсколько возраженій противъ этого доклада, вводившаго чуждыя сельской общинѣ бюрократическія черты въ сельское устройство и проектировавшаго образованіе волостей. Докладъ этотъ былъ выработанъ чиновникомъ м. в. д. Гирсомъ, но при участіи кн. Черкасскаго, съ которымъ Ю. Ѳ. и пришлось поспорить въ 1-омъ же засѣданіи. Ю. Ѳ. отстаивалъ неприкосновенность поземельной общины, крестьянскаго міра, въ томъ видѣ, какъ онъ сложился самою жизнью, и возражалъ противъ образованія волостей. Ему не удалось убѣдить своихъ новыхъ товарищей, и впослѣдствіи именно этой частью своихъ работъ редакціонныя коммиссіи вызвали противъ себя ярыя нападки стариннаго друга Самарина, Константина Аксакова [2]). Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ Ю. Ѳ. работалъ въ двухъ отдѣленіяхъ—въ хозяйственномъ и административномъ. IV-ый томъ его сочиненій, въ которомъ должны быть напечатаны его труды этого времени, еще не изданъ, но работу его можно прослѣдить по „Ма-

---

[1]) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго", стр. 313.

[2]) Брошюра К. Аксакова „Замѣчаніе на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи", Лейпцигъ, 1861 г. Ср. Семенова „Освобожд. крестьянъ", т. I, стр. 505—506.

теріаламъ редакціонныхъ коммиссій", сличая ихъ съ записками Н. П. Семенова („Освоб. крест. въ царств. Александра II"). Принципы его въ редакціонныхъ коммиссіяхъ не измѣнились и коренныхъ разногласій здѣсь между нимъ и образовавшимся большинствомъ не было, такъ какъ редакціонныя коммиссіи по важнѣйшимъ вопросамъ усвоили ту же точку зрѣнія, на которой стоялъ и Самаринъ, внеся необходимыя поправки въ содержаніе рескрипта 20 ноября 1857 г., признавши необходимость освобожденія крестьянъ съ надѣломъ, близкимъ къ существовавшему въ дѣйствительности, и отказавшись отъ сохраненія вотчинной власти помѣщиковъ даже и на время срочно-обязаннаго періода.

Переутомленіе вслѣдствіе постоянныхъ занятій днемъ и ночью и пережитыхъ волненій подорвали крѣпкое здоровье Ю. Ѳ—ча. Во время занятій въ редакціонныхъ коммиссіяхъ онъ серьезно заболѣлъ и вынужденъ былъ уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ за границу, вслѣдствіе чего ему не пришлось участвовать въ спорахъ членовъ редакціонныхъ коммиссій съ депутатами губернскихъ комитетовъ 1-го призыва, подвергшими, какъ извѣстно, труды коммиссій суровой критикѣ. Наиболѣе толковые и либеральные изъ депутатовъ, особенно изъ нечерноземныхъ губерній, нападали между прочимъ и на тотъ пунктъ ихъ постановленій, который отстаивалъ Ю. Ѳ.,—на введеніе срочно-обязаннаго періода. Обязательный выкупъ, разомъ развязывавшій оба сословія и доставлявшій крайне нужныя, особенно для помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній, денежныя средства, былъ по ихъ мнѣнію ли необходимъ. Соображенія, представленныя ими, дѣйствительно едва возможно было опровергнуть. Они были отвергнуты въ виду заявленія Ростовцева, что государь признаетъ выкупъ только добровольный.

Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ перу Юрія Ѳедоровича принадлежатъ многіе изъ важнѣйшихъ докладовъ хозяйственнаго и административнаго отдѣленій. Ему же поручено было составить проектъ манифеста; но проекту его былъ предпочтенъ, какъ извѣстно, проектъ, составленный митрополитомъ Филаретомъ. По окончаніи работъ редакціонныхъ коммиссій Ю. Ѳ—чу былъ пожалованъ орденъ Владиміра 3 ст., но онъ не принялъ этой награды, возвративъ крестъ графу Панину при письмѣ, въ которомъ онъ объяснилъ, что за участіе въ общественномъ дѣлѣ не можетъ принять награды отъ правительства.

По изданіи Положенія 19 февраля Ю. Ѳ. возвратился въ Самару, гдѣ принялъ должность члена губернскаго присутствія отъ прави-

тельства. Здѣсь, при примѣненіи Положенія къ дѣлу, ему еще пришлось вынести не мало трудовъ и борьбы въ теченіе двухъ лѣтъ. Отсюда онъ былъ вызванъ въ 1863 г. Н. А. Милютинымъ въ Польшу, когда послѣднему поручено было, послѣ неудачной дѣятельности маркиза Веліопольскаго, умиротвореніе и „обновленіе" ея гражданскаго быта.

Н. А. Милютинъ, дружный съ Самаринымъ еще съ сороковыхъ годовъ, когда они вмѣстѣ занимались работами по преобразованію городового положенія—Милютинъ въ Петербургѣ, Самаринъ въ Ригѣ,—и съ которымъ онъ сдружился еще ранѣе въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, умолялъ Ю. Ѳ—ча принять участіе вмѣстѣ съ кн. Черкасскимъ въ новой возложенной на него миссіи. Вѣрный своему давнему рѣшенію, Самаринъ отказался принять какую-либо коронную должность, но помочь согласился и, пріѣхавъ въ Варшаву въ сентябрѣ 1863 г., онъ объѣхалъ съ Милютинымъ нѣкоторыя мѣстности еще не вполнѣ заселеннаго края [1]), изучилъ собранные Милютинымъ матеріалы и въ нѣсколько мѣсяцевъ составилъ съ нимъ и съ Черкасскимъ проекты указовъ о поземельномъ и общественномъ устройствѣ крестьянъ, о выкупѣ повинностей (здѣсь выкупъ принятъ былъ немедленный и обязательный) и о введеніи этихъ положеній въ дѣйствіе при помощи особыхъ проектированныхъ ими крестьянскихъ учрежденій. Эти проекты были вскорѣ разсмотрѣны въ Петербургѣ въ особой коммиссіи изъ высшихъ сановниковъ при участіи Самарина и Черкасскаго и утверждены государемъ 19 февраля 1864 г. [2]). Еще ранѣе (въ сентябрѣ 1863 г.) онъ принялъ участіе въ литературной полемикѣ по польскому вопросу мастерскою статьей, напечатанной въ Аксаковскомъ „Днѣ" подъ заглавіемъ „Современный объемъ польскаго вопроса" [3]).

Вскорѣ ему пришлось принять въ той же газетѣ дѣятельное участіе въ полемикѣ съ іезуитами. Возвращаясь къ идеямъ, давно уже оттѣсненнымъ въ его головѣ на второй планъ государственными дѣлами, въ которыхъ онъ участвовалъ, Ю. Ѳ. написалъ рядъ весьма ѣдкихъ и памфлетовъ въ формѣ писемъ къ отцу Мартынову (іезуиту), помѣщенныхъ первоначально въ газетѣ „День" за 1865 г., а затѣмъ изданныхъ отдѣльно „Русскимъ Архивомъ" въ 1866 г. [4]).

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 353: „Поѣздка по нѣкоторымъ мѣстностямъ Царства Польскаго въ октябрѣ 1863 г.".

[2]) Leroy Beaulieu, „Un homme d'etat russe". См. также мои статьи въ настоящемъ сборникѣ „Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ".

[3]) Сочиненія, т. I, стр. 325.

[4]) Сочиненія, т. VI, 1 - 326.

Усердно работая въ это же время въ только что открывшемся земствѣ, Юрій Ѳеодоровичъ не отказывался и отъ литературной дѣятельности. Не говоря уже о томъ, что тѣ общественные вопросы, надъ разработкой которыхъ онъ трудился въ земскихъ коммиссіяхъ и земскихъ собраніяхъ, онъ переносилъ по своему обыкновенію и въ печать - таковъ, напр. податной вопросъ, которому онъ посвятилъ обстоятельную статью въ „Сборникѣ Государственныхъ Знаній“ Безобразова—онъ предпринялъ въ 1867 г. два большихъ литературныхъ предпріятія: изданіе сочиненій Хомякова, для котораго онъ написалъ нѣсколько предисловій и замѣтокъ, гдѣ между прочимъ стремился доказать совмѣстимость истинныхъ принциповъ православной церкви съ идеями вѣротерпимости и религіозной свободы, и другое большое научно-публицистическое изданіе—„Окраины Россіи“, которое стало выходить отдѣльными выпусками за границей и вызвало тамъ большой шумъ и большую полемику. Цѣлью этого изданія было разоблачить истинное положеніе дѣлъ на русскихъ окраинахъ и особенно въ Остзейскомъ краѣ и опровергнуть тѣ невѣрныя представленія о русской политикѣ и администраціи, которыя распространялись въ Западной Европѣ недовольными остзейцами и другими врагами русскихъ порядковъ. Главное содержаніе „Окраинъ Россіи“ принадлежитъ самому Юрію Ѳеодоровичу, но были въ немъ и взгляды нѣкоторыхъ сочувствовавшихъ ему корреспондентовъ. Разоблаченія, напечатанныя въ этомъ изданіи, имѣютъ неодинаковое значеніе. Наряду съ разоблаченіями дѣйствительно возмутительныхъ злоупотребленій остзейскаго рыцарства по отношенію къ мѣстному крестьянству, наряду съ блестящимъ и въ высшей степени интереснымъ изложеніемъ поучительной исторіи освобожденія лифляндскихъ крестьянъ (въ шестомъ выпускѣ), въ „Окраинахъ Россіи“ есть много нападокъ па весьма естественный мѣстный патріотизмъ всего остзейскаго общества, на такія его стремленія, которыя въ глазахъ каждаго безпристрастнаго и просвѣщеннаго человѣка, непринадлежащаго къ лагерю славянофиловъ или къ другому лагерю т. н. охранителей, могутъ вызвать лишь полное сочувствіе. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ этого замѣчательнаго произведенія, но необходимо указать, что появленіе его произвело большую сенсацію не только за границей, но и въ Россіи. Но здѣсь, къ удивленію и огорченію Самарина, несмотря на несомнѣнную нелицемѣрную преданность его русскимъ государственнымъ началамъ и русскому правительству, преданность, сквозящую въ каждой строкѣ, его изданіе прежде всего

вызвало неудовольствіе правительства, объявленное Самарину въ видѣ Высочайшаго выговора, что особенно его поразило. Въ VIII томѣ его сочиненій напечатано всеподданнѣйшее письмо, посланное имъ по этому поводу государю, въ которомъ онъ въ тонѣ искренней преданности, но въ то же время съ полной независимостью сужденій и благородной прямотой высказываетъ свое оправданіе, свою политическую исповѣдь и особенно свой продуманный и сильно обоснованный взглядъ на отношенія, какія должны существовать между правительствомъ и вѣрноподданными въ самодержавномъ государствѣ. Нельзя сомнѣваться, что письмо его произвело глубокое впечатлѣніе на императора Александра II, но какая на него послѣдовала резолюція и имѣло ли оно какія-либо непосредственныя ближайшія послѣдствія, намъ неизвѣстно. Однако продолженіе предпринятаго Самаринымъ изданія послѣдовало (за границей же) только черезъ три года. Въ настоящее время „Окраины Россіи“ напечатаны въ VIII—X т.т. сочиненій Ю. Θ. Самарина. Послѣдній VI выпускъ онъ приготовилъ къ печати лишь передъ самой смертью въ 1876 г.

Эта работа, занимавшая Самарина въ послѣдніе годы жизни преимущественно, перебивалась однако же и другими научно-литературными занятіями. Такъ, въ 1872—1875 г.г. онъ велъ любопытный дружескій споръ съ К. Д. Кавелинымъ, выразившійся въ рядѣ писемъ того и другого, по поводу „Задачъ психологіи“ Кавелина, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1871 г. и сильно заинтересовавшихъ Самарина, нераздѣлявшаго многихъ основныхъ воззрѣній автора (особенно богословскихъ и философскихъ), но питавшаго къ нему и къ его труду большое уваженіе.

Ю. Θ. умеръ въ Берлинѣ въ 1876 г. почти неожиданно, послѣ ничтожной операціи, осложнившейся рожистымъ воспаленіемъ, послѣдовавшей затѣмъ гангреной и гнойной горячкой. Ему было всего 56 лѣтъ. Здоровье его, до 1859 г. чрезвычайно крѣпкое, было надорвано слишкомъ усиленными трудами въ эпоху разработки крестьянской реформы.

Дѣятельность Самарина была чрезвычайно разностороння и плодотворна; надѣленный отъ природы тонкимъ, проницательнымъ и глубокимъ умомъ, замѣчательнымъ даромъ слова, искренностью и талантомъ блестяще излагать мысли, онъ былъ бы, конечно, выдающимся лицомъ во всякое время, во всякой странѣ. У насъ же онъ жилъ въ такую эпоху, когда такіе люди, какъ онъ, были особенно нужны, и вышелъ на арену общественной дѣятельности съ такой подготовкой, которой едва ли обладалъ кто-нибудь другой изъ его современ-

никовъ. Заслуги его въ крестьянскомъ дѣлѣ выдаются особенно, причемъ замѣчательно, что, будучи сознательнымъ и глубоко убѣжденнымъ консерваторомъ, онъ дѣйствовалъ преимущественно въ духѣ либеральномъ и всю свою жизнь боролся съ затхлыми консерваторами и охранителями, терпя за независимость своего образа дѣйствій неоднократно непріятности, которыя обыкновенно составляютъ удѣлъ вовсе не консерваторовъ, а скорѣе политическихъ радикаловъ.

Впрочемъ, что касается политическихъ взглядовъ Самарина, то необходимо выяснить, что, при всей цѣльности своего міровоззрѣнія, Самаринъ въ сущности не отвергалъ *безусловно* идеаловъ своихъ политическихъ противниковъ — либераловъ; онъ только считалъ, что идеалы эти не примѣнимы были къ Россіи въ то время, когда онъ дѣйствовалъ. Онъ обрушивался съ силой не на *либеральныя* идеи, а главнымъ образомъ на *либеральничанье*, притомъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда за него прятались сторонники эксплоатаціи себѣ подобныхъ. Если взять во вниманіе дѣятельность Самарина и заслуги его, какъ участника освобожденія крестьянъ въ Россіи, какъ убѣжденнаго сторонника и поборника реформъ Александра II, какъ искренняго защитника свободы печати и вѣроисповѣданій, то память его должна быть особенно дорога именно „либераламъ“, а отнюдь не консерваторамъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Николай Ивановичъ Тургеневъ и „Союзъ благоденствія".

(Историческій очеркъ).

Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 г.г.

Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ.

